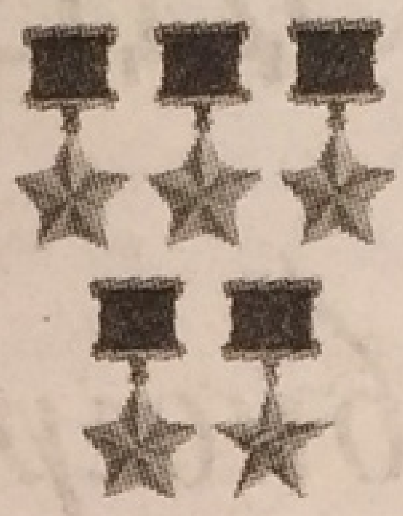
БРЕЖНЕВ

Леонид Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ



ЖИЗНЬ ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1325

(1125)

Леонид Млечин

БРЕЖНЕВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2008

УДК 323(092)(47+57)
ББК 66.3(2Рос)8
М 72

*Издательство выражает благодарность
личному фотографу Л. И. Брежнева
Владимиру Гургеновичу Мусаэльяну
за фотографии, предоставленные для
издания этой книги*

ISBN 978-5-235-03114-2

© Млечин Л. М., 2008
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

Часть первая. ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С ХРУЩЕВЫМ . . . 7
- Кто играл главную скрипку? 15
- Тайные пружины заговора 18
- Приказ начальнику личной охраны 30
- Окончательный выбор 44

Часть вторая. ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЕРШИНУ 50
- Дела семейные 50
- Герои Малой Земли 61
- В генеральских погонах на родное пепелище . . . 75
- Хозяин республики 84
- Из ЦК в ГлавПУР 93
- Личное поручение Никиты Сергеевича 101
- Второй человек в государстве 121

Часть третья. НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ МЕСТО ТОЛЬКО ДЛЯ ОДНОГО 133
- Отставки и назначения 135
- Бои местного значения в президиуме ЦК 142
- Возвращение Щербицкого 147
- Так был ли комсомольский заговор? 154
- Назначение Щелокова, или Проба сил 165
- Смена председателя КГБ 170
- Руководитель Москвы бросает вызов генсеку . . . 175
- Избавление от главного соперника 188
- «Никто на меня так не кричал» 192
- Большая рокировка в Киеве 199
- К вождю опасно обращаться на «ты» 213
- Подгорного просят покинуть президиум 218

Часть четвертая. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФРОНТ — ГЛАВНЫЙ . 226
- Старший околоточный, или Хранитель партийного огня . 226
- Кто ведет секретариат, тот и решает 249
- Счеты с Иваном Денисовичем 256
- Исправление истории 262
- А что думает ГлавПУР? 266
- Завы и замзавы. Аппаратчики и автоматчики . . . 272
- Судьба поэта 284
- Трагедия Пражской весны 291
- Бесконечные споры о Сталине 303
- Ягодкин перестарался 309

Часть пятая. РАСЦВЕТ И УПАДОК РАЗРЯДКИ 326
- Гречко сменяет Малиновского 327
- Остров Даманский 331
- Громыко не любил Косыгина 336
- Откровенный разговор с американским президентом . 342
- Мечта сбывается: маршальские звезды 357

Ястреб и миротворец в одном лице 371
Ракеты в Европе 379

Часть шестая. БЛИЖНИЙ КРУГ 387
Советники, помощники, писари 389
Правитель канцелярии 402
Андропов и его заместители 408
Повседневная жизнь члена политбюро 419
Привилегии номенклатурной жизни 428
Как делались карьеры 434
Казнокрадство, незаконное обогащение, коррупция 460

Часть седьмая. ПОЧЕМУ НЕ УДАЛАСЬ КОСЫГИНСКАЯ РЕФОРМА 474
«Вот мой брат-дистрофик» 475
Смерть жены 485
Наш Дэн Сяопин? 492
Горбачев против предсовмина 503
Появляется сменщик 516
«А ты был на том свете?» 521

Часть восьмая. ПЕЧАЛЬНЫЙ ФИНАЛ 527
Тост, произнесенный на коленях 528
Любовь к бриллиантам и красивым мужчинам 538
Таблетки больше не помогают 550
Старческий эгоизм 557
«Хочу на отдых» 574
«Малая Земля» в литературе и на сцене 592
Поездка на завод с трагическими последствиями 605

Основные даты жизни и деятельности Л. И. Брежнева 618

ОТ АВТОРА

Хорошо помню, как впервые услышал о Брежневе и увидел его фотографию. В сентябре 1964 года я пошел в первый класс. Мы тогда жили в ожидании обещанного Хрущевым коммунизма. Наша классная руководительница, окончившая педагогическое училище в Мордовии, следуя рекомендациям районо, уточняла:

— Имейте в виду, коммунизм не придет в один день, не думайте, что утром объявят по радио — с сегодняшнего дня начался коммунизм. Коммунизм придет постепенно.

Но в скором приходе коммунизма никто не сомневался — до октябрьского пленума ЦК КПСС, на котором Хрущева отправили в отставку.

Вот тогда я и увидел Леонида Ильича — его фотография красовалась на первых полосах всех газет. Не знаю, что в те дни показывали по телевидению, телевизор еще считался роскошью и моим родителям был не по карману. А вот газеты они выписывали в большом количестве. Когда взрослые собрались на кухне, чтобы обсудить ошеломляющие перемены в стране, газеты перешли в мою собственность. Фотографий было две — Брежнева и Косыгина. Но помню, что взрослые обсуждали только Брежнева. Понимали, что именно он станет руководителем страны? И мне он понравился.

И столь же отчетливо я помню день его смерти. 10 ноября 1982 года я прилетел из длительной командировки — с юга в холодную Москву. Дома, вынимая вещи из сумки, включил радио, и стало ясно: что-то случилось. По всем радио- и телеканалам передавали печальную классическую музыку. Гадали: Он или не Он? От симпатий к Леониду Ильичу ничего не осталось. Страна от него устала...

Восемнадцать брежневских лет — это моя юность и молодость, годы взросления и обостренного интереса к жизни. И когда я писал эту книгу, — словно заново переживал все эти годы.

Правда, бывало и грустно. Пока писал его биографию, один за другим ушли люди, которые в брежневскую эпоху играли не последнюю роль и многое мне рассказали. Похоронил я и своего отчима, очень мной любимого и также упомянутого в этой книге, которому среди прочего обязан и пониманием брежневского механизма власти.

Но конечно же еще печальнее было сознавать, что это были годы упущенных возможностей, впустую растраченных сил! Брежнев принял страну, ждущую обновления и мечтающую о движении вперед, а оставил ее разочарованной, развращенной неприкрытым лицемерием и отставшей от наиболее развитых стран. Но я слишком забежал вперед...

Когда в октябре 1964 года к власти в стране пришел Леонид Ильич Брежнев, никто не предполагал, что он будет руководить Советским Союзом восемнадцать лет, до самой смерти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С ХРУЩЕВЫМ

Заседание президиума ЦК КПСС, на котором заочно решилась судьба руководителя страны Никиты Сергеевича Хрущева, состоялось 12 октября 1964 года. Присутствовало все партийное руководство, работавшее в Москве. Членов президиума от национальных республик еще не вызвали с мест.

И не было самого Хрущева — он отдыхал в Пицунде вместе со своим первым заместителем в правительстве Анастасом Ивановичем Микояном. Никита Сергеевич руководство формировал из людей моложе себя по возрасту, но в личном общении комфортнее всего чувствовал себя с Микояном. И не только потому, что они были ровесниками — их связывали многие годы работы при Сталине.

В отсутствие первого секретаря ЦК КПСС на заседании президиума председательствовал Леонид Ильич Брежнев. Когда Хрущев уезжал из Москвы, Брежнев руководил всем партийным хозяйством. Он только что вернулся из Берлина, куда ездил во главе официальной делегации поздравлять восточных немцев с пятнадцатилетием Германской Демократической Республики.

По словам очевидцев, Брежнев сильно волновался. Да и в зале, где собрались руководители партии и страны, ощущались нервозность и страх. Это заседание нельзя было назвать обычным: члены президиума ЦК решили сместить Никиту Хрущева с постов первого секретаря ЦК партии и председателя Совета министров.

Бесконечные тайные переговоры на эту опасную тему длились несколько месяцев. Но 12 октября они собрались совершенно официально. Заведующий общим отделом ЦК Владимир Никифорович Малин, как обычно, на небольших карточках записывал главные тезисы выступлений. Пожалуй, именно присутствие Малина более всего свидетельствовало о том, что дни Хрущева сочтены. Владимир Никифорович десять лет заведовал общим отделом и считался особо доверенным помощником Хрущева.

— Как Поскребышев при Сталине, — с гордостью говорил Малин о себе.

Что обсуждали на заседании президиума?

Под каким предлогом пригласить Хрущева в Москву, чтобы он ни о чем не догадался и не предпринял контрмер? Это первое. А второе — прикидывали, как повести разговор с Хрущевым, кто в какой последовательности будет выступать и что именно скажет.

Говорили в основном Брежнев и другие влиятельные в партийном руководстве лица — секретари ЦК Николай Викторович Подгорный, Андрей Павлович Кириленко и Александр Николаевич Шелепин. Шелепин не был еще членом президиума ЦК, но его положение в иерархии власти и роль в подготовке свержения Хрущева были таковы, что к нему прислушивались с особым вниманием.

Решили почти сразу же: надо предоставить слово первому секретарю ЦК компартии Украины Петру Ефимовичу Шелесту, что будет важным сигналом — Киев критикует Хрущева. А ведь именно украинская парторганизация считалась главной опорой Никиты Сергеевича. Среди киевских руководителей было много тех, кого он сам назначил. Да и Шелест считался человеком Хрущева. Он даже внешне — приземистой фигурой, округлым грубоватым лицом и совершенно лысым черепом — напоминал Никиту Сергеевича...

Вызвать Хрущева в Москву решили под тем предлогом, что накопилось много вопросов по его записке о реорганизации сельского хозяйства.

Тут же возник вопрос: кому звонить в Пицунду? Тоже испытание не из простых. Разговаривать с Хрущевым было страшновато. Никита Сергеевич с членами президиума не церемонился, запросто мог послать по матушке.

Во время поездки Брежнева в Берлин на партийном хозяйстве оставался Подгорный, напористый и честолюбивый человек. Но Николай Викторович наотрез отказался — он только что подробно докладывал о текущих делах Хрущеву, и Никита Сергеевич удивился бы: почему накануне не сказал о возникших проблемах? Не дай бог, что-то заподозрит...

Тогда решили, что звонить будет Брежнев. А кто еще? Он же исполняет обязанности старшего. Около девяти вечера по междугородной правительственной ВЧ-связи соединились с государственной дачей в Пицунде. Хрущев взял трубку.

Леонид Ильич, по словам Шелеста, волновался. Он побледнел, губы посинели, говорил с дрожью в голосе. Выслушав его, Хрущев недовольно сказал:

— Что у вас случилось? Не можете и дня обойтись без меня? Хорошо, я подумаю. Здесь Микоян, с ним посоветуюсь. Позвоните мне позже.

Этот час члены президиума ЦК провели в напряжении. От Хрущева, который на протяжении десяти лет легко расставался со всеми соперниками и конкурентами, всего можно было ожидать.

Через час Брежнев снова позвонил Хрущеву.

Никита Сергеевич говорил раздраженно:

— Хорошо, завтра в одиннадцать утра я вылетаю в Москву вместе с Анастасом Ивановичем.

Члены президиума, закончив обсуждение, подготовили для порядка постановление:

«1. В связи с поступающими в ЦК КПСС запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намеченным к обсуждению на пленуме ЦК КПСС в ноябре с. г., и в разработках нового пятилетнего плана признать неотложным и необходимым обсудить их на ближайшем заседании президиума ЦК КПСС с участием т. Хрущева.

Поручить тт. Брежневу, Косыгину, Суслову и Подгорному связаться с т. Хрущевым по телефону и передать ему настоящее решение с тем, чтобы заседание президиума ЦК провести 13 октября 1964 г.

2. Ввиду многих неясностей, возникающих на местах по записке т. Хрущева от 18 июля 1964 г. (№ П1130) “О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации”, разосланной в партийные организации, и содержащихся в ней путаных установок отозвать указанную записку из парторганизаций.

3. Учитывая важное значение характера возникших вопросов и предстоящего их обсуждения, считать целесообразным вызвать в Москву членов ЦК КПСС, кандидатов в члены ЦК КПСС и членов Центральной ревизионной комиссии КПСС для доклада пленуму итогов обсуждения вопросов на президиуме ЦК КПСС.

Вопрос о времени проведения пленума ЦК КПСС решить в присутствии т. Хрущева».

Записка первого секретаря ЦК, к которой обычно относились благоговейно, была названа «путаной», хотя членам президиума все было совершенно понятно.

Тремя месяцами ранее, 11 июля, на пленуме ЦК Хрущев изложил свою новую идею: коренным образом реорганизовать управление сельским хозяйством — под каждую отдельную продукцию создать собственное ведомство. Один главк занимался бы зерном, другой — мясом, третий — пушниной.

Хрущев, как и Сталин, полагал, что экономические проблемы решаются организационно-кадровыми методами: есть задача — создай ведомство, которое ее решит.

Но членов президиума испугало другое. Хрущев уже ликвидировал сельские райкомы, низвел партаппарат на селе до второразрядной роли парткомов производственных управлений. В новой системе руководства сельским хозяйством партийным органам вообще не оставалось места. Как могли реагировать на это профессиональные партийные секретари?

Отозвав хрущевскую записку, президиум ЦК демонстрировал партийному аппарату на местах, что Хрущев больше не хозяин.

О том, что членов ЦК вызывают в Москву, Никите Сергеевичу, разумеется, не сказали. Иначе бы он сразу понял, что происходит. Летом 1957 года, когда его пыталась снять «старая гвардия» — Молотов, Маленков, Булганин, — он распорядился собрать членов ЦК. Когда они прилетали в Москву, доверенные люди Хрущева ввели их в курс дела, объяснили, какова расстановка сил и кого надо поддержать. Никита Сергеевич часто и с удовольствием рассказывал, как он выиграл ту битву. Теперь его опытом воспользовались другие...

Перечисление в постановлении четырех фамилий — Брежнев, Косыгин, Суслов, Подгорный — свидетельствовало о том, кто именно управляет событиями. Фамилия Брежнева стояла первой, следовательно, ему и отводилась главная роль.

Это постановление отрезало членам президиума дорогу назад. Теперь уже никто из них не мог покаяться перед Хрущевым и сказать, что в его отсутствие они на заседании президиума «просто поговорили». Они должны были идти до конца.

Много лет спустя я имел возможность расспросить некоторых участников тех событий. Главные вопросы: почему они выступили против Хрущева и не жалели ли об этом потом?

Не жалел, по их словам, никто. Хотя на вершине власти, как известно, есть место только для одного. Основные участники тех событий — за исключением Леонида Ильича Брежнева — скоро оказались в опале и лишились тех должностей, которые имели.

Причины отставки Хрущева объясняли по-разному, но в основном упирали на то, что он стал просто опасен для страны. О своих личных мотивах не упоминали. Но они конечно же тоже имели значение.

Никита Хрущев был человеком фантастической энергии. Непредсказуемый и неуправляемый, невероятный хитрец, но при этом живой и открытый человек. Оставшийся в памяти необузданным бузотером, нелепо выглядевший, казавшийся очевидным анахронизмом Никита Сергеевич недооценен отечественной историей. Роль его в истории нашей страны еще не осмыслена, а личность не раскрыта.

Пребывание на высоком посту не сделало его равнодушным. Он видел, в каком трудном положении страна. Честно говорил:

— Я был рабочим, социализма не было, а картошка была. Сейчас социализм построили, а картошки нет.

Хрущев приказал, чтобы в столовых хлеб давали бесплатно. Он хотел вытащить страну из бедности, но уповал на какие-то утопические идеи, надеялся решить проблемы одним махом.

Он был, пожалуй, единственным человеком в послевоенном советском руководстве, кто сохранил толику юношеского идеализма и веры в лучшее будущее.

Теперь, когда опубликованы хранившиеся за семью печатями протоколы президиума ЦК (за все хрущевское десятилетие) и можно прочитать, что говорил Никита Сергеевич в своем кругу, становится ясно: для него идея строительства коммунизма, вызывавшая уже в ту пору насмешки, не была циничной абстракцией. Этим он и отличался от товарищей по партийному аппарату, которые давно ни во что не верили.

14 декабря 1959 года Хрущев выступал на президиуме ЦК по поводу проекта программы КПСС. Он объяснил, как именно представляет себе приближение к коммунистическому обществу:

— Это значит, всех детишек взять в интернат, всех детей от рождения до окончания образования взять на государственное обеспечение, всех стариков от такого-то возраста — обеспечить всем... Я думаю, что когда мы одну-две пятилетки поработаем, мы сможем перейти к тому, чтобы всех людей кормить, кто сколько хочет. У нас хлеб будет, мясо — еще две пятилетки (это максимум) и, пожалуйста, — кушай. Но человек больше не скушает, чем может. Даже в капиталистических странах есть рестораны, где можно заплатить сколько-то и ты можешь кушать, что хочешь. Почему же при нашем социалистическом и коммунистическом строе нельзя будет так сделать?..

Мои родители (а хрущевские годы пришлись на их молодость) жили тогда очень скудно, но рассказывали, что эта идея даже у них вызвала ужас: бесплатные котлеты (скорее всего, почти из одного хлеба) в столовке казались кошмарной перспективой...

Отсутствие образования часто толкало Никиту Сергеевича к неразумным и бессмысленным новациям, над которыми потешалась вся страна. К тому же к концу его десятилетнего правления ухудшилось экономическое положение.

1963 год оказался неурожайным из-за сильной засухи. Во многих городах пришлось ввести карточки. Впервые закупили хлеб за границей — 9,4 миллиона тонн зерна, примерно десять процентов полученного урожая. Из магазинов исчезли мука, печенье, пряники, мясо. За молоком выстроились очереди.

Репутация Хрущева была подорвана денежной реформой 1961 года, повышением цен. Он утратил свой ореол «народного заступника» от бюрократов и чиновников. А страха он не внушал.

С другой стороны, он умудрился настроить против себя партийный аппарат (разрушая привычную систему управления), армию (сокращая офицерский корпус), КГБ (демонстрируя чекистам полнейшее неуважение и отказывая им в привилегиях).

У высшего эшелона были личные причины не любить Хрущева. Чиновники жаждали покоя и комфорта, а Хрущев проводил перманентную кадровую революцию. Членов ЦК он шпынял и гонял, как мальчишек. Обращаясь к товарищам по президиуму ЦК, в выражениях не стеснялся: «Дурак, бездельник, лентяй, грязная муха, мокрая курица, дерьмо...»

Вот как, например, 23 декабря 1963 года на президиуме Хрущев отчитывал своих подручных.

Никита Сергеевич заговорил об оплате труда в сельском хозяйстве и обрушился на своего заместителя в правительстве Дмитрия Степановича Полянского:

— Товарищ Полянский, я с вами не согласен. Это несогласие складывается в какую-то линию. Вы берете на себя смелую задачу защиты вопроса, которого вы не знаете. В этом тоже ваша смелость. Но это не ободряет ни меня, ни других. Я полагаться в этих вопросах на вас очень затрудняюсь. Вы бросаете безответственные фразы.

— Вы меня спрашиваете, я отвечаю: хлеб для государства и колхозные продукты дешевле, чем совхозные, — парировал Полянский.

Раздраженный Хрущев повернулся к Шелепину, председателю комитета партийно-государственного контроля:

— Товарищ Шелепин, вы возьмите справку и суньте в нос члену президиума. Я, прежде чем ехать, взял справку от Центрального статистического управления.

Опять обратился к Полянскому:

— Вы извращаете. Вы не правы.

— Не суйте в нос, — огрызнулся Полянский. — Я человек. Как с вами разговаривать? Если высказал свое мнение, сразу обострение. Может, отношение такое ко мне?

— Видимо так, я не отрицаю. У меня складывается очень большое недоверие. Я на вас положиться не могу. Это, может, субъективное дело. Пусть президиум решает. Садитесь на мое место, я на ваше сяду.

— Не надо волноваться, — Дмитрий Степанович Полянский держался твердо, трусом он не был, — и Минфин, и Госплан показали цифрами, что продукция колхозов дешевле.

Хрущев обратился ко всем членам президиума:

— Я остро этот вопрос поставил, товарищи. Я Полянского считаю не совсем объективным. Мы очень остро говорили по пенсионным вопросам. Вы оказались правы или я?

— Почему каждый из нас должен войти с предложением обязательно идеальным? — сопротивлялся Полянский. — Его подписали пять членов президиума помимо секретарей ЦК. Почему вы считаете, что его внес один товарищ Полянский?

— Потому что вы его готовили.

— Напрасно у вас сложилось такое впечатление только на основании одного этого факта, — резко ответил Полянский.

— Не по одному, — угрожающе заметил Хрущев. — Может быть, это возрастное, но я расстраиваюсь, волнуюсь, реагирую. Видимо, пока не умру, буду реагировать. Ничего с собой не могу сделать. Казалось бы, мне какое дело. Мне семьдесят лет, черт с вами, делайте что хотите. Но я коммунист. Пока я живу, пока я дышу, я буду бороться за дело партии...

Чуть позже Хрущев добавил:

— Видимо, мне пора на пенсию уходить. Не сдерживаю свой характер. Горячность.

Затем он обрушился на другого своего заместителя — Алексея Николаевича Косыгина:

— Нет тут Косыгина. Но тут Косыгиным пахнет. Нити тянутся к Косыгину. У него старые взгляды...

Хрущев добился того, чтобы на XXII съезде партии в октябре 1961 года был принят новый устав, который требовал постоянного обновления руководящих партийных органов. Районные комитеты предстояло на каждых выборах обновлять наполовину, обкомы — на треть, ЦК КПСС — на четверть. Вот почему чиновники ненавидели Хрущева и поддерживали Брежнева, который позволял им занимать свои кресла по пятнадцать лет.

Окружение Хрущева не одобряло его либеральных акций, критики Сталина, покровительства Солженицыну и Твардовскому, попыток найти общий язык с Западом, сократить армию и военное производство.

27 февраля 1964 года знаменитый поэт и главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский записал в дневнике:

«Мне ясна позиция этих кадров. Они последовательны и нерушимы, вопреки тому, что звучало на последнем съезде и даже на последнем пленуме ЦК, стоят насмерть за букву и дух былых времен.

Они дисциплинированны, они не критикуют решений съездов, указаний Никиты Сергеевича, они молчат, но в душе любуются своей "стойкостью", верят, что "смятение", "смутное время", "вольности", — все эти минется, а тот дух и та буква останется... Это их кровное, это их инстинкт самосохранения и оправдания всей их жизни...

Их можно понять, они не торопятся в ту темную яму, куда им рано или поздно предстоит быть низринутыми — в яму, в лучшем случае, забвения. А сколько их!

Они верны культу — все остальное им кажется зыбким, неверным, начиненным всяческими последствиями, утратой их привилегий, и страшит их больше всего. И еще: они угадывают своим сверхчутьем, выработанным и обостренным годами, что это их усердие не будет наказано решительно, ибо нет в верхах бесповоротной решимости отказаться от их услуг».

17 апреля 1964 года в день семидесятилетия Хрущева все члены и кандидаты в члены президиума ЦК приехали поздравить его в особняк на Ленинских горах. При Сталине члены политбюро жили в Кремле. Никита Сергеевич предложил всем переселиться в новенькие особняки рядом с высотным зданием Московского университета.

Юбиляр был бодр, свеж, в хорошем настроении. Гости выпили по рюмке коньяка, недолго поговорили и торопливо ушли под предлогом, что не надо «утомлять» Никиту Сергеевича. Всех торопил Брежнев, ему вторил Подгорный, хотя Хрущев явно был расположен продолжить веселье.

Подготовка к отставке Хрущева уже началась. Петр Шелест пишет, что некоторые из членов президиума вели себя довольно нервозно и даже трепетно-боязливо: вдруг Хрущев о чем-то догадывается?

Кто играл главную скрипку?

Историки давно пытаются выяснить, кто был движущей пружиной этого заговора, хотя и слово «заговор» многим не нравится.

Есть две версии. По одной, главную скрипку играли Брежнев и Подгорный. По другой, Шелепин и его друг председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный. Когда в годы перестройки стало возможным откровенно обсуждать наше прошлое, ни Брежнев, ни Подгорный уже не могли высказать свое мнение. Шелепин и Семичастный рассказывали в интервью, что ключевая роль принадлежала Брежневу, хотя, по их словам, он вел себя непоследовательно и даже трусовато.

Версия Шелепина и Семичастного некоторым историкам кажется неубедительной. Они считают, что именно вчерашние комсомольцы, более решительные и напористые, и организовали свержение Хрущева, потому что были заинтересованы в том, чтобы в высшем эшелоне власти образовались вакансии. Они рвались на первые роли...

Подлинные обстоятельства того, как именно созревали антихрущевские настроения, как его соратники решились на разговор и как организационно оформился этот заговор, нам теперь уже не узнать.

Но то, что известно, свидетельствует о том, что активно против Хрущева выступили две группы.

Первая — члены президиума Брежнев, Подгорный, Полянский, которым сильно доставалось от Хрущева. Они устали от постоянного напряжения, в котором он их держал.

Вторая — выходцы из комсомола, объединившиеся вокруг Шелепина и Семичастного. Без председателя КГБ Семичастного выступление против первого секретаря ЦК в принципе было невозможно. А на Шелепина ориентировалось целое поколение молодых партработников, прошедших школу комсомола.

Но разговоры в высшем эшелоне власти Шелепин с Семичастным вести не могли: не вышли ни возрастом, ни чином. Семичастный был только кандидатом в члены ЦК. С руководителями республик и областей беседовали в основном Брежнев и Подгорный.

Военный историк генерал-полковник Дмитрий Антонович Волкогонов, который первым получил доступ к материалам личного архива Брежнева, обратил внимание на то, что с середины 1964 года Леонид Ильич перестал вести дневниковые записи, чем занимался двадцать лет. Он по-прежнему записывал указания Хрущева, но не помечал, с кем встречался и о чем говорил.

Леонид Ильич понимал, что участвует в настоящем заговоре, и не хотел оставлять следов. Он возобновил свои короткие записи о том, чем занимался в течение дня, после отставки Хрущева...

Тогдашний председатель ВЦСПС Виктор Васильевич Гришин вспоминал, как Брежнев просил его поддержать предложение отправить Хрущева на пенсию. Потом Гришина зазвал к себе секретарь ЦК Петр Нилович Демичев, стал говорить, что ряд товарищей намерен поставить вопрос об освобождении Хрущева от занимаемых постов. Гришин ответил, что Брежнев уже с ним разговаривал. Демичев был доволен:

— Я рад, что мы вместе.

Демичев пригласил к себе в кабинет и Николая Григорьевича Егорычева, который сменил его на посту первого секретаря столичного горкома. Отвел его к окну — подальше от телефонных аппаратов — и сказал:

— Знаешь, Николай Григорьевич, Хрущев ведет себя неправильно.

Кроме того, в заговоре участвовали партийные чиновники средней руки, без которых невозможно было обойтись. Считается, что важнейшую роль сыграл заведующий отделом административных органов ЦК Николай Романович Миронов. Отдел курировал КГБ, армию, прокуратуру и суд.

Николай Миронов был человеком Брежнева — из Днепродзержинска. В 1941 году ушел на фронт, после войны вернулся на партийную работу, стал секретарем Кировоградского обкома. В 1951 году, когда Сталин распорядился посадить очередную команду чекистов и на Лубянке образовались вакансии, провели партнабор, и Миронова взяли в Министерство госбезопасности сразу на генеральскую должность — заместителем начальника Главного управления военной контрразведки.

Лаврентий Павлович Берия в марте 1953 года, став министром внутренних дел, разогнал партработников-новичков. У них отобрали машины, всех попросили освободить кабинеты. Однажды ночью Берия вызвал несколько человек, направленных в органы с партработы. Грубо сказал им:

— Ну, что, засранцы, вы чекистского дела не знаете. Надо вам подобрать что-то попроще.

Миронова он перевел — с большим понижением — заместителем начальника особого отдела Киевского военного округа. После ареста Берии Миронова вернули на прежнее место в центральный аппарат. Потом он возглавил Управление госбезопасности в Ленинграде. А в 1959 году Хрущев поручил ему отдел административных органов ЦК.

До Миронова отдел курировал еще медицину и спорт. И ему приходилось разбираться во взаимоотношениях между футбольными командами. Миронов добился, чтобы отделу оставили только силовые структуры.

Тогдашний заместитель председателя КГБ Сергей Саввич Бельченко рассказывал своему биографу Алексею Юрьевичу Попову:

«Миронов пытался меня ввести в круг Брежнева. Предложил мне пойти на какой-то вечер, по сути дела, пьянку высокопоставленных партийных чиновников. Я отказался, на что он сильно обиделся».

Генерал-полковник Бельченко был осторожным человеком. А Миронов, связав свою карьеру с Брежневым, поставил на верную лошадку.

«Миронов очень скоро обратил на себя внимание, — вспоминал генерал Филипп Денисович Бобков, который дослужился в КГБ до должности первого зампреда, — он очень следил за своей внешностью. Миронов считал себя отцом профилактики в органах безопасности. Если бы не ранняя смерть, Миронов достиг бы высоких постов не только в системе КГБ, но и в партии».

Николай Романович погиб в авиакатастрофе в октябре 1964 года, за несколько дней до отставки Хрущева. Самолет, на котором советская делегация во главе с новым начальником Генерального штаба маршалом Сергеем Семеновичем Бирюзовым летела в Югославию на празднование двадцатилетия освобождения Белграда, из-за плохой видимости врезался в гору.

Потом выяснилось, что синоптики советовали отложить рейс. Но маршал Бирюзов приказал лететь. Он ничего не боялся. В войну получил пять ранений. В октябре 1941 года, командуя дивизией, попал в окружение, был ранен в обе ноги. Бойцы его вытащили. Хрущев назначил Бирюзова командующим Ракетными войсками стратегического назначения, а в 1963-м — начальником Генерального штаба, вместо маршала Матвея Захарова, которого отправил руководить Академией Генерального штаба. Хрущев невзлюбил Захарова:

— Нельзя оставлять начальником Генерального штаба человека, который на заседании через пять минут после его открытия клюет носом или просто спит. Как же можно доверять оборону страны людям, которые физически износились?

Говорили, что Хрущев намеревался сделать Бирюзова министром обороны вместо маршала Родиона Яковлевича Малиновского. Когда Бирюзов погиб, естественно, пошли слухи, что начальника Генштаба устранили, дабы он не помешал убрать Хрущева. Но это были лишь слухи: до последнего дня Никита Сергеевич полностью доверял Малиновскому. Он не знал, что Брежнев уже сговорился с министром обороны...

Член президиума ЦК и председатель правительства РСФСР Геннадий Иванович Воронов тоже рассказывал, что его «завербовал» именно Брежнев. Пригласил на охоту в Завидово. На обратном пути предложил сесть в его «чайку». Третьим в просторной правительственной машине был секретарь ЦК, отвечавший за связи с соцстранами, Юрий Владимирович Андропов.

В машине, подняв стекло, отгораживавшее пассажиров от водителя, Брежнев рассказал, что есть идея призвать Хрущева к ответу. Леонид Ильич, по словам Воронова, держал в руках список членов высшего партийного руководства и ставил против фамилий значки, отмечая тех, с кем уже договорились и с кем еще предстоит вести беседы.

Тайные пружины заговора

Очень подробно о том, как шла подготовка свержения Хрущева, рассказал тогдашний первый секретарь ЦК компартии Украины Петр Ефимович Шелест.

В июле 1964 года он отдыхал в Крыму на госдаче № 5 «Чаир». Охрана предупредила, что его навестит Брежнев. Шелест удивился: они не были близки с Леонидом Ильичом. Петр Ефимович ждал Подгорного, который отдыхал рядом, в Мухолатке, и с которым они были в дружеских отношениях. До перевода в Москву Подгорный был руководителем Украины. Он тянул Петра Ефимовича наверх. Став секретарем ЦК КПСС, по-прежнему покровительствовал Шелесту.

Приехал Брежнев. Присели на скамейку. Появился внук Шелеста, тоже Петр.

— Как тебя зовут? — ласково спросил его Брежнев.

Мальчик ответил и в свою очередь поинтересовался:

— А тебя как?

— А меня дядя Леня.

Петя помолчал и сказал:

— А, знаю. Ты — дядя Леня из кинобудки.

Брежнев был несколько смущен, но выяснилось, что Леонид Ильич похож на своего тезку-киномеханика, который приезжал на госдачу показывать фильмы семье секретаря ЦК Украины.

С тех пор Леонид Ильич, разговаривая с Шелестом, неизменно просил:

— Петро, не забудь передать внуку привет от дяди Лени из кинобудки.

Брежнев и Шелест искупались и расположились в беседке. Брежнев стал расспрашивать Шелеста о делах на Украине. И как бы между прочим задал вопрос:

— Как к тебе относится Хрущев?

— Мне кажется, что Никита Сергеевич ко мне относится спокойно, как большой руководитель к младшему, — дисциплинированно ответил Петр Ефимович. — С его стороны я никогда не слышал ни окрика, ни грубого обращения.

— Это он в глаза, а за глаза может и другое сказать. И говорит, — буркнул Брежнев.

Шелест растерялся, подумав, что Брежнев знает об истинном отношении к нему Хрущева. На всякий случай сказал:

— Хрущев занимает такое положение, что ему нет надобности говорить одно в глаза, а другое за глаза. Да и вообще у него такая ответственность и нагрузка, что мы должны его понимать, если даже он кое-что говорит резко. Но он по натуре не злопамятный, наоборот, добрый и отзывчивый.

— Ты мало его знаешь, — недовольно отозвался Брежнев, — замкнулся в своей провинции, ничего не видишь и не чувствуешь.

Шелест обиделся:

— Что кому положено, тот то и делает.

— Это так, но надо шире смотреть на происходящее, — сказал Брежнев. — Все, что происходит в партии, в стране, исходит от вас, членов президиума ЦК. И мы видим, что вы все вторите Хрущеву, первыми ему аплодируете. А нам с Хрущевым трудно работать. Об этом я и приехал поговорить откровенно с тобой, Петро. Никто не должен знать о нашей беседе.

Подошло время обеда. Брежнев не отказался от рюмки. Расслабившись, стал читать стихи. Несколько раз с намеком говорил жене Шелеста: «Петро меня не понимает». Сын Шелеста находился в командировке в Африке. Брежнев пообещал невестке Петра Ефимовича поездку к мужу, добавив:

— И тебе это ничего не будет стоить.

Обед затянулся. Когда вышли на улицу, уже темнело. После выпитого разговор принял более откровенный характер.

— Ты, Петро, должен нам помочь, поддержать нас! — сказал Брежнев.

Шелест не спешил с окончательным ответом:

— Не понимаю, в чем и кого именно поддерживать? Объясни.

— Хрущев с нами не считается, грубит, дает нам прозвища и навешивает ярлыки, он самостоятельно принимает решения. А недавно заявил, что руководство наше старое и его надо омолодить. Он собирается нас всех разогнать, — ответил Брежнев.

Леонид Ильич не лукавил. Шелест сам слышал от Хрущева, что «в президиуме ЦК собрались старики»...

— А тебе сколько лет? — спросил Брежнев.

— Пошел пятьдесят пятый.

— Так ты тоже старик, по мнению Хрущева.

— Хрущев беспокоится об омоложении кадров. Это хорошо, должна быть преемственность, — Шелест продолжал играть.

— Ты меня неправильно понял, — сказал Брежнев. — Надо же понимать, что на самом деле хочет разогнать опытные кадры, чтобы самому вершить все дела... — И, нахмурившись, добавил: — Жаль, что ты не хочешь меня понять. А наш разговор нужно держать в тайне.

Шелест не выдержал:

— Если вы мне не доверяете, то нечего было ко мне приезжать, а о конфиденциальности прошу мне лишний раз не напоминать.

Брежнев спохватился:

— Ты, Петро, правильно меня пойми. Мне тяжело все это говорить, но другого выхода у нас нет. Хрущев над нами издевается — жизни нет. — На глазах у него появились слезы. — Без тебя, без такой крупной организации, как компартия Украины, мы не можем что-либо предпринять.

— Вам всем надо собраться и откровенно поговорить с Никитой Сергеевичем о недостатках, — посоветовал Шелест. — Мне кажется, он поймет.

— Ты так говоришь потому, что не знаешь истинного положения дел, — прервал его Брежнев. — Если мы попытаемся это сделать, он нас всех разгонит.

Они вернулись на дачу, еще выпили и закусили.

Брежнев обнял Шелеста, расцеловал и многозначительно произнес:

— Петро, мы на тебя очень надеемся.

Брежнев уехал, а Шелест почти до рассвета бродил по набережной, прикидывая, как ему быть и чью сторону занять. Он и сам побаивался непредсказуемого Хрущева, ему тоже надоело постоянное недовольство неуемного первого секретаря.

Никита Сергеевич с удовольствием приезжал в Киев, выступал на пленуме республиканского ЦК и крыл местное начальство:

— Украина сдала свои позиции, положение дел вызывает беспокойство... Плохо стали работать... Я уже критиковал украинское руководство, но за обедом, когда критикуешь, с них как с гуся вода, а вот когда при народе критикуешь, я вижу — они ежиться начинают... Последние годы, как лето, так руководители все от мала до велика стараются не упустить лучший сезон купания в Черном море. Благо вы теперь Крым получили, поэтому есть куда ехать. Товарищи, кто со мной работал на Украине, тот знает, я проработал тринадцать лет на Украине и за эти тринадцать лет только раз был в отпуску...

Шелест и другие руководители Украины в присутствии своих подчиненных вынуждены были лишь, кисло улыбаясь, аплодировать Никите Сергеевичу.

Утром Шелест позвонил Подгорному в Мухолатку, сообщил, что накануне был Брежнев. Подгорный поинтересовался:

— Чем занимаешься?

— Переживаю вчерашние разговоры.

— Если можешь, приезжай ко мне, будем вместе переживать.

Шелест подробно пересказал Подгорному разговор с Брежневым. Николай Викторович его внимательно выслушал и произнес:

— Мне все это известно.

Оказывается, Брежнев уже побывал у Подгорного и изложил суть разговора.

Шелест удивился:

— Зачем же мне все было повторять?

Подгорный честно признался:

— А я не знал, все ли мне Брежнев рассказал.

Николай Викторович не очень доверял Леониду Ильичу. Любой из заговорщиков мог в последний момент обо всем рассказать Хрущеву и погубить остальных.

Шелест осведомился, почему к нему приехал Брежнев, а не Подгорный.

— Так надо было, — таинственно ответил Николай Викторович. — Позже узнаешь.

Шелест мог бы и сам догадаться. Леонид Ильич тоже не доверял Николаю Викторовичу и хотел не с его слов, а сам убедиться, на чьей стороне Шелест.

Подгорный сказал, что положение серьезное.

— Я понял, — кивнул Шелест, — Брежнев в разговоре со мной даже расплакался.

— На самом деле? — иронически переспросил Подгорный.

— Точно, — подтвердил Шелест.

— Ты этому не очень доверяй, — заметил Подгорный. — Помни пословицу: Москва слезам не верит.

С веранды второго этажа они увидели Брежнева.

— Ты только не подай вида, что знаешь, что он уже побывал у меня, — предупредил Подгорный Шелеста.

Брежнев опять завел разговор о том, как трудно работать с Хрущевым. Перечислил его ошибки. Сельское хозяйство превратил в свою монополию. Проводит бесконечные реорганизации в народном хозяйстве. Разделил партийные организации на городские и сельские. Пренебрегает вопросами идеологии, говорит, что это болтовня, а нужна конкретная работа...

Шелест повторил, что следует собраться всем вместе, высказать свое мнение Хрущеву.

— Я же тебе говорю, — не выдержал Брежнев, — кто первый об этом заикнется, тот будет вышвырнут из состава руководства.

Шелест выразительно посмотрел на Брежнева, затем на Подгорного. Николай Викторович вступил в игру:

— Довольно нам играть в жмурки. Я знаю о вашем разговоре с Брежневым. Ты, Петро, правильно пойми все, что делается. Надо выходить на пленум ЦК, а без мнения Украины и членов ЦК, которые от Украины избраны, этот вопрос решить невозможно. Всем известно, что украинская партийная организация имеет большой вес, да это и основная опора Хрущева. Поэтому тебе надо быть готовым откровенно, но осторожно поговорить со всеми твоими товарищами, входящими в состав ЦК КПСС, а их на Украине немало — тридцать шесть человек. Возможно, провести беседы с доверенным активом.

— Ради справедливого дела поговорить можно, — ответил Шелест, — хотя это очень рискованно. Но есть три человека, которым я не могу доверять. Это Сенин, Корнейчук и Иващенко. Они в частном порядке могут сейчас же все передать Хрущеву.

Ольга Ильинична Иващенко была секретарем ЦК компартии Украины (курировала отдел оборонной промышленности) и очень симпатизировала Никите Сергеевичу.

Иван Семенович Сенин с 1953 года был первым заместителем главы республиканского правительства. Хрущев и Сенин в юности учились в одной группе на рабфаке и с тех пор дружили.

Александр Евдокимович Корнейчук, известный драматург, Герой Социалистического Труда и академик, не занимал постов, но со сталинских времен входил в состав ЦК КПСС.

Брежнев заявил, что берется сам переговорить с Ольгой Иващенко:

— Я с ихним братом умею вести беседы.

— Леня, ты не бери на себя слишком много, — посоветовал Подгорный, — а то с треском провалишься.

Шелест поехал с Брежневым по крымским колхозам. Осмотрели знаменитый тогда колхоз «Дружба народов». Председатель колхоза Илья Егудин устроил обед на открытом воздухе. Выпили. Брежнев стал спрашивать, как присутствующие смотрят на разделение обкомов и облисполкомов на городские и сельские.

В октябре 1962 года Никита Хрущев направил в президиум ЦК записку «О перестройке партийного руководства промышленностью и сельским хозяйством». Он предложил разделить партийные органы на промышленные и сельскохозяйственные. Так в каждой области и крае вместо одного обкома появились два — один занимался промышленностью, другой — сельским хозяйством. Раздел власти проходил болезненно, породил интриги и склоки и вызвал лишь ненависть к Хрущеву.

Все уходили от прямого ответа на вопросы Брежнева. Егудин откровенно сказал:

— Да нам все равно, лишь бы не мешали, меньше вмешивались в наши дела и обеспечивали всем необходимым — за наши же деньги.

Брежнев рассчитывал услышать критику Хрущева, но присутствующие не пожелали вступать в опасные политические разговоры:

— Вы решали вопросы реорганизации партийных, советских и хозяйственных органов. Вы и решайте, как дальше быть.

На обратном пути Брежнев спросил у Шелеста: отчего же «народ молчит»?

— А почему вы в Центре молчите, если считаете, что делается что-то не так? — ответил вопросом Шелест.

Иващенко и Сенин отдыхали в Алуште. Брежнев, Подгорный и Шелест поехали к ним. Все вместе погуляли в парке. Брежнев пытался остаться вдвоем с Иващенко, но не получалось. А к обеду приехала дочь Хрущева Юля с мужем. Откровенный разговор стал невозможен.

За обедом Брежнев провозгласил тост за здоровье Никиты Сергеевича.

На обратном пути Подгорный ехидно осведомился:

— Ну как, Леня, поговорил с Ольгой?

— Проклятая баба, — буркнул Брежнев.

12 августа Шелест по телефону доложил Хрущеву о делах в республике.

14 августа ему позвонил Брежнев, попросил подробно пересказать беседу с Хрущевым.

21 августа в Киев прилетел Подгорный. Теперь уже забеспокоился Шелест — дело приобретает затяжной характер. Но если медлить, это может стать опасным. Выяснилось, что «Подгорный тоже недоволен бездействием и инертностью Брежнева, и вообще, заключил Подгорный, ненадежный он человек».

— Надо более решительно действовать, иначе нас могут предать, — сказал Николай Викторович.

— Кто же это может сделать? — спросил Шелест.

Подгорный ухмыльнулся: он не питал иллюзий относительно партийного руководства страны.

— Когда вернусь в Москву, буду штурмовать Леню. Он трусит, — ответил Подгорный.

В середине сентября делегация во главе с Брежневым, которая ездила в Болгарию, сделала остановку на несколько часов в Киеве. Шелест встретил делегацию в аэропорту «Борисполь». Забрал Брежнева и привез в здание ЦК. Стал внушать:

— В дело посвящено слишком много людей, и промедление чревато большими неприятностями.

Брежнев уверенно ответил:

— Ты, Петро, не беспокойся. Мы принимаем все меры, но как подойти к решению этого дела, еще не знаем. Будем советоваться.

26 сентября, в субботу, в Свердловском зале Кремля собралось расширенное заседание президиума ЦК под председательством Хрущева. Обсуждался вопрос о семилетнем плане развития народного хозяйства. Многие присутствовавшие уже знали, что Хрущева намереваются убрать.

«Но пока что никто точно не знал ни сроков, ни самой формы исполнения задуманного дела, — вспоминал Шелест. — Даже сами организаторы находились еще в какой-то прострации, неуверенности и неопределенности».

Посему присутствовавшие демонстрировали Никите Сергеевичу полнейшую преданность и почтение. После заседания руководство страны в узком составе собралось в комнате президиума ЦК. Хрущев спросил:

— Ну как, товарищи, ваше мнение о проведенном мероприятии и моем выступлении?

Члены президиума стали наперебой говорить, что все прошло просто отлично. Хрущев поручил секретарям ЦК готовить очередной пленум. Сказал, что уходит в отпуск.

Через несколько дней Подгорный, возвращаясь из-за границы, сделал в Киеве «вынужденную посадку» по причине плохой погоды. Всю ночь проговорили с Шелестом, который подробно пересказал, с кем из членов ЦК он уже провел беседу. Со многими сразу нашел взаимопонимание, но кто-то терялся, и разговор не получался.

Подгорный предупредил:

— Будь осторожнее.

Они по-прежнему боялись Хрущева.

«Одно его слово, — вспоминал Шелест, — и многие из нас были бы “обезврежены”, изолированы и даже уничтожены, ведь велся по существу и форме заговор против главы правительства, а чем это кончается, хорошо известно...»

Но на сей раз Хрущев проявил излишнюю доверчивость, расслабился, потерял бдительность.

Николай Викторович рассказал Шелесту, как идут дела в Москве. Некоторые члены президиума колеблются. Кого-то пришлось припугнуть, чтобы как минимум помалкивали...

Брежнев и Подгорный очень просили Петра Ефимовича поговорить с председателем президиума Верховного Совета Украины Демьяном Сергеевичем Коротченко, который много лет работал с Хрущевым, а в 1930-е годы был секретарем Московского обкома. В период массовых репрессий на Демьяна Сергеевича состряпали дело, готовился арест. Его спас Хрущев, вступившийся за него перед Сталиным.

Шелест рискнул и открыл карты. Демьян Коротченко подумал и принял решение:

— Я Никиту знаю давно. Он хороший организатор, преданный коммунист, но, очевидно, на этом посту зарвался — считает, что он вождь. Много сделал политических ляпов. Очевидно, будет лучше для него и для партии, когда он уйдет с этого поста, да и должности первого секретаря и председателя Совмина надо разделить. В семьдесят лет трудно управлять таким государством, как наша страна, да еще со старческим характером Никиты.

— Демьян Сергеевич, что мне передать Брежневу и Подгорному? — спросил Шелест.

— Передай, что я с вами, и если это нужно, могу по этому вопросу выступить где угодно.

Еще один верный соратник Хрущева, многим ему обязанный, легко предал Никиту Сергеевича... Но у заговорщиков не все шло гладко. Подгорный поведал Шелесту, что перед самым отъездом Хрущева в отпуск у них состоялся неприятный разговор.

Никита Сергеевич пригласил Николая Викторовича в кабинет и прямо спросил:

— Это правда, товарищ Подгорный, что существует какая-то группа, которая хочет меня убрать, и вы к этой группе причастны?

(«Представляешь мое состояние и положение?» — говорил Подгорный Шелесту.)

— Откуда вы, Никита Сергеевич, это взяли? — изобразил удивление Подгорный.

А сам подумал: от кого это могло ему стать известно? Подумал о Брежневе. Тот в какой-то момент испугался: «Может быть, отложить все это?» Подгорный на него набросился: «Хочешь погибать — погибай, но предавать товарищей не смей».

Но Хрущев рассказал, что о заговоре его сыну Сергею поведал работник КГБ Василий Иванович Галюков, бывший начальник охраны Николая Григорьевича Игнатова, смещенный с поста секретаря ЦК на безвластную должность председателя президиума Верховного Совета РСФСР. Обиженный на Хрущева Николай Игнатов действительно активно участвовал в подготовке заговора. Он ездил по стране и убеждал старых приятелей выступить против Хрущева.

Никита Сергеевич даже показал Подгорному письмо, переданное сотрудником КГБ Сергею Хрущеву, и спросил:

— Вам что-нибудь об этом известно?

Подгорный, не моргнув глазом, сказал, что ничего не знает, и предложил поручить Комитету госбезопасности проверить все факты. Он был уверен, что Семичастный выкрутится. Но Хрущев решил к КГБ не обращаться, а по-дружески попросил Микояна вызвать Игнатова, поговорить с ним и доложить.

Через первого секретаря ЦК компартии Грузии Василия Павловича Мжаванадзе удалось предупредить Игнатова о нависшей над всеми угрозе. Ему велели в беседе с Микояном все отрицать... Да и осторожный Анастас Иванович, похоже, не проявил обычной прыти, исполняя это поручение первого секретаря. Он сохранил верность Хрущеву, но не хотел ссориться и с его противниками.

Леонид Митрофанович Замятин, который тогда работал в Министерстве иностранных дел, рассказал мне, как незадолго до своего снятия Хрущев вдруг появился на обеде в честь президента Индонезии и произнес неожиданно откровенную речь.

Старшим на обеде был Подгорный, потому что формально Хрущев находился в отпуске. Он тем не менее приехал, вошел в зал со словами, не сулившими ничего хорошего:

— Ну что, мне места уже нет?

Место, разумеется, сразу нашлось. Хрущев сделал знак Подгорному:

— Продолжай вести.

Но в конце обеда, когда протокольные речи уже были произнесены, Хрущев сказал:

— Вот интересно. Я недавно приехал из отпуска, а все меня убеждают, что я нездоров, что мне надо поехать подлечиться. Врачи говорят, эти говорят. Ну, ладно, я поеду. А когда вернусь, я всю эту «центр-пробку» выбью. — И показал на членов президиума ЦК: — Они думают, что все могут решить без меня...

Вероятно, Никита Сергеевич все-таки что-то почувствовал. Он от природы был наделен хорошо развитым инстинктом. Иначе бы не выжил в политических схватках.

Возможно, именно этим объясняется его неожиданный звонок Георгию Константиновичу Жукову. В октябре 1957 года Хрущев ловко убрал Жукова с поста министра обороны — по чисто политическим соображениям, не желая держать рядом популярного, решительного и амбициозного маршала. Семь лет они не разговаривали. Жуков, отправленный в отставку, находился под постоянным присмотром КГБ.

И вдруг Хрущев позвонил Георгию Константиновичу. Примирительно сказал:

— Тебя оговорили. Нам надо встретиться.

Помощник Хрущева записал: после отпуска в Пицунде запланировать встречу с маршалом. Когда тучи стали сгущаться, Хрущев, чувствуя, что теряет поддержку, решил опереться на национального героя. Судя по всему, он хотел вернуть маршала Жукова в политику, а точнее, призвать его себе на помощь. Если бы Жуков был в 1964 году министром обороны, противники Хрущева не могли бы рассчитывать на помощь армии.

Обещание Хрущева разогнать президиум только сплотило его противников. Самоуверенность подвела Никиту Сергеевича. Его отправили на пенсию раньше, чем он успел убрать соперников...

29 сентября Подгорный позвонил Шелесту в Черкассы и велел срочно лететь в Крым, чтобы встретить Хрущева, который отправился отдыхать. Просил в деталях потом пересказать, о чем пойдет разговор. Хотел, чтобы доверенный человек находился рядом с Хрущевым и следил за его настроением.

1 октября Шелест в Симферополе встретил Хрущева. Тот полушутя спросил:

— А вы почему здесь? Я-то на отдыхе, а вы должны работать.

— Моя обязанность, Никита Сергеевич, встретить вас. Ведь вы прибыли на территорию республики. Может быть, у вас возникнут вопросы.

Хрущев посадил его с собой в машину, потом пригласил пообедать.

Шелесту показалось, что Хрущеву хотелось высказаться.

Он ругал работников идеологического фронта, назвал секретаря ЦК Суслова «человеком в футляре», Брежнева — краснобаем. Посетовал на Подгорного: мол, забрал его в Москву как хорошего, подготовленного работника, но пока особой отдачи не видит, ожидал большего.

— Президиум наш — это общество стариков, — продолжал Хрущев. — Среди них много людей, которые любят говорить, но не работать. Вот и мне уже перевалило за семьдесят, не та бодрость и энергия, надо думать о достойной смене. На руководящую работу надо выдвигать молодых, подготовленных людей сорока — сорока пяти лет. Ведь мы не вечные, года через два многим из нас придется уходить на покой.

Это был не первый откровенный разговор, который Хрущев вел с Шелестом.

За несколько месяцев до этих событий, в марте 1964 года, Хрущев взял с собой Шелеста в Венгрию. Почти каждый вечер они вдвоем гуляли по территории резиденции, отведенной советскому лидеру. Хрущев нелестно говорил о товарищах по партийному руководству, в частности о Брежневе и о Суслове, главном идеологе.

Шелест слушал и помалкивал. По его наблюдениям, Хрущев находился в очень возбужденном состоянии. За ним неотступно следовал сотрудник Девятого управления (охрана высших органов власти) КГБ. В какой-то момент охранник слишком приблизился к Хрущеву. Никита Сергеевич просто рассвирепел:

— А вам что нужно?! Что вы подслушиваете, шпионите за мной? Занимайтесь своим делом!

Шелест попытался урезонить Хрущева:

— Никита Сергеевич, он ведь находится на службе.

Хрущев все так же раздраженно ответил:

— Если он на службе, пусть и несет свою службу, а не подслушивает. Знаем мы их.

Никита Сергеевич чувствовал, что опасность исходит от КГБ, но подозревал не тех людей. Он считал председателя КГБ Владимира Семичастного и его предшественника на этом посту Александра Шелепина преданными ему людьми. Он сам высоко вознес этих молодых людей, но относительно их настроений и планов глубоко заблуждался...

На следующий день Хрущев отправился в горы — охотиться на муфлонов. К вечеру вернулся с добычей — и отправился за фазанами. Никита Сергеевич стрелок был отменный. Но 3 октября Хрущев сказал, что погода в Крыму портится и он переедет в Пицунду. Тем более что там отдыхает Микоян.

После отъезда Никиты Сергеевича Шелест соединился по ВЧ с Подгорным и Брежневым. Леонид Ильич со значением передал Петру Ефимовичу привет от Полянского и Дмитрия Федоровича Устинова, который недавно стал первым заместителем главы правительства и председателем Высшего совета народного хозяйства. Это означало, что и они «в деле».

Брежнев сообщил, что пытался привлечь к общему делу первого заместителя министра обороны маршала Андрея Антоновича Гречко. Но тот испугался и ушел от разговора.

С министром обороны маршалом Малиновским несколько раз беседовал Шелепин. Родион Яковлевич сказал, что армия в решении внутриполитических вопросов участия принимать не станет, то есть не придет защищать Никиту Сергеевича. А 10 октября подтвердил, что выступит против Хрущева вместе со всеми.

Маршал Малиновский был обязан Хрущеву высокой должностью, а возможно, и жизнью. В 1942 году Сталин, получив информацию о неблагополучии в армии Малиновского, собирался отдать генерала чекистам. Но Хрущев поручился за него, целый год опекал Родиона Яковлевича и спас будущего министра.

И чем же отплатил ему маршал? Уже после отставки Хрущева, во время праздничного приема 7 ноября Малиновский произнес громкий антиамериканский тост. К нему подошел Чжоу Эньлай, глава китайской делегации, который приехал посмотреть, что происходит в Москве после смены руководства, и поздравил с хорошим антиимпериалистическим тостом.

Малиновский, возможно, выпив лишнего, сказал Чжоу:

— Давайте выпьем за советско-китайскую дружбу. Мы своего дурачка Никиту выгнали, вы сделайте то же самое с Мао Цзэдуном, и дела у нас пойдут наилучшим образом.

Возмущенный Чжоу Эньлай ушел с приема. Разразился скандал. Но эта фраза Малиновского прежде всего многое говорит о нем самом. Как минимум Хрущев мог рассчитывать на элементарную благодарность со стороны того, кого спас...

Приказ начальнику личной охраны

В октябре председатель КГБ Семичастный приказал Управлению военной контрразведки, и в первую очередь особистам Московского военного округа, немедленно сообщать ему даже о незначительных передвижениях войск.

Три дня, пока снимали Хрущева, личный состав некоторых подразделений КГБ, в первую очередь хорошо подготовленных офицеров Девятого управления, держали на казарменном положении в полной боевой готовности...

Шелест позвонил Хрущеву в Пицунду и пришел к выводу, что Никита Сергеевич ни о чем не догадывается, настроение у него хорошее. Шелест поговорил с помощниками первого секретаря — Григорием Трофимовичем Шуйским и Андреем Степановичем Шевченко (он ведал сельским хозяйством, был членом-корреспондентом ВАСХНИЛ), убедился в том, что и у них нет признаков тревоги.

Шелест позвонил Брежневу. Ему показалось, что Леонид Ильич говорил как-то неуверенно. Тогда соединился с Подгорным. Николай Викторович его успокоил:

— Все идет нормально. Отступлений нет.

Подготовка к снятию Хрущева вступила в решающую фазу.

12 октября утром Шелест вылетел в Москву. Второму секретарю ЦК компартии Украины Николаю Александровичу Соболю дал указание, ничего не объясняя, собрать в Киеве всех членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов Центральной ревизионной комиссии, работающих на Украине, и под каким-нибудь предлогом их не отпускать. Такие же приготовления были проведены и в других республиках и областях.

Преседателю Совета министров Казахстана Динмухамеду Ахмедовичу Кунаеву позвонил Дмитрий Полянский и предупредил:

— Ожидаются важные перемены. Если понадобишься, пригласим на заседание президиума. Если нет — узнаешь результат. Жди звонка.

Кунаева собирались использовать, если бы Хрущев стал упорствовать.

13 октября 1964 года Хрущев прилетел в Москву на заседание президиума. В правительственном аэропорту «Внуково-2» первого секретаря ЦК и председателя Совета министров встречал лишь один человек — председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный.

Дело было не только в том, что Семичастный должен был сменить охрану Хрущева и вообще проследить, чтобы темпераментный Никита Сергеевич не предпринял каких-то неожиданных действий. Не всякий решился бы в тот момент оказаться один на один с Хрущевым. Никита Сергеевич все еще оставался первым человеком в стране, и его боялись.

Семичастный много лет спустя рассказывал, что Брежнев даже предлагал физически устранить Хрущева — не верил, что им удастся заставить его уйти в отставку. Не хочется подвергать сомнению слова Владимира Ефимовича, но люди, знавшие Брежнева, сильно сомневались, что он мог такое предложить — не в его характере.

По другим рассказам, в какой-то момент у Брежнева сдали нервы, он расплакался и с ужасом повторял:

— Никита нас всех убьет.

А вот Семичастный Хрущева не боялся. Чего-чего, а воли, решительности и властности у Владимира Ефимовича было хоть отбавляй.

Генерал-лейтенант Николай Александрович Брусницын, в те годы заместитель начальника Управления правительственной связи КГБ, вспоминал, как накануне этих событий его вызвал Семичастный. Хрущев еще отдыхал в Пицунде. Семичастный властно сказал, что ему нужно знать, кто и зачем звонит Никите Сергеевичу.

— Владимир Ефимович, — твердо ответил Брусницын, — этого не только я, но и вы не имеете права знать.

Семичастный тут же набрал номер Брежнева:

— Леонид Ильич, начальник правительственной связи говорит, что это невозможно.

Выслушав Брежнева, Семичастный задал другой вопрос заместителю начальника Управления правительственной связи:

— А что можно?

— Что конкретно надо? — уточнил Брусницын.

— Надо знать, кто названивает Хрущеву.

— Это можно, — кивнул Брусницын, — положено иметь такую информацию на спецкоммутаторе.

— Хорошо. Каждый час докладывайте мне, кто звонит Никите Сергеевичу.

На государственную дачу в Пицунде линия правительственной междугородной ВЧ-связи шла через Тбилиси. Ее отключили, сославшись на повреждение аппаратуры. Хрущева соединяли через спецкоммутатор Москвы, так что председателю КГБ немедленно докладывали о всех телефонных переговорах Никиты Сергеевича...

Спустившись по трапу, Хрущев спросил Семичастного:

— Где остальные?

— В Кремле.

— Они уже обедали?

— Нет, кажется. Вас ждут.

Хрущев из аэропорта сразу приехал в Кремль и прошел в свой кабинет. В три часа дня началось заседание президиума. Вошел Хрущев, поздоровался и спросил:

— Ну, что случилось?

Он занял председательское кресло и повторил:

— Кто же будет говорить? В чем суть вопроса?

На заседание 13 октября вызвали также члена президиума ЦК Микояна, который прилетел вместе с Никитой Сергеевичем из Пицунды, и кандидатов в члены президиума — первого секретаря ЦК компартии Грузии Василия Павловича Мжаванадзе, первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Кирилла Трофимовича Мазурова, первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Шарафа Рашидовича Рашидова и первого секретаря ЦК компартии Украины Петра Ефимовича Шелеста.

Из них сторону Хрущева занял только — да и то условно — Анастас Микоян. Остальные яростно атаковали Хрущева. Никогда в жизни он не слышал таких обвинений.

Первым слово взял Брежнев. Хрущев совершенно не предполагал, что заседание президиума ЦК примет такой оборот. Леонид Ильич заявил, что в президиуме нет коллегиальности. Насаждается культ личности Хрущева, который неуважительно относится к товарищам. В результате принимаются непродуманные решения. Разделение обкомов на промышленные и сельские — ошибка, народ это не поддержал.

Хрущев возразил:

— Все сказанное здесь Брежневым, к моему огорчению, я, возможно, и не замечал. Но мне никто и никогда об этом не говорил. Если это так, то я ведь просто человек. Кроме того, вы все меня во всем поддерживали, говорили, что все правильно делается. Вас я воспринимал как единомышленников, а не как противников. Что касается поставленных здесь вопросов, в том числе и о разделении обкомов, так ведь это не один я решал. На президиуме, затем на пленуме мы все это обсуждали вместе. Я предан партии и народу. Я, как все, мог иметь какие-то недостатки. Спрашивается, почему о них мне раньше никто не сказал? Разве это честно? Что касается допущенных грубостей по отношению к некоторым товарищам, то я приношу извинения. Вы же знаете, я предан партии.

Никита Сергеевич еще не осознал, что его намерены отправить в отставку, и выражал готовность работать «насколько хватит моих сил». Слово, как и договаривались, взял Шелест. Во время его выступления Хрущев подавал реплики. Петр Ефимович несколько раз довольно резко ему отвечал. От его былой почтительности не осталось и следа, а под конец невежливо оборвал первого секретаря:

— Никита Сергеевич, мы слушали вас много раз — послушайте один раз нас.

По очереди высказались все члены высшего партийного руководства.

Разговор шел на повышенных тонах. Члены президиума требовали, чтобы Хрущев добровольно ушел в отставку, а он сопротивлялся. Его заявление об уходе необходимо было для того, чтобы избежать прений на пленуме ЦК. Если бы Хрущев настаивал на своей правоте, он теоретически имел бы право получить слово на пленуме.

Разумеется, это ничего бы не изменило. Члены ЦК, видя, на чьей стороне преимущество, проголосовали бы за его смещение. Но, возможно, нашлись бы двое-трое из старых друзей Никиты Сергеевича, кто выступил бы в его защиту. А задача состояла в том, чтобы избежать полемики на пленуме, добиться единодушного одобрения отставки Хрущева, показать, что это воля всей партии.

Заседание президиума ЦК закончилось поздно вечером. Решили продолжить на следующий день.

Никита Сергеевич отправился к себе на Ленинские (Воробьевы*) горы. Он еще был первым секретарем и главой правительства. Но фактически его отрезали от внешнего мира. Об этом позаботился Семичастный. Никита Сергеевич не смог позвонить ни своей жене, которая лечилась на чехословацком курорте Карловы Вары, ни дочери Юле в Киев.

---

* Воробьевы горы — в 1935—1991 годах Ленинские горы.

Личную охрану первого секретаря Семичастный сменил. Начальник Девятого управления КГБ полковник Владимир Яковлевич Чекалов без колебаний подчинился Семичастному.

Никита Сергеевич не выдержал давления со стороны недавних товарищей. Ему было слишком много лет, и он устал. Промаявшись всю ночь, утром 14 октября Хрущев появился на заседании президиума уже сломленным.

Первым выступил Полянский, который буквально набросился на Никиту Сергеевича. Затем говорили Косыгин, Микоян, Подгорный. Только Анастас Иванович Микоян предложил оставить Хрущеву какую-нибудь должность, использовать его опыт в общей работе. И ему досталось за это предложение.

Брежнев вновь взял слово. Текст этого выступления он после заседания отдал своему помощнику Андрею Михайловичу Александрову-Агентову.

— Вы, Никита Сергеевич, — говорил Брежнев, — знаете мое к вам отношение. В трудную для вас минуту я честно, смело и уверенно боролся за вас, за ленинскую линию. У меня тогда был инфаркт миокарда, но, будучи тяжело больным, я нашел силы для борьбы за вас. Сегодня я не могу вступать в сделку со своей совестью и хочу по-партийному высказать свои замечания... Если бы вы, Никита Сергеевич, не страдали такими пороками, как властолюбие, самообольщение своей личностью, верой в свою непогрешимость, если бы обладали хотя бы небольшой скромностью, вы бы не допустили создания культа своей личности. Вы поставили радио, кино, телевидение на службу своей личности. Вам понравилось давать указания всем и по всем вопросам, а известно, что ни один человек не может справиться с такой задачей — в этом лежит основа всех ошибок...

Из всех речей, произнесенных Брежневым, эта, пожалуй, лучшая. И самая искренняя. Хотя написал он ее лично, без помощи перьев, которые потом будут готовить его выступления. Речь хороша тем, что она разумна. Но как быстро сам Леонид Ильич, заняв хрущевский кабинет, забыл то, в чем укорял своего предшественника!

Спросили секретарей ЦК — Леонида Федоровича Ильичева (идеология), Александра Петровича Рудакова (промышленность), Виталия Николаевича Титова (партийные кадры), Петра Ниловича Демичева (химизация народного хозяйства), Юрия Владимировича Андропова (соцстраны) и председателя Комитета партийного контроля Николая Михайловича Шверника, согласны ли они с предложением созвать пленум и рекомендовать освободить Хрущева от его обязанностей. Все согласились.

После этого предоставили слово Хрущеву. Он был подавлен.

— Я рад за президиум, что он такой зрелый, — сказал Никита Сергеевич. — Все, что сейчас делается, это победа нашей партии. Я уйду и драться с вами не стану — идеология и основа у нас с вами одна. Я понимаю, что это моя последняя политическая речь — лебединая песня. На пленуме я выступать не буду, но хотел бы обратиться к пленуму с просьбой.

Ему отказали. На глазах у Хрущева появились слезы:

— Напишите заявление о моем уходе, о моей отставке, я его подпишу. Я полагаюсь на вас в этом вопросе. Скажите, где мне жить. Если нужно, я уеду из Москвы.

Кто-то откликнулся:

— Зачем это делать? Не нужно.

— Если у вас пойдут дела хорошо, — сказал Хрущев, — я буду только радоваться и следить за сообщениями газет. Спасибо за совместную работу, за критику.

От имени Хрущева Гришин и Ильичев составили заявление:

«ЦК КПСС

Товарищи члены ЦК КПСС, кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС!

В связи с преклонным возрастом и учитывая состояние моего здоровья, прошу ЦК КПСС удовлетворить мою просьбу об освобождении меня от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена президиума ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР.

По изложенным выше причинам я не могу исполнять ныне возложенные на меня обязанности.

Обещаю Центральному комитету КПСС посвятить остаток своей жизни и сил работе на благо партии, советского народа, на благо построения коммунизма».

Никита Сергеевич поставил свою подпись.

Сразу же приняли постановление президиума ЦК:

«Признать, что в результате ошибок и неправильных действий т. Хрущева, нарушающих ленинские принципы коллективного руководства, в президиуме ЦК за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка, затрудняющая выполнение членами президиума ЦК ответственных обязанностей по руководству партией и страной.

Тов. Хрущев, занимая посты первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР и сосредоточив в своих руках большую власть, в ряде случаев стал выходить из-под контроля ЦК КПСС, перестал считаться с мнением членов президиума ЦК и членов ЦК КПСС, решая важнейшие вопросы без должного коллективного обсуждения.

Проявляя нетерпимость и грубость к товарищам по президиуму и ЦК, пренебрежительно относясь к их мнению, т. Хрущев допустил ряд крупных ошибок в практическом осуществлении линии, намеченной решениями XX, XXI и XXII съездов КПСС.

Президиум ЦК КПСС считает, что при сложившихся отрицательных личных качествах как работника, преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущев не способен исправить допущенные им ошибки и непартийные методы в работе.

Учитывая также поданное т. Хрущевым заявление, президиум ЦК КПСС постановляет:

1. Удовлетворить просьбу т. Хрущева об освобождении его от обязанностей первого секретаря, члена президиума ЦК и председателя Совета министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

2. Признать нецелесообразным в дальнейшем объединять в одном лице обязанности первого секретаря ЦК и председателя Совета министров СССР.

3. Считать необходимым созвать 14 октября 1964 года пленум ЦК КПСС.

Поручить открытие пленума тов. Брежневу Л. И.

Поручить выступить с сообщением от имени президиума ЦК и секретариата ЦК тов. Суслову М. А.».

Решили двумя выступлениями на пленуме и ограничиться. Прений не открывать, в частности, чтобы не давать слова Хрущеву. А через какое-то время собрать другой пленум и тогда уже обсудить накопившиеся организационные вопросы.

На пост первого секретаря ЦК предложили кандидатуру Брежнева. Председателем Совета министров рекомендовали назначить Алексея Николаевича Косыгина, который был одним из двух первых заместителей Хрущева в правительстве.

Во время заседания озабоченный Шелепин показал Шелесту перехваченную записку Ольги Иващенко, секретаря ЦК Украины. В записке говорилось:

«Заседает президиум, что-то происходит. Я согласна, что нужно говорить о недостатках, но нельзя прибегать к крайним мерам. В Америке надвигается фашизм. Это ему на руку.

Брежнев честолюбив, властолюбив. Шелест держит развязный тон, они вместе. Можно критиковать, но это не значит, что нужно убирать. Русским и украинцам нужен вожак, к нему все тянутся...»

Записку показали Подгорному и Брежневу. Члены президиума насторожились. Вдруг у Хрущева появятся и другие союзники? Решили принять дополнительные меры предосторожности: то есть не дать высказаться на пленуме никому из тех, кто против ухода Хрущева. Шелест вышел из зала заседаний, позвонил своему второму секретарю Соболю и велел установить контроль за Иващенко.

После заседания президиума приехавших в Москву членов ЦК собрали по группам, чтобы сообщить об отставке Хрущева и подготовить их к пленуму.

Петр Шелест рассказывал, как он выполнил свою часть задачи. В четыре часа дня в постоянном представительстве Украины при Совете министров СССР собрали всех участников пленума, прилетевших из Киева. Шелест проинформировал их о принятых решениях. Первый заместитель председателя Совмина республики Иван Сенин попросил уточнить:

— Никита Сергеевич сам подал заявление, или его вынудили к этому?

Пришлось Шелесту «разъяснять». Он сам потом признавал, что говорил недостаточно убедительно.

Иващенко поинтересовалась:

— Почему не оставить Никиту Сергеевича на одной из должностей? И как освобождение Хрущева может отразиться на международных отношениях?

Шелест ответил, что Хрущев подал заявление и уходит на заслуженный отдых. Что касается реакции братских компартий, то нечего беспокоиться: генеральная линия партии остается неизменной.

Сохранившие верность Хрущеву Ольга Иващенко и Иван Сенин вскоре были отправлены на пенсию. В семье Сенина произошла трагедия, о которой много говорили в Киеве. Его сын Михаил, архитектор, вроде бы находился в особых отношениях с выдающимся кинорежиссером Сергеем Иосифовичем Параджановым, известным своей нетрадиционной ориентацией. Параджанова травили, хотели посадить. Михаила Сенина вызвали в КГБ. Вернувшись домой, он написал предсмертную записку, лег в ванну и вскрыл себе вены. Это самоубийство стало поводом для ареста Параджанова, которого судили и приговорили к пяти годам тюремного заключения...

Никита Сергеевич позвонил дочере Раде домой, сказал:

— Сегодня состоится пленум и меня освободят от должности. Ты предупреди Алешу.

Рада Никитична была замужем за Алексеем Ивановичем Аджубеем, главным редактором газеты «Известия».

В Москву утром 14 октября прилетел президент Кубы Освальдо Дортикос. В тот момент никому не было до него дела.

Во Внукове, где еще висел огромный портрет Хрущева, кубинского гостя встречали руководители страны. В аэропорт приехал и приглашенный заранее зять Хрущева Аджубей, который еще оставался членом ЦК и редактором «Известий». Но чиновники, которые еще вчера искали расположения Аджубея, делали вид, что его не замечают. Он стоял растерянный. Только Анастас Микоян пожал ему руку.

В тот день впервые не вышел в свет вечерний выпуск «Известий». На следующее утро газета, как и все остальные, опубликовала сообщение о пленуме ЦК и портреты новых руководителей страны. Ночью в редакциях дежурные бригады с особым тщанием читали газетные полосы, вычеркивая имя Хрущева.

Пленум ЦК состоялся в шесть вечера в Свердловском зале Кремля. Места в зале не были закрепленными, но все знали, кому где полагается сидеть.

Место в президиуме первым занял Брежнев. Стало ясно — он и будет руководителем партии. Хрущев сидел в президиуме, понурив голову.

Леонид Ильич открыл пленум. Он рассказал, что 12 октября члены президиума ЦК обсудили вопросы принципиального характера. В ходе обсуждения неизбежно зашел разговор и о ненормальной обстановке в президиуме ЦК. Приняли решение обсудить эти вопросы в присутствии Хрущева.

— Все выступившие, — сказал Брежнев, — были едины во мнении, что в работе президиума ЦК нет здоровой обстановки, что обстановка сложилась ненормальная и повинен в этом в первую очередь товарищ Хрущев, вставший на путь нарушения ленинских принципов коллективного руководства жизнью партии и страны, выпячивающий культ своей личности. Президиум ЦК с полным единодушием пришел к выводу, что вследствие скоропалительных установок товарища Хрущева, его непродуманных волюнтаристских действий в руководстве народным хозяйством страны допускается большая неразбериха, имеют место серьезные просчеты, прикрываемые бесконечными перестройками и реорганизациями. Президиум ЦК, считая нетерпимым создавшееся положение, единодушно признал необходимым созвать безотлагательно пленум Центрального комитета партии и вынести этот вопрос на обсуждение и решение пленума...

Эти слова Брежнева в стенограмму пленума, разосланную на места, не включили. Если верить правленой стенограмме, то Брежнев почти сразу передал слово секретарю ЦК Михаилу Андреевичу Суслову, который зачитал заранее подготовленное обвинительное заключение по делу Хрущева.

Почему доклад доверили Суслову? Подгорный выступать отказался, Брежнев не рвался на трибуну. Суслов как официальный партийный идеолог оказался подходящей фигурой, хотя его привлекли к заговору в последнюю очередь.

Когда с ним завели разговор о снятии Хрущева, он занял осторожно-выжидательную позицию, хотя не мог не чувствовать, что Никита Сергеевич относится к нему пренебрежительно. Начетчик по натуре, Суслов искал прецедент в истории партии, но не находил: еще никогда руководителя компартии не свергали. Михаил Андреевич озабоченно рассуждал:

— Не вызовет ли это раскола в партии или даже гражданской войны?

Но, оценив расстановку сил, быстро сориентировался.

— В смещении Хрущева Суслов никакой роли не сыграл, — говорил мне тогдашний первый секретарь Московского горкома Николай Егорычев. — Ему просто не доверяли.

Суслов и Егорычев вместе ездили в Париж на похороны генерального секретаря французской компартии Мориса Тореза, скончавшегося 11 июля 1964 года.

Егорычева попросили во время поездки аккуратно прощупать Суслова: как он отнесется к смещению Хрущева? В Париже перед зданием советского посольства был садик. Они вдвоем вышли погулять. И, воспользовавшись случаем — чужих ушей нет, — Николай Григорьевич попытался заговорить с Сусловым:

— Михаил Андреевич, вот Хрущев заявил, что надо разогнать Академию наук. Это что же, мнение президиума ЦК? Но это же безумие! Хрущев это сказал, а все молчат. Значит, можно сделать вывод, что таково общее мнение?

Тут стал накрапывать дождичек.

— Товарищ Егорычев, дождь пошел, давайте вернемся, — предложил Суслов.

Осторожный Суслов не рискнул беседовать на скользкую тему даже один на один.

После окончания октябрьского пленума, на котором Хрущева отправили на пенсию, Суслов, глядя в зал, где сидели члены ЦК, спросил:

— Товарищ Егорычев есть?

Он плохо видел.

Егорычев откликнулся:

— Я здесь!

Суслов довольно кивнул ему:

— Помните нашу беседу в Париже?

Было заметно, что с членами ЦК хорошо поработали — когда на пленуме выступал Суслов, в нужных местах они кричали «правильно!». Еще недавно они так же поддакивали Хрущеву.

Суслов говорил о мании величия Хрущева, его самовольстве, о высокомерном отношении к товарищам, о том, что поездки первого секретаря носили парадный характер:

— При этом каждая поездка всегда сопровождалась огромными отчетами, публикуемыми во всех органах печати и передаваемыми по радио и телевидению. В этих отчетах фиксировался буквально каждый чих и каждый поворот Хрущева. Эти отчеты, наверное, набили всем нашим людям оскомину...

Пройдет совсем немного времени, и Суслов будет следить за тем, чтобы газеты и телевидение как можно пышнее освещали «исторические визиты товарища Леонида Ильича Брежнева».

Суслов перечислил «серьезные ошибки» Хрущева, особенно в сельском хозяйстве, поставил ему в вину постоянные реорганизации и перестройки, «поспешность и несерьезность» в решении международных проблем. Михаил Андреевич зачитывал доклад около двух часов. Закончил по-иезуитски:

— Признавая правильной критику в его адрес, товарищ Хрущев просил разрешить ему не выступать на пленуме.

Никто из членов Центрального комитета не попросил слова. Единодушно освободили Хрущева от его высоких должностей. Кто-то предложил вывести его и из состава ЦК. Но это требовало тайного голосования. А чем оно обернется? Организаторов устроило бы только единодушное голосование, а его могло и не быть. Никита Сергеевич, оставшись до очередного съезда партии членом ЦК, уехал домой.

Постановили также «признать нецелесообразным в дальнейшем объединять в одном лице обязанности первого секретаря ЦК и председателя Совета министров».

Доклад, прочитанный Сусловым, историки считают «мягким». Поскольку существовал еще один, зубодробительный вариант, подготовленный Дмитрием Степановичем Полянским. Ему в последние годы больше всех доставалось от Хрущева, и злости накопилось порядочно. Он рассчитывал произнести главную речь. Но старшие товарищи не дали ему такой возможности. Полянский был молод и амбициозен. Зачем укреплять его позиции?

Окончательный вариант его семидесятистраничного доклада был отпечатан в четырех экземплярах. Один экземпляр Дмитрий Степанович вернул в общий отдел ЦК с просьбой приложить к материалам октябрьского пленума. Остальные три собственноручно разорвал и отдал на уничтожение в 1-й сектор (подготовка материалов к заседаниям президиума) общего отдела ЦК, где бумаги по установленному порядку сожгли.

Брежнев сам определил уровень жизни пенсионера Хрущева. Сохранилась написанная рукой Леонида Ильича не слишком грамотная записка:

«1. Пенсия 5000 (500 р. по новому курсу).
2. Кремлевская столовая.
3. Поликлиника 4-го Гл. упр.
4. Дача — на Перового-Дальней (Истра).
5. Квартиру в городе подобрать.
6. Машину легковую».

Относительно машины сказал помощникам: «...не новую». Никите Сергеевичу выделили небольшую дачу и попросили в город не приезжать.

Хрущев, ссылаясь на большую семью, просил оставить ему дотацию для столовой лечебного питания в сто рублей (как министрам), ему оставили семьдесят — как чиновникам средней руки.

Спустя много лет «Вечерняя Москва» опубликовала интервью с личной поварихой Хрущева. Она хорошо запомнила день, когда его сняли:

— 14 октября 1964 года мой муж, который работал в охране у Хрущева, пошел, как обычно, поутру на службу и тут же вернулся: «Что-то случилось! Только я приехал, как нас всех посадили в автобус и развезли по домам!» Я испугалась, быстрее в особняк! Приезжаю. Дверь открывает незнакомый человек и говорит: «Вашего хозяина сняли». Председатель Комитета госбезопасности Семичастный ласково так мне говорит: «Иди и спокойно работай, потому что все это тебя не касается...» А как работать? Нины Петровны нет, она в Карловых Варах отдыхает...

Никита Сергеевич вернулся в особняк на Ленинских горах поздно вечером. Его ждали дочь Рада, сын Сергей. Пришел Серго Микоян, один из сыновей Анастаса Ивановича, занимавшего соседний особняк. Хрущев вышел из машины и, ни слова не говоря, поднялся к себе. Приехавший одновременно Анастас Микоян наставительно сказал молодежи:

— Хрущев забыл, что и при социализме бывает такая вещь, как борьба за власть.

Рада Никитична Аджубей рассказывала мне, что в тот момент даже не очень-то сожалела о выходе отца на пенсию:

— Это было к лучшему. Программа Хрущева исчерпала себя, потом придет молодая команда и пойдет дальше...

А по всей стране избавлялись от портретов Хрущева. Его вычеркивали из истории страны, словно и не было такого руководителя Советского государства.

В два часа ночи заместителю председателя Фрунзенского райисполкома Москвы Дмитрию Квоку позвонил первый секретарь райкома и велел немедленно приехать.

— Что случилось?

— Это не телефонный разговор. Сказано — выполняй.

Когда Квок приехал, секретарь райкома доверительно сказал:

— Только что закончился пленум ЦК — Хрущева сняли. Понял?

— Понял.

— Тогда поехали по району.

— Район спит, никто ничего не знает. Что мы сейчас увидим?

— До тебя, видно, не доходит. Поехали!

Объехали весь район — тишина. Остановились возле станции метро «Фрунзенская».

На работу Хрущев ехал по Комсомольскому проспекту. У станции метро «Фрунзенская» стояла двадцатипятиметровой высоты конструкция — на панно был изображен улыбающийся Никита Сергеевич со всеми своими наградами.

— Портрет надо немедленно снять, но чтобы об этом никто не знал, — распорядился секретарь райкома.

— Как же снять, чтобы никто не знал? Кран нужен, рабочие нужны.

Секретарь райкома сообразил:

— Вызывай художника. Скажи, что портрет нужно подправить в связи с успешным полетом космического экипажа во главе с Владимиром Комаровым.

Дмитрий Квок вернулся в исполком около четырех часов утра и позвонил начальнику ремонтно-строительного управления Мирону Петровичу Ткачуку, бывшему фронтовику:

— Мирон Петрович, нужно срочно прибыть в райисполком.

Тот, не задавая вопросов, ответил:

— Слушаюсь.

Добирался он до райисполкома пешком. За это время Квоку еще раз позвонил первый секретарь райкома:

— Знаешь, я тут проконсультировался с горкомом. Рекомендовали до опубликования решения пленума портрет не снимать. То, что я тебе сказал, держи пока в тайне.

Тут появился Ткачук в военной форме и отрапортовал:

— По вашему приказанию подполковник запаса Ткачук прибыл.

Что было делать? Квок сказал правду:

— Понимаешь, Мирон, сегодня ночью освободили от должности Хрущева, и я тебя вызвал, чтобы организовать работу по замене его портрета у метро «Фрунзенская». Но пока ты шел, команду отменили.

— А я подумал — опять война, — с облегчением произнес Ткачук...

После того как Хрущев лишился своих должностей, Брежнев, председательствовавший на пленуме, поставил вопрос об избрании первого секретаря ЦК.

Как свидетельствует стенограмма, в зале сразу же раздались голоса:

— Предлагаем избрать первым секретарем ЦК нашей партии товарища Брежнева!

Все зааплодировали.

В председательское кресло пересел Подгорный, чтобы провести голосование:

— Внесено предложение избрать первым секретарем ЦК товарища Брежнева. Других предложений нет? Нет. Будем голосовать. Кто за то, чтобы избрать товарища Брежнева первым секретарем ЦК нашей партии? Членов ЦК прошу поднять руки. Прошу опустить; кто против, воздержался? Предложение принято единогласно.

В зале опять раздались аплодисменты.

Решающий голос имели только члены Центрального комитета. Но Подгорный решил показать полное единодушие всего партийного руководства.

— Давайте, товарищи, проголосуем вместе с кандидатами и членами ревизионной комиссии, — предложил он. — Кто за то, чтобы избрать товарища Брежнева первым секретарем ЦК КПСС, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Кто воздержался? Товарищ Брежнев избран единогласно.

Опять аплодисменты. Все встали.

Леонид Ильич Брежнев был избран не только первым секретарем ЦК КПСС, но и председателем бюро ЦК по РСФСР (через полтора года на партийном съезде созданное Хрущевым бюро упразднили).

Брежнев вернулся на председательское место.

Он сказал несколько положенных в таких случаях слов, которые в стенограмме облагородили и довели до совершенства:

— Я благодарю членов ЦК и кандидатов в члены ЦК, членов ревизионной комиссии, всех вас, товарищи, за высокое доверие, которое вы мне оказали. Я понимаю всю тяжесть и ответственность порученного мне сегодня дела и постараюсь отдать все свои силы, опыт и знания для того, чтобы — безусловно при вашей поддержке — оправдать то высокое доверие и честь, которые вы мне оказали.

И он вновь услышал аплодисменты, которые отныне станут сопровождать каждое его появление на публике.

Окончательный выбор

В годы перестройки историки и политики задались вопросом: а могли быть в октябре 1964 года другие кандидатуры, помимо Брежнева?

В тогдашнем руководстве можно было найти более молодых, образованных и динамичных политиков, но реально выбор ограничивался членами президиума ЦК. Остальные, имевшие меньший партийный ранг, не рассматривались как кандидаты.

В октябре 1964 года в президиум входили (помимо Хрущева): Брежнев, Воронов, Кириленко, Козлов, Косыгин, Микоян, Подгорный, Полянский, Суслов, Шверник.

Фрол Романович Козлов был тяжело болен и работать не мог. Кандидатуры Микояна и Шверника не рассматривались ввиду преклонного возраста, Шверник был даже старше Хрущева. Полянский, напротив, был слишком молод. Кириленко никогда не котировался так высоко, чтобы претендовать на первые роли.

Кого же тогда могли предложить в первые секретари?

Подгорного? Суслова? Косыгина?

Николай Викторович Подгорный с Брежневым были в тот момент на равных: оба секретари ЦК с широкими полномочиями, в отсутствие первого по очереди председательствовали на заседаниях президиума и секретариата.

Гришин и Шелест утверждали потом, что, когда решали, кому быть первым секретарем ЦК, Брежнев предложил кандидатуру Подгорного, но тот отказался:

— Нет, Леня, берись ты за эту работу.

Если этот эпизод и был, то носил ритуальный характер.

Леонид Ильич продемонстрировал партийную скромность, понимая, что Николай Викторович сам откажется. За спиной у Подгорного было руководство украинской, крупнейшей в стране партийной организацией. Он явно жаждал власти и рассчитывал на первые роли. Но у него маловат был опыт работы в Центре, в 1964 году его еще воспринимали как провинциального, украинского партработника. Так что он очевидно уступал Леониду Ильичу, давно занимавшему видные посты в столице.

В отличие от Подгорного Михаил Андреевич Суслов был известен партаппарату всей страны. К нему уже тогда относились с почтением и даже с некоторой опаской. Но он с послевоенных времен шел по идеологической линии. А «идеологи» первыми секретарями не избирались. Считалось, что первому лицу нужен опыт руководства промышленностью или сельским хозяйством.

Такой опыт конечно же был у Алексея Николаевича Косыгина. Но ему мешало другое — за свою жизнь он всего лишь несколько месяцев находился на партийной работе, в 1938 году, когда молодого директора фабрики «Октябрьская» поставили руководить промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома. Но в том же тридцать восьмом Косыгина утвердили председателем Ленинградского горисполкома, на следующий год перевели в Москву наркомом текстильной промышленности, и с той поры он работал в правительстве. В провинции, в республиках его редко видели.

Первые секретари обкомов, составлявшие большинство Центрального комитета, считали, что во главе партии должен стоять такой же, как они, профессиональный партийный работник. Косыгину многие симпатизировали, но видели его максимум в кресле главы правительства.

Конечно, все эти формальные соображения могли быть забыты, если бы кто-то из кандидатов имел поддержку большинства членов президиума. Но такой сплоченной группы в президиуме не было.

Из всего наличного состава именно Леонид Ильич Брежнев представлялся самым вероятным кандидатом на роль первого секретаря ЦК. У него за спиной была богатая биография: фронтовик, первый секретарь нескольких обкомов, первый секретарь в Молдавии и Казахстане, председатель президиума Верховного Совета, секретарь ЦК, занимавшийся космосом, тяжелой и военной промышленностью...

И по человеческим качествам Брежнев подходил на роль лидера больше других. Не всегда хмурый Косыгин, не тонкогубый Суслов с лицом инквизитора, не грубоватый Подгорный, а красивый, улыбчивый, доброжелательный Леонид Ильич больше располагал к себе. Он был импозантным, артистичным, умел вести себя, знал, как надо говорить с тем или иным человеком, сразу становился центром большой компании, производил очень благоприятное впечатление.

Так что в октябре 1964 года за Брежнева голосовали с легким сердцем.

Его избрание вызвало в стране одобрение. Получив газеты, советские люди не без удовольствия всматривались в еще молодое и приятное лицо. Старое-то партийное руководство за небольшим исключением представляло собой малосимпатичную компанию. Борис Пастернак писал тогда:

И каждый день приносят тупо,
Так что и вправду невтерпеж,
Фотографические группы
Сплошных свиноподобных рож.

Люди были довольны отставкой Хрущева, который последние годы вызывал только насмешки. Люди жаждали покоя, порядка, стабильности и улучшения жизни.

Впрочем, в среде интеллигенции (и не только либеральной) об уходе Хрущева сожалели, потому что с Никитой Сергеевичем были связаны благотворные перемены в жизни общества.

Видный партийный работник, будущий помощник Горбачева Георгий Лукич Смирнов вспоминал, как на следующий день после пленума он пришел в журнал «Коммунист», где тогда работал.

Всех собрали в кабинете главного редактора Василия Павловича Степанова, и тот сообщил, что пленум ЦК освободил от должности Хрущева «по состоянию здоровья и его просьбе». Все молчали. Только один человек восторженно приветствовал решение пленума и стал критиковать решение Хрущева о разделении партии на промышленную и сельскую.

— Не надо спешить, — прервал его Степанов. — Особенно вам. Присутствующие помнят, как вы настояли на публикации своей статьи, восхваляющей опыт организации сельской партии. Другие члены редколлегии возражали.

Отсутствие энтузиазма по случаю перемен в стране стоило главному редактору «Коммуниста» его кресла...

Другое дело, что потом, когда начался застой и Брежнев стал вызывать только раздражение, возник вопрос: почему же нам так не повезло и во главе государства оказался именно такой человек?

Так ведь выбор в принципе был невелик. Хозяином страны мог стать только кто-то из действующей обоймы высших руководителей. Все это были люди, которые дослужились до высших должностей не благодаря своим достоинствам, а потому что пришлись по душе предыдущему поколению руководителей.

После октября 1917 года в стране происходила своего рода селекция, и ее результаты были всего заметнее в высшем эшелоне власти. Это не значит, что руководство страны составляли люди совсем уж без достоинств. Они выбились наверх, потому что знали, как обойти соперников. Но даже те, кто от природы был наделен лидерскими качествами, кто обладал знаниями и широким кругозором, были искалечены борьбой за власть, через которую они прошли...

На следующий день после октябрьского пленума состоялось совещание первых секретарей ЦК национальных республик и первых секретарей крайкомов и обкомов. Им поручили собрать на местах актив и рассказать о причинах кадровых перемен в Москве.

19 октября Брежнев по заведенной Хрущевым традиции устроил торжественную встречу троим космонавтам, совершившим полет на корабле «Восход».

По дороге с космодрома в Москву космонавты шутя напутствовали командира корабля Владимира Михайловича Комарова, которому предстояло рапортовать Брежневу:

— Володя, докладывать нужно так: «Готовы выполнить любое задание любого нового правительства».

Никита Сергеевич еще формально оставался главой партии и правительства, а 14 октября уже сменили руководителей основных средств массовой информации, которые входили в неофициальную «пресс-группу Хрущева».

В Госкомитете по телевидению и радиовещанию секретарь ЦК по идеологии Леонид Ильичев представил членам коллегии нового начальника, Николая Николаевича Месяцева, который при Сталине служил в госбезопасности, работал в комсомоле, а последние два года был заместителем Андропова в отделе ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Три дня, пока решалась судьба Хрущева, Николай Месяцев находился в телерадиокомитете, даже домой не ездил.

До Месяцева председателем Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию был Михаил Харламов. В начале 1950-х он работал в «Правде», после смерти Сталина заведовал отделом печати МИДа. В декабре 1962 года его поставили руководить телевидением и радио. Теперь его назначили заместителем главного редактора Издательства политической литературы — это было очень большое понижение для человека, занимавшего министерскую должность.

Сместили и главного редактора «Правды» Павла Сатюкова. Он был и первым председателем созданного в 1959 году Союза журналистов СССР. Пока искали нового редактора главной партийной газеты, несколько номеров выпустил сам секретарь ЦК Ильичев, который еще при Сталине редактировал «Правду».

На следующий день после снятия Хрущева и в «Известиях» вместо снятого Алексея Аджубея появился новый редактор — Владимир Ильич Степаков. У него была богатая биография. В последний сталинский год он успел послужить в Министерстве госбезопасности, потом работал в московском партийном аппарате. До «Известий» руководил одним из идеологических отделов ЦК. В редакции он собрал партийный актив и настороженно спросил:

— В агитпропе меня предупредили, что посылают в буржуазную газету. Это верно?

Расправились с помощником Хрущева по идеологии и культуре Владимиром Семеновичем Лебедевым, который вел себя слишком самостоятельно. Его убрали из аппарата ЦК, где он проработал двадцать лет.

Зато не тронули помощника по международным делам Олега Александровича Трояновского. Его взял к себе Косыгин. Потомственный дипломат Трояновский помимо иных талантов обладал редким даром нравиться начальству. К нему ни у кого не было никаких претензий.

И неожиданно для многих вполне милостиво отнеслись к главному помощнику Хрущева Григорию Шуйскому, которого Никита Сергеевич особо выделял и именовал «боярином». Они работали вместе с 1950 года. Тем не менее Шуйского не выставили из аппарата. Его перевели консультантом в отдел пропаганды и агитации ЦК, где он трудился до 1976 года, когда его по возрасту отправили на пенсию. Конечно, за ним присматривали, его разговоры прослушивались. Но — в отличие от Владимира Лебедева — Шуйский сохранил те атрибуты высокопоставленного советского чиновника, которые позволяли ему вести комфортную жизнь.

Сын Хрущева Сергей полагает, что это была благодарность нового руководства за то, что Шуйский вовремя переориентировался и не предупредил Никиту Сергеевича о готовящемся заговоре. Это вполне вероятно. В последние недели перед октябрьским пленумом подготовка к свержению Хрущева шла полным ходом, аппарат ЦК превратился в штаб заговора. В работу был вовлечен большой круг людей. Неужели все это прошло мимо личных помощников Хрущева?..

После смещения Хрущева в здании ЦК КПСС на Старой площади делили власть и обживали новые кабинеты. Однако некоторые члены ЦК остались недовольны — их обошли должностями. Это были обиженные Хрущевым бывшие секретари ЦК Николай Игнатов, Екатерина Фурцева, Аверкий Аристов. Они когда-то были на равных с Брежневым, именовали его по-свойски Леней и невысоко ценили его достоинства и таланты. После отставки Хрущева они рассчитывали вернуть себе высокие посты. Но их надежды не оправдались.

Через год после смещения Хрущева второй секретарь ЦК компартии Грузии Петр Александрович Родионов приехал из Тбилиси в Москву, позвонил председателю президиума Верховного Совета РСФСР Николаю Григорьевичу Игнатову.

Тот недовольно буркнул:

— Ты, голубчик, что-то стал зазнаваться. Бываешь в Москве, а ко мне не заходишь.

Родионов попробовал отшутиться:

— Не хочу отрывать драгоценное время у президента Российской Федерации.

Они договорились о встрече. Родионов приехал на Делегатскую, где тогда находились президиум Верховного Совета РСФСР и правительство России.

Прошли в комнату отдыха. Игнатов обрушился на Брежнева:

— Дураки мы, привели эту Лису Патрикеевну к власти. Ты посмотри, как он расставляет кадры! Делает ставку на серых, но удобных, а тех, кто поумнее и посильнее, держит на расстоянии. Вот и жди от него чего-нибудь путного...

Новые люди занимали в Москве номенклатурные посты. Это были те, кого Леонид Ильич хорошо знал, с кем работал, кому доверял. Таков был главный принцип его кадровой политики.

Леонида Ильича не назовешь более талантливым и ярким политиком, чем Хрущев. Но Никита Сергеевич провел остаток жизни в роли никому не нужного пенсионера, за каждым шагом которого следили чекисты. А Брежнев оставался хозяином страны до своего смертного часа. И если бы врачи Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения СССР овладели секретом бессмертия, то Леонид Ильич, вполне возможно, правил бы нами и по сей день.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЕРШИНУ

Леонид Ильич Брежнев родился 19 декабря (6 декабря по старому стилю) 1906 года в поселке Каменское Екатеринославской губернии. В 1936 году Каменское переименовали в Днепродзержинск — в память о создателе ВЧК. А Екатеринослав стал Днепропетровском — в честь украинского революционера Григория Ивановича Петровского.

Население поселка в начале XX века составляло примерно двадцать пять тысяч человек. Большинство взрослых работали на Днепровском заводе Южно-Русского металлургического общества. Это было крупнейшее на юге России предприятие. Разнорабочим, а затем помощником вальцовщика на заводе трудился и отец Леонида Ильича, Илья Яковлевич. Через этот завод прошло все семейство Брежневых.

Илья Яковлевич происходил из деревни Брежневки Стрелецкого уезда Курской области. Он уехал в город и женился. В семье Ильи Яковлевича и Натальи Денисовны Брежневых родилась дочь, но она умерла. В 1906-м появился на свет Леонид, в 1909-м — дочь Вера, последним родился второй сын, Яков, названный в честь деда по отцовской линии. Вся семья жила в одной комнате, которую снимала в доме заводского мастера.

Глава семейства умер в 1935 году, Илья Яковлевич не дожил и до шестидесяти. Мать, Наталья Денисовна, была моложе мужа на восемь лет. Она дождалась того момента, когда ее сын стал хозяином страны. В 1966 году перебралась в Москву, тихо и скромно жила у сына на госдаче. Наталья Денисовна скончалась в 1975 году.

Дела семейные

Леонид Ильич только в девять лет поступил в приготовительный класс Каменской мужской классической гимназии, которую после революции преобразовали в Первую трудовую школу. Учился недолго. В пятнадцать лет он поступил на завод кочегаром, потом стал слесарем.

«Заводской быт, думы и чаяния рабочего человека, его подход к жизни, — все это определяющим образом сформировало и мое мировоззрение. И то, что было заложено тогда, сохранилось и на всю жизнь» — это строки из очерка «По заводскому гудку», который входил в большую автобиографическую эпопею, написанную от имени Брежнева.

Леонид Ильич с уважением вспоминал отца, сдержанного и строгого, но не наказывавшего детей. Ценил в нем рассудительность и порядочность. Рассказывал, как в годы Гражданской войны к отцу пришел вальцовщик Черняк, еврей по национальности. У него было четверо детей, а к поселку подходила очередная банда, боялись погромов.

— А ты в случае чего веди детей к нам, — предложил старший Брежнев.

Четверо еврейских мальчиков укрылись у них в доме. Некоторые черты характера и представления о жизни Леонид Ильич унаследовал от отца. Во всяком случае национальных предрассудков у него не было. Дружил с выходцами из разных республик и по этническим признакам людей не делил.

Когда завод закрыли, жители рабочего поселка стали разъезжаться. Там не было возможности как-то прокормиться. «Жизнь в Каменском утратила всякий смысл», — говорится в очерке «Чувство Родины», тоже опубликованном от имени Леонида Ильича.

Семья Брежневых уехала в Курскую область, на родину отца. В 1923 году Леонид Брежнев поступил в Курский землеустроительно-мелиоративный техникум. В техникуме его приняли в комсомол. Подрабатывал на маслобойном заводе, разгружал дрова и зерно.

В техникуме изучались серьезные предметы — геодезия, геология, почвоведение, сельскохозяйственная статистика. Леонид Ильич благополучно переходил с курса на курс. Но большого интереса к учебе не питал, и его образование осталось очень скудным.

«Читал для удовольствия, по внутренней потребности он крайне редко и мало, — вспоминал его помощник Александров-Агентов, — ограничиваясь газетами и "популярными" журналами типа "Огонька", "Крокодила", "Знание — сила".

Уговорить Леонида Ильича прочитать какую-нибудь интересную, актуальную книгу, что-либо из художественной литературы было делом почти невозможным. И за двадцать один год совместной работы с ним мне не приходилось видеть ни разу, чтобы он по собственной инициативе взял том сочинений Ленина, не говоря уже о Марксе или Энгельсе, и прочитал какую-либо из их работ...»

Даже сверхосторожный в оценках министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко писал в своих мемуарах:

«Его знания не отличались глубиной. Не случайно он не любил разговоров на теоретические темы, относящиеся к идеологии и политике. Последние годы жизни он почти ничего не читал...

Помню однажды, находясь на отдыхе в санатории под Москвой, я рекомендовал ему книгу о жизни Леонардо да Винчи, даже принес ее. Он обещал прочесть. Но недели через две вернул, сказав:

— Книгу я не прочел. Да и вообще, — отвык читать».

В отличие от генерального секретаря Андрей Громыко, который родился в небольшой деревне Старые Громыки неподалеку от Гомеля, всегда хотел и любил учиться. Он стал вполне образованным человеком и до конца жизни читал много серьезной литературы.

Брежнев не освоил даже грамоты, простые слова писал с грубыми ошибками. Хотя пробовал сам сочинять. Сохранилось написанное им стихотворение «На смерть Воровского». 10 мая 1927 года в швейцарском городе Лозанне бывший белогвардеец застрелил советского дипломата Вацлава Вацлавовича Воровского.

13 ноября Леонид Ильич послал стихотворение товарищу И. И. Евсюкову «на память». Через полвека друг юности Леонида Ильича вспомнил о подарке и переслал бесценную реликвию в ЦК. Там не знали, как быть с этим малограмотным творением (цитирую в точном соответствии с орфографией оригинала):

Это было в Лозане, где цветут гимотропы,
где сказочно дивные снятся где сны.
В центре культурьно кичливой Европы
в центре, красивой, как сказка страны.
В зале огромном стиле «Ампиро»
у входа где плещет струистый фонтан,
собралися вопросы решать всего мира,
представители буржуазных культурнейших стран.
Брилианты, монокли, цилиндры и фраки,
в петлицах отличия знаки
и запах тончайших раскошных духов.
Длинные речи не нужны,
и глупы громкие фразы о добрых делах.
От наркотина лица бессмысленно тупы
наглость во взоре и ложь на устах.
На двери внезапно взоры всех устремились
и замер, — среди речи английский сэр.

В залу с улыбкой под шум разговора вошел Воровский
делегат С.С.С.Р.
Шоклинг! позорной культуры, нет лака,
В пышном об-ве говор и шум
как смели сюда Вы явится без фрака,
он без цилиндра «мужик»
Простите! Не знал я да знать разве мог я что
здесь это важно решающим столь.
У нас это проще
во фраке без фрака, в блузе рабочей
в простых сапогах, у нас ведь не нужны отличия
знаков, что нужно решаем всегда и без них.
У нас ведь одеты совсем не как «деньди»
в простых сапогах, в блузе рабочей,
кофе не пьют там,
там нет и шербета,
но дело там делают не на словах
И замерла зала,
как будто невольно звонок председателя
вдруг прогремел;
Господа на сегодня быть может довольно
пора отдохнуть от сегодняшних дел.
А утром в оттеле под фирмой астрий
посол наш, убит был, убийцы рукой
И в книге великой росийской истории
Жертвой прибавилось больше одной!!!

Окончив техникум в 1927 году, молодой специалист недолго поработал землеустроителем в Грайворонском уезде Курской губернии. Он получил назначение на Урал, вначале на Михайловский завод, затем в Бисертский район.

Перед отъездом в дальние края, в 1928 году, Леонид Ильич женился на Виктории Петровне Денисовой. На склоне лет, уже оставшись одна, она поведала писателям Ларисе Васильевой и Владимиру Карпову историю своего романа.

Виктория Петровна была на год моложе Леонида Ильича. Она родилась в Белгороде 11 декабря 1907 года. Отец ее, Петр Никифорович Денисов, работал машинистом на железной дороге. Мать, Анна Владимировна, занималась воспитанием детей, — их было пятеро (четыре сестры и брат). Виктория окончила девять классов и поступила в Курский медицинский техникум. С Брежневым она познакомилась на танцах в общежитии. Виктория училась на первом курсе, а Леонид на третьем. Причем Брежнев пригласил ее подружку, но та отказалась, а Виктория согласилась. Подружка отказала будущему главе государства, потому что он не умел танцевать. Виктория его научила... Через три года они поженились и прожили вместе всю жизнь.

Во внешности Виктории Брежневой люди, озабоченные национальным вопросом, находили семитские черты и считали ее еврейкой. Викторию Петровну даже спрашивали об этом. Она отвечала, что не еврейка. Объясняла, что имя Виктория ей дали потому, что рядом жило много поляков, среди них это имя было распространено. Леонид Ильич ласково называл жену «Витей».

Виктория Брежнева получила диплом акушерки, но практически не работала, занималась мужем и домом, а потом и детьми. Они обосновались под Свердловском, снимали комнату. Тут у них родилась дочь Галина, позднее появился сын Юрий. Купили лошадь и ездили на санях. Брежнев полюбил охоту, ставшую его главным развлечением на всю жизнь.

И в зрелые годы часто повторял:

— Надо есть мясо диких животных, в них много микроэлементов.

Виктория Петровна создала мужу надежный и комфортный тыл. В доме у нее было уютно, она прекрасно готовила и впоследствии поваров, которые полагались Леониду Ильичу, научила готовить так, как ему нравилось. Но в еде он был неприхотлив.

Однажды Брежнев принимал вождя Северной Кореи Ким Ир Сена. Он недолюбливал его, считал, что тот компрометирует социализм, и в Пхеньян ехать не захотел. Поэтому встречу провел на борту ракетного крейсера «Варяг». Командующий Тихоокеанским военным флотом адмирал Николай Николаевич Амелько спросил Брежнева:

— Леонид Ильич, что вам приготовить на обед?

— Докторов со мной нет, — ответил генеральный секретарь, — пусть сделают флотский борщ и макароны по-флотски.

Виктория Петровна заботилась и о гардеробе мужа, сама подбирала ему костюмы и галстуки. На фоне серой чиновничьей массы, одетой совершенно одинаково, Леонид Ильич выглядел вполне элегантно, любил светлые тона, иногда появлялся без галстука, носил неформальные курточки и водолазки.

Леонид Ильич, судя по рассказам, пользовался успехом у женщин. Но развлечения на стороне не развалили семью. Брежнев привык к жене, советовался с ней по всем семейным делам. Заботился о ней, как и она о нем.

Политикой Виктория Петровна не интересовалась, советов мужу не давала, занималась только домом и хозяйством. Став первой леди государства, Виктория Петровна не изменилась, так же посвящала себя мужу, дому, детям, внукам, многочисленным родственникам, которым надо было помогать. И Брежнев был благодарен за это жене. Официальных обязанностей у нее было немного. Иногда ей приходилось присутствовать на государственных приемах вместе с мужем. И раз в год на приеме по случаю Международного женского дня 8 Марта Виктория Петровна бывала хозяйкой. На этот прием приглашали только женщин — жен послов и самых крупных советских чиновников, а также деятельниц культуры. Устраивались танцы, но поскольку мужчин не было, женщины танцевали друг с другом...

В 1929 году Леонида Ильича избрали в Бисертский районный Совет депутатов трудящихся и поставили заведовать земельным отделом, потом утвердили заместителем председателя райисполкома Бисертского района (Свердловский округ Уральской области).

Это был период сплошной коллективизации, когда справных, успешных, умелых хозяев называли кулаками, лишали земли, всего имущества и насильственно выселяли из родных мест. Ценности, деньги и зерно отбирали. За счет экспорта конфискованного хлеба Сталин финансировал развитие тяжелой промышленности.

Главная задача Брежнева состояла в том, чтобы передать земли, отобранные у кулаков, беднякам. Эти годы позволили ему впоследствии уверенно говорить, что он знает сельское хозяйство и проблемы деревни.

«При нарезке пахотных земель и луговых участков, — говорится в написанном от его имени очерке “Чувство Родины”, — мы последовательно проводили классовый принцип, стремились ограничить, потеснить к худшим угодьям кулака и помочь бедняку».

9 октября 1929 года на бюро Бисертского райкома КПСС Брежнева «как служащего-специалиста, принимающего активное участие в общественной работе», приняли кандидатом в члены ВКП(б). Ему предстояло пройти двухгодичный кандидатский стаж. На том же заседании Леонида Ильича командировали в Зуевский сельсовет для партийной учебы, проведения отчетно-проверочной кампании и создания страхового семенного фонда.

Через сорок с лишним лет по указанию первого секретаря Свердловского обкома Бориса Николаевича Ельцина сотрудники обкомовского архива отыскали протокол этого заседания и прислали Леониду Ильичу.

28 октября Брежнев на бюро райкома докладывал о ходе землеустройства. Члены бюро во главе с заместителем ответственного секретаря райкома Безматерных его работу одобрили.

В начале декабря Брежнев выступал на пленуме районного комитета партии:

— Лучшие земли мы передали бедняцкой и лучшей части середняцкой части населения. Мы должны представить все возможное бедноте, чтобы эти земли были засеяны. Особое внимание должно быть обращено в распределении кредитов бедняцким группам, которые организованы. Я считаю как недостатком в работе по коллективизации — отсутствие плана этой работы. Выезжающие шефы вопросы коллективизации в деревнях не заостряют...

4 декабря бюро райкома разрешило Брежневу уйти в очередной отпуск. После отпуска его ждало новое назначение.

13 февраля 1930 года бюро Свердловского окружкома партии Уральской области утвердило Брежнева заведующим окружным отделом землеустройства Свердловского окружного земельного управления. 20 февраля его перевели на работу в Свердловск. Но он не был создан для этой работы, казавшейся ему скучной.

Брежнев понимал, что для служебной карьеры ему не хватает образования.

В сентябре 1930 года он с приятелем поехал в Москву поступать в Институт сельскохозяйственного машиностроения имени М. И. Калинина. Обоих приняли. Виктория Петровна оставила дочку матери и приехала к мужу в столицу. Но жить в Москве с семьей было негде и не на что. Леонид Ильич бросил институт, и в 1931 году Брежневы вернулись к его родителям в Каменское. Леонид Ильич нанялся слесарем на завод имени Ф. Э. Дзержинского и поступил на вечернее отделение металлургического института имени Михаила Арсеничева в Днепродзержинске (Арсеничев был первым руководителем каменских большевиков).

«Институт, — как выразился потом многолетний помощник Брежнева Виктор Андреевич Голиков, — был не ахти какой».

К тому же Леонид Ильич выбрал вечернее отделение, да и не столько учился, сколько шел по общественной линии. В 1931 году (в двадцать пять лет) его приняли в ВКП(б). Брежнев выбрал себе стезю, которая больше всего отвечала его характеру и природным данным: партгрупорг, председатель профкома, секретарь парткома института.

Он еще учился, а уже 20 марта 1933 года молодого, активного коммуниста назначили директором Каменского вечернего металлургического рабфака, который со временем преобразовали в техникум.

Когда в 1976 году страна готовилась отметить семидесятилетие генсека, корреспондент журнала «Комсомольская жизнь» был командирован в Днепродзержинск (см. газету

«Трибуна» 19 декабря 2001 года), где раздобыл «Книги приказов по личному составу» рабфака, заполненные каллиграфическим почерком Леонида Ильича. Написанные по-украински приказы директора техникума Брежнева передают дух времени.

19 мая 1933 года: «Студентку 5-й группы Хрен О. Е., как дочь кулака, раскулаченного и лишенного права голоса, из состава студентов исключить как чуждый элемент».

19 июня 1933 года: «Студента 9-й группы Мухина Алексея исключить из состава студентов как сына кулака, который утаил свое социальное происхождение при поступлении на рабфак».

В 1935 году многотиражная газета завода имени Ф. Э. Дзержинского «Знамя Дзержинки» опубликовала заметку «Имя его — большевик». Речь шла о Брежневе:

«Я не могу себе представить, откуда у этого человека столько берется энергии и трудоспособности. До последнего месяца он работал директором вечернего металлургического рабфака. Нагрузка большая и тяжелая. Он же учится в нашем институте. Он же — лучший группарторг... И он же лучше всех на курсе защитил свой дипломный проект!.. Уйдя на производство, молодой инженер Леонид Брежнев обещает дать многое. И он даст... Потому что он выкован из крепкого металла».

Закончив институт, Леонид Ильич получил специальность — инженер-теплосиловик. Тема его дипломной работы — «Проект электростатистической очистки доменного газа в условиях завода имени Ф. Э. Дзержинского».

Почти через тридцать лет, 23 декабря 1963 года, на президиуме ЦК Никита Сергеевич Хрущев заявил, что в стране не нужно вводить всеобщее среднее образование. Достаточно восьмилетки, а дальше молодежь пусть осваивает профессию. Это была одна из идей, порожденных его малограмотностью. Между тем мир уже вступил в эпоху научно-технической революции и экономика страны нуждалась в образованных кадрах.

Но Брежнев поддержал Хрущева:

— Я считаю, что этот вопрос решается с политической точки зрения и в этом плане приобретает особую ценность мысль товарища Хрущева по вопросу о том, чтобы люди приобщались к труду. Я хотел бы подтвердить это примером своей семьи, показать это на примере своем, своего брата и сестры. Наш отец мечтал, чтобы мы получили высшее образование. Он сам не имел высшего образования и сорок пять лет проработал в цехе. Когда наступило время перехода его на пенсию, мы, уже выросшие, сказали ему, что, когда он уйдет на пенсию, мы ему будем помогать. Он нам на это ответил: для меня высшей наградой будет, если вы получите высшее образование. Мы все трое получили высшее образование без отрыва от производства. Я закончил среднюю школу и уже имел трудовой стаж. Нигде не учился пять лет, так как работал в сельском хозяйстве у отца. Потом приехал в Москву, потом бросил Москву и приехал на завод.

— Даже при таких условиях можно получить образование, — довольно заметил Хрущев.

— После этого я окончил техникум, — продолжал Брежнев.

— Таких можно пересчитать по пальцам, — сказал Анастас Иванович Микоян, который в отличие от Хрущева и Брежнева считал, что нельзя мешать молодежи получать высшее образование.

— Пальцев не хватит, — отрезал Хрущев.

— Потом поехал учиться, — продолжал свой рассказ Брежнев, — после этого приехал на завод и пять лет работал слесарем, потом окончил институт. Брат также начал работать на заводе, потом окончил институт и сейчас работает начальником цеха. Сестра также окончила институт и сейчас работает химиком в лаборатории...

Леонид Ильич недолго был начальником смены силового цеха завода имени Ф. Э. Дзержинского, поскольку 6 октября 1935 года был призван в Рабоче-крестьянскую Красную армию. Ему уже было двадцать девять лет.

Брежнева отправили в Забайкальский военный округ. Он должен был служить рядовым, но добился, чтобы его направили курсантом в Читинскую танковую школу (тогда она называлась Забайкальской бронетанковой академией). Наверное, сыграло роль то, что у него уже было инженерное образование. В те годы, когда бурно развивалось производство и освоение бронетанковой техники, в войсках были рады каждому технически подкованному призывнику. Окончив танковую школу, Брежнев получил назначение политруком танковой роты 14-го механизированного корпуса Дальневосточного военного округа. Начальство отметило склонность курсанта к политической работе. Газета Забайкальского военного округа «На боевом посту» 6 октября 1936 года поместила портрет Брежнева с короткой заметкой:

«Все выпускники танковой школы являются хорошими стрелками, высококвалифицированными, политически грамотными бойцами РККА... Кто они?

Вот тов. Брежнев Л. И. — коммунист, сын рабочего, сам рабочий из Днепропетровска. Отличник учебы. С первых дней стал одним из организаторов борьбы за отличные показатели боевой и политической подготовки. Личным примером вел за собой других товарищей. Будучи стажером — командиром взвода, добился того, что взвод вторую задачу по стрельбе выполнил на “отлично”. За год пребывания в армии получил пять благодарностей и денежную премию. Под его руководством исключительно хорошо оформлена казарма и ленинский уголок».

Четыре десятилетия спустя, весной 1978 года, министр обороны Дмитрий Федорович Устинов уговорил Брежнева как председателя Совета обороны страны совершить беспрецедентную поездку по всей стране.

Когда высокие гости оказались в Чите, где располагался штаб войск Забайкальского военного округа, Брежневу был приготовлен сюрприз. Его отвезли в полк, где он служил в 1930-е годы. Осмотрев музей боевой славы, он написал в Почетной книге:

«Дорогие солдаты и офицеры!

Для меня памятны и дороги эти места. Я начинал здесь воинскую службу в 1935—1936 годах в танковой части.

Спасибо, что вы храните традиции воинов, защищавших нашу Родину в дни Великой Отечественной войны. Будьте же достойны тех, кто, не щадя своей жизни, свято сражался и защитил рубежи Советской Родины.

Желаю вам хорошей службы».

Брежневу, сентиментально относившемуся к своему прошлому, очень понравилась музейная экспозиция. Член военного совета и начальник политуправления округа генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Лизичев вскоре был переведен в Москву заместителем начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота...

Леонид Ильич в армии прослужил всего год. В октябре 1936-го политрука Брежнева уволили в запас. В ноябре демобилизованного командира назначили директором Днепродзержинского металлургического техникума. Но в этой должности он не задержался. Массовые репрессии открыли молодому симпатичному человеку с рабочим прошлым и армейской закалкой дорогу к большой карьере. В мае 1937 года его утвердили заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета по строительству и городскому хозяйству.

В горисполкоме родного города он проработал всего год.

В мае 1938-го его перевели в областной центр. Днепропетровская область была тогда огромной, в нее входили районы, которые потом стали самостоятельными областями.

Брежнева назначили заведовать отделом советской торговли Днепропетровского обкома. Положение с продовольствием на Украине оставляло желать лучшего. Да и торговлей Леонид Иьич никогда не занимался, но это было время, когда на такие мелочи не обращали внимания. Умеет руководить — значит справится с любой должностью. А руководить, то есть ладить с начальством и подчиненными, у него получалось. Он был внимателен и доброжелателен к людям, окружающие это ценили. И по карьерной лестнице продвигался быстро. Года не просидел в кресле заведующего отделом, как его снова повысили.

7 февраля 1939 года Леонида Ильича избрали секретарем Днепропетровского обкома по пропаганде. Это был уже по-настоящему высокий пост. Днепропетровский обком по утвержденной ЦК иерархии принадлежал ко второй группе (к первой относились Киевский и Харьковский), численность аппарата превышала сто пятьдесят человек. Но идеологическая работа Брежневу никогда не нравилась. Он настолько не любил читать, что толком не освоил даже обязательный набор догматических установок. Да и неохота было ему корпеть над бумагами.

Через много лет, вспоминая свою работу в идеологической должности, генсек Брежнев в узком кругу сказал презрительно:

— Я ненавижу эту тряхомудию, не люблю заниматься бесконечной болтовней. Так что еле-еле отбрыкался...

Когда Леонид Ильич это рассказывал, рядом с ним сидел руководитель отдела пропаганды ЦК КПСС, будущий академик Александр Николаевич Яковлев. Брежнев повернулся в его сторону.

— Вот так, — наставительно добавил он и усмехнулся.

Первым секретарем Днепропетровского обкома был уже упоминавшийся выше Демьян Коротченко. Но покровительствовавший ему Хрущев вскоре сделал Коротченко главой республиканского правительства, а руководить областью поставил другого своего выдвиженца — Семена Борисовича Задионченко, который работал у Никиты Сергеевича еще в Бауманском райкоме Москвы. Сталин знал Задионченко и одобрил выбор Хрущева:

— А что? Он станет неплохим секретарем обкома.

Под крылом моторного и заводного Семена Задионченко Леонид Ильич и проходил школу партийного руководства.

На его счастье, идеологическим секретарем он был недолго. Брежнева поддерживал Константин Степанович Грушевой, с которым они вместе учились в металлургическом институте. Грушевой раньше начал делать партийную карьеру и вскоре стал первым секретарем Днепродзержинского горкома. В январе 1939 года его избрали вторым секретарем Днепропетровского обкома — вместо Леонида Романовича Корнийца, назначенного председателем президиума Верховного Совета республики.

Константин Грушевой тащил за собой Брежнева.

В 1940 году в обкоме по указанию Москвы ввели должность секретаря по оборонной промышленности — в связи с тем, что многие предприятия переходили на выпуск военной продукции.

Первый секретарь не знал местных кадров и прислушивался к Грушевому. Константин Степанович предложил поручить это дело Брежневу. Кандидатуру Леонида Ильича одобрил и Хрущев, который приезжал в область знакомиться с кадрами. 26 сентября 1940 года Леонида Ильича сделали секретарем обкома по оборонной промышленности. Брежневу было всего тридцать четыре года. Со всей энергией он взялся за дело, ему хотелось показать себя. Но началась война.

Герои Малой Земли

В июне 1941 года Брежнев только успел заехать за матерью в Днепродзержинск, как город захватили немцы. Он отправил семью в эвакуацию и ушел в армию. Большинство украинских партработников поступили в распоряжение военного совета Южного фронта. Как секретарь обкома он сразу получил один ромб в петлицы, то есть ему присвоили звание бригадного комиссара. У политического состава Красной армии еще сохранялись специальные звания.

В конце 1941-го секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Андреевич Андреев, занимавшийся в Москве кадровыми вопросами, переслал Хрущеву список перспективных украинских номенклатурных работников, которых предлагалось вернуть из армии и перевести на партийную работу в не занятых немцами областях. В списке фигурирует много людей, которые со временем займут высокие должности в Москве — от начальника ГлавПУРа Епишева до министра внутренних дел Щелокова, значатся и два секретаря Днепропетровского обкома, коллеги Леонида Ильича. Но фамилии Брежнева нет.

Он прослужил в армии всю войну. Возможно, в служебном росте он немного и отстал от тех, кто продолжал делать карьеру в тылу, зато репутация фронтовика сыграла немалую роль в его восхождении на вершину власти.

С 28 июня 1941-го по 16 сентября 1942 года Леонид Ильич был заместителем начальника политуправления Южного фронта. Фронтом командовал генерал Яков Тимофеевич Черевиченко, выходец из Первой конной армии. Но в Ставке увидели, что Черевиченко не справляется с фронтом, и понизили его в должности.

18 декабря 1941 года командующим Южным фронтом был назначен куда более способный генерал Родион Яковлевич Малиновский. Он умело провел Барвенково-Лозовскую операцию. В начале войны всякий успех ценили, отмечали орденами. В списке награжденных значился и Брежнев. «За образцовое выполнение боевых заданий на Южном фронте в ходе Барвенково-Лозовской операции» ему вручили орден Красного Знамени.

В наградном листе говорилось:

> «Работает заместителем начальника политуправления фронта. Будучи в этой должности, умело организует работу, вкладывая всю силу и энергию... Тов. Брежнев часто бывает в боевых порядках войск, мобилизуя массы красноармейцев, политработников и командиров на разгром фашистов. Тов. Брежнев — бесстрашный боевой политработник».

После неудачи под Харьковом Южный фронт покатился назад, не сумел удержать Новочеркасск. Ростов оставили без разрешения Ставки. Сталин был вне себя. Южный фронт слили с Северо-Кавказским фронтом. Командование принял маршал Семен Михайлович Буденный, Малиновский стал его заместителем. Но отступление продолжалось. 28 июля 1942 года Сталин подписал знаменитый приказ № 227. Его зачитали тогда всем военнослужащим, но не опубликовали. Он оставался секретным до лета 1988 года, хотя мало кто из прошедших войну не ссылался на него. Приказ № 227 запрещал войскам отходить без разрешения командования. Попавшая в безвыходное положение воинская часть или отдельный красноармеец должны были умереть, но не отступить.

Дело отступившего командира рассматривал военный трибунал. Приказ № 227 разрешал стрелять в спину тем, кто дрогнул и отступил. Виновных в летнем отступлении 1942 года искали и в политсоставе.

Лектор Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии полковой комиссар Синявский в августе 1942 года проверял, как исполняется приказ № 227.

Он доложил заместителю начальника ГлавПУРККА, что работники политуправления Емельянов, Брежнев, Рыбанин, Башилов «не способны обеспечить соответствующий перелом к лучшему в настроениях и поведении (на работе и в быту) у работников Политуправления фронта... И другие работники подвержены в своей значительной части беспечности, самоуспокоенности, панибратству, круговой поруке, пьянке и т. д.».

Лектор ГлавПУРа — не единственный московский проверяющий, который весьма нелестно оценивал деятельность Леонида Ильича на фронте. Генерал Волкогонов нашел в архивах Главного политуправления отчет полкового комиссара Верхорубова о работе Брежнева. Полковой комиссар, похоже, достаточно точно разобрался в стиле работы Леонида Ильича:

«Черновой работы чурается. Военные знания т. Брежнева — весьма слабые. Многие вопросы решает как хозяйственник, а не как политработник. К людям относится не одинаково ровно, склонен иметь любимчиков».

1 сентября 1942 года Ставка преобразовала Северо-Кавказский фронт в Черноморскую группу войск, перед ней была поставлена задача прикрыть Туапсе и Новороссийск. Маршала Буденного отозвали в Москву. Группу войск возглавил генерал-полковник Черевиченко. Брежнев вновь оказался у него в подчинении. 8 октября Брежнева назначили заместителем начальника политуправления группы войск. Это была меньшая по значению должность, чем прежняя. 22 декабря его наградили медалью «За оборону Одессы», но вообще-то наградами не баловали.

Членом военного совета Черноморской группы войск был генерал-майор Семен Ефимович Колонин. Вскоре его перевели в 18-ю армию, и он взял с собой Леонида Ильича. 1 апреля 1943 года Брежнева утвердили начальником политотдела 18-й армии. Новая должность опять-таки была пониже предыдущей. Так что в первые два года войны карьера Брежнева шла по нисходящей. Это важное обстоятельство необходимо иметь в виду. Леонид Ильич, несомненно, переживал свои неуспехи, считал такое отношение к себе несправедливым и со временем попытается переписать свою военную биографию.

Начальник политотдела армии подчинялся первому члену военного совета армии, который помимо прочего осуществлял партийный контроль над действиями командующего. Кроме Коломина был еще член военного совета армии по тылу — полковник Роман Елисеевич Булдович.

Непосредственный начальник Брежнева член военного совета 18-й армии Семен Колонин был профессиональным военным политработником. Перед войной он руководил политуправлениями Северо-Кавказского и Приволжского военных округов. С начала войны он являлся членом военного совета то одной, то другой армии. Более высокой должности не занял. Только когда политработникам присваивали обычные воинские звания, его из дивизионного комиссара произвели в генерал-майоры.

Член военного совета имел большие права, держался с командармом на равных. Без его подписи приказ по армии считался недействительным. Если он не соглашался с командующим, то имел полное право обратиться и к члену военного совета фронта, и непосредственно в Ставку. Членам военного совета армии установили аппараты правительственной междугородной ВЧ-связи, и они могли напрямую связаться с любым руководителем государства.

А начальник политотдела армии занимался работой политаппарата в частях, пропагандой, печатью, ведал приемом в партию и разбором персональных дел. Иначе говоря, к военным делам Леонид Ильич отношение имел косвенное.

Командовал 18-й армией генерал Константин Николаевич Леселидзе, артиллерист по военной специальности. Для него война началась в июне 1941-го под Брестом. Отступал до Тулы. Полковник Леселидзе был начальником артиллерии 50-й армии, участвовал в боях под Москвой. В битве за Кавказ командовал корпусом. В марте 1943 года получил под командование армию, которая занимала крайний левый фланг фронта.

Брежнев прибыл в 18-ю армию, когда уже шли бои на Малой Земле. Эта героическая страница истории войны прочно связана с его именем. Но сложись судьба иначе, и не Леонид Ильич, а сталинский соратник Лазарь Моисеевич Каганович считался бы героем Малой Земли...

В начале войны Сталин был недоволен тем, как железные дороги справились с эвакуацией промышленности, и не пощадил одного из самых верных своих помощников. 25 марта 1942 года Государственный Комитет Обороны принял разгромное постановление «О НКПС». В нем говорилось, что нарком путей сообщения Каганович «не сумел справиться с работой в условиях военного времени». Его сняли с поста наркома.

Летом 1942 года Сталин назначил Лазаря Моисеевича на незначительный пост члена военного совета только что образованного Северо-Кавказского (затем Закавказского) фронта.

Именно Каганович занимался организацией десанта на Малую Землю под Новороссийском, что в брежневские времена освещалось как чуть ли не главное событие Великой Отечественной войны. «Старый кадровик, я лично занимался подбором командиров и политработников десанта», — на склоне лет не без удовольствия вспоминал Каганович.

Основные силы Северо-Кавказского фронта должны были освободить Краснодар. В первых числах февраля Черноморскому флоту и Азово-Черноморской флотилии поручили провести отвлекающую операцию в тылу немецких войск. Руководил ею командующий Черноморским флотом вице-адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский.

В районе Мысхако на западном берегу Цемесской бухты (юго-западнее Новороссийска) в ночь на 4 февраля 1943 года высадили десантный отряд под командованием майора Цезаря Львовича Куникова, который до войны редактировал заводскую многотиражку. Двести пятьдесят морских пехотинцев десантировались прямо в ледяную воду. Потери были большие. Но бойцы зубами вцепились в захваченный плацдарм и закрепились. 12 февраля Куников был ранен и через два дня умер. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тем временем главную операцию отложили, а десант продолжал упорно удерживать плацдарм, который окрестили Малой Землей и который приобрел важное значение. Туда перебросили две стрелковые бригады, бригаду морской пехоты, полк десантников, истребительно-противотанковый полк. Все войска там объединили в десантную группу, ее возглавил заместитель командующего 18-й армией генерал-майор Алексей Александрович Гречкин. Бои на плацдарме продолжались семь месяцев или, точнее, двести двадцать пять дней. Малая Земля продержалась до сентября, когда началась Новороссийско-Таманская операция и советские войска освободили Новороссийск.

Генерал Давид Ортенберг, ответственный редактор «Красной звезды», приехав на Северо-Кавказский фронт, отправился на командный пункт 18-й армии. Член военного совета армии Семен Колонин отвел редактора главной военной газеты к командующему Константину Леселидзе.

«Я увидел худощавого невысокого роста генерала с выразительным лицом и блестящими умными глазами кавказца, приветливого и улыбчивого», — вспоминал после войны Ортенберг.

Леселидзе рассказал о ситуации на плацдарме. Ортенберг захотел увидеть все своими глазами. Плацдарм — голый мыс площадью в тридцать квадратных километров. До войны здесь выращивали виноград, из которого делали шампанское «Абрау-Дюрсо». Весь плацдарм просматривался противником, который занимал господствующие высоты. Поэтому войска упорно зарывались в землю.

Немецкая авиация утюжила плацдарм. Снабжение было крайне тяжелым делом. Кормили бойцов два раза в день — под утро и поздно ночью, когда немецкая авиация не бомбила.

Пополнение, патроны и снаряды, продовольствие и даже белье (на Мысхако стирать и развешивать белье было невозможно) десанту доставляли рыбацкие сейнеры и мотоботы из Геленджика. Переправлялись ночью, когда немцы ничего не видели и потому не стреляли.

Перед рассветом командующий армией и редактор «Красной звезды» спустились к берегу, чтобы отплыть назад. Но на море поднялось волнение, сторожевой корабль не мог пристать к берегу. Ждали сейнер, который должен был забрать раненых — человек пятнадцать. Начался обстрел — падает одна мина, другая...

Вдруг раздался голос:

— Товарищи, защитим нашего командующего!..

Высокий сержант с забинтованной рукой, подвешенной на косынке, бросился к Леселидзе и встал к нему спиной, лицом к рвущимся немецким минам. Раненые бойцы подбежали, вспоминал Ортенберг, и окружили их плотной стеной:

«Не знаю даже, как передать то, что я почувствовал и пережил тогда. Что же это такое? Раненые люди. Преданность родине и самоотверженность они уже доказали пролитой на поле брани кровью... Какие же нужны слова, чтобы оценить самопожертвование этих людей, кинувшихся в минуту опасности к своему командующему прикрыть его своей грудью?

Такие же мысли пронзили и генерала Леселидзе. Об этом он мне потом сказал. А в тот момент командарм скомандовал резко и твердо, словно рубанул:

— Кто разрешил?! Рассредоточиться!.. Лечь.

Мы и сами легли рядом с ними, взволнованные, потрясенные...»

В брежневские времена от отставного генерала Ортенберга добивались, чтобы он написал о подвигах Леонида Ильича на Малой Земле. Упрямый генерал отвечал:

— Я его там не видел.

«Для Брежнева Малая Земля, — писал Ортенберг, — была в своем роде зацепкой, он так много говорил о ней, писал, награждал, возвышал для того, чтобы хоть в малой степени иметь повод для оправдания своего “полководческого” восхождения».

Брежнев дважды побывал на Малой Земле. Один раз сопровождал группу московских партийных работников, в другой — приехал вручать партийные билеты и награды. Но и эти две поездки были опасными.

Немецкие и итальянские торпедные катера действовали у побережья, срывая снабжение частей 18-й армии. Они выходили в море в темное время суток и до наступления рассвета уходили на свои базы. А днем можно было подорваться на мине.

Военный корреспондент Сергей Борзенко, удостоенный звания Героя Советского Союза, писал, что сейнер «Рица», который шел из Геленджика на плацдарм, наскочил на мину. Взрывом Брежнева сбросило в море, но его в бессознательном состоянии подняли на борт. Леониду Ильичу везло. За всю войну ни разу не был ранен.

Тем временем Кагановича вызвали в Москву. В ноябре 1942 года Сталин принимал командармов Закавказского фронта, отдельно побеседовал с Кагановичем, и тот понял, что прощен.

Вождь пригласил Лазаря Моисеевича пообедать вместе со всеми членами политбюро и одобрительно заметил:

— Хорошо, что товарищ Каганович глубоко влезает в военные дела. — И, обратившись к нему, сказал: — Видно, что вас увлекает фронтовая обстановка и работа, но имейте в виду, что мы вас надолго там оставлять не можем и не будем, — вы нам здесь нужны.

Через несколько месяцев вождь вновь назначил Кагановича наркомом путей сообщения.

На фронте Леонида Ильича Брежнева, бравого бригадного комиссара, представили Лазарю Моисеевичу.

Леонид Ильич в дальнейшем не упускал случая напомнить о себе, писал ему подхалимские письма:

«Вам, дорогой Лазарь Моисеевич, мой горячий фронтовой привет!

Вчера к нам в армию прибыла группа лекторов ЦК ВКП(б) во главе с тов. Митиным. Это большая помощь. Мы с тов. Митиным сегодня ночью прибыли на “Малую Землю”. Эта та земля, которая бригадами, организованными Вами, в феврале отвоевана у врага. Долго беседовали о боевых делах и, конечно, тепло вспоминали Вас и Ваше участие в подготовке десанта.

Сейчас о “Малой Земле” поется много песен, сложено немало рассказов и написано много стихов. Товарищи пишут Вам письма, я присоединяю свои чувства к их словам и сам пользуюсь случаем поездки тов. Митина.

Пишу эти строки на “Малой Земле”. Работаю начальником политотдела 18-й армии. Работой доволен, это стихия. Не забыл всех Ваших указаний и школы совместной работы. Здоровье хорошее...

Подробно с нашими делами познакомился тов. Митин, наша просьба к нему передать Вам все, что он видел и что ему передавали для Вас.

С приветом
уважающий Вас
Л. Брежнев».

10 сентября 1943 года началась Новороссийская операция, которую совместно проводили войска вновь образованного Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота. Фронтом командовал генерал-полковник Иван Ефимович Петров, десантную операцию проводил командующий Черноморским флотом вице-адмирал Лев Анатольевич Владимирский.

В тяжелых боях участвовали 18-я армия генерал-лейтенанта Леселидзе, 56-я армия генерал-лейтенанта Андрея Антоновича Гречко и 9-я армия генерал-майора Гречкина (он получил под командование армию и вскоре стал генерал-лейтенантом).

Сначала боевые корабли и авиация обрушились на немецкие укрепления на берегу Цемесской бухты. Затем высадился десант. 16 сентября Новороссийск был освобожден. Победителей наградили. Брежнев получил орден Отечественной войны 1-й степени. 1 мая 1944 года его, как и многих других командиров и политработников армии, отметили еще и медалью «За оборону Кавказа».

20 ноября 1943 года 18-ю армию вывели из состава Северо-Кавказского фронта, передали в резерв Ставки и перебросили под Мелитополь. А в декабре армию включили в состав 1-го Украинского фронта и бросили на киевский плацдарм. Членом военного совета фронта был Никита Сергеевич Хрущев. Брежнев мог бы порадоваться, что оказался под его началом, — Хрущев собирал и поддерживал украинские кадры. Но от начальника политотдела армии до члена военного совета фронта (да еще и члена политбюро) дистанция огромного размера.

Переброшенную с Кавказа 18-ю армию не снабдили ни питанием, ни зимним обмундированием.

«В частях плохо с питанием, — докладывал своему начальству Брежнев. — Отсутствуют мясо, жиры, рыбные и иные консервы. Происходят частые перебои с хлебом. Сильно сказывается недостаток зимнего обмундирования. Многие бойцы и офицеры ходят в летней одежде и непригодной для носки обуви. Это усугубляет наше положение».

Тем не менее 18-ю армию бросили в наступление, которое началось 24 декабря.

Соседней 38-й армией командовал будущий маршал Кирилл Семенович Москаленко. Членом военного совета у него был Алексей Алексеевич Епишев, начальником политотдела — бывший редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг.

Москаленко вспоминал:

«Командующий 18-й армией энергичный, жизнерадостный генерал-полковник К. Н. Леселидзе был всегда в движении, и в полевом управлении его армии работа кипела.

Наше знакомство началось заочно: как-то пришла на мое имя посылка с фруктами и вином, и оказалось, что К. Н. Леселидзе делился с соседями-командармами дарами родной земли солнечной Грузии. Так делал он не раз. Личное знакомство с ним, состоявшееся незадолго до Житомирско-Бердичевской операции, оставило во мне чувство глубокой симпатии к этому замечательному человеку и талантливому военачальнику».

Тогда познакомился с соседями и Леонид Ильич. На него сильное впечатление произвел Епишев, будущий начальник Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. Брежнев сделает Епишева генералом армии и будет к нему прислушиваться.

Накануне наступления, 24 декабря 1943 года, начальник политотдела 18-й армии Брежнев докладывал вышестоящей инстанции — политуправлению фронта:

«В истекшие четыре дня все силы и внимание политотдела армии, а также политотделов соединений и партполитаппарата частей были направлены на выполнение указаний, данных на фронтовом совещании.

За это время проведены следующие мероприятия:

— 20 декабря мною проведено совещание со всеми работниками политотдела армии, на котором обсуждены итоги фронтового совещания и задачи по усилению руководства партийно-политической работой в частях.

— В связи с предстоящей боевой операцией политотделом армии подготовлена директива, в которой поставлены конкретные задачи по политическому обеспечению операции.

— Разработан и утвержден Военным советом план мероприятий политотдела армии по партийно-политическому обеспечению предстоящей операции. В настоящее время политотдел работает над проведением в жизнь намеченных мероприятий.

— Во все соединения армии командированы группы работников политотдела с задачей оказать практическую помощь политорганам и партполитаппарату в организации работы по обеспечению всесторонней подготовки и проведения боевой операции.

— В течение 22 и 23 декабря во всех частях проведены собрания первичных и ротных партийных и комсомольских организаций.

— С отдельными начальниками политотделов и с заместителями командиров армейских частей по политчасти мною проведены индивидуальные беседы по обеспечению подготовки к боевой операции и по другим вопросам партийно-политической работы в частях.

— Было подготовлено обращение Верховного совета армии к бойцам, сержантам и офицерам, посвященное предстоящей боевой операции. Получено обращение Военного совета фронта. Обращения отправлены по все политорганы. Даны указания о строжайшем сохранении этих документов как совершенно секретных до момента получения боевого приказа и о развертывании широкой агитационно-пропагандистской работы после получения боевого приказа.

— Большая работа проведена по созданию ротных партийных организаций. На 23 декабря во всех стрелковых ротах Никифорова, Рязанова, Захарова созданы партийные организации и партийные группы.

— В течение 21—22 декабря проведено занятие армейского агитпропсеминара, на котором присутствовали работники всех дивизионных газет и армейской газеты “Знамя Родины”. На семинаре заслушаны лекции, посвященные докладу и приказу товарища Сталина о 26-й годовщине Октябрьской социалистической революции. Перед агитаторами и работниками газет мною поставлены задачи о их роли и месте в подготовке и проведении боевой операции.

— Подготовлены, отпечатаны и разосланы во все соединения агитационные листовки “передай по цепи” (шесть видов по 5000 экз.) для использования как важнейшего мобилизующего средства в агитационно-пропагандистской работе непосредственно в период боя.

Политработниками, находящимися в настоящее время в частях, оказывается большая помощь командованию в проверке состояния боевого оружия и приведения его в полную боевую готовность.

Например, инспектор ПОАрма майор тов. Караваев в течение 21—22 декабря совместно с политработниками и командирами частей сумел проверить состояние оружия у личного состава двух полков... После этого в части были посланы оружейные мастера...»

А вот директива Брежнева своим подчиненным — политработникам — перед наступлением свидетельствовала о бедственном положении в армии:

«Постоянно проявляйте заботу о сбережении сил и здоровья бойцов. Бесперебойное обеспечение солдат горячей пищей и кипятком должно быть нерушимым правилом.

Надо обеспечить строжайший контроль за тем, чтобы все, что государство отпускает для бойцов и офицеров, доходило до них полностью. Беспечных и бездеятельных в этом отношении людей нужно привлекать к суровой ответственности.

Исключительное внимание должно быть уделено работе санитарных учреждений. Политотделам соединений надлежит выделить специальных работников, отвечающих за эвакуацию раненых с поля боя и оказание им своевременной медицинской помощи».

В написанной от имени Брежнева книге воспоминаний «Малая Земля» рассказывается, как во время боев в декабре, когда немцы прорвались, Леонид Ильич поднял в контратаку офицеров политотдела и сам залег в траншее с пулеметом: «Этот ночной бой особенно врезался в память... Подбадривая себя криками и беспрерывным огнем, немцы в рост бежали к траншее. А наш пулемет молчал. Какой-то солдат оттаскивал в сторону убитого пулеметчика. Не теряя драгоценных секунд, я бросился к пулемету.

Весь мир для меня сузился тогда до узкой полоски земли, по которой бежали фашисты. Не помню, как долго все длилось. Только одна мысль владела всем существом: остановить!»

Кроме самого Леонида Ильича об этом подвиге никто не рассказывал. И документов на сей счет не сохранилось. Но в словах генерального секретаря никто не усомнился, хотя после удачного боя все подвиги фиксировались политаппаратом для доклада начальству. В деревне Ставище Коростышевского района Житомирской области поставили памятник с надписью:

«Здесь в ночь с 11 на 12 декабря 1943 г. начальник политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев вел пулеметный огонь, отражая атаку противника».

Житомирско-Бердическая операция закончилась успешно. Командующий 18-й армией получил орден Богдана Хмельницкого 1-й степени. Но это был его последний военный успех. В начале 1944 года Леселидзе буквально свалился с ног. У него был тромбофлебит (опаснейшее заболевание — закупорка вены), да еще обнаружилось воспаление легких. Из Москвы на самолете ПО-2 прилетел заместитель главного хирурга вооруженных сил генерал-лейтенант медицинской службы Владимир Николаевич Шамов. Он настаивал на немедленной госпитализации, Леселидзе отказывался — не хотел переходить в категорию больных.

10 февраля состояние Леселидзе, лишенного полноценной медицинской помощи, ухудшилось. Его решили эвакуировать в Центральный военный госпиталь в Москву. 11 февраля отправили на поезде. Промедление оказалось фатальным. 20 февраля консилиум пришел к выводу, что необходимо ампутировать ногу. Иначе...

Но Леселидзе все еще не верил в серьезность своей болезни, категорически отказался от операции. 21 февраля генерал-полковник умер.

Через много лет Леонид Ильич поделился с ним своей славой. Чем больше было рядом с Брежневым героев, тем выше его подвиг на Малой Земле... 13 мая 1971 года генералу Леселидзе посмертно присвоили звание Героя Советского Союза — указ был приурочен к поездке генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева в Тбилиси.

14 мая Леонид Ильич выступал в концертном зале Грузинской филармонии на торжественном заседании, посвященном пятидесятилетию Советской Грузии и компартии республики. Особое место в речи Брежнева было уделено его бывшему командующему:

— Мне довелось воевать вместе с одним из талантливых советских полководцев — командующим 18-й армией генерал-полковником Леселидзе. Константин Леселидзе запомнился мне как олицетворение лучших национальных черт грузинского народа. Это был жизнелюб и храбрец, суровый к врагам и щедрый к друзьям, человек чести, человек слова, человек острого ума и горячего сердца.

Такие слова приятно было слышать всей Грузии, где высоко ценят соотечественников-полководцев. Когда Брежнев сообщил, что за умелое руководство войсками и проявленные при этом мужество и героизм в боях против немецко-фашистских захватчиков генерал-полковнику Леселидзе присвоено звание Героя Советского Союза, зал взорвался аплодисментами.

После Леселидзе, с 6 февраля по 7 ноября 1944 года, 18-й армией командовал Евгений Петрович Журавлев, получивший звание генерал-лейтенанта. Он служил в Красной армии с 1918 года, в 1936-м окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. В финскую войну был начальником штаба 3-го кавалерийского корпуса. Великую Отечественную начал в должности заместителя командира 5-го механизированного корпуса. Комкор погиб, генерал-майор Журавлев возглавил остатки корпуса. В ноябре его назначили начальником штаба Калининского фронта, а с сентября 1942-го он командовал армиями. К Журавлеву Брежнев не питал таких теплых чувств, как к Леселидзе.

29 мая 1944 года Леонида Ильича вновь наградили орденом Красного Знамени, поэтому он получил орден с цифрой «2».

Когда советские войска подошли к Карпатам, приказом Ставки был образован 4-й Украинский фронт. В августе 1944 года в состав фронта включили 18-ю армию. Армия участвовала в освобождении Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии. Командовал фронтом генерал армии Андрей Иванович Еременко, членом военного совета был генерал-полковник Лев Захарович Мехлис, начальником штаба — Леонид Михайлович Сандалов.

7 ноября опять сменился командующий. Армию принял генерал-майор Антон Иосифович Гастилович. В Красной армии он служил с 1919 года. Войну начал генерал-майором и в этом же звании войну заканчивал. С мая 1942 года он командовал 17-й армией в Забайкалье, далеко от фронта. С весны 1944 года командовал гвардейским стрелковым корпусом.

Брежнев жаловался старым друзьям, что его не продвигают по службе, что многие начальники политотделов армий уже получили генеральское звание, а его зажимают.

Еще до войны, 7 мая 1940 года, указом президиума Верховного Совета в вооруженных силах были введены новые звания. Они присваивались правительственной комиссией, которая рассматривала личное дело каждого командира. Для высшего политического состава специальные звания сохранялись. И только когда в октябре 1942 года в очередной раз был упразднен институт военных комиссаров, политработникам дали обычные для армии и флота звания.

Бригадные, дивизионные, корпусные и армейские комиссары получили генеральские звания. Впрочем, вожделенные генеральские погоны достались не всем бригадным комиссарам.

Заместитель начальника политуправления Южного фронта Леонид Ильич Брежнев при аттестации стал 15 декабря 1942 года всего лишь полковником. И только 2 ноября 1944 года Брежневу, наконец, присвоили звание генерал-майора.

Генерал-майор Петр Григорьевич Григоренко, который в хрущевские годы выступил против политики партии и стал известным диссидентом, служил вместе с Брежневым.

В своей мемуарной книге генерал Григоренко неодобрительно отзывается о Леониде Ильиче:

«За девять месяцев моей службы под партийным руководством Брежнева я видел следующие выражения его лица: — угодливо-подобострастная улыбка; надевалась она в присутствии начальства и вмещалась между ушами, кончиком носа и подбородком, была как-то приклеена в этом районе: за какую-то веревочку дернешь, и она появится сразу в полном объеме, без каких-либо переходов; дернешь второй раз — исчезнет; — строго-назидательное; надевалось при поучении подчиненных и захватывало все лицо, так же без переходов, внезапным дерганьем за веревочку; лицо вдруг вытягивалось и делалось строгим, но как-то не по-настоящему, делано, как гримаса на лице куклы; — рубахи-парня; надевалось время от времени, при разговоре с солдатами и младшими офицерами; в этом случае лицо, оставаясь неподвижным, оживлялось то и дело подмигиванием, полуулыбками, хитрым прищуром глаза.

Искусственность выражений лица и голоса производила на людей впечатление недостаточной серьезности этого человека. Все, кто поближе его знал, воспринимали как весьма недалекого простачка. За глаза в армии его называли — Леня, Ленечка, наш "политводитель". Думаю, что подобное отношение к нему сохранилось и в послевоенной жизни.

На выпуске академии имени М. В. Фрунзе в Кремле в 1960 году я встретился с нашим общим сослуживцем по 18-й армии Деминым. Он уже был генерал-лейтенант, член военного совета Прибалтийского военного округа. Выпили за встречу. Поговорили, вспомнили прошлое.

В разговоре он спросил:

— А у Лени бываешь?

— Нет, — говорю, — я же его не так близко знаю, да, честно говоря, и не люблю надоедать высокому начальству.

— Ну, напрасно, — сказал он, — Леня любит, когда его посещают одноармейцы. И попасть просто, только позвони, назовись, и тебе назначат время. Я всегда захожу, когда бываю в Москве. Пропустим по рюмашке. Повспоминаем.

— Ну и как он?

— Да что тебе сказать? Леня есть Леня, на какую должность его ни поставь».

Сейчас трудно судить, не была ли такая негативная оценка Брежнева результатом частой на фронте неприязни боевых командиров к политработникам. А может быть, она была продиктована уже более поздним восприятием Леонида Ильича как руководителя КПСС.

В военной среде Леонид Ильич чувствовал себя неплохо и, судя по иным отзывам, нравился подчиненным. У него было хорошее чувство юмора, он относился к своим офицерам по-человечески.

В генеральских погонах на родное пепелище

18-я армия закончила свой боевой путь в освобожденной от немецких войск Чехословакии. После войны ее расформировали. Но Брежнев уже получил повышение. Ему благоволил член военного совета фронта генерал-полковник Лев Захарович Мехлис, в прошлом один из помощников Сталина.

За поражение Крымского фронта Мехлис был снят с должности заместителя наркома обороны и начальника политуправления Красной армии и понижен в звании. За три года войны Мехлис перебывал членом военного совета девяти фронтов. Нигде подолгу не задерживался. Повсюду очень жестко относился к кадрам, безжалостно и часто несправедливо снимал с должности. Пожалуй, единственная его черта, вызывающая симпатию, — это личное бесстрашие.

Войну он закончил на 4-м Украинском фронте. Мехлис и приметил среди своих подчиненных генерал-майора Брежнева, приблизил его к себе и через голову других политработников назначил в июне 1945 года начальником политуправления фронта. Так что Мехлису Леонид Ильич был обязан многим.

Тонкость состояла в том, что Леонид Ильич стал начальником политуправления фронта, когда война уже закончилась.

Его предшественник генерал-лейтенант Михаил Михайлович Пронин приказом от 12 мая был переведен на такую же должность в оккупационные войска в Германии. Но еще 14 мая 1945 года начальник политуправления 4-го Украинского фронта Пронин поставил свою подпись на наградном листе, — писателя Константина Симонова наградили орденом Отечественной войны 1-й степени...

А Леонид Ильич, став генеральным секретарем, хотел, чтобы во всех его биографиях писалось: в Отечественную прошел путь от начальника политотдела армии до начальника политуправления фронта.

После войны маршал Москаленко написал воспоминания «На Юго-Западном направлении». Не упустил случая снабдить книгу снимком Брежнева с подписью: «Начальник политуправления 4-го Украинского фронта». Верстка, как положено, отправилась в ГлавПУР на визу. Там эту подпись дотошный инструктор зачеркнул и пометил: «Начальник политотдела 18-й армии».

Предусмотрительный Москаленко решил послать верстку с поправкой генсеку Брежневу. Тот не счел за труд и ознакомился. Во время первомайской демонстрации на Красной площади Брежнев отозвал в сторону Москаленко, стоявшего на трибуне рядом с другими маршалами, и строго спросил:

— Ты что, не знаешь, что я был начальником политуправления фронта?

Маршал стал оправдываться:

— Это не я зачеркнул, а в ГлавПУРе.

Брежнев упрекнул его:

— А ты почему согласился?

Печать книги остановили, подпись под фотографией исправили.

В июле 1945 года постановлением Ставки 4-й Украинский фронт расформировали. На базе штаба и частей образовали Прикарпатский военный округ. Командование округа разместилось в Черновцах.

Генерал Ортенберг, бывший ответственный редактор «Красной звезды», затем начальник политотдела 38-й армии, знал Брежнева с довоенных времен. А жена Ортенберга училась с Леонидом Ильичом в Днепродзержинском металлургическом институте (потом она ушла из института и стала врачом). Когда Ортенберг после войны ехал домой, Брежнев дружески спросил:

— Что ты везешь жене?

Ортенберг рассказывал впоследствии своему другу, — известному литературному критику Лазарю Лазареву, что сильно удивился словам Брежнева, — он и не собирался ничего везти жене. Не из заграничной командировки возвращался, а с войны. Но Леонид Ильич отвез его на склад и помог выбрать шубу.

За годы войны Леонид Ильич получил два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Богдана Хмельницкого за освобождение Украины. Уже после окончания войны ему вручили несколько медалей: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги». Но медали раздавали в массовом порядке, и Леонид Ильич считал себя обделенным наградами, у других на груди было богаче. Компенсировал упущенное, став генеральным секретарем.

Зато Леонид Ильич участвовал в Параде Победы в июне 1945 года на Красной площади в качестве комиссара сводного полка 4-го Украинского фронта. Эти хроникальные кадры часто повторяли в те годы, когда он был главой партии и государства. Бравый веселый генерал смотрелся очень выигрышно...

Через много лет, отмечая свой день рождения в охотничьем хозяйстве в Завидове, вспоминал заместитель заведующего международным отделом ЦК Анатолий Сергеевич Черняев, Брежнев рассказал несколько смешных эпизодов того памятного дня.

Генерал Брежнев раньше других приехал в банкетный зал, стал пробираться поближе к тому месту, где должен был появиться Сталин, и опрокинул стопку чистых тарелок.

После банкета они с трижды Героем Советского Союза Александром Покрышкиным пили в гостинице «Москва». После полуночи их попросили уйти. Покрышкин вытащил пистолет и начал стрелять в воздух. На следующий день об этом доложили Сталину. Тот благожелательно сказал:

— Герою можно!

А сам Брежнев, совершенно пьяный, возвращаясь с кремлевского банкета, остановился возле Царь-колокола и долго с ним беседовал...

В 1981 году в том же Завидове, по словам присутствовавшего там руководителя группы консультантов отдела пропаганды ЦК Вадима Алексеевича Печенева, Брежнев тоже вспоминал те дни:

— В конце войны шел разговор о том, что нашу армию могут перебросить в составе союзных войск в Париж. По правде говоря, я тогда расстроился. Очень домой хотелось, устал, надоело все. Помню, писал маме: очень соскучился по родине, мама. Вот доберусь до Парижа, залезу на Эйфелеву башню и плюну с нее на всю Европу!

Во Францию Леонида Ильича не послали. Но еще год он прослужил начальником политуправления Прикарпатского военного округа. Только 18 июня 1946 года его уволили в запас. Бывшего секретаря обкома вернули в гражданскую жизнь.

О нем вспомнили в ЦК компартии Украины. Возможно, это была инициатива самого Никиты Сергеевича Хрущева, который после войны был первым секретарем республиканского ЦК и одновременно председателем Совета министров Украины. Он возвращал в республику украинские кадры.

Леонид Ильич Брежнев вернулся с войны в генеральских погонах, что выгодно отличало его от просидевших всю войну в тылу других руководителей страны. Он честно прошел всю войну, хотя и не в окопах. Фронтовику предложили самостоятельную работу.

30 августа 1946 года на XI пленуме областного комитета Брежнева избрали первым секретарем Запорожского обкома и горкома. Вторым секретарем был Андрей Павлович Кириленко, который работал в Запорожье и до войны. Кириленко был человеком надменным и сухим, но, разумеется, не с начальством. У них с Брежневым сложились дружеские отношения, сохранившиеся до конца жизни.

Тем временем Никита Хрущев попал у Сталина в опалу. В начале 1947 года вождь лишил его положения единоличного руководителя республики. Хрущев остался главой республиканского правительства. А первым секретарем ЦК компартии Украины Сталин сделал своего проверенного соратника Лазаря Кагановича. Секретарем по сельскому хозяйству назначили Николая Семеновича Патоличева.

Они вместе с Кагановичем 3 марта на поезде отправились в Киев. На вокзале их провожали родственники и многочисленные подчиненные.

«Настроение у Кагановича было великолепное, — вспоминал Патоличев. — Он безмерно радовался назначению на Украину. Со многими обнимается, жестикулирует, громко смеется, шутит. К некоторым подходит прощаться по два-три раза. Впопыхах попрощался даже со мной».

Патоличев принял безудержный энтузиазм Лазаря Моисеевича за чистую монету. На самом деле едва ли Каганович так уж стремился на Украину. Ему не хотелось отдаляться от вождя. Но по въевшейся в плоть и кровь привычке демонстрировал счастье и радость при исполнении нового указания Сталина. Потому и выжил. А если бы позволял себе выражать сомнение в мудрости сталинских назначений и поручений, отправился бы в мир иной вслед за многими другими членами политбюро.

Освобожденный от должности Хрущев сказал, что «доволен приездом Лазаря Моисеевича», но затаил обиду...

Приступив к работе в Запорожье, Брежнев увидел, что в войну город был совершенно разрушен. В том числе пострадал крупнейший в стране металлургический завод «Запорожсталь», взорвана знаменитая Днепровская гидроэлектростанция. Эти объекты общесоюзной значимости подлежали восстановлению в первую очередь.

Восстановительные работы начались еще до Брежнева, но «Запорожсталь» никак не удавалось запустить. За положением дел следили в Москве. «Правда» поместила передовицу, в которой критиковался обком за низкий темп восстановления «Запорожстали».

Каганович сам отправился в Запорожье.

«Когда мы знакомились с ходом восстановления “Запорожстали”, — вспоминал Патоличев, — у меня из сознания не выходило понятие штурма. Здесь не строили в нашем обычном понимании, а именно штурмовали. После осмотра “Запорожстали” я попросил Леонида Ильича показать мне Днепрогэс...»

Фронтовое знакомство с Кагановичем пригодилось Брежневу. Лазарь Моисеевич был крут, запросто мог снять с должности непонравившегося секретаря обкома. К Брежневу он отнесся благожелательно. И с Патоличевым у Брежнева сложились дружеские отношения. К другим партийным работникам Лазарь Моисеевич меньше благоволил, был резким и жестким, мог вспылить и накричать.

В июне 1990 года Каганович рассказывал военному историку профессору Георгию Куманеву:

— Брежнев был довольно боевой полковник, активный. Не был вялым. Я написал о нем Сталину... Так что я Брежнева ценил. И если бы он не был генеральным секретарем ЦК, а просто рядовым работником, он был бы хорошим работником. Брежнев мог быть и секретарем ЦК, и начальником политуправления. Он разумный, толковый, спокойный, решительный человек был, и довольно активный. Я о нем был хорошего мнения...

Каганович потребовал от первого секретаря обкома Брежнева и начальника строительства Вениамина Эммануиловича Дымшица (будущего заместителя председателя Совета министров СССР) как можно скорее закончить работу. Было принято постановление ЦК компартии Украины «Об ускорении восстановления Запорожстали». Леонид Ильич поднажал, и осенью 1947 года завод заработал. Что бы ни говорили о Брежневе впоследствии, в те годы он не отлынивал от работы.

В октябре газеты опубликовали рапорт Брежнева и Дымшица Сталину о восстановлении первой очереди «Запорожстали» и начале выпуска холоднокатаного стального листа.

2 декабря Брежнев «за успехи в возрождении завода “Запорожсталь” имени Серго Орджоникидзе» получил свой первый орден Ленина. В том же году пустили и Днепрогэс.

Запорожье, несмотря на тяжкую ношу, осталось для Леонида Ильича приятным воспоминанием. За положением в области он следил и позднее, став руководителем страны. В 1966 году сделал первым секретарем обкома Михаила Николаевича Всеволожского, который при нем был комсоргом ЦК комсомола на «Запорожстрое», а потом первым секретарем горкома комсомола.

В Запорожье Брежнев жил один, без семьи, которая так и не вернулась из эвакуации. Об этом собственному корреспонденту «Правды» Павлу Смоляку рассказывал редактор областной газеты «Индустриальное Запорожье» Андрей Клюненко. Он служил под началом Брежнева в политотделе 18-й армии.

— В Запорожье он приехал в цветущем сорокалетнем возрасте, — вспоминал редактор газеты. — Вот и представьте себе: первый секретарь обкома, боевой генерал, красавец мужчина, а вокруг множество молодых вдов. Случалось, Леонид Ильич всерьез кем-то увлекался. Мы, его фронтовые друзья, стали спрашивать: почему не привозишь семью? Почти целый год он отбивался от нас, ссылаясь на то, что в разрушенном Запорожье нет приличной квартиры.

На склоне лет Брежнев вспоминал, как, приехав в город, велел сшить себе новую форму и сапоги. Однажды, когда за ним пришла служебная машина, он сказал водителю, что пойдет пешком.

— И я пошел, — горделиво рассказывал Леонид Ильич, — и одним глазом следил, пройдет ли мимо хотя бы одна женщина, не посмотрев в мою сторону...

Его внучка Виктория (надо понимать, со слов матери) рассказывала съемочной группе Первого канала:

— Была у деда фронтовая подруга Тамара. После войны дед приехал к бабушке сказать, что уходит. Но этого не произошло. Он не смог. Бабушка знала про него все, и про влюбленности тоже. Но она никому не жаловалась. Она была очень закрытая женщина, вся в себе.

В семье Брежневых рассказывали такую историю. Когда Леонид Ильич приехал к Виктории Петровне разводиться, она потребовала, чтобы он сам сказал детям, что уходит из семьи. Но, увидев детей, которые бросились ему на шею, Брежнев не нашел в себе сил их оставить...

Сама «фронтовая подруга» Тамара Николаева так рассказывала о своем романе с Леонидом Ильичом. Она служила медсестрой в госпитале, и ей с подругой предложили перейти в политотдел армии:

— Кто бы тут долго раздумывал! После крови, грязи предлагают чистую работу в тепле — выписывать партбилеты и аттестаты. На второй день работы Брежнев подошел познакомиться.

Когда полковник Брежнев узнал, что Тамара из Днепропетровска, обрадовался: землячка.

— Он называл меня Томой. У него был красивый мягкий баритон. Его речь отличалась от речи других офицеров. Он ведь не кадровый военный. Матерщины и хамства я от него никогда не слышала. Брежнев всем девочкам нравился. Нельзя было в него не влюбиться. И красивый, и веселый. Любил танцевать. Аристократических манер у него не было, но приглашал он очень ласково. Улыбка добродушная, белозубая, с ямочками — ну, невозможно же ему отказать. И вот мы с ним кружимся в вальсе по всему залу, и я чувствую, как он бережно ведет меня, какой он сильный, и он ко мне прижимается.

После войны Тамара демобилизовалась, уехала в Киев, вышла замуж. По ее словам, Леонид Ильич прислал ей письмо, попросил о встрече. Дальше, если верить ее рассказу, произошла совершенно романная история. Когда она приехала, Виктория Петровна сказала ей:

— Тома, я все знаю. Я никого не обвиняю и не упрекаю. Я только прошу тебя уехать.

Тамара в тот же день села на поезд. И на какой-то маленькой станции ее нагнал Брежнев с ординарцем. Леонид Ильич умолял ее остаться с ним, однако она выполнила обещание, данное Виктории Петровне. Но Брежнев не оставил надежды вернуть ее. Приехал в Киев вместе с Львом Захаровичем Мехлисом. Они пришли к ней на квартиру, и Мехлис тоже будто бы уговаривал ее уехать вместе с Брежневым. И она вновь отказалась...

Невозможно проверить подлинность этого рассказа и установить, действительно ли Леонид Ильич собирался оставить семью ради новой подруги. Конечно, нельзя отказывать Брежневу в праве на романтические чувства и смелые поступки. Но, учитывая пуританские нравы, царившие в партийно-политическом аппарате, трудно предположить, что Брежнев был готов рискнуть карьерой ради женщины. Он предпочитал короткие интрижки без обязательств. И совсем невозможно представить себе принципиально аскетичного Мехлиса, нетерпимого к нарушению партийных норм, упрашивающим «фронтовую подругу» бросить мужа и начать новую жизнь вместе с женатым человеком...

Очередным повышением Брежнев был обязан Кагановичу. В ноябре 1947 года Лазарь Моисеевич перебросил его в Днепропетровскую область, одну из крупнейших на Украине, на пост первого секретаря обкома и горкома. Туда Брежнев вызвал семью.

Новое назначение утвердили в Москве. В протоколе заседания политбюро ЦК ВКП(б) № 59 за 1947 год говорилось:

«Вопросы ЦК КП(б) Украины

Принять предложения ЦК КП(б) Украины:

а) Об освобождении т. Найденова П. А. от обязанностей первого секретаря Днепропетровского обкома КП(б) Украины;

б) об утверждении т. Брежнева Л. И. — первым секретарем Днепропетровского обкома КП(б), освободив его от обязанностей первого заместителя секретаря Запорожского обкома КП(б) Украины».

На областной конференции Брежнева представил секретарь украинского ЦК Леонид Георгиевич Мельников.

В западных областях Украины шла кровавая война с националистическим подпольем, которое пользовалось поддержкой местного населения, а в Киеве номенклатура обосновывалась со всеми удобствами. Обустройством быта Хрущева занимались на высшем уровне, в феврале 1945 года приняли постановление политбюро ЦК Украины под грифом «особая папка», в котором, в частности, давалось указание республиканскому наркомату торговли:

«а) создать спецбазу наркомторга при шестом отделе НКГБ УССР (с которой питается член политбюро ЦК ВКП(б)). Открыть для этой базы отдельный счет и выделить оборотные средства;

б) выдавать наряды на необходимый ассортимент продуктов, а также на промтовары через Совнарком УССР и наркоматы, по заявкам начальника шестого отдела НКГБ УССР;

в) при спецбазе создать подсобное хозяйство, портняжную и сапожную мастерские».

Шестой отдел наркомата госбезопасности ведал охраной члена политбюро Хрущева. Личная охрана отвечала и за продовольственное снабжение Никиты Сергеевича и его семьи, нанимала сапожников и портных, которые шили ему обувь и одежду...

Бытом первых секретарей обкомов занимались местные хозяйственные органы. Продовольствие и промтовары, как тогда говорили, полагались им бесплатно. Другое дело, что не все было на областных складах, но снабженцы знали, что хозяина области надо обеспечить всем, чем только возможно.

Когда карточную систему, введенную во время войны, отменили, это сказалось и на положении номенклатурных работников. ЦК и Совет министров Украины 14 января 1948 года в соответствии с указаниями Москвы приняли постановление:

«1. Отменить с 1 января ныне действующий порядок бесплатного отпуска продовольствия, выдачу денежно-продовольственных лимитов на промтовары руководящим советским и партийным работникам.

2. Прекратить расходование средств из фонда улучшения социально-бытового обслуживания на бесплатный отпуск продуктов на дачи и другие виды бесплатной выдачи продовольствия и промтоваров руководящим советским и партийным работникам.

3. Установить с 1 января руководящим советским и партийным работникам УССР, которые получают в настоящее время бесплатно продовольствие, выдачу дополнительно к получаемой ими заработной плате временного денежного довольствия в размере от 2-х до 3-х должностных окладов в месяц».

Но партийное начальство продолжали снабжать закрытым порядком. Только за продукты и одежду нужно было платить. Оклад у первого секретаря обкома и без того был высоким, а цены низкими. Вопрос о деньгах не стоял. Купить в магазинах было нечего! Хлебозаготовки 1946 года оставили Украину без хлеба.

«Голод 1946 года как бы продолжал трагедию голодомора 1933 года, — вспоминал Александр Семенович Капто, который впоследствии стал секретарем ЦК компартии Украины по идеологии. — Умерших не успевали выносить не только из сельских хат. Они лежали у забора, у опустевшего магазина, просто во дворе. Многие высохли настолько, что тела, казалось, хватало только для заедавших вшей, другие опухли до неузнаваемости...»

По данным органов внутренних дел республики, к лету 1947-го больше миллиона человек страдало от дистрофии, триста с лишним тысяч, надеясь спасти, госпитализировали, сорок шесть тысяч жителей Украины умерли от голода...

Днепропетровск Брежнев застал в столь же бедственном положении, что и Запорожье, — шахты затоплены, заводы разрушены, дома сожжены, центр города лежал в руинах.

«Города, по-существу, не было, — вспоминал крупный партийный работник Федор Трофимович Моргун, который после войны учился в Днепропетровском сельскохозяйственном институте, — город был мертв. Водопровод и транспортные коммуникации бездействовали».

Восстановлением города днепропетровцы в немалой степени обязаны Брежневу. В 1948 году его наградили медалью «За восстановление предприятий черной металлургии Юга». Занимался он не только крупными предприятиями, но и сельским хозяйством. Первому секретарю обкома полагалось три машины — личная, подменная (на случай ремонта основной, а в реальности на ней ездила жена) и для поездок в районы.

Через десять с лишним лет на расширенном президиуме ЦК Хрущев нещадно корил своих соратников за недооценку кукурузы. Он вспомнил трудный 1949 год и посмотрел на Брежнева:

— Вот он первый выговор получил тогда за кукурузу.

— Ничего не получил, — поправил Брежнев Никиту Сергеевича, — выговора не было.

— Мы его на всю Украину ославили тогда, — не слушая своего соратника, продолжал Хрущев, — но лучшая кукуруза была в Днепропетровске, и мы тогда публично сняли это обвинение. Но мы уж ему дали тогда, а если бы не дали, так и не получили бы...

Впоследствии Леонид Ильич всегда с удовольствием приезжал в Днепропетровск, заходил в обком, где был равно внимателен со всеми — от уборщицы до первого секретаря. У него была завидная память на лица.

В июле 1950 года Леонида Ильича вызвали в Москву. Никита Сергеевич уже работал в столице секретарем ЦК ВКП(б). Ему было поручено подыскать нового первого секретаря для Молдавии. Он отправил в Кишинев Брежнева. После него первым секретарем в Днепропетровске стал Кириленко.

На пленуме ЦК компартии Молдавии зачитали представление ЦК ВКП(б): «Товарищ Брежнев в партии свыше двух десятков лет, молодой сравнительно товарищ, сейчас в полной силе. Он землеустроитель и металлург, хорошо знает промышленность и сельское хозяйство, что доказал на протяжении ряда лет своей работой в качестве первого секретаря обкома. Человек опытный, энергичный, моторный, он прошел всю войну, у него есть звание генерала, и руку он имеет твердую...»

Хозяин республики

В июле 1950 года пленум ЦК компартии Молдавии обсуждал постановление союзного ЦК о недостатках в работе республиканской партийной организации. Бывший первый секретарь Николай Григорьевич Коваль, занявший этот пост после войны, был самокритичен, признал свои ошибки. Брежнев не тронул своего предшественника. Коваль остался в республике и много лет работал председателем Госплана.

И председателем правительства остался Герасим Яковлевич Рудь, который в 1931 году окончил Московскую сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева по специальности агроном — организатор крупного социалистического хозяйства.

Перед войной Рудя — директора Тираспольского колхозного сельскохозяйственного техникума — назначили первым заместителем председателя Совнаркома Молдавии, а после войны, побыв недолго республиканским наркомом по иностранным делам, Герасим Яковлевич возглавил правительство. На нем, как и на других кишиневских руководителях, лежит вина за трагедию Молдавии.

После смерти Брежнева в январском номере журнала «Новый мир» за 1983 год появились последние три главы из его книги «Воспоминания», среди них «Молдавская весна»:

«Молдавия была одна из самых молодых союзных республик. Правобережная ее часть не прошла вместе со всей страной грандиозной школы советского строительства. В считаные годы она должна была пройти путь пятилеток или даже десятилетий. В Молдавии бурно развивались все те процессы, которые уже прошли в других республиках за более долгий срок. Иным глухим районам, лежавшим за Днестром, предстояло вырываться к социализму наикратчайшим путем».

Ускоренное движение к социализму, о котором говорится в воспоминаниях Леонида Ильича, оказалось гибельным для республики.

В 1924 году была образована Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика. В Москве считали, что без Бессарабии территория Молдавии не полная.

Триста лет Бессарабия принадлежала Турции. С 1812 года входила в состав Российской империи. В 1918 году Бессарабию присоединила к себе Румыния. После договоренностей Сталина и Гитлера, летом 1940 года, Красная армия вошла на территорию Бессарабии. Румынская армия не оказала сопротивления, и Бессарабия была включена в состав СССР.

2 августа 1940 года в составе Советского Союза появилась Молдавская Советская Социалистическая Республика. Но переустроить экономику на социалистический лад из-за войны не успели. Эти территории опять оказались под управлением Румынии, которая воевала вместе с гитлеровской Германией.

После войны в республике приступили к сплошной коллективизации, что само по себе было губительно для сельского хозяйства. В 1946 году было приказано придать хлебозаготовкам «классовый» характер — забрать хлеб у «кулацко-зажиточного слоя». В реальности забирали хлеб у всех, у кого он был. Уполномоченные уездных партийных комитетов обыскивали крестьянские дома, тех, кто не хотел отдавать хлеб, сажали в подвалы. Крестьянам приходилось распродавать скот, имущество, чтобы купить зерно и сдать государству. За несколько килограммов кукурузы можно было купить лошадь или овцу.

В 1945-м и особенно в 1946 году на республику обрушилась жестокая засуха, какой не было полвека. Это привело к массовому голоду.

Во время войны в Молдавии оказался будущий знаменитый писатель, а тогда младший лейтенант Красной армии Василь Быков. Со своим взводом он участвовал в освобождении Молдавии от немецких и румынских войск. Через много лет Быков вспоминал:

«В Молдавии провизии было много, не то что на Украине. В каждом доме — хлеб, даже белый, вдоволь молока, масла, сыра, сушеных фруктов. Колхозы ограбить молдаван еще не успели, зато на законном основании грабили войска, которым из тыла почти перестали доставлять продовольствие».

Сразу после окончания войны, в 1945-м, лейтенант Быков вновь оказался в тех же местах. Картину он увидел страшную:

«В деревушке не оказалось ни одного человека. Дворы заросли лебедой... И так было на всем пути — в то лето в Молдавии стояла страшная засуха, повлекшая за собой голод. Поля вокруг были черные, выжженные зноем. Во время войны такого не было. Обезлюдели сотни сел, люди ушли на Украину...»

В июле 1946 года на пленуме республиканского ЦК в Кишиневе два первых секретаря уездных комитетов партии попросили снизить план хлебозаготовок. В ответ прозвучали обвинения в антипартийной и антигосударственной деятельности. Глава республиканского правительства Герасим Рудь негодовал на пленуме ЦК в октябре 1946 года:

— Некоторые партийные и советские руководители объясняют неудовлетворительное выполнение плана хлебозаготовок объективными условиями: засухой, неурожаем. Это является серьезной политической ошибкой...

Робкие руководители Молдавии боялись обращаться в

Москву за помощью. А к концу 1946 года не хватало хлеба даже для того, чтобы отоваривать карточки. Выход нашли: сократили число тех, кто получал карточки, и уменьшили нормы выдачи хлеба.

Иждивенцам (то есть неработающим) выдавали двести пятьдесят граммов хлеба в день, детям — триста граммов. Хлеб почти наполовину состоял из овсяной, ячменной и кукурузной муки. Стал исчезать хлеб и в коммерческой торговле, что ударило по горожанам. У магазинов выстроились длинные очереди, в которых то и дело возникали драки. Хлеба завозили так мало, что он доставался только сильным.

Молдавская деревня переживала катастрофу, что усугублялось принудительной сдачей хлеба государству. После хлебозаготовок крестьянам ничего не оставалось. На трудодень даже в благополучных колхозах выдавали полкилограмма зерна, а картофеля — считаные граммы. Из-за недостатка кормов и воды резали скот. Когда его съели, начался настоящий голод. Первыми жертвами становились дети, у них развивалась дистрофия.

Директор одной из школ докладывал в уездный комитет:

«Дети едят верхнюю корку подсолнухов, сердцевину кочанов капусты, желуди. Лица детей бледные, в классе случаются обмороки и рвоты».

В пищу шли корни дикорастущих трав, камыши, в муку добавляли примеси макухи, сурепки, размолотых виноградных зерен. Это вело к тяжелым желудочно-кишечным заболеваниям. Маленькие дети умирали от истощения. Молдаване пытались бежать в соседнюю Румынию, но им этого не позволяли, пограничники перехватывали беглецов сотнями.

Николай Семенович Патоличев, который тогда был секретарем ЦК и начальником управления по проверке партийных кадров, вспоминал, как ему позвонил Сталин.

— Ко мне на прием попросились руководители Молдавии, — сказал вождь. — Они хотят доложить что-то важное. Я разрешил им приехать в Москву, и они приехали. Но не имею времени их принять. Поручаю вам — примите их, разберитесь как следует и к утру представьте предложения. Говорят, что-то у них очень плохо.

Что именно «плохо», Сталин не стал уточнять, хотя прекрасно знал ситуацию в Молдавии: республика умирала от голода. Ему просто не хотелось заниматься неприятным делом, хотя речь шла о судьбе целой республики.

Помогать Молдавии не хотели, и в мае 1947 года пленум республиканского ЦК констатировал: крестьянские хозяйства из-за войны и засухи «неспособны в подавляющей массе своей собственными силами подняться до уровня элементарной хозяйственной деятельности».

Были зафиксированы десятки случаев людоедства. В основном убивали и ели маленьких детей (все это подробно описано в изданной республиканской Академией наук монографии Б. Г. Бомешко «Засуха и голод в Молдавии 1946–1947 гг.»).

В конце концов пришлось организовать сотни бесплатных пунктов питания для тех, кто уже был на грани истощения. Небольшая помощь, поступавшая от союзного правительства, разбазаривалась и разворовывалась.

Один из министров республиканского правительства докладывал в феврале 1947 года первому секретарю ЦК компартии Молдавии и председателю Совета министров о ситуации в гагаузских селах:

«На пути от Чадыр-Лунги до Конгаза валялись трупы, которые находились неподобранными продолжительное время.

В первом селе, где я остановился, — Баурчи, крупный населенный пункт, — сплошное безмолвие. Людей на улицах и во дворах не видно. В центре села сельсовет, его крыльцо и помещение забиты опухшими старушками и детьми. Некоторые из них в полуобморочном состоянии.

Рядом питательный пункт. Возле окна выдачи — свалка и нечеловеческие вопли.

В сельсовете мне доложили обстановку. В ночь перед моим приездом выявлено четыре жутких факта убийства и людоедства. Поедание трупов приняло массовый характер, причем умирающие старухи просят своих детей и внучат, чтобы съели их трупы, обещая им прощение грехов и спасение. Отмечены факты воровства трупов, свезенных, но не захороненных на кладбище.

Точных данных о состоянии населения сельсовет не имел. Доложили, что за прошедший день умерло двадцать шесть человек. Предложил немедленно провести подворный обход. Выявлено семьдесят три трупа. Большинство трупов было спрятано в сараях, погребах, на чердаках, в сугробах. У значительной части трупов обрезаны мякоть и конечности.

Этот же обход дал возможность собрать более ста детей-сирот, находившихся в холодных помещениях, без надзора, в полуобморочном состоянии...»

Партийно-государственный аппарат республики не в состоянии был распорядиться тем, что имел, организовать медицинскую помощь голодающим. Лечили только тех, кто сам мог добраться до сельсовета или больницы. Больных клали прямо на пол. Они заражали друг друга чесоткой, желудочными инфекциями. По больным ползали вши. Взрослых и детей держали в одном больничном бараке. Взрослые отбирали еду у детей. А двух-трехлетние и не могли есть плохо пропеченный хлеб. Молока им не давали.

По официальным данным, дистрофией переболела пятая часть населения республики — около четырехсот тысяч человек. Точная цифра умерших не установлена. Молдавские ученые называют цифру в двести тысяч человек. Были месяцы, когда в день умирали триста-четыреста человек.

Чиновники, подобранные по принципу партийности и преданности власти, оказались абсолютно беспомощными, столкнувшись с реальными проблемами. Зато аппарат продолжал борьбу с врагами. 4 октября 1948 года ЦК ВКП(б) принял постановление по Молдавии, в котором местным властям было приказано:

«Повысить политическую бдительность, своевременно разоблачать и пресекать враждебную деятельность кулацко-националистических элементов, развернуть пропаганду колхозного строя...»

По постановлению ЦК в Молдавии, как в 1930-е годы по всему Советскому Союзу, создавались политотделы МТС (машинно-тракторных станций) в качестве опорных пунктов борьбы с мнимыми кулаками. Провели мобилизацию коммунистов на должности начальника политотдела, его заместителя, женорганизатора и редактора политотдельской газеты.

Началась кампания очищения деревни от «враждебных элементов». В ночь с 5 на 6 июня 1949 года в Молдавии была проведена массовая акция: выселили из республики шесть с лишним тысяч «кулацких» семей, вместе с детьми — тридцать пять тысяч человек (см. журнал «Отечественная история», № 1/2001). Депортировали их в отдаленные районы СССР. Средства производства у них отобрали, то есть просто ограбили. Это произвело тяжелое впечатление на молдаван, у которых не было предвоенного опыта коллективизации и массовых репрессий.

Теперь они стали подавать заявления с просьбой принять в сельхозартель, потому что крестьянам объяснили: члены колхозов не подлежат выселению. За полтора месяца в артели вступило крестьян больше, чем за три с половиной года.

Последним аргументом стало постановление Совета министров и ЦК республики от 5 августа 1949 года «Об упорядочении землепользования в колхозах западных районов МССР». Единоличным хозяйствам земельные участки (сады, виноградники, пашня), расположенные на колхозных землях, заменялись на другие, — вне общественных полей.

Иначе говоря, у крестьян забирали сады, виноградники и хорошую обработанную землю.

К приезду Брежнева в Молдавию насильственная коллективизация практически была завершена. Сельское хозяйство по-прежнему находилось в бедственном положении, что списывалось на происки врагов.

«Враги у колхозного строя были, — говорилось в написанной от имени Брежнева «Молдавской весне». — Вредили они чаще всего исподтишка: наговорами, провокациями, пробирались подчас к руководству хозяйствами, проталкивали туда своих людей и всячески старались подорвать веру людей в колхозы. Они брались и за обрезы, хотя массового характера такие выступления не носили...»

Не злой по натуре человек, Брежнев, как и многие чиновники сталинского времени, воспитал в себе умение не замечать страдания и несчастья окружающих. Действовал инстинкт самосохранения: человек искренний и чувствительный в аппарате не задержался бы.

В Молдавии вокруг первого секретаря собрались люди, которые будут работать с ним многие годы.

Константин Устинович Черненко руководил отделом пропаганды, Николай Анисимович Щелоков работал в Совете министров республики, Сергей Павлович Трапезников возглавлял Высшую партийную школу, Виктор Андреевич Голиков стал помощником первого секретаря, Семен Кузьмич Цвигун сначала был начальником отдела в Министерстве госбезопасности Молдавии, а с октября 1951 года заместителем министра.

Министром госбезопасности был генерал-майор Иосиф Лаврентьевич Мордовец, закончивший церковно-приходскую школу и начавший трудовую деятельность коногоном на Александровском руднике шахты № 4 Днепровского уезда Екатеринославской губернии. Как земляк Брежнева он тоже мог рассчитывать на хорошую карьеру. Но Мордовца в 1955 году из органов убрали, назначили начальником отдела кадров Министерства коммунального хозяйства Молдавии, а через год отправили на пенсию.

Зато другие соратники Леонида Ильича со временем займут руководящие кресла в Москве. Самую успешную карьеру сделал Черненко. В брежневских воспоминаниях «Молдавская весна» говорится:

«Идеологическая работа партийной организации республики имела огромное значение для становления новой Молдавии. Здесь надо было проявить умение убеждать людей, находить правильные организационные формы, а главное, самому быть убежденным борцом, чутким к товарищам и требовательным к себе работником.

В этой связи мне бы хотелось отметить, что всеми этими партийными качествами обладал заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) Молдавии Константин Устинович Черненко. Молодой, энергичный коммунист, еще до работы в республике приобретший большой партийный опыт, он все силы отдавал порученному делу.

Впоследствии К. У. Черненко занимал ряд крупных партийных и советских постов, и всюду проявлялся этот его талант и опыт. Сегодня К. У. Черненко член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС».

Черненко родился в 1911 году в деревне Большая Тесь Минусинского уезда Енисейской губернии (ныне Красноярский край). В большой семье он был седьмым ребенком. Мать рано умерла. Отец помыкался с детьми и вновь женился. Мачеха оказалась неудачной. Дети к ней не привыкли. В двенадцать лет Константин нанялся подпаском, на следующий год стал пастухом. Платили едой и одеждой.

На комсомольскую работу он пришел, окончив школу крестьянской молодежи. Это, говоря современным языком, было профтехучилище, рассчитанное на подростков из беднейших семей. Юношу взяли в райком комсомола внештатным заведующим пионерским отделом, потом сделали освобожденным председателем совета пионерской дружины. А через несколько месяцев, в 1929 году, поставили заведовать отделом пропаганды.

С Брежневым его роднила любовь к Есенину. Черненко даже дали выговор за то, что читал «кулацкого» поэта. В райкоме он проработал года два. Когда комсомол объявил призыв в пограничные войска, пошел в военкомат. На заставе был секретарем партийной ячейки. Ему предлагали остаться в кадрах погранвойск, но он вернулся в родное Новоселово, и его сразу взяли в райком партии заведовать отделом пропаганды и агитации, затем направили в Уярский райком партии.

В самом Красноярске Черненко руководил краевым Домом партийного просвещения, потом стал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации крайкома партии. В 1941 году его сделали секретарем Красноярского крайкома. Любопытно, что человек, практически не имевший образования, пошел именно по идеологической линии. Перед самой войной Черненко занимался созданием ленинского музея в селе Шушенском. Потом уже дважды туда приезжал, смотрел на свое детище, остался доволен.

Осенью 1942 года в Красноярском краевом издательстве вышла книга «И. В. Сталин в сибирской ссылке», в выходных данных значилось: ответственный редактор — К. У. Черненко. Говорят, что книга не понравилась в Москве и тираж пошел под нож. Черненко освободили от должности секретаря обкома и послали в Москву учиться в Высшую школу парторганизаторов при ЦК. Сам он на эту тему не распространялся.

Взяли его сразу на второй курс, и учился он два года. Получил диплом и с направлением, подписанным Маленковым, поехал в Пензу, где стал секретарем обкома партии. В 1948 году его перевели в Кишинев. Скудное образование не помешало Черненко сделать фантастическую карьеру. Причина тому не только удачное знакомство с Брежневым, но и очевидные природные способности: прежде всего исполнительность и готовность самоотверженно работать на благо начальника...

С Щелоковым Брежнев познакомился еще до войны в Днепропетровске. После войны Николай Анисимович работал на Украине. В 1951 году его направили в соседнюю Молдавию первым заместителем председателя Совета министров республики. Щелоков нравился Брежневу.

Злые языки утверждали, что еще больше Леониду Ильичу понравилась жена Щелокова. Впрочем, разговоры о любвеобильности Брежнева ходили всегда. Через много лет после его смерти корреспондентка «Комсомольской правды» в Кишиневе отыскала одну из его бывших секретарей — Аллу Мохову (тогда она была Фроловой) и прямо ее спросила:

— В Кишиневе говорят, что ваша дочь Татьяна на самом деле дочь Брежнева и очень на него похожа.

— Глупости, — ответила Алла Мохова. — Неправда, не похожа. Он был намного старше меня. И с его супругой Викторией Петровной мы общались.

Леонид Ильич приметил девушку в столовой ЦК и распорядился перевести Аллу к нему в секретариат. По ее словам, Брежнев работал до поздней ночи и только в субботу, после трудового дня, заказывал фильмы и вел своих секретарш в кинозал.

— Он любил картины с Орловой, Целиковской. Очень нравились ему «Волга-Волга», «Трактористы».

В 1974 году генеральный секретарь Брежнев приехал в Молдавию, нашел Аллу и уговаривал ее лететь с ним в Москву. Сотрудники республиканского КГБ интересовались потом у нее, о чем она наедине говорила с Леонидом Ильичом. Алла Мохова — не первая, кто рассказывал, как Брежнев умолял ее бросить все и уехать с ним...

Такая же история произошла с секретарем Брежнева в Алма-Ате Нелли Михайловной Джадайбаевой. Ее отыскала съемочная группа Первого канала. Она тоже вспоминала Брежнева с восхищением:

— Он всегда был в центре внимания. Такая у него была обаятельнейшая натура. И хороводы с нами водил, и в играх участвовал. Он комплименты умел делать и ручку поцеловать.

Ее тоже спросили о дочери, которая, как утверждают, очень похожа на Леонида Ильича.

— Я знаю об этих разговорах, — ответила Нелли Джадайбаева. — Я все это перестрадала очень сильно! Приходилось даже объяснять: Леонид Ильич уехал из республики в феврале пятьдесят шестого, а моя дочечка родилась в конце пятьдесят седьмого. Но разговоры ходили. А я так страдала, просто ужас!

Бывший председатель КГБ Владимир Семичастный вспоминал в газетном интервью:

— Он не пропускал ни одной юбки! Мне рассказывал начальник Девятого управления КГБ Володя Чекалов, как к Брежневу привели двух закройщиц из спецателье снять мерку для костюма. Не успел Володя оглянуться, как Брежнев этих девочек уже общупал. К женскому полу он был неравнодушен. Это, кстати, был еще один фактор, влиявший на подбор кадров. Например, с чьей-то супругой он был в близких отношениях, или она ему нравилась, — он начинал двигать ее мужа...

Среди его пассий фигурировала и жена полковника Семена Цвигуна, тогда заместителя министра госбезопасности Молдавии, и Ивана Бодюла, который со временем станет первым секретарем ЦК компартии Молдавии. У них были красивые жены, это обстоятельство тоже будто бы сыграло роль в их возвышении...

Иван Иванович Бодюл после войны работал в Молдавии. Постепенно поднимался по ступенькам карьерной лестницы — секретарь райкома, инструктор отдела ЦК, с 1959-го второй секретарь, с 1961 года первый секретарь ЦК компартии Молдавии. Брежнев сохранил его на этом посту, щедро награждал. Иван Иванович Бодюл стал даже доктором философских наук...

Из ЦК в ГлавПУР

Работу Брежнева в Молдавии Москва одобряла. Об этом свидетельствовала, например, подписанная им статья под названием «Критика и самокритика — испытанный метод воспитания кадров», опубликованная в журнале «Большевик» в сентябре 1952 года.

Но эти успехи дались Леониду Ильичу не легко.

В 1952 году в Молдавии у него случился инфаркт миокарда. Он проснулся утром с сильной болью в груди. Его срочно госпитализировали. Месяц он лежал в больнице.

В протоколе заседания политбюро № 88 записано:

«Предоставить первому секретарю ЦК КП(б) Молдавии Брежневу Л. И. полуторамесячный отпуск с 20 июня 1952 года для лечения».

Полтора месяца Леонид Ильич провел в подмосковном санатории «Барвиха», пока не почувствовал себя здоровым, хотя это потрясение не прошло бесследно.

В октябре 1952 года Брежнев во главе республиканской делегации прибыл на XIX съезд партии. Он рассчитывал быть избранным в Центральный комитет. Но его ждал более приятный сюрприз.

Руководитель Молдавии выступал на четвертый день работы XIX съезда. Речь, написанную его сотрудниками в Кишиневе, дорабатывали в ЦК партии. Сталин следил за выступавшими и приметил Леонида Ильича, который внешне выгодно отличался от других партийных руководителей.

16 октября 1952 года Сталин на первом после XIX съезда, организационном, пленуме ЦК объявил новый состав партийного руководства. Он достал из кармана френча собственноручно написанную бумагу и сказал:

— В президиум ЦК можно было бы избрать, например, таких товарищей...

К удивлению присутствовавших, Сталин включил в высшее партийное руководство ряд новых и сравнительно молодых партработников, в том числе Леонида Ильича Брежнева. Его Сталин сделал секретарем ЦК и кандидатом в члены президиума ЦК, созданного вместо политбюро. Так Леонид Ильич оказался в высшей лиге. Он сам был поражен неожиданным взлетом. Ему было всего сорок пять лет, и он уже почти достиг вершины власти.

Новый секретариат ЦК был многочисленным.

В него вошли (помимо Сталина): Аверкий Борисович Аристов (заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК), Леонид Ильич Брежнев, Николай Григорьевич Игнатов (министр заготовок), Георгий Максимилианович Маленков (второй человек в партаппарате), Николай Александрович Михайлов (заведующий отделом пропаганды и агитации), Николай Михайлович Пегов (заведующий отделом по подбору и распределению кадров), Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (заместитель председателя Совмина по заготовкам сельскохозяйственных продуктов и сельскохозяйственного сырья), Михаил Андреевич Суслов и Никита Сергеевич Хрущев.

Из них при Брежневе сохранятся только Суслов, который будет работать секретарем ЦК до самой смерти, и Пегов, свояк Суслова. В брежневские годы Николай Пегов заведовал отделом ЦК по работе с загранкадрами и выездам за границу.

18 октября высокопоставленные аппаратчики во главе со сталинским помощником Александром Николаевичем Поскребышевым, который стал теперь именоваться «секретарь президиума и бюро президиума ЦК КПСС», составили проект распределения обязанностей среди секретарей ЦК.

Брежневу, как имеющему фронтовой опыт, решили поручить «наблюдение за работой Главного политического управления военного министерства и Главного политического управления военно-морского министерства». Маленков прочитал проект и в основном согласился.

Леонид Ильич на Старой площади был человеком новым. Ушлые московские чиновники его не знали, поэтому первоначально не включили в состав постоянной комиссии по вопросам обороны при президиуме ЦК. В этой комиссии предполагалось решать все военные дела. Таким образом, Леонид Ильич оказывался в стороне. Но чиновников поправил Сталин, и 19 ноября Брежнева ввели в состав комиссии по вопросам обороны.

20 октября в одиннадцатом часу вечера в кабинет Сталина пригласили почти всех секретарей ЦК и высших идеологических чиновников. Брежнев впервые увидел, как делается большая политика, что и как говорит вождь в тесном кругу своих соратников. В основном Сталин выражал недовольство дурным состоянием идеологической работы:

— Наша пропаганда ведется плохо, кака какая-то, а не пропаганда. Все недовольны постановкой дела пропаганды. Нет ни одного члена политбюро, который был бы доволен работой отдела пропаганды. У наших кадров, особенно у молодежи, нет глубоких знаний марксизма. Особенно плохо поставлена пропаганда в газетах, в частности в «Правде»...

Заседание в сталинском кабинете продолжалось около часа. Его оформили как заседание секретариата ЦК, утвердившего распределение обязанностей между секретарями. Окончательно это было утверждено 27 октября.

Полномочия Брежнева по указанию Сталина были расширены. Вождь настоял на том, чтобы новым секретарям

ЦК дали больше прав, — он спешил ввести их в курс дела, чтобы заменить молодыми старшее поколение руководителей партии.

Леонид Ильич должен был не только контролировать армейских и флотских политработников, но и наблюдать «за делом подбора и распределения кадров по линии военного и военно-морского министерства». Это теоретически наделяло Брежнева серьезной властью — все важные назначения в военном ведомстве требовали его согласия.

Военным министром с 1949 года был маршал Александр Михайлович Василевский. Он являлся всего лишь членом ЦК, так что по партийному званию стоял ниже Брежнева. Но Василевский с военных лет был близок к Сталину, который ему покровительствовал. Так что маршал не нуждался в поддержке Брежнева, а мог в случае необходимости напрямую обратиться к вождю.

Брежнев еще несколько раз побывал в кабинете вождя. 17 ноября 1952 года Сталин собрал секретарей в десять часов вечера и до двенадцати объяснял, как они должны работать. Леонид Ильич слушал и вникал.

1, 3 и 4 декабря 1952 года Брежнев присутствовал на заседании президиума ЦК, когда было принято решение завести печально знаменитое «дело врачей» и вновь реорганизовать Министерство госбезопасности.

11 декабря в сталинском кабинете обсуждалось сразу несколько вопросов. Леонид Ильич внимательно наблюдал за тем, как принимаются решения. Он успел пройти краткий курс в сталинской школе управления, хотя Сталин ни разу не вызывал его для личной беседы. У престарелого вождя не было сил возиться с каждым новичком.

16 декабря решался вопрос о выделении денег вооруженным силам. 29 декабря рассмотрение вопроса продолжилось.

26 января 1953 года Сталин в последний раз собрал у себя руководителей партии. Больше они в таком составе не собирались. Вождю оставалось жить чуть больше месяца. Он чувствовал себя слабым и усталым и даже перестал читать присылавшиеся ему документы. В последний раз Сталин побывал в Кремле 17 февраля, когда принимал индийского посла. 27 февраля он в последний раз покинул дачу, чтобы побывать в Большом театре — посмотрел «Лебединое озеро».

В ночь на 1 марта у Сталина случился инсульт.

Начиная со 2 марта руководители страны встречались только в узком кругу. Брежнева не приглашали. Он недолго пробыл в высшем эшелоне. За четыре с небольшим месяца не успел установить нужные контакты, никак себя не проявил. Составляя список нового руководства, старые члены политбюро его просто вычеркнули. Он был не нужен.

Со смертью Сталина его карьера рухнула.

5 марта на совместном заседании ЦК, Совета министров и президиума Верховного Совета (оно началось в восемь часов вечера, когда Сталин еще был жив) Брежнева освободили от обязанностей секретаря ЦК «в связи с переходом на работу начальником политуправления военно-морского министерства».

Многие высшие чиновники лишились постов, но всем подобрали приличные должности, и только от Брежнева, можно сказать, избавились. Начальник политуправления — должность, приравненная к заместителю министра, то есть на много ступенек ниже той, что он занимал с октября 1952 года.

Падение с олимпа было крайне болезненным. Только что он ощущал себя одним из руководителей страны, заседал за одним столом со Сталиным... Теперь ему предстояло подчиняться своим недавним подчиненным. Можно без преувеличения сказать, что 1953 год был в жизни Брежнева одним из худших.

Военно-морской министр адмирал Николай Герасимович Кузнецов, человек прямой и резкий, оберегал престиж флотской службы. Он холодно встретил бывшего секретаря ЦК, считая, что политработник, который никогда не плавал, бесполезен на флоте.

Но это было еще полбеды! Буквально через десять дней военно-морское министерство объединили с военным министерством — в Министерство обороны. Объединили и политорганы.

Брежнев вообще остался без работы и в мае 1953 года написал слезное письмо главе правительства Маленкову:

«В связи с упразднением Главного политуправления ВМС, я обращаюсь к Вам, Георгий Максимилианович, с большой просьбой... Почти тридцать лет своей трудовой деятельности я связан с работой в народном хозяйстве. С 1936 года на советской и партийной работе. Люблю эту работу, она для меня вторая жизнь... Теперь, когда возраст приближается к 50 годам, а здоровье нарушено двумя серьезными заболеваниями (инфаркт миокарда и эндотернит ног), мне трудно менять характер работы или приобретать новую специальность.

Прошу Вас, Георгий Максимилианович, направить меня на работу в парторганизацию Украины. Если я допускал в работе какие-либо недостатки или ошибки, прошу их мне простить».

Слово «эндартериит» (серьезное заболевание ног) Брежнев не смог написать правильно.

Маленков послание переадресовал Никите Сергеевичу. На письме осталась пометка «Хрущев ознакомился». Ни Маленков, ни Хрущев на мольбу Леонида Ильича не откликнулись.

Брежнева сделали заместителем начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. Приказом министра обороны № 01608 21 мая он был возвращен в кадры Советской армии. В порядке компенсации за понижение в должности 4 августа 1953 года ему присвоили звание генерал-лейтенанта.

Леонид Ильич в ГлавПУРе тосковал и затаил обиду на Маленкова. Служба эта ему не нравилась, ездить по частям он не любил, армейская жизнь его не интересовала. С начальником ГлавПУРа генерал-полковником Алексеем Сергеевичем Желтовым отношения у него не сложились. Но Желтов трогать бывшего секретаря ЦК не решался.

Страдать Леониду Ильичу пришлось недолго — чуть больше года. О нем вспомнил Никита Хрущев и пригласил в ЦК на беседу, которая изменила жизнь Брежнева.

«Целина прочно вошла в мою жизнь, — говорится в написанных от его имени воспоминаниях. — А началось все в морозный московский день 1954 года, в конце января, когда меня вызвали в ЦК КПСС. Сама проблема была знакома, о целине узнал в тот день не впервые и новостью было то, что массовый подъем целины хотят поручить именно мне».

В реальности было не совсем так — он поехал в Казахстан вторым секретарем республиканского ЦК. И в брежневской «Целине» вовсе не упоминается имя Хрущева, хотя целина была целиком и полностью его идеей.

В январе 1954 года Никита Сергеевич направил членам президиума ЦК записку, в которой констатировал: зерновая проблема в стране не решена. Необходимо «расширение в ближайшие годы посевов зерновых культур на залежных и целинных землях в Казахстане и Западной Сибири».

Тогдашние руководители Казахстана во главе с первым секретарем Жумабаем Шаяхметовым возражали: «Распашка целинных и залежных земель приведет к нарушению интересов коренного казахского населения, так как лишает его выпасов скота».

Хрущев решил, что надо заменить руководство республики. Никита Сергеевич еще не был единоличным хозяином страны, ему приходилось советоваться и принимать во внимание мнение других членов президиума. В результате первым секретарем в Алма-Ату послали бывшего первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко.

С Хрущевым у них были плохие отношения еще с тех пор, как они руководили соседними республиками. Но Пантелеймон Пономаренко не унывал. Он прошел хорошую школу. Начинал подмастерьем в шапочной мастерской, окончил Московский институт инженеров транспорта, четыре года прослужил в Красной армии. В 1937 году Пономаренко взяли в аппарат ЦК инструктором. Его приметил Маленков, и в тридцать шесть лет Пономаренко назначили первым секретарем ЦК компартии Белоруссии.

Уже на пенсии Пантелеймон Кондратьевич вспоминал, как впервые побывал на даче у Сталина:

— По ходу застолья отошел что-то положить в тарелку, вернулся и чувствую, что сел в нечто мягкое и скользкое. Обомлел, не шевелюсь. Все уже курят на террасе, а я остался за столом один.

Его позвал Сталин:

— Почему не идете?

Пономаренко робко объяснил:

— Я во что-то сел.

Сталин позвал Берию:

— Лаврентий, иди сюда. Когда ты кончишь свои дурацкие шутки? Зачем подложил Пономаренко торт?

Судя по тому, что Сталин продолжал приглашать Берию к себе на дачу, вождя эти примитивные шутки развлекали. Хотя Пономаренко принадлежал к числу его любимцев.

Иван Александрович Бенедиктов, министр сельского хозяйства при Сталине и Хрущеве, уверял, что именно Пономаренко Сталин хотел сделать главой правительства вместо себя:

«Обладая твердым и самостоятельным характером, Пантелеймон Кондратьевич одновременно был коллективистом и демократом до мозга костей, умел располагать к себе, организовывать дружную работу широкого круга людей.

Сталин, видимо, учитывал и то, что Пономаренко не входил в его ближайшее окружение, имел собственную позицию и никогда не старался переложить ответственность на чужие плечи. Документ о назначении Пономаренко председателем Совета министров был завизирован уже несколькими членами политбюро, и только смерть Сталина помешала выполнению его воли».

Бенедиктов, видимо, ошибался: кроме него, никто не смог подтвердить желание Сталина сделать Пономаренко главой правительства. Документы такие не найдены, да и непохоже было, чтобы Сталин собирался кому-то уступать свое кресло...

После смерти вождя Пономаренко назначили союзным министром культуры. Он демонстрировал полнейший либерализм. Кто-то из ученых, побывав у Пономаренко, восхищался:

— Да он понимает юмор!

Писатель Корней Чуковский вспоминал, что «эпоху Пономаренко» называли «идеологическим нэпом».

5 декабря 1953 года Чуковский описал в дневнике сцену посещения министра культуры. Они пришли к Пономаренко вместе с писателем Константином Фединым. Министр больше часа излагал свою программу, рассказал, что руководитель ансамбля народного танца Игорь Моисеев пригласил принять его новую постановку.

Пономаренко ответил Моисееву:

— Вы меня кровно обидели.

— Чем? — спросил тот.

— Какой же я приемщик?! Вы мастер, художник, — и никакие приемщики здесь не нужны... Я Кедрову и Тарасовой прямо сказал: отныне ваши спектакли освобождены от контроля чиновников. А Шапорину... Шапорину я не передал тех отрицательных отзывов, которые слышал от влиятельных правительственных лиц, я сказал ему только хорошие отзывы, нужно же ободрить человека... Иначе нельзя... Ведь художник — человек впечатлительный...

Упомянутые Пантелеймоном Пономаренко народные артисты СССР Алла Тарасова и Михаил Кедров пришли к министру от имени Московского художественного театра, Юрий Шапорин был известным композитором. На постановку его оперы «Декабристы» приехали члены президиума ЦК после ареста Берии.

Федин и Чуковский поблагодарили Пономаренко за то, что он их принял.

— Помилуйте, в этом и заключается моя служба...

Зато вторым секретарем Хрущев назначил в Казахстан человека, которого с полной уверенностью мог считать своим выдвиженцем. Дело не только в том, что Брежнев уже работал под его руководством на Украине. Никита Сергеевич вернул Леонида Ильича на высокий партийный пост, вновь открыл ему дорогу наверх. Брежнев был благодарен и демонстрировал свою признательность Никите Сергеевичу. На протяжении почти десяти лет он воспринимался как хрущевский человек.

Личное поручение Никиты Сергеевича

30 января 1954 года президиум ЦК КПСС принял решение о смене кадров в Алма-Ате. 5 февраля на пленуме ЦК компартии Казахстана за неудовлетворительное руководство селом (формулировка, продиктованная Москвой) освободили от работы первого секретаря Жумабая Шаяхметова и второго секретаря Ивана Ильича Афонова. Члены республиканского ЦК послушно проголосовали за назначение на их место Пономаренко и Брежнева. Секретарем ЦК по сельскому хозяйству избрали местного — Фазыла Каримовича Карибжанова.

17—18 февраля состоялся VII съезд компартии Казахстана. Только теперь Пономаренко и Брежнева избрали членами республиканского ЦК.

27 февраля решением президиума ЦК КПСС Брежнев был освобожден от должности заместителя начальника ГлавПУРа «в связи с избранием вторым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана с оставлением в кадрах Советской Армии».

Личное дело генерал-лейтенанта Брежнева хранилось в сейфе начальника ГлавПУРа генерала Епишева. Особо доверенным генералам он показывал брежневскую папку. В документах, заполненных в годы войны, в графе «национальность» Леонид Ильич писал «украинец» (так же было записано в паспорте, выданном ему в 1947 году). Переехав в Москву, стал писать «русский»... Когда Брежнев вступал в партию в 1929 году, то в графе анкеты «родной язык» написал сначала «украинский». Потом зачеркнул и написал «русский».

23 февраля — 2 марта 1954 года проходил пленум ЦК КПСС, который принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель», где имеются «огромные массивы неосвоенных земель с плодородными черноземами и каштановыми почвами, на которых можно получать высокий урожай без больших капитальных вложений».

Пантелеймон Пономаренко, только-только поставленный во главе республики, на пленуме обвинил в национализме казахских почвоведов, которые доказывали, что не все целинные земли можно пахать. Но ученые оказались правы, начались пыльные бури, на огромных площадях был уничтожен пахотный слой...

Новым руководителям республики поставили задачу освоить в 1954—1955 годах шесть с лишним миллионов гектаров новых земель. В республику стало поступать много новой техники. В первые два года приехали триста шестьдесят тысяч механизаторов, строителей, агрономов.

В 1954 году Казахстан заготовил четверть миллиарда пудов хлеба, в два с половиной раза больше, чем в 1951-м, когда собрали рекордный по прежним понятиям урожай.

В Алма-Ате Брежнев сблизился с Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым, которого друзья называли Димашем. Брежнев всегда будет поддерживать Кунаева, а тот станет его надежной опорой в политбюро.

В марте 1955 года Кунаев, тогда президент республиканской Академии наук, приехал в Москву, чтобы выступить на сессии Верховного Совета. Устроился в одном из кабинетов постоянного представительства правительства Казахстана при Совете министров СССР писать доклад.

Вдруг его позвали в кабинет постоянного представителя республики. Там находились Пономаренко и Брежнев. Пономаренко спросил:

— Чем занят?

— Готовлю доклад.

Они почему-то рассмеялись.

— Не мучайтесь, выступать не придется, — сказал Пономаренко. — Мы хотим сделать вам предложение. На бюро ЦК мы только что утвердили вас председателем Совмина республики. Что скажете на это?

— Буду выполнять директиву ЦК, — ответил Кунаев.

— Мы так и думали, — довольно кивнул Брежнев.

— Сейчас поедем в ЦК. Представим вас Хрущеву. Будьте готовы через десять минут, — сказал Пономаренко.

Пономаренко и Брежнев доложили первому секретарю о положении в республике, решили несколько вопросов. Хрущев пожелал Кунаеву успеха. Беседа длилась полчаса.

Целина находилась под постоянным контролем Хрущева. Он часто приезжал в Казахстан, проводил совещания с республиканским активом. С правой стороны от него садился Брежнев, с левой — Пономаренко. Все замечали, что Пономаренко сидел невеселый, даже хмурый и не обращался к Хрущеву. А Брежнев, напротив, постоянно кивал в сторону Никиты Сергеевича и пребывал в хорошем настроении. Это описано в воспоминаниях Михаила Андреевича Жихарева, который в те годы работал в сельхозотделе ЦК компартии Казахстана.

Пономаренко старался дружить с казахскими писателями, читал современную казахскую литературу. Однажды Кунаев зашел к Пономаренко, чтобы вместе пойти в гости к знаменитому писателю Мухтару Ауэзову. Вдруг зазвонил аппарат ВЧ.

Пономаренко, поговорив, объяснил Кунаеву, что звонил Хрущев. Настроение у него испортилось. Первый секретарь Казахстана признался:

— С Хрущевым становится работать все труднее и труднее.

А спустя несколько дней так же при Кунаеве из Москвы позвонил министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Закончив разговор, Пономаренко сказал:

— Помните, я говорил вам о моих отношениях с Хрущевым? Сейчас, после разговора с Молотовым, все прояснилось. Меня заставляют перейти на дипломатическую работу. Я уезжаю в Польшу.

Он вызвал помощника и велел подготовить самолет. Через несколько минут помощник доложил, что самолет будет готов к вылету через три часа. Пономаренко собрал членов бюро, объявил, что его отзывают в Москву, и попрощался.

В аэропорту Пономаренко провожал только Динмухамед Кунаев. Больше никто из членов бюро не приехал. Опальных руководителей забывают сразу. После Польши Пономаренко отправили послом в Нидерланды. Впрочем, и там его продержали недолго. Некоторое время он руководил кафедрой в Институте общественных наук при ЦК (Ленинской школе), где рассказывал посланцам из стран третьего мира, как надо вести партизанскую войну.

После отъезда Пономаренко из Казахстана Михаил Жихарев с коллегами из сельхозотдела ЦК пришли к Брежневу, чтобы передать материалы для очередного собрания актива. В приемной Леонида Ильича сидел его доверенный помощник Виктор Андреевич Голиков.

Заведующий сельхозотделом ЦК компартии Казахстана дипломатично сказал Брежневу:

— Теперь работать будет труднее, раз Пономаренко отзывают в Москву.

Леонид Ильич ответил:

— А мне и при нем было не легче.

Брежнев был злопамятным. В 1965 году он отправил Пономаренко на пенсию, хотя Пантелеймон Кондратьевич занимал и так весьма скромную должность. Пенсионер Пономаренко пережил Брежнева...

После ухода Пономаренко, в августе 1955 года, первым секретарем Казахстана избрали Брежнева, вторым секретарем прислали Ивана Дмитриевича Яковлева из Новосибирского обкома.

На целине Брежнев много работал, засиживался в ЦК за полночь. Постоянно ездил по республике.

Михаил Жихарев вспоминает, что однажды Леонида Ильича ночью из Семипалатинска отправили в Алма-Ату в больницу. Ему стало плохо, закружилась голова, он потерял сознание и упал. Когда вернулся на работу, объяснил, что ездил по области и три ночи не спал. В другой раз ему стало плохо в Целинограде. Очнулся на носилках.

«В те годы, — рассказывал секретарь Уральского обкома компартии Казахстана Юрий Александрович Булюбаш, — это был в высшей степени культурный человек. Даже в неофициальной обстановке не выносил грубости и невежества. И с юмором у него было все в порядке, любил рассказывать анекдоты. Всегда одетый с иголочки. Неряхам мог заметить: “Ну и чухонцы вы!” Лично я других настолько открытых и простых политических деятелей не знаю».

В определенном смысле Леониду Ильичу не повезло. 1955 год выдался на редкость тяжелым. На целине его назвали «годом отчаяния»: засуха, ни одного дождя за все лето. Посевы в Казахстане погибли. Но Хрущев к Брежневу претензий не имел. Наоборот, он все больше симпатизировал своему выдвиженцу. И Леониду Ильичу недолго оставалось работать в Казахстане.

На XX съезде партии в феврале 1956 года Брежнев выступал как руководитель партийной организации Казахстана. Но после съезда в Алма-Ату он не вернулся. На организационном пленуме ЦК, 27 февраля, Брежнева вновь, как в 1952 году, избрали кандидатом в члены президиума и секретарем ЦК. В 419-м номере гостиницы «Москва» делегация Казахстана искренне поздравила Брежнева с высокой должностью.

В апреле 1956 года первым секретарем ЦК компартии Казахстана избрали Ивана Яковлева. Вторым секретарем утвердили Николая Ивановича Журина. Он родился в Оренбурге, где окончил профтехучилище, а работать начал в Актюбинском паровозном депо помощником машиниста. В Алма-Ату его перевели с должности первого секретаря Актюбинского обкома. На этот же пост он впоследствии вернулся и руководил областью еще восемь лет.

Леонид Ильич теперь вновь принадлежал к высшему руководству страны. Когда Брежнева избрали секретарем ЦК, Аверкий Борисович Аристов, который ведал силовыми структурами, принес его досье, и они его вместе сожгли.

Леонид Ильич был счастлив. Таким его впервые увидел главный переводчик советского руководства Виктор Михайлович Суходрев:

«Выше среднего роста, крепкий, молодцеватый, с зачесанной назад шевелюрой, он словно излучал здоровье и силу».

В гостинице «Советская» был устроен прием. Заведующий протокольным отделом Министерства иностранных дел показал Леониду Ильичу на группу переводчиков, готовых помочь в общении с иностранцами.

«Брежнев окинул нас взглядом, — вспоминал Суходрев, — поздоровался с каждым из нас за руку, затем улыбнувшись, галантно согнул руку в локте и предложил ее Татьяне Сиротиной — единственной в нашей группе женщине-переводчице.

— Отлично! Мне как раз нужна переводчица, — произнес он своим красивым баском.

Татьяна у нас была женщина боевая — она тут же взяла его под руку, и Брежнев все той же энергичной походкой направился с ней в главный зал».

Протоколы заседаний президиума ЦК свидетельствуют, что Брежнев поначалу почти не выступал, больше слушал. Чувствовал себя неуверенно рядом с такими тяжеловесами, как Молотов, Маленков, Жуков, Булганин. Но он был нужен Хрущеву как верный человек. Никита Сергеевич включал его то в одну, то в другую комиссию — разобраться с Госпланом или подготовить документ по венгерским делам.

В разгар венгерского народного восстания, 3 ноября 1956 года, принимается решение срочно отправить в Венгрию Микояна и Брежнева. Причем в протоколе записано: «...вылет в два-три часа», потом исправлено: «...вылет в 7—8 часов утра». Микоян и Брежнев находились в Венгрии два дня — 4 и 5 ноября. Но в чем заключалась их миссия, историкам установить не удалось.

4 ноября принимается решение их отозвать. 6 ноября они уже участвуют в заседании президиума.

Брежнев как секретарь ЦК получал записки из разных отделов аппарата и должен был на них реагировать.

6 июля 1956 года ему передали записку отдела культуры ЦК относительно поездки в ГДР выдающегося пианиста Святослава Теофиловича Рихтера. Руководители Восточной Германии просили Министерство культуры СССР прислать Рихтера на торжества, посвященные столетию со дня рождения композитора Роберта Шумана.

Но чекисты посылать Рихтера за границу не хотели:

«Отец Рихтера (по национальности немец) в 1941 году был расстрелян органами госбезопасности. Мать (русская), по имеющимся данным, переехала в Западную Германию, где проживает и в настоящее время. Сам С. Рихтер фактически является одиноким, детей не имеет, его брак с певицей Н. Дорлиак не зарегистрирован, окружение его не вызывает особого одобрения, ведет замкнутый образ жизни.

Органы безопасности замечаний в отношении С. Рихтера не имеют. Его гастрольные поездки в странах народной демократии проходили без замечаний. Тем не менее, КГБ (т. Бельченко) предложение Министерства культуры о направлении в ГДР С. Рихтера не поддерживает».

Генерал-полковник Сергей Саввич Бельченко был тогда заместителем председателя КГБ.

Записку написал тогдашний заместитель заведующего отделом культуры ЦК литературный критик Борис Сергеевич Рюриков, будущий главный редактор журнала «Иностранная литература». Он работал в ЦК при Сталине и был тогда освобожден от должности «за покровительство антипатриотической группе театральных критиков».

Рюриков напомнил, что Рихтера много раз приглашали за границу, но под разными предлогами его не пускали:

«Полагая, что государственные учреждения относятся к нему с недоверием, С. Рихтер за последнее время мало выступает в концертах, находится в нервозном состоянии, стал играть хуже, а недавно даже прервал концертное выступление в Малом зале консерватории.

Имея в виду вышеизложенное, отдел культуры ЦК КПСС считает возможным согласиться с предложением Министерства культуры СССР о направлении в ГДР С. Рихтера с тем, однако, условием, чтобы в качестве сопровождавшего был направлен в ГДР один из ответственных работников управления внешних сношений Министерства культуры СССР».

Это был ловкий ход. Под крышей Управления внешних сношений министерства работали сотрудники госбезопасности. Таким образом пианист оказывался под опекой КГБ, и чекисты отвечали бы в том случае, если бы что-то произошло.

Брежнев вынес резолюцию на записке: «Согласиться».

При Леониде Ильиче Рихтеру даже присвоили звание Героя Социалистического Труда.

27 октября 1956 года отдел культуры ЦК предложил организовать критические отклики на статью о драматургии и театре, помещенную в журнале «Вопросы философии». Статья носила откровенно антисталинский характер. Работники ЦК увидели в ней «огульное охаивание и опорочивание кадров государственного и партийного аппарата».

Записку положили на стол секретарю ЦК Петру Николаевичу Поспелову, который поставил резолюцию «согласиться». Но Поспелов был «простым» секретарем. В общем отделе посчитали, что его мнения недостаточно, и о записке доложили Брежневу — кандидату в члены президиума ЦК. После чего его помощник Голиков записал: «У т. Брежнева Л. И. возражений нет. Согласия т. Поспелова П. Н. достаточно (указание т. Брежнева)».

К пятидесятилетию, 18 декабря, Брежнев получил второй орден Ленина «за выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и советским народом».

На заседании президиума 28 января 1957 года Брежнев решительно поддержал одну из важнейших хрущевских идей — замену отраслевого принципа управления промышленностью и строительстом территориальным:

— Соображения, изложенные в записке Никиты Сергеевича, правильны. На местах выросли хорошие кадры.

Против создания совнархозов и упразднения министерств возражал практически один только Молотов, который перестал быть министром иностранных дел, но оставался членом президиума и первым заместителем главы правительства. Он часто вступал в полемику с Хрущевым. Сторонники Никиты Сергеевича, в том числе Брежнев, устроили Вячеславу Михайловичу проработку.

13—14 февраля 1957 года идеи Хрущева утвердил пленум ЦК. 10 мая Верховный Совет принял соответствующий закон. Упразднили десять общесоюзных и пятнадцать союзно-республиканских министерств. Все подчиненные им предприятия передали совнархозам, которые подчинялись непосредственно правительству. Верховные Советы республик образовали сто пять совнархозов.

Через семь лет Брежнев поставит эту реорганизацию Хрущеву в вину и воссоздаст распущенные министерства.

Благодаря хорошим отношениям с Хрущевым позиции Леонида Ильича в аппарате крепли. Он уже принадлежал к числу, условно говоря, «старших» секретарей.

Он же решительно бросился на защиту Хрущева, когда летом 1957 года Молотов, Маленков, Каганович и Булганин решили свергнуть Никиту Сергеевича. На президиуме ЦК 18 июня они предъявили Хрущеву целый список обвинений.

Расклад был не в пользу Хрущева. Семью голосами против четырех президиум проголосовал за снятие Хрущева с поста первого секретаря. Но произошло неожиданное: Никита Сергеевич нарушил партийную дисциплину и не подчинился решению высшего партийного органа.

Ночь после заседания он провел без сна со своими сторонниками. Вместе они разработали план контрнаступления.

Никита Сергеевич точно угадал, что члены ЦК — первые секретари обкомов — поддержат его в борьбе против старой гвардии и простят первому секретарю такое нарушение дисциплины.

Ключевую роль в его спасении сыграли председатель КГБ Иван Александрович Серов и министр обороны Георгий Константинович Жуков. Жуков самолетами военно-транспортной авиации со всей страны доставлял в Москву членов ЦК, а Серов их правильно ориентировал.

Леониду Ильичу в первый же день бурных заседаний президиума ЦК стало плохо, у него заболело сердце, и врачи его увезли. Они диагностировали очаговые изменения в миокарде.

Он написал заявление в президиум ЦК:

«Будучи прикован к постели внезапным тяжелым сердечным заболеванием, сопровождающимся падением сил, и категорическим запретом врачей подниматься с постели, я, к моему великому огорчению, лишился возможности после первых двух заседаний участвовать в дальнейших заседаниях Президиума ЦК, проходивших 19 и 20 июля с. г. В связи с этим считаю своим партийным долгом сделать это заявление.

Выступления тт. Маленкова, Кагановича, Молотова показали, что разногласия зашли очень далеко, а высказанные ими предложения носят раскольнический характер и затрагивают коренные интересы всей партии и государства. Поэтому такого рода вопросы не могут быть решены на Президиуме ЦК, а по моему глубокому убеждению в соответствии с Ленинскими партийными принципами должны быть рассмотрены и решены на Пленуме ЦК нашей партии.

Как член ЦК КПСС, я категорически настаиваю на немедленном (в один — два дня) созыве пленума ЦК КПСС».

Заявление Брежнева разослали партийному руководству.

К пленуму Леонид Ильич почувствовал себя лучше, пришел на заседание и выступил. На пленуме ЦК люди Хрущева составляли большинство. Остальные, увидев, чья берет, тотчас присоединились к победителю.

Брежнев на пленуме говорил Маленкову:

— Вы ввели биологический подбор кадров. Ведь вы ввели родословный принцип в подборе кадров, определяя их способность по бабушкам и дедушкам. Сколько пострадало на этом!

Хрущев одолел своих соперников, и на октябрьском пленуме ЦК над ними устроили судилище.

Молотова, Маленкова, Кагановича было в чем обвинить — участие в репрессиях, выступления против решений XX съезда, за сохранение культа Сталина. Обвинить секретаря ЦК по идеологии Дмитрия Трофимовича Шепилова, который тоже критиковал Хрущева, было не в чем.

Шепилов сам готовил доклады о развенчании культа личности; с Молотовым, Кагановичем и Булганиным у него были плохие отношения. Поэтому на него просто лились потоки брани. Шепилов на пленуме пытался объяснить, что членов президиума ЦК нелепо называть заговорщиками:

— Не представляю себе, чтобы председатель Совета министров ставил вопрос о захвате власти. Подумайте. У кого же власть захватывать? Или тогда приходим к выводу, что у нас в президиуме есть люди, имеющие власть, и люди, не имеющие власти... Я говорил на президиуме, что есть сильные, есть драгоценные качества у товарища Хрущева, я их перечислил, и есть слабые, есть такие качества, которые в условиях ослабления коллективного руководства могут принести серьезные неприятности. Это нормальный путь обсуждения. Это ж на президиуме говорилось, а не в подполье...

Шепилову кричали из зала, что товарищи видели, как его машину догнала машина Кагановича и он пересел к Лазарю Моисеевичу. Значит, сговаривались против Хрущева?

Шепилов изумленно отвечал:

— Да мы часто все встречаемся, гуляем, что же тут подозрительного? Тем более мы с Кагановичем соседи в дачном поселке.

Тут подал голос Брежнев:

— Семнадцатого числа я позвонил тебе в кабинет днем по служебному делу. Твой помощник сказал, что ты давно в Кремле. Я спросил: у кого? У товарища Кагановича. Ты был там два с половиной часа.

Радостные голоса из зала:

— Были у Кагановича?

— Нет, — пытался объясниться Шепилов, — сейчас факты одного времени переносятся на другое и представляются в искаженном виде.

И Брежнев, и Шепилов вернулись с войны в генеральских погонах, что выгодно отличало их от просидевших всю войну в тылу других руководителей страны.

Молодые и крепкие Брежнев и Шепилов были чуть ли не единственными прилично выглядевшими партийными руководителями. Они выделялись среди пузатых, низкорослых, каких-то физически ущербных членов политбюро. И Брежневу, и Шепилову приятная внешность помогла в карьере.

Сталину — особенно в старости — нравились красивые, статные, молодые генералы. Сталин, а затем Никита Хрущев продвигали и приближали и Брежнева, и Шепилова.

В 1957 году Брежнев и Шепилов были уже секретарями ЦК и кандидатами в члены президиума ЦК. Еще одна ступенька, еще один шаг — и они уже небожители. Оба были не аскетами, а жизнелюбами, пользовались успехом у женщин. На этом общее между ними заканчивается, и пути их расходятся.

Брежнев был любителем домино и застолий с обильной выпивкой, свой в компании коллег-партсекретарей. Профессор Шепилов, экономист по профессии, прекрасно разбирался в музыке, театре, литературе. При любом удобном случае Шепилов все бросал и спешил в Большой театр на премьеру.

Леонид Брежнев оказался умелым политиком. В решающую минуту в борьбе за власть он безошибочно встал на сторону победителя. А Шепилов поступил так, как считал справедливым и честным, то есть остался, в сущности, наивным человеком, хотя уже не раз был бит жизнью.

Дмитрий Трофимович потерял все посты и попал в Боткинскую больницу, а затем был отправлен в город Фрунзе директором Института экономики Академии наук Киргизской ССР.

Леонид Ильич Брежнев 29 июня 1957 года на пленуме, который исключил из высшего руководства «антипартийную группу», стал полноправным членом президиума ЦК.

«Однажды в Барвихе, — вспоминал заместитель министра иностранных дел Владимир Семенович Семенов, — Громыко пригласил меня погулять и третьим оказался Л. И. Брежнев. Молодой тогда еще, красивый, имевший успех у женщин (это мне говорили сестры), Леонид Ильич всю дорогу, а мы прошли, наверное, километров шесть, рассказывал о некоторых своих личных переживаниях и работе периода борьбы с группировкой Маленкова, Булганина и других. В его оценках Хрущева проскальзывали скрытые критические нотки, хотя они были вместе тогда. Меня заинтересовал этот горячий и напористый человек, хотя я не представлял себе, конечно, как он развернется впоследствии».

После пленума Хрущев поручил Брежневу важнейшие вопросы — военную промышленность, ракетостроение и космонавтику. Леонид Ильич сумел установить правильные отношения с генеральными конструкторами ракетно-космических систем, у каждого из которых был сложный характер. В случае несогласия с Брежневым они могли обратиться и к

Хрущеву. Но они приняли Леонида Ильича, считали его своим представителем при Хрущеве.

Никита Сергеевич все больше доверял своему выдвиженцу. Хрущев и глава правительства Булганин в июле 1957 года ездили в Чехословакию. Во время их отсутствия на заседаниях президиума ЦК председательствовал Брежнев.

Когда в октябре 1957 года Хрущев снял с должности министра обороны маршала Жукова, Брежнев одним из первых высказался против Георгия Константиновича, с возмущением говорил о культе Жукова в армии. И, кстати, став главой страны, своего негативного отношения к Жукову не изменил.

27 февраля 1956 года решением пленума ЦК было образовано бюро ЦК КПСС по РСФСР — «в целях более конкретного руководства работой республиканских организаций, областных, краевых партийных, советских и хозяйственных органов и более оперативного решения вопросов хозяйственного и культурного строительства РСФСР».

В аппарате российского бюро образовали шесть отделов: партийных органов; промышленно-транспортный; сельскохозяйственный; административных и торгово-финансовых органов; пропаганды и агитации; науки, школ и культуры.

Председателем бюро ЦК по РСФСР был назначен Хрущев. 3 января 1958 года на заседании президиума Брежнева утвердили заместителем председателя бюро ЦК. Ему поручили партийные кадры и промышленность России.

25 марта 1958 года Хрущев окончательно решил избавиться от своего прежнего соратника Николая Александровича Булганина, который еще оставался главой правительства. Тут же прозвучало предложение назначить на этот пост Хрущева.

— Другого предложения быть не может, — констатировал Брежнев. — Приход товарища Хрущева на пост предсовмина неизмеримо повысит авторитет правительства. Во внешнюю политику страны он вносит свою гениальность.

17 апреля на заседании президиума ЦК решили образовать Военный научно-технический комитет по атомному, водородному и ракетному оружию при Совете обороны СССР. Председателем назначили Хрущева, заместителем — Брежнева. К Леониду Ильичу и обратились за помощью главные создатели советского ядерного оружия — академики Юлий Борисович Харитон и Андрей Дмитриевич Сахаров. Они были обеспокоены тем, что готовится неправильное, с их точки зрения, постановление правительства.

«Брежнев, — рассказывал академик Сахаров, — принял нас в своем новом маленьком кабинете в том же здании, где когда-то я видел Берию».

Когда появились академики, Брежнев воскликнул:

— А, бомбовики пришли!

Леонид Ильич весело рассказал, что его отец считал тех, кто создает новые средства уничтожения людей, главными злодеями и говорил: надо бы этих злодеев вывести на большую гору, чтобы все видели, и повесить.

— Теперь я и сам занимаюсь этим черным делом, как и вы, и тоже с благой целью, — сказал Брежнев.

Он внимательно выслушал академиков, что-то записал в блокнот и резюмировал:

— Я вас вполне понял и посоветуюсь с товарищами. Вы узнаете о решении.

Он прислушался к академикам. Постановление Совета министров не было принято...

Член политбюро Виталий Иванович Воротников вспоминал, как Брежнев побывал на куйбышевском заводе «Прогресс». Это бывший московский велосипедный завод «Дукс», который появился в конце XIX века. После революции его переименовали в Государственный авиационный завод № 1. В войну эвакуировали в Куйбышев. Завод выпускал самолеты, последним был стратегический бомбардировщик Ту-16. В конце 1957 года заводу поручили выпуск первой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 конструкции Сергея Павловича Королева.

В цехах Леонид Ильич поговорил с рабочими, произвел на всех благоприятное впечатление. Статный, улыбчивый, общительный, с неизменной сигаретой в мундштуке, Леонид Ильич легко входил в контакт, хотя и несколько позировал. На острые вопросы рабочих отвечал просто и терпеливо. Сам задавал вопросы по делу.

Осенью 1958 года Воротников побывал у Брежнева в Москве. Секретарь ЦК был бодр, активен, непрерывно курил. Держался просто и приветливо. Несколько раз отвлекался на телефонные разговоры. Одному из собеседников недовольно сказал:

— Избавь меня от своих забот. Я и так завален делами, раньше девяти вечера не ухожу из ЦК.

Леонид Ильич хотел показать посетителям, что он очень занятой человек, но для них нашел время. Он действительно внимательно выслушал посетителей, позвонил главнокомандующему Военно-воздушными силами маршалу авиации Константину Андреевичу Вершинину, попросил его прислушаться к предложениям завода.

14 декабря 1959 года на заседании президиума ЦК Хрущев вдохновенно рассказал о том, какой он видит новую программу КПСС. За пятнадцать-двадцать лет надо достроить коммунистическое общество. Советская власть создана. Что теперь остается? Обеспечить старость пенсионерам, детей отправить в интернаты. Да еще обеспечить сменяемость чиновников, чтобы не засиживались на высоких должностях.

— Полностью разделяю предложения, — сказал Брежнев. — Предложения Никиты Сергеевича есть дальнейшее развитие ленинского учения о государстве. Народ и партия примут этот документ очень хорошо. Зримые черты коммунизма приобретут реальное осязаемое содержание, — интернаты, бесплатное обучение, обеспечение старости, дальнейшее повышение ежедневного потребления продуктов питания. Надо поддержать предложение Никиты Сергеевича...

Как бывший руководитель Казахстана Брежнев следил за положением в республике. Ему пришлось заниматься серьезным кризисом, возникшим в республике.

В декабре 1958 года был пленум ЦК в Москве. Руководителей Казахстана, Яковлева и Кунаева, позвали в комнату президиума. Без предисловий Хрущев объяснил, что ЦК направляет в Казахстан Николая Ильича Беляева и рекомендует его на пост первого секретаря.

Беляева, работавшего на Алтае, в 1955 году сам же Хрущев забрал в Москву и сделал секретарем ЦК КПСС. Но вскоре разочаровался в своем выдвиженце и решил переправить его из столицы в республику.

— Ну а Яковлев будет вторым секретарем, — заключил Хрущев. — Пленум по организационным вопросам нужно провести очень организованно.

Кунаев обещал, что все будет сделано. Они вернулись в Свердловский зал. Но Яковлев не захотел быть вторым там, где только что был первым. Он сказал, что хочет уехать из республики, и его послали в Ульяновск, где он стал первым секретарем. Карьера его пошла под уклон. Из Ульяновска Яковлева перевели в 1961 году в Омск с большим понижением — председателем горисполкома.

Да и Николаю Беляеву, направленному в Казахстан, не повезло. В 1959 году в Казахстане урожай погиб, посевы накрыл ранний снег. Республика обещала сдать девятьсот миллионов пудов хлеба, а сдала только семьсот. Но самое неприятное было еще впереди.

1 августа 1959 года в городе Темиртау строители Карагандинского металлургического комбината отказались выходить на работу из-за плохих бытовых условий.

В Москве придавали особое значение этому объекту, который открывал возможность освоения огромного Карагандинского угольного бассейна. В город со всей страны по комсомольским путевкам прибыло большое количество молодых рабочих, которых не могли обустроить. Да и самой работы еще не было.

Молодежь не знала чем заняться. Пятнадцать тысяч человек разместили в армейских палатках, кормили плохо. В жару, характерную для казахской степи, не хватало питьевой воды. В стоявших под солнцем цистернах вода превращалась в кипяток.

Вечером 1 августа группа молодежи разбила замки и выпила квас из стоявшей возле столовой цистерны. Судя по всему, рабочих действительно мучила жажда, а утолить ее было негде. С этого мелкого эпизода началось то, что потом квалифицировалось как хулиганство — толпа проникла в столовую, кто-то вскрыл ларек. Но когда среди ночи появилась милиция, люди успокоились и разошлись.

Возможно, на этом бы все и закончилось, но милиционеры задержали двоих парней (как потом оказалось, вовсе не причастных к хулиганству). И это задержание через несколько часов спровоцировало настоящий погром под лозунгом: освободим товарищей!

В городе начались массовые беспорядки, молодые люди, подогревшие себя алкоголем, грабили и поджигали магазины, захватили здание райотдела внутренних дел, напали на милиционеров и солдат, вызванных для наведения порядка.

В город приехал Брежнев.

«Мне понравилась решительность Брежнева в те дни, — вспоминал Кунаев. — Безбоязненно он появлялся среди групп зачинщиков беспорядков и говорил с ними спокойно. Крики и гам стихали, и можно было вести разговор».

На самом деле порядок наводили войска и милиция. Брежнев разрешил применить оружие, чтобы подавить беспорядки. Для этого понадобилось три дня. Одиннадцать человек погибли, еще пятеро потом умерли от ран. Сто с лишним солдат и офицеров получили ранения. Сорок два человека отдали под суд.

25 сентября 1959 года положение дел на строительстве Карагандинского металлургического комбината разбирали на заседании президиума ЦК.

Вызвали Беляева, Кунаева, первого секретаря Карагандинского обкома Павла Николаевича Исаева и директора Казметаллургстроя А. С. Вишневского. Исаев был переведен в Казахстан на повышение в 1958 году — с должности второго секретаря Свердловского обкома.

На заседании Михаил Андреевич Суслов угрожающе сказал, что «уголовное выступление приобрело политическую окраску». Руководителю республики Беляеву «указали» на его ошибки. Но он своей вины не признал. Тогда окончательное решение отложили и вернулись к нему 2 октября.

Теперь уже принимались оргмеры.

Начальника строительства Вишневского исключили из партии, сняли с работы и отдали под суд.

Первого секретаря обкома Исаева лишили высокой должности, на год исключили из партии и в порядке наказания назначили начальником смены термического цеха Верх-Исетского металлургического комбината. Рассказывали, что он на нервной почве потерял зрение и рано ушел из жизни.

Председателя Карагандинского совнархоза Дмитрия Григорьевича Аника исключили из партии и сняли с работы. Сняли с должности министра внутренних дел Казахстана Шыракбека Кабылбаева. Через несколько лет, при Брежневе, его вернули на прежний пост...

Первым секретарем Карагандинского обкома назначили Михаила Сергеевича Соломенцева, который до этого руководил Челябинским совнархозом.

Ему по ВЧ позвонил Хрущев:

— Мы в президиуме ЦК посовещались и решили отправить вас в Караганду.

— Как же так, Никита Сергеевич? — пытался воспротивиться Соломенцев. — У меня жена в больнице, сын здесь учится в институте.

— Немедленно вылетайте, — приказал Хрущев. — В Караганде сложилась тяжелая обстановка.

Поскольку газеты об этом инциденте ничего не писали, то лишь оказавшись в Караганде, Михаил Соломенцев узнал, что здесь произошло.

В решении ЦК КПСС записали, что руководство Казахстана «не дало глубокой оценки событиям, не сделало необходимых выводов и не приняло мер к исправлению сложившегося положения». Это было плохим предзнаменованием для руководителя республики Беляева. Он с опозданием сообразил, что напрасно сразу не признал своей вины.

7 января 1960 года на президиуме Брежнев доложил итоги рассмотрения секретариатом ЦК ситуации в Казахстане.

Дали слово Беляеву. Теперь Николай Ильич каялся:

— Товарищ Брежнев правильно излагал критические замечания. Я, видно, не дорос до деятеля большого плана. Просил бы верить, что я старался. Весь отдавался работе. Но, видно, не сплотил товарищей... С выводами согласен.

Вызванные на заседание члены бюро ЦК компартии Казахстана всю вину свалили на Беляева. Потом их отпустили, и в своем кругу члены президиума стали обсуждать кадровые вопросы: кем заменить Беляева и кого еще послать в Алма-Ату, чтобы укрепить руководство республики.

Хрущев сказал о Беляеве:

— Переоценили, грубоват. Нужен более гибкий ум.

Беляева назначили первым секретарем Ставропольского крайкома.

«Производил он впечатление человека совершенно потерянного, выбитого из колеи, — вспоминал его тогдашний подчиненный Михаил Сергеевич Горбачев, — и всего лишь через полгода покинул Ставрополь».

Кого же посылать в Казахстан?

Вновь возникла кандидатура Брежнева: ведь он так хорошо разбирается в казахстанских делах. Товарищи рады были бы избавиться от сильного конкурента, но Хрущев отпускать Брежнева не захотел.

Леонид Ильич, воспользовавшись случаем, привел к власти в Алма-Ате Кунаева. Он давно симпатизировал Кунаеву. В ноябре 1957 года Кунаев прилетел в Москву, заехал к Брежневу. После беседы Брежнев по-дружески спросил:

— Хотите завтра пойти на прием в Кремль? ЦК дает обед в честь участников международного совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Там будет весь цвет международного коммунистического движения.

Для Кунаева прием в Кремле был большим и приятным событием. Когда все гости собрались, появился Хрущев. Распахнулись двери в Грановитую палату, где были накрыты столы. Чету Кунаевых посадили вместе с женой Брежнева Викторией Петровной. За их столиком оказались руководители Албании Энвер Ходжа и Мехмет Шеху.

19 января 1960 года Брежнев прилетел в Алма-Ату на пленум, где жестко критиковал Беляева и провел на пост первого секретаря Казахстана Кунаева, который стал его верным соратником.

Вторым секретарем сделали Николая Николаевича Родионова, который до этого был первым секретарем Ленинградского горкома. Но с местными руководителями тот не сработался, и в 1962 году Хрущев приказал убрать Родионова с поста второго секретаря Казахстана. Ходили слухи, что Никите Сергеевичу не понравилось, как Родионов говорил с ним по телефону... При Брежневе Родионова сделали первым секретарем в Челябинске, а потом отправили послом в Югославию.

Не удержался на своем посту и Кунаев. Он возразил Хрущеву, который распорядился передать несколько районов Казахстана соседним Узбекистану и Туркмении. Никита Сергеевич велел сменить недисциплинированного руководителя.

Кунаеву из Москвы позвонил секретарь ЦК Фрол Романович Козлов:

— Прошу назначить пленум республиканского ЦК на 25 декабря. Есть желание поприсутствовать.

— Пленум будет созван, — пообещал Кунаев.

Он понял, что будет решаться его судьба.

Соседний Узбекистан просил передать ему два сельскохозяйственных района Чимкентской области, где выращивают хлопок. Хрущев счел идею разумной. Кунаев был категорически против передачи казахстанских земель Узбекистану. Никита Сергеевич счел это проявлением национализма. Тем более что первый секретарь Южно-Казахстанского крайкома Исмаил Юсупович Юсупов против территориального передела нисколько не возражал. Юсупова вызвали в Москву, с ним разговаривал Хрущев.

Юсупов заявил, что Кунаев в подборе и расстановке кадров руководствуется националистическими соображениями. Эти слова упали на подготовленную почву.

Никита Сергеевич сказал ему:

— Исмаил Юсупович, меня не устраивает нынешнее руководство Казахстана. Как вы посмотрите, если на эту работу мы направим вас?

— Никита Сергеевич, благодарю за доверие, — ответил Юсупов, — но я боюсь, что меня казахский народ не поймет. Ведь я представитель уйгурского народа. И вдруг единственного уйгура-начальника выдвигают первым секретарем...

Хрущев разозлился:

— Какое это имеет значение? Я думал, ты грамотный, понимаешь задачи коммунизма. У нас скоро ни границ, ни национальностей не будет. В Союзе в перспективе будет единый язык, границы между республиками исчезнут. Забудь все это, иди и работай.

Исмаил Юсупов учился в сельскохозяйственном техникуме, когда призвали в армию, окончил военно-политическое училище в Минске, воевал на Ленинградском фронте, попал в окружение, вышел из него, после ранения в 1942 году был признан негодным к строевой службе. Вернулся в Казахстан. В 1945 году он уже был наркомом водного хозяйства республики. Со временем стал секретарем ЦК республики по сельскому хозяйству.

Когда в ходе освоения целины изменили административно-территориальное деление Казахстана и появились три новых края, Юсупова сделали первым секретарем Южно-Казахстанского крайкома. Он счел это понижением и обиделся на Кунаева.

24 декабря Фрол Козлов прилетел в Алма-Ату. Ни в аэропорту, ни в машине ни слова не сказал о деле. Отдохнул и приехал в здание республиканского ЦК. Объяснил членам бюро:

— Президиум ЦК считает, что товарища Кунаева целесообразно назначить председателем Совмина республики. Первым секретарем мы рекомендуем Юсупова, вторым — Соломенцева. Прошу поддержать наше предложение.

— Кандидатуры названных вами товарищей на пленуме поддержу, — ответил Кунаев. — Что касается моего нового назначения, то я категорически против. Прошу направить меня в распоряжение Академии наук республики для работы в институте горного дела.

Козлов поморщился:

— К чему эти амбиции? Мы предлагаем вам очень ответственный пост, а вы возражаете. — И после паузы многозначительно добавил:

— Я вам не советую спорить с Хрущевым.

Козлов вместе с Юсуповым и Соломенцевым уехали обедать. Кунаев остался один. Ему позвонил Хрущев:

— Встречались с Козловым?

— Да, встречался.

— О вашем новом назначении говорили?

— Говорили. Но согласия на это предложение я не дал.

— Почему?

Кунаев повторил то, что сказал Козлову. Хрущев не принял его объяснений:

— Мы считаем, что на должности председателя Совмина вы принесете наибольшую пользу.

Кунаев пытался что-то возразить, но Никита Сергеевич его прервал:

— Мы свои решения не меняем! Все, разговор окончен.

На пленуме Козлов предложил избрать первым секретарем ЦК республики Исмаила Юсупова. Вторым секретарем утвердили Соломенцева, освободив от обязанностей секретаря Карагандинского обкома.

30 декабря вернувшийся в Москву Козлов доложил:

— Товарищ Кунаев предложение о переходе на работу в Совмин республики воспринял по-партийному...

7 января 1960 года Брежнев докладывал еще один важный кадровый вопрос: что делать с Алексеем Илларионови-

чем Кириченко, который еще недавно был членом президиума и фактически вторым секретарем ЦК?

Кириченко Хрущев взял в Москву из Киева, приблизил. Но вскоре убедился, что на роль второго человека Алексей Илларионович, у которого был тяжелый характер, не тянет, и расстался с ним.

Брежнев предложил отправить Кириченко или послом в Чехословакию, или первым секретарем Ростовского обкома. Кириченко захотел поехать послом, но за ночь передумал и попросился в Ростов. Правда, на этой должности его продержали всего полгода и отправили на пенсию.

Некоторые кадровые решения Брежнева отменялись.

Геннадий Иванович Воронов рассказывал, как в 1960 году его вызвал Леонид Ильич:

— Принято решение утвердить тебя первым секретарем Целинного крайкома и одновременно третьим секретарем ЦК Казахстана.

— Как же так, почему со мной никто даже не поговорил, не спросил мое мнение? — растерялся Воронов.

— Решение принято, — твердо сказал Брежнев, — поезжай во Внуково, лети в Казахстан на пленум.

Воронов вышел. В коридоре встретил другого секретаря ЦК, Николая Григорьевича Игнатова. Пожаловался тому на то, что решили его судьбу, даже не спросив.

Игнатов посмотрел на него с недоумением:

— На президиуме Полянский и Брежнев сказали, что ты согласен.

— Никто со мной не говорил.

Игнатов рад был поставить подножку товарищу:

— Пошли ко мне в кабинет, звони Хрущеву.

Воронов пожаловался первому секретарю:

— Никита Сергеевич, это секретарь Оренбургского обкома Воронов говорит. У меня столько дел в Оренбурге. Мне хотелось бы там еще два-три года поработать.

— Так говорили, что ты дал согласие, — удивился Хрущев.

— Никто со мной не беседовал.

— Скажи Брежневу, чтобы подобрал другую кандидатуру.

Воронов вернулся к Брежневу. Леонид Ильич выругался, решение отменил, но Воронову это запомнил.

Брежнев не уступал товарищам по президиуму ЦК в славословии Хрущеву. Причем делал это легко. 1 февраля 1960 года обсуждалась предстоящая поездка Хрущева во Францию. Брежнев не упустил случая сказать, что он полностью разделяет идеи Никиты Сергеевича, считает их «удачными и сильными». И предложил:

— Нельзя ли продумать вопрос таким образом, чтобы в середине срока пребывания Никиты Сергеевича во Франции он при удобном случае произнес бы речь.

— Я считаю это возможным, — откликнулся Хрущев.

— Это было бы очень интересно и сильно, — с воодушевлением говорил Брежнев. — Это поднимет весь рабочий класс и всю общественность Франции.

Министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко его поддержал:

— Правильно говорит Леонид Ильич, это будет сильный ход и по содержанию, и по значению, и по форме.

Первый заместитель министра обороны маршал Иван Степанович Конев предложил иной вариант:

— Я думаю, по тактическим соображениям, такие речи лучше произносить на русской земле, чтобы чувствовать за собой силу, чтобы это заявление исходило от правительства, ЦК. Это ваш авторитет возвысит и произведет бо́льшее впечатление, чем перед Францией или иной иностранной аудиторией.

Но Брежнев стоял на своем:

— А разве выступление Никиты Сергеевича в ООН не произвело впечатления? Помните, когда мы ехали с аэродрома, как люди руки просовывали к Никите Сергеевичу? С этим нельзя не считаться.

В конце беседы Хрущев сказал:

— Я думаю, что прав Брежнев.

4 мая 1960 года Хрущев провел большие перестановки в высшем руководстве. В частности, отправил на пенсию маршала Ворошилова, занимавшего пост председателя президиума Верховного Совета СССР.

Семидесятидевятилетний Климент Ефремович засыпал на заседаниях, говорил послам и иностранным гостям отсебятину, из-за чего несколько раз возникали международные скандалы. Решили, что Ворошилов обратится к Верховному Совету с письмом об освобождении его от должности. А его пост займет Леонид Ильич Брежнев.

7 мая на сессии Верховного Совета было зачитано заявление Ворошилова с просьбой освободить его от обязанностей председателя президиума по состоянию здоровья.

Хрущев, как говорилось в газетном сообщении, «тепло и сердечно поблагодарил Климента Ефремовича Ворошилова как верного сына коммунистической партии, от имени ЦК КПСС внес предложение присвоить товарищу К. Е. Ворошилову звание Героя Социалистического Труда».

Хрущев расщедрился на золотую звезду в качестве утешительного приза. В июле Ворошилова вывели из состава президиума ЦК. Но членом президиума Верховного Совета он оставался до конца жизни.

Второй человек в государстве

Для Брежнева новое назначение являлось повышением, хотя сама должность была безвластной. Все решения принимались на заседаниях президиума ЦК, Верховный Совет лишь их оформлял.

Но председательство сделало Брежнева известным в стране человеком, его фотографии стали появляться в газетах и кинохронике. Ему нравилось вручать ордена, поздравлять, устраивать приемы. Леонид Ильич гордился тем, что вручал золотую звезду героя Юрию Гагарину, космонавту номер один.

Но одному из первых он вручил золотую звезду героя Советского Союза убийце Троцкого испанцу Рамону Меркадеру, который отсидел двадцать лет в мексиканской тюрьме. 31 мая 1960 года был подписан закрытый указ о награждении. 8 июня Брежнев поздравил Меркадера, тайно доставленного в Советский Союз.

Леонид Ильич получил возможность ездить за границу, где его принимали со всеми почестями. Он стал получать иностранные награды — орден Независимости Республики Гвинея, Звезду Индонезии 1-го класса, Звезду Югославии 1-й степени.

Когда Брежнев летал за границу, его пилотом был Борис Павлович Бугаев, испытатель первых реактивных самолетов Ту-104. Это Бугаев доставил Юрия Гагарина с Байконура в Москву. Брежнев любил рассказывать, как во время полета в Гвинею и Гану его самолет окружили неизвестно чьи истребители. Но Бугаев ловко вывел самолет из этой опасной ситуации.

Став генеральным секретарем, Брежнев сделал Бугаева не только министром гражданской авиации, но и главным маршалом авиации. Бугаеву присвоили звание дважды Героя Социалистического Труда. Любая критика Аэрофлота пресекалась аппаратом ЦК...

Брежнев пригласил на работу старого знакомого Черненко. Константин Устинович не обрадовался этому предложению. Он заведовал сектором в идеологическом отделе ЦК КПСС. Виктор Голиков уверял, что это он перетащил Черненко в Москву:

— Примчался ко мне Черненко и умоляет: «Помоги.

Приходят ко мне молдаване и говорят, что я восемь лет сижу, место занимаю. Помоги куда-нибудь уехать».

В 1956 году его утвердили заведующим сектором агитации в агитпропе ЦК КПСС. 8 сентября он подписал особое «Обязательство»:

«Я, Черненко Константин Устинович, состоя на работе в аппарате ЦК КПСС или будучи уволенным, настоящим обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе, ни под каким видом их не разглашать и ни с кем не делиться ими.

Мне известно, что за нарушение данного мной обязательства я несу ответственность по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 года.

Так же обязуюсь сообщать Управлению делами ЦК ВКП(б) обо всех изменениях в сведениях, указанных в моей последней анкете, в частности о родственниках и знакомых, связанных с иностранцами или выехавших за границу».

Константин Устинович прочно сидел на Старой площади и рассчитывал стать заместителем заведующего отделом, поскольку шеф идеологического департамента Леонид Федорович Ильичев ему благоволил. Но вдруг позвонил Брежнев и предложил ему пост начальника канцелярии президиума Верховного Совета. По табели о рангах это было понижение, и должность бесперспективная, и вообще зачем же уходить из ЦК?..

Подчиненный застал Черненко в тягостных размышлениях:

«Сидит мой шеф, обхватив голову обеими руками, туча тучей, сам чуть не плачет. Он вдруг сказал мне о предложении, которое ему сделал Брежнев. Подобный приступ откровенности случался с ним лишь в самых исключительных случаях.

— Если бы ты знал, как я этого не хочу! — сказал он мне. — Но что делать? Отказаться — значит испортить отношения с Брежневым, а это мне может дорого обойтись».

И Черненко перешел к Брежневу. Как показала жизнь, этот поступок открыл ему дорогу к большой карьере.

Помощник Брежнева по международным делам Александр Михайлович Александров-Агентов вспоминал, что в декабре 1961 года Леонид Ильич три недели находился с визитом в Индии. Каждый день выступал, произнес двадцать одну речь. Все индийские газеты печатали его портреты и изложение выступлений.

Леонид Ильич не отказывался от возможности «засветиться» в средствах массовой информации. Он актерствовал, и Хрущев, видя это, над ним подтрунивал (сам был актером). Брежневу доносили его реплики. Леонида Ильича они повергали в страх: он знал, что Никита Сергеевич способен легко расставаться со вчерашними любимцами. Леонид Ильич побаивался обращаться к Никите Сергеевичу, даже когда речь шла о жизни людей.

Однажды возникла такая ситуация.

Хрущев переоценил возможности общественности в борьбе с преступностью. Судьи прекращали дела, обвиняемых передавали трудовым коллективам на поруки без достаточных оснований. Преступность росла. Тогда Хрущев потребовал ужесточить наказания. И в начале 1960-х годов вновь ввели смертную казнь за некоторые преступления: невиданное дело! — закон получил обратную силу.

Казнили и несовершеннолетних. Делалось это по особым указам президиума Верховного Совета. Был случай, когда за убийство родителей приговорили к смертной казни подростка, которому не исполнилось и пятнадцати лет.

Верховный суд направил письмо Хрущеву о том, что такого рода указы незаконны. Председатель Верховного суда СССР Александр Федорович Горкин, бывший секретарь президиума Верховного Совета, вручил письмо Брежневу с просьбой передать Никите Сергеевичу.

Леонид Ильич прочитал письмо и нехотя пошел к Хрущеву.

Вскоре вернулся очень расстроенный и сказал:

— Дурак, зачем я вас послушался? Рассердился Никита Сергеевич и письма не взял.

Брежневу доставались куда более неприятные поручения.

24 октября 1960 года в Казахстане, на главном испытательном полигоне, который потом станут называть Байконуром, шла подготовка к первому запуску баллистической ракеты Р-16 (8К64), созданной конструкторским бюро Михаила Кузьмича Янгеля в Днепропетровске.

Заканчивал работу над своей новой ракетой Р-9 и Сергей Павлович Королев. Он намеревался доказать, что его ракета лучше. Отношения между двумя конструкторами обострились до предела. Мнения военных разделились, одним нравилась ракета Королева, другие поддерживали Янгеля. Так что решались судьбы огромных коллективов.

Запуск новой ракеты Янгеля был назначен на 23 октября. Но, как водится, в последний момент вскрылись неполадки, в частности с электрической схемой. Их пытались устранить на ходу. Первый заместитель Янгеля Василий Будник предложил слить топливо и спокойно все исправить.

Государственной комиссией руководил главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения Главный маршал артиллерии, Герой Советского Союза Митрофан Иванович Неделин.

Хрущев сделал его заместителем министра обороны по специальному вооружению и ракетной технике, а в декабре 1959 года поставил во главе ракетных войск.

Неделин хотел во что бы то ни стало запустить новую ракету накануне очередной годовщины Октябрьской революции. Понимал, как важно вовремя доложить в Москву о крупном успехе — Хрущев ждет!

Главком нервничал и согласился отложить запуск только на один день. Он распорядился закончить все работы, не сливая топливо.

Это была первая роковая ошибка. Еще одна ошибка, по мнению академика Бориса Евсеевича Чертока (он работал у Королева), состояла в том, что для этой ракеты систему управления готовили не опытные конструкторы Михаил Сергеевич Рязанский и Николай Алексеевич Пилюгин, а Борис Михайлович Коноплев, человек талантливый, но не скрупулезный в отрабатывании своей системы.

Маршал Неделин сидел на стуле рядом с ракетой и наблюдал за ходом работ. Вокруг него расположилась свита. Это было нарушением техники безопасности — всех их следовало убрать с площадки.

Испытатели, устранявшие неполадки в ракете, безумно устали. Они сняли защитные блокировки, которые бы не позволили запустить двигатель, и забыли об этом.

А на пункте управления возились с программным токораспределителем. Это прибор, который при старте подает команды двигателю. И кто-то разрешил вернуть программный токораспределитель в исходное положение, не проверив схему: не опасно ли это? Прибор запустил двигатель второй ступени. А блокировки были сняты...

Сверху, из двигателя второй ступени, вниз ударило пламя, которое прожгло бак с окислителем и бак с горючим первой ступени. Вспыхнуло сто шестьдесят тонн горючего.

Все, кто находился в ракете и рядом с ней, сгорели заживо. Еще хорошо, что в головной части ракеты не было взрывчатки. Готовился испытательный полет, и боеголовку начинили безвредным балластом.

Те, кто стояли чуть дальше от ракеты, пытались убежать. Но горящее топливо догоняло людей, и они вспыхивали как факелы. Погибло сто двадцать шесть человек.

От маршала Неделина осталась только золотая звезда героя. Хоронить было нечего. Погибли два заместителя Янгеля — Лев Абрамович Берлин и Василий Антонович Концевой и еще несколько молодых конструкторов из Днепропетровска.

Хрущев потом мрачно спросил Янгеля:

— Ты почему не сгорел?

Михаила Кузьмича спасло чудо. Он находился рядом с Неделиным, но отошел покурить. Курилка находилась в ста пятидесяти метрах от старта, в хорошо защищенном бункере.

После катастрофы Янгель по аппарату правительственной ВЧ-связи продиктовал телефонограмму в Москву:

«В 18.45 по местному времени за 30 минут до пуска изделия 8К64 на заключительной операции к пуску произошел пожар, вызвавший разрушение баков с компонентами топлива.

В результате случившегося имеются жертвы в количестве до ста или более человек. В том числе со смертельным исходом несколько десятков человек.

Глав. маршал артиллерии Неделин находился на площадке для испытаний. Сейчас его разыскивают.

Прошу срочной мед. помощи пострадавшим от ожогов огнем и азотной кислотой».

Заведующий общим отделом ЦК Владимир Малин сразу же зачитал телефонограмму членам президиума.

На следующий день «для расследования причин катастрофы и принятия мер в воинской части 11284» сформировали комиссию под председательством Брежнева. Он проявил благоразумие. Когда комиссия закончила работу и причины катастрофы стали ясны, изложил свое мнение:

— Правительство решило, что вы уже достаточно сами себя наказали, и больше наказывать вас не станет. Похороните своих товарищей и продолжайте работать. Стране нужна межконтинентальная боевая ракета.

26 октября 1960 года газеты сообщили о гибели «в результате авиационной катастрофы» Главного маршала артиллерии и главнокомандующего Ракетными войсками Митрофана Ивановича Неделина. Урну с его прахом захоронили в Кремлевской стене. О катастрофе и о других погибших — ни слова. Солдат и офицеров похоронили в братской могиле. Заместителей Янгеля — в Днепропетровске.

Через полгода Янгель представил свою ракету Р-16 на испытания. Вскоре ее приняли на вооружение. Соратники утверждали, что Янгель себе этой трагедии не простил. Он знал, в чем его вина: он расслабился, выпустил вожжи из рук и позволил расслабиться всем на полигоне. Этот груз вины за гибель людей он нес на себе до конца своих дней.

Брежнев не изменил отношения к Янгелю, всегда его поддерживал. Приезжая в Днепропетровск, неизменно навещал Михаила Кузьмича. Семья Янгеля осталась в Москве. Его жена рассказывала, как после очередного совещания Михаил Кузьмич оказался за одним столом с Брежневым. Во время ужина Брежнев спросил:

— Слушай, Михаил Кузьмич, у тебя есть какие-нибудь домашние проблемы? Могу помочь в их решении?

Янгель сказал Леониду Ильичу:

— Не знаю, удобно ли вас затруднять при вашей занятости личными проблемами. Но есть одна. Квартира у нас хорошая, но, к сожалению, в ее окна никогда не заглядывает солнце. Когда въезжали, была светлая. А потом прямо против окон выросла стена нового здания.

Через несколько дней Янгеля, который уехал отдыхать в санаторий под Киевом, соединили с Москвой. Звонил помощник Брежнева: он хотел уточнить, в каком районе и каком доме он хотел бы получить новую квартиру. А через месяц семья Янгеля въехала в дом у Патриарших прудов...

17 июня 1961 года на президиуме ЦК обсуждался вопрос о наградах за первый в мире полет человека в космос.

Секретарь ЦК Фрол Козлов предложил представить к званию Героя Социалистического Труда Никиту Сергеевича Хрущева. Хрущев сразу сказал, что этого делать не следует. Но члены президиума ЦК почему-то не послушались первого секретаря, проявили редкую принципиальность и решили наградить Никиту Сергеевича третьей золотой звездой.

Тогда Хрущев предложил присвоить звание героя также Козлову и Брежневу. Никто не возражал.

19 июня за «выдающиеся заслуги в руководстве по созданию и развитию ракетной промышленности, науки и техники и осуществление первого в мире космического полета советского человека» на корабле-спутнике «Восток»: звание трижды Героя Социалистического Труда было присвоено Хрущеву; дважды Героя — заместителю председателя Совета министров Дмитрию Федоровичу Устинову и президенту Академии наук Мстиславу Всеволодовичу Келдышу; звание Героя Социалистического Труда — Брежневу, Козлову, заместителю председателя Совета министров, председателю Госкомитета по координации научно-исследовательских работ Константину Николаевичу Рудневу и председателю Госкомитета по радиоэлектронике Валерию Дмитриевичу Калмыкову.

На посту председателя президиума Верховного Совета Леонид Ильич оставался простым и доступным человеком. Владимир Ступишин, кадровый сотрудник Министерства иностранных дел, в те годы оказался в здании президиума Верховного Совета:

«Курили с товарищем на лестнице, и к нам вышел покурить скромный дяденька моложе шестидесяти лет. Присмотревшись, обнаружили, что это Леонид Ильич, недавно избранный председателем президиума.

Сталина мы видели в детстве только на трибуне мавзолея во время праздничных демонстраций, а тут совсем рядом. Нас, молодых дипломатов... это еще как впечатляло».

Брежнев, по словам очевидца, был тогда «молодой, импозантный, он говорил рокочущим баритоном с подъемом, держался артистически, — позировал».

«Приветливость и доброжелательное отношение Леонида Ильича к товарищам все хорошо знали, — рассказывал Николай Константинович Байбаков, многолетний председатель Госплана. — Крепко сбитая коренастая фигура, привлекательное лицо с выразительными глазами под густыми бровями; "знатный хлопец" — говорили о нем на Украине. Все в нем казалось постоянным, значительным и спокойным. Считали, что он хорошо разбирается в людях и не опасно тщеславен».

«Это был спокойный, уравновешенный, внимательный, уважительный к другим человек, — вспоминал Михаил Соломенцев, ставший со временем членом политбюро. — Очень человечный. Никогда не позволял себе кого-то грубо отругать, нахамить, закричать в порыве гнева "Снять!", как это делал импульсивный и непредсказуемый Хрущев. С Брежневым легко было работать».

Впрочем, Леонид Ильич, когда считал необходимым, проявлял жесткость.

27 мая 1963 года в президиум ЦК поступила секретная записка из КГБ № 1447-с. Семичастный информировал руководителей страны о настроениях маршала Жукова, который позволил себе нелицеприятно отозваться о руководителях государства, недавних соратниках — командующих вооруженными силами и чекистах.

Хрущев поручил Брежневу вместе с руководителями Комитета партийного контроля Николаем Шверником и Зиновием Сердюком вызвать в ЦК Жукова и предупредить.

— А если не поймет, — грозно добавил Никита Сергеевич, — тогда исключить из партии и арестовать.

Состоялся ли разговор, не известно. Отчета о беседе в архиве нет. Но, судя по всему, Брежнев выполнил указание и устно доложил Хрущеву. К счастью, до ареста маршала дело не дошло.

А за столом Леонид Ильич был замечательным тамадой, острил, произносил красивые тосты. Он был энергичным и увлекающимся человеком. Очень любил футбол и хоккей.

Леонид Замятин рассказывал, что в разгар Карибского кризиса осенью 1962 года, когда Хрущев отправил на Кубу ракеты с ядерными боеголовками, был момент, когда, казалось, что вот-вот Соединенные Штаты нанесут удар по советским ракетным позициям и начнется война.

— Мы после бессонной ночи писали очередное послание президенту Кеннеди, — вспоминал Замятин, — вдруг открывается дверь и с папиросой в зубах появляется Леонид Ильич и спрашивает: «А как хоккей идет? Какой счет?» Команда ЦСКА играла. Ну, из нас за хоккеем никто не следил. Так он пошел к охране спрашивать. То есть в момент, когда судьба страны висела на волоске, его интересовало, как играет любимая команда...

«Крупный, полнотелый, в цветущем состоянии» — таким его увидел Александр Исаевич Солженицын 17 декабря 1962 года на встрече руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией в особняке на Ленинских (Воробьевых) горах. Хрущев захотел показать присутствующим понравившуюся ему картину советского художника:

«И произошел лучший номер всего совещания: тучного Брежнева, возвышенного рядом, Хрущев потыкал в плечо — "а ну-ка, принеси". И Брежнев, — а он был тогда председателем президиума Верховного Совета, то есть президентом СССР, — не просто встал достойно сходить или кого-нибудь послать принести, но побежал, — в позе и движениях, только по-лагерному описываемых, — на цырлах: не просто побежал, но тряся телесами, но мягкоступными переборами лап показывая свою особую готовность и услужливость, кажется, — и руки растопырив.

А всего-то надо было вбежать в заднюю дверку и тут вскоре взять. Он тотчас и назад появился, с картиной, и всё так же на медвежьих цырлах поднес Хрущёву, расплывшись чушкиной ряжкой. Эпизод был такой яркий, что уже саму картину и к чему она, — я не запомнил, не записал».

Не сложно предположить, что такие унизительные эпизоды Брежнев тоже запоминал, ведя свой счет к Хрущеву.

В 1962 году Майя Плисецкая танцевала в «Лебедином озере». Приехал король Лаоса. После спектакля устроили прием. Муж Плисецкой композитор Родион Константинович Щедрин находился в Киеве с концертами. Майя Михайловна пришла одна. На приеме к ней подошел Леонид Ильич.

«Бесшабашно настроенный Брежнев, кокетничая ямочками на щеках и поигрывая смоляными бровями, предлагает подвезти меня до дому, — описывала эту сцену Плисецкая. — Флиртует вождь. Придется ехать. А то затаит вождь обиду. Нам с Брежневым и взаправду по пути: на Кутузовский.

Брежнев теперь второй человек в Советском государстве: он председатель президиума Верховного Совета СССР. Машина вождю положена бронированная. Черная, вместительная, как катафалк. Следом поспешает другая. С охраною.

Леонид Ильич заглотал по случаю советско-лаосской дружбы “на вечные времена” хорошее количество спиртного. Зычным голосом читает мне стихи Есенина:

> Все пройдет, как с белых яблонь дым...
> Я не буду больше молодым...

Всхлипывает. Наш вождь сентиментален. Еще один охранник, сидящий рядом с шофером, обернувшись, сочувственно кивает мне: во, мол, какой образованный у нас в стране вождь пошел... И скользит беглым взглядом по моей сумочке — нет ли там динамита или какой гранаты. Чего доброго, лишится страна образованного вождя... От этих балерин всякого можно ждать, стервы...

Почитав Есенина, Брежнев затягивает песню, — вождь тоже и меломан. С присвистом льется “Шумит и стонет Днепр широкий”. А сам — по-медвежьи — цапает меня рукой за колено.

Отодвигаюсь в угол и — приходится к месту, — беспокойно вскрикиваю:

— Леонид Ильич, ой, здесь нет левого поворота! Водитель!..

— Мне, Майя Михайловна, можно, — самодовольно крякает любитель поэзии.

Движение останавливается. Постовой берет под козырек. И два черных лимузина на красный свет проскакивают перекресток. Взвизгнув шинами, сворачивают влево...

Вождь начинает светский разговор:

— Чем новеньким порадуете своих поклонников в этом сезоне?

— Начала репетировать “Спартака”...

— Дак я ж “Спартака” видал...

— Вы видели постановку Моисеева, а это Якобсон...

— Юхансон? Хоккеист, что ли?

— Якобсон. Леонид Вениаминович. Замечательный хореограф.

Вот я и у дома. Сломя голову срываюсь к своему подъезду. И уже на ходу, вполоборота, прощаюсь:

— Спасибо. До свидания. Приходите на нового “Спартака”...»

Леонид Ильич, вполне возможно, так и занимал бы должность, которая ему так нравилась. Но вмешалась судьба. Фактически вторым секретарем ЦК был Фрол Романович Козлов. Он пользовался доверием Хрущева, держал в руках все нити управления партийным аппаратом, контролировал вооруженные силы, КГБ.

В начале 1963 года Козлов тяжело заболел — его разбил паралич. Еще когда он был вторым секретарем Куйбышевского обкома, у него иногда отнималась рука. Это был опасный симптом, на который ни он, ни врачи не обратили внимания.

Его немного подлечили и перевезли на дачу. Его навещал Хрущев. Козлов плохо говорил, ходил с трудом. Никита Сергеевич распорядился сохранить за ним высокий пост, но кто-то должен был заменить Козлова в аппарате.

7 июня 1963 года на заседании президиума Хрущев вновь произвел кадровые перестановки. Он решил сделать секретарем ЦК Брежнева и к нему в пару перевел из Киева на ту же роль Подгорного, сказав:

— На Украине он хорошо справился.

Таким образом появились как бы два вторых секретаря ЦК. Это не понравилось Брежневу. Хрущев нарочито сделал их с Подгорным конкурентами, следуя древнему правилу сталкивать подчиненных. Однако в данном случае проиграл Никита Сергеевич, потому что Леонид Ильич с Николаем Викторовичем больше боялись его самого, чем друг друга, поэтому довольно скоро объединились против первого секретаря. Соперничество с Подгорным станет серьезным, когда Брежнев займет кабинет № 1 на Старой площади.

22 июня Брежнева избрали секретарем ЦК и он утратил должность формального президента страны. Ему вновь пришлось окунуться в малоприятные хозяйственные заботы.

Второй секретарь Павлодарского обкома Федор Моргун, побывав в Канаде и увидев, как там борются с эрозией почв, в августе 1963 года напросился на прием к Брежневу. Леонид Ильич слушал Моргуна два часа, вникал в проблемы целины, потом позвонил Косыгину и попросил заняться вопросами, поставленными Моргуном.

25 января 1964 года первый секретарь ЦК Украины Петр Шелест записал в дневнике впечатления от приезда Хрущева. Он был рядом, когда Хрущеву позвонил Брежнев и доложил, что из Днепропетровска и Киева поступают жалобы на низкое качество хлеба. Хрущева это обозлило, и он раздраженно сказал:

— Что вы все мне докладываете? Надо кое-что и вам самим научиться делать!

Повесив трубку, Хрущев сказал Шелесту:

— Вот видите, какие «помощники»? На язык больно острые, а на дело не хватает способностей и ума.

Шелест, конечно, промолчал. Зато в разговоре с Подгорным передал ему слова хозяина в адрес Брежнева. Довольный Николай Викторович заметил:

— Это ему наука: пусть не торопится докладывать неприятности. Их и так у нас хватает.

Брежнев попросил Шелеста представить металлургический завод в Днепродзержинске к награждению орденом Ленина. Заводу исполнялось семьдесят пять лет. Шелест в начале марта приехал к Хрущеву в Пи́цунду, где тот отдыхал. Поставил вопрос и о награждении завода.

— Это вас Брежнев попросил со мной переговорить? — подозрительно спросил Хрущев.

Шелест ушел от прямого ответа, сказал, что руководство Украины самостоятельно подняло этот вопрос. Хрущев заметил, что на этом заводе когда-то работал Брежнев, вот он и хлопочет насчет ордена. Никита Сергеевич согласился наградить завод орденом, но велел представление прислать в конце года.

Из Москвы позвонил Брежнев. Сразу спросил Шелеста, состоялся ли разговор о награждении завода. Потом стал расспрашивать, о чем вообще говорил Хрущев. Поинтересовался: а о нем, о Брежневе, Никита Сергеевич ничего не говорил?

«Я стал замечать, — записал в дневнике Шелест, — что каждый раз Брежнев как-то ревностно-тревожно относится к моим встречам с Хрущевым, что он “смертельно-панически” боится Хрущева».

В начале октября 1964 года член президиума и секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев во главе советской делегации приехал в Восточный Берлин, чтобы принять участие в праздновании пятнадцатилетия ГДР.

В один из вечеров советский посол Петр Андреевич Абрасимов устроил обед в честь высокого гостя, на который пригласил певицу Галину Павловну Вишневскую и виолончелиста Мстислава Леопольдовича Ростроповича.

Знаменитая пара лицезрела Брежнева в первый раз.

«Весь вечер я сидела рядом с ним, — вспоминала Вишневская, — и он, как любезный кавалер, всячески пытался развлечь меня, да и вообще был, что называется, в ударе.

Хорошо одетый, черноволосый нестарый мужчина, — ему тогда было пятьдесят семь лет, — энергичный и очень общительный, компанейский. Щеголял знанием стихов, особенно Есенина:

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне...

Прочитал его за весь вечер несколько раз, — должно быть, очень любимое. Пил он не много, рассказывал анекдоты и даже стал петь смешные частушки, прищелкивая пятками, руками изображая балалайку, цокал языком и на вятском наречии пел довольно приятным голосом. И это не были плоские потуги, нет, это было артистично и талантливо. Кто-то из присутствующих провозгласил тост:

— Леонид Ильич, за вас!

— Нет, что там за меня пить, мы выпьем за артистов. Что такое политики, сегодня мы есть, а завтра нас нет. Искусство же — вечно. Выпьем за артистов!

Потом попросил меня спеть что-нибудь, и я спела песню Любаши из "Царской невесты". Я его рассматривала тогда без пристрастия, не предполагая, какой пост он займет в государстве. И мне, и Славе было приятно в тот вечер быть в его обществе...»

Через несколько дней Леонид Брежнев стал первым секретарем ЦК КПСС. Удивились не только Галина Вишневская и Мстислав Ростропович, но и многие люди, близко знавшие Брежнева. Он казался неподходящей фигурой на роль первого человека в стране. По словам дочери Хрущева Рады Никитичны, это был «милый, несколько сентиментальный человек».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ МЕСТО ТОЛЬКО ДЛЯ ОДНОГО

Во главе страны встали трое — Леонид Ильич Брежнев, избранный первым секретарем ЦК, Алексей Николаевич Косыгин — председатель правительства и Николай Викторович Подгорный, который фактически занял ключевой пост второго секретаря ЦК, а через год стал председателем президиума Верховного Совета СССР.

Но и остальные члены президиума ЦК почувствовали себя увереннее, не то что в хрущевские времена. Они получили возможность беспрепятственно выражать свое мнение. Брежнев никого не ограничивал и не прерывал. Даже сам установил такой порядок: все должны высказаться по каждому вопросу. И учитывал мнение коллег. Отдельно остановился на освещении работы руководителей страны в средствах массовой информации:

— Надо показывать коллективный разум, не восхвалять одну личность. Хватит с нас культов.

Через месяц после ухода Хрущева, 16 ноября 1964 года, состоялся пленум ЦК. С докладом выступил Подгорный. Заметим: это редчайший случай, когда доклад на пленуме поручали сделать не первому секретарю.

Доклад Подгорного назывался так: «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов». Тем самым было покончено с одной из главных хрущевских идей — разделить областные партийные комитеты на сельские и промышленные.

После отставки Никиты Сергеевича два обкома опять сливали в один. В каждой области создавалось оргбюро по объединению партийных комитетов. Предстояло решить, кто из двух первых секретарей станет хозяином области и что делать с другим. Как правило, секретари промышленного и сельского обкомов успевали перессориться.

Парткомы производственных колхозно-совхозных управлений преобразовали в районные комитеты партии. Новое руководство восстановило проверенную сталинскую систему управления.

На пленуме обсуждался еще один вопрос, о котором рядовых коммунистов не сочли нужным оповестить.

В председательское кресло пересел Подгорный:

— Переходим, товарищи, к следующему вопросу — об итогах переговоров и консультаций с некоторыми братскими партиями, которые состоялись в ноябре сего года в Москве. Слово предоставляется товарищу Брежневу.

Леонид Ильич коротко доложил о беседах с товарищами по мировому коммунистическому движению, которые приезжали узнать, что означает отставка Никиты Сергеевича Хрущева.

Подгорный спросил для проформы:

— Товарищи, будем ли мы открывать прения по сообщению?

В самой постановке вопроса уже содержался ответ. Зал соответственно реагировал:

— Нет.

— Тогда, товарищи, есть предложение принять такое решение, если оно будет приемлемо, — сказал Подгорный. — Давайте его обсудим.

Он зачитал:

«Заслушав сообщение первого секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева об итогах переговоров и консультаций с некоторыми братскими партиями, пленум ЦК КПСС постановляет — одобрить деятельность президиума ЦК КПСС на переговорах с делегациями братских партий».

— Правильно, — дисциплинированно откликнулся зал и даже стал аплодировать.

Подгорный спросил:

— Добавлений, поправок каких-нибудь нет?

Поправок не оказалось.

— Тогда будем голосовать, — объявил Подгорный. — Кто за проект решения, который я зачитал, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Кто воздержался? Принимается единогласно.

Брежнев, поменявшись с Подгорным местами, сказал:

— Я хотел бы предложить следующее. Мы в информационном сообщении о пленуме ЦК не будем упоминать, что Брежнев выступал по этому вопросу. Это не нужно. Это первое. Вы с этим согласны?

Пленум не возражал.

— И второе, — продолжал Леонид Ильич. — Исходя из сложности и важности вопросов и в первую очередь из принципов нашей партийной дисциплины и порядка, мы обращаемся еще раз ко всем вам, и к себе и к вам, с таким призывом. Давайте, товарищи, впредь строжайшим образом придерживаться того, что это является достоянием только членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов Центральной ревизионной комиссии. Мы считаем своим долгом сказать об этом потому, что, к сожалению, имели место нежелательные факты. Не успели мы обсудить важный вопрос, о котором не должны знать посторонние, как на второй день агентство Рейтер сообщает о том, что происходило. Порой это создавало нам немалые затруднения и наносило серьезный вред делу. Поэтому хотелось бы быть уверенным, что все мы как члены нашей великой партии будем свято хранить партийную тайну, особенно когда члены ЦК подчеркивают важность неразглашения того или иного вопроса...

Режим секретности распространялся и на членов Центрального комитета. Формально они были допущены до высших секретов. Члены ЦК получали протоколы заседаний политбюро. Фельдъегери привозили им большие красные книги, когда одну, когда две, когда сразу три. За них расписывались в специальных документах.

— Но на самом деле в этих протоколах ничего секретного не было, — рассказывал мне Николай Григорьевич Егорычев, который был первым секретарем Московского горкома и членом ЦК. — В них фиксировалось, например, решение обратиться с каким-то заявлением, потом его публиковали, или назначить кого-то послом, или разрешить такой-то республике провести такое-то мероприятие... А чаще всего было написано так: вопрос номер такой-то — смотри «Особая папка». Все вопросы обороны, военно-промышленного комплекса, внешней политики — этого членам ЦК знать не полагалось...

Отставки и назначения

На пленуме из кандидатов в члены президиума ЦК перевели тех, кто сыграл ключевую роль в свержении Хрущева — Шелеста и Шелепина. Повышение получил и секретарь ЦК Петр Нилович Демичев, он стал кандидатом в члены президиума. Нескольких человек, например председателя КГБ Семичастного, перевели из кандидатов в члены ЦК.

Расстались с теми, кто считался слишком близким к Хрущеву.

С должности секретаря ЦК по сельскому хозяйству убрали Василия Ивановича Полякова. Он учился в Воронежском сельскохозяйственном техникуме и два года работал агрономом в МТС. Потом его послали учиться в Ленинградский институт журналистики, и с тех пор он работал в прессе. В начале 1960-х его назначили главным редактором газеты «Сельская жизнь».

Хрущев любил неожиданные решения. В 1962 году он поставил главного редактора газеты Полякова заведовать отделом сельского хозяйства и сделал секретарем ЦК. Это назначение никому, кроме Хрущева, не нравилось. Полякова вернули в журналистику — заместителем главного редактора еженедельника «Экономическая газета».

Возможно, это не сразу стало заметно, но все назначения Брежнев делал с учетом личных отношений с новым руководителем. Он позаботился о том, чтобы во главе Казахстана стал его друг Кунаев.

В ноябре 1964 года среднеазиатские республики отмечали юбилей — сорок лет с момента образования. В Ташкент на юбилей прилетел Брежнев. Он пригласил к себе первого секретаря ЦК компартии Казахстана Исмаила Юсупова, который приехал поздравить соседей. Юсупов был страшно огорчен тем, что его, руководителя такой крупной республики, не перевели из кандидатов в члены ЦК КПСС. Спросил почему.

Брежнев ответил:

— Ты не нашел общего языка с членами Центрального комитета компартии Казахстана.

Объяснил, что в ЦК КПСС поступает много жалоб на первого секретаря республики, никто его не поддерживает, в таких условиях невозможно работать на столь высоком посту. Юсупов все правильно понял и сразу же написал заявление об уходе.

— Ты не обижайся, — утешал его Брежнев, — я сам приеду на пленум, сделаю так, чтобы ты ушел достойно.

Рассказывали, что Юсупов был крут. Приехал к первому секретарю одного из сельских райкомов, спросил:

— Сколько у тебя сегодня комбайнов на полях работает?

— Я еще сводку не смотрел, — ответил секретарь.

— Обстановкой не владеете. Освобождаетесь от должности, — немедленно решил Юсупов.

Впрочем, Юсупова Леонид Ильич убрал по другой причине.

Через несколько дней всех членов бюро ЦК компартии Казахстана и заместителей председателя Совмина республики пригласили в Москву. Принял их Брежнев, Исмаил Юсупов подал заявление об уходе, и спросил:

— Кого будем рекомендовать первым секретарем?

Юсупов предложил направить в Казахстан кого-то из членов президиума ЦК, чтобы поднять авторитет республиканского руководства. Но Брежнев идею Юсупова отверг:

— Во главе республиканской партийной организации должен стать кто-то из местных товарищей.

Тогда прозвучало имя Кунаева.

Брежнев сразу сказал, что ЦК КПСС не станет возражать против такого предложения.

Юсупова сделали председателем облисполкома в Уральске. Но и на таком низком посту Кунаев не позволил ему задержаться, в 1966 году перевел начальником Казспецвинтреста — республиканского треста виноградарских совхозов Казахстана. А в пятьдесят семь лет отправил на пенсию...

Исмаил Юсупов пережил Кунаева и обиженно рассказывал журналистам:

— Кунаев помогал Брежневу в сближении с женщинами. А Брежнев был настоящий развратник...

Кунаев сразу избавился от Михаила Соломенцева: позвонил Брежневу и заявил, что второй секретарь ЦК республики «потерял авторитет перед общественностью и продолжать работать с подмоченной репутацией не может». Злые языки рассказывали, будто у Соломенцева был роман с некой дамой, их застукал муж-милиционер, и разразился громкий скандал.

Леонид Ильич сделал приятное другу и убрал из Казахстана Соломенцева, сказав Кунаеву:

— Если он только за одной женщиной неудачно поухаживал, от этого социализм не пострадает. Мы его переведем на работу в другую область.

Михаил Сергеевич отправился первым секретарем в Ростовскую область. Через два года, в декабре 1966 года, Брежнев сделал Соломенцева секретарем ЦК и заведующим отделом тяжелой промышленности — вместо рано умершего Александра Петровича Рудакова. Выдвиженец Хрущева, Александр Рудаков ведал в аппарате ЦК тяжелой промышленностью двенадцать лет.

Остался пока в составе президиума ЦК, но покинул Москву Леонид Николаевич Ефремов.

Ефремов окончил Воронежский институт механизации сельского хозяйства, всю войну проработал на Воронежском авиационном заводе № 18 имени Ворошилова, который выпускал штурмовики Ил-2. Потом его перевели на партийную работу. Еще при Сталине Ефремова назначили первым секретарем обкома в Курск.

В Курской области вырос Никита Сергеевич Хрущев, который не забывал односельчан, живо интересовался жизнью курян и чем мог помогал родной деревне Калиновке. Разумеется, первый секретарь Курского обкома не мог не обратить на себя внимание Никиты Сергеевича заботой о его родной деревне. Хрущев перевел Ефремова в Москву и назначил своим первым заместителем в бюро ЦК по РСФСР и одновременно председателем бюро ЦК по руководству сельским хозяйством России.

Осенью 1964 года особое расположение к нему Никиты Сергеевича обернулось против Ефремова. Его как верного хрущевца, разумеется, не поставили в известность о готовящемся заговоре. Накануне снятия Хрущева Ефремов неделю находился в Тувинской АССР — вручал орден Ленина по случаю юбилея вхождения в состав России — и ни о чем не подозревал.

Когда на заседании президиума ЦК снимали Хрущева, то досталось и Ефремову как его верному стороннику.

Дмитрий Полянский, заместитель председателя Совета министров СССР, отвечавший за сельское хозяйство, напомнил о том, как с родной деревни Хрущева Калиновки в нарушение закона списали все долги, и сказал, что в этом виноват тогдашний первый секретарь Курского обкома Ефремов. После пленума Ефремов пошел к Брежневу жаловаться на Полянского. Леонид Ильич был настроен миролюбиво:

— В полемике, в напряженной обстановке всякое бывает. Обсуждать тут нечего. И заниматься тобой сейчас нет никакой необходимости. Я сижу на телефоне: надо звонить в соцстраны, объяснить, в связи с чем принято решение о снятии Хрущева. Нужно, чтобы все поняли. Это главное. И внутри страны члены президиума разъезжаются в парторганизации, чтобы все объяснить людям.

Ефремов стал горячиться:

— Я хочу написать заявление в президиум ЦК с просьбой обсудить этот вопрос, затрагивающий мою честь коммуниста.

Брежнев посоветовал ему успокоиться:

— Зачем? Не тот момент. Ты сходи к Полянскому, поговори, выясни, что он имел в виду. А я эти дни буду занят.

Через несколько недель после пленума, часов в девять вечера Ефремову позвонил Брежнев и попросил не уезжать домой, а через час зайти к нему. В десять вечера Ефремов пришел к первому секретарю.

— Обстановка сложилась такая, что тебе надо сменить работу, перейти из ЦК на другой участок, — огорошил его Брежнев.

— Почему вы предлагаете мне оставить работу в ЦК? — обиженно спросил Ефремов.

— О тебе идут разные разговоры, — туманно объяснил Брежнев. — Ты был заместителем Хрущева в бюро ЦК по РСФСР... Конечно, мы понимаем, что ты не ожидал такого решения о Хрущеве. Мы тебя ни в чем не обвиняем. Мы и сами не ожидали, что так получится! Но многие секретари ЦК компартий республик, обкомов, крайкомов говорят, что тебе не следует оставаться в аппарате ЦК. Кроме того, бюро ЦК по РСФСР не будет, мы его ликвидируем. Ты меня правильно пойми, тебе надо сменить обстановку. На партработе мы тебя сохраняем.

Ефремов попросился в Горький, где он начинал свою карьеру. Брежнев отказал:

— Нет, в Горький мы тебя не пошлем. Есть свободное место первого секретаря Ставропольского крайкома. Пойдешь туда. Край хороший, работа интересная. Есть где развернуться. Считай, что это окончательное решение.

Ефремов обиженно сказал:

— Может быть, мне уйти на пенсию, ведь я уже прошел этап работы в областях?

Брежнев с ходу отказал:

— На пенсию тебе пока рано. Ты еще молодой, поедешь в край. Отдохнешь несколько дней, и проведем там пленум крайкома.

Представлять Ефремова в Ставрополь поехал Александр Шелепин, влиятельнейшая фигура в партии. Ефремова избрали первым секретарем сельского крайкома партии и одновременно — председателем оргбюро по объединению партийных комитетов.

Ефремов еще формально оставался кандидатом в члены президиума ЦК, но в Москву на заседания президиума его не приглашали и никаких документов, с которыми знакомили членов высшего партийного руководства, ему не присылали.

Вакансия в Ставрополе появилась потому, что прежний хозяин края Федор Давыдович Кулаков был переведен в Москву. В ноябре 1964 года Брежнев сделал его заведующим сельскохозяйственным отделом. Леонид Ильич спешил с этим назначением, поскольку руководство страной начал с попытки преобразовать сельское хозяйство и ему нужны были надежные помощники.

Кулаков родился в 1918 году в крестьянской семье в селе Фитиж Курской области. Учился в Рыльском сельскохозяйственном техникуме. Работал в Тамбовской области помощником управляющего отделением совхоза, затем агрономом.

На фронт не попал, нужен был в тылу. В 1941 году его утвердили первым секретарем райкома комсомола, затем заведующим райземотделом. Потом он заведовал отделом в Пензенском обкоме. Там Кулаков познакомился с человеком, который сыграет важную роль в его жизни, — Константином Устиновичем Черненко. Тот с 1945-го по 1948-й был секретарем Пензенского обкома партии. Мнение Черненко о Кулакове имело значение для Леонида Ильича...

В сентябре 1965 года Брежнев сделал Федора Давыдовича Кулакова еще и секретарем ЦК, а впоследствии и членом политбюро. Генеральный секретарь демонстрировал расположение к Федору Давыдовичу, часто приглашал его в Завидово вместе поохотиться.

Кулаков принадлежал к тому узкому кругу высших руководителей партии и государства, кто по праздникам приезжал к Брежневу на дачу. Званых было немного — Устинов, Громыко, Андропов, Черненко, старые друзья по Днепропетровску Николай Александрович Тихонов и Андрей Павлович Кириленко.

Между Кулаковым и Кириленко, секретарем ЦК, отвечавшим за промышленность, часто вспыхивали конфликты из-за распределения денег между сельским хозяйством и промышленностью. Кириленко считал, что селу достается слишком много капиталовложений, поскольку там все пропадает, отдачи нет.

Кулаков заставил руководителей Совета министров РСФСР создать помимо Министерства сельского хозяйства еще и республиканское Министерство совхозов. Создали, прошло пару лет, ничего не изменилось. Когда летом Брежнев и Суслов ушли в отпуск, Кириленко позвонил Соломенцеву:

— Ко мне приходят секретари крайкомов и обкомов. Все критикуют нас за создание Министерства совхозов России и просят его упразднить. Надо прислушаться к их мнению.

Поскольку в аппарате вес Кириленко был выше, он добился отмены решения, принятого Кулаковым.

Брежнев и министра сельского хозяйства подобрал сам. Он остановил свой выбор на Владимире Владимировиче Мацкевиче, с которым познакомился после войны. В свое время у первого секретаря Днепропетровского обкома сложились хорошие личные отношения с министром сельского хозяйства Украины Мацкевичем. Потом они сотрудничали, когда Брежнев работал в Казахстане.

Хрущев тоже поначалу ценил Мацкевича, в 1953 году забрал его в Москву. Сделал министром сельского хозяйства, в 1956 году назначил заместителем главы правительства, а потом резко переменился к нему и в конце концов послал Мацкевича председателем Целиноградского облисполкома. А министром сделал Ивана Платоновича Воловченко, агронома-семеновода, который работал директором совхоза «Петровский» в Липецкой области.

Став первым секретарем, Леонид Ильич сам позвонил Мацкевичу и попросил немедленно приехать в Москву. В феврале 1965 года тот приступил к обязанностям министра.

Брежнев вернул все управление сельским хозяйством в Москву. Появилось постановление ЦК и Совмина «О повышении роли Министерства сельского хозяйства СССР в руководстве колхозным и совхозным производством».

24 марта 1965 года открылся пленум ЦК «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства».

С докладом выступил Брежнев. Он привел цифры, свидетельствовавшие о полной неудаче его предшественников: в 1913 году в Российской империи на человека приходилось 540 килограммов зерна, полвека спустя — 573 килограмма. Иначе говоря, за полвека аграрное производство в России практически не выросло, хотя наука шагнула далеко вперед, и развитые страны не знали, куда девать излишки сельскохозяйственного производства.

— Мы оказались перед фактом, — говорил Брежнев, — что наши планы по подъему сельскохозяйственного производства остались невыполненными. Если до 1959 года происходил заметный подъем сельского хозяйства, то в последующий период оно, по существу, стало топтаться на месте...

Он жестко критиковал хрущевские методы руководства селом, говорил о необходимости дать хозяйствам самостоятельность, не командовать ими.

Леонид Ильич обещал выделить аграриям дополнительные ассигнования, установить твердый план хлебозаготовок, повысить закупочные цены на основные культуры. За сверхплановые закупки пшеницы и ржи ввели пятидесятипроцентную надбавку. Это несколько облегчило бедственное положение села. С колхозов и совхозов списали задолженности, колхозников перестали преследовать за приусадебные хозяйства — большое по тем временам дело. А вскоре колхозникам впервые за всю историю стали платить пенсии.

Мартовский пленум провозгласил, что ключ к решению проблем — это мелиорация, химизация и механизация. Принял огромную программу производства сельскохозяйственной техники, но до самого конца брежневского правления тракторов и комбайнов в стране все равно не хватало. Хотя выпускали машин больше, чем американцы. Техника ломалась и не использовалась из-за отсутствия запчастей.

Понимания того, что нужно сделать, чтобы осовременить аграрную отрасль, не было. Члены высшего партийного руководства заявляли:

— Надо дать селу технику и деньги, и мы завалим страну продуктами.

С каждым годом сельскому хозяйству требовалось все больше денег. Председатель Госплана Николай Константинович Байбаков был одним из немногих, кто считал, что вкладывать деньги в сельское хозяйство неэффективно — один убыток. Уж лучше увеличивать нефтедобычу. На вырученные деньги что угодно можно купить, в том числе и зерно...

На мартовском пленуме из кандидатов в члены президиума ЦК перевели руководителя Белоруссии Кирилла Трофимовича Мазурова, его назначили одним из двух первых заместителей Косыгина.

Мазуров учился в автомобильно-дорожном техникуме, а после войны, будучи главой белорусского комсомола, окончил заочное отделение Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Он более двух десятилетий провел на комсомольской и партийной работе в Белоруссии. Он никак не был связан с Косыгиным, и Брежнева это вполне устраивало.

В марте 1965 года Брежнев сделал секретарем ЦК и кандидатом в члены президиума Дмитрия Федоровича Устинова. Они сблизились, когда Брежнев занимался военной промышленностью и космосом. Теперь он, по-существу, перевел Устинова на свое прежнее место и мог рассчитывать на его поддержку.

Когда Дмитрий Федорович перебрался в здание ЦК на Старой площади, Леонид Ильич пришел посмотреть, как тот обосновался в новом кабинете. Это стало событием: руководитель партии ни к кому другому не ходил.

Бои местного значения в президиуме ЦК

Брежнев спешил укрепить свои позиции в президиуме ЦК, ему нужны были люди, на которых он мог опереться.

Его тревожило поведение Николая Подгорного, который вел себя самоуверенно, так, словно они с Брежневым все еще были на равных. Подгорный был напористым, грубым и недалеким человеком, к Брежневу относился покровительственно.

Николай Викторович родился в поселке Карловка Полтавской губернии, трудовую деятельность начал учеником слесаря в механических мастерских. В 1921 году его избрали секретарем райкома комсомола. Через два года он поступил в Киеве на рабфак при политехническом институте. В 1926-м его приняли в Киевский технологический институт пищевой промышленности. Получив диплом, работал инженером на заводах треста сахарной промышленности.

В 1939 году Подгорного утвердили заместителем наркома пищевой промышленности Украины. В следующем году перевели на ту же должность в союзный наркомат в Москве. Но на этой должности он не удержался. В 1942 году Анастас Микоян отправил его в Воронежскую область ускорить эвакуацию сахарного завода, чтобы он не достался наступавшим немцам. Подгорный доложил, что лично руководил вывозом оборудования. Но выяснилось, что Николай Викторович туда и не ездил — побоялся.

За обман Микоян убрал Подгорного из наркомата, его сделали директором Московского технологического института пищевой промышленности. После освобождения Украины, когда понадобились опытные кадры, Подгорного вернули в республиканский наркомат. В Киеве он трудился под непосредственным руководством Хрущева и его дальнейшая карьера складывалась благополучно.

Никита Сергеевич сделал его постоянным представителем Совмина Украины при союзном правительстве, затем первым секретарем Харьковского обкома. После смерти Сталина, когда начались большие кадровые перемены, Подгорного утвердили вторым секретарем ЦК компартии Украины. А в 1957 году, когда Хрущев избавился от остатков оппозиции в президиуме ЦК и перевел в Москву хозяина Украины Алексея Илларионовича Кириченко, Подгорного сделали первым секретарем республики. А в июне 1964 года Хрущев забрал его в Москву...

Николай Викторович, второй секретарь ЦК, по старой привычке называл первого секретаря «Лёней» и не демонстрировал никакого почтения. У Подгорного были крепкие связи в аппарате, он опирался на Украину и на выходцев с Украины, которых немало было в Москве на ключевых постах.

Как только Подгорный совершил ошибку, Брежнев с удовольствием этим воспользовался. Когда летом 1965 года Брежнев уехал на юг отдыхать, в президиум ЦК поступило из Киева письмо Петра Шелеста, датированное 2 августа. Он просил разрешить Украине самостоятельно выступать на внешнем рынке:

«Во время пребывания делегации Украинской ССР на различных международных конференциях и сессиях ООН представители ряда развивающихся и капиталистических стран неоднократно поднимали перед нашими представителями вопрос о возможности организации непосредственной торговли с Советской Украиной. Они отмечали, что по ряду причин не могут вести непосредственную торговлю с Советским Союзом в связи с тем, что их правительствами не решен ряд вопросов с правительством СССР. В силу этого им приходится вести торговлю с Советским Союзом через нейтральные страны, что сопряжено с большими затруднениями, тогда как торговля через Украинскую ССР, как члена ООН, устраняла бы трудности и благоприятно влияла на развитие внешней торговли...»

Повод для обращения был найден не слишком убедительный. Но Шелест полагал, что им с Подгорным не откажут. Шелест считал, что атрибуты государственности, данные Украине, надо реализовывать на практике, воевал с союзными ведомствами, отстаивая интересы своей республики. Другие же руководители страны считали, что членство Украины в ООН, как и существование республиканского Министерства иностранных дел, — символы, которые нужны исключительно для внешнеполитических игр. В остальном у Украины не больше прав, чем у любого иного региона Советского Союза.

Замещавший Брежнева Подгорный разослал письмо Шелеста в различные ведомства с просьбой дать заключение. Николай Викторович, самоуверенный по натуре, не учел, что такие серьезные вопросы, не получив предварительного согласия первого секретаря, не стоит даже ставить на обсуждение.

Письмо Шелеста стало для москвичей, для группы Шелепина желанным поводом для атаки на самого Подгорного и на «украинскую группу» в руководстве. Сошлись интересы различных кланов. 2 сентября 1965 года на президиуме ЦК в конце заседания Брежнев сказал, что надо обсудить записку Петра Ефимовича Шелеста о работе Министерства внешней торговли.

Леонид Ильич добавил, что не знал о существовании письма. Это был сигнал: первый секретарь ЦК украинцев не поддержит. И решительно все возразили против предоставления Украине права самостоятельно торговать с заграницей.

Микоян заявил, что еще сорок лет назад был решен вопрос о монополии внешней торговли и его пересмотр невозможен.

Записка Шелеста стала поводом для политических обвинений в адрес украинского руководства. Члены президиума говорили, что Шелест не только подрывает ленинский принцип монополии внешней торговли, но и искажает ленинскую внешнюю политику, что на Украине слабо ведется борьба против буржуазного национализма, что республиканское руководство претендует на особое положение, проявляет местничество, нарушает государственную и плановую дисциплину.

Поставили Шелесту в вину и то, что вывески на магазинах и названия улиц написаны на украинском языке. Как же так: Севастополь — город русской славы, а надписи на украинском? На эту тему высказались Суслов и Косыгин.

Не ожидавший такой реакции, Шелест стал уверять, что он теперь видит ошибочность своего письма и готов взять его обратно. Но товарищи по президиуму ЦК не дали ему возможности избежать проработки.

— Товарищ Шелест, ваш долг, приехав в Киев, сообщить обо всем членам президиума ЦК компартии Украины, — сказал Микоян, — навести настоящую самокритику в связи с той политической ошибкой, которая вытекает из вашего предложения, и сделать необходимые выводы.

Секретарь по вопросам идеологии, науки и культуры Демичев завел разговор о том, что на Украине и в самом украинском ЦК вообще процветает национализм и в аппарате ЦК в Киеве почти не осталось русских.

Еще жестче выступил Шелепин, который заявил, что за политическую ошибку Шелеста несет ответственность не только он сам, но и Подгорный, который, пользуясь своим положением второго человека в партии, никому не позволяет вмешиваться в дела Украины. «Кураторство над Украиной» — это была опасная формула. За «кураторство над Ленинградом» при Сталине расстреляли члена политбюро Николая Вознесенского, секретаря ЦК Алексея Кузнецова и председателя Совмина России Михаила Родионова.

— Дело дошло до того, что в Севастополе при вручении награды Черноморскому флоту, флоту русской славы, все выступления были на украинском языке! — возмущался Шелепин. — В Крыму русских больше, но передачи по радио, по телевидению ведутся на украинском языке. И вообще украинский язык насаждается в ущерб русскому. Так что националистическая линия просматривается не только в вопросе о внешней торговле, но и в политике, в идеологии.

Шелепин потребовал провести пленум ЦК компартии Украины и по-настоящему разобраться, что происходит в республике.

Петр Шелест отверг все обвинения. Зло ответил Шелепину:

— Что касается оргвыводов, то вы не разбираетесь, что делается на Украине. Если вы хотите созвать пленум, то созывайте и послушайте, что вам там скажут!

Столь же резко ответил на обвинения и Подгорный.

Анастас Микоян увидел в этой атаке на украинское руководство проявление великодержавного шовинизма. Но за этой схваткой, скорее, стояла попытка подорвать позиции влиятельной украинской группы, на которую первоначально опирался Брежнев.

Подгорный признал, что он совершил ошибку:

— Я должен был не рассылать это письмо, а предварительно обсудить его в президиуме.

Брежнев спустил это дело на тормозах. Он примирительно сказал, что сомневается, надо ли проводить пленум. Наверное, достаточно, что члены президиума обменялись мнениями, а товарищ Шелест все замечания учтет.

Леонид Ильич, с одной стороны, был обеспокоен жесткостью атаки со стороны Шелепина, а с другой — доволен ослаблением позиций Подгорного. Это развязывало ему руки. Он не хотел видеть рядом с собой Подгорного в роли полноправного второго секретаря и нашел ему место председателя президиума Верховного Совета.

12 ноября 1965 года Брежнев и Шелест говорили по телефону. Обсудили текущие дела. Брежнев завел разговор о Микояне:

— Он уже стар — семьдесят лет. Увлекся мемуарами. Надо, наверное, подумать о замене, оживить работу Верховного Совета.

25 ноября 1965 года Анастасу Ивановичу исполнилось семьдесят лет, день рождения отмечали на государственной даче. Собралось человек тридцать. Роль тамады исполнял глава правительства Косыгин. Брежнев не пришел. Все обратили на это внимание.

А вот шестидесятилетие Анастаса Ивановича (по словам его невестки Нами Микоян) пышно отмечалось на бывшей горьковской даче в Горках-10.

Тогда Микоян был еще на вершине власти. Приехало много гостей. Леонид Ильич Брежнев не отходил от юбиляра. Когда заиграли кавказскую лезгинку, Леонид Ильич пошел танцевать. К нему присоединилась другая невестка Анастаса Ивановича — Алла, дочь расстрелянного при Сталине секретаря ЦК Алексея Александровича Кузнецова.

Тогда Брежнев очень старался, чтобы Анастас Иванович его заметил. Ему хотелось угодить имениннику, влиятельному члену президиума ЦК. Теперь, когда ни Брежнев, ни люди из его окружения на дне рождения не появились, стало ясно, что Анастас Иванович в опале. Присутствовавшие пили и ели, но боялись поднимать тосты за юбиляра. А вдруг доброе слово о Микояне сочтут вызовом новому руководству?

Микоян дисциплинированно подал заявление об уходе на пенсию. Его место Брежнев предложил Подгорному.

Последний разговор Анастаса Ивановича с Брежневым состоялся во время XXIII съезда. Они сидели в комнате, где члены президиума в перерывах пили чай, иногда обедали и обсуждали все ключевые проблемы. Брежнев уединился с Микояном, а после сообщил, что договорился с Анастасом Ивановичем: в высшие партийные органы его больше не выберут.

Брежнев не любил Микояна. Когда журнал «Огонек» по случаю восьмидесятилетия Анастаса Ивановича поместил его портрет, Леонид Ильич сделал выговор руководителям отдела пропаганды ЦК.

Подгорный охотно принял назначение. Ему нравилось, когда его именовали президентом, и на переговорах с иностранцами он выступал в роли главы советской делегации. На официальных приемах он оказывался хозяином, к нему обращались с тостами и приветствиями иностранные президенты.

Брежнева это злило, он сам хотел иметь дело с президентами. Но до поры до времени вынужден был скрывать свои чувства. В принципе, у них с Николаем Викторовичем было много общего: легкое отношение к жизни, нежелание себя утруждать, страсть к охоте и домино.

Возвращение Щербицкого

На новой работе Николай Викторович не напрягался. Любил ездить на Украину. В охотничьем хозяйстве под Киевом ему устраивали охоту. После чего разжигался костер, и тут Николай Викторович превращался в тамаду.

Леонид Митрофанович Замятин, который был генеральным директором ТАСС, рассказывал, как приехал к Подгорному с важными документами. Дежурный секретарь попросил подождать:

— Николай Викторович очень занят. Подождите.

Прошло полчаса, час, полтора. Замятин, который не привык, чтобы его так долго держали в приемной, не выдержал и поинтересовался у охранника, чем так занят председатель президиума Верховного Совета.

Тот, понизив голос, признался:

— В домино дуется.

Однажды Подгорный вместе с Мазуровым побывал на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Во время обеда, устроенного в советском представительстве в Нью-Йорке, вспоминал бывший первый заместитель министра иностранных дел Георгий Корниенко, Подгорный сочувственно произнес:

— Трудная у вас, дипломатов, работа. Я бы сроду не смог стать дипломатом.

— Смог бы, если бы партия приказала, — возразил Мазуров.

Подгорный отмахнулся:

— Нет, не смог бы, у меня нет данных для такой работы.

— Вот Епишев был у тебя секретарем обкома, а поехал послом в Югославию, — сказал Мазуров.

— Э, скажешь тоже, Епишев — так то ж культурный человек, — ответил Подгорный.

Председатель президиума Верховного Совета возглавлял делегацию, которая приехала в Болгарию на очередной юбилей. Тактом и любезностью Николай Викторович никогда не отличался и постоянно преподносил болгарам малоприятные сюрпризы.

Из Софии делегаты должны были лететь в Варну. Утром собрались за завтраком — Подгорный ел отдельно. Он появился раздраженный, со злым лицом:

— Глава государства уже позавтракал, а вы еще прохлаждаетесь и бражничаете!

Все поспешно встали. Но Подгорный, как выяснилось, никуда не собирался. Он подозвал Юрия Владимировича Бернова, заведующего сектором отдела ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, и распорядился:

— Передай болгарам, что в Варну я не поеду.

Бернов пытался объяснить, что в Варне болгары подготовили большую программу, но Подгорный его даже слушать не стал. В делегацию входил секретарь ЦК по промышленности Михаил Соломенцев. Бернов пытался апеллировать к нему, но Михаил Сергеевич не захотел идти к Подгорному.

В резиденцию, где поселили советских гостей, по спецсвязи позвонил кандидат в члены политбюро болгарской компартии, первый секретарь варненского окружкома Тодор Станчев. Он сказал Бернову:

— Передайте Подгорному, что в Варне десятки тысяч жителей с плакатами, флагами и цветами уже заполнили улицы на всем пути от аэродрома до центра города, чтобы встретить почетного советского гостя. Так пренебрежительно к болгарскому народу относиться нельзя.

Бернов пошел к Подгорному. Тот выругался, но понял, что лететь придется. В самолете его охранник пояснил причину плохого настроения председателя президиума Верховного Совета. Оказывается, ночью Подгорного в лысину ужалила оса. Он вызвал своих чекистов и кричал на них:

— Какая вы к черту охрана, если допускаете, что оса могла ужалить главу Советского государства!

После шестидневной войны на Ближнем Востоке, 20 июня 1967 года, в Египет вылетела советская делегация во главе с Подгорным. Сделала остановку в Югославии. На яхте гостей доставили на остров Большой Бриони, где Иосип Броз Тито дружески беседовал с советским гостем.

Советский разведчик Вадим Алексеевич Кирпиченко вспоминал, что в Каире «Подгорный то ли в силу новой для него темы советско-египетских отношений, то ли из-за сорокаградусной жары информацию воспринимал тяжело. При чтении бумаг устало шевелил губами, раздражался и отвлекался на поиски других очков, сигарет или спичек, то требовал, чтобы охранник принес ему воды и сам никуда не отлучался, был у него под рукой. В общем, ему все время или что-нибудь мешало, или чего-то не хватало. Никаких вопросов Подгорный обычно не задавал и ни к чему любопытства не проявлял».

Но во внутренних интригах Николай Викторович прекрасно ориентировался. Приехав в Киев, рассказывал Шелесту о московских делах, советовал:

— Больше надо ориентироваться на Шелепина и Полянского, возможно, и на Кириленко, но он неустойчивый, мнительный и не лишен подхалимства. Вести себя надо очень осмотрительно и осторожно. И не будь очень откровенен с Лёней.

Как только Подгорный уехал из Киева, позвонил Брежнев, поинтересовался: где председатель? Услышав, что Николай Викторович улетел в Крым, начал ревниво и придирчиво расспрашивать, чем именно Подгорный занимался в Киеве, с кем встречался, кому звонил.

Шелест подробно отчитался, что Подгорный ездил на охоту, отдыхал и отсыпался:

— А звонил, насколько мне известно, только вам из моего кабинета.

Брежнев немного успокоился.

6 января 1966 года Брежнев приехал в Донецк выступать на партийном активе. Ему показалось, что встретили его холодно, поэтому переспрашивал:

— Ну как прошел доклад? Какое он произвел впечатление?

Когда Брежнев уехал, позвонил Подгорный, стал интересоваться пребыванием Леонида Ильича.

«Каждый раз, когда они допрашивали друг о друге, что кто делает, с кем встречается и разговаривает, — записал в дневнике Шелест, — мне казалось, что они не могут жить друг без друга, а больше закрадывалась мысль, что они в чем-то друг другу не доверяют».

Петр Ефимович конечно же понимал, что так оно и есть. Наступит момент, когда Брежнев избавится и от Подгорного. А пока что Леонид Ильич придумал интригу, чтобы ввести в президиум ЦК своего старого друга по Украине Владимира Васильевича Щербицкого.

В Москву вызвали председателя Совета министров Украины Ивана Павловича Казанца и предложили ему пост союзного министра черной металлургии. Казанец отказался. Тогда ему намекнули, что он «может потерять все». Казанец согласился, перебрался в столицу и занимал эту должность двадцать лет.

Пришлось Шелесту подбирать нового руководителя правительства и ехать в Москву согласовывать кандидатуры других республиканских министров. Он, как положено, обошел секретарей ЦК, потом явился к Брежневу. Того интересовала только кандидатура председателя Совмина.

Шелест предложил на роль руководителя правительства республики Александра Павловича Ляшко, который был секретарем ЦК Украины, а первыми его замами Николая Соболя (по промышленности) и Никифора Кальченко (по сельскому хозяйству).

Брежнев заметил, что Ляшко мало известен в стране. Шелест попробовал возразить:

— Ляшко не первый год секретарь ЦК Украины, несколько лет возглавлял Донецкий обком, он член ЦК КПСС и депутат Верховного Совета СССР.

Брежнев все равно не соглашался.

— А если назначить Кальченко? — предложил Шелест.

— Кальченко уже был на этом посту, — напомнил Брежнев. — Скажут: у вас нет кадров.

Никифор Кальченко был председателем Совета министров с 1954 по 1961 год, когда его перевели в заместители. Перебрав несколько кандидатур, Шелест выяснил, что Леонид Ильич желает возвращения на пост главы украинского Совмина Щербицкого. Тот, как и Кальченко, уже занимал эту должность, но Брежнева это не беспокоило.

Владимир Васильевич начинал свою партийную карьеру на родине Леонида Ильича, в Днепродзержинске, а потом его перевели в Днепропетровск, где он сменил на посту первого секретаря обкома Андрея Кириленко. Дружеские отношения с тех пор связывали всех троих — Брежнева, Кириленко, Щербицкого.

В конце 1963 года Хрущев разгневался на Щербицкого и сделал его первым секретарем Днепропетровского промышленного обкома. 4 декабря Хрущев на заседании президиума распорядился:

— Освободить Щербицкого от обязанностей кандидата в члены президиума, а вместо него ввести Шелеста.

Шелест и Щербицкий терпеть не могли друг друга.

«Освобожден он был правильно, — писал Шелест, — это невоспитанный в партийном отношении человек, малокультурный, груб и дерзок в обращении с товарищами по работе, большой нытик. В сравнении с Ляшко Щербицкий был мало известен, неавторитетен среди партийного актива и непопулярен среди народа. А логики совсем не было: если Кальченко нерационально возвращать на председателя Совмина, то почему можно Щербицкого?»

Николай Подгорный тоже возражал против возвращения Щербицкого. А вот Александр Шелепин сказал, что надо восстановить несправедливость в отношении Щербицкого. Противостояние «украинцев» и «комсомольцев» открывало Брежневу простор для игры. Он умело сталкивал своих соратников, ослабляя их позиции.

Леонид Ильич насел на Шелеста, настаивая на назначении Щербицкого. Петр Ефимович пытался сослаться на членов президиума ЦК компартии Украины: дескать, они не примут возвращения Щербицкого. Но Брежнев эти игры знал:

— Ты дай согласие, а с членами президиума мы сообща можем договориться.

Шелест не выдержал давления. Брежнев сразу же связался с Подгорным:

— Петр Ефимович дал свое согласие на Щербицкого.

Подгорному ничего не оставалось, как снять свои возражения. Потом Николай Викторович сказал Шелесту:

— Петр, тебя уговорили, но будешь иметь большие неприятности. Пеняй на себя.

6 декабря 1965 года на пленуме Щербицкого избрали кандидатом в члены президиума ЦК. Брежнев не только ук-

реплял позиции своего ставленника, но и обзаводился надежным сторонником в высшем партийном руководстве.

29 сентября 1965 года на пленуме ЦК был смещен секретарь по кадрам Виталий Николаевич Титов. Он имел большой стаж партийной работы, после смерти Сталина семь лет был первым секретарем Харьковского обкома. Понравился Хрущеву, и тот в 1961 году поставил его заведовать отделом партийных органов ЦК, на следующий год сделал председателем Комиссии по организационно-партийным вопросам при ЦК.

Брежнев сделал Титова вторым секретарем в Казахстане. Леонид Ильич расстался с теми, кого выдвинул Хрущев, и вернул тех, кого Никита Сергеевич разогнал.

Вместо Титова в декабре 1965 года секретарем ЦК стал новый заведующий отделом организационно-партийной работы Иван Васильевич Капитонов. Это был ключевой отдел в аппарате ЦК. Отдел оргпартработы ведал партийными кадрами. Но и отраслевые отделы не могли никого назначить без ведома Капитонова. На этом посту он проработал двадцать с лишним лет.

Иван Васильевич перед войной окончил Московский институт инженеров коммунального строительства и работал инженером в Рязанском областном жилищном управлении. Отслужил в армии и сделал карьеру по партийной линии в Москве. Начинал секретарем парторганизации Краснопресненского трамвайного депо и постепенно вырос до первого секретаря Московского горкома, а потом и обкома партии.

Капитонов на два десятилетия пережил Брежнева. В 2002 году Иван Васильевич дал интервью газете «Век»:

— Я думаю, люди у власти мало меняются. Психология одна и та же — устранить того, кто метит на твое место... Меня иногда включали в состав президиума, где на почетном месте находился Сталин. По окончании работы он с кем хотел — говорил. Я считал его неглупым человеком и по-своему хитрым. Он умел убирать с дороги своих соперников... На моей памяти был вынужденный уход в 1957 году сталинской гвардии. С ней схватились молодые. Время подталкивало к смене власти, ее тактики и программы. Сталинская гвардия тянула страну назад, к террору и страху. Молодые лидеры предлагали мягкие, несколько более демократичные приемы руководства страной. Тут и я призадумался. Рисковать своей карьерой не было смысла. И я ушел в «подполье». Наказал жене всем по телефону говорить: «Иван Васильевич уехал на охоту». В отместку Хрущев, победивший в этой схватке, направил меня в Иваново первым секретарем обкома партии...

2 марта 1959 года пленум Московского обкома освободил Капитонова от должности первого секретаря. Его сменил хрущевский выдвиженец Петр Нилович Демичев, до этого управляющий делами Совмина. Капитонова вывели из состава бюро ЦК по РСФСР и сделали инспектором в ЦК. Но вскоре Хрущев сделал его первым секретарем обкома в Иваново.

Хрущевская опала была лучшей рекомендацией для новых руководителей страны. Брежнев позвонил Капитонову в Иваново:

— Чего ты там сидишь?

Леонид Ильич доверил Капитонову главное — кадры, но выше не выдвигал, даже не сделал кандидатом в члены политбюро. Не считал, что Капитонов способен на большее.

Когда шла подготовка к XXV съезду партии и писался отчетный доклад, группе Капитонова было поручено подготовить третий раздел — о партии и идеологии. Брежнев потребовал показать ему этот текст. Стали читать, дошли до середины, записал в дневнике Анатолий Черняев, Брежнев встал и заявил, что эту галиматью он читать не намерен: словно переписали передовицу из «Правды»! Потребовал:

— Вызвать сюда немедленно Капитонова!

Его помощник Александров-Агентов резонно возразил:

— Но ведь он сам все равно ничего не напишет!

— Знаю, что он сам ничего написать не может, — сказал Брежнев. — Но он секретарь ЦК. Он отвечает за этот раздел. Под его руководством, по его указаниям сочиняли эту болтовню. Кто должен отвечать?! И зачем мне такой секретарь, который даже не понимает, что нужно для доклада съезду? Немедленно вызвать и дать ему здесь взбучку, чтоб проняло.

Александров предложил заодно вызвать первого зама Капитонова в отделе организационно-партийной работы Николая Александровича Петровичева. Брежнев и о нем нелестно отозвался (Петровичева вскоре сменили). Тогда пригласили заместителя заведующего международным отделом ЦК Вадима Валентиновича Загладина и заместителя министра иностранных дел Анатолия Гавриловича Ковалева. Два образованных международника за один день передиктовали весь партийно-идеологический раздел.

Когда Капитонов явился, Брежнев в присутствии всей «бригады» в самых уничижительных выражениях оценил его работу. Иван Васильевич покорно все выслушал. Он готов был вытерпеть все, что угодно, лишь бы не последовало оргвыводов. Именно такой исполнительный, но не очень грамотный и несамостоятельный чиновник и устраивал Брежнева. Капитонов был непревзойденным мастером по части грубой лести.

Иван Васильевич не упускал случая позвонить Брежневу и с пафосом доложить, вспоминал один из секретарей генерального, что в такой-то области прошла отчетно-выборная партийная конференция. Так и рапортовал: «Дорогой Леонид Ильич, делегаты, стоя, бурными и продолжительными аплодисментами встречали каждое упоминание вашего имени...»

Так был ли комсомольский заговор?

Руководящими кадрами Леонид Ильич занимался сам.

«Сильной стороной Брежнева был особый интерес к кадрам, — писал Андрей Андреевич Громыко. — Иногда его беседы с членами ЦК и другими ответственными работниками сводились к теме о том, кто чем занимается, какие у кого с кем отношения, — все это с целью выяснения у собеседника, не строит ли кто-нибудь против него лично каких-либо козней...

Он и Хрущев в кадровых вопросах были в известном смысле антиподами. Хрущев считал необходимым постоянно переставлять людей с одного места на другое, часто создавая тем самым хаотическое положение на отдельных участках работы. Брежнев, наоборот, даже тех работников, которых в интересах дела, в интересах страны нужно было бы освободить и заменить новыми, оставлял на своих постах».

Расстановка сил в президиуме ЦК поначалу не была ясна. Помимо тройки — Брежнев—Косыгин—Подгорный — сильные позиции были у секретаря ЦК Александра Николаевича Шелепина, которого многие прочили в руководители партии.

— Я пришел на работу в ЦК в 1966 году, — рассказывал Наиль Бариевич Биккенин, который со временем стал главным редактором журнала «Коммунист». — Тогда еще окончательно не было определено, кто же станет лидером — Брежнев или Шелепин. Это я сразу почувствовал: любой первый секретарь обкома, приходивший к Шелепину, обязательно шел и к Брежневу. И наоборот.

Александр Шелепин был на двенадцать лет моложе Брежнева и значительно образованнее. Городской мальчик, он, закончив школу в Воронеже, поехал в Москву и поступил в знаменитый Институт истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ), кузницу гуманитарных кадров. Здесь Шелепина сразу избрали секретарем комитета комсомола.

Карьера Шелепина началась 2 октября 1940 года. Как раз в этот день вышел указ о том, что высшее образование становится платным, стипендии будут платить только отличникам. А Шелепин ушел добровольцем на финскую войну. Когда вернулся в институт, у него, естественно, были «хвосты», и по новому закону стипендия ему не полагалась.

Он сидел в институтском комитете комсомола, думал, что делать. Тут приехал Николай Красавченко, секретарь Московского горкома комсомола, и решил судьбу Шелепина. Он сказал:

— А для тебя, Шурик, у меня есть работа. Пойдешь к нам в горком?

Шелепин начинал инструктором, потом заведовал отделом, стал секретарем горкома комсомола по военной работе. В 1942 году его наградили орденом Красной Звезды, на следующий год перевели в ЦК комсомола: секретарем, вторым секретарем.

За год до смерти Сталин сделал Шелепина первым секретарем ЦК комсомола. Предварительно вождь вызвал Шелепина к себе на дачу. Это была их единственная встреча. Сталин усадил Шелепина, а сам шагал по кабинету и задавал вопросы. Время от времени подходил к Шелепину, нагибался и заглядывал ему в глаза. Смотрел внимательно...

Александр Николаевич потом признался своему лучшему другу Валерию Харазову, что ему было страшно...

Шелепин принадлежал к той группе партийных руководителей, которые летом 1957 года не дали старой гвардии — Молотову, Булганину, Маленкову и Кагановичу — снять Хрущева. Шелепин активнее, решительнее, напористее других поддержал Никиту Сергеевича.

Разгневанный маршал Ворошилов кричал на Шелепина:

— Это тебе, мальчишке, мы должны давать объяснения? Научись сначала носить длинные штаны!

Зато Хрущев оценил молодого соратника по достоинству. Через полгода, в апреле 1958 года, Шелепин возглавил отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам, но проработал в аппарате всего несколько месяцев. 25 декабря 1958 года в сорок лет он стал председателем КГБ.

На первом пленуме после XXII съезда, 31 октября 1961 года, Шелепин был избран секретарем ЦК. Через две недели после ухода Александра Николаевича с поста председателя КГБ на освободившееся место был назначен его друг Владимир Ефимович Семичастный.

Через год Шелепин получил еще два поста.

20 сентября 1962 года Хрущев на президиуме ЦК долго говорил о структуре управления промышленностью и сельским хозяйством. И вдруг сменил тему:

— Мы считаем необходимым сейчас перестроить работу госконтроля. Госконтроль, который сейчас существует, малодейственный. Надо, чтобы наши контрольные органы были партийно-государственными, потому что сейчас без партии контроль трудно установить. Возглавлять его должен член Центрального комитета, а может быть и секретарь ЦК с тем, чтобы придать этому значение. Я думаю, что тогда, может быть, не всех воров лишили бы возможности воровать, но, во всяком случае, усложнили бы их воровскую жизнь.

В ноябре 1962 года пленум ЦК по предложению Хрущева принял решение об образовании Комитета партийно-государственного контроля. Создавался орган с огромными, почти неограниченными полномочиями, который получил право контролировать и партийные органы, и правительство, и вооруженные силы, и даже КГБ.

Ведомство партийно-государственного контроля превратилось в разветвленную структуру, параллельную партийному аппарату. Руководитель областного Комитета партгосконтроля автоматически избирался секретарем обкома и заместителем председателя облисполкома. Тем самым контролеры фактически становились независимыми от местных органов.

Комитет получил право проводить расследования, налагать взыскания на провинившихся и передавать дела в прокуратуру и суд. Говорят, что этому пытались помешать Косыгин и Микоян, понимая, что создание нового комитета существенно ослабляет власть Совета министров.

Председателем комитета Хрущев назначил Шелепина. А заодно сделал его и заместителем главы правительства:

— Ему надо будет иметь дело с министрами, с государственными органами и надо, чтобы он имел необходимые полномочия.

Шелепин стал одним из самых влиятельных в стране людей. Историки даже делают вывод, что реальная власть в стране постепенно переходила от Хрущева к Шелепину.

На создание Комитета партгосконтроля были организованы всенародные отклики. Целая группа писателей отправила Шелепину письмо, поддерживая создание «подлинно всенародного контроля, уничтоженного в период культа личности Сталина»:

«В годы деятельности ЦКК-РКИ рядом с миллионами добровольных контролеров активно работали советские писатели... Мы считаем себя наследниками этой драгоценной традиции и готовы принять участие в работе комитета».

Ни к кому Хрущев не относился с таким доверием и никого не возвышал так стремительно, как Шелепина. Первый секретарь доверял Александру Николаевичу, ценил его деловые качества, поручал ему самые важные дела.

Может, Шелепин и Семичастный зря приняли участие в свержении Хрущева? Им было бы лучше, если бы он остался. Не жалели ли потом Шелепин и его друзья, что все это сделали?

Владимир Семичастный говорил мне:

— Нет. Хрущев к нам хорошо относился, он даже не поверил, когда ему сказали, что мы с Шелепиным участвовали. Но дело не в этом. Обстановка в стране была такая, что нельзя было больше этого терпеть. Мы с Брежневым ошиблись, хотя объективно у него все данные были. Вторая роль в партии, занимался космосом, ракетными делами. Симпатичный, общительный.

Брежнева поначалу считали руководителем слабым, временным. А стране нужна крепкая рука, вот и думали, что Леониду Ильичу придется уступить место более сильному лидеру — Шелепину.

Зять Хрущева Алексей Аджубей, который до опалы дружил с Шелепиным и не терял надежды вернуться во власть, таинственно говорил:

— Скоро все переменится. Лёня долго не усидит, придет Саша Шелепин.

По словам Аджубея, «Шелепин ни в грош не ставил Брежнева. Да тот по силе характера не годился и в подметки Шелепину, “железному Шурику”, как называли его в ближайшем окружении... Многое обещало Шелепину победу в предстоящей схватке с Брежневым. Он к ней готовился. Однако не учел, что силу ломит не только сила, но и хитрость. И тут ему было далеко до Брежнева».

Вокруг Шелепина группировались в основном недавние выходцы из комсомола, которые занимали видные посты в органах госбезопасности, внутренних дел, аппарате ЦК, идеологических учреждениях. Они отзывались о Брежневе очень небрежно и полагали, что страну должен возглавить Шелепин.

Леонид Замятин говорил мне:

— Шелепин воспринимал Брежнева как работника максимум областного масштаба, а не руководителя огромного государства. Примитивный, две-три мысли связать не в состоянии, теоретических знаний никаких. Ему все речи писали.

Брежнев знал о таких настроениях. В кремлевских интригах он оказался куда более искушенным человеком, чем вчерашние «комсомольцы». Между Брежневым и Шелепиным пробежала черная кошка. В окружении Брежнева критически оценивали каждый шаг «Саши».

Шелепин после отставки Хрущева получил повышение, вошел в президиум ЦК.

— Брежневу сначала был нужен сильный человек, который бы имел ключи к КГБ и поддержал его как лидера партии и государства, — рассказывал мне Леонид Замятин. — Образовался тандем Брежнев—Шелепин. Но потом Брежнев стал присматриваться к Шелепину. И доброхотов много оказалось, которые о Шелепине разное рассказывали.

Внешне Брежнев вел себя очень дружелюбно, многозначительно намекал Александру Николаевичу, что, дескать, ты меня будешь заменять во время отпуска или командировок. А потом оставлял на хозяйстве других. Шелепину он не рисковал поручать управление партией и страной.

Как-то Вячеслав Иванович Кочемасов, заместитель председателя Совета министров РСФСР, заехал в ЦК к старому знакомому по комсомолу Шелепину, поинтересовался, какие у него теперь обязанности. Все думали, что Шелепин будет вторым секретарем. Александр Николаевич развел руками:

— Постоянных обязанностей у меня нет, есть только постоянные разговоры.

— На несколько месяцев Шелепин был выдвинут на вторую роль, — говорил Владимир Семичастный. — Брежнев вручил ему оргдела, кадры, все самое важное. Шелепин этим занимался. Затем кадры Брежнев передал новому секретарю ЦК Капитонову и замкнул его на себя. А Шелепину поручил легкую и пищевую промышленность, финансы.

Молодые партийные руководители, которые свергли Хрущева, вскоре поняли, что Брежнев их тоже не устраивает.

Они ждали больших перемен в политике, экономике, личной судьбе, а получилось, что они убрали Хрущева только для того, чтобы Брежнев мог наслаждаться властью.

А Леонида Ильича преследовали нехорошие мысли: вдруг эти молодые и нового первого секретаря захотят убрать, как убрали Хрущева?

— Мы с Шелепиным занимали довольно критическую позицию с момента прихода Брежнева к власти, — продолжал Владимир Семичастный. — Это убеждало его, что мы куда-то рвемся. Его напугало, что операция с Хрущевым была проведена так тихо и спокойно.

Брежнева принято снисходительно поругивать. Но, может быть, он был не так уж плох? Его считали сравнительно либеральным, мягким, зла он никому не делал. Может быть и к лучшему, что Брежнев, а не Шелепин стоял во главе страны?

Мягкость Брежнева ввела в заблуждение его соратников, кто-то из них неосмотрительно решил, что «Лёней» можно будет командовать.

Одному из министров Леонид Ильич объяснил:

— Ты мне на людях не возражай, я все-таки глава партии. В этом кабинете Сталин сидел... Вот когда я буду один, зайди ко мне и скажи, что считаешь нужным.

Знающие люди говорили, что Брежнев только казался добродушным. Мягко стелит, да жестко спать. При первой встрече Брежнев сказал своему помощнику Александрову-Агентову:

— Ты не смотри, Андрей, что я такой мягкий. Если надо, я так дам, что не знаю, как тот, кому я дал, а сам я после этого три дня больной.

Говорят, что первого секретаря ЦК комсомола Сергея Павловича Павлова (склонного к политическим играм) Брежнев, увидев на каком-то мероприятии, по-свойски предупредил:

— Будешь заговоры плести, в порошок сотру.

Сергея Павлова из политики убрали, поставили руководить физкультурой и спортом, потом отправили послом в Монголию.

Александр Николаевич Шелепин был немногословным, волевым, организованным, не любил расхлябанности. Но едва ли он был таким уж крутым и жестким, каким его изображали.

Николай Николаевич Месяцев, который работал с ним, говорил мне:

— «Железный» — значит, все должен подминать под себя, так? А он был демократичный по натуре человек. Милый, симпатичный парень. И он не был мстительным. У нас ведь принято: как попал в беду, так вколачивают в землю по уши. А он не мстил людям.

Такого же мнения придерживался Николай Егорычев:

— Разговоры о том, что он был очень крутой, думаю, завели, чтобы его дискредитировать. Он был демократичным и доступным. Я знаю только двух человек в руководстве страны, которые сами снимали телефонную трубку, Косыгина и Шелепина. К остальным надо было пробиваться через помощников и секретарей. Причем если Шелепин был на совещании и не мог разговаривать, он всегда потом сам перезванивал...

В середине 1960-х птенцы гнезда Шелепина, выходцы из комсомола, реально занимали важнейшие посты в стране. Госбезопасность, Министерство внутренних дел, телевидение, ТАСС — там везде были друзья Шелепина.

— Когда нас всех разогнали, — рассказывал Николай Месяцев, — нам часто говорили: не может быть, чтобы у вас не было организационной спайки. Но ее не было, мы всегда оставались просто друзьями и единомышленниками.

Но друзья в своем кругу откровенно говорили, что Брежнев не годится в лидеры государства и что именно Шелепин должен стать первым секретарем. «Комсомолята» с гордостью произносили: вот у нас растет «железный Шурик», он и сменит Брежнева.

Впрочем, Николай Месяцев это отрицал:

— Часто собирались у меня на даче. Но не было таких разговоров, что надо Брежнева свергать и ставить Шелепина. Я знал, что все это прослушивается или может прослушиваться. Я же сам в госбезопасности работал... Хотя были и среди нас дурачки, которые, поддав, вставали на стол и кричали: «Да здравствует Шелепин!»

— Я один раз читал тетрадку, какие КГБ рассылал, — вспоминал Леонид Замятин. — В ней приводилась запись разговора комсомольских работников в гостинице. Они, видно, в баньке мылись и заодно обсуждали текущую политику, всем характеристики давали... Эту запись со вниманием читали и выводы делали.

А сам Шелепин? Намекал ли он, что хотел стать первым секретарем? Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом.

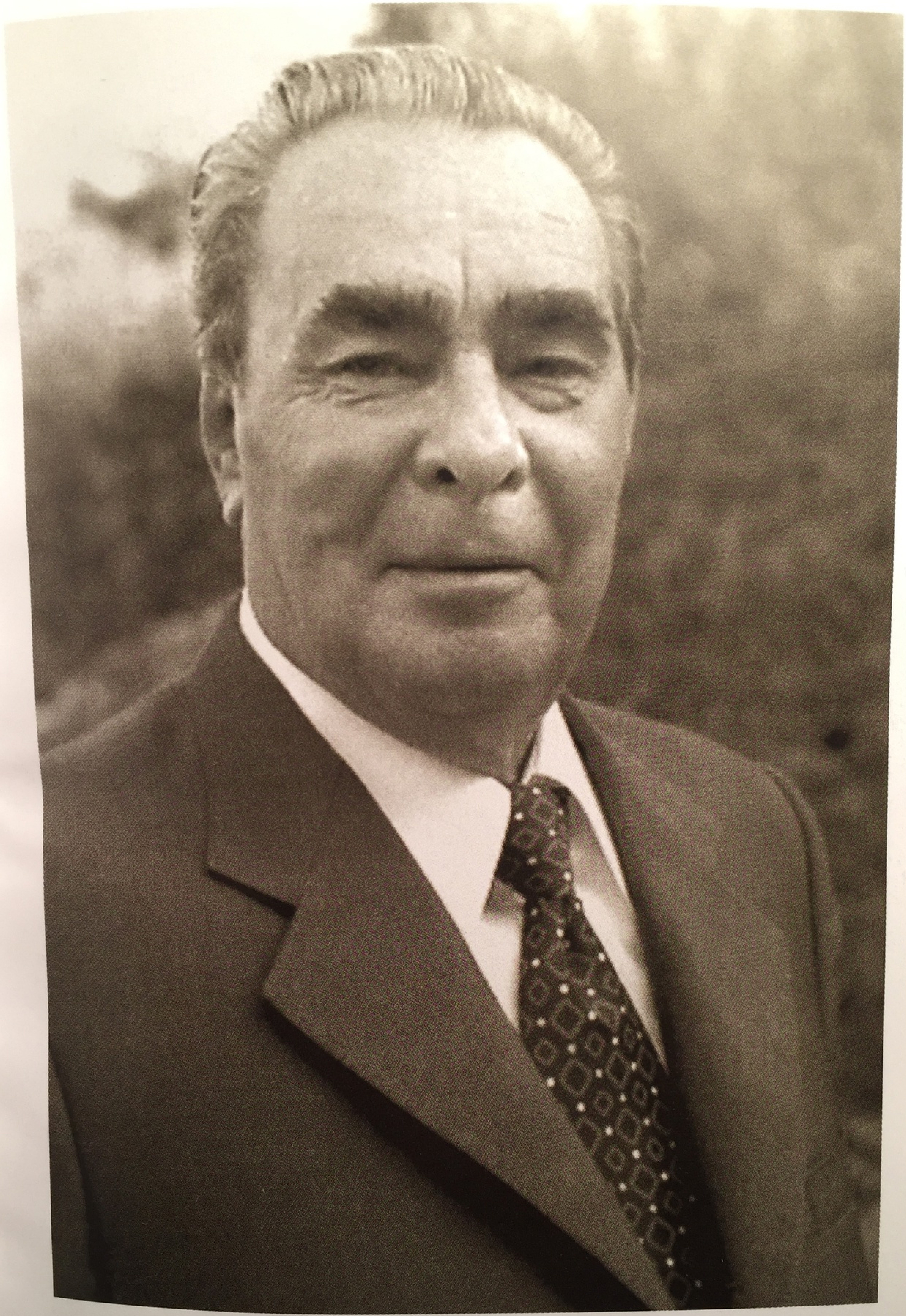
— Александр Николаевич любил беседовать с глазу на глаз, — рассказывал Николай Егорычев. — Но мы не говорили о том, что он должен занять место первого. Разговоры сводились к тому, что страна остановилась в развитии, пятится назад. Вот что нас беспокоило.

Неужели группа молодых руководителей, которая сплотилась вокруг Шелепина, не хотела получить возможность претворить свои идеи в жизнь?

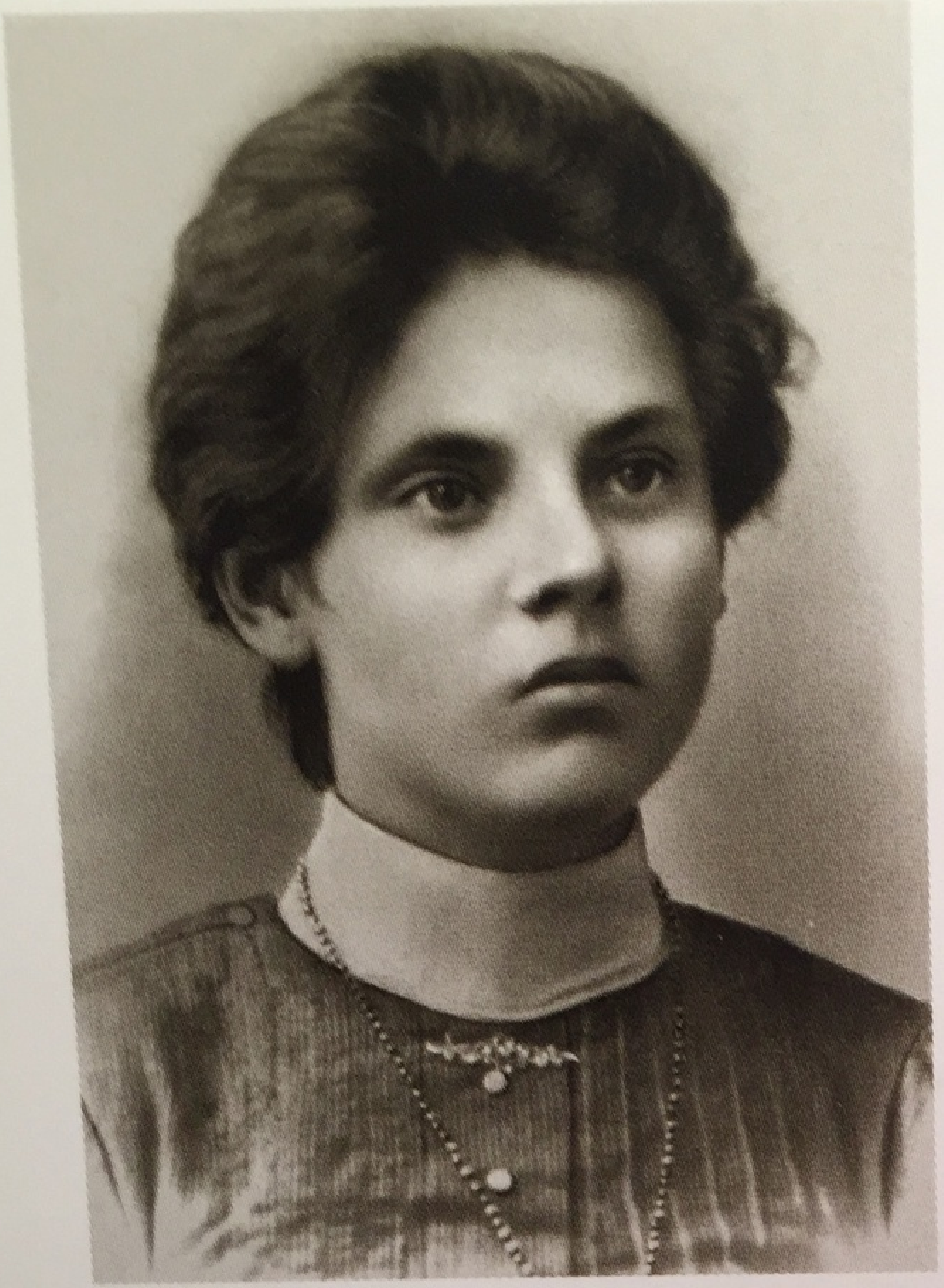
— Нет, мы просто еще не созрели для того, чтобы брать на себя ответственность за государство, — говорил Владимир Семичастный. — Рядом с Микояном, Подгорным, Сусловым мы были комсомольцами в коротких штанишках. Нам на что-то претендовать было смешно...

Но в Москве шли разговоры о том, что Шелепин и его друзья уже составили некий теневой кабинет министров, распределили должности. Полянский во время сессии Верховного Совета ернически спросил Месяцева:

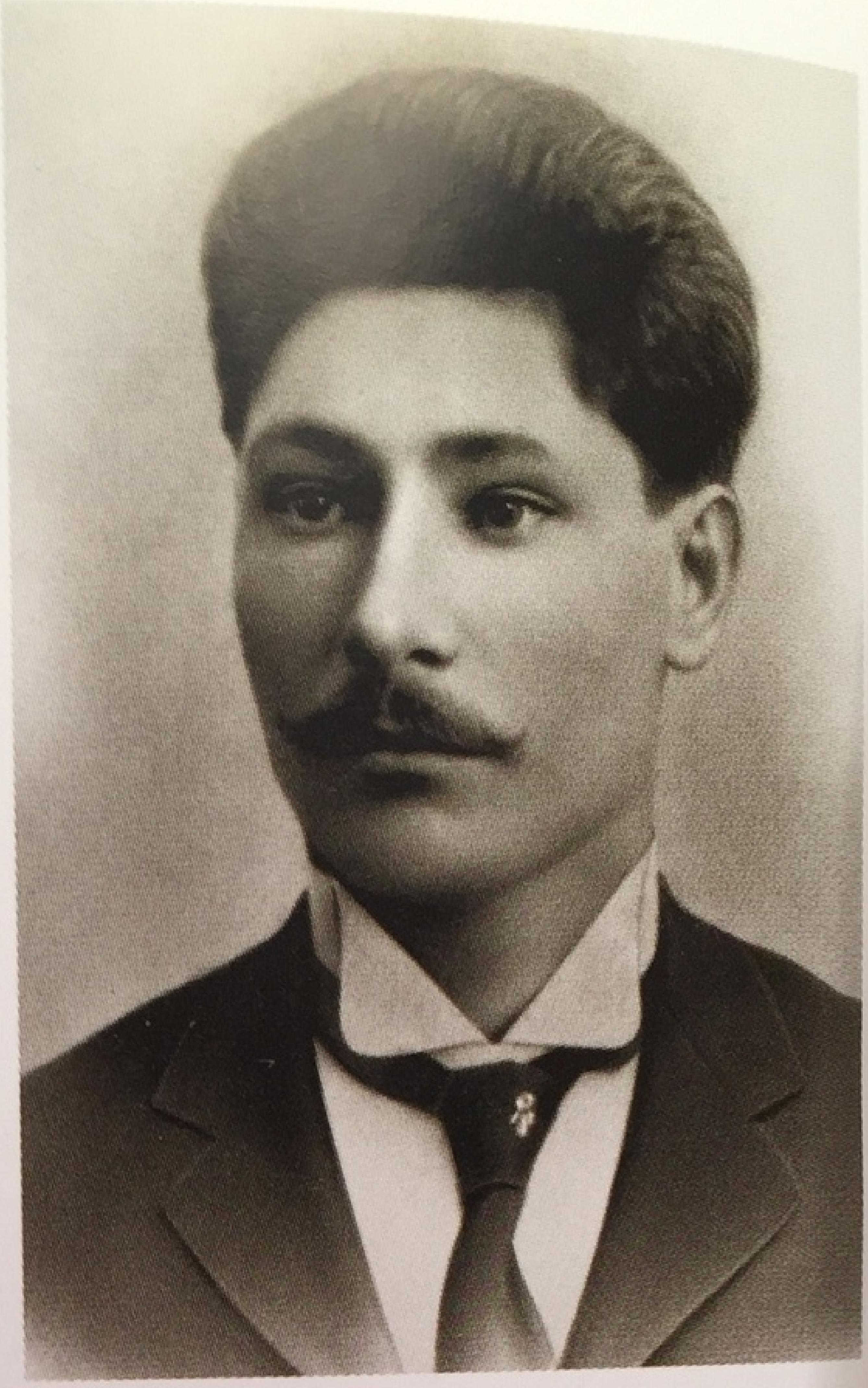
— Ну, как дела, член теневого кабинета?



ЛБрежнев

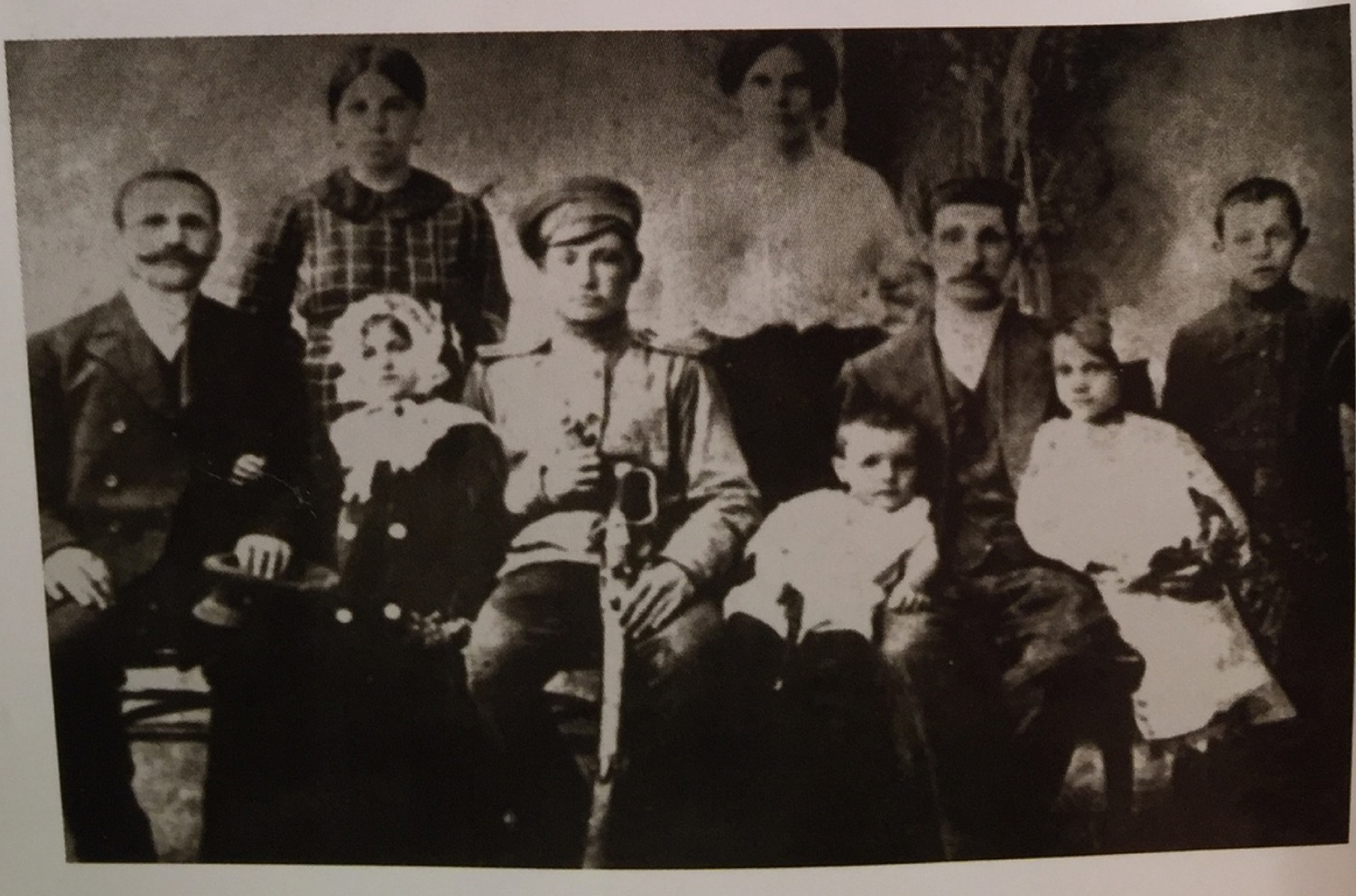


Наталья Денисовна Брежнева — мать Леонида Ильича



Илья Яковлевич Брежнев — отец Леонида Ильича

Семья Брежневых. Справа налево: гимназист Леонид, сестра Вера, брат Яков, отец Илья Яковлевич и мать Наталья Денисовна



Л. И. Брежнев. *1933 г.*

Л. И. Брежнев с женой Викторией. *1927 г.*

Л. И. Брежнев — курсант Забайкальской бронетанковой школы. *1936 г.*

Среди товарищей-курсантов. В первом ряду — крайний справа

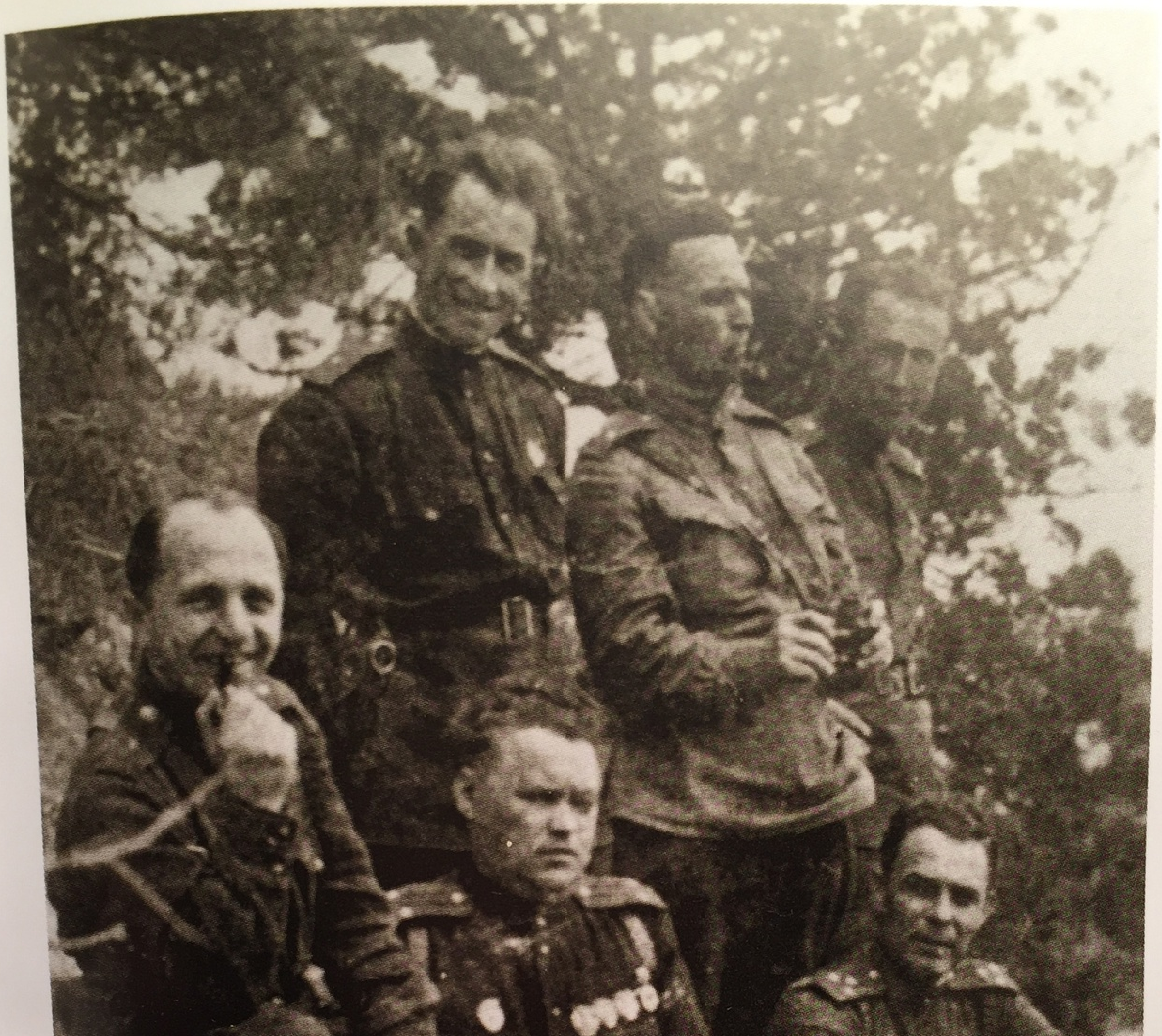
Дети Л. И. Брежнева —
Галя и Юра. *Алма-Ата. 1942 г.*

Бригадный комиссар
Л. И. Брежнев. *1942 г.*

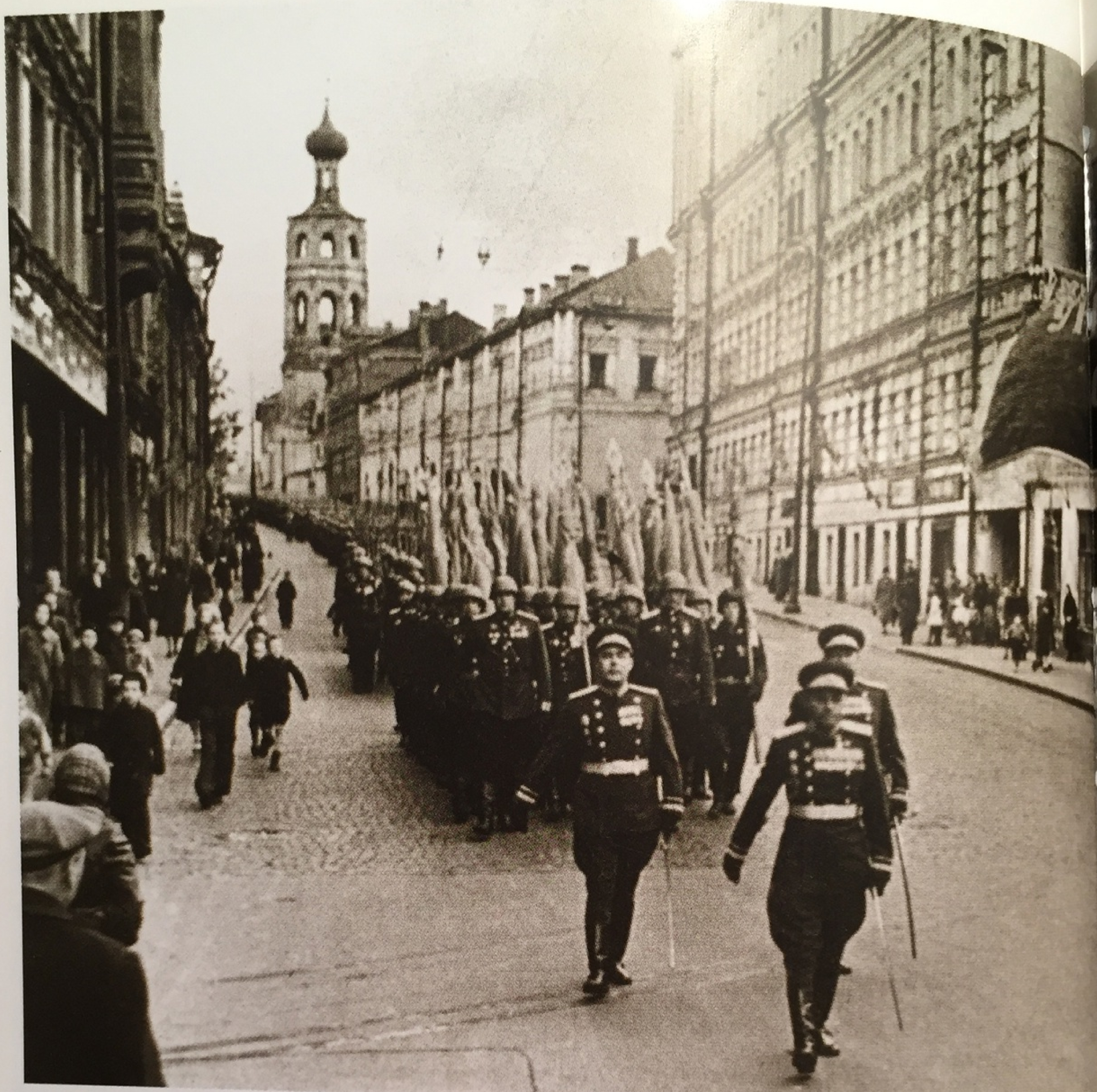
Л. И. Брежнев в госпитале после вручения ему ордена
Боевого Красного Знамени. *Южный фронт. 1941 г.*

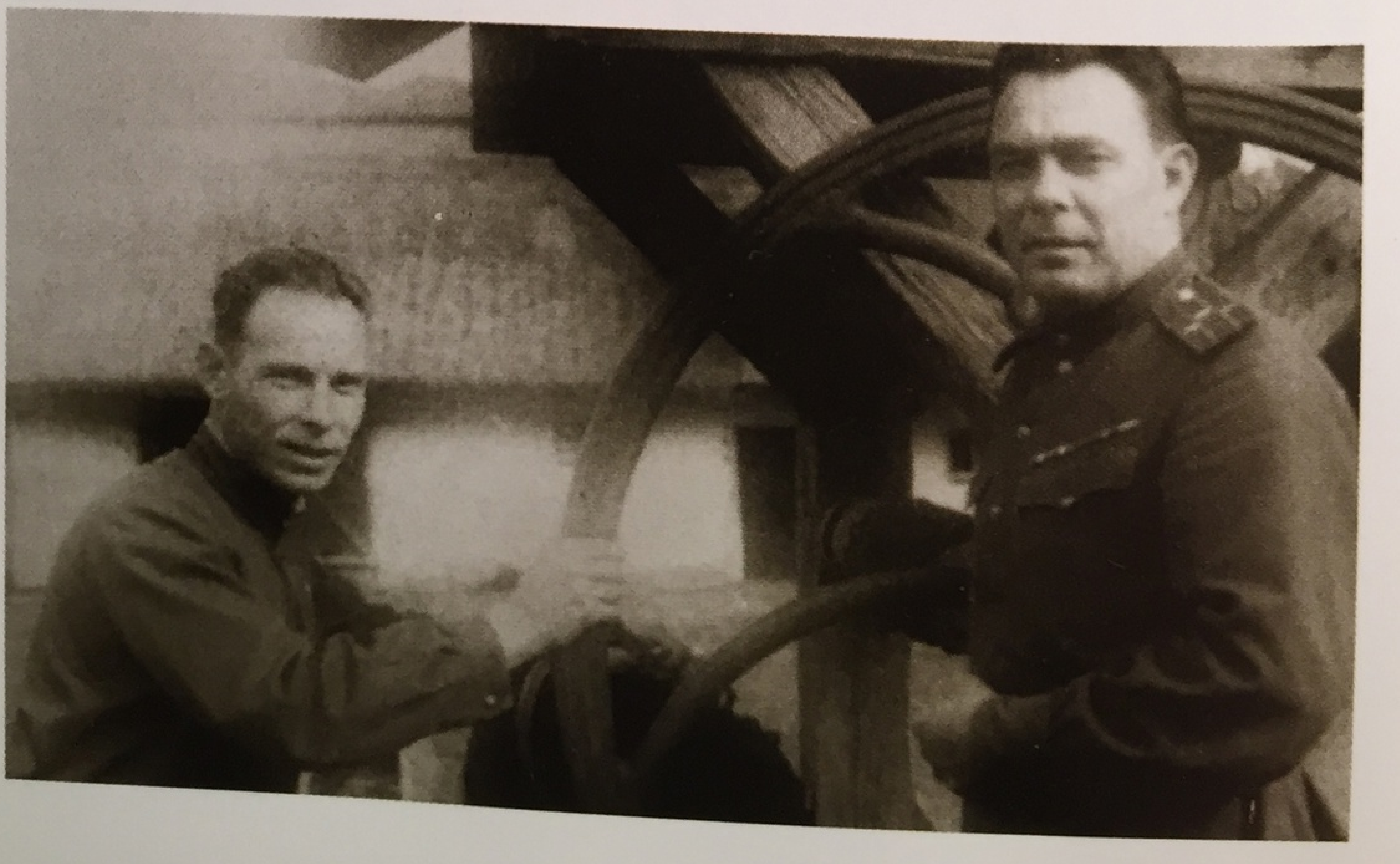
Бригадный комиссар Л. И. Брежнев беседует с солдатами перед боем. *1942 г.*

Л. И. Брежнев среди однополчан. *1943 г.*



Начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев с группой политработников. *Малая Земля. 1943 г.*





ДИНСКИ
ФРОНТ

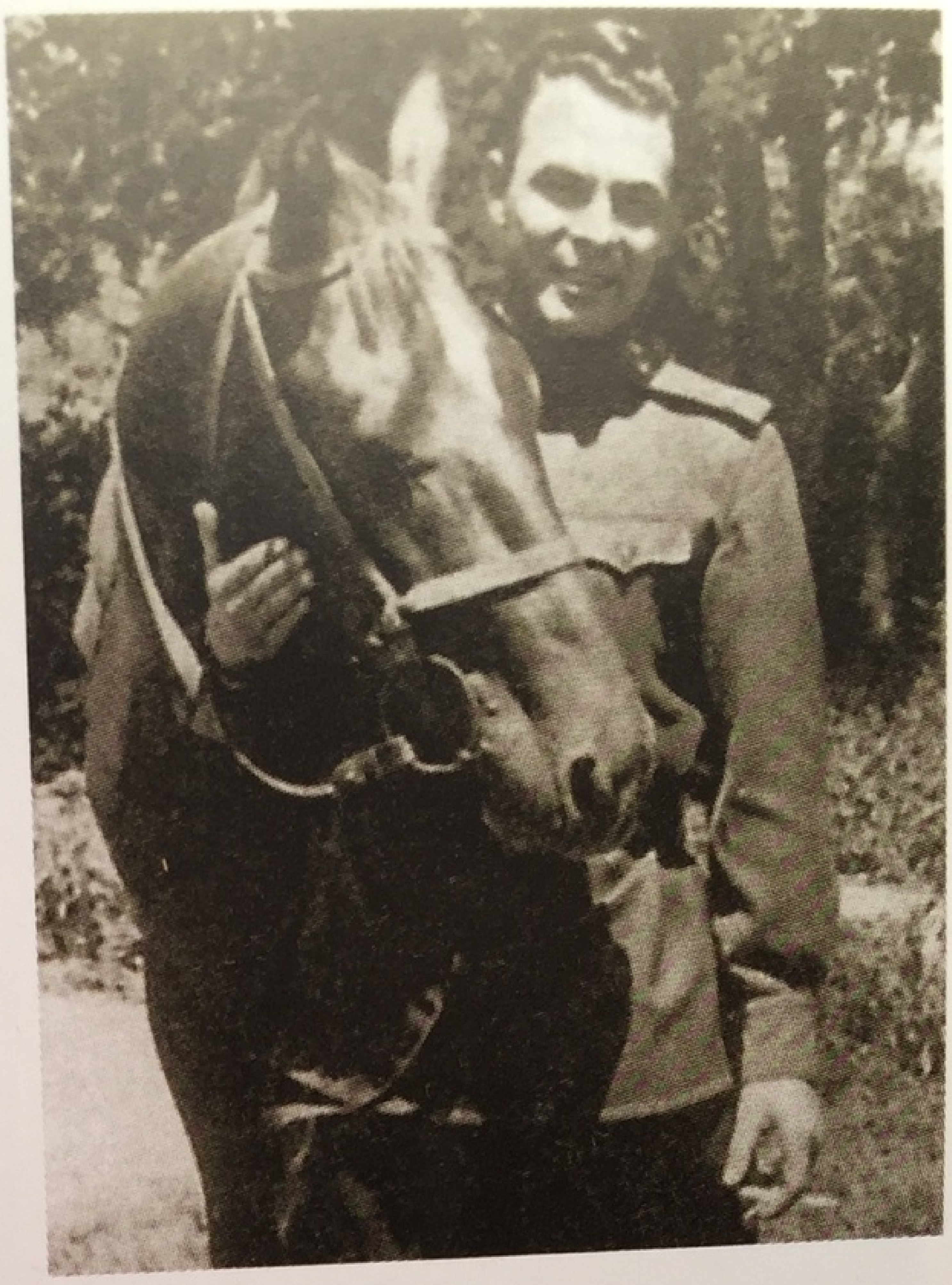
Комиссар с
генерал-май
(слева). 24

Братья Ле
и Яков Бр
Карпаты.

Автопорт
фотоапп
Флекс

РАИНСКИЙ
ФРОНТ

Комиссар сводного полка генерал-майор Л. И. Брежнев (слева). *24 июня 1945 г.*

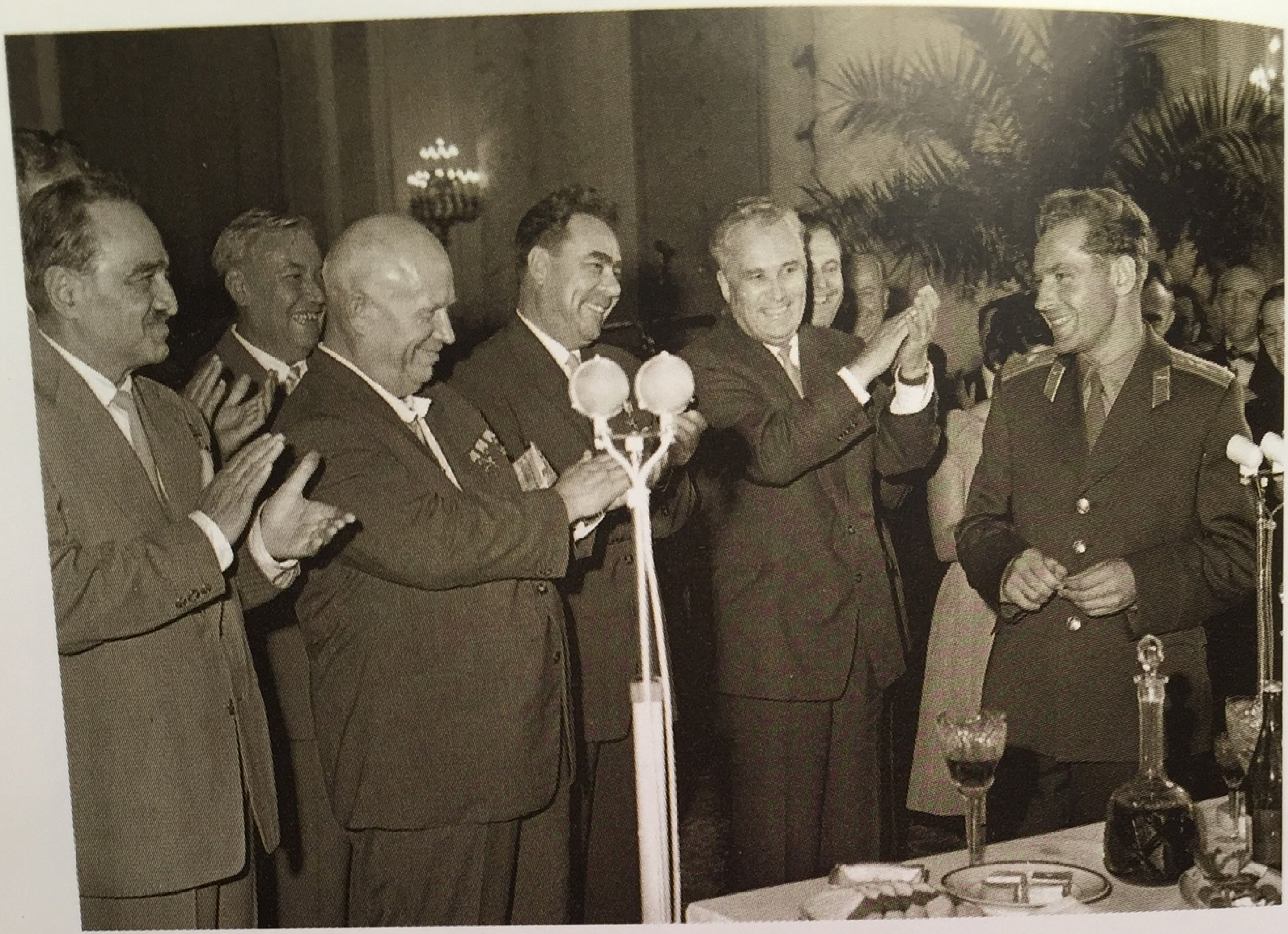


Л. И. Брежнев с любимым конем по кличке Дончак. *Геленджик. 1943 г.*

Братья Леонид и Яков Брежневы. *Карпаты. Октябрь 1944 г.*

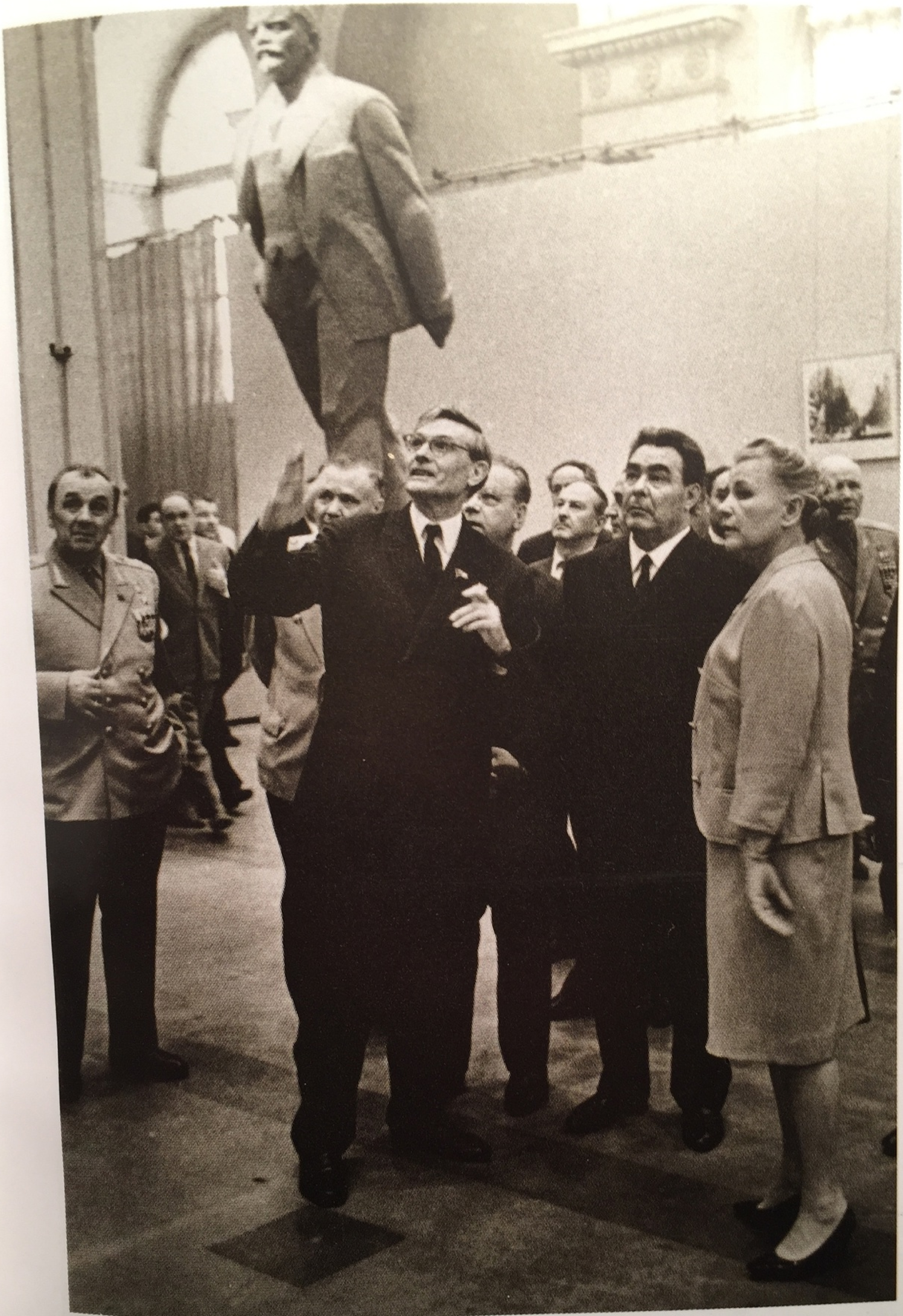
◀

Автопортрет, сделанный фотоаппаратом «Роллей-Флекс» в годы войны



Прием в Кремле в честь второго космонавта СССР Германа Титова.
9 августа 1961 г.

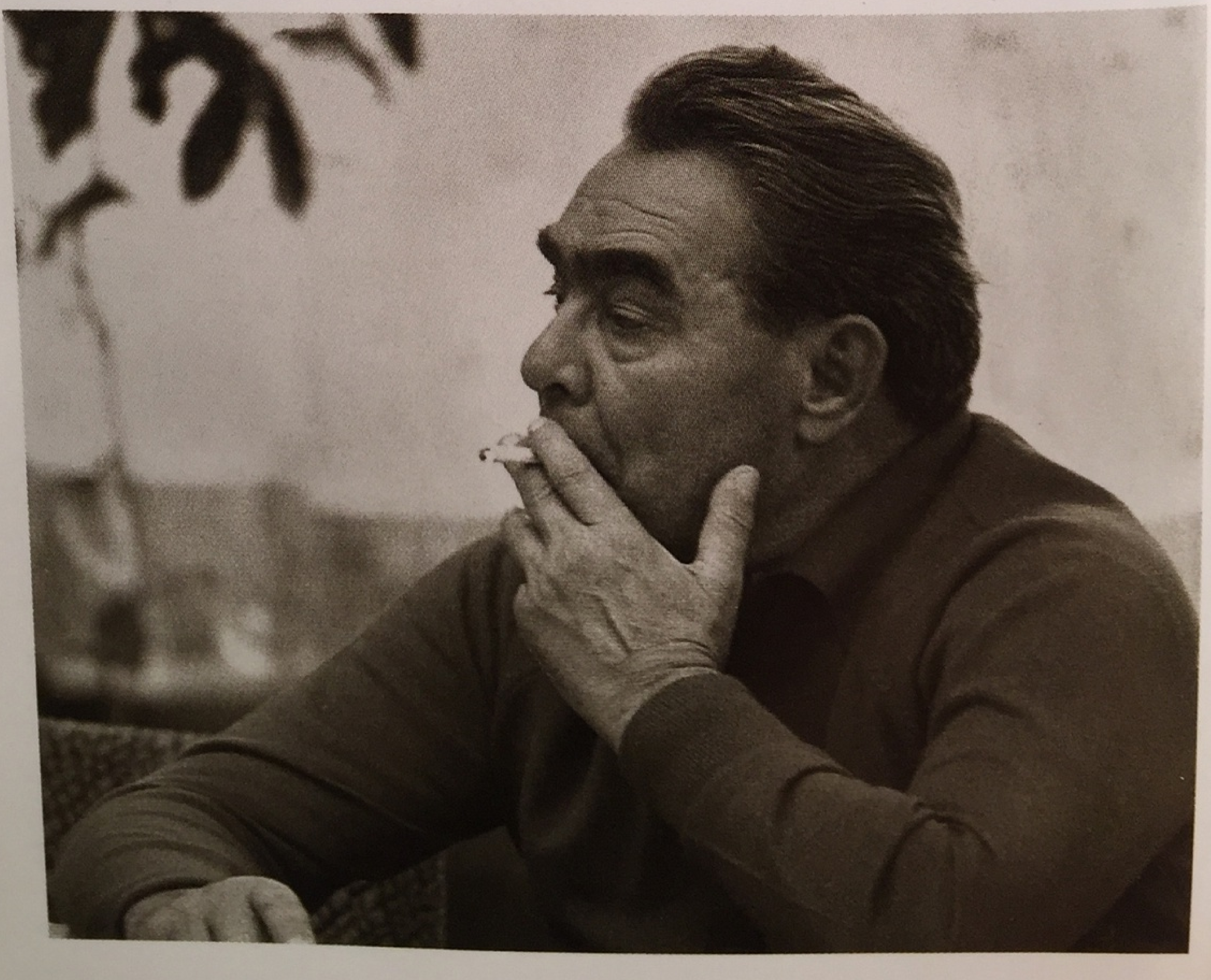
Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.
1964 г.

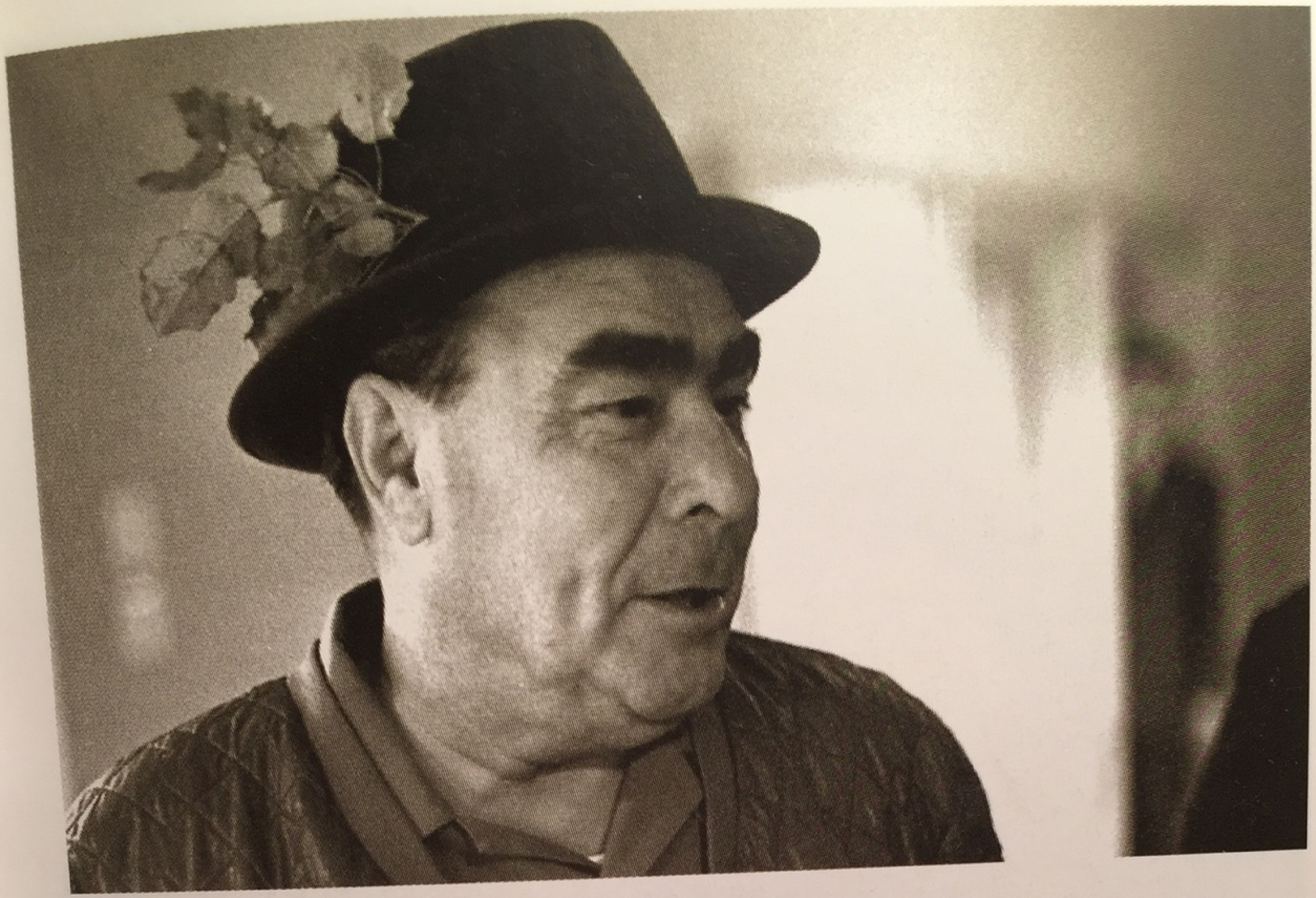


Л. И. Брежнев, М. А. Суслов и министр культуры Е. А. Фурцева
осматривают выставку конкурсных проектов
памятника В. И. Ленину в Кремле. *1967 г.*

В Подмосковье. *1969 г.*

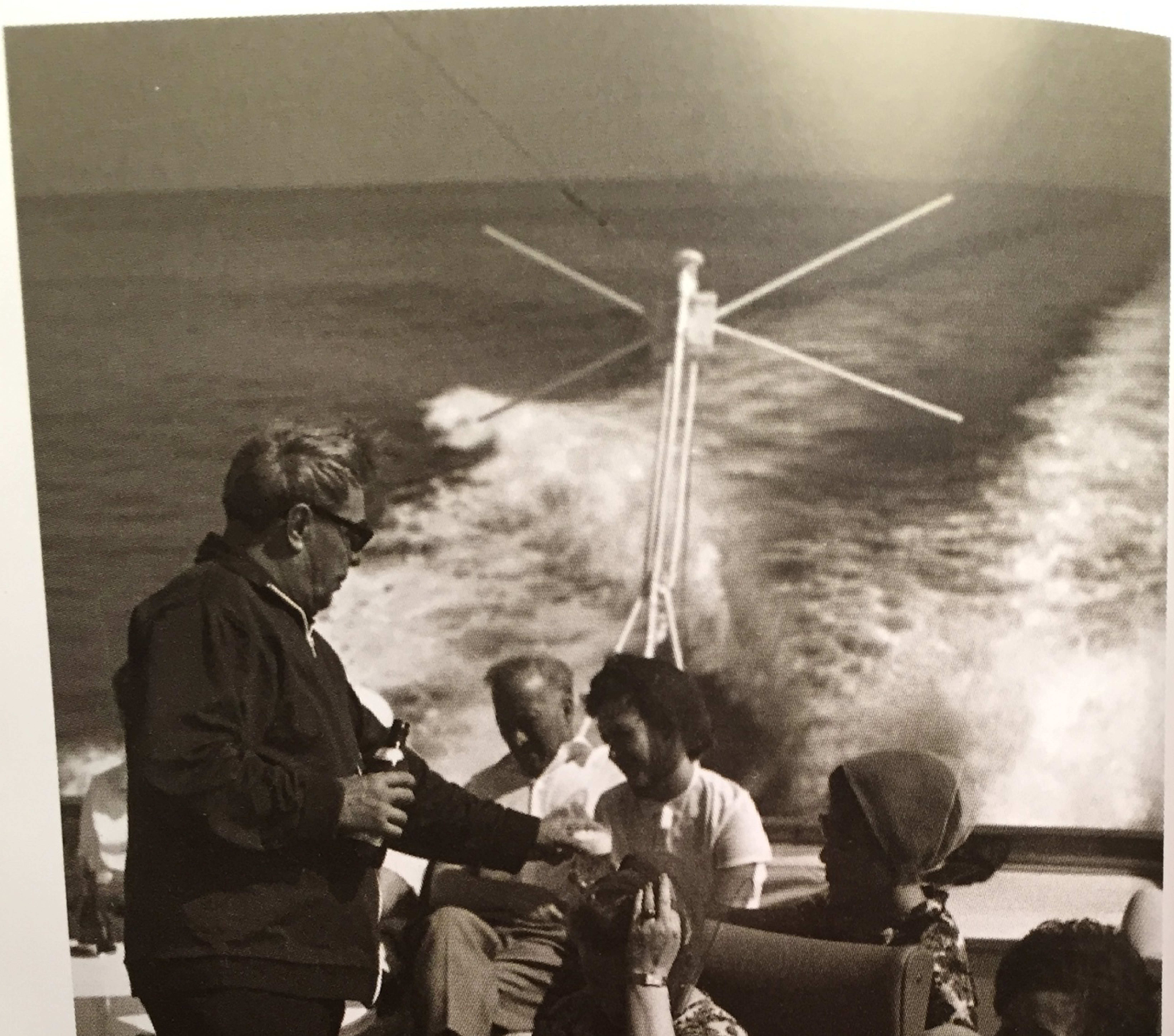
С сигаретой «Новость». *Завидово. 1971 г.*





После удачной охоты

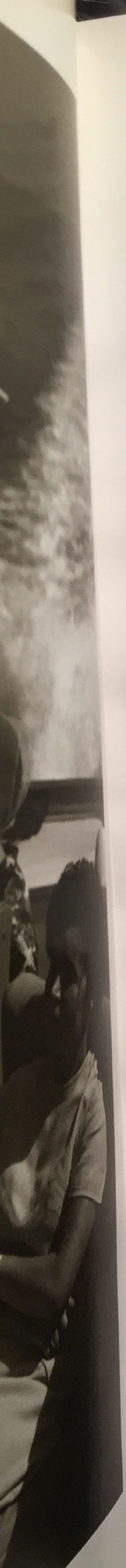
Леонид Ильич с Викторией Петровной и внуком Андреем.
Государственная дача «Заречье». Май 1971 г.



Л. И. Брежнев «обслуживает» свою обслугу — официантов, секретарей, стюардесс, врачей, помощников. *Крым. Ореанда. 1971 г.*

Виктория
Петровна
с дочерью
Галиной.
*Санаторий
«Барвиха».
1976 г.*

Виктория
Петровна
и Леонид Ильич
с правнучкой
Галей.
*Дача «Заречье».
1973 г.*



*циантов,
Ореанда. 1971 г.*

Л. И. Брежнев подписывает партийный билет № 1
В. И. Ульянову-Ленину

Месяцев был тогда председателем Государственного комитета по телевидению и радиовещанию.

Считается, что даже будущий член политбюро и академик Александр Николаевич Яковлев принадлежал к команде Шелепина. Я спросил Яковлева: действительно ли его планировали назначить на высокий пост, если бы к власти пришел Шелепин?

— Это полнейшая чепуха, — ответил Александр Николаевич. — Когда стали разбираться с этой молодежной группой, у них вроде бы действительно какой-то список нашли. Якобы в одном списке была и моя фамилия. Но я-то тут при чем? Мне что-то импонировало, например, выступления Шелепина против привилегий. Что я Шелепину симпатизировал, не скажу, что я к нему относился отрицательно, тоже не скажу.

— Так существовал ли комсомольский заговор против Брежнева?

— Я думаю, это миф, — сказал Александр Яковлев. — По пьяной лавочке где-то что-то сказали. Но кто у нас по пьяной лавочке групп не создает? Протрезвеют, а группы нет.

А мог все-таки Александр Шелепин стать первым человеком в стране?

Его слабым местом считалось отсутствие опыта практической работы. Из комсомола он перешел сразу в КГБ, а затем в ЦК. Он никогда не руководил каким-то регионом, не занимался вопросами народного хозяйства.

С одной стороны, Александр Николаевич не был своим для первых секретарей обкомов. Говорят, они бы его не поддержали. С другой стороны, в областях и краях многие партийные руководители были выходцами из комсомола. Они с уважением относились к Шелепину. Он был самым молодым членом политбюро и, возможно, самым умным. Так что у него был шанс стать первым.

У Шелепина было сложное отношение к Сталину. На посту председателя КГБ он многое сделал для реабилитации незаконно осужденных. Он безусловно осуждал репрессии 1937 года. Но за остальное, по мнению Шелепина, особенно за победу над Германией, Сталин заслуживал глубокого уважения. В этом он радикально расходился с Хрущевым.

— Александр Николаевич был своего рода сталинистом, — говорил мне Леонид Замятин. — Получилось, что Хрущев, когда начал борьбу со сталинизмом, оперся на человека, который был против самого Хрущева.

А Александр Яковлев считал:

— Он был прожженный сталинист, андроповского типа, может быть, даже жестче. Он говорил: начинать обновление надо с партии, чтобы аппарат вел себя прилично. Мне нравилось, что он говорил о привилегиях как о заболевании партийно-государственного аппарата...

Валерий Харазов рассказывал:

— Саша переезжал с квартиры на квартиру. Однажды ему делали ремонт. Он спросил, сколько стоит ремонт. Ему принесли документы. Он их просмотрел и дал денег своему помощнику, чтобы тот заплатил. Об этом узнали его коллеги. Не бывало еще такого! Члены политбюро обиделись: в какое положение их поставил Шелепин! Что же, и им теперь за все платить? Не привыкли.

Шелепин настаивал на том, чтобы в партийных документах акцентировался классовый подход, требовал давать отпор империализму и добиваться взаимопонимания с маоистским Китаем. Интеллигенция и даже часть аппарата ЦК боялись его прихода, считая, что это станет возвращением к сталинским порядкам.

Шелепин (да и Семичастный) с его характером и решительностью внушал опасения не только Брежневу, но и многим высшим чиновникам, вцепившимся в свои кресла. Им куда больше нравился Леонид Ильич с его основополагающим принципом: живи и давай жить другим. Александр Николаевич совершил тактическую ошибку, настроив против себя других членов президиума ЦК.

— Когда Шелепин стал членом президиума, он не взял охрану, — рассказывал Владимир Семичастный. — Брежнев меня спросил: почему Шелепин без охраны ездит? Я говорю: он же отказывается от охраны. Пусть скажет, я ему завтра хоть взвод поставлю. Тут Шелепин встает и говорит: «Леонид Ильич, а зачем нас охранять? Я считаю, что нужно охранять троих — первого секретаря, председателя президиума Верховного Совета и главу правительства. А нас-то чего охранять? От кого?»

Заодно Шелепин выступил против «иконостасов». Он сказал, что ему стыдно, когда во время демонстрации он стоит на мавзолее, а рабочие несут его портрет. Зачем повсюду выставлять портреты вождей?

Члены президиума ЦК замолкли. Но тут вмешался Суслов:

— Это традиция такая. В этом проявляется авторитет партии. Нас не поймут, если отменим.

На этом обсуждение вопроса закончилось.

Председатель КГБ Семичастный встал:

— Ну, так как, ставить Шелепину охрану?

Шелепин махнул рукой:

— Ставь...

Александр Николаевич высказался также против того, чтобы члены политбюро сами себя награждали орденами. Ну, тут уж он задел товарищей за живое...

— На политбюро он выступил за пересмотр всей системы привилегий для начальства, — рассказывал Вячеслав Кочемасов. — Речь шла и о зарплате, и о дачах, и о специальном питании, машинах, охране. Он говорил категорично, убежденно. Воцарилось молчание. Никто не берет слово. Наконец Подгорный говорит: «Ну, вот Саша у нас народник, придумал все...» Члены политбюро с облегчением заулыбались и все его предложения благополучно похоронили...

Чем же Брежнев был лучше Шелепина? У Брежнева была завидная биография — работал на заводе, воевал, прошел целину, был первым секретарем обкома, первым секретарем в Молдавии, в Казахстане. Он наладил хорошие отношения с военными и промышленниками. Это имело значение.

А у Шелепина в послужном списке — комсомол, КГБ и Комитет партийно-государственного контроля. Это не те должности, которые прибавляют друзей. Партийного контроля боялись больше, чем КГБ. Шелепин был с характером: строгий, по долгу службы суровый. А рядом улыбающийся симпатичный Леонид Брежнев, который умел ладить с людьми.

Николай Месяцев говорил:

— Молодой Брежнев уважительно относился к людям, добрый, умный, красивый парень. Не только женщины от любви к нему трещали по всем швам, но и мужчины в него влюблялись.

Но когда Брежнев почувствовал, что такое власть, он стал другим человеком. Слаще власти ничего нет и быть не может.

Брежневу не хватало образования, но он был искушенным политическим бойцом и мастером аппаратной интриги. Его недооценили. У Брежнева было чутье на людей. Он ясно понимал, кто за него, а кто против.

Александр Яковлев, который при Брежневе руководил отделом пропаганды ЦК, сформулировал это короче:

— Малообразован. Злопамятен. Лишен каких-либо талантов, кроме одного — обладал почти безошибочным чутьем на личных сторонников и противников.

Николай Егорычев вспоминал:

— Мы были с ним предельно откровенны. У меня с Леонидом Ильичом было много разговоров. Он все знал о моих настроениях. И когда пришел к власти, он уже знал, с кем ему не по пути. Делал вид, что хорошо к нам относится, а в душе был готов с нами распрощаться. Нам пришлось очень трудно...

Устранением Шелепина и его команды занялось брежневское окружение.

— Там были крупные мастера закулисной игры, знатоки кадровой кухни, — рассказывал Николай Месяцев. — Зайдешь в кабинет — стол совершенно пустой, ни одной бумаги, будто нет в государстве дел. А они по телефону орудуют: этого надо убрать, того назначить, третьего загнать куда-нибудь подальше. Действовали Суслов и Кириленко — это костолом был такой, что будь здоров. Вот они постепенно и вытащили из-под Шелепина все властные структуры...

Брежнев понимал, что должность председателя Комитета партийно-государственного контроля дает Шелепину слишком большую власть. 6 декабря 1965 года на пленуме ЦК Брежнев поставил вопрос о преобразовании комитета:

— Сейчас органы контроля называются органами партийно-государственного контроля. Это не совсем точное название. Оно недостаточно полно отражает тот факт, что контроль в нашей стране является народным. Поэтому будет правильным преобразовать эти органы и назвать их органами народного контроля...

Это был ловкий демагогический ход. Кто решился бы возразить Леониду Ильичу?

— Не вызывает ли это сомнений у членов ЦК? — спросил Брежнев на пленуме.

В зале раздались голоса:

— Все ясно.

— Кто желает выступить по этому вопросу?

Желающих не нашлось. Единогласно проголосовали за преобразование комитета. Пугавший Брежнева центр силы исчез.

— Товарищи, — продолжал Леонид Ильич, — мы считаем, что председатель Комитета народного контроля не должен быть по положению секретарем ЦК и заместителем председателя Совета министров.

Зал согласился.

— В связи с этим, — изящно завершил Брежнев свою интригу, — не имеется в виду оставлять товарища Шелепина председателем Комитета народного контроля. Товарищ Шелепин будет работать секретарем ЦК. Вопрос об освобождении его от обязанностей заместителя председателя

Совета министров СССР будет решать сессия Верховного Совета, которая завтра начнет свою работу. Это правильно, товарищи?

Зал поддержал Брежнева.

Александр Николаевич Шелепин утратил полномочия, которые делали его одной из самых влиятельных фигур в стране.

Назначение Щелокова, или Проба сил

На XXIII съезде партии Брежнев предстал в роли первого человека.

Накануне, как положено, провели пленум ЦК. 27 марта 1966 года Александр Твардовский записал в дневнике: «Вчерашний пленум. Впечатление серости, словесности, отсутствия воодушевления, вопреки словесному благополучию».

Первый брежневский съезд после ярких хрущевских показался на редкость блеклым и серым. Такими будут все съезды при Брежневе. Никаких резких шагов.

Доклад с одним перерывом продолжался почти пять часов. В те годы Леонид Ильич легко справлялся с такой нагрузкой.

Сразу после отчетного доклада предоставили слово первому секретарю Московского горкома Николаю Григорьевичу Егорычеву. Он предложил восстановить в партии пост генерального секретаря и политбюро (на XIX съезде в 1952 году, при Сталине, было решено переименовать политбюро в президиум). Это было приятно Леониду Ильичу. Ему хотелось называться генеральным секретарем. Да и вообще после съезда, став легитимным руководителем партии, он почувствовал себя увереннее. Но не спешил утверждать себя единоличным хозяином.

4 апреля 1966 года Брежневу положили на стол донесение председателя КГБ Семичастного об откликах творческой интеллигенции на работу съезда. Характерно, на чем сделал акцент Семичастный, понимая, что это доставит генсеку удовольствие:

«Многие писатели и работники искусств одобряют деятельность ЦК КПСС, ход работы съезда, положительно отзываются об отчетном докладе, отмечается его деловой характер, отсутствие сенсаций, реалистический и конструктивный подход к решению внутренних и международных проблем. Многим импонирует спокойная и в целом положительная оценка деятельности творческой интеллигенции».

Держась поначалу на равных с другими членами высшего партийного руководства, Брежнев сталкивался с определенными трудностями. С ним не всегда соглашались, особенно в кадровых вопросах.

Из-за некоторых своих ставленников ему приходилось вести настоящие бои с коллегами по политбюро. Труднее всего оказалось забрать из Молдавии в Москву старого товарища Николая Анисимовича Щелокова.

Когда Хрущев в 1957 году затеял децентрализацию системы управления экономикой и разгонял отраслевые министерства, Щелоков получил пост председателя Молдавского совнархоза. Когда страну возглавил Брежнев и хрущевские нововведения упразднили, Николай Анисимович вернулся на прежний пост первого заместителя председателя Совета министров Молдавии. Казалось, он так и останется на хозяйственной работе.

Но Леонид Ильич не забывал своих людей. В марте 1966 года Щелоков получил первое за пятнадцать лет и принципиально важное повышение — вернулся с хозяйственной работы на партийную: его избрали вторым секретарем ЦК компартии Молдавии. Он занимал эту должность всего несколько месяцев. Брежнев решил назначить его союзным министром охраны общественного порядка.

Но в политбюро были люди, которые тоже пытались продвигать своих людей. Против назначения Щелокова министром решительно возражал Шелепин. Друг и соратник Шелепина председатель КГБ Семичастный в политбюро не входил, но влияние имел большое. Он отговаривал Брежнева назначать Щелокова министром.

Семичастный говорил потом, что они с Шелепиным предупреждали Брежнева: Щелоков — человек недостойный, коррумпированный. Хотя едва ли в 1966 году было известно что-то порочащее Николая Анисимовича.

В газетном интервью Семичастный рассказывал:

— Щелокова я знал еще по Украине. Когда я был секретарем ЦК комсомола Украины, он был завотделом легкой и местной промышленности ЦК партии... Потом я узнал, каким дельцом он был: еще во время войны подвизался в интендантах, занимался тылом. Потом оставил семью, связался с медсестрой, его освободили от должности, но тут же его подобрал Брежнев и взял к себе в ЦК компартии Молдавии...

В действительности Шелепин и Семичастный выступали против Щелокова, потому что хотели сохранить на посту министра своего человека — Вадима Тикунова.

Семичастный убеждал Брежнева:

— Тикунов — готовый министр, подходит по всем параметрам, зачем вам другой человек?

Видя сопротивление Шелепина и Семичастного, Брежнев отозвал проект решения политбюро о назначении Щелокова. Он не отказался от этой кандидатуры, а стал готовить почву для назначения — подолгу беседовал с членами политбюро, искал их поддержки.

Это была проба сил.

В январе 1960 года Хрущев упразднил союзное Министерство внутренних дел, решив, что вполне достаточно иметь республиканские министерства. В 1962 году республиканские МВД были переименованы в министерства охраны общественного порядка. Для Хрущева аббревиатура МВД ассоциировалась с Берией, и он хотел перевернуть эту страницу истории.

Вадим Степанович Тикунов, генерал внутренней службы второго ранга, окончил Алма-Атинский юридический институт — единственный юрист среди всех министров внутренних дел с 1917 года. Тикунов работал в комсомоле и в административном отделе ЦК, который курировал все силовые ведомства. Когда Александр Шелепин в 1959 году стал председателем КГБ, то взял себе Тикунова замом, а уходя в 1961-м, добился назначения Вадима Степановича на пост министра внутренних дел России.

Тикунов жаловался тогда начальнику Седьмого управления КГБ Виктору Алидину:

— Очень не хочется идти на работу в систему МВД, но Шелепин настаивает, говорит, что эту должность может занять Серов. А он нам совсем не подходит.

Генерал армии Иван Александрович Серов был человеком Хрущева. В то время он возглавлял военную разведку, но Шелепин, видно, опасался, что Хрущев сделает его министром.

Тикунов оставил о себе хорошую память среди профессионалов. Он добился у правительства разрешения работникам милиции бесплатно пользоваться городским и пригородным транспортом. По его предложению каждый год 10 ноября стали отмечать День милиции. На первом празднике выступил с речью Никита Сергеевич Хрущев.

Тикунова сделали кандидатом в члены ЦК, избрали депутатом Верховного Совета СССР, дали ему орден Ленина. Все это сулило продолжение удачной карьеры.

В июле 1966 года Брежнев поставил вопрос о воссоздании союзного Министерства охраны общественного порядка. Против выступил глава правительства России Геннадий

Иванович Воронов. Он не хотел терять такое важное министерство. Его поддержал Косыгин. Вопрос отложили. Воронов уехал в Муром. Ему туда позвонил Брежнев:

— Слушай, все уже «за». Один ты остался.

Пришлось Воронову согласиться.

— Кого будем назначать министром? — для порядка спросил Брежнев.

— Тикунова, — Воронов хотел сохранить на важной должности своего министра.

— Принято, — сказал Брежнев.

Он выигрывал эту битву по частям.

Вадим Тикунов уже принимал поздравления. Но политбюро еще не вынесло своего решения.

Брежнев позвал Воронова поохотиться в Завидово. Поехали Полянский, Громыко, Гречко. Они выпили.

— Ну, кого ты хочешь министром внутренних дел? — вновь спросил Воронова Брежнев.

Тот понял, что кандидатура Тикунова отпала.

— Да возьми любого партийного работника, — предложил он. — Да хоть Школьникова.

Школьников тогда был первым замом у Воронова.

— Надеть на него милицейскую форму — замечательный министр получится.

Брежнев покачал головой:

— Я хочу своего министра.

Сын Николая Анисимовича Щелокова Игорь поступил в МГИМО, главный вуз детей советской элиты. Он приехал из Кишинева с опозданием, и ему в институтской библиотеке не хватило учебника «Зарубежная география». Он пожаловался матери. Та посоветовала:

— Позвони Виктории Петровне, попроси ее помочь.

Жена Брежнева успокоила Игоря Щелокова:

— Не волнуйся, я скажу Шуре, он найдет учебник.

Шура — это начальник личной охраны Брежнева Александр Яковлевич Рябенко. Студенту Щелокову прислали учебник с фельдъегерем, который развозил документы государственной важности высшим чиновникам страны...

В сентябре 1966 года Брежнев пригласил Вадима Тикунова в ЦК для разговора. Генерального секретаря интересовали два вопроса. Способна ли милиция вмешаться в политическую жизнь? И насколько милиция взаимодействует с КГБ (госбезопасностью тогда еще руководил Владимир Семичастный)?

Тикунов твердо ответил, что милиция не способна на авантюризм. Даже если бы нашлись отдельные личности, готовые толкнуть ее на это, милиция бы на это не пошла. А с КГБ министерство взаимодействует не так уж часто — во время массовых мероприятий и в борьбе с валютчиками.

Брежнев сказал, что есть мнение назначить министром свежего человека, и назвал имя: Николай Анисимович Щелоков, второй секретарь ЦК компартии Молдавии. Брежнев высоко отозвался о Щелокове, а Тикунову предложил остаться в союзном МВД первым замом.

Тикунов не мог спорить с генеральным секретарем и согласился. Но Брежнев не собирался оставлять шелепинского человека даже на второй по значению должности в МВД.

Шли месяцы, а Тикунов не получал назначения. Он сидел без дела в министерстве, названивал в отдел административных органов ЦК: что происходит? Ему отвечали: не торопись, подожди, все решится. Потом ему неожиданно предложили место заместителя председателя Комитета народного контроля. Это было теперь второразрядное ведомство, и Тикунов отказался. Он стал добиваться приема у генерального секретаря.

Брежнев принял его, сказал, что в МВД ему нет смысла возвращаться, и предложил работу в отделе кадров дипломатических и внешнеторговых органов (отдел заграничных кадров) ЦК КПСС. Через два года Тикунова отправили советником-посланником в Румынию. Должность была невысокая, но бывшего министра снова принял Брежнев — оказал внимание. Леонид Ильич действовал по принципу: ни с кем без нужды не ссориться.

Тикунов прекрасно понимал, что сломало ему карьеру, и в разговоре с генеральным пытался объясниться, говорил, что его отношения с Шелепиным и бывшими комсомольцами не носят политического характера. Они просто друзья. Не может же он с ними ни с того ни с сего порвать отношения?

Брежнев ни на чем не настаивал.

После Румынии Тикунова сделали послом — в Верхней Вольте, потом в Буркина-Фасо, в Камеруне. Эти небольшие африканские государства практически не интересовали советскую внешнюю политику, и работа там была просто ссылкой. К тому же в этих странах тяжелый климат. Умер Вадим Степанович Тикунов в пятьдесят девять лет...

Николай Анисимович Щелоков проработал министром внутренних дел шестнадцать лет — это абсолютный рекорд для МВД.

Смена председателя КГБ

После отставки Хрущева на пленуме председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный был переведен из кандидатов в члены ЦК КПСС. Его поздравляли, ему завидовали. Но в реальности он ступил на лестницу, ведущую вниз.

Когда Хрущева убрали, Семичастный позаботился о своих подчиненных — более семидесяти чекистов получили генеральские звания. И сотни сотрудников КГБ удостоились орденов и медалей. Брежнев знал, что с людьми в погонах надо ладить, и звездочек не жалел.

Тогда и самого председателя КГБ, никогда не служившего в армии и вообще не военнообязанного (по причине порока сердца), произвели сразу в генералы.

Владимир Ефимович Семичастный родился в Днепропетровской области, но к днепропетровскому клану никогда не принадлежал.

— На посту председателя КГБ мне открылись секреты взаимоотношений в высшем эшелоне власти, — рассказывал Семичастный. — Я и не знал раньше, где какой клан, землячество, из какого хутора кадры подбираются. А тут начинаешь обращать внимание, почему у председателя Совета министров Косыгина пять заместителей из Днепропетровска, откуда и сам Брежнев. Тут уж понимаешь, с кем и как себя вести.

Придя к власти, Брежнев стал подумывать о смене председателя КГБ. Семичастный, понимая важность своей позиции, не хотел уходить, хотя Леонид Ильич ему довольно прозрачно намекал, что нужно освободить кресло на Лубянке. Однажды он позвонил Семичастному:

— Володя, не пора ли тебе переходить в нашу когорту? Может, в ЦК переберешься?

Семичастный ответил:

— Рано еще. Я в КГБ всего три года. Думаю, надо повременить.

Больше Брежнев к этому предложению не возвращался, но дал Семичастному понять, что вопрос зреет.

В 1967 году Брежнев избавился сразу от трех сильных и самостоятельных фигур, которые его недолюбливали. В мае он снял Семичастного с должности председателя КГБ, в июне убрал Егорычева с поста первого секретаря Московского горкома КПСС, а в сентябре Шелепин перестал быть секретарем ЦК.

В принципе шелепинское окружение предупреждали, что готовится расправа. Один известный певец пришел к Николаю Месяцеву, вывел его будто бы погулять и на улице подружески рассказал, что накануне пел на даче у члена политбюро Андрея Павловича Кириленко, очень близкого к Брежневу. И случайно услышал, как Кириленко кому-то говорил:

— Мы всех этих молодых загоним к чертовой матери.

Шелепинскую команду подслушивали, хотя Семичастный был председателем КГБ.

— Мне рассказали, что помимо той службы подслушивания, которая подчиняется Семичастному как председателю КГБ, есть еще особая служба, которая подслушивает и самого Семичастного, — говорил мне Николай Месяцев. — Я Владимиру Ефимовичу об этом сообщил. Он удивился: «Этого не может быть!» А я твержу: может...

7 марта 1967 года, когда в Москве готовились достойно отметить Международный женский день, дочь Сталина Светлана Иосифовна Аллилуева, которая находилась в Индии, пришла в американское посольство в Дели и попросила политического убежища. Ее немедленно вывезли в Италию, потом в Швейцарию, а оттуда уже доставили в Соединенные Штаты.

Брежнев сильно разозлился, но, хорошенько подумав, сообразил, что нет худа без добра. Бегство Светланы Аллилуевой оказалось удобным поводом избавиться от человека, которого он не хотел видеть рядом с собой, председателя КГБ.

Могли быть у Брежнева реальные основания сомневаться в лояльности чекистов?

Петр Шелест рассказал, что 5 декабря 1966 года он был в Тернопольской области. Поздно ночью к нему попросился на прием начальник областного Управления госбезопасности Л. Ступак. Доложил о ситуации в области, а потом перешел к главному, ради чего пришел. Он сообщил Шелесту, что в области побывала большая группа работников центрального аппарата КГБ. Московские чекисты, не стесняясь, говорили о Брежневе. По словам начальника областного управления, «москвичи Брежнева не любят и как государственного деятеля всерьез не принимают. Говорят, что он случайный человек, пришел к власти в результате дворцового переворота, потому что его поддержали доверчивые люди. Ни умом, ни организаторскими способностями не блещет, хозяйства не знает. Он интриган и артист, но не для большой сцены, а для провинциальных подмостков. Можно только удивляться, что человек с такими личными качествами оказался во главе ЦК КПСС...».

Шелест оказался в сложном положении. Сделать вид, что ничего не произошло, он не мог. Что мешало тому же Ступаку обратиться непосредственно к Брежневу и сообщить, что Шелест пытался скрыть эту историю? Самому идти с этим к Брежневу тоже рискованно: гонец с плохими вестями может поплатиться головой.

Петр Ефимович попросил начальника областного управления изложить все на бумаге. А сам по привычке обратился за советом к Подгорному. Тот ответил:

— Смотри сам, как поступить. Но имей в виду — тебя могут неправильно понять.

Тем не менее Шелест решил, что окажет новому хозяину большую услугу, если сообщит о настроениях в центральном аппарате госбезопасности. Подгорный передал Брежневу, что у Шелеста есть тема для разговора один на один.

Утром 8 декабря Шелесту позвонил Брежнев и просил завтра же утром быть у него, причем сказал, что высылает за ним самолет Ил-18, чего раньше не было.

— Ты, Петр Ефимович, вылетай пораньше, нам надо встретиться и поговорить до заседания политбюро, которое начнется в половине второго, — сказал Брежнев.

На следующий день в 12.30 Шелест был на Старой площади. Беседа с Брежневым была долгой. Сначала Шелест докладывал о положении в республике, но Брежнев слушал его рассеянно.

Тогда Шелест перешел к главному — пересказал разговор с начальником тернопольского Управления госбезопасности и передал написанный им рапорт. Брежнев его прочитал. Вид у Леонида Ильича был растерянный, губы посинели.

Он поинтересовался, кто еще об этом знает.

Шелест ответил, что никто, кроме Подгорного, которому изложил это дело без подробностей.

Владимир Ефимович Семичастный был обречен. Брежнев исходил из того, что офицеры госбезопасности никогда не позволят себе так откровенно высказываться о генеральном секретаре, если не знают, что таковы настроения руководителя ведомства.

19 мая 1967 года на заседании политбюро Семичастный был снят с поста председателя КГБ. Петр Шелест подробно описал эту сцену в своих воспоминаниях.

Перед заседанием политбюро Шелеста пригласил к себе Брежнев и сказал:

— Имей в виду, что сегодня мы будем решать вопрос об освобождении Семичастного от должности председателя КГБ.

Для Шелеста это было неожиданностью:

— А какая причина?

Брежнев хотел уклониться от разговора:

— Много есть поводов, позже все узнаешь. Я пригласил тебя, чтобы посоветоваться, где лучше использовать на работе Семичастного. Мы не намерены оставлять его в Москве.

— А почему все-таки освобождаем, какая причина? — повторил Шелест.

Брежнев почти с раздражением ответил:

— Я же тебе говорю, что позже все узнаешь. Не хочется его обижать сильно. Может быть, ты что-то найдешь на Украине?

Шелест предложил назначить Семичастного первым секретарем обкома, например, в Кировоградской области.

Брежнев задумался:

— Нет, на партийной работе использовать его нежелательно. Какие еще могут быть варианты?

Тогда Шелест предложил дать Семичастному должность заместителя председателя Совета министров республики.

Брежнев кивнул:

— Первого заместителя.

Шелест возразил:

— Уже есть два первых.

Брежнев отмахнулся:

— Это не преграда. Пиши записку в ЦК — введем дополнительную должность первого зама.

На политбюро Брежнев вынул из нагрудного кармана какую-то бумажку и сказал:

— Позовите Семичастного.

Владимир Ефимович не знал, по какому вопросу его пригласили. Он был растерян...

Брежнев объявил:

— Теперь нам надо обсудить вопрос о Семичастном.

— А что обсуждать? — спросил Семичастный.

— Есть предложение освободить вас от должности председателя КГБ в связи с переходом на другую работу, — ответил Брежнев.

— За что? — удивился Семичастный. — Со мной на эту тему никто не разговаривал, мне даже причина такого перемещения неизвестна...

Последовал грубый окрик Брежнева:

— Много недостатков в работе КГБ, плохо поставлена разведка и агентурная работа!.. А случай с Аллилуевой? Как она могла уехать в Индию, а оттуда улететь в США? Поедете на Украину.

— Что мне там делать? — спросил Семичастный.

Петр Ефимович Шелест повернулся к нему:

— Мы вам там найдем работу.

— Что вы мне должны искать, Петр Ефимович? — возмутился Семичастный. — Я состою на учете в парторганизации Москвы, а не у вас. Почему же вам искать мне работу? Я член ЦК КПСС, а не ЦК компартии Украины, не надо путать эти вещи.

Но его уже никто не слушал. Вопрос был решен. Новым председателем КГБ сразу же был утвержден секретарь ЦК Юрий Владимирович Андропов.

Перед отъездом на Украину Семичастный позвонил Брежневу, сообщил, что уезжает. Леонид Ильич ссориться не любил, спросил участливо:

— Вы хотели бы ко мне зайти? У вас ко мне вопросы?

Семичастный гордо ответил:

— Нет, у меня вопросов к вам нет.

Брежнев обиделся.

23 мая Семичастный приехал в Киев. По словам Шелеста, он был потрясен и растерян. 29 мая появился указ президиума Верховного Совета УССР о назначении Семичастного первым заместителем председателя Совета министров республики.

Политическая карьера Семичастного закончилась, когда ему было всего сорок три года. Другие в этом возрасте еще стоят у подножия олимпа и зачарованно смотрят вверх.

Конечно, он не верил, что все кончено и назад возврата нет. Думал, что все переменится. Но путь в Москву ему был закрыт. Его отправили в бессрочную ссылку.

В правительстве Украины Владимир Ефимович ведал культурой и спортом. Он, наконец, получил высшее образование — в 1973 году окончил исторический факультет вечернего отделения Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко.

Летом Шелесту из Крыма позвонил член политбюро Николай Подгорный, который отдыхал вместе с Брежневым. Поинтересовался, когда и куда едет в отпуск Семичастный.

«Я понял, — пишет Шелест, — что Брежнев следит за Семичастным. Он опасается его общения с Шелепиным и другими молодыми кадрами. Я лично за Семичастным ничего особенного не замечал, он честный и прямой человек, к делу относится добросовестно, старается вникнуть в малознакомую ему работу.

Безусловно, он был угнетен, ожесточен, при упоминании имени Брежнева, казалось, по его телу проходит ток высокого напряжения, и не трудно представить, что бы Семичастный мог сделать с Брежневым, если бы ему представилась такая возможность...»

Прослушивались все телефоны Семичастного, за ним следили украинские чекисты и обо всем информировали Москву.

На очередном съезде компартии Украины бывшего председателя КГБ намеревались сделать членом ЦК, ему это полагалось по должности. Москва выразила недовольство. Шелест объяснил Брежневу, что Семичастного придется избрать в украинский ЦК, потому что он все-таки первый заместитель главы правительства.

Брежнев возразил:

— Да, он первый зам, но не все же заслуживающие того могут быть членами ЦК.

Уже ночью напечатали новые списки будущих членов ЦК компартии Украины, вычеркнув фамилию Семичастного. Его — единственного из заместителей главы правительства — не сделали даже депутатом, хотя это полагалось ему по рангу.

Семичастный тяготился работой на Украине, просил подыскать ему занятие по душе. Отказ следовал за отказом, хотя внешне Брежнев относился к нему доброжелательно. Леонид Ильич снимал с должности, убирал из политики, выставлял из Москвы, но не добивал.

— Брежнев раз или два приезжал на Украину, — вспоминал Владимир Семичастный. — Один приезд хорошо помню. Вдруг в аэропорту он меня нашел. Обнял меня и при всем народе ходил со мной. Он же артист был. Анекдоты мы друг другу рассказывали. По Киеву прошел слух, что меня в Москву забирают. Но это был слух.

Когда у Семичастного случился обширный инфаркт, он провалялся в киевской больнице четыре месяца. За это время написал Брежневу три письма. Семичастного пригласил Черненко и стал подбирать ему работу. Но в политику Семичастный не вернулся. В мае 1981 года его утвердили заместителем председателя правления Всесоюзного общества «Знание». На этой должности он и работал до пенсии.

Руководитель Москвы бросает вызов генсеку

Следующим Брежнев убрал первого секретаря Московского горкома Николая Григорьевича Егорычева, одного из самых молодых руководителей партии.

Вначале Брежнев благоволил к московскому секретарю, видел в нем опору. Звонил вечером — после пленума, на котором делал доклад:

— Ну, Коля, как я выступил?

Егорычев дисциплинированно отвечал:

— Доклад замечательный, хороший анализ.

— Может, ты тогда завтра тоже выступишь?

— Я готов.

Потом отношения испортились.

Егорычев рассказал мне такой эпизод. По Москве стали ходить слухи. Только пройдет заседание президиума ЦК, а уже по городу говорят о его решениях, о вопросах, которые обсуждались. Как-то Егорычев зашел к Леониду Ильичу, тот пожаловался:

— Николай, никак не можем понять, откуда утечки. Поручи своим ребятам. Может быть, они найдут?

Егорычев пригласил начальника Управления КГБ по Москве и Московской области, пересказал разговор с Брежневым и попросил:

— Поищи.

Примерно через неделю тот пришел к Егорычеву расстроенный:

— Николай Григорьевич, беда!

— Что такое?

— Нашли мы этот источник. Сидит в гостинице коридорная, молодая девка, она все это и разносит.

— А откуда же она знает?

— Она подруга дочери Леонида Ильича. Днюет и ночует в этой семье.

Егорычев пришел к Брежневу и сказал:

— Нашли!

— Ну и кто?

— Гоните из вашей семьи такую-то.

Брежнев покраснел и замолчал. Егорычев не стал интересоваться, какие у них там были отношения. Только сказал:

— Леонид Ильич, я дал указание все эти материалы сжечь. Но вы все-таки ее гоните...

В декабре 1966 года готовился торжественный вечер по случаю двадцатипятилетия разгрома немцев под Москвой. В столицу пригласили представителей всех городов-героев. Егорычеву позвонил секретарь ЦК по кадрам Иван Капитонов. У него была одна претензия:

— Почему не позвали никого из Новороссийска?

— Это не город-герой, — ответил Егорычев.

— Но там же воевал Леонид Ильич! — многозначительно произнес Капитонов.

— Хорошо, пригласим, — кивнул Егорычев.

— И надо предоставить им слово, — настаивал Капитонов.

— Нет, это нельзя.

— Но там же воевал Леонид Ильич! — с еще большим напором сказал Капитонов.

— Если мы это сделаем, мы только повредим Леониду Ильичу.

Собрание прошло очень успешно. На нем присутствовал маршал Жуков, встреченный овацией.

В «Правде», в то время главной газете страны, собирались широко осветить это событие, подготовили целую полосу для выступления Егорычева, а опубликовали только небольшой материал. Выяснилось, что Брежнев остался недоволен Егорычевым. Фамилия первого секретаря ЦК КПСС в докладе была упомянута только один раз.

— То, что я ушел в период расцвета Москвы, было неожиданностью даже для самых близких мне людей, — говорил Егорычев. — А я был к этому готов. Я их всех закрывал своей спиной, и они считали, что у меня с Брежневым отличные отношения. Но все было гораздо сложнее. Брежнев, видимо, считал, что я претендую на его место. Этого не было. Но так получалось, что у меня в Москве большой авторитет. В 1966 году на партийной конференции меня тайным голосованием избрали единогласно. Такого еще не случалось, обязательно несколько голосов было против.

Повод убрать Егорычева нашелся в июне 1967 года. Только что закончилась шестидневная война на Ближнем Востоке. Маленький Израиль за несколько дней наголову разгромил объединенные силы арабских государств, вооруженные советским оружием. Поражение арабских армий произвело тяжелое впечатление на руководителей Советского Союза и до крайности разозлило наших военачальников.

В Москве не сомневались, что арабские армии, оснащенные лучшим в мире советским оружием, и арабские офицеры, обучавшиеся военному искусству у советских инструкторов, должны были одержать победу. Министр обороны маршал Гречко и секретарь ЦК по военной промышленности Устинов не знали, как объяснить оглушительное поражение арабских армий. Ссылались на то, что арабские офицеры плохо учились и не смогли освоить замечательное советское оружие.

И тут на пленуме молодой, но заметный член ЦК, только что побывавший в Египте, заявил, что представления советских руководителей об этой арабской стране вообще не соответствуют реальному положению дел... Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев и его ближайшее окружение решили, что им брошен вызов.

20 июня 1967 года в Москве собрался пленум ЦК. Первый вопрос — «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке». С большим докладом выступил Брежнев. После обеда начались выступления по заранее утвержденному списку. Все шло гладко, пока не предоставили слово первому секретарю Московского горкома Николаю Григорьевичу Егорычеву.

За два месяца до шестидневной войны он ездил в Египет во главе партийной делегации.

«В Египте многое мне тогда показалось тревожным, — вспоминал Егорычев. — Вернувшись, я отправил обстоятельную записку в ЦК, в которой писал, что нам нужно глубже разобраться в событиях в Египте. Я просился на прием к Брежневу. Тот обещал встретиться, но ни он, никто другой не захотели меня выслушать».

Один из помощников Егорычева, прочитав текст будущего выступления на пленуме, пытался его предостеречь: стоит ли вам выступать так резко? Ведь понятно, кто обидится и что попытается предпринять в ответ... Егорычев удивился:

— Я против Хрущева выступить не испугался, неужели сейчас смелости не хватит?!

Да уж, храбрости и мужества ему было не занимать. И еще любви к родному городу. Осенью 1941-го Высшее техническое училище имени Баумана эвакуировалось в Ижевск. Студентам сказали:

— Идите пешком до Владимира. Там, может быть, вас посадят на поезд и отправят в Ижевск.

— Нет, ребята, — заявил студент четвертого курса бронетанкового факультета Николай Егорычев. — Я никуда не пойду. Я москвич, и я должен защищать свой дом.

«Я пошел в Бауманский райком, — рассказывал он через много лет после войны, — и меня определили в специальный взвод истребителей танков. Обмундирования не дали. Как был я в зимнем пальто, костюме и спортивных ботинках, так и отправился. Вооружили нас трофейными винтовками времен Первой мировой. Зачислили в 3-ю Московскую коммунистическую дивизию. Мой взвод занял огневые позиции у моста через канал Москва—Волга в районе Химок. Мост был заминирован. В его опоры заложили три тонны взрывчатки, и мы были готовы в любой момент поднять его в воздух».

Егорычев сражался на передовой, прошел всю войну, был дважды ранен, награжден. С орденом на груди вернулся в Бауманское училище, закончил учебу, и его сразу взяли на партийную работу. В 1956 году он стал самым молодым секретарем райкома партии в Москве. В 1962 году возглавил столичный горком.

8 мая 1967 года, стараниями Николая Григорьевича Егорычева, на Могиле Неизвестного Солдата в Москве зажгли Вечный огонь.

При строительстве Зеленограда, неподалеку от станции Крюково, обнаружили забытую братскую могилу. Там нашли останки солдата без документов. Никто не знает, кто он. Его останки были с почестями захоронены у Кремлевской стены 3 декабря 1966 года, в двадцать пятую годовщину разгрома фашистов под Москвой. Но руководителю страны Леониду Ильичу Брежневу вся эта идея не очень нравилась. Он сопротивлялся, тянул с решением, и не успели сделать все необходимое.

«А само это место в Александровском саду, — рассказывал Егорычев, — выглядело иначе, чем сегодня. Оно было неухоженное, неуютное, газон чахлый, да и Кремлевская стена требовала реставрации».

Всё сделали. Не успели только одно: под Манежной площадью вдоль главной аллеи Александровского сада протекала река Неглинка. Теоретически существовала опасность проседания почвы под памятником. Речка была заключена в трубу, которую следовало заменить. Пришлось в зимних условиях вскрыть и проложить новый коллектор.

«7 мая 1967 года, — вспоминал Николай Егорычев, — в Ленинграде на Марсовом поле от Вечного огня зажгли факел и торжественно передали его посланцам столицы. Его повезли на бронетранспортере в сопровождении почетного эскорта. 8 мая на Манежной площади эстафету принял Герой Советского Союза летчик Алексей Маресьев.

Открывать мемориал и произнести короткую речь доверили мне. Право зажечь Вечный огонь славы предоставили Брежневу. Ему заранее объяснили, как это нужно сделать, но он что-то недопонял и, когда пошел газ, опоздал на несколько секунд поднести факел — произошел хлопок. Брежнев от неожиданности отпрянул, чуть не упал. Видимо, поэтому открытие мемориала очень скупо показали по телевидению...»

Егорычев принадлежал к числу тех, кто помог Брежневу осенью 1964 года возглавить страну. Николаю Григорьевичу прочили большое будущее, считали, что он вот-вот будет избран секретарем ЦК, войдет в политбюро. Но Егорычев был слишком самостоятельным, критиковал то, что считал неверным, отстаивал свою точку зрения. Словом, был неудобен. Брежнев однажды заглянул к Егорычеву, который сидел в соседнем подъезде на Старой площади, и не обнаружил в его кабинете своего портрета.

Через месяц после того, как на Могиле Неизвестного Солдата зажгли вечный огонь, на Ближнем Востоке разгорелась война.

Жена Егорычева, в прошлом тоже партийный работник, вспоминала:

«Перед пленумом он дал мне прочитать текст, с которым намеревался выступить. Раньше он этого никогда не делал. Он хотел знать мое мнение, так как выступление было очень ответственным, наболевшим.

Он критиковал ЦК, который мало уделял внимания обороне Москвы. Кроме того, поднял национальный вопрос. В его выступлении на пленуме этот вопрос не прозвучал так полно и резко, как он был изложен в том тексте, что я читала. Он отмечал рост национализма в республиках, затронул также еврейский вопрос, сказав, что евреев у нас унижают».

Жена посоветовала Егорычеву:

— Надо смягчить выступление. Сейчас так никто не выступает.

— Я буду выступать так, как подготовился, — ответил он.

Так что же сказал на пленуме ЦК секретарь столичного горкома?

— Хочу высказать пожелание, чтобы в наших отношениях с Объединенной Арабской Республикой и лично с президентом Насером было бы побольше требовательности. Чего стоят, например, безответственные заявления президента Насера о том, что арабы никогда не согласятся на сосуществование с Израилем или заявление каирского радио в первый день войны о том, что «наконец-то египетский народ преподаст Израилю урок смерти».

Егорычев говорил о том, что очевидное превосходство израильской авиации над египетской ставит вопрос о надежности противовоздушной и противоракетной обороны Москвы. Достаточно ли защищена наша столица от авиации и ракет возможного противника?

— Очевидно и то, что волевые решения, принимавшиеся в области обороны, — напомнил Егорычев, — нанесли известный вред вооруженным силам, особенно авиации, флоту и в какой-то степени мотомеханизированным частям. Я прошу, товарищи, правильно меня понять. Я никого не хочу обидеть, ни на кого не намекаю. Но каждый из нас несет высокую персональную ответственность за свою работу, за свои поступки...

Генералы уверяли, что Москва надежно защищена с воздуха. Егорычев считал, что военные приукрашивают положение:

— Настало время на одном из пленумов заслушать доклад о состоянии обороны страны. Меня, например, как члена военного совета Московского округа ПВО, весьма беспокоит, что противовоздушная оборона столицы недостаточно надежна. Существующая система все более морально стареет, модернизация ее должного эффекта уже не дает, создание же новой системы ПВО столицы слишком затягивается.

Во время выступления Егорычева в зале стояла гробовая тишина. После выступления члены пленума проводили его аплодисментами. Никто и представить себе не мог, что так резко московский секретарь выступал по собственной инициативе. Все были уверены, что речь одобрена Брежневым. В первый день пленума многие с восторгом говорили:

— Какое блестящее выступление! Какая смелость в постановке вопроса! Какая глубина мысли!

Егорычеву вечером звонили домой, поздравляли. На следующий день придя на заседание пленума, он почувствовал, что отношение к нему переменилось. Членов ЦК обрабатывали всю ночь.

«Из моих слов о волевых решениях, которые нанесли немалый ущерб вооруженным силам, Брежнев и Устинов поняли, что эта критика в их адрес, — вспоминал Егорычев. — Секретарь ЦК Дмитрий Федорович Устинов принял упоминание о “не в меру ретивых исполнителях” идей Хрущева о вооружениях на свой счет. И он был недалек от истины. Его фамилия была в моем выступлении. Но в последний момент я ее убрал. Подумал, и так ясно, о ком идет речь.

Позже один из министров оборонной отрасли рассказал, что после моего выступления их всех собрал Устинов. “Дмитрий Федорович, — говорил он, — от злости просто на стенку бросался. Кричал: ‘Мы этого Егорычева в пыль сотрем!’ ”»

Выступление первого секретаря Московского горкома Устинов воспринял как личный выпад. Он был властным и амбициозным человеком и не терпел вмешательства в свои дела. И уже давно никто не смел сомневаться в его действиях. А тут не только Егорычев, но и другие позволили себе высказываться о состоянии дел в военной промышленности.

Критически оценил советскую политику на Ближнем Востоке, действия Министерства обороны и советской военной разведки первый секретарь Ленинградского обкома Василий Сергеевич Толстиков:

— Мы оказываем многим странам помощь оружием, причем в ряде случаев безвозмездно. Но невольно встает вопрос — всегда ли хорошо используется эта помощь? Если судить по тому, как использовали наше оружие арабы, то можно прямо сказать, что плохо. Обидно, что тысячи подготовленных в наших академиях и училищах офицеров для армий арабских стран оказались неспособными к отражению агрессии и правильному использованию оружия. Обидно, конечно, и то, что имеющие боевой опыт наши офицеры и генералы, находящиеся многие годы в арабских странах, не могли как-то повлиять на ход событий и вовремя проинформировать политбюро о действительном положении дел в армиях арабских стран. Видимо, плохо работает Главное разведывательное управление...

Свое недовольство руководству военно-промышленного комплекса высказал и первый секретарь Челябинского обкома Николай Николаевич Родионов:

— На Урале в значительной степени утрачены навыки производства брони для танков, не ведутся в необходимых размерах опытно-исследовательские работы по совершенствованию марок и технологии производства броневой стали... Надо приостановить катастрофическую текучесть кадров на оборонных заводах. Где уж тут говорить о сохранении секретности и высокой мобилизационной готовности. Не знаю, как в других местах, но у нас в Челябинской области самые плохие жилищные условия, больше всего бараков осталось на заводах Министерства оборонной промышленности...

Кадровые последствия не заставят себя ждать. Василия Толстикова отправят послом в Китай, оттуда в Голландию — и на пенсию. Николая Родионова тоже уберут с партийной работы, переведут в Министерство иностранных дел, потом отправят послом в Югославию.

Обиженный Дмитрий Федорович Устинов бросился к Брежневу. Леониду Ильичу втолковывали, что Егорычев лезет не в свои дела и вообще сознательно подрывает авторитет генерального секретаря, который является председателем Совета обороны и верховным главнокомандующим. Может быть, этот Егорычев сам рассчитывает стать генеральным секретарем?

Выступление руководителя Москвы вовсе не было направлено против Брежнева. Напротив, он рассчитывал на поддержку генерального секретаря. Но предложение обсудить на пленуме военные и внешнеполитические дела, которые были закрыты даже для членов ЦК, было истолковано как недоверие Брежневу, как стремление потребовать от него отчета. Внешняя и военная политика — прерогатива генерального секретаря. Остальные должны слушать и выполнять.

Доверенные секретари из «группы быстрого реагирования» получили указание дать отпор Егорычеву. Утром слово получил кандидат в члены политбюро и первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов. Он охотно откликнулся на просьбу одернуть московского секретаря. С укором сказал Егорычеву:

— Николай Григорьевич, противовоздушная оборона столицы начинается не в Москве, она начинается в Ташкенте. Состояние армии, ПВО на высоком уровне. Правда, мы не все знаем, но то, что мы знаем, говорит о том, что партия и правительство сделали все, чтобы и наша страна, и наш народ стали непобедимыми.

«Я сидел и думал, — вспоминал Егорычев, — когда в сорок первом враг оказался у порога столицы, то вся полнота ответственности за оборону Москвы легла на плечи москвичей. Конечно, нам помогала вся страна, но ведь это я со своими товарищами, а не Рашидов, сидели в окопчике у моста через канал с гранатами и бутылками, ожидая немецкие танки».

Шарафу Рашидову вторил кандидат в члены политбюро и первый секретарь ЦК компартии Грузии Василий Павлович Мжаванадзе:

— Я немного знаком с положением дел обороны страны, в том числе и противовоздушной обороны Москвы... Если бы я ничего не знал, я чувствовал себя очень плохо, очень неловко, услышав о таком положении дел с противовоздушной обороной Москвы... Но я знаю, что противовоздушная оборона Москвы осуществляется не только непосредственно под Москвой, а далеко от Москвы, начиная прямо от границ СССР...

Молодой первый секретарь Горьковского обкома Константин Федорович Катушев, чья карьера еще только начиналась, осудил уже самого Егорычева:

— Мне непонятен тон выступления товарища Егорычева, когда он говорил о противовоздушной обороне Москвы. Я думаю, что он совершенно не прав. Я знаю, что оружие, установленное и в нашей области, и в других соседних областях, которые являются ближними подступами к Москве, является весьма совершенным, с большими возможностями и находится в надежных, опытных руках, способных отразить любые попытки нападения.

Катушев вскоре получит большое повышение — на следующий год его переведут в Москву, он станет самым молодым секретарем ЦК.

А вот еще один мобилизованный на борьбу с Егорычевым — первый секретарь Краснодарского крайкома Григорий Сергеевич Золотухин вообще сказал, что незачем членам ЦК лезть в такие серьезные вопросы, не знаем ничего и знать не надо:

— Мне кажется, что обсуждать состояние наших вооруженных сил на пленуме ЦК совершенно нецелесообразно, потому что это высшие наши интересы. Они, конечно, секретные. И чем меньше людей будет знать эти секреты, тем лучше для самих секретов.

Умение угодить начальству — самый надежный способ сделать карьеру. Золотухин тоже получит повышение. Его переведут в Москву и назначат министром хлебозаготовок.

— Хотел этого или не хотел этого товарищ Егорычев, он бросил тень на оборону, на наши славные вооруженные силы, — подвел итог Брежнев. — «Надо еще и еще раз самым тщательным образом взвесить, — говорил Егорычев, — готовы ли мы в любой момент отразить удар агрессора». Это не тема для дискуссий. Но я могу ответить на этот вопрос утвердительно. Да, мы готовы отразить любой удар любого врага. В отрыве от жизни, видимо, и состоит политическая ошибка товарища Егорычева, которая и привела его к тому, что он легко начал говорить об обороне страны. Я не буду, товарищи, развивать этой темы.

Попытка поставить под сомнение советскую внешнюю политику на Ближнем Востоке была подавлена. Тесное сотрудничество с Египтом и Сирией стало неотъемлемой частью советской внешней политики. В благодарность за антиамериканские лозунги и слова любви, адресованные советским вождям, Москва снабжала арабский мир оружием, ссужала деньгами, присылала многочисленных советников и специалистов...

22 июня Егорычев пришел к Брежневу:

— Леонид Ильич, я считаю, что в таких условиях я не могу руководить Московской городской партийной организацией. Я могу руководить только в том случае, если пользуюсь полным доверием и поддержкой политбюро и генсека. Мне такого доверия, как я понимаю, нет, и я должен уйти...

Он написал заявление:

«Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л. И.

В связи с тем, что на июньском Пленуме Центрального Комитета партии моя позиция получила осуждение двух членов политбюро и двух кандидатов в члены политбюро, я не считаю себя вправе оставаться в должности первого секретаря Московского городского комитета партии. Согласен на любую работу».

24 июня по указанию ЦК провели внеочередное закрытое заседание бюро Московского горкома, на котором Егорычеву устроили разнос. Особенно старалась первый секретарь Бауманского райкома Прасковья Алексеевна Воронина, которую выдвинул Егорычев и которая всегда пела ему дифирамбы...

Леонид Ильич обзвонил членов политбюро:

— Московская городская партийная организация нуждается в укреплении, и Егорычева стоило бы заменить...

Новым руководителем Москвы стал Гришин.

«Мне позвонил по телефону Брежнев и попросил приехать в ЦК КПСС, — вспоминал Виктор Васильевич Гришин. — Генеральный секретарь поинтересовался делами в профсоюзах. Я рассказал, над чем работает ВЦСПС, какие проблемы решают профсоюзные организации.

Леонид Ильич предложил мне перейти на работу в Московский горком партии. К этому времени я уже одиннадцать лет проработал председателем ВЦСПС. Срок немалый. Просить оставить меня на прежней работе было неудобно, хотя она мне нравилась...»

Пленум провели 27 июня. Речь держал второй секретарь горкома Владимир Яковлевич Павлов. Ему объяснили, что он должен сказать.

— Товарищ Егорычев допустил грубую политическую ошибку. Высказанные им некоторые положения ни в какой мере не отвечали действительному положению дел, не имели никакого фактического обоснования, а сама их постановка на пленуме явилась политически вредной, способной нанести ущерб нашей стране... Многие товарищи высказали мнение о том, что в связи с этим товарищ Егорычев утратил их уважение и доверие, потерял тот высокий авторитет, который должен быть непременным условием для партийного руководителя, занимающего пост первого секретаря городского комитета столичной партийной организации... Бюро МГК отмечает, что он не обсудил на бюро свою речь и поэтому высказанные им политические неправильные положения не отражают мнения бюро... Бюро МГК пришло к выводу, что Егорычев не может оставаться на посту первого секретаря...

При этом участники пленума горкома так и не узнали, что же такого крамольного сказал Николай Егорычев. Сама его речь стала секретом на десятилетия. На пленум пришел Суслов, чтобы своим авторитетом «освятить» кадровые перемены. Он говорил без бумажки, несколько коряво. Прежде всего успокоил московских руководителей:

— Московская партийная организация всегда являлась, является и будет являться первой опорой и основной опорой Центрального Комитета... Поэтому мы решили пойти на жертву для себя, ЦК. Нам, конечно, кандидатура, которую мы выдвигаем, крайне необходима и там, где сейчас находится. Но, учитывая все значение московской организации, мы пошли на то, чтобы удовлетворить просьбу и в отношении конкретной кандидатуры, и рекомендуем первым секретарем товарища Гришина Виктора Васильевича.

Вопросов к Гришину не было, и его утвердили единодушно.

Виктор Васильевич Гришин был старше Егорычева, искушеннее и потому занимал эту должность восемнадцать с половиной лет. Гришин поставил своей задачей ничем не огорчать генерального секретаря. И этим он очень нравился Брежневу.

Виктор Васильевич обещал превратить Москву в образцовый коммунистический город. Под этим лозунгом московский партийный аппарат был выведен из зоны критики. Даже сотрудникам ЦК рекомендовали не звонить напрямую в московские райкомы, поскольку ими руководил член политбюро. Когда в горкоме узнавали, что какая-то газета готовит критический материал о столице — пусть даже по самому мелкому поводу, главному редактору звонил Гришин, и статья в свет не выходила...

В феврале 1977 года заполыхал пожар в гостинице «Россия», погибли люди. И тогда, и сейчас поговаривают, что это был поджог. Но следствие сразу же установило, что дежурный радиоузла, нарушая правила, работал с паяльником. Попутно выяснилось, что при строительстве гостиницы грубо нарушили правила противопожарной безопасности, она вообще не должна была эксплуатироваться до исправления серьезных недостатков. Но написать об этом первый секретарь горкома Гришин не позволил. Его устраивала версия о поджоге.

Брежнев взял Гришина с собой в Польшу на съезд польских коммунистов.

«В Варшаву и обратно мы ехали поездом. Леонид Ильич приглашал меня в свой вагон на завтраки и обеды. Рассказывал о своем детстве и юности, о матери и отце. Он любил простую пищу: утром — жареный картофель с салом, пирожки с горохом, приготовленные в подсолнечном масле, в обед — украинский борщ, то есть то, чем в детстве потчевала его мать.

Однажды он сказал мне:

— Виктор, готовь себе замену в горкоме партии, ты перейдешь на работу в ЦК КПСС.

Я сказал, что в горкоме работаю еще очень недолго, на подготовку замены потребуется немало времени, в общем, мне надо еще поработать секретарем МГК КПСС».

Любопытно, что при таком положении Гришина Брежнев сохранял на должности председателя исполкома Моссовета Владимира Федоровича Промыслова. Отношения между Гришиным и Промысловым были плохие. Гришин своего главного хозяйственника упрекал в том, что тот мало занимается делами и слишком любит ездить за границу. Но Промыслов Гришину был не по зубам. Брежнева вполне устраивало, что два первых человека в столичном руководстве едва выносят друг друга.

За исключением короткого периода, когда Промыслов был министром строительства и заместителем председателя Совета министров РСФСР, он всю жизнь проработал в столичном аппарате.

К Владимиру Федоровичу Промыслову постоянно обращались с просьбой дать квартиру, дачу или гараж. Поскольку в его кабинет попадали только заметные в обществе люди, Промыслов старался никому не отказывать. Но резолюции на заявлениях он ставил разными карандашами, и его подчиненные точно знали, что именно начальник желает: действительно помочь или вежливо замотать вопрос.

Влиятельные люди получали то, что просили, поэтому у Промыслова было много покровителей. Сам Брежнев предпочитал обращаться не к Гришину, а напрямую к Владимиру Федоровичу, если хотел кого-то облагодетельствовать, например дать квартиру.

Опального Николая Егорычева словно в издевку назначили заместителем министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Для многих утрата высокой должности была равносильна катастрофе. Николай Григорьевич, напротив, так активно включился в работу, что очень скоро его отправили подальше от Москвы — послом в Данию. Перед отъездом его принял Брежнев. В своей мягкой манере сказал: поработай пару лет, наберись опыта и переведем тебя в более крупную столицу... Но Егорычев так и застрял в Дании. Для кого-то комфортная жизнь в уютной европейской стране была бы подарком судьбы. А Егорычев рвался домой. Но он был невъездным послом.

Разогнали руководство Московского управления госбезопасности. Занимался этим начальник Главного управления контрразведки генерал Георгий Карпович Цинев, самый близкий к Брежневу человек, его ставленник в органах госбезопасности. Цинев кричал на заместителя начальника столичного управления полковника Георгия Леонидовича Котова, который до службы в КГБ работал помощником Егорычева:

— Ваш Егорычев что, не понимал, что делает? Его выступление — это же был пробный шар. Это был выпад против Леонида Ильича! Что вы задумали? Заговор против Леонида Ильича затеяли?

Полковнику Котову предложили на выбор: или ехать начальником управления в Магадан, или за границу.

— К вам претензий нет, — объяснил начальник Главного управления кадров КГБ Виктор Михайлович Чебриков, — но надо сменить колодку.

Избавление от главного соперника

И наконец, Брежнев убрал из партийного аппарата самого Шелепина.

На расширенном заседании политбюро обсуждался вопрос о крупных животноводческих комплексах в Российской Федерации. Шелепин говорил о тяжелом положении на селе и потребовал отправить в отставку министра сельского хозяйства Мацкевича.

На следующий день Брежнев позвал Александра Николаевича к себе:

— Как понимать твое вчерашнее выступление? Твоя речь была направлена против меня!

— Почему вы так решили?

— А ты что, не знаешь, что сельское хозяйство курирую я? Значит, все, что ты говорил вчера, это против меня. Какое ты имел право вносить предложение о снятии с работы Мацкевича? Ведь это моя личная номенклатура!

Когда Гришина перевели в горком и остался вакантным пост руководителя профсоюзов, появилась удобная возможность решить судьбу Шелепина. Он приехал на очередное заседание политбюро. Его позвал к себе Брежнев. В кремлевском кабинете генсека уже сидел Суслов. Леонид Ильич предпочел вести такой сложный разговор с Шелепиным не в одиночку, а опираясь на авторитет «главного идеолога» партии.

— Знаешь, надо нам укрепить профсоюзы, — сказал Брежнев. — Есть предложение освободить тебя от обязанностей секретаря ЦК и направить на работу в ВЦСПС председателем. Как ты смотришь?

Шелепин ответил, что никогда себе работы не выбирал и ни от какой не отказывался. Иной ответ и не предполагался. Брежнев, Шелепин и Суслов, который весь разговор просидел молча, перешли в соседнюю комнату, где уже собрались члены политбюро. Брежнев объявил, что они с Сусловым рекомендуют перевести Шелепина в ВЦСПС. Членом политбюро он останется, чтобы поднять авторитет профсоюзов.

26 сентября 1967 года пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей секретаря ЦК Александра Николаевича Шелепина, полководца без армии.

Впрочем, в роли главы профсоюзов энергичный и популярный Шелепин тоже был неудобен Брежневу.

— Шелепин, как человек энергичный, стал посещать заводы, общаться с рабочими, — рассказывал Леонид Замятин. — Выдвинул программу социальной поддержки рабочего класса, занялся строительством санаториев для рабочих. Популярность его росла.

— Пришел Шелепин в профсоюзы, — вспоминал Николай Егорычев. — Другой климат, можно прийти к человеку, он примет, выслушает, поможет... Но работать Шелепину уже было трудно. Когда его перевели в ВЦСПС, он на каждом шагу чувствовал, что его оттирают.

— Все предложения, которые он вносил, работая в ВЦСПС, либо мариновались, либо отклонялись, — рассказывал Владимир Семичастный. — Шелепин оказывался в глупом положении перед своим активом. Он действовал энергично, но его идеи проваливались.

Брежнев по-прежнему воспринимал Шелепина как соперника.

Тесные контакты с Шелепиным стали опасными. Возникла идея построить дом отдыха для сотрудников ТАСС с помощью профсоюзов. Генеральный директор ТАСС Замятин обсудил эту идею с Шелепиным.

Вдруг Замятина срочно вызвали в «Барвиху» к Брежневу. Охранник сказал:

— Леонид Ильич гуляет у озера.

Замятин пошел его искать. Леонид Ильич гулял с какими-то людьми. Увидев Замятина, отошел с ним в сторону, где их никто не слышал.

— Если бы я тебя не назначил на эту должность два месяца назад, то сегодня бы снял, — сказал Брежнев.

— Чем же я провинился? — поразился Замятин.

— Ты у Шелепина в ВЦСПС был?

— Да, я хотел ускорить строительство дома отдыха.

— Но ты с ним еще и обедал?

— Он меня пригласил.

— О политике говорили? Честно.

Леонид Митрофанович и сам понимал, что лукавить бессмысленно: и кабинет Шелепина, и его комната отдыха, и зал, где они обедали, наверняка прослушивали.

— Ни слова, — поклялся Замятин. — Только о социальных делах.

Генеральный секретарь объяснил Леониду Митрофановичу прямым текстом:

— Всех идеологов, которые окружали Шелепина, мы отослали за рубеж или в другие места. Сейчас он ищет новых людей на идеологическом фронте, формирует новую команду. И тебя не случайно пригласил пообедать. Он, видишь ли, не бросил своих идей. Мне это не нравится. И мы с этим покончим. Может, я виноват, что не предупредил тебя, но я не мог предположить, что ты сразу поедешь к Шелепину...

В 1975 году Шелепин во главе профсоюзной делегации отправился в Англию. Его плохо встретили — демонстрациями, протестами. Устроили ему настоящую обструкцию. Для англичан он оставался бывшим председателем КГБ, который отдавал приказы убивать противников советской власти за рубежом.

Причем заранее было известно, что Шелепину в Лондон лучше бы не ездить. Руководство британских профсоюзов советовало советскому послу командировать кого-то другого. Но в Москве на эти предупреждения почему-то внимания не обратили.

Возле здания британских профсоюзов собралась протестующая толпа. По словам бывшего сотрудника лондонского бюро Агентства печати «Новости» Владимира Добкина, пришлось Шелепина выводить через черный ход. Посольского водителя, который вышел к лимузину, толпа, приняв, видимо, за Шелепина, закидали яйцами и пакетами с молоком.

На пресс-конференции Шелепин счел необходимым произнести ритуальные слова, предназначавшиеся не для английских, а для советских журналистов:

— Товарищи, я искренне счастлив, что работаю под руководством верного ленинца, одного из выдающихся деятелей коммунистического движения, неутомимого борца за мир во всем мире Леонида Ильича Брежнева...

Но все это уже не имело значения. Его судьба была решена. Неудачная поездка в Англию стала для Брежнева желанным поводом вывести Шелепина из политбюро. У них произошел резкий разговор.

Шелепин сказал:

— В таком случае я уйду.

Брежнев моментально согласился:

— Уходи.

Шелепин тут же написал заявление. Брежнев сразу обзвонил всех членов политбюро, и через несколько часов решение было принято. Отправлять Шелепина на пенсию было рано, и ему подыскали унизительно маленькую должность заместителя председателя Комитета по профессионально-техническому образованию, который ведал в основном производственно-техническими училищами (ПТУ) для молодежи.

Это назначение, конечно, было издевательством. Когда Суслов пригласил Шелепина и сказал, что ему предлагается такая должность, Александр Николаевич ответил:

— Я же молотка никогда в руках не держал, не говоря уж о чем-то более серьезном. Как я буду учить будущий рабочий класс?

В Госкомитете по профтехобразованию работал еще один выходец из комсомола — Вадим Аркадьевич Саюшев. Он был первым заместителем председателя. Он рассказывал мне, что, когда Шелепина перевели в комитет, Суслов вызвал председателя Александра Александровича Булгакова и внятно объяснил: вокруг Шелепина должен быть вакуум, поручить ему надо что-то малозначимое и позаботиться о том, чтобы у него не было никаких внешних связей.

Булгаков, бывший второй секретарь Харьковского обкома, а затем секретарь ВЦСПС, вернулся от Суслова, собрал заместителей, пересказал им весь разговор. Он был горд — ему доверили перевоспитание оторвавшегося от народа бывшего члена политбюро...

Шелепину поручили заниматься учебниками для ПТУ. Более всего его поражала и возмущала необязательность чиновников, с которыми он теперь имел дело. Он привык, что его распоряжения немедленно исполняются. А тут чиновники откровенно их саботировали: зачем сломя голову исполнять указания Шелепина, если он в опале?

Брежнев был хитрым, упорным и последовательным в достижении своих целей. Но не торопился. Скрывал свои взгляды и намерения. Без шума, не привлекая внимания, избавлялся от тех, кто ему не нравился или кого считал опасными. Бороться за сохранение власти продолжал до последних дней жизни.

Леонид Ильич, сохраняя внешне доброжелательность, хитро разогнал шелепинскую команду. Человек тридцать—сорок из окружения Шелепина разослали кого куда, большей частью на работу в малозначимые государства.

Распустили отдел международной информации ЦК, которым руководил Дмитрий Петрович Шевлягин, потому что в его составе было много комсомольцев.

Председатель Гостелерадио Николай Месяцев кому-то сказал про Кириленко, что у того всегда пустой стол и он сам с собой от скуки в крестики-нолики играет. Андрею Павловичу немедленно донесли. Месяцев вернулся из командировки в Хабаровск, а ему в аэропорту говорят: вас только что освободили от должности. Месяцева отправили послом в Австралию.

Школьный друг Шелепина Валерий Иннокентьевич Харазов был вторым секретарем ЦК компартии Литвы.

— Всех комсомольцев разогнали, — рассказывал он. — Я последний остался. Мне прямо сказали: «Прекрати связь с Шелепиным». Я ответил: «Нет. Я связан с ним с детства, а вы хотите, чтобы я отказался от такой дружбы?» — «Тогда будет хуже». Я сказал: «Пусть будет хуже, но дружбу с Шелепиным я не порву»...

Партийная карьера Харазова тоже закончилась, его перевели в Комитет народного контроля РСФСР.

После того как Шелепина и Семичастного убрали из политической жизни, они оказались под контролем госбезопасности. Два бывших председателя КГБ знали, что бывшие подчиненные их подслушивают.

— Мы выходили на улицу и беседовали на свежем воздухе, — говорил мне Владимир Семичастный. — Разговоры, не предназначенные для чужого уха, мы в помещении старались не вести. Мы понимали, что все контролируется и ставится на учет. Хотя иногда делали это назло, чтобы знали наше мнение...

«Никто на меня так не кричал»

Леонид Ильич Брежнев, став главой партии, получил огромную власть. Но и он зависел от мнения членов партийного руководства, особенно поначалу.

Фактически генеральный секретарь не подписывал важных бумаг, не получив согласия других членов политбюро.

Брежнев первоначально опирался на секретариат ЦК: там были его люди — Суслов, Кириленко, Кулаков, Устинов, там он мог рассчитывать на полную поддержку. Важный вопрос, вспоминал Кирилл Мазуров, рассматривался на секретариате, после этого Брежнев приходил на политбюро и веско говорил:

— Мы посоветовались и думаем, что надо действовать так и так.

И его люди дружно подхватывали:

— Правильно, Леонид Ильич.

Брежневу понадобилось несколько лет на то, чтобы оставить в политбюро только тех, на кого он мог полностью положиться.

В апреле 1973 года на пленуме ЦК соратники всячески славословили Брежнева. Начало положил Подгорный. И зал трижды взрывался аплодисментами. Но важнее всего было выступление Суслова, который произнес льстивые слова в адрес «генерального секретаря ЦК нашей партии товарища Леонида Ильича Брежнева». И в резолюции пленума ЦК впервые записали: «...под руководством Центрального Комитета нашей ленинской партии, его Политбюро и лично товарища Леонида Ильича Брежнева».

С той поры ни одно собрание — от пленума ЦК до рядового партсобрания — не обходилось без славословий в адрес Брежнева. А Леонид Ильич, который до того подтрунивал над Михаилом Андреевичем, проникся к нему полнейшим доверием.

В такой ситуации членам политбюро не с руки было возражать против решений Леонида Ильича.

27 декабря 1973 года на заседании политбюро, подводя итоги работы политбюро и секретариата за прошедший год, Брежнев сказал:

— Я, например, подписываю некоторые решения, хотя с ними не согласен. Правда, таких решений было очень немного. Так я делаю, потому что большинство членов политбюро проголосовало «за». Мы с вами, товарищи, работаем в согласии, в духе ленинских заветов... У нас в партии полное единство, нет никаких оппозиционных группировок, и нам с вами легче решать все вопросы... Мы нередко, конечно, устаем, перегружаем себя, но все это, товарищи, ради общего блага нашей страны. Иногда приходится отбрасывать усталость, чтобы решить тот или иной вопрос...

Заседания политбюро проходили по четвергам в Кремле в здании правительства на третьем этаже.

На этом же этаже располагался кабинет генерального секретаря (второй, рабочий, находился в здании ЦК на Старой площади). Из приемной генеральный проходил в так называемую ореховую комнату, где перед заседанием за круглым столом собирались все члены политбюро. Собственно, здесь часто — еще до начала заседания — обговаривались важнейшие вопросы, поэтому иногда начало заседания задерживалось на пятнадцать-двадцать минут.

Секретарям ЦК и кандидатам в члены политбюро в ореховую комнату вход был заказан. И они покорно ждали, пока появятся настоящие хозяева жизни во главе с генеральным секретарем.

Кандидаты в члены политбюро и секретари ЦК проходили в зал заседаний из приемной, где собирались и приглашенные на заседание.

Открывая заседание, Брежнев спрашивал, есть ли у членов политбюро замечания по повестке. Но очень редко кто-то вносил дополнительный вопрос. Полагалось все заранее обсудить и согласовать, чтобы не ставить товарищей в затруднительное положение. Необговоренные заранее предложения на политбюро, как правило, проваливались.

25 ноября 1971 года перед открытием сессии Верховного Совета в комнате президиума Брежнев сказал, что Подгорный внес предложение по итогам пятилетки наградить членов политбюро, руководителей национальных республик. Леонид Ильич предложил обсудить идею Подгорного. Но ему самому не нравилось то, что такое предложение исходит не от него. Суслов и Косыгин сразу выступили против — рады были поставить подножку товарищу.

Члены высшего партийного руководства из национальных республик охотно прилетали в столицу каждый четверг, чтобы принять участие в заседании. Отсутствовать на политбюро можно было только по причине болезни или заграничной командировки, куда ездили опять же по решению политбюро.

Если же случилось что-то чрезвычайное, что мешало приезду в Москву, надо было звонить генеральному и просить разрешения остаться дома. А звонить генеральному по пустякам считалось неприличным.

Если бы кто-то пропустил заседание, сразу возник бы вопрос: выходит, он сам все знает, без совета политбюро намерен обойтись? Долго бы такой человек в политбюро не задержался. Да никто и не хотел пропускать завидную возможность побыть в Москве.

На заседании обсуждались только наиболее важные проблемы. Остальные решения принимались опросом: общий отдел ЦК через фельдъегерей рассылал по всей стране членам политбюро документы, на которых нужно было написать «за» или «не согласен». Эти документы руководитель общего отдела республиканского ЦК докладывал своему хозяину в первую очередь. Но если кому-то и не нравился проект постановления, написать «не согласен» было нелегко. Часто члену политбюро звонили из Москвы и намекали:

— Уже все проголосовали, остался ты один.

После такого предупреждения не всякий решался возражать.

В зале, где заседало политбюро, места за столом занимали в зависимости от ранга и продолжительности пребывания в данном партийном звании. У каждого было свое место.

Во время заседания приносили чай, кофе, бутерброды. Если обсуждение затягивалось, то устраивали перерыв и все вместе обедали на втором этаже, в комнате возле Свердловского зала. За обедом разговор продолжался.

Иногда разрешалось присутствовать помощникам генерального секретаря. Заведующий общим отделом ЦК или его первый заместитель конспектировали ход обсуждения и записывали принятое решение. Более подробные, стенографические записи делались в исключительных случаях.

При Хрущеве практически все записи делал Малин, при Брежневе — Черненко. Он помечал, кто присутствовал, какие темы обсуждались. Одной-двумя фразами передавал смысл позиции каждого выступавшего и фиксировал окончательное решение.

Магнитофонные записи заседаний политбюро (даже когда такая техника появилась) исключались, во-первых, ради соблюдения секретности и, во-вторых, как ни странно это звучит, во имя свободы высказываний. Еще в ленинские времена члены политбюро условились, что стенограмм не будет — все могут высказываться свободно и не думать о том, что потом кто-то прочтет запись и узнает, кто какой позиции придерживался.

На политбюро вызывали министров, маршалов, академиков, директоров, других руководителей. Они докладывали, потом шло обсуждение и принималось решение. По традиции почему-то не приглашались ждавшие назначения послы. Они сидели в приемной, пока принималось решение отправить их в ту или иную страну.

В приемной, где ждали своей очереди приглашенные на заседание, официанты тоже разносили чай. Дежурный секретарь называл номер обсуждаемого вопроса — в соответствии с повесткой дня. Вызванные по этому вопросу заходили в зал заседаний. После обсуждения сразу выходили. Задерживаться не позволялось.

В апреле 1971 года на политбюро обсуждалась ситуация в Египте. Заместитель резидента советской политической разведки Вадим Кирпиченко, вызванный из Каира, запомнил, что единственным человеком без галстука был Брежнев:

«Очевидно, он мог позволить себе эту вольность и надеть темно-синюю шерстяную рубашку под цвет костюма. Вел он заседание спокойно, как мне показалось, без всякого интереса, скорее как бы по необходимости...

На центральный стол подавали бутерброды с благородной рыбкой, с красной и черной икрой, а всех нас, подпиравших стены зала заседаний, обносили только бутербродами с колбасой и сыром. Таким образом каждый еще раз мог осознать свое место и назначение в этом мире».

Брежнев постепенно устранил всех, кто казался ему недостаточно лояльным. Он избавился от первого секретаря ЦК компартии Украины Петра Ефимовича Шелеста, от главы правительства РСФСР Геннадия Ивановича Воронова и от первого заместителя председателя Совета министров Дмитрия Степановича Полянского.

Воронов уже на пенсии рассказывал, как однажды перед заседанием политбюро в ореховой комнате они пили чай. Обсуждался вопрос о строительстве крупного автомобильного завода.

Воронов считал, что его нужно строить в Красноярском крае — в Абакане.

Брежнев вдруг сказал:

— А я думаю, надо строить этот завод в Набережных Челнах.

Воронов взорвался:

— Как же так, Леонид Ильич. Уже вопрос обсужден!

Брежнев удивленно сказал:

— Никогда никто на меня так не кричал, как кричит Воронов.

— Я не кричу, это вы орете. Я просто говорю, что у нас этот вопрос обсужден, проработан. Давайте другие материалы, будем их рассматривать.

— Нечего рассматривать, — отрезал Брежнев, — снимаю вопрос с обсуждения.

Брежнев, естественно, настоял на своем, и завод построили в Набережных Челнах. А вскоре он расстался со строптивым Вороновым.

В аппарате генерального секретаря Геннадия Ивановича не любили. Борис Дмитриевич Панкин, главный редактор «Комсомольской правды», участвовал в подготовке брежневского выступления на съезде комсомола. Леонид Ильич прочитал речь, текст ему понравился, и он распорядился разослать его членам политбюро.

Один из авторов речи довольно сказал:

— Дело в шляпе, после Леонида Ильича ни у кого замечаний уже не бывает.

— Кроме Воронова, — ворчливо заметил Александров-Агентов. — Этот господин никогда не отказывает себе в удовольствии прислать дюжину страниц с замечаниями. Писатель...

Панкин впервые слышал, как помощник, хотя бы и первого лица, столь небрежно отзывался о члене политбюро. Потом он поинтересовался, какие были замечания. Другой помощник генсека, Георгий Цуканов, ответил, что замечания были несущественные.

— А Воронов?

— Как всегда, накатал несколько страниц, но их велено оставить без внимания, — с нескрываемым удовольствием сообщил Цуканов.

Сам Панкин питал уважение к Геннадию Воронову, который поддержал движение так называемых безнарядных звеньев, оно же коллективный подряд. За группой крестьян закреплялись участок земли, техника, удобрения. Условия: на определенную сумму они должны сдать государству сельхозпродукцию, а остальную могут продать и заработать. Это позволяло как-то заинтересовать крестьянина.

В партаппарате и правительстве к этому движению отнеслись по-разному. Член политбюро и первый заместитель главы правительства Полянский позвонил главному редактору «Комсомолки»:

— Ты раздуваешь частнособственнические инстинкты. Кулаков новых растишь. Если не прекратишь немедленно, это для тебя добром не кончится.

А глава российского правительства Воронов, зная о настроениях Полянского, решительно поддержал новое движение. Он приехал в редакцию «Комсомолки» и выступил на заседании круглого стола. Но отчет о заседании задержала цензура. Уполномоченный Главлита заявил, что для публикации мнения члена политбюро нужна виза ЦК.

— В ЦК посылать — это могила, — сказал Воронов. — Пришлите мне, что получилось. Я завизирую. В конце концов я сам ЦК. Если будут вопросы, пусть мне звонят.

Увидев автограф Воронова, уполномоченный Главлита подписал номер в печать.

Говорят, что Воронов потерял свой пост, поскольку не сумел наладить отношения с первыми секретарями областных комитетов.

По словам одного провинциального секретаря обкома, Воронов, выступая, «нудно и утомительно поучал, показывая свою ученость, больше напоминал манерного провинциального лектора, чем государственного деятеля масштаба России».

В 1971 году Геннадия Ивановича Воронова переместили на внешне значительный пост председателя Комитета народного контроля СССР. Знакомство с новой работой начал, достав с полки том Ленина, в котором опубликована знаменитая статья «Как нам реорганизовать Рабкрин».

Геннадий Иванович вскоре убедился, что Брежнев ни в грош не ставит его ведомство.

— Никакой пользы от народного контроля я не вижу, — повторял Леонид Ильич. — Вот был Мехлис, его все боялись.

Воронов прилетел к Брежневу в Пицунду, где тот отдыхал, привез записку о совершенствовании системы народного контроля. Брежнев позвал гостя купаться, потом сели играть в домино с помощниками. Принесли коньяк. Брежневу совершенно не хотелось заниматься делами.

Суслов пригласил к себе Воронова и сообщил, что председателю комитета не надо быть членом политбюро. Воронов, не дожидась, когда от него избавятся, в апреле 1973 года сам подал в отставку.

На пост главы правительства России назначили секретаря ЦК и заведующего отделом тяжелой промышленности Михаила Сергеевича Соломенцева. Он считался человеком Кириленко, который в ЦК курировал промышленность. У Соломенцева была репутация человека послушного, добросовестного исполнителя, который лишнего себе не позволит.

Соломенцев рассказывал журналистам, как после поездки в Монголию он заболел, сидел дома с высокой температурой. Позвонил Брежнев:

— Срочно нужен. Приезжай.

В кабинете сказал:

— На политбюро обсуждали кандидатуру на пост предсовмина России. Решили назначить тебя.

Соломенцев понимал, что это важное повышение, гарантирующее ему место в политбюро. Но сразу сказал, что над правительством РСФСР слишком много руководителей. И Совмин, и Госплан — все дают указания.

Брежнев ему пообещал:

— Ты будешь иметь дело только со мной. А если кто-то другой будет вмешиваться, пошли его подальше.

Большая рокировка в Киеве

Весной 1972 года Брежнев ловко убрал Шелеста с поста первого секретаря ЦК компартии Украины.

Возможно, все началось с того, что председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов, который редко покидал Москву — он был типичным кабинетным работником, — приехал на Украину. Официально — для участия в республиканском совещании КГБ. А на самом деле, чтобы прощупать первого секретаря республики. Они с Шелестом встретились за городом и долго беседовали в неформальной обстановке.

«Андропов приехал явно с заданием выяснить мои мысли и позиции перед съездом партии, — записал в дневнике Шелест. — Я откровенно высказал свои соображения, в том числе недостатки в стиле руководства центра. О Брежневе сказал, что его всячески надо поддерживать, но нельзя же на политбюро устраивать беспредметную говорильню, "базар" — надо начатые дела доводить до конца. Может быть, я говорил резко, но зато правду. Чувствую, что беседа с Андроповым для меня даром не пройдет».

Шелест не ошибся. Андропов нащупал уязвимое место Шелеста. Петр Ефимович, пожалуй, больше других киевских политиков любил Украину, украинский язык. Приехав в одну из областей, Шелест обратил внимание на лозунг «Сдадим объект на месяц раньше срока», недовольно заметил:

— Лозунг написан на русском, а работают там, небось, одни украинцы.

Комсомольским секретарям, даже в Крыму, приказано было выступать только на украинском языке. Не у всех это получалось. Многие украинцы на высоких постах не владели родным языком. Приехал в Ровенскую область председатель Украинского республиканского совета профсоюзов Василий Константинович Клименко, профессиональный партийный работник. В драматическом театре собрали областной актив послушать члена политбюро ЦК компартии Украины. Василий Клименко достал очки, протер стекла и приступил к чтению доклада.

«С первых слов, — вспоминал очевидец, — стало ясно, что он, вероятно, впервые в жизни читает по-украински. Слова он калечил так, что трудно было понять, о чем идет речь. Зал загудел».

Летом 1965 года всем высшим учебным заведениям республики было дано указание в трехмесячный срок перевести обучение на украинский. В Москве такие жесты воспринимали настороженно, видели в этом проявление национализма и сепаратизма. А друг Леонида Ильича Щербицкий, как он сам говорил, стоял на «позициях Богдана Хмельницкого», то есть полностью ориентировался на Москву. Щербицкий на пленумах и совещаниях выступал на русском языке, и книги его выходили только на русском. Он был человеком очень мнительным, заботился о том, чтобы Москве нравилось все, что он делает.

Александр Капто при Шелесте руководил украинским комсомолом, при Щербицком стал секретарем ЦК по идеологии. По его словам, были «два Шелеста». Один — сторонник твердой руки, непримиримый борец с «буржуазным влиянием». Другой — сентиментальный человек с ярко выраженным украинским самосознанием. Он хотел, чтобы сняли фильм о Тарасе Бульбе, в котором раскрылся бы подлинный украинский характер и была бы показана глубина украинской души. Поручил своему аппарату организовать переезд в Киев Сергея Бондарчука, чтобы он поставил этот фильм на студии имени А. Довженко.

Шелест опирался на ту часть украинской интеллигенции, которая с горечью говорила о судьбе своего народа и вину возлагала на Россию.

«С какой сатанинской силой уничтожалась Украина, — писал в дневнике известный писатель Олесь Терентьевич Гончар. — По трагизму судьбы мы народ уникальный. Величайшие гении нации — Шевченко, Гоголь, Сковорода — всю жизнь были бездомными... Но сталинщина своими ужасами, государственным садизмом превзошла все. Геноцид истребил самые деятельные, самые одаренные силы народа. За какие же грехи нам выпала такая доля?»

В конце апреля 1967 года член политбюро Полянский, отдыхавший в Ялте, позвонил Шелесту. У него осталось хорошее впечатление о городе и его руководителях. Но Дмитрий Степанович высказал серьезное замечание:

— Почему министр торговли Украины дал указание во всех торговых точках Крыма русские названия сменить на украинские?

В реальности вывески в городе были на двух языках — и на русском, и на украинском, но Полянского удивило наличие украинских вывесок. Шелест пометил в дневнике относительно слов Полянского: это шовинистический душок, кроме вреда ничего не принесет.

В другой раз, вспоминал заместитель заведующего международным отделом ЦК Анатолий Черняев, вопрос о линии Шелеста возник, когда на политбюро обсуждали записку Андропова. Председатель КГБ докладывал о действиях «украинских националистов», возражавших против русификации и требовавших самостоятельности.

Брежнев укоризненно произнес:

— Я общаюсь по телефону почти каждый день с Петром Ефимовичем, говорим о колбасе, пшенице, о мелиорации... А документ, который сейчас перед нами, ему и ЦК компартии Украины известен уже шесть лет. И ни разу никто из Киева со мной речь об этом не завел, ни слова не сказал. Не было для Петра Ефимовича тут проблемы!

В 1970 году вышла книга Шелеста «Україно наша Радянська» («Украина наша советская»). В Москве обратили внимание на пассаж о демократическом характере Запорожской Сечи, которую разрушила Екатерина Вторая. Это было истолковано как антирусский выпад, потворство украинскому национализму. Даже Подгорный выразил недоумение:

— В такой обстановке не надо было это делать.

Книгу перевели на русский язык — для служебного пользования, разослали членам политбюро. Суслов сделал Шелесту выговор:

— Архаизм эти ваши запорожские казаки!

Шелест ответил необдуманно резко:

— Если бы не казаки, то и тебя бы здесь не было — казаки грудью закрыли границы страны от кочевников, от турок! Казаков еще цари использовали для защиты родины. И мы перед ними должны голову склонить, а вы тут такое говорите. Обидно...

Шелест убрал с поста секретаря ЦК по идеологии Андрея Даниловича Скабу как слишком жесткого чиновника и поставил на это место Федора Даниловича Овчаренко. Как и Демичев, он был химиком, но в отличие от Петра Ниловича защитил докторскую диссертацию. Овчаренко рано пошел по партийной линии — секретарь парткома республиканской Академии наук, заведующий отделом науки и культуры ЦК компартии Украины. Это помогло ему стать членом-корреспондентом, затем действительным членом республиканской Академии наук.

Перед утверждением его приняли в Москве секретарь ЦК по кадрам Капитонов, секретарь ЦК по идеологии Демичев, затем сам Суслов. Михаил Андреевич не пожалел времени, чтобы прощупать выдвиженца Шелеста. Суслова особенно интересовали отношения с украинской интеллигенцией. В качестве напутствия подчеркнул, что главная задача Овчаренко — борьба с национализмом. Об этом же говорил и Брежнев, который тоже долго беседовал с новым секретарем украинского ЦК и тоже напомнил об опасности националистических настроений на Украине...

Но Федор Овчаренко усердствовал на этом направлении не более, чем этого хотел руководитель республики. В Киеве о другом беспокоились: чтобы права Украины не ущемлялись. Овчаренко пометил в рабочем дневнике:

«Взаимоотношения представителя СССР и Украины при ООН ненормальные. Наших пытаются принизить (называют самостийниками, а резидент КГБ — бандеровцами)...»

Перед XXIV съездом партии, в марте 1971 года, Шелест зашел к Брежневу, рассказал о кадровых делах. Брежнев заинтересовался первым секретарем Донецкого обкома Владимиром Ивановичем Дегтяревым.

— Мы на него имеем некоторые виды. — И как бы пошутил: — Нет, пусть останется на Украине, хоть один будет первый секретарь русский.

В результате этого разговора Владимир Дегтярев, который в 1944 году приехал в Донбасс на восстановление угольных шахт, удостоился звания Героя Социалистического Труда и в довольно молодом возрасте стал секретарем обкома, проработал в Донецке тринадцать лет. А когда понадобилось его кресло, Владимира Ивановича «выдвинули» начальником республиканского Госгортехнадзора, на должность, не имеющую никакого веса, а затем тихо отправили на пенсию.

Относительно подхода к кадрам Шелест был готов к ответу и отпору.

— На Украине семьдесят национальностей. Мы никого не делим, тем более коммунистов, по национальностям. Что касается русских, то их в составе ЦК компартии Украины сорок процентов, среди первых секретарей обкомов их шесть. Среди руководящего административного состава республики русских пятьдесят восемь процентов. Национальный вопрос мы часто создаем сами. Это вопрос гнилой интеллигенции и чересчур «идейных» деятелей. Простой рабочий народ этого не чувствует, для него такого вопроса нет...

Брежнев сказал примирительно:

— Я просто имел в виду, что за национальным вопросом надо смотреть.

За Украиной присматривали очень бдительно. 28 сентября 1971 года появилось постановление ЦК КПСС «О политической работе среди населения Львовской области». Вокруг этого постановления закрутилась сложная политическая интрига.

В постановлении критично оценивалась ситуация на Западной Украине, партийный аппарат критиковался за «примиренческое» отношение к буржуазно-националистическим взглядам. Постановление ЦК КПСС было настолько жестким, что его не публиковали. Целились в Шелеста, а досталось его подчиненным во Львове:

«Обком и горком продолжительное время мирились с ошибочными тенденциями, не организовали публичной критики идеологически вредных работ и раскрытия подлинного облика идеологов украинского буржуазного национализма как непримиримых врагов украинского народа и враждебных марксизму-ленинизму и советской власти».

Первый секретарь Львовского обкома Василий Степанович Куцевол потерял свой пост, его место занял выходец из Днепропетровска Виктор Федорович Добрик, который понимал, что от него ждут жесткой позиции. На республиканском съезде партии Добрик возмущенно заявил:

— Нам показали кинофильм «Белая птица с черной отметиной». Я не знаю, что думают другие делегаты съезда, но делегаты от нашей области считают, что ничего кроме вреда от этого фильма не будет, особенно для трудящихся западных областей Украины.

Фильм режиссера Юрия Ильенко «Белая птица с черной отметиной» вышел на экраны в 1971 году. Он был посвящен судьбе карпатских крестьян в переломные военные и послевоенные годы, когда одни становились на сторону советской власти, а другие уходили в леса, чтобы сражаться с москалями. В этой ленте свою первую роль — бандеровца Ореста Звонаря — сыграл Богдан Ступка. Фильм показывают и по сей день.

В свою очередь Шелест воспользовался постановлением, чтобы снять с должности секретаря обкома по идеологии Валентина Ефимовича Маланчука, хотя тот и был главным борцом против «украинского буржуазного национализма» и на этом делал карьеру. Валентин Маланчук в двадцать два года стал секретарем Львовского обкома комсомола и старательно взбирался по карьерной лестнице. Шелест доказывал, что в республике восторжествовал интернационализм, а Маланчук писал, что борьба с национализмом — важнейшая задача партии. В той атмосфере борьба с «национализмом» на практике означала удушение любого деятеля культуры, позволившего себе отклонится от генеральной линии.

Шелест отправил во Львов бригаду ЦК компартии Украины из двадцати пяти человек с приказом проверить, как обком ведет идеологическую работу. Бригада накопала достаточно материала, чтобы Шелест преспокойно снял Маланчука с должности и назначил заместителем республиканского министра высшего и среднего специального образования. Это означало конец политической карьеры.

Более того, Шелест поручил отделу пропаганды ЦК провести в министерстве партийное собрание, осудить Маланчука и таким образом его добить. Но не успел. Петра Ефимовича самого убрали из Украины...

30 марта 1972 года в Москве началось заседание политбюро, которое продолжалось допоздна. Выступил Андропов — о враждебной пропаганде, обострении классовой и идеологической борьбы, о просачивании за кордон нежелательной информации и распространении самиздата.

Шелест предложил ограничить въезд иностранных туристов, свободу международных телефонных разговоров и выезд евреев в Израиль.

Суслов многозначительно заметил:

— В свое время было сказано, что у нас нет политических преступников, и это притупило бдительность КГБ. Надо ужесточить отношение к нашим врагам.

Подгорный не симпатизировал Андропову и не желал расширения его полномочий:

— Я не поддерживаю предложения об увеличении штата и тем более прав КГБ для политической информации. Идеологическим фронтом должен заниматься ЦК.

Брежнев между делом заметил, что в книге Шелеста «Украина наша советская» воспевается казачество, пропагандируется ненужная старина.

— Говорят, на западе Украины кое-где поднимают голову бандеровцы и оуновцы, а их там проживает пятьдесят тысяч человек, — сказал он.

Соломенцев выступил против создания городам гербов, экскурсий по старинным и памятным местам. Он тоже высказался о ситуации на Украине:

— В республике много вывесок и объявлений на украинском языке. А чем он отличается от русского? Только искажением последнего. Так зачем это делать?

Первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Петр Миронович Машеров подхватил эту мысль:

— Возрождение и восхваление старины — это не наш дух.

Глава правительства Украины Щербицкий не упустил случая подставить ножку Шелесту и самокритично заметил:

— Мы у себя в республике неосторожно подходим к выдвижению кадров и берем курс, как правило, на украинцев.

Косыгин, как обычно, стоял на страже идеологической чистоты:

— Создание в свое время совнархозов тоже было проявлением национализма. В нашем искусстве, театрах, кино очень много отступлений от нашей идеологии. В мемуарной литературе, особенно военной, слабо освещают роль партии, ее организаторскую силу. Непонятно, почему на Украине в школах должны изучать украинский язык? Произведения Шевченко кое-где используются в националистических целях.

Итоги подвел Брежнев:

— Обсуждение вопроса вышло далеко за пределы информации Андропова. Нам надо в корне пересмотреть всю работу по борьбе с враждебными элементами. Имеет место слабая информация со стороны партийных органов в ЦК КПСС. И это факт, что товарищ Шелест недостаточно информировал ЦК КПСС, а события, носившие политический характер, не взволновали его и не было по этому поводу мне звонка. Притуплена политическая ответственность со стороны руководства республики. Бдительность, еще раз бдительность.

Брежнев и Андропов сменили руководство Комитета госбезопасности на Украине. Новым председателем республиканского КГБ 16 июля 1970 года назначили генерала Виталия Васильевича Федорчука, выходца из военной контрразведки, протеже генерала Цинева.

Владимир Семичастный рассказывал:

— Я думаю, его отправили в Киев, чтобы он выжил Шелеста. Это была главная задача, чтобы освободить место для Щербицкого. Я уважал Щербицкого, он был выше Шелеста по общему развитию, но в его выдвижении сыграло роль то, что он из днепропетровской компании...

Прежний председатель КГБ Украины Виталий Федотович Никитченко категорически отказывался покидать Украину.

— Уговаривал Никитченко сам Брежнев, который через Киев ехал куда-то в Европу, — вспоминал Семичастный. — В Киеве генерального, как всегда, встречало украинское политбюро. Но Брежнев всех отставил в сторону и двадцать минут по перрону ходил с Никитченко — убеждал его перебраться в Москву.

Появление генерала Федорчука в Киеве не обрадовало Шелеста.

«Ничего хорошего я от этой перемены не жду, — записал он в дневнике. — Позвонил мне Андропов, что-то больно обеспокоен, все это не зря, что-то в этой замене кроется».

Первый же крупный разговор с Федорчуком состоялся буквально через два месяца после его приезда в Киев.

«Принял Федорчука, — записал в дневнике Шелест. — Он начал заниматься несвойственными делами: превышением власти, контрольными функциями за советским и партийным аппаратом. Звонит утром на работу министрам и проверяет, находятся ли они на работе. Проверяет, как поставлена учеба министров и какая тематика занятий...

Я откровенно высказал Федорчуку все и сказал, что не стоит ему лезть в дела, ему не свойственные. Надо работать, а не заниматься критиканством предшественника. По всему видно, что не понравился ему такой разговор. Думаю и уверен, что действует он не по своей инициативе — не такой он “герой”. Он явно имеет “директиву” комитета, а комитет без одобрения и прямого указания и санкции Брежнева не мог пойти на такой шаг. Брежнев делает ставку на КГБ как “орудие” всесторонней информации и укрепления своего личного “авторитета” в партии...

За всем следят, все доносят, даже ты сам не знаешь, кто это может сделать. Установлена сплошная агентура и слежка. Как это все отвратительно!»

Федорчук был крайне недоволен работой своего предшественника:

— Почему не было настоящей борьбы против националистов?

По его мнению, сделал вывод Шелест, борьба — это когда без разбора сажают в тюрьму.

Федорчук заявил:

— Мы работаем на Союз, мы интернационалисты, и никакой Украины в нашей работе нет.

Он неустанно выискивал в республике идеологическую крамолу и требовал ее искоренения. Если меры не принимались, с угрозой в голосе говорил на политбюро:

— Я информирую вовремя и остро, но нет должной реакции.

Шелест сам не упускал случая показать, что он сражается с националистами. На республиканском совещании идеологических работников требовал:

— Надо решительно срывать зловещую маску с украинских буржуазных националистов, которые в своей антисоветской борьбе объединяются с сионистскими организациями и разными контрреволюционными националистами за рубежом.

19 мая 1972 года в Свердловском зале Кремля открылся очередной пленум ЦК КПСС. Первый вопрос — обмен партийных билетов, докладчик Капитонов, второй — о международном положении, докладчик Брежнев.

После второго доклада объявили перерыв. Шелест заметил, что несколько членов политбюро отправились на третий этаж, в кабинет Брежнева. Петра Ефимовича не позвали. Он уехал обедать в постпредство Украины.

После обеда начались прения. Когда выступил четвертый оратор, Брежнев поручил вести пленум Суслову и вышел из зала, пригласив с собой Шелеста в комнату президиума. Петр Ефимович почувствовал, что его ждет неприятный разговор.

Брежнев спросил, как дела, как настроение, что нового. Шелест стал рассказывать о положении в республике, но увидел, что Леонида Ильича не это интересует.

Брежнев осторожно завел разговор:

— Ты, Петр Ефимович, уже десять лет первый секретарь ЦК компартии Украины. Может, пора тебе сменить обстановку? Когда долго работаешь на одном месте, притупляется чутье, надоедаешь ты людям, и они тебе.

Ошеломленный Шелест спросил:

— Почему так внезапно встал этот вопрос?

— Надо перейти работать в Москву.

— Но почему? — допытывался Шелест.

— С твоим опытом ты нужен в Москве, а там надо омолодить кадры. Надо готовить смену. Соглашайся. Все будет хорошо — это я тебе говорю.

— Если вы считаете, что надо омолаживать кадры, делайте это. Но какой смысл мне в шестьдесят четыре года начинать все сначала? Если претензий ко мне нет, то отпустите меня на пенсию. Я, кажется, достаточно отработал и на хозяйственной, и на партийной работе.

Шелест был на два года моложе Брежнева. Намек на то, что в таком возрасте пора уходить на пенсию, разозлил Леонида Ильича:

— Ну, зачем ты ставишь вопрос о пенсии?

— Прошу отпустить меня на отдых, — повторил Шелест.

— А что по этому поводу подумает партийный актив?

— Подумают, что я ушел по старости и по состоянию здоровья.

— Ты же здоров как бык, — резко сказал Брежнев. — На тебе еще можно десяток лет ездить. — И добавил уже мягче: — У тебя в Москве будет все и моя личная дружба. Вместе на охоту будем ездить. Ты пойдешь работать в Совмин зампредом.

Шелест молчал. Брежнев стал наседать:

— А что, тебе мало? Зампред Совмина такой державы! Будешь заниматься промышленностью, в том числе военной. У тебя ведь огромный опыт, и он нужен стране.

— Вопрос не в том, много или мало. Так не рассуждают.

Я не понимаю целесообразности этой затеи. Вы мне скажите прямо: какая все-таки главная причина моей замены? Я старался работать с полной отдачей, дела в республике идут неплохо.

— По работе к тебе претензий нет, но так нужно для общей пользы. Отпустить тебя на пенсию не можем. Соглашайся, члены политбюро все правильно поймут.

— Ну что ж, делайте, как хотите.

Брежнев встал, обнял Шелеста, расцеловал и сказал:

— Спасибо.

Они вернулись на свои места. Украинские секретари обратили внимание на побагровевшее лицо своего руководителя и его мрачный взгляд. Когда из зала вышел Подгорный, Шелест последовал за ним. Ему не терпелось обсудить происшедшее с другом и покровителем.

Подгорный закурил и сочувственно спросил:

— Ну что, говорил с тобой Брежнев? Дал согласие?

Шелест ответил, что вынужден был согласиться.

— Правильно, — кивнул Подгорный, — будем вместе работать.

Вечером собрали политбюро.

— Нам надо брать в Центр опытных работников, — начал Брежнев. — В связи с этим вносится предложение утвердить Петра Ефимовича Шелеста заместителем предсовмина. Человек он опытный, пусть помогает. Я с ним по этому вопросу имел разговор. Он согласился.

Брежнев сказал Шелесту, что задерживаться в Киеве не стоит, много дел в Москве.

— В Киеве надо со многими вопросами разобраться, — подал голос Щербицкий.

— Разберетесь сами — все будет хорошо, — ответил Брежнев.

Щербицкий делано буркнул:

— Что же хорошего? Забрали первого секретаря и ничего не сказали.

А у самого лицо было сияющее. Наконец-то он стал хозяином республики, избавился от Шелеста, который его не выносил.

К Шелесту подошел Косыгин, поздравил:

— Поработаем вместе.

Петр Ефимович Шелест улетел в Киев.

«Шелест и Щербицкий, — вспоминал украинский академик-литературовед Дмитрий Владимирович Затонский, — возвращались в Киев на разных самолетах, более того, они сели на разных аэродромах. "Победитель" прибыл на престижный Бориспольский, “побежденный” — в затрапезные Жуляны. “Вся королевская рать” столь же естественно явилась в Борисполь. И только один человек отправился в Жуляны. Это был секретарь ЦК Федор Данилович Овчаренко».

Шелест вспоминал потом, что ночью не мог заснуть, слезы подкатывали. Еще в Москве он спросил Брежнева, кто придет ему на смену. Брежнев ушел от ответа:

— Посмотрим.

Шелест предложил кандидатуру председателя президиума Верховного Совета республики Александра Павловича Ляшко. Брежнев сказал:

— У нас там есть член политбюро.

Иначе говоря, все это было сделано для того, чтобы расчистить дорогу Щербицкому (Ляшко вместо него станет председателем Совета министров республики).

Два дня Шелест не мог связаться с Брежневым по телефону, чтобы уточнить, когда проводить республиканский пленум, кого рекомендовать на пост первого секретаря. 23 мая, в воскресенье, ему на дачу позвонил второй секретарь ЦК Украины Иван Кондратьевич Лутак, передал, что звонил Суслов и потребовал, чтобы Шелест немедленно летел в Москву.

Петр Ефимович недовольно ответил:

— У меня есть телефон. Если я так срочно нужен Суслову, пусть он мне звонит.

Михаил Андреевич не затруднился перезвонить и велел Петру Ефимовичу немедленно прибыть в Москву и приступить к работе. Шелест ответил, что немедленно выехать не может, потому что, во-первых, плохо себя чувствует, во-вторых, должен на пленуме попрощаться со всеми, с кем работал.

А вот это для Центра было нежелательно.

— Пленум откладывается, — отрезал Суслов, — а вы должны быть в Москве. Иначе...

Шелест не выдержал:

— Товарищ Суслов, вы меня не пугайте. Ничего я не боюсь, хуже и страшнее того, что вы со мной сделали, уже не будет.

Тем не менее Шелест собрал аппарат ЦК и попрощался. На следующий день пообедал с членами политбюро и вечерним поездом отправился в Москву. Он взял с собой охрану и обслуживающий персонал. Едва он уехал, как в Киеве провели пленум и избрали первым секретарем Владимира Васильевича Щербицкого.

Щербицкий постоянно демонстрировал свою близость к генеральному. Во время пленума ЦК в Киеве его приглашали к телефону, он на несколько минут покидал зал, а вернувшись, гордо сообщал соратникам, что Леонид Ильич шлет им горячий привет.

В первые два года Щербицкий заменил девять первых секретарей обкомов партии. Руководитель Ровненской области Иван Алексеевич Мозговой вспоминал, как ему поздно вечером позвонил новый хозяин Украины:

— Ты в отпуске уже был?

— Нет.

— Иди отдыхать, а вернешься, приступишь к работе на новом месте.

Мозговой возглавил более крупную Херсонскую область. Его предшественника Антона Самойловича Кочубея сняли за то, что руководители области в нарушение существующего порядка строили дачи на берегу Днепра. История эта была давняя, а вспомнили о ней потому, что Антон Кочубей считался другом Шелеста. Зачистили, как теперь говорят, и областной аппарат. Одного из бывших руководителей области хотел оставить сам Мозговой, но услышал предостережение от работника ЦК:

— Лібералізм, шановний Іване Олексійовичу, рідко коли приносить користь.

Брежнев Петра Шелеста не принял, сослался на занятость перед визитом в Советский Союз президента Соединенных Штатов Ричарда Никсона. Шелест сетовал на то, что ему не дали попрощаться с товарищами на пленуме. Суслов его успокоил:

— Может быть, и лучше, Петр Ефимович, что вас не было на пленуме. Меньше травм.

«Почти все его коллеги испугались, отвернулись от отца, — рассказывал потом сын Шелеста Виталий. — В Москве к нему отношение было гораздо лучше, чем на Украине. На Украине люди боялись, так как им дали понять, что эпоха Шелеста закончилась и продолжать контакты с ним можно только на свой страх и риск».

Вечером 30 мая Шелест поехал на стадион «Динамо» смотреть футбол. К нему присоединились Подгорный, Полянский и Шелепин. Они душевно поговорили, понимая, впрочем, что об этой встрече непременно доложат генеральному секретарю. Леонид Ильич в принципе не любил, чтобы члены политбюро встречались в неформальной обстановке. Помнил, что именно так затевалась отставка Хрущева.

Наконец Брежнев позвонил Шелесту. Петр Ефимович записал в дневнике: «Он сказал, что мне поставят прямую связь с ним. Что она даст, кроме лишнего подслушивающего аппарата?»

А в родном Киеве недавние прихлебатели, перешедшие на службу к новому хозяину, мстили прежнему.

«Открепили моих от спецбазы, — сокрушался Шелест. — Позвонил в Киев, разговаривал с Ляшко. Подлецы, что они делают? Этого ведь ни забыть, ни простить нельзя».

Родственники бывшего первого секретаря лишились возможности получать продукты со специальной базы. В Киеве система была такая: семьи секретарей республиканского ЦК составляли список того, что им нужно — от свежей клубники до икры — и заказанное доставляли на дом. Столкновение с неприятными реальностями жизни было у Шелеста еще впереди. В правительстве он проработал недолго. Понял, чего от него ждут, и сам ушел на пенсию. И вот, что произошло на следующий день: «Телефоны отрезали, газет не присылают, от продуктового магазина открепили, машину отобрали»...

Вернувшись из Москвы, Щербицкий собрал политбюро:

— В УССР возросли националистические, сионистские тенденции, за что наше руководство было подвергнуто обоснованной и серьезной критике. Наша «линия» в этих вопросах неправильная. Под предлогом «демократизации» велась борьбы с русификацией. Начались призывы к изменению государственного строя, борьба за самостоятельную Украину. А ведь Пекин выступает за самостийную Украину!.. Наблюдается ревизия прошлого, восхваление старины, попытки реабилитировать Мазепу, а Богдана Хмельницкого представить предателем. Признано идеологически вредным указание секретаря нашего ЦК на совещании секретарей обкомов в Харькове о преподавании в вузах только на украинском языке. А издание Пушкина на украинском языке, трансляция футбола на украинском! Это распространилось после политически нечеткого выступления Шелеста на съезде писателей: «Бережіть рідну українську мову». Нельзя украинский национализм недооценивать. Нужно поднять идеологическую борьбку, сделать ее острой, наступательной, предметной.

Один из членов политбюро компартии Украины потребовал решительных мер:

— Явных врагов надо было сажать в тюрьму. Виноваты секретарь ЦК по идеологии и отделы ЦК — что не сажали. А Овчаренко еще говорил мне: «Ты что, крови хочешь?»

Вслед за Шелестом в сентябре 1972 года сняли с должности секретаря ЦК компартии Украины и вывели из политбюро Федора Овчаренко. Его пригласил к себе Щербицкий:

— Вам как технарю трудно решать идеологические вопросы. У вас есть специальность, поэтому переход на научную работу не будет для вас связан с проблемами. Давайте подумаем о новом секретаре. Это сложный вопрос. Среди членов ЦК я его не вижу. Посоветуйте.

На политбюро Щербицкий объявил:

— Товарищ Овчаренко подал заявление об освобождении его с должности секретаря ЦК компартии Украины по состоянию здоровья и просит перевести его на научную работу.

На пленуме ЦК Щербицкий говорил уже жестче:

— Товарищ Овчаренко неудовлетворительно занимался идеологической работой.

Партийный руководитель Днепропетровска Алексей Федосеевич Ватченко добавил:

— Очевидно проявление либерализма к националистам со стороны Шелеста и Овчаренко. Надо в партийном порядке рассмотреть их работу.

31 октября Щербицкий рапортовал в Москву:

«С 1968 г. секретарем ЦК КП Украины работал тов. Овчаренко Ф. Д. Занимаясь вопросами идеологической работы, он допустил серьезные ошибки и недостатки. В некоторых вопросах, особенно в осуществлении национальной политики партии, занимал нечеткие позиции...

На тов. Овчаренко Ф. Д. лежит значительная доля вины за то, что в ряде случаев не давался решительный отпор проявлениям украинского буржуазного национализма и сионизма... В работе с творческой и научной интеллигенцией допускал заигрывание и даже брал под защиту некоторых литераторов и ученых, допустивших серьезные идейные срывы... Авторитетом среди партийного актива и интеллигенции не пользовался».

До перехода на партийную работу Овчаренко руководил Институтом коллоидной химии и химии воды, в этот институт и вернулся, но уже не директором.

А карьера украинского идеолога Валентина Ефимовича Маланчука неожиданно пошла в гору. В Москве его считали главным борцом против национализма. Щербицкого убедили в том, что Маланчук — тот человек, который ему нужен. Сам Валентин Ефимович в июле 1972 года обратился с письмом к новому первому секретарю ЦК компартии Украины, жалуясь на то, что его «многие годы травят националисты». Письмо Маланчук написал на русском языке. Он напомнил Щербицкому:

«Могу ли я — сын своего отца, тяжело раненного 18 апреля 1941 г. бандитской пулей во время предвоенной “акции” оуновцев, погибшего, будучи первым секретарем Лопатинского райкома партии 28 февраля 1945 г. в бою с бандеровской бандой, — иметь что-либо общее с национализмом, кроме лютой ненависти к нему, неустанной борьбы против него?»

Щербицкий написал на обращении Маланчука:

«1) Думаю, что идейно-политические позиции т. Маланчука ни у кого из коммунистов-интернационалистов не могут вызывать сомнения, и вопросы он ставит в принципе правильно.

2) Ознакомить членов Политбюро ЦК КП Украины и заведующих отделами ЦК.

Прошу внести предложения по конкретным вопросам».

На пленуме ЦК Маланчук был избран секретарем ЦК Украины по идеологии. Ему поручили избавиться от наследия Шелеста.

20 февраля 1973 года политбюро ЦК компартии Украины приняло постановление, помеченное грифом «особая папка» — о книге Шелеста:

«1. Отметить, что книга “Украіно наша Радянська” по ряду важных принципиальных вопросов отходит от партийных, классовых позиций. В ней... идеализируется украинское казачество и Запорожская Сечь... не раскрывается сотрудничество украинского народа с русскими и другими братскими народами...

2. Отметить, что книга П. Е. Шелеста, как и другие его издания, были опубликованы им с нарушениями установленного порядка, без ведома ЦК КПСС и ЦК КП Украины.

3. Разъяснить партийному активу республики серьезные методологические, идейные ошибки и существенные недостатки книги П. Е. Шелеста “Украіна наша Радяньска”.

Подготовить и опубликовать в журнале “Коммунист Украины” рецензию на книгу П. Е. Шелеста. Считать необходимым после этого изъять указанную книгу из библиотечных фондов республики».

Разгромная статья появилась в апрельском номере республиканского партийного журнала. Шелест был еще членом политбюро, но понял, что ему нужно уходить. В последних числах апреля его вывели из состава высшего партийного руководства.

К вождю опасно обращаться на «ты»

Почти одновременно Брежнев избавился от другого члена политбюро — Дмитрия Степановича Полянского.

Полянский сыграл важную роль в свержении Хрущева и занимал пост в политбюро по праву победителя. Наверное, не понимал, что те, кто помог новому хозяину прийти к власти, править страной вместе с ним не будут.

Когда 18 декабря 1966 года отмечалось шестидесятилетие Леонида Ильича и ему присвоили звание Героя Советского Союза, Полянский посвятил генеральному секретарю восторженное стихотворение, сравнив его с Лениным.

С Брежневым они были на «ты» и называли друг друга по имени. Со временем Леониду Ильичу это разонравилось: он хотел большего уважения со стороны старых товарищей.

Дмитрий Степанович пропустил важный момент, когда Брежнев перестал нуждаться в соратниках и пришел к выводу, что подчиненные полезнее.

Полянский был очень активным и энергичным человеком.

Тогдашний главный санитарный врач страны Петр Николаевич Бургасов вспоминал, как его и академика Алексея Алексеевича Покровского, директора Института питания, пригласил Полянский. Он сказал:

— Вот вы, врачи, во всех своих публикациях предупреждаете население, что много масла есть вредно. Надо с этим кончать, потому что вы людей отучаете от хорошего продукта — сливочного масла. Я вас очень прошу, если вы сегодня вечером представите большую статью в «Правду» о пользе сливочного масла с двумя подписями, я немедленно опубликую эту статью.

Бургасов удивился:

— Дмитрий Степанович, что случилось? Зачем понадобилась такая статья?

Полянский рассказал, что датские компании отказались от покупки большой партии вологодского масла под предлогом, что с маслом что-то не так. Масло лежит в холодильниках, его не раскупают.

Бургасов предложил более разумный выход:

— Дмитрий Степанович, может быть, лучше цену снизить?

Полянский ответил, что правительство менять расценки не станет. Это исключено.

Главный санитарный врач не задался вопросом: можно ли кормить советских людей продуктом, от которого отказались датчане? Бургасов и Покровский написали статью, которая тут же была опубликована.

На следующий день Бургасова пригласил его начальник министр здравоохранения Борис Васильевич Покровский. Спросил удивленно:

— Петр Николаевич, вам что, делать нечего? Вы же всегда писали, что масло в больших количествах вредно.

Бургасов объяснил, что выполнял задание Полянского.

Активность Полянского стала раздражать членов политбюро. Особенно когда он проявил особый интерес к идеологическим вопросам, что не входило в прямые обязанности первого заместителя председателя Совета министров (он пытался влиять на литературные дела, покровительствовал «своим» писателям, причем людям бесталанным, но с большими амбициями). А в политбюро существовали свои правила. Наводить порядок в чужом огороде не было принято.

Леонид Замятин рассказывал, что Полянский внимательно следил за тем, что западная пресса писала о членах политбюро и прежде всего о генеральном секретаре, постоянно об этом говорил:

— Ты видишь, что они себе позволяют?

И громко цитировал, обсуждал. А Брежнев вовсе не хотел это слышать. То, что его интересовало, ему докладывали и без Полянского.

Среди служебных вестников ТАСС была серия «ОЗП» (обзор зарубежной печати), распространявшаяся только среди высшего руководства. В ней помещались все «антисоветские» сообщения, в том числе приводились нелицеприятные оценки, которые за рубежом давали советским лидерам. Замятин следил за тем, чтобы ничего плохого лично о Брежневе в «ОЗП» не попадало.

Кроме того, резкий по характеру Дмитрий Степанович Полянский был несдержан на язык. В 1969 году Шелест позвонил Полянскому, жаловался, что его заставляют продавать за границу подсолнечный жмых — ради валюты, а республике не хватает белков для животноводства. Полянский согласился с Шелестом, что делать этого не следует, но объяснил, что ничего не может предпринять:

— Брежнев ничего не понимает ни в валюте, ни в жмыхах.

Такие высказывания не могли не дойти до Леонида Ильича.

Говорят, что в одной из бесед с Полянским Брежнев, как бывало, когда с ним не соглашались, бросил:

— В такой ситуации я работать не в состоянии и подам заявление об уходе!

На что Полянский вроде бы выпалил:

— Что ты нас пугаешь своим уходом? Уйдешь — другой придет.

Брежнев осекся. Этот эпизод он запомнил.

2 февраля 1973 года на заседании политбюро, когда повестка дня исчерпалась, Брежнев неожиданно сказал:

— У меня был Мацкевич и подал заявление об освобождении от должности министра сельского хозяйства. Он просит направить его на работу за границу. Я согласен. Как вы, товарищи, думаете?

Министр сельского хозяйства Мацкевич писал Брежневу:

«Мне кажется: вижу, понимаю пути решения, но не могу убедить, доказать правильность этого пути, этого решения. Теряю уверенность, теряю перспективу. На таком пути это просто недопустимо. Ко всему прочему ухудшилось и физическое состояние. Перенес операцию, на очереди две другие, что также не воодушевляет.

Взвесив, с моей точки зрения, все, я принял нелегкое решение — просить Вас освободить меня от занимаемого поста. На этот, один из важнейших постов в государстве, а он по крайней мере должен быть таким, надо подобрать человека, обладающего, помимо всего прочего, большой пробивной силой».

Никто из членов политбюро высказываться не стал. Что говорить, когда вопрос решен? Брежнев велел позвать Мацкевича. Министр вошел, он был бледен. Брежнев сказал, что его просьба удовлетворена. Владимир Владимирович вышел. Его вскоре отправили послом в Чехословакию.

А Брежнев на том же заседании продолжил:

— Кулакову и Полянскому давно было дано задание подобрать кандидатуру на пост министра сельского хозяйства. Но такой кандидатуры до сих пор нет. А это должен быть известный человек, авторитетный в партийных и советских кругах. Я долго думал над такой кандидатурой и вношу предложение назначить министром сельского хозяйства товарища Полянского.

Сам Полянский, видимо, задумавшись, не услышал собственной фамилии и вполголоса переспросил у сидевшего рядом Шелеста:

— Петр Ефимович, о ком идет речь?

— Дмитрий Степанович, ты что? — поразился Шелест. — Не слышал? О тебе говорят.

Полянский недоуменно сказал:

— Ты брось шутить.

Шелест повторил:

— Брежнев твою фамилию назвал.

— Но со мной никто не говорил об этом!

Тут уже Брежнев обратился к самому Полянскому:

— Дмитрий Степанович, почему вы молчите?

— Что я должен говорить?

— Так ведь о вас идет речь.

— Со мной никто не говорил на эту тему.

— Вот сейчас и говорим при всех. Вы занимаетесь сельским хозяйством, знаете условия, для вас ничего нового в этом вопросе не может быть.

Полянский совсем растерялся:

— Леонид Ильич, я просил бы этого не делать. Для меня это слишком неожиданно. Я даже не готов дать ответ на такое предложение. Кроме того, мое состояние здоровья не позволит мне полностью отдаться этому огромному участку. А я не хочу вас подводить.

Объяснение Полянского прозвучало по-детски неубедительно и даже жалко. Один из руководителей правительства пытался отговориться от нового задания, как школьник, не выучивший урок. Брежнев не отказал себе в удовольствии поиздеваться над товарищем по политбюро:

— А что, для работы первым замом предсовмина не требуется здоровья? Я думаю, что заявление Полянского несостоятельно. Мы все в какой-то степени больные, но работаем же.

Полянский продолжал бормотать:

— Но ведь в Совмине я и так занимаюсь сельским хозяйством.

— Министром работать — это другое дело. Тут будете решать вопросы конкретно, самостоятельно.

Вечером Полянский все-таки удостоился аудиенции у Брежнева. Леонид Ильич извинился, что не смог заранее поговорить, но мнения своего не изменил. Вопрос о назначении был решен. Полянский из Совмина перебрался в Министерство сельского хозяйства. Он еще оставался членом политбюро.

— И я за год, — рассказывал мне его помощник, — пропустил через себя тысячи две документов политбюро и несколько тысяч документов КГБ. Это материалы серии «К» в прошитых конвертах с пятью сургучными печатями. Каждый надо было прочитать и сделать заметки для шефа, чтобы он мог со знанием дела высказаться на политбюро. Полянский умел толково пользоваться мозгами своего аппарата.

Однажды пришло постановление политбюро о взаимоотношениях посла с резидентурами политической (КГБ) и военной (ГРУ) разведок. Полянский прочитал и неожиданно велел помощнику сделать ксерокс. Снятие копий с совершенно секретных документов запрещалось. Помощник не мог не выполнить указание шефа, но обязан был доложить в общий отдел ЦК (об этом его предупредил Черненко).

Помощник нарушил правило, сделал Полянскому копию и никому не сообщил. Он сообразил, почему шеф заинтересовался этим постановлением, далеким от сельского хозяйства. Опытный Дмитрий Степанович уже понял, что в министерстве не задержится.

Не только Брежнев, но и Косыгин стремились от него отделаться. Однажды Косыгин сказал Виталию Воротникову, первому заместителю председателя Совмина России:

— Странный человек, какой-то верткий. Не пойму я, как он, двадцатитрехлетний молодой человек, будучи после окончания института в Крыму, не попал в армию, а оказался в Сибири? Никто не знает! А потом при Хрущеве вел себя вызывающе. Грешил интригами. А сейчас скис. Не нравится мне Полянский.

Косыгин ошибался. Дмитрий Степанович Полянский в начале войны не был в Крыму. В 1940 году его зачислили слушателем в Высшую партийную школу при ЦК, а потом назначили начальником политотдела машинно-тракторной станции в один из районов Новосибирской области. Такова была сталинская политика — партийные руководители нужнее в тылу.

Косыгин не любил Полянского, поскольку тот держал себя не просто независимо, а на равных с главой правительства. Кончилось это тем, что Полянского пригласил секретарь ЦК по кадрам Иван Капитонов и положил на стол список:

— Выбирай любую страну.

Дмитрий Степанович, подумав, назвал: Япония. Хотя не имел ни малейшего понятия об этой стране. Ему позвонил первый заместитель главного редактора «Литературной газеты» Виталий Сырокомский, поздравил с новым назначением.

Полянский ему восторженно сказал:

— Ты знаешь, сейчас читаю Ленина о Японии, потрясающе интересно!

Специалисты знают, что Владимир Ильич о Японии практически ничего не писал. Во всяком случае ничего, что могло быть полезным будущему послу. Бывший помощник рекомендовал Полянскому в порядке подготовки прочитать популярный некогда роман Александра Николаевича Степанова «Порт-Артур» о Русско-японской войне... После Японии Полянский работал послом в Норвегии.

Подгорного просят покинуть президиум

Последним, от кого Брежнев избавился, был Подгорный. В окружении Леонида Ильича давно отметили пренебрежительный тон генсека в отношении Николая Викторовича.

Как-то в присутствии своих помощников Брежнев иронически сказал о Подгорном:

— Тоже мне партийный деятель!

Николай Викторович не уловил, что времена меняются. По старой памяти вел себя с Леонидом Ильичом на равных.

Сотрудник аппарата президиума Верховного Совета присутствовал при разговоре Подгорного с Брежневым. Леонид Ильич позвонил, чтобы обсудить какую-то проблему. Подгорный высказался, а потом добавил:

— Это мое мнение. А ты ведь все равно сделаешь по-своему, я знаю. Ну, будь здоров, Леня.

Сами по себе Верховные Советы были безвластными органами — что союзный, что республиканские. Депутатский значок являлся просто знаком отличия. Писателя Василя Быкова избрали депутатом Верховного Совета Белоруссии. Вот как, по его словам, выглядела работа республиканского парламента:

«Сессии Верховного Совета (два раза в год) проходили чинно и спокойно. Доклады носили чисто формальный характер, прения не вызывали никаких эмоций. Депутаты дремали, читали газеты... Я по обыкновению высиживал в зале лишь до первого перерыва. Сидеть дальше не хватало ни духу, ни сил...»

Влияние и власть Подгорного основывались на его личных контактах с Брежневым и на поддержке членов ЦК от Украины. Академик Чазов даже считал, что Подгорный подкапывался под Леонида Ильича. Когда Брежнев заболел и оказался в больнице на улице Грановского, туда без предупреждения приехал Подгорный, который прежде мало интересовался состоянием здоровья генсека.

Чазов решил, что Подгорный хочет увидеть больного Брежнева, чтобы рассказать товарищам по политбюро о плохом состоянии генерального секретаря. Евгений Иванович Чазов возразил — посещения могут пойти во вред пациенту.

— Ты что, председателя президиума Верховного Совета СССР не знаешь? — разозлился Подгорный и пригрозил: — Не забывай, что незаменимых людей в нашей стране нет.

Евгений Иванович держался твердо, знал, что интересы пациента номер один важнее всего:

— Николай Викторович, я должен делать все во благо пациента, для его выздоровления. Сейчас ему нужен покой. Ни я, ни вы не знаем, как он воспримет ваш визит. Он может ему повредить. Если политбюро интересуется состоянием здоровья Брежнева, я готов предоставить соответствующее заключение консилиума профессоров.

Чазов так и не пустил Подгорного в палату. Тот вынужден был уехать. Надо полагать, впоследствии Чазов поведал этот эпизод со своими комментариями Леониду Ильичу и нашел в нем благодарного слушателя.

Леонид Ильич жаловался Замятину на Подгорного:

— Уже на охоту собрался, а тут Николай позвонил — мне надо с тобой поговорить. Ну, вот теперь сядет рядом и будет брюзжать, пока я не выдержу и не скажу: «Хорошо, Коля, я это сделаю...»

Виктор Гришин рассказал в своих воспоминаниях, что на юбилее одного из секретарей ЦК говорили больше о Брежневе, чем о виновнике торжества. Да и сам юбиляр, произнося тост, восхвалял Леонида Ильича. Вдруг Подгорный вскипел:

— Леня, как ты можешь терпеть такие славословия в свой адрес?! Почему ты не прекратишь это восхваление?! Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Я готов за тебя подставить грудь под пули, но я не могу видеть, как ты поощряешь возвеличивание себя.

Брежнев недовольно возразил ему:

— Ничего предосудительного в этом нет. Товарищи хотят и могут высказывать свое мнение, свою оценку деятельности любого из нас. Что ты, Николай Викторович, всегда чем-то недоволен?

Подгорный стал вести себя осторожнее.

2 апреля 1974 года умер президент Франции Жорж Помпиду. Он тяжело болел, но исполнял свои обязанности до последнего дня. За две недели до кончины он приезжал в Советский Союз и встречался с Брежневым в Пицунде. Советскую делегацию на похоронах Помпиду возглавлял Подгорный. С ним захотел встретиться американский президент Никсон, который тоже приехал в Париж. Он разместился в резиденции американского посла и пригласил Подгорного к себе.

Когда советник-посланник Всеволод Леонидович Кизиченко (второй человек в советском посольстве, он впоследствии описал эту историю) доложил Подгорному о приглашении Никсона, реакция была агрессивно-негативной:

— Зачем он мне нужен? Если хочет, пусть сам приезжает ко мне в посольство.

Напротив кабинета посла была комната, оснащенная оборудованием, защищающая от прослушивания. После ужина там собрались Подгорный, его помощник по международным делам Вадим Васильевич Кортунов, советский посол во Франции Степан Васильевич Червоненко и Кизиченко.

Посол и советник-посланник пытались внушить Подгорному, что предложение о встрече нельзя отклонять. Николай Викторович продолжал сопротивляться:

— У меня нет поручения встречаться с Никсоном. Да и мне ехать к нему в американское посольство унизительно.

Подгорного уговорили запросить Москву. Уже за полночь составили шифровку. Рано утром пришел ответ за подписями Брежнева и Косыгина: «Николай, тебе следует встретиться с Никсоном».

Договорились, что Никсон пригласит Подгорного пообедать. Но тут выяснилось, что в полдень американский президент должен улетать. Тогда договорились о завтраке в восемь утра. Подгорный опять был недоволен: слишком рано, перенесите хотя бы на полчаса. Американцы согласились.

Осмотрев уже накрытый стол, Ричард Никсон с деланым возмущением спросил:

— А почему нет икры?

И сочувственно сказал Подгорному:

— Они здесь не знают, что в Москве привыкли есть икру.

— Да нет, — ответил Подгорный, — на завтрак у нас икру не едят.

— Конечно, простой народ этого себе позволить не может, но вы-то в Кремле ее едите.

Американский посол приказал немедленно принести икру. Никсон напутствовал убегавшего официанта:

— Только не иранскую, а русскую!

Принесли большую вазу с черной икрой, к которой никто, впрочем, не притронулся. За исключением Никсона и Подгорного остальные вообще ничего не смогли есть. Переводчику в принципе опасно что-то класть в рот, а остальные записывали слова двух президентов, стараясь ни слова не упустить.

Впоследствии советник-посланник Кизиченко пытался понять: почему Подгорный хотел избежать встречи с американским президентом? Предположение, что Николай Викторович не был готов к разговору с Никсоном, кажется наивным. Скорее, Николай Викторович чувствовал себя не настолько уверенным, чтобы самостоятельно, без согласования с Брежневым вести переговоры с главным противником Советского Союза.

А в политбюро поговаривали: «...нам не нужно два генеральных секретаря». Почва для отставки Подгорного была подготовлена.

По словам Замятина, Подгорный был человеком злым, самолюбивым и амбициозным. Гонора оказалось так много, что сторонников у него не нашлось.

Брежнев сменил руководство на Украине, поставил в Киеве своих людей, недолюбливавших Подгорного. Новый первый секретарь Владимир Щербицкий сам немало натерпелся от амбициозных придирок Николая Викторовича.

Руками украинских секретарей Брежнев и снял Подгорного. Причем его вывели из политбюро прямо на пленуме ЦК. Для Николая Викторовича это было как гром среди ясного неба. Обычно Брежнев хотя бы перед самым заседанием предупреждал очередную жертву. С Подгорным поступили совсем бесцеремонно.

24 мая 1977 года на пленуме ЦК, собранном для обсуждения проекта новой конституции, первый секретарь Донецкого обкома Борис Васильевич Качура внес предложение совместить посты генерального секретаря и председателя президиума Верховного Совета.

Подгорный не поверил своим ушам. На политбюро это не обсуждалось. Ошеломленный Николай Викторович спросил сидевшего рядом Брежнева:

— Леня, это что такое?

Леонид Ильич, как ни в чем не бывало, ответил:

— Сам не пойму, но видно, народ так хочет.

В реальности эта операция готовилась заранее. Кандидатуру Качуры Щербицкий предложил со смыслом — сравнительно молодой партийный секретарь, который представляет известную всей стране шахтерскую область. И не выходец из Днепропетровска. Щербицкий же попросил своего помощника Виталия Врублевского написать Качуре текст выступления. В спецсамолете по дороге в Москву украинские секретари открыто обсуждали предстоящее смещение Подгорного.

Николай Викторович пытался что-то сказать, но председательствовавший на пленуме Михаил Андреевич Суслов не дал ему слова:

— Ты посиди, подожди.

Идею донецкого секретаря поддержали другие члены ЦК. Один из них предложил:

— И освободить товарища Подгорного от должности председателя президиума Верховного Совета.

Зал зааплодировал. Подгорный по привычке хлопал вместе со всеми. Очевидцы говорили потом, что на него жалко было смотреть.

Суслов зачитал подготовленный заранее проект постановления:

— Первое. В связи с предложениями членов ЦК КПСС считать целесообразным, чтобы генеральный секретарь ЦК

КПСС товарищ Брежнев Леонид Ильич одновременно занимал пост преседателя президиума Верховного Совета СССР.

Зал опять зааплодировал.

— Ввести должность освобожденного первого заместителя председателя президиума, — продолжал Суслов. — В связи с этим освободить председателя президиума Верховного Совета СССР товарища Подгорного Николая Викторовича от занимаемой должности и от обязанностей члена политбюро ЦК КПСС.

Суслов посмотрел в зал:

— Предлагается утвердить генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева Леонида Ильича председателем президиума Верховного Совета.

Зал вновь зааплодировал. Подгорный собрал свои бумаги и поднялся. Но Суслов его остановил:

— Посиди пока еще здесь.

Михаил Андреевич осведомился у зала:

— Какие будут предложения? Голосовать в целом?

— В целом, — ответил зал.

— Голосуют члены Центрального комитета, — предупредил Суслов. — Кто за то, чтобы принять текст постановления пленума, который я зачитал, прошу поднять руку. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принято единогласно.

Теперь члены пленума аплодировали стоя. Подгорный тоже встал и что-то сказал Суслову. Тот показал ему рукой вниз: теперь садись в зал со всеми.

Николай Викторович, как оплеванный, спустился во второй ряд. Там одно место осталось свободным. Видимо, в отделе организационно-партийной работы ЦК заранее продумали всю процедуру. За несколько минут один из влиятельнейших людей в стране стал никем.

Суслов объявил:

— Слово имеет Леонид Ильич Брежнев.

Леонид Ильич произнес короткую, заранее написанную ему речь:

— Товарищи члены и кандидаты в члены Центрального комитета партии, а также члены Центральной ревизионной комиссии. Позвольте мне выразить вам сердечную признательность, поблагодарить вас за оказанную мне честь и высокое доверие — быть одновременно и генеральным секретарем Центрального комитета нашей партии и председателем президиума Верховного Совета.

Аплодисменты.

— Я отдаю себе полный отчет в важности и сложности этой работы. Обещаю вам приложить все силы, чтобы оправдать ваше доверие и быть таким же честным бойцом нашей партии, каким я был до сегодняшнего дня.

Аплодисменты.

Сразу после пленума ЦК в комнате президиума, куда он зашел в последний раз в своей жизни, потрясенный Николай Викторович Подгорный, ни к кому не обращаясь, произнес:

— Как все произошло неожиданно! Я работал честно...

Он ушел с пленума никому не нужным пенсионером.

На следующий день Подгорный от руки написал Брежневу личное письмо (воспроизвожу его с авторской орфографией):

«Дорогой Леонид Ильич!

Ты должен понять мое сегодняшнее состояние, поэтому все сказать как этого хотелось бы — просто трудно да пожалуй и невозможно.

Для меня вчерашнее решение было просто потрясающим. Я целиком и полностью согласен с тем, что нужно объединить посты Генерального секретаря ЦК КПСС с постом Председателя президиума Верх. Совета СССР. Сама жизнь подсказывает, что в условиях той роли, которую занимает Генеральный секретарь нашей руководящей и направляющей всю внутреннюю и внешнеполитическую деятельность нашего общества — партии, единственно правильное решение.

Еще года два или 3 тому назад, если ты помнишь, мы вели с тобой на эту тему беседы. Ты тогда сказал, что несвоевременно. Но теперь такое время наступило для его освобождения. Я с этим безусловно согласен, и следовательно с решением об освобождении меня от обязанностей Председателя Президиума Верх. Совета и члена Политбюро ЦК КПСС.

Что касается формы и существа формулировки принятой и опубликованной в печати, радио и телевидению "Освободил от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС" без всякой мотивировки, я думаю, Леонид Ильич, этого я не заслужил.

Сейчас каждый может подумать что в голову сбредет, то ли он политический преступник или вор, то ли у него не сложились отношения в Политбюро ЦК и т. д.

Дорогой Леонид Ильич!

Я в партии уже свыше 52 лет. Я всегда и во всем выполнял задачи которые на меня возлагала партия, ни на что не претендуя. Мы с тобой старые друзья, покрайней мере до последнего времени. А 1964 год нас настолько сблизил что, казалось, и клялись в этом, нашей дружбе не будет конца. То что могло нас ожидать и даже подстерегало нас, не могло изменить дело потому, что мы стояли на принципиальных партийных позициях. Запугивания и пророчества, нас не запугали, мы в обмороки не падали и не бледнели.

Я всегда чувствовал твою дружбу, твою поддержку и это поддерживало и окрыляло меня в моей и нашей совместной работе, за что я тебя искренне благодарю.

Конечно, в работе все бывает, бывало и у нас с тобой. Но поверь мне Л. И. я всегда желал тебе и в твоем лице ПБ, и всей партии всяческих благ и больших успехов. Все то хорошее, а его было много — остается до конца моей жизни. Желаю тебе здоровья, больших успехов на благо нашей партии и Родины.

Н. Подгорный

P.S. Немного отойду, успокоюсь постараюсь написать более складно, а сейчас если что не так — извини.

Н. П.».

Черненко доложил содержание письма Брежневу. Леонид Ильич согласился исправить формулировку.

Подгорный тут же написал тоже не очень грамотное заявление, датированное задним числом:

«В связи с возрастом и состоянием здоровья не позволяющим выполнять с полной отдачей стоящие перед этим органами задачи, прошу освободить меня от обязан[ност]ей члена Политбюро ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР в связи с выходом на пенсию».

26 мая на заседании политбюро Брежнев сообщил, что Подгорный написал заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья и в связи с уходом на пенсию, посему предлагается внести соответствующее дополнение в постановление пленума ЦК. Товарищи не возражали.

В президиуме Верховного Совета всю работу Брежнев переложил на Василия Васильевича Кузнецова. Специально для него ввели должность первого заместителя председателя президиума.

Инженер-металлург Кузнецов сделал хорошую карьеру в промышленности, накануне войны стал заместителем председателя Госплана, а потом возглавил профсоюзы. С 1955 года спокойный и невозмутимый Кузнецов являлся первым заместителем министра иностранных дел. В МИДе его называли «мудрый Васвас». Умный и образованный, Кузнецов старательно носил маску серого человека. Это была единственная возможность уцелеть.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФРОНТ — ГЛАВНЫЙ

Михаил Андреевич Суслов занимал пост секретаря ЦК КПСС тридцать пять лет, поставив абсолютный рекорд.

Вокруг Суслова ходила масса слухов, версий, мифов и легенд. Человеком он был сложным, с тайными комплексами и очень скрытным. Поговаривали, что перед смертью Сталин хотел именно его провозгласить своим наследником, да не успел... Да и историки задаются вопросом: почему же Михаил Андреевич Суслов не стал главой партии и государства?

В 1969 году младший лейтенант Виктор Иванович Ильин стрелял по правительственному кортежу, пытаясь убить Брежнева. Когда Ильина арестовали, то первый допрос проводил сам председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. Ильин объяснил, что Брежнев довел страну до бедственного положения, и надеялся, что вместо Брежнева государство возглавит Суслов...

Возможно, младший лейтенант был единственным, кто искренне этого желал.

Роль руководителя страны требует умения принимать неожиданные, неординарные и самостоятельные решения, не заглядывая в святцы. Хрущев это мог. Даже Брежнев, пока не начал болеть, способен был на что-то решительное. А Михаил Андреевич привык строго следовать канонам. Ни другим, ни себе он не позволял отклоняться от генеральной линии, на всю жизнь усвоив, что шаг вправо или шаг влево приравнивается к побегу и конвой стреляет без предупреждения.

Старший околоточный, или Хранитель партийного огня

Суслов был верным хрущевцем, всегда поддерживал Никиту Сергеевича в критические минуты и возражал первому секретарю только в тех случаях, когда сам Хрущев совершал нечто непозволительное и опасное для партии, скажем, распорядился напечатать повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича» или задумал разрушить традиционную структуру партийного аппарата.

Сам Александр Солженицын описывал, как попал на встречу руководителей партии с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 года:

«К нам подошел какой-то высокий худощавый с весьма неглупым удлиненным лицом и энергично радостно тряс мне руку и говорил что-то о своем крайнем удовольствии от "Ивана Денисовича", так тряс, будто теперь ближе и приятеля у меня не будет. Все другие себя называли, а этот не назвал.

Я:

— Простите, с кем же...?

Твардовский укоризненно вполголоса:

— Михаил Андре-е-ич!

Я:

— Простите, какой Михаил Андреич?

Твардовский сильно забеспокоился:

— Да Суслов!

Ведь мы должны на сетчатке и на сердце постоянно носить две дюжины их портретов! — но меня зрительная память частенько подводит, вот я и не узнал. И даже как будто не обиделся Суслов, что я его не узнал, еще продолжал рукопожатие...»

Отправленный на пенсию, Хрущев сожалел, что вовремя не убрал Суслова, говорил, что ошибался в нем. Конечно, сухой догматик и начетчик Суслов не мог нравиться темпераментному Хрущеву. Но Никита Сергеевич ценил Суслова как хранителя партийных догм.

Михаил Андреевич следил за каждым словом, контролировал в партийном хозяйстве любую мелочь. Форма для Суслова была важнее содержания. Он считал, что партийные решения — это обруч, который скрепляет государство. И любая попытка что-то изменить может привести к его развалу.

Он был хранителем священного идеологического огня. Никогда не отменял решения партии, даже ошибочные, или искал такие формулировки, что не поймешь — то ли решение отменили, то ли утвердили.

В 1976 году, вспоминал Черняев, у Суслова обсуждалась статья о Сталине, написанная для Большой советской энциклопедии. Суслов подошел к этому вопросу по-своему:

— Я сравнил ее со статьей, опубликованной в 1970 году в исторической энциклопедии. Товарищи взяли фактически тот же текст, но исключили из него некоторые моменты. Что Сталин допустил ошибки во время коллективизации, а затем они были исправлены ЦК. Что в письме Ленина съезду говорится о грубости Сталина и других чертах, нетерпимых у политического деятеля, занимающего такой пост... Я считаю, товарищи неправильно это сняли. Надо восстановить. А то будут сравнивать и задавать вопросы. С другой стороны, почему-то убрали, что Сталин проявил себя во время Гражданской войны как крупный военно-политический деятель и был награжден орденом Красного Знамени. Это тоже надо вернуть...

Александр Яковлев рассказывал мне такую историю.

Главный редактор газеты «Советская Россия» Василий Московский позвонил Яковлеву и сообщил, что собирается напечатать критическую статью о бардах, в том числе о Владимире Высоцком.

Генерал Московский еще до войны окончил военно-политическую академию имени В. И. Ленина и много лет работал в армейской прессе, после войны был заместителем ответственного редактора «Красной звезды». После смерти Сталина его взяли в аппарат ЦК, где он несколько лет возглавлял отдел пропаганды и агитации бюро ЦК по РСФСР. В 1960 году его назначили заместителем председателя Совета министров РСФСР, а через два года отправили послом в Северную Корею. В 1965 году он стал главным редактором «Советской России».

Яковлев попросил показать гранки. Прочитал и пришел к выводу: статья хулиганская. Позвонил Московскому:

— Я не советую ее публиковать.

Тем не менее статья в газете появилась.

Яковлев возмутился:

— В чем дело? Почему не прислушались к моему мнению?

Главный редактор «Советской России» гордо ответил, что согласовал статью с секретариатом Брежнева (имелся в виду помощник генерального Виктор Голиков) и с Дмитрюком, заместителем Яковлева по печати, бывшим секретарем Краснодарского крайкома. Причем Дмитрюк в тот момент лежал в больнице.

Яковлев написал записку в ЦК, хотя понимал, что большинству секретарей статья понравилась. Но рассчитывал на психологию Суслова, который не прощал нарушения дисциплины.

И не ошибся. Михаил Андреевич, прочитав записку, вынес вопрос на секретариат.

Сразу сказал:

— Мы товарища Яковлева слушать не будем, он уже изложил свою точку зрения.

И дал слово главному редактору «Советской России». Московский выступал агрессивно, уверенный в своей правоте. Более того, напустился на отдел пропаганды ЦК, намекнув, что «отдел требует укрепления» — в том смысле, что Яковлев не годится в руководители.

Суслов его выслушал и уточнил:

— Товарищ Московский, вам товарищ Яковлев не советовал печатать статью?

— Да, не советовал.

Суслов поднял с места Дмитрюка:

— Товарищ Дмитрюк, вы где были в момент, когда решался вопрос, печать ли эту статью?

— В больнице.

Суслов иногда пытался острить:

— Насколько я понимаю, в больницу ложатся, чтобы лечиться?

Тот молчал.

— Товарищ Дмитрюк, вы что, решили из больницы руководить отделом? А у нас уже есть руководитель отдела. Вы знаете, товарищ Дмитрюк, в аппарате ЦК нельзя мириться с такими вещами. Я не вижу возможности для продолжения вашей работы в аппарате.

Суслов повернулся к Московскому, который не от большого ума ляпнул, что он согласовал статью с аппаратом генерального секретаря. Вот это Михаилу Андреевичу совсем не понравилось. Он курировал все идеологические вопросы и терпеть не мог, когда кто-то влезал в его сферу:

— Товарищ Московский, вы разве не знаете распределения обязанностей в ЦК?

А. Н. Дмитрюка как краснодарца поддерживал член политбюро Полянский, бывший первый секретарь Краснодарского крайкома. Но для Суслова это не имело значения. В результате Дмитрюка убрали из аппарата ЦК, сделали в Гостелерадио членом коллегии и начальником Главного управления местного телевидения и радиовещания. На этом его карьера и завершилась... Главный редактор «Советской России» получил взбучку от Суслова, который не переносил нарушения «сложившихся правил работы, партийной этики и дисциплины». Через некоторое время Василий Московский отправился на пенсию.

Попытки спорить с Сусловым обычно заканчивались плохо.

Петра Андреевича Абрасимова, который работал послом в ГДР и во Франции, сделали заведующим отделом ЦК КПСС по работе с загранкадрами и по выездам. Абрасимов был человеком высокомерным и недалеким, но с большим опытом и связями, посему чувствовал себя уверенно. Это его и подвело.

«Как-то в начале 1975 года мне позвонил Суслов, — вспоминал Абрасимов, — предложив принять К. и представить его на утверждение инструктором отдела. При встрече с К. выяснилось, что он имеет незаконченное среднее образование, много лет работал в милиции, а затем в органах КГБ и на эту должность ну никак не подходит.

Выждав пару дней, я позвонил Суслову и сказал, что вопреки его указаниям не могу поддержать кандидатуру К.

Суслов бросил трубку. Через неделю вечером меня вызвал Брежнев и, не смотря мне в глаза, заявил дословно следующее:

— В Берлине наш посол сидит в кармане у Хонеккера — надо бы тебе туда опять подъехать и заменить его.

И уже когда я был у самой двери, вдогонку Брежнев сказал:

— И перестань ты с Мишей конфликтовать».

Суслова называли «человеком в футляре». Он был настоящим сухарем. Всех называл по фамилии, кроме, разумеется, генерального секретаря.

Суслов — единственный из секретарей ЦК, кто отказывался въезжать во внутренний дворик здания ЦК КПСС. Его ЗИЛ останавливался у тротуара. Он вылезал из машины и неспешно входил в подъезд. Переодетые в штатское сотрудники Девятого управления КГБ, предупрежденные заранее, останавливали пешеходов, чтобы никто не смел приблизиться к человеку номер два в партийном аппарате.

Если случайный прохожий надолго останавливался возле подъезда, то дежурившие поодаль два молодых человека в штатском просили его не задерживаться.

Михаил Андреевич занимал так называемый кабинет номер два на пятом этаже в основном здании ЦК КПСС, то есть на одном этаже с Брежневым.

Даже сотрудникам аппарата ЦК нужно было иметь особый штамп в служебном удостоверении, чтобы свободно пройти на пятый этаж. Приглашенных на совещание или на заседание секретариата ЦК пускали строго по списку. После проверки документов вручали особый пропуск на пятый этаж, показывали, на каком лифте можно подняться. На пятом этаже — новая проверка.

Такой же порядок установился и в республиканских ЦК. Скажем, в Киеве в «серый дом» на Банковской улице, где находилось здание ЦК компартии Украины, можно было пройти по партбилету (если, конечно, уплачены взносы). Но на второй этаж, где находились кабинеты секретарей ЦК, пускали только по специальному пропуску.

«Здесь господствовала особая атмосфера значительности, — вспоминал Виталий Врублевский, бывший помощник первого секретаря ЦК компартии Украины. — Широкие коридоры, массивные двери, ковровые дорожки. И стерильная чистота, столь необычная для наших родимых "присутственных мест"...»

Суслов никогда не опаздывал, приезжал на работу ровно без пяти девять. В девять он уже сидел за письменным столом. Ровно в час дня он шел обедать, отдыхал после этого, а в два часа приступал к работе. В шесть вечера Суслов вставал из-за стола, на котором к этому времени не оставалось ни одной не просмотренной бумаги, и уезжал на дачу.

Над другими членами политбюро часто иронизировали, Суслов не давал для этого повода. Улыбку вызывали только его пристрастие к калошам и старого покроя костюмам. Первый секретарь Московского горкома Егорычев рассказывал, как во Внуково-2 встречали какого-то иностранного гостя. Члены политбюро впереди, остальные чуть сзади.

Егорычев громко сказал:

— Бедное у нас политбюро!

Все остановились и оглянулись:

— А что?

— На все политбюро одни галоши!

Сухо было, а Суслов — в плаще и галошах.

Брежнев заулыбался, ему это понравилось.

Михаил Андреевич действительно любил носить калоши и другим рекомендовал:

— В калошах очень удобно. На улице сыро, а я пришел в помещение, снял калоши — и пожалуйста: у меня всегда сухая нога...

Его дочь Майя рассказывала, что отец сурово отчитал ее, когда она надела модный тогда брючный костюм, и не пустил в таком виде за стол.

Лицо Суслова почти всегда оставалось каменным, симпатий и антипатий он не проявлял. Но о своем престиже заботился.

«Как-то в газете была напечатана фотография Суслова во весь рост, — рассказывал главный редактор «Правды» Виктор Афанасьев. — Нет, не персональная, а в группе, на каком-то приеме. Михаил Андреевич одевался очень скромно, порой несколько небрежно, а на сей раз брюки идеолога оказались приспущенными ниже положенного и выглядели совсем не эстетично.

Конечно, наши фотографы, классные профессионалы, умели делать чудеса и запросто смогли бы "поднять" и "выгладить" штаны Михаила Андреевича или даже одеть его в другие, более приличные. Могли, но не догадались, не доглядели. А кто за недогадливость в ответе? Главный редактор».

Михаил Андреевич предпочитал передвигаться в автомобиле медленно — со скоростью чуть ли не сорок километров в час. Когда в правительственный аэропорт Внуково-2 отправлялся кортеж из членов высшего руководства, никто не пробовал его обогнать. Первый секретарь Ленинградского обкома Василий Сергеевич Толстиков говорил в таких случаях:

— Сегодня обгонишь, завтра обгонишь, а послезавтра не на чем будет обгонять.

У Суслова не было любимчиков, друзей, привязанностей. И он очень заботился о своей репутации бескорыстного партийца. Один отставной генерал написал в ЦК, что Суслов получает огромные гонорары за книги и статьи, а это не к лицу члену политбюро. Суслов сильно расстроился, поскольку неукоснительно соблюдал этику номенклатурных отношений и твердо знал, что можно делать, а чего нельзя. Членам политбюро положено было гонорары перечислять или в управление делами ЦК, или в Фонд мира.

Суслов вызвал первого заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК Яковлева и показал ему письмо генерала. Яковлев никогда не видел Михаила Андреевича таким растерянным! Суслов стал оправдываться:

— Да я никогда не взял ни одной копейки! Я могу список дать, куда я отправляю гонорары. У помощников все документы есть. Я вас прошу, пригласите этого генерала, объясните ему, что я этого не делал. Вы побеседуйте с ним, только поаккуратнее. Его ни в чем не обвиняйте, просто объясните.

Яковлев пригласил генерала. Тот пришел весь трясущийся, он сам испугался, что посмел задеть такого человека. Яковлев ему все объяснил.

— Да я сгоряча! — стал оправдываться генерал. — Мне кто-то сказал, вот я и написал. Вы извините.

Александр Николаевич позвонил Суслову и доложил, что поручение выполнил.

Михаил Андреевич расслабился и даже расцвел:

— Вы ему сказали, что к нему претензий нет?

— Да, да, конечно, я его успокоил. Даже привет от вас передал.

— Правильно! — сказал Суслов.

Деревенские родственники писали Суслову в Москву письма, просили помочь с жильем, с работой. Из ЦК на казенном бланке приходил ответ: просим не отвлекать Михаила Андреевича от важных государственных дел.

Однажды на заседании секретариата ЦК заместителем министра иностранных утверждали Виктора Федоровича Стукалина. Услышав знакомую фамилию, Суслов нашел глазами председателя Госкомиздата Бориса Ивановича Стукалина и строго спросил:

— Это ваш родственник?

Оказалось, что Стукалины всего лишь однофамильцы. Были бы родственниками, Суслов мог и не утвердить назначение.

«Суслов был очень высок, — вспоминал часто приезжавший в Москву американский бизнесмен Арманд Хаммер. — Худое лицо с высокими скулами и проницательные серо-голубые глаза за толстыми линзами очков... Он произвел на меня впечатление скромного, очень застенчивого человека».

Михаил Андреевич Суслов родился в ноябре 1902 года в деревне Шаховская Хвалынского уезда Саратовской губернии. В детстве болел туберкулезом и смертельно боялся возвращения болезни. Поэтому всегда кутался, носил калоши. Единственный в брежневском окружении не ездил на охоту — опасался простудиться. Да и не интересовали его эти забавы.

По словам брежневского охранника Владимира Медведева, Суслов однажды все-таки приехал в Завидово. Вышел из машины — на ногах калоши. Сделал глубокий вдох, озабоченно сказал:

— Сыро.

Сел в машину и уехал. Некоторым другим членам политбюро, например Черненко, охота тоже была противопоказана. Но Константин Устинович не смел уклониться от поездок в Завидово, хотел быть рядом с генеральным.

Молодой Суслов начинал свою трудовую деятельность в уездном комитете бедноты, председателем которого был его отец. Но не захотел оставаться в деревне. В 1920 году он пешком дошел до Сызрани, оттуда отправился в Москву.

(В 1978 году Суслов приехал на официальное открытие новой Академии общественных наук при ЦК КПСС. В кабинете ректора он несколько оттаял и, расчувствовавшись, рассказал, что его, командированного комсомолом на учебу, по молодости лет не приняли в коммунистический университет имени Свердлова. Ректор академии Вадим Александрович Медведев тут же сказал, что готов исправить ошибку его предшественников и принять Михаила Андреевича, но уже в качестве профессора...)

Суслов поступил на рабфак, потом его приняли в Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

Окончив институт, поступил в Институт красной профессуры, это высшее учебное заведение готовило преподавателей общественных наук, а также кадры для центральных учреждений. Институтом руководил агитпропотдел ЦК.

После учебы Суслов работал инспектором в Центральной контрольной комиссии при ЦК, в наркомате рабоче-крестьянского контроля и в Комиссии советского контроля при Совнаркоме.

В 1937 году Суслова командировали в Ростов — заведовать в обкоме, где после чисток появилось много вакансий, отделом партийных органов. Массовые репрессии открыли ему дорогу наверх, и он быстро стал секретарем обкома, затем первым секретарем.

Начальником Ростовского областного управления НКВД назначили Виктора Семеновича Абакумова, будущего министра госбезопасности. Они оба сделали блистательную карьеру, но жизнь их закончилась по-разному. Абакумова в 1954 году расстреляли как государственного преступника, Михаил Андреевич умер в 1982 году в больнице и был похоронен у кремлевской стены.

Из Ростова в 1939 году Суслова направили первым секретарем в Орджоникидзевский крайком (впоследствии переименованный в Ставропольский). Берии доложили, что первый секретарь недоволен работой краевого управления НКВД, которое проявляет «благодушие и беспечность». Суслов не был кровожадным человеком. Но понимал, что в тот период можно было выжить и сделать карьеру, только уничтожая других.

Через много лет Михаил Андреевич рассказывал молодому ставропольскому секретарю Михаилу Горбачеву, что на новом месте поначалу пришлось трудновато. Партийная конференция одного из районов Ставрополя объявила врагами народа все бюро крайкома во главе с Сусловым.

После смерти Сталина именно Суслов поможет Хрущеву вывести партийный аппарат из-под контроля КГБ. Чекистам запретили оперативную разработку партийных кадров, хотя перед тем как взять сотрудника в аппарат, чекисты его обязательно проверяли. Проверяли, когда брали в ЦК и когда посылали за границу. Но среди партийных работников (и членов их семей!) нельзя было заводить агентуру госбезопасности, разговоры сотрудников аппарата запрещалось записывать.

Суслов исходил из того, что никто не может быть выше партии, и это несколько ограничивало чекистов. Михаил Андреевич помнил те времена, когда даже партийные секретари боялись своих подчиненных-чекистов...

В годы войны как секретарь Ставропольского крайкома Суслов стал членом военного совета Северо-Кавказского фронта. В 1942 году немцы взяли Ставрополь, но Суслова за это не наказали, хотя обычно командование фронта несло ответственность за крупные поражения. После того как город освободили от немцев, в мае 1943 года, он распорядился взорвать семидесятиметровую колокольню Казанского кафедрального собора. Собор разобрали до основания еще в 1930-е годы, а колокольня стояла. Говорят, Суслов решил, что колокольня может быть ориентиром для немецких бомбардировщиков, хотя к тому времени город уже не бомбили. Осенью 1943 года Михаил Андреевич помог НКВД провести депортацию карачаевского народа, который несправедливо пострадал вместе с балкарцами, калмыками, чеченцами и ингушами.

В 1944 году Суслова назначили председателем бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР. В республике существовали свои органы власти, но им не очень доверяли. Все нити управления Литвой были в руках Михаила Андреевича. Ему поручили «проведение мероприятий по решительному пресечению деятельности буржуазных националистов и других антисоветских элементов».

На Суслове лежит ответственность за послевоенные депортации из Литвы, за репрессивную политику, которая усилила нелюбовь литовцев к России. Именно в Литве сопротивление советской власти было самым яростным. Поначалу (в 1944—1946 годах) там действовали крупные партизанские отряды численностью до полутысячи человек (см. «Отечественная история», № 3/2007), которые вели настоящие бои с подразделениями Красной армии. О масштабе боевых столкновений свидетельствуют цифры. За вторую половину 1944 года были убиты почти две тысячи литовских партизан, более пяти тысяч арестованы.

После того как в Москве была осознана серьезность литовского подполья, в аппарате наркомата внутренних дел образовали главное управление по борьбе с бандитизмом, а в Прибалтийском военном округе — штаб оперативного руководства войсковыми операциями. С Северного Кавказа в Литву перебросили 4-ю стрелковую дивизию НКВД. Самые крупные отряды были разгромлены. Тотальные зачистки дали результат, «лесные братья» растворились в лесах и перешли к чисто партизанской, диверсионной тактике — взрывали мосты и железные дороги и, главное, уничтожали тех, кто служил советской власти. Ответом стали облавы и массовые аресты, были схвачены десятки тысяч литовцев.

24 мая 1945 года Суслов проводил заседание бюро ЦК по Литве с повесткой дня «Об активизации буржуазно-националистических банд и мерах усиления борьбы с ними». Он считал, что карательные органы недостаточно активны: «Врагу не была показана наша реальная сила». В решении бюро записали: «Органы НКВД и НКГБ должным образом не перестроили своей работы в соответствии с новой тактикой врага».

Суслов обратился к наркому внутренних дел Берии с просьбой направить в республику дополнительное количество оперативных сотрудников, перебросить свежие части НКВД, депортировать из каждого уезда Литвы «пятьдесят — шестьдесят семей главарей банд и наиболее злостных бандитов» и провести открытые процессы над пойманными «лесными братьями».

В Литву прислали девять полков НКВД для проведения чекистско-войсковой операции. Но наркоматы внутренних дел и госбезопасности спешили поделить ответственность за размах антисоветского партизанского движения с местным партаппаратом и жаловались, что «партийно-советские органы не ведут необходимой политической работы среди населения». Секретарь ЦК Георгий Маленков отправил в Литву инспекторов. Они доложили, что партийное руководство республики напрасно возлагает на чекистов вину за «активизацию буржуазно-националистических банд». На оргбюро ЦК в Москве республику критиковали за крупные недостатки.

Но Суслов стоял на своем, считая, что репрессии — главный инструмент борьбы с врагами советской власти. В 1945 году военный трибунал войск НКВД Литвы осудил по 58-й (политической) статье восемь с половиной тысяч человек, из них почти полтысячи приговорил к расстрелу. А Суслов считал, что трибунальцы либеральничают.

Возмущенный Михаил Андреевич обратился к Маленкову: «Учитывая обостренную политическую обстановку в республике, эту карательную политику военного трибунала войск НКВД отнюдь нельзя считать жесткой. Скорее наоборот».

Непримиримость Суслова не осталась незамеченной. Весной 1946 года Сталин с подачи Маленкова перевел Суслова в Москву. Его ввели в состав оргбюро ЦК и утвердили заведующим отделом внешней политики. Название отдела не соответствовало его реальным задачам. В обязанности Михаила Андреевича входило надзирать за действиями иностранных компартий, через него поступали деньги коммунистам по всему миру.

Потом он возглавил в ЦК ключевой отдел пропаганды и агитации и работал под руководством члена политбюро Андрея Александровича Жданова, который в ту пору неофициально считался вторым человеком в партии. Суслов проявил себя образцовым аппаратчиком, не позволявшим себе никакой инициативы. Его любимая фраза тех лет: «Это нам не поручено».

В 1946 году Суслову поручили еще и курировать работу Еврейского антифашистского комитета, что его явно не обрадовало. Он почувствовал: комитет, созданный в войну для борьбы с нацизмом, не только больше не нужен, но и вызывает раздражение Сталина. И составил записку в ЦК со своими предложениями:

«Еврейский антифашистский комитет распустить, а функции по пропаганде за границей передать Совинформбюро. Газету “Единение” как орган ЕАК, не оправдывающий своего назначения, закрыть».

Но это предложение в тот момент не было принято. Михаил Андреевич торопил события.

Суслов сделал карьеру на послевоенных идеологических кампаниях, которые были замешаны на антисемитизме. Он составлял записки о «засоренности» различных учреждений евреями, докладывал Сталину и Жданову о том, что во многих учреждениях культуры и науки «укоренились низкопоклонство и угодничество перед заграницей и иностранцами, потеряны бдительность и чувство советского патриотизма».

17 мая 1947 года Суслов представил Жданову записку о «засоренности» евреями аппарата Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Заодно он вскрыл «крупные политические ошибки» в работе ВОКС.

Михаил Андреевич доложил руководству страны о «возмутительном случае»: в ВОКСе отмечали столетие со дня рождения американского изобретателя Томаса Эдисона (почетного члена Академии наук СССР), и академик Михаил Викторович Кирпичев назвал Эдисона «тем идеалом, к которому все стараются стремиться», а американцев «замечательной нацией».

Суслов и его подчиненные из агитпропа подготовили проект секретного постановления политбюро от 21 июня 1950 года «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в связи с крупными ошибками, вскрытыми в работе с кадрами в Министерстве автомобильной и тракторной промышленности».

Все советские ведомства получили указание ежегодно представлять в аппарат ЦК отчеты о своей кадровой работе с обязательным указанием национальности ответственных сотрудников. Даже людям далеким от политики вскоре стало ясно, что ЦК интересует только количество евреев и что хороший отчет — этот тот, который свидетельствует об избавлении от работников-евреев на сколько-нибудь заметных должностях.

Аппарат ЦК стал с тех пор составлять для руководства специальные таблицы, которые показывали, как стремительно сокращается количество евреев в руководящих кадрах союзных и республиканских ведомств. К 1952 году уже не осталось ни одного еврея — первого секретаря обкома, крайкома или секретаря ЦК нацреспублики. Вскоре весь партийный аппарат был полностью очищен от евреев (подробнее см. книгу Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина»).

Аппарат агитпропа под руководством Суслова начал чистку средств массовой информации от евреев, методично проверяя одну редакцию за другой. Главный редактор, который обвинялся в покровительственном отношении к евреям, тоже лишался своей должности. Далее намечалась чистка творческих союзов, учреждений культуры, учебных и научных заведений.

Заведующий отделом науки ЦК Юрий Андреевич Жданов (сын члена политбюро) представил Суслову записку, в которой говорилось:

«В ряде институтов Академии наук имеет место тенденциозный подбор кадров по национальному признаку...

Среди физиков-теоретиков и физиков-химиков сложилась монопольная группа — Л. Д. Ландау, М. А. Леонтович, А. Н. Фрумкин, Я. И. Френкель, В. Л. Гинзбург, Е. М. Лившиц, Г. А. Гринберг, И. М. Франк, А. С. Компанеец, Н. С. Мейман и др. Все теоретические отделы физических и физико-химических институтов укомплектованы сторонниками этой группы, представителями еврейской национальности».

В ЦК тут же составили таблицу количества евреев — академиков, членкоров, докторов и кандидатов наук. Но физики уцелели, потому что руководитель атомного проекта профессор Иван Васильевич Курчатов доходчиво объяснил Берии, что без этих людей ядерную бомбу не создать.

В мае 1947 года Сталин сделал Суслова секретарем ЦК и начальником управления ЦК по проверке партийных органов.

Суслов председательствовал на собрании аппарата ЦК, где был избран суд чести и где обсуждалась судьба бывшего заместителя начальника одного из отделов управления пропаганды и агитации Бориса Леонтьевича Сучкова.

Назначенный директором нового Государственного издательства иностранной литературы, Борис Сучков создал уникальный коллектив, где редакции возглавлялись академиками. Задача издательства состояла в том, чтобы рассказывать о достижениях мировой науки. «Сучков — человек широкой эрудиции, огромного личного обаяния, блестящий организатор, — вспоминал Александр Гусев, заместитель председателя научно-редакционного совета издательства «Российская энциклопедия», — меньше чем за год сделал колоссально много».

Борис Сучков пал жертвой ведомственных интриг и скрытого противостояния двух могущественных фигур — Берии и Жданова. Он был обвинен министерством госбезопасности в передаче американцам секретной информации о голоде в Молдавии и разработках советского атомного оружия. Ходили слухи, будто во время войны он попал в плен и был завербован гестапо, а после войны американцы нашли его подписку о сотрудничестве и заставили его работать на ЦРУ...

Сучкова судили и приговорили к двадцати пяти годам лагерей. Он отсидел семь лет. После смерти Сталина его выпустили. Он начал жизнь заново, возглавил академический Институт мировой литературы имени Горького, был избран членом-корреспондентом Академии наук. Но арест, суд и лагерь не прошли бесследно — Борис Леонтьевич умер очень рано: сердце разорвалось. Уже после смерти ему присудили Государственную премию СССР.

Возражать Суслову не решались. Это позволял себе только руководитель Союза писателей Александр Александрович Фадеев, чувствуя за собой поддержку Сталина. На заседании комитета по сталинским премиям Суслов выступил против кандидатуры выдвинутого на премию одного татарского поэта.

— Товарищ Суслов, а вы читали его стихотворения? — спросил Фадеев. — Читать нужно, товарищ Суслов, а уже потом высказывать свое мнение.

На одном из заседаний секретариата ЦК рассматривался деликатный вопрос. Отдел художественной литературы и искусства ЦК партии представил справку о многочисленных купюрах в сочинениях Горького, которые издавались после смерти писателя.

Например, из знаменитого очерка «В. И. Ленин» вырезали такие слова: «Невозможен вождь, который — в той или иной степени — не был бы тираном. Вероятно, при Ленине перебито людей больше, чем при Фоме Мюнцере».

Томас Мюнцер — радикальный проповедник времен Реформации, вождь и идеолог народных масс в Крестьянской войне 1524—1526 годов в Германии.

Отдел ЦК предложил «вторично издать 17-й том Собрания сочинений, не допуская впредь никаких купюр в сочинениях, изданных при жизни писателя и одобренных им».

Разобраться поручили Суслову. Суслов рассудил так: выпускать с купюрами — неразумно, потому что дотошные читатели могут сравнивать с прижизненными изданиями Горького. Выпускать без купюр — невозможно, нельзя разрушать канонический образ Ленина.

И Суслов доложил Маленкову, что вообще считает переиздание семнадцатого тома нецелесообразным. Вот за это Михаила Андреевича и ценили. Он не пропускал ничего опасного, не позволяя ни себе, ни другим никаких отклонений.

В 1949—1951 годах Суслов был главным редактором «Правды». На последнем сталинском съезде в октябре 1952 года Суслов стал членом президиума ЦК. Но, как и для Брежнева, смерть вождя едва не стала концом его политической карьеры. Маленков невысоко ценил Михаила Андреевича, Молотов считал себя главным специалистом по марксизму. Поэтому после смерти Сталина они Суслова отстранили от большой политики. Молотов говорил о нем:

— Суслов — это провинциал. Большая зануда.

Но Хрущеву, который стал отдалять старую гвардию, понадобились его услуги. И Хрущев, и Брежнев были малограмотными людьми, Суслов, который с карандашом в руке читал Ленина, казался им невероятно образованным. Летом 1955 года его вновь включили в состав президиума ЦК.

Летом 1957 года именно Суслов председательствовал на пленуме, который расправился с участниками «антипартийной группы» — Молотовым, Маленковым, Кагановичем. Михаил Андреевич же и произнес главную обличающую речь.

Суслов помнил наизусть все идеологические формулировки и, если видел что-то новое и потому ненадежное, опасное, немедленно это вычеркивал. За это его Хрущев и ценил, верил, что Михаил Андреевич не пропустит неправильной формулировки. Суслов патологически боялся перемен. Консервативный по складу характера, он лучше других понимал, что перемены будут не в пользу режима. И Хрущева предупреждал, что нельзя дальше идти по пути демократизации, что оттепель может превратиться в наводнение, которое все снесет. По складу мышления Суслов был конечно же сталинистом. Но в 1960-е годы он воспротивился полной реабилитации Сталина, потому что это требовало отмены решений XX съезда партии, а Суслов считал, что партия не должна показывать, что она ошибается.

Хрущев, уже выйдя на пенсию, говорил о «полицейской ограниченности» Суслова. По словам Хрущева, именно Суслов устроил расправу над Борисом Пастернаком после того, как за границей был опубликован его роман «Доктор Живаго» и автору присудили Нобелевскую премию по литературе.

«Докладывал мне о романе “Доктор Живаго” Суслов, шефствовавший над нашей агитацией и пропагандой, — вспоминал Хрущев. — Без Суслова в таких вопросах не могло обойтись. Он сообщил, что данное произведение плохое, не выдержано в советском духе. Одним словом, недостойная вещь, печатать ее не стоит. Такое решение и приняли.

Полагаю, что на той стадии событий кроме Суслова никто из ответственных лиц романа не читал. Я сомневаюсь в том, что и Суслов его прочел. Ему тоже, наверное, дали справку с изложением содержания произведения на трех страничках».

Суслов возражал и против публикации повести Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь». Казакевич писал о том, как Ленин накануне Октябрьской революции укрывался от ареста в Разливе. Вместе с ним находился его верный сотрудник Григорий Евсеевич Зиновьев.

Казакевич выставил Зиновьева в неприглядном свете. Но после многих лет сталинской фальсификации истории Суслов в принципе не мог примириться с тем, что имя расстрелянного и заклейменного в истории партии Зиновьева упоминается рядом со святым именем вождя.

Хрущев рассказывал:

«Разослали книгу всем членам президиума, и вопрос о ней был включен в повестку дня очередного заседания.

— Кто имеет какие-нибудь соображения? Почему эту книгу не следует печатать? — спросил я.

— Ну, товарищ Хрущев, — Суслов вытянул шею, смотрит недоуменно, — как же можно напечатать эту книгу? У автора Зиновьев называет Ленина “товарищ Ленин”, а Ленин называет Зиновьева “товарищ Зиновьев”. Ведь Зиновьев — враг народа.

Меня поразили его слова. Разве можно извращать действительность и преподносить исторические факты не такими, какими они были на самом деле?

Даже если мы отбросим то обстоятельство, что Зиновьев враг или не враг народа, то сам факт бесспорен: действительно, в шалаше находились вместе Ленин и Зиновьев. Как же они общались между собой? Как обсуждали текущие вопросы или хотя бы разговаривали за чаем в шалаше? Видимо, называли друг друга словом “товарищ”. А я даже думаю, что Ленин обращался к Зиновьеву по имени — Григорий, ведь у них были тогда близкие товарищеские отношения.

В первые месяцы после Февральской революции они придерживались по всем вопросам единого мнения...»

Не только в первые месяцы после революции, но и до самой смерти Ленина Григорий Зиновьев входил в ближайшее окружение вождя и пользовался его полным расположением. Они вместе провели в эмиграции почти десять лет, вместе вернулись в Россию в апреле 1917 года, вместе написали книгу «Против течения». Зиновьев высказался против, когда Ленин предложил силой свергнуть Временное правительство в октябре, но этот знаменитый эпизод не испортил их личные отношения.

Зиновьев при Ленине был одним из самых влиятельных людей в стране. Владимир Ильич сделал его председателем Коминтерна, членом политбюро и хозяином Петрограда и всего Северо-Запада России. До конца жизни Ленин числил Зиновьева среди своих ближайших друзей и соратников.

Суслов не мог не знать об этом. Но для него главным было другое: при Сталине и после Сталина стране внушали, что Зиновьев враг. Значит, сейчас придется признать, что столько лет врали, обманывали людей?

«Функции околоточного выполнял раньше и по-прежнему выполняет сейчас наш “главный околоточный” Суслов, — вспоминал на пенсии Никита Хрущев. — Конечно, лично он человек честный и преданный коммунистическим идеям. Но его полицейская ограниченность наносит большой вред.

Мне могут сказать: “Чего же ты терпел, находясь в руководстве страны вместе с Сусловым?”

Верно, ошибался я. Просто я считал, что, если Суслов будет работать в нашем коллективе, то мы на него сумеем повлиять и он станет приносить пользу. Поэтому я не ставил вопроса о его замене, хотя ко мне многие люди еще тогда обращались с предупреждениями, что Суслов играет отрицательную роль, интеллигенция к нему относится плохо».

Лукавил Никита Сергеевич. Устраивал его Суслов своей идеологической надежностью, как и потом Брежнева. Хотя и самого Леонида Ильича иногда тяготило начетничество Суслова. После одного его выступления, пометил в дневнике Анатолий Черняев, Леонид Ильич в Завидове пожаловался своему окружению:

— В зале, наверное, заснули — скучно. Знаете, как сваи в фундамент забивают. Так и у Михаила — ни одного живого слова, ни одной мысли — тысячу раз сказанное и писанное.

По распределению обязанностей среди секретарей ЦК Суслов курировал и вопросы международной политики. Его представления о внешнем мире были, мягко говоря, далеки от реальности, хотя время от времени он ездил за границу и мог бы при желании увидеть, как живут люди.

Дмитрий Федорович Сафонов в начале 1960-х работал советником в нашем посольстве в Англии. Он рассказывал, как в 1960 году в Лондон по приглашению лейбористской партии прибыла советская делегация во главе с Сусловым. Михаил Андреевич разместился в резиденции посла. Вел он себя просто. Однажды утром, никого не предупредив, вышел на улицу и пошел гулять в Гайд-парк. Когда он исчез, в посольстве поднялся переполох. Доложили послу Якову Александровичу Малику, тот объявил аврал, все посольские были брошены на поиски пропавшего члена президиума ЦК. Паника продолжалась до тех пор, пока Суслова не обнаружили прогуливающимся в парке.

После переговоров с руководством лейбористов Суслов изъявил желание посмотреть в Лондоне что-то интересное — в смысле культурной программы. Посол сказал, что самый популярный спектакль — инсценировка пьесы Бернарда Шоу, но трудно достать билеты.

— А вы попробуйте, — наставительно сказал Суслов.

Обратились к директору театра. Он ничем не мог помочь — все билеты на ближайшие спектакли были распроданы. Суслов изумился:

— Как же так? Для советской партийной делегации такого уровня не оказывается билетов? Да что, у них брони нет, что ли? Свяжитесь с Министерством культуры, с МИДом. Должна же быть управа на этого директора театра!

Суслов и не подозревал, что в Англии вообще не было Министерства культуры, да и никакое правительственное ведомство не имело власти над частным театром. А слово «бронь» в советском его значении на английский и перевести практически невозможно. В конце концов Яков Малик в отчаянии обратился к министру иностранных дел, и сам министр принял участие в спасении репутации советского посла. Когда счастливый Малик прибежал с билетами к Суслову, тот многозначительно сказал:

— Нет, Яков Александрович, я не могу — работаю над совместным заявлением с лейбористами. На меня снизошло вдохновение, и я хочу сегодня же довести дело до конца. Так что вы поезжайте в театр без меня, возьмите Бориса Николаевича.

Пономарев заявил, что не может посещать театры, когда Михаил Андреевич трудится...

Зато после окончания переговоров англичане повезли Суслова и Пономарева по стране. Михаил Андреевич охотно беседовал с англичанами, расспрашивал их о зарплате, ценах, жилье. В Манчестере он пожелал побывать в одном из двухэтажных домиков неподалеку от текстильной фабрики. Михаил Андреевич поговорил с хозяином дома, а затем достал из карманов длинного пальто пару матрешек:

— Это вашим детишкам на память от дядей из Москвы.

А перед детьми высыпал на стол горсть карамели, которая также хранилась в бездонных карманах его пальто. Он с изумлением выяснил, что в доме из шести комнат (не считая ванной и кухни) живет одна семья. Покинув гостеприимных хозяев, бормотал себе под нос:

— Да, в двухэтажном доме — одна семья из четырех человек, семья электрика.

Советник нашего посольства в Лондоне Дмитрий Сафонов разделял его удивление, сам он ютился в Москве с семьей в одной комнате коммунальной квартиры...

Видя интерес Суслова к британской жизни, Сафонов решил показать высокому московскому гостю традиционный паб. Спросил Михаила Андреевича, давно ли он заходил в пивную. Суслов сказал, что в последний раз это было в Москве после войны — приятель повел его посмотреть, как советский народ отмечает победу. Суслов сказал, что в пивной ему не понравилось: шумно и грязно. Борис Пономарев отчитал советника посольства:

— Что за глупая идея пришла вам в голову — приглашать члена политбюро в пивную!

Но Суслов неожиданно согласился. И не прогадал: постоянные посетители, узнав, что пришли русские, потянулись к гостям с пивными кружками, и началась вполне доброжелательная беседа. В гостинице Суслов довольно сказал Пономареву:

— А что, Борис Николаевич, получилось очень хорошо. Жаль, что не все, что говорилось, можно использовать в наших документах и отчетах. Все же дело происходило в пивной...

Вернувшись в Москву, Михаил Андреевич словно забывал увиденное и убежденно говорил о невыносимо тяжком положении рабочего класса на Западе.

Люди знающие утверждали, что Брежнев презирал все свое окружение. Пожалуй, Суслов был единственным человеком, которого он уважал и с которым считался.

В конце июня 1965 года в Москву приехала делегация компартии Индонезии, которая полностью разделяла позиции китайской компартии. С советской стороны переговоры вели Брежнев, Суслов и Пономарев. Брежнев, по словам заместителя заведующего международным отделом ЦК Карена Брутенца, предложил забыть о прошлом, примирительно сказал индонезийцам:

— Я новый человек. Вы знаете, что я никогда ни с кем из вас не ругался.

Он в основном и говорил. Суслов его поддерживал и подправлял. Брежнев был благодарен Михаилу Андреевичу, но выразил это весьма коряво:

— Я доволен тем, что товарищ Суслов взял слово и помог мне и всей нашей делегации раскрыть глубокий смысл и содержание того, чем мы заняты, и строительство коммунистического общества, а также вопросы национально-освободительного двиения, взгляды о путях развития в некоторых странах...

Николай Егорычев рассказывал мне, что, когда он приходил к Кириленко, тот начинал травить какие-то байки про охоту или еще про что-то. Всегда веселый, довольный. На столе у него орехи — очень их любил. Только через полчаса вспомнит:

— Ну, что у тебя? С чем пришел?

Выслушав, с каким делом к нему пришли, Кириленко недовольно говорил:

— Иди ты на х...! Что ты ко мне с глупостями пристаешь? Сходи сам к генеральному, он тебе все сделает.

В отличие от Кириленко, Суслов говорил коротко и только по делу. Никаких шуток, анекдотов, посторонних разговоров. Его не надо было долго убеждать, доказывать ему свою правоту. Достаточно было кратко изложить вопрос, и он сразу же высказывал свое мнение. Профессиональные аппаратчики даже восхищались четкостью и деловитостью Михаила Андреевича.

На секретариате он не позволял говорить больше пятисеми минут. Если выступавший не укладывался, Суслов ледяным тоном говорил «спасибо», и тот замолкал.

Таким же аккуратистом он был во всем. Когда гулял на даче, подбирал сучки и складывал. Разгневался и велел выгнать коменданта дачи, когда рабочие, красившие забор, испачкали краской кусты хмеля и черемухи. На следующий день упущение исправили, посадили новую черемуху. Суслов смилостивился и коменданта оставил, но начальнику охраны сказал: «Вы знаете, Ленин своего коменданта уволил за такое отношение к природе...»

— Летом на отдыхе купался ровно десять минут, — рассказывал бывший начальник его охраны Борис Александрович Мартьянов. — Далеко от берега не отплывал. Ему нравилось, если плаваешь рядом потихонечку, без шума и брызг. Когда он гулял, то любил, чтобы между ним и охраной была дистанция. Правда, если скользко, то чуть ли не под локоть его ведешь... Раздражался, когда во время поездок впереди шла милицейская машина со спецсигналами. Он не выносил резких звуков. Однажды в Ленинграде не выдержал и приказал: «Остановите машину, я пойду пешком — не могу ехать с такой кавалькадой!»... Была у него вечная папаха «пирожком». Носил тяжелое пальто с каракулевым воротником. Никакие микропорки в обуви не признавал — носил полуботинки только на кожаной подошве, ему на заказ шили в специальной мастерской — приезжал сапожник, снимал размер.

Суслов никогда ни на кого не кричал, был очень хладнокровен. И, как ни странно, в пределах своих полномочий держался очень самостоятельно.

В 1973 году Советский Союз присоединился к международной Женевской конвенции по охране авторских прав и в стране было образовано Всесоюзное агентство по авторским правам. ВААП создавался как идеологический инструмент — чтобы контролировать, какие произведения литературы и искусства могут быть опубликованы и показаны на Западе, а какие нет.

На должность руководителя нового ведомства предложили кандидатуру Василия Сергеевича Фомичева, который когда-то был помощником секретаря ЦК Фрола Козлова, а потом работал в цензуре. Были собраны все необходимые подписи. Но на секретариате ЦК Суслов, увидев послужной список кандидата, отменил назначение:

— Вопрос о руководителе ВААП откладывается. Все приглашенные на рассмотрение этого вопроса могут быть свободны.

По предложению Суслова председателем ВААП назначили Бориса Дмитриевича Панкина, главного редактора «Комсомольской правды», литературного критика с либеральными взглядами. Михаил Андреевич, в отличие от своих подчиненных, сообразил, что появление на таком заметном посту бывшего руководителя цензуры будет воспринято в мире с издевкой...

На заседаниях политбюро Суслов сидел справа от генерального секретаря. Брежнев не опасался Суслова: знал — тот никогда не станет его подсиживать. Михаила Андреевича вполне устраивало место второго человека. Брежнев видел: Суслов не выпячивает себя, никогда не скажет, что это он сделал, всегда — «так решил Леонид Ильич».

Виталий Врублевский, помощник Щербицкого, писал, что руководитель Украины не ладил с Михаилом Андреевичем, ощущая его подозрительность к украинским руководителям. Когда позиции Щербицкого окрепли, он просто стал игнорировать Суслова. Наверное, руководитель крупнейшей республики и друг Леонида Ильича был среди тех немногих, кто мог себе это позволить.

Суслов редко покидал Старую площадь, но если ехал куда-то выступать и сталкивался с народом, то сильно волновался. Он давно оторвался от реальной жизни обычных людей, и среди них ему было не по себе. Выступал он на редкость занудно.

Виталий Воротников, который работал в Куйбышеве, вспоминал, как Суслова по разнарядке ЦК выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР от Тольяттинского избирательного округа. Михаил Андреевич приехал на встречу с избирателями в Куйбышев.

«Мне казалось, — пишет Воротников, — что Суслов — невозмутимый, уверенный в себе человек. Но, побыв с ним рядом, особенно перед его выступлением на собрании, когда он нервно перебирал листки, уточнял с помощником некоторые факты, оценки, выводы по тексту, я увидел, что это не совсем так.

Первые сбивчивые фразы выступления, неуверенный фальцет — я понял: волнуется и этот, представлявшийся мне железным, человек».

В Сызрани Михаил Андреевич вдруг попросил показать ему вокзал. Поехали. Он внезапно направился в ресторан. Сопровождающие почувствовали себя неуютно — вокзальный ресторан известно как выглядит. К визиту высокого гостя здесь никто не готовился.

«Михаил Андреевич, — вспоминает Воротников, — постоял, сощурившись, посмотрел в зал, улыбнулся и, не проходя далеко, вышел. По его просьбе немного прошли от вокзала по Советской улице (бывшей Большой Дворянской). Вернувшись к вагону, он объяснил нам причину своего интереса.

В 1920 году юный Миша Суслов пришел пешком в Сызрань. Потолкался здесь на вокзале и в городе несколько дней и уехал в Москву учиться. С тех пор в Сызрани не был. Вспоминая об этом, он оживился, говорил быстро, с радостными интонациями. Ему импонировало, что сохранилось здание вокзала, на том же месте ресторан, да и главная улица мало изменилась.

Мы ожидали разноса за вокзальное бескультурье, а ему, наоборот, все понравилось, напомнило юные годы...»

Но это было редчайшим движением души.

«Я восхищался его четкостью, деловитостью и ясностью в суждениях, — вспоминал Георгий Смирнов. — Точно так же он вел и личный прием: поняв, в чем дело, он тихо, но решительно давал понять, что согласен, не согласен, надо подумать.

Нам импонировала его высокая квалификация и определенность позиций, его правка по текстам была предельно рациональной: все к месту и ничего лишнего. На фоне расплывчатых, туманных суждений иных руководителей его замечания, предложения были всегда безупречны».

Он был вполне грамотным человеком, синим карандашом правил ошибки и расставлял запятые в документах, составленных его подчиненными. Но то, что восхищало аппаратчиков, было на самом деле проявлением кондового догматизма. Суслов не допускал ни малейшего отклонения от генеральной линии. Он органически боялся живого слова и убирал тех, кто пытался выйти за установленные рамки.

Михаил Андреевич контролировал в партийном хозяйстве любую мелочь. Он всегда интересовался, как в прошлом решался тот или иной вопрос. Если же звучало слово «впервые», Суслов задумывался: «Впервые?» — и откладывал решение вопроса.

Анатолий Черняев вспоминал, как Суслову принесли проект решения политбюро, в котором только что закончившийся визит Брежнева в ФРГ назывался «историческим». Михаил Андреевич выражение «исторический визит» заменил на «политически важный». И пояснил: генеральному секретарю предстоит визит в Чехословакию, тот и будет (!) историческим...

Суслов был озабочен тем, как вернуть контроль над обществом после хрущевской оттепели, как подавить проснувшееся свободомыслие.

Характерна личность его главного помощника Владимира Васильевича Воронцова. Он до войны был ответственным редактором «Орджоникидзевской правды». Суслов, став хозяином края, сделал Воронцова третьим секретарем крайкома. Когда стал работать в ЦК, то взял к себе Воронцова в управление пропаганды и агитации. Когда возглавил «Правду», поручил Воронцову отдел партийной жизни. Еще несколько лет Воронцов проработал в аппарате, а летом 1953 года стал помощником Суслова.

Как и его шеф, Владимир Воронцов собирал цитаты и составлял сборники афоризмов, которые каждый год под разными названиями («Чаша мудрости», «Симфония разума», «Служение музам», «Могущество знания») выходили в разных издательствах.

Воронцов на страницах «Огонька» начал кампанию против Лили Брик, которую любил Маяковский. Он обвинил Лилю Брик в том, что она плохо влияла на великого поэта, и доказывал, что на самом деле Маяковский любил не еврейку Брик, а хорошую русскую женщину Татьяну Яковлеву.

Владимир Воронцов стал одним из редакторов собрания сочинений Маяковского и участвовал в составлении комментариев. В результате в пятом томе собрания сочинений у всех стихотворений, посвященных Лиле Брик, исчезло посвящение.

Константин Симонов написал возмущенное письмо Брежневу. Произошел скандал. А скандалов Суслов не терпел, поэтому с помощником расстался. Но обижать его не стал. Воронцов отправился в Италию советником посольства по сельскому хозяйству...

Кто ведет секретариат, тот и решает

Брежнев пресек поползновения Николая Подгорного получить формальный ранг второго секретаря, предоставив как бы равные полномочия Суслову и своему старому приятелю по Днепропетровску секретарю ЦК Андрею Павловичу Кириленко. Они вдвоем по очереди вели заседания секретариата, где принимались важнейшие решения.

Секретариат ЦК КПСС заседал каждую неделю по вторникам в четыре часа дня в зале на пятом этаже. Помимо секретарей, на заседаниях присутствовали руководители отделов ЦК, некоторых идеологических учреждений, начальник Главного политического управления армии и флота, главные редакторы центральных партийных изданий. Им предоставлялось право совещательного голоса — сидеть и слушать. Иногда по ходу заседания от них требовали дать справку или высказать свое мнение.

Приглашенные для участия в обсуждении того или иного вопроса ожидали вызова в приемной. Когда вспыхивала зеленая лампочка, их допускали в зал заседаний.

Секретариат давал оценку работы партийных комитетов, проверял исполнение решений съездов и пленумов, решений политбюро, утверждал на должности номенклатурных чиновников.

После того как обсуждение внесенных в повестку дня вопросов завершалось, в зале оставались только секретари ЦК и иногда кто-то из руководителей отделов. Рассматривались самые деликатные вопросы — злоупотребления и проступки высших чиновников. За некоторые из них карали довольно жестоко. Например, работника ЦК, которого застали пьяным, сразу же увольняли из аппарата.

Брежнев боялся появления реального второго секретаря, поскольку от человека, ведущего секретариаты и располагавшего сиреневой печатью ЦК КПСС № 2, зависели и работники центрального аппарата, и местные партийные секретари: он их назначал и снимал, отправлял в заграничные командировки и на учебу, то есть именно он сажал «уездных князей» на «кормление», и те, естественно, всячески старались демонстрировать ему лояльность.

Роль второго секретаря при Брежневе оспаривали Суслов и Кириленко. Борясь за право быть рядом с генеральным или за те или иные полномочия, они, конечно, не ладили между собой. Что поддерживал один, валил второй. Высшим руководителям приходилось непросто: согласовав вопрос с Сусловым, они должны были решить его и с Кириленко, чтобы избежать неприятностей. Но Кириленко мог дать прямо противоположное указание, и тогда неизвестно было, чей приказ выполнять.

Профессор Вадим Печенев, который работал в отделе пропаганды ЦК, а потом был помощником Черненко, рассказывал:

— Была любопытная деталь в той аппаратной жизни. Мы знали, что если сегодня в каком-то отделе появился инструктор или заведующий сектором с Урала, который традиционно курировал Кириленко, то завтра там появится кто-то из Ставрополья, которое курировал Суслов. То есть они следили, чтобы баланс соблюдался...

Когда Суслов уходил в отпуск или болел, Кириленко оставался «на хозяйстве». Он вел секретариаты ЦК, поражая присутствующих косноязычием и неспособностью сформулировать свою мысль. Иногда он отменял решения, одобренные Михаилом Андреевичем.

В декабре 1972 года вице-президент Академии наук Федосеев уговорил руководителя отдела пропаганды ЦК Георгия Смирнова стать директором Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР. Смирнов был доктором наук, директорский пост открывал дорогу к академическому званию. Бумага о его переходе двинулась по многочисленным кабинетам ЦК. Суслов поставил свою подпись и в январе 1973 года поехал отдыхать. На хозяйстве остался Кириленко. Он вызвал к себе Петра Ниловича Демичева, который курировал отдел пропаганды:

— Почему вы решили выставить Смирнова из отдела? Он вам не нужен, что ли?

Демичев сразу уловил интонацию Андрея Павловича:

— Наоборот. И на новом месте мы хотим его приблизить к отделу. Он нам очень нужен.

— Ну, если нужен — пусть работает в отделе, — и Кириленко отменил решение Суслова.

Кириленко руководил делегацией, которая ездила в декабре 1977 года в Анголу. Ему понравился сопровождавший его сотрудник международного отдела Карен Брутенц. По словам Брутенца, Кириленко старался его приблизить, звонил, советовался, иногда шутил:

— Чего не заходишь, зазнался?

Пожалуй, единственный из всех крупных руководителей, Кириленко по внутреннему цековскому телефону звонил сам, другие просили секретаря соединить. Он расспрашивал Брутенца о том, что происходит в отделе, о работниках. Заведующего международным отделом Бориса Николаевича Пономарева Кириленко не любил, но хотел быть в курсе того, что происходит в его епархии.

Кириленко охотно помогал людям, которые на него ориентировались.

Председатель Сочинского горисполкома Вячеслав Воронков хотел создать в городе национальный парк. Обычный путь — обратиться в Москву с бумагами — сулил годы хождения по инстанциям. Руководитель курортного города знал более короткие пути.

«В Сочи отдыхал секретарь ЦК КПСС Кириленко, который ко мне относился благожелательно. Я обратился к нему. “Нет вопросов, вызову Жору”, — отозвался Андрей Павлович. Жорой оказался Георгий Иванович Воробьев, председатель Госкомитета лесного хозяйства, в ведении которого находились все леса страны. Дальше было несложно. Воробьев дал поручения, и завертелось дело...»

Михаил Андреевич Суслов, вернувшись к исполнению своих обязанностей, делал вид, что в его отсутствие ничего не происходило. Половина кириленковских решений умирала без шума. А тот, кто напоминал ему об указаниях Андрея Павловича, долго в ЦК не работал. Суслова так боялись, что никто не решался спорить с ним на секретариате.

Мнение Суслова стало для аппарата законом. Никто не пытался выяснять, его ли это инициатива или он согласовал свои позиции с Брежневым.

— Если Суслов принял какое-то решение, — говорил Александр Яковлев, — никто не мог его отменить. Суслов фактически был хозяином в ЦК.

— А как же случай с вашим бывшим коллегой по отделу пропаганды ЦК Георгием Смирновым? — напомнил я Александру Николаевичу. — Ведь в отсутствие Суслова Кириленко его решение преспокойно отменил.

— Это значит, что Кириленко сходил к Брежневу и с ним договорился, — сказал Яковлев. — Без согласия генерального секретаря Кириленко не решился бы на такое.

Бывало, на заседаниях секретариата Суслов говорил:

— Нет, не будем принимать это предложение.

И руководитель какого-нибудь из отделов ЦК испуганно вскакивал со стула со словами:

— Михаил Андреевич, но этот вопрос согласован с Леонидом Ильичом!

На что Суслов спокойно отвечал:

— Я переговорю с ним.

Больше никто возражать не смел. Слова Суслова означали, что вопрос закрыт.

Брежнев, конечно, не был номинальной фигурой. Если он говорил: сделайте так, а не иначе, то Суслов на конфликт никогда не шел. Но в реальности Суслов был полным хозяином в партии, потому что Брежнев дал ему карт-бланш. Леонид Ильич любил царствовать, а не править. Ордена, почет, аплодисменты — вот это было ему по душе; ему нравилось делать доклады и принимать иностранные делегации, а заниматься чем-то конкретным ему не хотелось. Он охотно оставлял текущие дела Михаилу Андреевичу.

Формально подписи Суслова и Кириленко были равнозначны. Но скоро стало ясно, что второй человек в партии — Суслов. Брежнев понял, что Суслов для него важнее и надежнее.

Тем не менее Андрей Павлович чувствовал себя уверенно. С давних пор он состоял в дружеских отношениях с Брежневым, они были на «ты», и это обстоятельство определяло его вес в партийной иерархии. Кириленко со всеми, кроме Брежнева и Суслова, говорил в жесткой, напористой манере. В аппарате его считали хамом.

«Скупой на улыбку, кряжистый, с небольшими глазками, остро глядевшими из-под довольно густых бровей, — так описывал его Брутенц. — В его лице с чуть вздернутым носом и походке было что-то медвежье».

Он был человеком неумным и вздорным. Однажды, оставшись за главного, позвонил Георгию Смирнову в отдел пропаганды:

— У тебя, Георгий, разъезжает беспризорная группа японских журналистов. Никто ею не занимается. Что это за безобразие?

Смирнов выяснил. Японские журналисты приехали через Интурист. Агитпроп о поездке не информировали. Доложил Кириленко.

— Как так? — Кириленко все в более раздражался. — Почему агитпроп не занимается журналистами? А ты не знаешь, что они могут написать о нас? Вы будете отвечать!

При этом Кириленко был человеком сентиментальным. После решения о строительстве целлюлозно-бумажного комбината на озере Байкал Александр Яковлев принес Кириленко любительский фильм. Автор фильма наливал в сосуд воду из Байкала рядом с комбинатом и пускал туда рыбок. Они дохли. Увидев это, Кириленко чуть не заплакал. Он спросил Яковлева:

— Неужто это так, неужто не подделка? Слушай, а ты меня не подведешь? Может, это какой-то монтаж, или как там у вас называется?

Яковлев ответил, что авторы фильма понимают, что поставлено на карту, и мухлевать не станут.

— Оставь мне фильм, — распорядился Андрей Павлович.

Он показал фильм Брежневу и другим членам политбюро, уговаривая закрыть комбинат и спасти Байкал. Но Леонид Ильич реагировал вяло, поэтому ограничились тем, что приняли решение создать еще одну комиссию для проверки положения дел...

К очередному юбилею Кириленко Министерство культуры поручило художнику Александру Шилову написать портрет Андрея Павловича. Потом сам Кириленко попросил написать жену. «Очень скромный был человек», — вспоминал Шилов. После того как портрет был готов, Шилова вызвали в Министерство культуры и предложили двухкомнатную квартиру.

Альберт Андреевич Беляев, в ту пору заведующий сектором отдела культуры ЦК, рассказывал, как Кириленко решил судьбу романа Александра Бека «Новое назначение».

Бек, автор знаменитой книги «Волоколамское шоссе», в 1964 году отдал в «Новый мир» новый роман. Прототипом главного героя послужил Иван Федорович Тевосян, который при Сталине был наркомом черной металлургии, потом заместителем председателя Совета министров. В конце 1956 года его отправили послом в Японию, но он вскоре умер.

Александр Бек показал рукопись романа вдове Тевосяна Ольге Александровне Хвалебновой. Бек хотел обезопасить себя, а совершил роковую ошибку. Он-то думал, что превознес героя, а Хвалебнова возмутилась. Она сочла изображение ее мужа весьма критическим. Еще меньше ей понравилось то, как в романе описана жена героя, то есть она сама. Если герой, разрывающийся между профессиональным долгом и верностью Сталину, вызывает симпатию и сочувствие, то его жена изображена некрасивой, сухой партийкой.

Причем малосимпатичный портрет Александр Бек писал с натуры, поскольку жену Тевосяна хорошо знал — она была партийным функционером в Союзе писателей. А взял ее в союз Александр Александрович Фадеев, однокурсник Тевосяна по Горной академии.

Бек воспроизвел и печально знаменитую историю написания Фадеевым романа «Черная металлургия», идею которого подсказал Тевосян. Идея была примитивная: сталевар предлагает принципиально новый метод варки стали, а косные академики ему мешают. Фадеев увлекся темой столкновения старого и нового. Он поехал по металлургическим заводам, жил в Магнитогорске в квартире сталевара, который должен был стать героем книги.

«Я вложил в роман все лучшее из моего собственного жизненного опыта, — говорил Фадеев, — все, что я передумал и перечувствовал за пятьдесят лет своей жизни, в этом романе сейчас вся моя душа, все мое сердце...»

Но когда первые главы уже были готовы, выяснилось, что «великое» техническое открытие, которое он собирался воспевать, оказалось липой. Роман рухнул. Тевосян оказал Фадееву дурную услугу.

Разумеется, вдова Тевосяна не хотела увидеть все это напечатанным. Женщина энергичная и со связями, она обратилась к Брежневу, Косыгину, Кириленко. По ее просьбе гневное письмо в ЦК отправили руководители Министерства черной металлугии, обвинив Бека в «очернительстве».

Пришлось Александру Беку кое-что в романе изменить. Он убрал то, что напрямую связывало героя с его прототипом, и даже ввел в роман Тевосяна, перед которым герой отчитывается. Формально придраться было не к чему. Но вдова Тевосяна все равно не хотела, чтобы роман был напечатан.

Ее пригласили в отдел культуры ЦК. Ольга Александровна Хвалебнова продолжала доказывать, что ее выдающийся муж изображен в романе тупым роботом, исполняющим приказы Сталина, а это клевета.

С ней не согласился даже руководитель Союза писателей Георгий Мокеевич Марков, который никогда не шел против партийной линии:

— Я не знал Тевосяна и, когда читал роман, не думал, что прообразом послужил Тевосян. То, о чем говорила Ольга Александровна, я в романе не нашел. Это другое произведение. Герой романа — это рыцарь. И не стоит думать о Беке как о враге металлургов.

А заведующий отделом культуры Василий Филимонович Шауро сказал, что Бек многое переделал. Если что-то взято у Тевосяна, то лучшее: честность, талант, бескорыстие:

— Герой вызывает симпатию, и скажем откровенно — Бек имеет право напечатать свой роман.

Крайне осторожный Василий Шауро избегал однозначных оценок и выводов. Следовательно, он знал, что и секретарь ЦК Петр Нилович Демичев, который курировал отдел культуры, считает, что роман нужно публиковать.

В отделе культуры ЦК встретились и с руководителями Министерства черной металлургии — заместителями министра и членами коллегии. Они вели себя еще агрессивнее, чем вдова Тевосяна:

— Бек оскорбил нас, оскорбил всех металлургов. Роман не отражает истинного пути развития отечественной металлургии и клеветнически изображает людей, которые давали родине металл.

Первый заместитель министра сообщил, что это он звонил Брежневу и настаивал на том, что клеветнический роман печатать нельзя. Угрожающе добавил:

— Мы готовы написать еще одно письмо Брежневу.

Александр Бек побывал у Демичева. Петр Нилович принял его уважительно и сказал: «Никто не возражает против вашего романа». Бек ушел обнадеженный и ошибся. Он умер в 1972 году, так и не дождавшись выхода книги.

А судьбу романа решил Андрей Павлович Кириленко. Он пригласил к себе заместителя заведующего отделом культуры

ЦК Юрия Серафимовича Мелентьева, ведавшего вопросами художественной литературы. Спросил о ситуации с романом Александра Бека.

Мелентьев доложил, что автор роман переработал, руководство Союза писателей настаивает на его публикации. У отдела культуры тоже нет принципиальных возражений.

Кириленко сказал ему:

— В политбюро лежит протест металлургов против этого романа. Нам не безразличны настроения тех, кто занимается металлургией. Эти люди дают нам сто миллионов тонн в год. Я бы не советовал отделу настаивать на печатании романа. Нам понятна ваша озабоченность ситуацией в писательской среде, но металлургов тоже надо понять. Не настаивайте.

Спорить с Андреем Павловичем никто не решился.

Кириленко романа не читал и не считал нужным выяснять, в чем причина конфликта. Какая разница, будет опубликован какой-то роман или нет? Одной книгой меньше... Роман Бека опубликовали в перестроечные годы, и он имел большой успех.

Счеты с Иваном Денисовичем

10 ноября 1966 года состоялось заседание политбюро, на котором Брежнев впервые после избрания руководителем партии высказался по идеологическим вопросам. Выступление Леонида Ильича дает представление о его взглядах.

Брежнев начал с того, что после октябрьского пленума (то есть после отставки Хрущева) удалось многое сделать:

— Но есть одна область нашей партийной и государственной работы, в которой мы еще сделали очень мало, — это идеологическая работа. Все мы хорошо понимаем, что за последние десять лет, предшествовавших октябрьскому пленуму, в этой области было допущено не меньше ошибок, чем в других областях, а даже больше. И эти ошибки не так просто, как некоторые другие, нам исправить...

Далее Брежнев сказал, что именно внушает ему тревогу:

— Некоторые средства идеологической работы, такие, например, как некоторые научные труды, литературные произведения, искусство, кино, да и печать, нередко используются у нас, я бы сказал прямо, для развенчивания истории нашей партии и нашего народа. Вот на днях меня познакомили с новым произведением Константина Симонова. Оно, кажется, называется «Сто дней войны». В этом произведении Симонов заводит нас в какие-то дебри.

Брежнев имел в виду военные дневники Симонова, которые намеревался опубликовать «Новый мир». Но Главлит публикацию не разрешил, потому что там честно описывалась трагедия первых дней войны. Возразить по-существу Леонид Ильич ничего не мог, но дал понять, что печатать симоновские дневники нельзя.

— Подвергается критике в некоторых произведениях, в журналах и других наших изданиях то, что в сердцах нашего народа является самым святым, самым дорогим. Некоторые наши писатели (а их публикуют) утверждают, что якобы не было залпа «Авроры», что это, мол, был холостой выстрел, что не было двадцати восьми панфиловцев, что их было меньше, что этот факт чуть ли не выдуман, что не было политрука Клочкова и не было его призыва: «За нами Москва и отступать нам некуда».

Надо понимать, Брежневу доложили об известной статье критика В. Кардина в «Новом мире», где речь шла о том, что отечественная история полна мифов.

Главным источником информации для Брежнева был начальник Главного политического управления генерал Алексей Алексеевич Епишев, который следил за идеологической чистотой в масштабах всей страны.

— Доходит даже до клеветнических высказываний против октябрьской революции и других исторических этапов в героической истории нашей партии и советского народа, — говорил Брежнев. — И это должно вызывать у нас тревогу прежде всего потому, что не дается должного отпора искажениям фактов... Ведь на самом деле, товарищи, никто до сих пор не выступил с партийных позиций по поводу книги Ивана Денисовича.

Иван Денисович не был писателем. Это герой первой повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича», опубликованной в «Новом мире» с разрешения Хрущева.

Первым слово после Леонида Ильича взял Петр Нилович Демичев, поскольку по распределению обязанностей в секретариате ЦК он ведал идеологической работой. Он понимал, что ему и отвечать за недостатки в его епархии, поэтому сразу обрисовал сложность своего участка:

— Я хотел бы обратить внимание на то, кто пропагандирует вот эти неверные взгляды, о которых говорил здесь совершенно правильно товарищ Брежнев. Это пропагандирует журнал «Новый мир». У нас после XX съезда партии образовалось три группы среди интеллигенции. Одна сложилась вокруг журнала «Новый мир», другая — вокруг журнала «Октябрь». Часть интеллигенции считает, что XX, XXI и XXII съезды — сплошные ошибки. Действительно, наверное, есть у нас либерализм. Некоторые товарищи предлагают снять с работы Твардовского. Но если мы сейчас его освободим, он уйдет героем.

Опытный Демичев сразу же приступил к поиску виновных, на которых можно перевалить ответственность. Он не упустил случая утопить чиновника, от которого хотел избавиться:

— Очень слабый участок у нас — это кино. Я думаю, что настала пора освободить Романова от этой работы. Он очень умный и подготовленный человек, но большой либерал.

Алексей Владимирович Романов в 1920-е годы учился на Высших литературных курсах, стал журналистом. А после войны десять лет проработал в аппарате ЦК, дослужился до должности первого заместителя заведующего идеологическим отделом и даже был членом бюро ЦК по РСФСР. Называть его либералом не было никаких оснований. Но Демичев знал, что обвинение в либерализме убийственно для чиновника. Однако попытка Демичева сменить руководителя кинематографии не увенчалась успехом. Алексей Романов занимал этот пост до августа 1972 года, когда стал главным редактором газеты «Советская культура»...

Брежнев не захотел переходить на личности. И в ответ на слова Демичева заметил:

— Как вы видели, я никого в личном плане не критиковал. И сейчас не идет речь о том, кто конкретно повинен в недостатках в идеологической работе. Я знаю, что большую работу проводит товарищ Демичев. Но сейчас речь идет о политических выводах, которые мы все должны сделать...

Потом выступил Суслов:

— Когда стоял у руководства Хрущев, нанесен нам огромнейший вред, буквально во всех направлениях, в том числе и в идеологической работе. Мы обманывали, развращали интеллигенцию... А об Иване Денисовиче сколько мы спорили, сколько говорили. Но он же поддерживал всю эту лагерную литературу! Нужно время для того, чтобы исправить все эти ошибки, которые были допущены за последние десять лет, предшествовавших октябрьскому пленуму.

Иначе говоря, Суслов сформулировал позицию: плохо все то, что делал Хрущев, а не Сталин. Кампания десталинизации — большая ошибка.

— У нас очень слабый учет, контроль над идеологическими участками, — продолжал Михаил Андреевич. — Вот до сих пор бродит этот шантажист Снегов. А сколько мы об этом уже говорили?

Алексей Владимирович Снегов в 1930-е годы был крупным партийным деятелем — работал в аппарате ЦК компартии Украины, заведовал орготделом Закавказского крайкома партии, был секретарем Иркутского горкома. Снегова арестовали в июле 1937 года, следствие затянулось, и худшее его миновало. Его дело передали в суд в момент ослабления репрессий. В январе 1939 года суд — невиданное дело! — признал его невиновным и освободил из-под стражи. Но через несколько дней его вновь арестовали по личному указанию наркома внутренних дел Берии. Он сидел до 1954 года.

Снегова помнил Хрущев по Мариупольскому окружкому партии. Когда Алексея Владимировича выпустили, Никита Сергеевич беседовал с ним и был потрясен его рассказом о том, как действовала машина репрессий. Снегов принял активное участие в реабилитации невинных жертв. Он продолжал заниматься этим и после ухода Хрущева, когда настроения правящей верхушки изменились. Никто не хотел вспоминать о сталинских преступлениях. Об этом следовало забыть. Те, кто забывать не желал, вызывали раздражение.

Брежнев откликнулся на слова Суслова о Снегове:

— Говорят, его принимают во всех отделах ЦК, в министерствах. Почему этому не положить конец?

Суслов высказался и о Твардовском:

— Мне непонятно, почему, например, Твардовский, если мы его освободим, уйдет сейчас героем? Что это за концепция? Если нельзя его освобождать, давайте туда назначим настоящего партийного товарища в качестве заместителя.

Александр Трифонович Твардовский, автор «Тёркина», был для всей страны любимым и подлинно народным поэтом. Для партийных чиновников — идеологическим врагом, от которого, к сожалению, нельзя сразу избавиться.

Столь же жестко выступил Юрий Владимирович Андропов, который, заметим, еще не был председателем КГБ, а в роли секретаря ЦК занимался сотрудничеством с социалистическими странами. Это свидетельствует о том, что не работа в Комитете госбезопасности сделала из него ретрограда, а таковы были его взгляды, хотя кому-то он казался большим либералом.

— Период, предшествовавший октябрьскому пленуму ЦК, — говорил Андропов, — нанес огромный ущерб партии и нашему народу в области идеологической работы. У нас нет единства взглядов, я имею в виду идеологических работников, пропагандистских работников, по целому ряду вопросов много путаницы. У нас возник ничем не обоснованный провал в истории между ленинским периодом и современностью. Ведь в этот период была партия, был советский народ, сколько проведено созидательной работы, а мы об этом периоде толкуем вкривь и вкось...

Андропов, не называя имени Сталина, призвал писать о сталинском периоде позитивно, что вскоре и стало делаться. Юрий Владимирович был таким же поклонником Сталина, как и большинство членов высшего партийного руководства.

Тут вмешался Брежнев:

— Когда мы говорим о том, что печатать и что не печатать и как к этому относиться, мне вспоминается случай из истории нашей партии. Ленин, узнав об ошибочных взглядах Горького — этого гиганта нашей литературы, запретил печатать его, и Горький был потом благодарен за это Ленину.

Леонид Ильич историю нашей страны изучал по сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)» и плохо представлял себе взаимоотношения Ленина и Горького. Но усвоил простую мысль: запретить что-то напечатать — значит оказать благодеяние самому художнику.

Андропов подхватил тему:

— Говорят об администрировании. Но пока, во-первых, ничего в этой области не сделано, никакого администрирования нет, фактов таких никто не называет, а во вторых, Твардовский — коммунист, Симонов — коммунист. Имеем мы право спросить с них как с коммунистов? Я думаю: есть партийные организации, они тоже должны спросить с этих деятелей. Никакого администрирования в этом нет...

Шелепин, как обычно, был жесток, когда речь шла об идеологии:

— Самое неблагополучное положение, на мой взгляд, в кино. Сколько у нас разных чепуховых фильмов создано за последнее время, а ведь на этих фильмах воспитываются наши люди. Мне кажется, что в этом деле у нас никакого контроля не существует. А с эстрады мы часто слышим не просто пошлость, но подчас антисоветчину. Не может нас не тревожить и то, что нет у нас настоящих, глубоких в политическом смысле пьес. Ставятся в театрах ублюдочные пьесы... О Твардовском, я считаю, мы слишком много говорим. Его нужно просто освободить от работы. И это можно сделать не в ЦК, это может сделать Союз писателей...

Кириленко тоже высказался о главном редакторе «Нового мира»:

— Мы давно говорим о несостоятельности произведений Твардовского, о вредности, в частности, его произведения

«Теркин на том свете». А ведь они ставятся в театре до сих пор, а там есть партийная организация, директор-коммунист, есть у нас министерство, а никто не спрашивает за это. Вот если на заводе допущен какой-то брак, за это сразу же спрашивают и райком, и горком, и министерство, и дирекцию, наказывают людей, а тут, в идеологической работе, извращают ленинизм, наносят нам непоправимый вред, и никто не спрашивает, а мы говорим о каком-то администрировании...

Новый председатель Комитета партийного контроля при ЦК Арвид Янович Пельше выразил неудовольствие словами Демичева:

— Мне кажется очень странным заявление товарища Демичева о том, что у нас существуют какие-то три группировки интеллигенции: одна — вокруг журнала «Новый мир», другая — вокруг журнала «Октябрь», третья — я так и не услышал, вокруг кого она формируется. Ну как же так, товарищи? А где же мы-то с вами находимся?

(Арвид Пельше был в Латвии секретарем по идеологии. При нем в здании ЦК Латвии памятник Сталину стоял до середины 1959 года. Управляющий делами республиканского ЦК несколько раз спрашивал Пельше:

— Не пора ли убрать?

Пельше отвечал:

— Подождем еще.

В 1959 году в Ригу приехал Хрущев. Увидел памятник и раздраженно спросил первого секретаря ЦК:

— У вас что, тягача нет его убрать?..)

Брежнев остался доволен ходом совещания. Сказал, что надо поручить секретариату ЦК разработать «конкретный план с указанием сроков и ответственных лиц». И несколько смягчил вывод:

— Мы не говорим сегодня, кого снять, кого переместить — Твардовского ли, Симонова ли, других ли, не об этом речь.

Константин Михайлович Симонов никакой должности не занимал, его снять было невозможно. А процесс снятия Твардовского — с учетом замечания Брежнева — растянулся на годы.

Леонид Ильич объяснил, что следует предпринять в первую очередь:

— Нам нужно привести в систему — на новой основе, на новой базе, на тех идеях, которые дал XXIII съезд партии, историю нашей Родины, историю Отечественной войны и прежде всего историю нашей партии...

На этом заседании была утверждена идеологическая платформа брежневского руководства: о критике Сталина следует забыть; при Сталине хорошего было больше, чем плохого, и говорить следует о хорошем — о победах и достижениях страны; те, кто отступает от линии партии, должны быть наказаны.

Как следствие, далее началось переписывание учебников по истории. Это, можно сказать, традиция. Еще Александр Иванович Герцен писал: «Русское правительство как обратное провидение: устраивает к лучшему не будущее, но прошедшее».

Бóльшая часть брежневских чиновников начинала свою карьеру при Сталине. Признать его преступником означало взять часть вины и на себя — они же соучаствовали во многом, что тогда делалось. Но было и соображение иного порядка, важное и для чиновников молодого поколения, начавших карьеру после Сталина. Они не несли никакой ответственности за прошлое. Но тоже защищали беспорочность вождя — по принципиальным соображениям. Если согласиться с тем, что прежняя власть совершала преступления, значит, придется признать, что и нынешняя может как минимум ошибаться. А народ должен пребывать в уверенности, что партия, политбюро, генеральный секретарь, власть всегда правы. Никаких сомнений, никакой критики допустить нельзя!

Вот почему власть была бескомпромиссна в борьбе с теми, кто выступал за объективную оценку истории страны.

За полтора года до этого, в феврале 1965-го, в кабинете Брежнева собрались сотрудники разных отделов и два помощника — Александров-Агентов и Голиков.

Леонид Ильич попросил их помочь подготовить ему доклад к 9 мая, двадцатилетию победы. Сказал, что у него есть некоторые соображения, которые могут быть им полезны. Он вызвал стенографистку и стал излагать то, что, по его мнению, следовало бы отметить в докладе.

Надиктовал он страниц двенадцать. Их тут же расшифровали и раздали участникам беседы.

В докладе положительно освещалась деятельность Сталина, ни слова не было сказано о репрессиях и культе личности. Критиковался только хрущевский период. Брежнев впервые отдал должное всем участникам войны, полководцам победы, чего когда-то не захотел сделать Сталин, который ревниво относился к своим генералам и маршалам.

Подчеркнул, что надо обязательно сказать о политруках и комиссарах:

— А то ведь скажут: Брежнев сам политработник, а о нас сказать забыл.

По мнению присутствовавшего при этом Георгия Смирнова, Брежнев вовсе не легко поддавался чужому влиянию... Возможно, такое впечатление создавалось оттого, что он вел себя осторожно и предпочитал сложный вопрос отложить. Он был разумным человеком, избегал крайностей. Как бы на него ни жали, если ему что-то было не ясно, если он сомневался (а сомневался он часто, поскольку ему элементарно не хватало образования), он говорил:

— Отложим, мне надо посоветоваться.

Он действительно советовался с теми, кому доверял, интересовался реакцией других членов политбюро на новые идеи. Когда обсуждался проект доклада, Брежнев всех выслушивал очень внимательно, иногда что-то записывал в блокнот. Если чьи-то слова сразу критиковались, останавливал:

— Ну, дайте же человеку сказать, что вы так набрасываетесь?

— Он умел расспрашивать людей, — говорил Смирнов, — узнавал то, что ему нужно, и запоминал. Потом пускал в ход. Это до некоторой степени заменяло ему отсутствие систематического образования и привычки читать. И он неуклонно проводил в жизнь то, что считал правильным. У него был твердый характер.

Но в идеологических вопросах часто чувствовал себя неуверенно, в сложных случаях избегал принимать решения. У него, например, не складывались отношения с Михаилом Александровичем Шолоховым. Писатель, знакомый с генсеком еще с военных времен, Леонида Ильича не уважал и обращался к нему нарочито без пиетета.

Шолохов хотел опубликовать в «Правде» отрывки из романа «Они сражались за Родину», где речь идет о предвоенной ситуации в стране. Редакция не решалась на публикацию без санкции свыше. Осенью 1968 года Шолохов передал отрывок Брежневу, уверенный, что тот скоро даст ответ. Но Леонид Ильич не торопился.

Шолохов, который привык к особому отношению верхов, обижался на то, что не может попасть к Брежневу. Приехав в Москву на пленум ЦК, написал генеральному записку:

«Обещанный тобою разговор 7 октября не состоялся не по моей вине... Если у тебя не найдется для меня на этот раз времени для разговора (хотя бы самого короткого), поручи, кому сочтешь нужным, поговорить со мной... Найди две минуты, чтобы ответить мне любым, удобным для тебя способом по существу вопроса. Я на пленуме. Улетаю в субботу, 2 ноября. Срок достаточный для того, чтобы ответить мне, даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости».

Брежнев не откликнулся даже на эту записку! В начале февраля следующего года Шолохов телеграфировал генеральному секретарю:

«Осмелюсь напомнить, что обещанного разговора жду уже пятый месяц. Пожалуйста, отзовитесь».

Леонид Ильич наконец распорядился соединить его по телефону с Шолоховым. Через месяц глава из романа, так и оставшегося недописанным, появилась в «Правде»...

При обсуждении тезисов доклада Брежнев выбирал между точками зрения, которые считал крайними, среднюю линию.

Доклад для XXIII съезда ему писали больше двадцати человек из разных отделов ЦК на бывшей сталинской даче Волынское-1.

Трапезников и Голиков требовали проводить жесткую линию, сделать упор на «классовую борьбу». В международном разделе доклада считали необходимым акцентировать «революционную борьбу с империализмом». Сотрудники международного отдела сопротивлялись. Но слышали в ответ рассуждения об «отходе от ленинской линии» и «оппортунизме».

Голиков и Трапезников были близки к Брежневу, бегали к нему жаловаться. У них в разных отделах были союзники. Один из сотрудников международного отдела, не скрывавший своей симпатии к сталинизму, сказал Юрию Александровичу Жилину, который в отделе руководил группой консультантов:

— Тебя придется расстрелять.

К другому сотруднику был милосерднее:

— А тебя — посадим.

Он был навеселе, плохо себя контролировал. Но, как известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

«В какой-то момент я вдруг подумал, — вспоминал Карен Брутенц из международного отдела ЦК, — а не стоим ли мы на пороге чего-то похожего на новый тридцать седьмой год? И не отправится ли часть "дискуссантов" в места, не столь отдаленные?»

Но Зимянин, главный редактор «Правды», Виталий Германович Корионов, первый заместитель заведующего международного отделом, и Лев Николаевич Толкунов, первый заместитель заведующего отдела соцстран, считали, что доклад должен быть взвешенным.

Суслов собрал рабочую группу для обсуждения введения к докладу, написанного Голиковым и его компаньонами. Во введении говорилось, что после октябрьского пленума (смещения Хрущева) у партии «другая» генеральная линия.

Суслов стал выговаривать Зимянину:

— Что это вы тут пишете? С каких пор генеральная линия партии делится пополам?

Михаил Васильевич сначала не понял и стал объяснять:

— Это не мы готовили. Мы же работаем над международным разделом.

Суслов продолжал свое:

— Вы успокойтесь. Дайте мне договорить. С каких пор генеральная линия партии делится пополам?

Постепенно до присутствующих дошло, что таким образом Суслов обращался к Голикову и его единомышленникам. Делать выговор помощнику Брежнева Михаил Андреевич не хотел, но свою мысль довел до всех. После чего общими усилиями был написан бесцветный доклад. Радикальные призывы исчезли.

Но изменение идеологической атмосферы почувствовалось достаточно быстро. Прежде всего в отношении к истории Великой Отечественной войны. При Хрущеве начался разговор о причинах катастрофического поражения летом 1941-го, о трагической участи миллионов советских солдат, попавших в плен. Теперь настроения менялись.

7 апреля 1965 года в редакции «Красной звезды» состоялась встреча писателей с журналистами. Через пару недель газета опубликовала отчет. Главный редактор журнала «Октябрь» Всеволод Анисимович Кочетов, певец рабочей темы, считавшийся преданным сталинистом, говорил:

«Мы с Николаем Семеновичем Тихоновым не можем рассказать о гигантских отступлениях, о которых так живописно рассказывал здесь Сурков. Любой клок земли под Ленинградом — это рубеж упорнейшего сопротивления наступавшему врагу. Мы видали и наступательные бои, например, под Тихвином, где еще в начале войны почувствовали, что можем успешно бить фашистов... Сейчас много пишется о героизме военнопленных. Действительно, наши люди сражались и в гитлеровских лагерях. Но, говоря честно, это героизм вторичный. Первичный же определен воинской присягой... Если бы каждый выполнял свой долг на поле боя, не было бы нужды в героизме лагерников. Иные из писателей, кинодеятелей, рассказчиков с телеэкранов изо дня в день утверждают, что плен — это не беда и там можно стать героем».

Константин Симонов был возмущен этой демагогией и отозвался об этом так:

«Попытки Кочетова противопоставить Ленинградский фронт другим фронтам и в особенности попытки шельмовать без разбору чуть ли не всех людей, имевших несчастье попасть в плен в начале войны, кажутся мне глубоко отвратительными».

А что думает ГлавПУР?

В сентябре 1966 года Главлит не разрешил «Новому миру» печатать упомянутые Брежневым фронтовые дневники Константина Симонова под названием «Сто суток войны. Памяти погибших в сорок первом».

Главлит отправил в ЦК развернутый донос на Симонова, обвинив его в том, что он считает ошибочной предвоенную политику государства, приводит данные о репрессиях в армии и считает неправильным заключение пакта с фашистской Германией в 1939 году.

Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР просило «поручить отделу культуры ЦК КПСС рассмотреть вопрос о целесообразности публикации фронтовых записок К. Симонова и комментариев к ним в подготовленном журнальном виде».

Дневники Симонова были задержаны, потому что цензура чутко уловила изменившиеся настроения. На идеологических совещаниях звучали требования «вступиться за годы культа личности, перестать чернить прошлое и печатать литературу, которая воспитывает героизм и патриотизм».

Корней Чуковский в январе 1965 года принес статью в редакцию «Правды»:

«Николай Александрович Абалкин с серым лицом, облыселый, прочитал вслух при мне статейку о Васнецове и сказал:

— Хорошая статейка, талантливая и главное нужная. Мы должны воспитывать молодежь в духе национальных и даже националистических идеалов. Потому что куда идет молодежь? Разнуздалась, никаких святынь...

Мне и в голову не приходило, что моя бедная статейка — узда для молодежи. Впечатление от “Правды” мрачное, словно тюремное».

Партийный аппарат по всей стране требовал прекратить критику Сталина, не рассказывать больше о репрессиях и лагерях, о катастрофе в начальный период войны. Прошло всего два года после отставки Хрущева, и решено было сделать вид, будто трагедии сорок первого просто не было.

Чуковский 15 августа 1965 года записал в дневнике:

«Впервые в жизни слушаю радио и вижу, что “радио — опиум для народа”. В стране с отчаянно плохой экономикой, с системой абсолютного рабства так вкусно подаются отдельные крошечные светлые явления, причем раритеты выдаются за общие факты — рабскими именуются все другие режимы за исключением нашего».

На совещании в Москве секретарь ЦК компартии Украины по идеологии Андрей Данилович Скаба говорил:

— Со Сталиным сильно перегнули палку в критике. В результате мы десять лет работали против себя на идейном фронте, подрывая доверие к себе. Отсюда — нигилизм, фрондерство молодежи.

Андрей Скаба начинал карьеру в Харькове, руководил архивом Октябрьской революции, редактировал областную газету, стал секретарем обкома по идеологической работе. В 1959 году Подгорный выбрал его на роль главного идеолога Украины. Его считали «искренним начетчиком и догматиком». Украинский прозаик Олесь Гончар так отозвался о секретаре ЦК Андрее Скабе в дневнике: «...мертвенный палач украинской интеллигенции»...

Секретарь ЦК компартии Грузии Давид Георгиевич Стуруа выразился еще откровеннее:

— Издержки, допущенные в критике личности Сталина, — это не просто издержки, это подрыв самих наших основ. В литературе писатели всячески стремятся принизить позитивное, положительное в деятельности Сталина, изображают его злодеем и монстром. Зачем это делается? В этой связи должен сказать, что сегодня линия журнала «Новый мир» — это линия тех, кто недоволен политикой партии. На страницах журнала виден оскал врага.

«Оскал врага» — это была уже лексика сталинских времен. Слова Стуруа разнеслись по всей Москве. Лексика была признана слишком грубой и откровенной, это в политбюро недолюбливали. Но тенденция была понятна.

Особую роль в духовной жизни страны стало играть Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота. Любовь Брежнева к армии вылилась в то, что Министерство обороны и ГлавПУР обрели невиданное влияние.

Доверенным лицом Брежнева в армии стал начальник ГлавПУРа генерал армии Епишев. Он демонстрировал особую жесткость в идеологических вопросах, ощущая себя главным комиссаром и блюстителем нравов.

Алексей Алексеевич Епишев начинал трудовую деятельность в мастерских госрыбтреста. С 1927 года работал инструктором, заведующим отделом райкома комсомола. В 1930 году его призвали в армию, он окончил Военную академию механизации и моторизации РККА, получил звание военного инженера 3-го ранга.

В 1938 году Епишева демобилизовали и отправили парторгом ЦК на Харьковский машиностроительный завод. Одного за другим арестовали двух первых секретарей обкома, и в марте 1940 года Епишев стал первым секретарем Харьковского обкома и горкома. Секретарем горкома по оборонной промышленности у него был Петр Шелест.

Войну Епишев прошел в должности члена военного совета 40-й, затем 38-й армии. В конце войны они с Брежневым оказались на одном фронте. В 1946 году Епишева демобилизовали, в мае утвердили секретарем по кадрам и членом оргбюро ЦК компартии Украины. Затем его назначили первым секретарем Одесского обкома.

В 1951 году, после ареста министра государственной безопасности Виктора Абакумова, в министерстве прошла большая чистка. Людей Абакумова снимали с должностей и сажали. Ключевую должность заместителя министра госбезопасности по кадрам занял переведенный в столицу Епишев.

На партийной конференции аппарата МГБ Епишев предложил избрать в партком нового заместителя министра госбезопасности Михаила Кузьмича Рюмина, которого потом расстреляют за фальсификацию печально знаменитого «дела врачей»...

После смерти Сталина Епишева отправили на дипломатическую работу. Многие высшие руководители Министерства госбезопасности были наказаны за свои преступления. Епишева эти процессы обошли стороной. Пять лет он был послом в Румынии, еще два года в Югославии.

В июне 1962 года Епишева назначили начальником ГлавПУРа. Он работал на этой должности при трех министрах обороны — Малиновском, Гречко и Устинове. К шестидесятилетию Брежнев сделал его Героем Советского Союза.

Никогда еще военные политработники не играли такой роли в духовной жизни страны. Формально ГлавПУР имел права отдела ЦК. Фактически роль армейского политоргана стала большей, в споре с другими отделами ЦК верх брал Епишев.

Всякий раз, когда на секретариате ЦК обсуждался идеологический вопрос, председательствовавший задавал традиционный вопрос:

— А что думает ГлавПУР?

И внимательно выслушивал мнение Епишева.

Первым заместителем начальника ГлавПУРа стал генерал-полковник Михаил Харитонович Калашник, с которым Брежнев познакомился на фронте. Леонид Ильич служил в политуправлении Черноморской группы войск, а Калашник был начальником политотдела 47-й армии, входившей в группу.

Генерал Калашник боролся с «искажениями исторической правды» в советской литературе:

«Рисуя, скажем, жизнь штрафников, расстрел дезертиров или проявление малодушия, паники, трусости на фронте, авторы обращаются к изнанке войны, а не определяющим чертам, при этом выхватывают отдельные факты из общей цепи событий, представляют их односторонне, искажая этим правду жизни, развенчивая и принижая героев войны...

Хорошо известны, например, некоторые наши неудачи в начале войны, вызванные целым рядом обстоятельств. Обращаясь к тому времени, отдельные писатели избирают только самые темные краски, смакуя при этом факты отступления, пленения и тому подобное, представляя армию как совсем неподготовленную к борьбе. Но это явно антиисторический подход.

Отдают ли себе отчет эти авторы, какой была наша армия накануне войны, какие огромные мероприятия были проведены партией, правительством на случай фашистского нападения?..»

Начальник ГлавПУРа Епишев писал в ЦК, не называя «Новый мир», но имея в виду этот журнал, о «глумлении над святыми для советского человека понятиями». «Новый мир» фактически запретили выписывать в армии, вычеркнув из перечня рекомендованных изданий — это был сигнал, всем понятный.

Генерал Епишев подписал отправленное в ЦК развернутое обвинение против Константина Симонова, которое заканчивалось такими словами:

«Новая книга К. Симонова является глубоко ошибочной, недостойной советского писателя. Она может нанести серьезный вред патриотическому воспитанию нашей молодежи, искаженно показывая бессмертный подвиг нашего народа во имя защиты завоеваний Октября... Учитывая порочность записок Константина Симонова “Сто суток войны” и тот вред, который они могут принести, Главное политическое управление Советской армии и ВМФ считает, что издавать их нецелесообразно».

Мнение Епишева возобладало. Военные дневники Симонова не были напечатаны.

Посмотрев фильм о победе под Москвой, снятый по сценарию Симонова и еще одного военного писателя, Евгения Воробьева, Епишев и Гречко высказали так много замечаний, что блокировали его выход на экран.

В речи Брежнева на торжественном собрании накануне двадцатилетия победы, 8 мая 1965 года, впервые за долгое время в положительном контексте прозвучали имена Сталина и Жукова. Маршал Жуков сидел в зале. После 1957 года это был первый случай, когда его позвали на торжественное собрание.

11 мая 1965 года председатель КГБ Семичастный информировал ЦК КПСС:

«Доклад тов. Брежнева на торжественном собрании во Дворце съездов 8 мая комментируется в войсках и на флотах с огромным интересом и теплотой. Военнослужащие и служащие воинских частей и учреждений одобряют данную в докладе оценку деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны и упоминание заслуг тов. Сталина И. В. и Жукова Г. К.

(Далее следовали выдержки из высказываний, заботливо собранных особыми отделами, в которых говорилось о заслугах Сталина и критиковался Хрущев. — *Л. М.*)

Отдельные офицеры связывают упоминание имени Жукова в докладе и его присутствие в Кремлевском дворце и на Красной площади с возможным его возвращением в ряды Советской Армии...

Вместе с тем отдельные военнослужащие высказывали свое недоброжелательное отношение к упоминанию в докладе имен тов. Сталина И. В. и Жукова Г. К.

Так, председатель Военного трибунала одной из армий Группы советских войск в Германии полковник Писарев в кругу старших офицеров заявил:

“Сколько уничтожили людей Жуков и Сталин. Стоило ли их имена называть в таком докладе?”

Однако Писарева никто не поддержал, и все доказывали ошибочность его точки зрения...

Подобные высказывания единичны и не находят поддержки у личного состава Вооруженных Сил».

Упоминание имени Георгия Константиновича Жукова породило надежды на его полную реабилитацию. Но маршала ненавидели армейские политработники. Они пытались помешать изданию его воспоминаний.

3 марта 1968 года на политбюро Брежнев говорил:

— У нас появилось за последнее время много мемуарной литературы... Освещают, например, Отечественную войну вкривь и вкось, где-то берут документы в архивах, искажают, перевирают эти документы... Где это люди берут документы? Почему у нас стало так свободно с этим вопросом?

Министр обороны Гречко пообещал:

— С архивами разберемся и наведем порядок. О мемуарах Жукова мы сейчас пишем свое заключение. Там много ненужного и вредного.

Архивы были надежно закрыты для исследователей. А воспоминания Жукова вышли в свет только после того, как была сделана нелепая вставка — только чтобы доставить удовольствие Брежневу.

«В 18-ю армию генерала К. Н. Леселидзе, — будто бы писал маршал Жуков, — мы прибыли вместе с наркомом Военно-Морского флота Н. Г. Кузнецовым, командующим ВВС А. А. Новиковым и работником Генштаба генералом С. М. Штеменко... Всех нас тогда беспокоил один вопрос, выдержат ли советские воины испытания... на Малой Земле. Об этом мы хотели посоветоваться с начальником политотдела 18-й армии Л. И. Брежневым, но он как раз находился на Малой Земле, где шли тяжелые бои».

Читатели смеялись: надо же, маршал Жуков решил попросить совета у полковника Брежнева...

Маршала Жукова избрали делегатом XIV съезда партии, но Брежнев не советовал маршалу приходить во Дворец съездов. Сказал его жене Галине Александровне по телефону:

— Такая нагрузка при его состоянии здоровья. Четыре часа подряд вставать и садиться.

— Но Георгий Константинович хочет быть на съезде, — пыталась объяснить Галина Александровна, — для него это последний долг перед партией. Сам факт присутствия на съезде он рассматривает как свою реабилитацию.

— То, что он избран на съезд, и есть реабилитация, — ответил Брежнев.

А вот упоминание имени Сталина в брежневском докладе имело куда более серьезные последствия. Оно прозвучало как сигнал к реабилитации всего сталинского наследия. Один из руководителей отдела пропаганды ЦК Василий Иванович Снастин наставлял газетных и журнальных редакторов:

— Вы что, не понимаете, что произошло? Не ощущаете дух доклада Брежнева?

Ощущая перемену настроения «наверху», воодушевились люди, которые в годы хрущевской оттепели чувствовали себя ущемленными. Писатели, именовавшие себя «автоматчиками партии», не выдерживали конкуренции с талантливыми художниками. Власть жаловала своих подручных должностями, орденами и дачами, но сделать их талантливыми и популярными не могла.

Официальные писатели были глубоко обижены тем, что им не достаются читательские симпатии. И еще и поэтому с удовольствием принимали участие в удушении идеологически невыдержанных талантов.

24 сентября 1967 года Твардовский записал впечатления от заседания секретариата Союза писателей, обсуждавшего Александра Солженицына:

«Они говорят те слова, которые гарантируют им личную безопасность, благополучие и преуспевание и в то же время восходящие к “решениям”, “документам”, “указаниям” (последним), освобождая их лично от необходимости самим думать, принимать решения для себя, то есть они способны на любую гадость и подлость.

И когда они видят, что кто-то позволяет себе роскошь возражать этой высшей необходимости, это их раздражает: ты хочешь быть умнее, благороднее нас, а мы — дерьмо, пусть так, но погоди — сам никуда не денешься».

В высшем эшелоне власти шла борьба за Брежнева. Разные группы спешили завоевать его симпатию. Вокруг него роились откровенные сталинисты, которые требовали покончить с хрущевскими нападками на великого вождя.

20 декабря 1962 года, при Хрущеве, три отдела — пропаганды и агитации по союзным республикам; науки, высших учебных заведений и школ; культуры — объединили в единый идеологический отдел ЦК КПСС. При Брежневе его вновь разделили на три:

отдел науки и учебных заведений;

отдел культуры, который ведал художественной литературой, театром, музыкой и изобразительным искусством;

отдел пропаганды, который руководил средствами массовой информации, занимался политической учебой, устной агитацией, библиотеками, музеями, художественной самодеятельностью, физкультурой и спортом, курировал ТАСС, АПН, управление по охране тайны в печати (цензура) и Совет по делам религии.

Подобрать руководителя отдела пропаганды оказалось сложным делом. Сначала им назначили Владимира Ильича Степакова, который год работал в «Известиях» и вернулся в аппарат ЦК. Он не скрывал своей любви к Сталину.

О том, чем он занимался на новом посту, свидетельствует одна из записок, отправленных им секретарям ЦК. 5 июля 1968 года он жаловался на журнал «Спутник», издававшийся Агентством печати «Новости» с пропагандистскими целями на иностранных языках:

«Редакция журнала и правление АПН увлеклись занимательностью, внешней стороной издания в ущерб его идейному содержанию. Об этом свидетельствуют статьи о лунатизме, о конкурсе джаза, о собаках, о бесплодии, обилие фотографий церквей, соборов...

Редакция пытается потакать вкусам зарубежного обывателя. Так, в номере третьем (июнь 1968 года) на английском языке помещено цветное фото обнаженной девушки, иллюстрирующей пространную статью о женской красоте...

Поместив в номере первом статью из газеты “Правда” о жизни ивановских ткачих, редакция дала сноску “Пара самых дорогих импортных ботинок стоит 40 рублей”. Читатель журнала, сопоставив данные статьи с этой сноской, может прийти к выводу, что в семье из пяти человек, получающей 222 рубля в месяц, доход одного человека равен фактически стоимости одной пары обуви...

В редакции слаба партийная прослойка: из 55 человек членов партии — 14...»

В начале 1970 года Степакова отправили послом в Югославию (а через восемь лет — на пенсию).

Заведующего долго не было. Отделом руководил первый заместитель Александр Николаевич Яковлев. Он был опытнейшим аппаратчиком, умелым царедворцем, хотел сделать большую карьеру, но от товарищей по ЦК его отличали природная мудрость, крестьянский здравый смысл и трагический опыт фронтовика. Он сам как-то заметил:

— Отказывать я не умею. Мне всегда хотелось помочь людям. Нередко меня обманывали, а я продолжал верить в совесть.

Людей, воевавших на передовой, смотревших в глаза смерти, в аппарате ЦК было немного. А для Яковлева взрослая жизнь началась в 1941-м, когда сразу после школы он отправился на фронт. Его зачислили курсантом Второго ленинградского стрелково-пулеметного училища, уже эвакуированного из Ленинграда. Ускоренный выпуск, звание лейтенанта — и в начале 1942-го его отправили на Волховский фронт командовать взводом.

«Помню свой последний бой, — вспоминал Яковлев. — Надо было сделать "дырку" в обороне немцев. Подтянули артиллеристов, минометную батарею. И вдруг ранним утром от земли стал отрываться туман. Мы сказали координатору операции — майору, что надо сейчас атаковать, иначе хана. Он обложил нас матом, сказал, что будет действовать так, как было утверждено.

Пошли в атаку. Больше половины людей погибли. Меня тяжело ранило. Получил четыре пули. Три в ногу с раздроблением кости, одну в грудь, прошла рядом с сердцем. Два осколка до сих пор в легких и в ноге. Врачи говорят — закапсулировались...

Еще в полевом госпитале я подписал согласие на ампутацию левой ноги от тазобедренного сустава, поскольку у меня началась гангрена, нога посинела. Врачи сказали, что другого выхода нет, я равнодушно внимал всему, да и редко бывал в памяти.

Ногу мне спас руководитель медицинской комиссии, посетившей госпиталь как раз в момент, когда я был уже на операционном столе. Старший стал смотреть историю болезни, спросил: "Сколько лет?" — "Девятнадцать", — отвечаю. Говорит: "Танцевать надо". Я вижу, ему начали лить воду на руки, а мне на нос накинули марлю...»

За свой последний бой старший лейтенант Яковлев получил орден Боевого Красного Знамени, инвалидность и на костылях вернулся в родную деревню. Ему предлагали заведовать кадрами на ткацкой фабрике или спиртоводочном заводе. На фабрике давали дополнительный паек, на заводе — корм для коровы. Но отец, тоже раненый и лежавший в госпитале, прислал письмо: пусть сын, как ни трудно, идет учиться. Александр Николаевич поступил в Ярославский педагогический институт. Оттуда его взяли инструктором в обком партии.

В 1953 году из обкома Яковлева забрали в Москву, в ЦК, где он успешно продвигался по служебной лестнице, сначала в отделе науки, потом в агитпропе. Когда Степаков ушел и Яковлев фактически возглавил отдел пропаганды, ему позвонил помощник генерального секретаря Цуканов:

— Ну, как теперь будем показывать деятельность Леонида Ильича?

Яковлев осторожно ответил:

— В соответствии с решениями ЦК.

— Ах, вот как, ну-ну.

В голосе брежневского помощника звучало разочарование. Он рассчитывал на бóльший энтузиазм при выполнении главной задачи пропагандистского аппарата.

Александр Николаевич был лишен догматизма и начетничества. Возглавляя отдел пропаганды, прекрасно понимал, что происходит в стране. Он говорил секретарю ЦК компартии Украины Федору Овчаренко (тот записал слова московского начальника в дневник):

«У нас созданы условия для безнравственных поступков. В соцсоревновании много показухи. Надо начинать с партии (взятки, пьянки, балы). Воспитывается цинизм, а это признак разложения партии».

15 февраля 1972 года в популярнейшей тогда «Литературной газете» появилась статья Яковлева под названием «Против антиисторизма». Две полосы текста стоили ему карьеры. А ведь поначалу газета «Правда», главный партийный орган, поддержала статью Яковлева.

Но потом в политбюро началась невидимая миру схватка. Демичев обреченно сказал:

— Мы еще хлебнем горя с этой статьей.

В марте 1973 года Яковлева положили в больницу на улице Грановского. В апреле сняли с должности и на десять лет отправили в приятную, комфортную, но ссылку — послом в Канаду. Что же такого крамольного написал в 1972 году Яковлев, что и ему и по сей день поминают эту статью?

К концу 1960-х годов партийный аппарат утратил контроль над духовной жизнью общества. Вера в коммунизм даже в самом аппарате сохранилась лишь в форме ритуальных заклинаний. В правящей элите появились две группы.

Особым влиянием пользовались те, кто считал, что лучшие годы страны пришлись на сталинское правление, когда Советский Союз стал великой державой. Сталин — выдающийся государственник, который противостоял всему иностранному. Поэтому нужно возвращаться к его политике и к его методам — никаких послаблений внутри страны и никакой разрядки в международных отношениях.

Поклонники вождя оправдывали репрессии, считая, что Сталин уничтожал врагов государства, хотя в реальности главной жертвой большого террора стало крестьянство.

Рядом со сталинистами появилась и окрепла другая группа, которую в документах КГБ именовали русской партией или «русистами». Они считали, что в Советском Союзе в угоду другим национальностям сознательно ущемляются права русских.

В этой группе были люди, искренне переживавшие за Россию, писатели и художники, выступавшие против запретов в изучении истории и культуры. Но тон задавали партийные и комсомольские функционеры, считавшие себя обделенными должностями.

К началу 1970-х в русской партии выделились последовательные антикоммунисты, утверждавшие, что Октябрьскую да и Февральскую революцию устроило мировое еврейство, чтобы уничтожить Россию и русскую культуру.

Для этих людей Александр Солженицын был врагом России и агентом ЦРУ, а председатель КГБ Андропов — сионистом. Они откровенно говорили, что нужно вернуться назад, что стране нужна монархия. И эти речи произносились в присутствии партийных секретарей и офицеров госбезопасности.

Казалось бы, это были идеологические противники. Одни ратовали за советскую власть, другие выступали против. Но нашлась общая платформа — ненависть к Западу, либерализму, демократии, презрительно-покровительственное отношение к другим народам Советского Союза И конечно же антисемитизм.

По этим настроениям ударил в своей статье Александр Яковлев. Он выражал мнение той здравомыслящей части аппарата, которая боялась откровенного национализма, понимая, как опасно поощрять подобные настроения в многонациональном Советском Союзе. И верно: откровенный национализм в конце концов разрушил Советский Союз.

В других республиках внимательно следили за тем, что происходит в Москве. Если одним можно прославлять величие своего народа, своего языка и своей культуры, то и другие не отстанут.

В Казахстане в издательстве «Жазушы» вышла книга Олжаса Сулейменова «Аз и я». В России книгу сочли националистической, антирусской, говорили, что автор искажает историческую правду и глумится над «Словом о полку Игореве».

Требовали изъять книгу и наказать автора.

Суслов пригласил к себе первого секретаря ЦК компартии казахстана Кунаева и завел разговор о книге Сулейменова.

Вечно хмурый Суслов сказал:

— Димаш Ахмедович, у вас в республике вышла книга с явной антирусской и националистической направленностью.

— Я читал эту книгу, — начал Кунаев, — и не вижу...

Но Суслов не дал ему договорить:

— Слушайте дальше. В книге искажены исторические факты, автор глумится над великом памятником — «Словом о полку Игореве». Министерство обороны изъяло книгу из всех военных библиотек. И правильно, я думаю, поступило. Разберитесь с книгой, автором и как следует накажите виновных! Чтобы неповадно было.

Кунаев стал возражать. Но Суслов не желал слушать.

— Здесь справки отделов ЦК, — он показал на толстую папку, — письма ученых, рецензии...

Кунаев пошел к Брежневу. Сначала обсудил другие дела, потом осторожно заговорил о книге Сулейменова:

— Напрасно критикуют талантливого писателя. Тут какая-то ревность, выяснение отношений между писателями.

Если бы Сулейменов жил в Москве, отношение к нему было бы другим, но книга, изданная в Алма-Ате, Брежнева не беспокоила. Значительно важнее было не обижать большую республику и близкого друга. Тем более что Кунаев брал ответственность на себя. Леонид Ильич махнул рукой:

— Разбирайтесь сами.

Слова генерального секретаря лишали Суслова возможности что-либо предпринять. Вопрос был передан на рассмотрение республиканского ЦК. Кунаев сделал все умело. Он провел заседание бюро, на котором кого-то критиковали, кому-то поставили на вид, а самому Олжасу Сулейменову Кунаев мягко сказал:

— Мы ждем от тебя новых стихов и новых поэм.

Через полгода Сулейменова демонстративно избрали членом республиканского ЦК. У Кунаева в республике была своя, условно говоря, казахская партия, которая считала, что казахов ущемляют и недооценивают, что русские не по праву занимают руководящие посты в Казахстане...

Положение Александра Яковлева было трудным. Он не был брежневским человеком. Ходили слухи о том, что Яковлев входил в группу своего тезки Шелепина. Говорили, что, если бы к власти пришел Шелепин, Яковлева ждал бы высокий пост. Так или иначе, но Брежнев к Яковлеву относился с прохладцей. Это тоже имело значение, когда разгорелся скандал после публикации знаменитой статьи в «Литературной газете».

Статья Яковлева была ортодоксально-партийной. Он обвинял представителей «русской партии» в отступлении от классовых позиций, от партийных взглядов, в идеализации дореволюционной России. Поэтому его поддержал сталинский соратник Вячеслав Михайлович Молотов. Встретив его в санатории, сказал:

— Статья верная, нужная, Владимир Ильич часто предупреждал нас об опасности шовинизма и национализма.

Но Яковлеву не простили слов об опасности великодержавного шовинизма. Обратим на это внимание. Выразитель партийных взглядов стал внутри партии мишенью хорошо организованной атаки. Это свидетельство того, какие настроения господствовали уже тогда среди партийного руководства. Они сыграли большую роль в разрушении Советского Союза как социалистического и многонационального государства.

Против Яковлева были мобилизованы все, кто поддерживал так называемую русскую партию, в том числе влиятельные члены политбюро и сотрудники аппарата. Обратились к Шолохову, чтобы он написал в ЦК, будто Яковлев обидел честных патриотов.

Позиция Александра Николаевича Яковлева полностью соответствовала партийной линии. Но Суслову не понравилась самостоятельность его подчиненного. Кто ему поручал писать статью? Зачем он устроил ненужную полемику? Превыше всего ценились осторожность и умение вообще не занимать никакой позиции.

Яковлева послали в Канаду.

Национальным вопросом в стране занимался один только Комитет госбезопасности.

23 октября 1981 года Андропов отправил в ЦК справку «о негативных проявлениях среди бойцов комсомольско-молодежных отрядов», составленную в Пятом (борьба с идеологическими диверсиями) управлении КГБ по материалам, полученным из Тюменской области. Справку, которая свидетельствовала о том, как легко в Советском Союзе вспыхивали конфликты на национальной почве, подписал начальник Пятого управления Филипп Бобков:

«В настоящее время на строительстве важнейших объектов нефтегазовой промышленности в Тюменской области в составе шести комсомольско-молодежных строительных отрядов, сформированных в Закавказье, Средней Азии и других районах страны, находятся более семи тысяч молодых рабочих.

В течение последних двух лет среди бойцов этих отрядов имели место негативные проявления. Так, в 1979 году произошли массовые драки между бойцами отряда имени 25-летия Целины, прибывшими из Грузии, и местными строителями нефтехимического комбината; в поселке Локосово Сургутского района между бойцами из Литвы и местными жителями; в поселке Уренгой Пуровского района между группой местной рабочей молодежи и комсомольцами из Азербайджана.

В 1980 году в г. Нижневартовске во время драки между бойцами отряда “Молодогвардеец” убит комсомолец Беспалов. В 1981 году в г. Тобольске произошла массовая драка между бойцами отрядов, прибывших из Армении и Азербайджана. Как правило, указанные инциденты возникали из хулиганских побуждений, на почве употребления спиртных напитков и наркотиков, но затем приобретали националистический характер...

В период с апреля 1980 года по апрель 1981 года в результате увольнений за групповые отказы от работы, нарушения трудовой дисциплины и пьянство только на строительстве Тобольского нефтехимического комплекса из 583 бойцов отряда имени 25-летия Целины осталось 182, а в отряде “Молодогвардеец” из 300 осталось 154...»

Записка не имела никаких последствий. Никто даже не хотел обсуждать эти темы. Советская власть, которая сама себя убеждала, что она служит народу, опасалась открытых действий. Ей хотелось, чтобы люди постоянно одобряли ее политику, поэтому крайне болезненно воспринимала любые проявления протеста. Ни в коем случаи нельзя было допустить предания их гласности. Потом, в перестроечные годы, люди поражались: откуда взялись все эти национальные проблемы?

В июле 1974 года первым заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС утвердили Георгия Лукича Смирнова, человека спокойного, разумного и осторожного. Заведующего по-прежнему не было. Когда Смирнов спросил, когда появится руководитель отдела, в ответ услышал:

— Зачем тебе хочется дурака на шею сажать? Работаешь и работай!

Но вскоре Смирнов тяжело заболел. В мае 1976 года завотделом назначили Евгения Михайловича Тяжельникова, который немалую часть жизни провел в комсомоле и даже пятидесятилетний юбилей встретил на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Пятидесятилетний человек во главе молодежного объединения — это само по себе было абсурдно, но партийное руководство не смущало. Семидесятилетние члены политбюро, видимо, воспринимали его как мальчишку.

Тяжельников был уже секретарем Челябинского обкома партии, когда в марте 1968 года его вызвали в Москву — готовиться к поездке в Болгарию. Помимо ритуальной беседы в отделе пропаганды ЦК его провели по кабинетам всех секретарей ЦК. Провинциальный партийный работник Тяжельников, по его словам, был смущен таким вниманием. Не сразу понял, что это были смотрины. И, наконец, Капитонов повел его к Леониду Ильичу. Беседа продолжалась полтора часа. Брежнев попросил соединить его с первым секретарем Челябинского обкома Николаем Родионовым и предупредил:

— ЦК, вероятно, направит Тяжельникова в одну из центральных областей либо подумает об ответственном поручении в Москве.

В Болгарию Тяжельников так и не поехал. Три месяца он ждал решения своей судьбы. В начале июня, вспоминал Тяжельников, его опять вызвали в Москву — и опять вроде бы для поездки в Болгарию. На сей раз его сразу провели к Брежневу. Леонид Ильич со значением сказал:

— Сергей Павлов сегодня избран председателем Центрального совета союза спортивных обществ и организаций СССР. Нужен первый секретарь ЦК ВЛКСМ. Я и мои ближайшие соратники намерены предложить секретариату и политбюро вашу кандидатуру...

Прошло несколько десятилетий, а Тяжельников помнит каждое слово генерального секретаря. На следующий день его утвердили на политбюро, а через день Суслов представил руководству комсомола нового первого секретаря. Так началась карьера Евгения Михайловича в Москве.

Тяжельников очень боялся идеологической крамолы. Борис Панкин, главный редактор «Комсомольской правды», написал рецензию на «Белый пароход» Чингиза Айтматова. Новая книга произвела сильное впечатление на читающую публику, «Белый пароход» — одно из самых ярких произведений Айтматова. Но комсомольское начальство смутилось — в финале герой, мальчик, кончает жизнь самоубийством. При социализме такое недопустимо. Рецензию не публиковали. Приехал в Москву Айтматов, сказал Панкину:

— Пойдем к Тяжельникову.

В кабинете первого секретаря ЦК комсомола на полу лежал огромный ковер. Айтматов невинным тоном поинтересовался:

— А что это тут у вас суры из Корана какие-то написаны?

Тяжельников, вспоминал Панкин, перепугался, утратил обычную уверенность и в конце концов разрешил опубликовать рецензию на «Белый пароход».

Евгений Михайлович отличился, когда на съезде партии зачитал восторженную заметку из довоенной многотиражки Днепродзержинского металлургического комбината об успехах молодого партгруппорга Брежнева. Леонид Ильич из президиума растроганно смотрел на комсомольского вожака.

Вскоре последовало кадровое повышение. Один из секретарей ЦК комсомола находился в кабинете Тяжельникова, когда по первой вертушке позвонил Брежнев. Слова генерального секретаря он, естественно, не слышал, но лицо Евгения Михайловича просияло.

— Сочту за честь, Леонид Ильич! — ответил он.

Свидетель разговора побежал по ЦК рассказывать, что Тяжельникова из комсомола забирают. Так он стал руководителем отдела пропаганды.

По словам заместителя Тяжельникова Вадима Александровича Медведева, и на новом посту Евгений Михайлович отличался по части изыскания документов о славной биографии Брежнева и сочинения призывов и лозунгов, прославляющих эпоху и генерального секретаря.

Другой заместитель Тяжельникова, Махаил Федорович Ненашев, называл это лицедейством, которое «пышно расцвело на столичной почве и принесло ему славу незаурядного трубадура вождя и приводило в оторопь даже видавших виды аппаратчиков в ЦК». Такова была комсомольская школа массовых мероприятий.

«А в аппарате и в подведомственных учреждениях, — писал Медведев, — насаждались стереотипность мышления, жесткая дисциплина, нетерпимость не то что к инакомыслию, но и к любому мнению, отличному от тяжельниковского. Это назначение шокировало многих, даже, как мне показалось, Зимянина».

Евгений Михайлович руководил отделом пропаганды, пока генеральным секретарем не стал Андропов. Юрий Владимирович отправил Тяжельникова послом в Румынию...

Во главе отдела культуры в 1965 году поставили Дмитрия Алексеевича Поликарпова, который много лет ведал в партаппарате литературой и искусством.

Еще в сентябре 1940 года его назначили заведующим отделом культурно-просветительных учреждений ЦК. Во время войны он руководил Всесоюзным комитетом по радиофикации и радиовещанию при Совнаркоме. В январе 1944 года Сталин послал его «комиссаром» в Союз советских писателей. Через два года он попал в опалу и был отправлен учиться в Высшую партийную школу, после чего его назначили директором Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

После смерти Сталина Поликарпова ненадолго вернули на должность комиссара в Союз писателей, а потом назначили заведующим отделом культуры в ЦК. Структура аппарата постоянно менялась. Называлась его должность по-разному, но десять лет, с 1955 по 1965 год, партийное руководство литературой и искусством осуществлял Поликарпов.

Дмитрий Алексеевич был догматиком, осуждал любые отклонения от партийной линии. Но в нем были и симпатичные черты. Он был откровенен, не уходил от решения сложных вопросов. Он сохранил верность своим юношеским идеалам и был бескорыстен.

«От службы он не хотел ничего, — писал заместитель главного редактора «Нового мира» Алексей Кондратович, — ни шикарных квартир, ни особых пайков и льгот, — служба была выше. Он служил с душой, а не ради чего-то. Он нисколько не походил на аппаратчиков новой формации, которым только бы урвать, схватить, получить».

В 1965 году Поликарпов умер. Его сменил Василий Филимонович Шауро. Он окончил Могилевский педагогический институт и несколько лет проработал в школе, после чего его отправили в Высшую партийную школу в Москву. Рядом с партшколой, в здании на Миусской площади, находились курсы переводчиков при ЦК партии. Девочки-переводчицы приходили к соседям в партшколу смотреть кино.

На переводческих курсах училась Галина Николаевна Ерофеева, жена известного дипломата Владимира Ерофеева. Она написала воспоминания, в которых фигурирует и молодой Василий Шауро:

«Довольно робкий парень из белорусской глубинки, он был сентиментален, любил народные песни, особенно украинские, и легкие веселые оперетки, такие, как “Свадьба в Малиновке”. Не за последние ли качества его сочли приобщенным к культуре? С ответственного партийного поста в родной республике его “бросили” на руководство советской культурой...

Как умудрялся он с его более чем скромными интеллектуальными способностями — даже прослыл “великим молчальником” за нелады с риторикой — противостоять таким высокоодаренным натурам, как Твардовский или Любимов? Впрочем, механизм давления был отлажен его предшественниками и действовал, как правило, универсально».

Шауро стал первым секретарем Минского обкома, затем пять лет был секретарем ЦК компартии Белоруссии по идеологии.

Василь Быков вспоминал, как ему вручали в Кремле государственную премию по литературе:

«Главным распорядителем мероприятия был наш земляк Шауро, который довольно холодно поздравил меня — словно выговор объявил».

Василий Шауро ни в чем не походил на своего предшественника Дмитрия Поликарпова, но идеально соответствовал новому брежневскому времени. Шауро старался вести себя мягко, не ссорился с писателями. «Любитель душевных разговоров», как выразился побывавший у него Александр Трифонович Твардовский. И любыми способами избегал необходимости высказать мнение, выразить свое отношение, сказать «да» или «нет», если ему не было уже известно мнение высокого начальства.

Василий Филимонович прославился тем, что практически никогда не выступал. Он предпочитал молчать. Его крупная голова с зачесанными назад волосами на протяжении многих лет была неотъемлемым атрибутом всех торжественных собраний в Москве, посвященных культурным мероприятиям. Но никто не мог припомнить, чтобы он хотя бы раз что-то сказал. Не разговоривал даже с соседями по президиуму.

Его предшественник Поликарпов ощущал себя хозяином и был заинтересован в том, чтобы его хозяйство процветало.

«О Шауро, — писал Алексей Кондратович, — этого сказать никак нельзя. Хозяйство для него уже не существовало. Есть должность, пост, позволяющий быть, казаться, представляться и присутствовать. А хозяйство со всеми заботами — одна тягость. И от хозяйства карьера может пострадать, переломиться и даже кончиться. Поэтому главная задача и заповедь — ничего не делать, по возможности ни во что ни вмешиваться, ни с кем не портить отношения. Ни о чем не беспокоиться, бездействовать и избегать самого опасного — решений.

Шауро — руководитель новой, сугубо аппаратной формации».

Рассказывали, что он неплохо играл на баяне. Переехав в Москву и разобравшись в новой жизни, он заказал себе в типографии бланки поздравлений с различными праздниками, которые были подписаны на иностранный лад: «Василий Ф. Шауро».

Вся жизнь Василия Филимоновича проходила в улавливании мнения высшего начальства. Подчиненных он подбирал таких же. Перевел из Минска Бориса Владимировича Павленка, которого сделал заместителем председателя Госкино. Павленок, по воспоминаниям кинематографистов, стал главным цензором в кино. Сам же он впоследствии рассказывал, что всего лишь исполнял команды, поступавшие со Старой площади.

1 сентября 1967 года Твардовский записал в дневнике впечатления от встречи с руководителем отдела культуры.

Главный редактор «Нового мира» добивался возможности опубликовать проспект журнала на будущий год, где значились произведения Солженицына и других авторов, которых не пропускала цензура.

Шауро отказался что-либо решать, объяснив таинственно:

— Я должен уехать на длительный срок.

Он не учел, что от его секретарши Твардовский знал, что Шауро просто уходит в отпуск. Но признаться в этом завотделом ЦК не мог, уйти в отпуск — это не звучит!

— Но как же быть с проспектом? — настаивал Твардовский. — Завтра начинается подписка.

— Я говорил с Петром Ниловичем (Демичевым) о нашей с вами беседе по телефону. Он сказал, что я правильно посоветовал вам не включать в проспект эти произведения.

— Но вы же сказали, что невключение их означало бы, что мы от них отказываемся. Как же вообще быть теперь?

— Посоветуюсь с товарищами в отделе.

— Но если вы не можете мне ничего посоветовать, то что же они посоветуют? — резонно заметил Твардовский.

И в самом деле: с каких это пор подчиненные поправляют начальство?

— Ну, не знаю. Тут в понедельник приезжает Петр Нилович, товарищи ему доложат.

— Так я уж сам ему позвоню.

— И того лучше, — с явным облегчением сказал Шауро.

И такой человек, который не мог решить ни одного вопроса, руководил отделом культуры почти двадцать лет. Причем Шауро мог неделями уклоняться от неприятного разговора.

В октябре 1967 года Твардовский вновь пытался дозвониться Шауро. Александр Трифонович в деталях описывал всё это в дневнике.

Цековская секретарша Антонина Васильевна, которая работала еще у Поликарпова, извинялась перед Твардовским:

— Ах, Александр Трифонович, мне уж и неловко.

— Нет, Антонина Васильевна, это мне неловко перед вами, и сейчас неловко, но я прошу вас передать Василию Филимоновичу, что я звонить больше не буду.

Она вздохнула:

— Я передам...

Звонок. Твардовский снял трубку. Какой-то неуверенный голосишко:

— Это редакция?

— Да.

— «Новый мир»?

— Да.

— Мне Александра Трифоновича.

— Я слушаю.

— Это Шауро.

— Ах, боже мой, значит, медведь в Брянском лесу протянул-таки ноги, — Александр Трифонович не отказал себе в удовольствии поиронизировать...

Константин Симонов рассказал Твардовскому историю получше. Демичев выступил за публикацию военного дневника Симонова. Обрадованный Константин Михайлович пришел к Шауро.

Шауро недовольно покачал головой:

— Да, Петр Нилович так сказал, но я лично считаю, что это было бы необдуманным решением, надо посоветоваться, взвесить...

Шауро считал, что Демичев либеральничает, а это опасно. Оказался прав. И симоновские дневники не напечатали, и Демичева из секретарей ЦК убрали, а Шауро сидел на своем посту до горбачевских времен.

Василий Филимонович не зря дорожил своим креслом. Оно гарантировало благополучную жизнь. Галина Ерофеева при встрече показала Шауро альбом Сальвадора Дали. Заведующий отделом культуры ЦК КПСС обратил внимание на прекрасную картину «Леда и лебедь», где художник в образе Леды изобразил жену.

— Свою жену — и голой! — воскликнул с возмущением тот, кто вершил судьбу культуры.

О, святая простота, пишет Галина Ерофеева, Шауро, видимо, никогда не видел полотен с изображением жен Рембрандта и Рубенса.

Шауро пригласил Ерофеевых к себе в гости, когда отдыхал в Крыму на госдаче:

«Он явно гордился своими трехкомнатными апартаментами с концертным роялем, где жил один и куда заказал для нас обед. Вышколенная официантка в кружевной наколке подавала блюда, приготовленные первоклассным поваром.

Никогда, ни до, ни после, я не ела таких крошечных, тающих во рту пельменей, изготовленных вручную. Но гвоздем меню была необыкновенная рыба, привезенная угощавшему нас хозяину из Ростова-на-Дону, как он пояснил, его “крестником", секретарем обкома, которого он ездил выдвигать на этот пост. Верный традициям, сохранявшимся со времен боярской Руси, тот одаривал своего покровителя натурой.

Спускаясь по лестнице к небольшому приватному пляжу дачи, я с превеликим удивлением обнаружила, что тут же рядом располагался обыкновенный кемпинг, где шла привычная жизнь туристов-"дикарей": люди готовили какую-то немудреную еду, мыли детей, стирали свое бельишко, развешивая его на кустах, вплотную примыкавших к территории.

И этот разительный контраст двух стилей отдыха, кажется, никого из обитателей дачи не смущал.

Партийные "хозяева жизни" давно привыкли к своему особому положению и воспринимали как должное, когда на выходе из моря на их ответственные спины набрасывала махровые простыни дежурившая на пляже медсестра».

Если бы стенограммы заседаний политбюро по идеологическим вопросам опубликовали сразу, у многих талантливых писателей, художников, ученых опустились бы руки. Не зная, каковы реальные настроения в политбюро, они строили догадки, питали иллюзии и надеялись воздействовать на власть.

В первых числах июля 1968 года Твардовский приехал в здание правления Союза писателей, где его с каждым днем встречали все холоднее и раздраженнее, сел к вертушке, набрал указанный в списке абонентов АТС-2 номер Брежнева.

— Кабинет товарища Брежнева, — откликнулся чей-то голос.

— Это Твардовский, могу я говорить с Леонидом Ильичом?

— Он на съезде.

— Простите, с кем я говорю?

Дежурный секретарь назвал свою фамилию.

— Вы можете передать Леониду Ильичу, что я прошу о приеме?

— Да, будет передано.

На следующий день Твардовский опять поехал в Союз писателей звонить генеральному секретарю.

Трубку снял другой секретарь.

— Я не с вами вчера говорил? — на всякий случай осведомился Твардовский.

— Нет.

Вышколенные дежурные секретари работали в приемной сутками. Главная их задача состояла в том, чтобы разложить в правильном порядке (по степени срочности) поступающие Брежневу бумаги и отвечать на телефонные звонки.

— Но я просил передать Леониду Ильичу...

— Все передано, Александр Трифонович.

— Я буду ждать.

— Хорошо, мы вас найдем. На всякий случай — ваш домашний?

Твардовский сказал, что лучше звонить в редакцию секретарю — она разыщет.

Днем раздался звонок из приемной генерального секретаря. Твардовский даже не понял, что его соединяют с Брежневым, и без большой уверенности спросил:

— Леонид Ильич?

— Да, да, Александр Трифонович!

«Все очень неожиданно, — записал Твардовский в дневнике, — тон — мало сказать приветливый, но даже какой-то "свойский", точно мы вчера только расстались после непринужденной дружеской болтовни».

Твардовский попросил о встрече. Для него это было делом естественным. Хрущев принимал Твардовского, и не раз.

Леонид Ильич пожаловался на занятость:

— Судьба наградила меня должностью генерального, знаете сколько забот.

— Я понимаю, — сказал Твардовский, — но, может быть, найдется все-таки щелочка. Речь идет и о моей литературной судьбе, и о гораздо большем.

Брежнев пообещал:

— Вот провожу Насера и встретимся, я давно хотел.

Твардовский отметил обязательность Брежнева, который сразу перезвонил, в отличие от Демичева — тот за две недели так и не собрался позвонить.

— Бывает, запарился, — примирительно ответил Брежнев, защищая своего подчиненного.

Александр Трифонович пытался заговорить о своих трудностях с цензурой, которая не пропускала очередной номер «Нового мира». Но Леонид Ильич сказал, что понятия об этом не имеет. Закончили на том, что Твардовский перезвонит и напомнит о встрече...

В редакции «Нового мира» царило ликование. Но встречи не последовало. И Твардовского с Брежневым больше не соединяли. Дежурные секретари отвечали:

— Его еще нет... Его сегодня не будет...

А руководители Союза писателей жали на Твардовского: добейтесь приема, потому что в ЦК требуют вашей крови.

19 декабря 1968 года Твардовский не выдержал и написал Брежневу письмо:

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Все это время, прошедшее со дня, когда Вы так внимательно отнеслись к моей просьбе о приеме, я не считал возможным напоминать о себе, понимая, что в напряжении политических событий Вам было не до литературных собеседований.

Теперь мне кажется, — возможно, я ошибаюсь, — что я могу вновь просить Вас принять меня, тем более, что все то, с чем я хотел прийти к Вам, отнюдь не утратило своей существенности, — скорее наоборот».

Александр Трифонович позвонил в приемную генерального секретаря, попросил разрешения привезти письмо.

— Пожалуйста, приезжайте.

Ему был выписан пропуск. В приемной находились два дежурных секретаря. Один из них принял конверт.

— Вы ознакомьтесь, — предложил Твардовский.

— Зачем же?

— Я хотел напомнить Леониду Ильичу о себе, — объяснил цель приезда Твардовский.

— Да, вы знаете, все это время у него — ни дня, ни ночи, — заступился секретарь за своего шефа. — И отпуск — какой уж там отпуск.

Брежнев даже не ответил Твардовскому.

Цензура запрещала все мало-мальски значимое. Каждый номер «Нового мира» выходил с огромным трудом. Твардовский ни к кому из крупных начальников не мог пробиться для разговора. В ЦК приняли решение его не принимать, чтобы понял — он должен уйти. Но Александр Трифонович об этом не подозревал. Он много раз повторял:

— Если я стал неугоден верхам, пусть меня пригласит один из секретарей ЦК и скажет: по таким-то причинам вам следует оставить журнал. Я бы так и сделал. Нет, не говорят и встречаться не желают.

Фактический руководитель Союза писателей Георгий Мокеевич Марков приехал к Шауро. При разговоре присутствовал новый заведующий сектором художественной литературы отдела культуры Альберт Андреевич Беляев. Он же и записал разговор.

Марков добивался, чтобы Твардовского пригласили в ЦК и сказали прямо: ваша работа не удовлетворяет, надо уйти из журнала. Шауро объяснил, что на секретариате ЦК решили Твардовского больше не принимать, поэтому руководство Союза писателей само должно потребовать от Твардовского: или меняй линию журнала, или уходи.

— Знаете, это не так просто Союзу писателей сделать, — нервно ответил Марков. — Главный редактор журнала — номенклатура ЦК КПСС. Разве он будет с нами считаться? К тому же недавно был случай, когда московский горком снял своим решением Юрия Любимова с должности главного режиссера театра на Таганке, уже приказ был, а Любимов написал письмо Брежневу и приказ отменили.

Шауро стоял на своем.

— Нынешний состав секретариата Союза писателей, — продолжал Марков, — не сможет собрать большинство голосов в пользу такого решения. Журнал считается в определенных кругах интеллигенции чуть ли центром литературной жизни.

— Есть поручение руководства ЦК, — весомо говорил Шауро, — и его надо выполнять. Это поручено Союзу писателей. Но вы не хотите, потому что вам это неприятно.

— Как мы можем сейчас выносить вопрос о снятии Твардовского с поста главного редактора, если совсем недавно на съезде учителей Леонид Ильич так уважительно и высоко отозвался о Твардовском? — упорствовал Марков. — Нас не поймут.

— Вас никто не заставляет снимать Твардовского, — уточнил Шауро, — но все разговоры с ним о положении дел в журнале и ваши кадровые действия должны подталкивать Твардовского к уходу из журнала.

Находились члены политбюро, которые по каждому поводу требовали еще более жестких мер. Но масштаб и накал репрессий определялись поведением генерального секретаря. Брежнев лишней жестокости не хотел.

Константин Михайлович Симонов написал Брежневу — вскоре после его избрания первым секретарем — о своих опасениях относительно возрождения сталинизма. Леонид Ильич принял его и сказал:

— Пока я жив, — и поправился, — пока я в этом кабинете, крови не будет.

Леонид Ильич был человеком здравым. На него не подействовало даже покушение на его жизнь 22 января 1969 года. Это был день, когда встречали космонавтов, совершивших полеты на кораблях «Союз-4» и «Союз-5».

Когда кавалькада машин с космонавтами и Брежневым направлялась в Кремль, из толпы раздались выстрелы. Прямая трансляция по радио и телевидению церемонии встречи космонавтов прервалась. Зрители терялись в догадках: что же произошло?

Огонь открыл стоявший у Боровицких ворот армейский младший лейтенант Виктор Иванович Ильин. Он окончил Ленинградский топографический техникум. Весной 1968 года его призвали на военную службу.

Ильин приехал в Москву накануне встречи космонавтов, украл у своего родственника милицейскую форму, переоделся, и на него никто не обратил внимания. Он был вооружен двумя пистолетами Макарова, похищенными из сейфа, где хранилось табельное оружие офицеров штаба войсковой части, в которой служил.

Когда кортеж стал въезжать в Кремль через Боровицкие ворота, Ильин пропустил первую «Чайку», считая, что в ней космонавты, и открыл огонь сразу из двух пистолетов по второй, считая, что в ней должен быть Брежнев. Он выпустил шестнадцать пуль.

Пуленепробиваемое стекло не выдержало. Но никто из пассажиров «чайки», к счастью не пострадал. В машине, которую Ильин выбрал мишенью, Брежнева не было, в ней ехали космонавты.

«В машине справа от водителя сидел чекист, на среднем сиденье — я, — рассказывал в интервью «Огоньку» космонавт Алексей Леонов, — справа от меня — Береговой, на задних местах — Терешкова и Николаев. Мы первыми въехали в Кремль через Боровицкие ворота.

Когда появилась наша машина, он начал стрелять. Первая пуля разбила стекло и у чекиста рассекла надбровную дугу. Я сначала подумал, что мы что-то нарушили, — все-таки человек был в милицейской форме. Вторая пуля влетела в шею водителя.

Тогда Георгий Береговой, перевалившись через спинку сиденья, дернул за ручной тормоз. Машина остановилась.

Я в упор смотрел на этого сумасшедшего — в его глазах были страх и недоумение, он понимал — что-то не то, но остановиться уже не мог.

После того, как пуля попала в водителя, я резко повернул голову. Если бы не это, как потом установила баллистическая экспертиза, следующая пуля точно угодила бы мне в висок. Третья пуля задела шинель на груди, четвертая прошла у живота, пятая и шестая — вдоль спины. Была бы скорость очереди чуть больше, я схлопотал бы пули в голову, в грудь, была бы меньше — в спину.

Потом, после экспертизы, мне сказали: “Вы должны были погибнуть”».

Ильин смертельно ранил водителя, старшего сержанта Илью Ефимовича Жаркова, который скончался на следующий день. Жарков был водителем советского представительства при ООН. Он возил Хрущева, когда Никита Сергеевич приезжал в Нью-Иорк в 1960 году на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Водитель понравился, и начальник Девятого управления КГБ генерал Николай Степанович Захаров забрал Жаркова в гараж особого назначения.

Сотрудники госбезопасности схватили Ильина, когда он уже отстрелялся.

Алексей Леонов считает, что спецслужбы знали о готовящемся покушении, поэтому машина с Брежневым пропустила вперед «чайку» с космонавтами:

— Чекисты были в курсе, что сбежал человек с двумя пистолетами. Его искали, не нашли. Вот и поменяли машины. Вместо того чтобы «сочинить» машину со специалистами в бронежилетах, просто взяли и подставили нас...

Милиция действительно знала, что по городу бродит сбежавший из воинской части офицер с двумя пистолетами. Но то, что этот офицер задумал террористический акт против генерального секретаря, никому просто не приходило в голову. Поэтому никто и не предупредил Брежнева, что ему следует держаться подальше от головы колонны. Когда младший лейтенант Ильин стал стрелять, разгневанный Брежнев сказал начальнику своей охраны:

— Что это за безобразие! Устроили в Кремле стрельбу.

А его охранники еще просто не поняли, что произошло...

Ильина не решились вывести на суд. Врачи диагностировали у него шизофрению, хотя непонятно, как шизофреник мог стать в армии офицером. Восемнадцать лет его держали в психиатрической лечебнице закрытого типа в Казани, еще два года в Ленинграде. Через двадцать лет принудительного лечения, в 1990 году, его выписали.

После этой истории личный штат охраны членов политбюро увеличили. Надо отдать должное Брежневу, его поведение не изменилось. Он не стал ни пугливым, ни излишне подозрительным. Этим отличался от Юрия Владимировича Андропова, который, увидев в Будапеште в 1956 году, как вешают сотрудников госбезопасности, испугался на всю жизнь.

Трагедия Пражской весны

Николай Иноземцев превратил Институт мировой экономики и международных отношений в мозговой центр для ЦК КПСС. Вторым таким центром стал Институт США и Канады, его возглавил Георгий Аркадьевич Арбатов, тоже фронтовик, который работал в отделе ЦК у Андропова.

Иноземцев и Арбатов интеллектуально подпитывали политическое руководство страны, заставили серое вещество лучших ученых работать на политбюро. Говорят, что пользы от этого было немного. Судя по всему, лишь одна десятая научного продукта шла в дело, девять десятых пропадали.

Цековские клерки брезгливо отправляли аналитические записки прямиком в корзину. Но ведь можно посмотреть иначе: сколько еще глупостей могли сотворить наши лидеры, если бы не советы, прогнозы и информация академиков-международников?..

В институтских трудах и в то время содержался достаточно точный и объективный анализ. Но везде цитаты из Ленина, ссылки на генерального секретаря, ритуальные партийные формулы. Либеральные интеллектуалы прекрасно знали, чего хотят, но вынуждены были помалкивать, держать язык за зубами, сдерживать себя и действовать в тех рамках, которые существовали. Иное было невозможно — во всем.

По словам Николая Иноземцева, Брежнев был настроен на серьезную реформаторскую деятельность в партии, но изменился после Пражской весны, испугался.

А раньше разговоры были такие:

— Николай, мы же с тобой фронтовики, неужели нам занимать мужества?

Это когда они вдвоем прогуливались на даче. И говорил, что многое надо менять. Потом как отрезало.

События в Чехословакии сыграли роковую роль.

Анатолий Сергеевич Черняев, который много лет проработал в международном отделе ЦК КПСС, пишет, что в конце 1967 года Брежнев поехал в Прагу и вскоре вернулся. Рассказал своим помощникам:

— Первый секретарь Новотный жалуется на членов президиума, те норовят отозвать меня в сторонку, напрашиваются на разговор чуть не ночью, кроют первого секретаря. Каждый тянет меня в свою сторону, завлекает в союзники. Зачем мне это? Говорю: «Готовьте самолет, завтра улетаем». Не хватало в их внутреннюю склоку лезть. Пусть сами разбираются.

А через девять месяцев Брежнев ввел войска в ЧССР. Что же заставило его так изменить свою позицию?

По мнению Черняева, решающую роль сыграла информация, поступавшая из Праги. Она создавала впечатление, что в Чехословакии зреет предательство социализма...

Утром 20 августа 1968 года советский посол в Соединенных Штатах Анатолий Федорович Добрынин получил указание из Москвы встретиться с американским президентом Линдоном Джонсоном. Встреча должна была состояться в промежутке между шестью и восемью часами вечера по вашингтонскому времени.

Это был выходной день, президент отдыхал. Но посол знал номер личного телефона американского президента.

Джонсон взял трубку и любезно пригласил посла заглянуть в Белый дом в восемь вечера.

Анатолий Добрынин был уполномочен сообщить президенту Джонсону, что по просьбе правительства Чехословакии советские войска вступили на территорию страны, чтобы оказать ей помощь в борьбе с заговором внутренней и внешней реакции. Москва просила американцев понять, что эта акция не затрагивает интересы Соединенных Штатов и не должна нанести ущерба советско-американским отношениям.

Все это были обтекаемые дипломатические формулы. В реальности речь шла о военной операции в центре Европы, о вторжении полумиллионной армии в суверенную страну.

Линдон Джонсон, судя по всему, в ту минуту просто не понял, что произошло. Он без особого интереса выслушал посла и заговорил о более важном, по его мнению, событии — о своем предстоящем визите в Советский Союз. Он угостил советского дипломата хорошим виски, рассказал несколько смешных случаев из истории родного штата Техас и отпустил посла с богом.

Если президент Джонсон и знал о существовании Чехословакии, судьба этой страны его нисколько не интересовала. Он считал задачей номер один ограничение гонки ядерных вооружений и желал партнерства с Москвой.

Потом, конечно, американские дипломаты спохватились и Запад резко осудил вторжение в Чехословакию. Но американцы не могли понять, почему Советский Союз вообще ввел войска в Чехословакию, которая была ему верным и преданным союзником.

Мифы об империалистическом заговоре против социалистической Чехословакии, о масштабной операции ЦРУ не имели под собой никакого основания.

Вводить или не вводить войска — этот вопрос обсуждался примерно три месяца. В Москве долго колебались. Понимали, какой ущерб стране нанесет военная интервенция, сделали все, чтобы никто заранее ничего не узнал.

Не только американцы, советские политики тоже узнали о вторжении в последний момент. Незадолго до ввода войск в Чехословакию собрался пленум ЦК. Брежнев рассказывал о встрече с чехословацким руководством, однако ни словом не обмолвился о том, что возможен ввод советских войск.

Но почему, собственно, военная операция стала неожиданностью для всего мира? Ведь все народные восстания в социалистическом лагере подавлялись силой.

В июне 1953 года восстали рабочие в Восточной Германии. Демонстрации под лозунгами «Мы хотим свободных выборов» прошли по улицам двухсот городов и поселков. Немцы сжигали красные знамена и портреты Сталина, открывали тюрьмы, освобождая заключенных. 17 июня советские танки выкатились на улицы Берлина и подавили восстание. Погиб двадцать один человек.

В октябре 1956 года восстали венгры. Они требовали демократизации, отмены цензуры и роспуска тайной полиции. Через несколько дней на подавление восстания были брошены советские войска.

Но венгры стали сопротивляться, они стреляли в советских солдат, бросали в танки бутылки с зажигательной смесью.

В уличных боях советская армия потеряла шестьсот сорок солдат и офицеров убитыми. Венгров погибло две с половиной тысячи человек.

В июне того же 1956 года вспыхнули волнения и в Польше. Маршал Конев получил приказ двинуть войска на Варшаву. Но новый польский лидер Владислав Гомулка убедил Хрущева, что сам наведет порядок. Танки вернулись в ангары — к общему удовольствию, потому что некоторые польские генералы намеревались встретить советские войска огнем.

Так почему же лидеры Чехословакии, которые все это знали, думали, что их минует чаша сия?

Они считали, что не делают ничего, что идет во вред советским интересам. Они всего лишь отменили цензуру, разрешили людям говорить и писать то, что они хотят. Они отказались от всевластия компартии и говорили о возможности многопартийных и свободных выборов.

Перемены в стране вскружили голову либеральной чешской интеллигенции. Вместо того чтобы идти к демократии медленно, шаг за шагом, постепенно и осторожно, не давая Москве повода вмешаться, чехи словно нарывались на неприятности. Они были опьянены воздухом свободы.

Когда восставали восточные немцы, венгры или поляки, они ненавидели свою власть. А в Чехословакии власть и народ были заодно. Люди, которые тихо ненавидели коммунистическую власть, поверили в нее. Выяснилось, что восемьдесят процентов населения поддерживают новую политику коммунистической партии и безоговорочно высказываются за социализм. От этого московских лидеров просто оторопь брала.

Александр Дубчек, новый первый секретарь ЦК партии, стал народным лидером — невиданное для партийного чиновника дело. Он верил в свои идеалы, и люди это почувствовали. Дубчек и не помышлял о разрыве с Москвой. Он искренне любил Советский Союз и полагал, что Брежнев видит его искренность.

Чехам казалось, что и в Советском Союзе после свержения Хрущева вполне возможны перемены.

Когда чехи приезжали в Москву, они слышали разговоры о том, что Брежнев недолго будет генеральным секретарем. В партии идет борьба группировок, и, скорее всего, победят сторонники модернизации, опирающиеся на профессионалов. Такие надежды связывались с именем молодого члена политбюро Александра Шелепина и главы правительства Алексея Косыгина.

Появилось знаменитое четверостишие:

Знаю я, что будет лучше,
Потому что по земле
Ходит наш, советский Дубчек,
Скоро будет он в Кремле.

Первый секретарь ЦК компартии Чехословакии Александр Дубчек не был наивным романтиком, он долго работал в партийном аппарате. Но венгерский лидер Янош Кадар, переживший восстание 1956 года, смотрел на него с удивлением. Кадар при личной встрече пытался объяснить Дубчеку: либо он сам жесткой рукой наведет порядок в стране, либо вторжение неминуемо. Дубчек не верил, что Москва введет войска. Кадар с нотками отчаяния в голосе спросил:

— Вы правда не понимаете, с кем имеете дело?

Конечно же чехи не понимали своих советских товарищей! Они считали, что советское руководство поддержит их в борьбе за обновление социализма.

А могло ли быть иначе? Мог Советский Союз не вводить войска? Предоставить Чехословакии возможность жить так, как она хочет? Тот, кто считает, что у советских лидеров был выбор, столь же наивен, как и вожди Чехословакии тридцать лет назад.

Брежнев говорил:

— Если бы я потерял Чехословакию, мне был пришлось уйти с поста генерального секретаря.

«Потерей Чехословакии» считалось нежелание страны полностью следовать за Советским Союзом, любые послабления в сфере идеологии. В Кремле боялись, что чехословацкая «идеологическая зараза» перекинется и в Советский Союз.

Известный публицист Егор Владимирович Яковлев вспоминал, как 26 апреля 1968 года секретариат ЦК снял его с должности главного редактора журнала «Журналист» и члена редколлегии газеты «Правда» — за неудовлетворительное освещение «практики партийного руководства печатью, радио и телевидением», за публикацию «носящих модернистский или натуралистический характер фотографий и репродукций картин».

Для снятия Егора Яковлева была два повода: во-первых, фотография художника Герасимова на фоне его картины «Деревенская баня», а во-вторых, публикация нового либерального чехословацкого закона о печати. От отдела пропаганды ЦК на секретариате докладывал — довольно сдержанно — заместитель заведующего Тимофей Корнеевич Куприков. Отдел суровых мер не предлагал.

Значительно жестче выступил секретарь ЦК по военной промышленности Дмитрий Федорович Устинов. Он и решил судьбу главного редактора «Журналиста», сформулировав главное обвинение:

— Если не остановить таких редакторов, они нам тут устроят Чехословакию...

Всякий раз, когда в социалистическом блоке происходило народное восстание — в ГДР, Венгрии, Польше или Чехословакии, — Москва говорила, что это происки Запада, американцев, ЦРУ, западногерманских реваншистов.

Еще за два года до ввода войск в Чехословакию Твардовский записал в дневнике:

«Фраза Брежнева об “испытаниях, которые придется перенести нашему народу”, слух о фразе Шелепина о том, что “народу нужно говорить правду: война с Америкой неизбежна”, наконец, грибачевские поучения молодежи — все одно к одному. Ближайшим образом — это нагнетание атмосферы, при которой все и всяческие “мероприятия” оправдываются высшими соображениями, как это было в прошлом.

Вообще война в иных ситуациях представляется правительствам желанным выходом из положения, — она “все спишет”...»

В Праге активно действовали офицеры КГБ, которые следили за каждым шагом чехословацких лидеров, подслушивали их разговоры и вербовали осведомителей.

Нелегалы КГБ, выдававшие себя за западных туристов, расклеивали в Праге подстрекательские листовки. Советские спецслужбы были причастны к закладке тайников с оружием, которые выдавались за свидетельство подготовки вооруженного заговора. Существовавшая в КГБ служба «А» — активные действия, то есть служба дезинформации, сфабриковала план идеологических диверсий в Чехословакии, будто бы разработанный ЦРУ. План опубликовала «Правда».

Советским солдатам объясняли, что «войска НАТО угрожают захватить Чехословакию и свергнуть народную власть».

Но московские лидеры собственную пропаганду никогда не принимали всерьез. Сейчас, когда открылись документы политбюро, видно, что в своем кругу партийные лидеры не говорили, что это дело рук Запада. Нет, они прекрасно понимали, что против социалистической власти восстал народ. И единственное, на что они могут положиться, — это советская армия.

Уже после ввода войск Брежнев откровенно говорил с Дубчеком и другими чехословацкими лидерами, желая заставить их подчиниться. Он не произнес ни слова ни о социализме, ни о вмешательстве Запада, ни о внутренней и внешней реакции.

— Во внутренней политике вы делаете то, что вам заблагорассудится, — сказал Брежнев, — не учитывая, нравится нам это или нет. Нас это не устраивает. Чехословакия находится в пределах тех территорий, которые в годы Второй мировой войны освободил советский солдат. Границы этих территорий — это наши границы. Мы имеем право направить в вашу страну войска, чтобы чувствовать себя в безопасности в наших общих границах. Тут дело принципа. И так будет всегда...

Брежнев и его политбюро были реалистичнее Дубчека и его соратников, веривших в социализм с человеческим лицом.

В Москве ясно понимали, что любая реформация социализма ведет к его крушению. И были правы. Москва знала по венгерскому опыту, что отмена цензуры, свободные выборы, отказ от всевластия партии ведет к смене режима. А следующим шагом станет выход из Варшавского договора.

Москву не интересовала судьба социализма. Советские лидеры хотели сохранить контроль над Восточной Европой.

Был ли иной вариант развития событий?

Конечно, был — польский вариант.

В декабре 1981 года польская компартия, по существу, утратила контроль над страной. Заявления советских лидеров становились все более угрожающими. И тогда первый секретарь ЦК генерал Войцех Ярузельский ввел в Польше военное положение. Он не позволил популярному профсоюзу «Солидарность» взять власть в стране. Но одновременно исчез повод для советского военного вмешательства.

Кто же был прав: Дубчек или Ярузельский?

Дубчек позволил оккупировать свою страну, но в памяти чехов остался героем. Ярузельский спас страну от оккупации, но пожертвовал своей репутацией. Новым властям не удалось привлечь его к суду за введение военного положения, но поляки его не любят...

В 1968 году в политбюро предполагали отправить в Чехословакию четыре-пять дивизий. Этого было достаточно, чтобы продемонстрировать силу. Но министр обороны маршал Гречко настоял на том, чтобы ввести не менее двадцати—двадцати пяти дивизий.

Советская военная операция оказалась тем более эффективной, что проходила в отсутствие противника. Чехи и словаки готовились к нападению с Запада, а не с Востока, со стороны друзей.

Восставшие в 1956 году венгры тоже понимали, что им не одолеть советскую армию, но предпочли сражаться. Чехи и словаки даже и не пытались сопротивляться. Почему? Они исторически привыкли мириться с превосходящей силой и приспосабливаться к обстоятельствам.

Соратник Дубчека секретарь ЦК компартии Чехословакии Зденек Млынарж вспоминает, что в ту историческую ночь, когда советские военные самолеты кружили над зданием ЦК партии и руководители страны решали, что делать, один из членов политбюро брякнул:

— Мы тут решаем, какими словами их осудить, а наши бабы давно уже с ними забавляются.

Он ошибся, писал потом Зденек Млынарж: «В ту ночь самая последняя девка в Чехословакии не пошла бы с советским солдатом из оккупационных войск».

Чехословакия оказала сопротивление — невооруженное, пассивное сопротивление. Советские руководители сделали ставку на быстрый шоковый эффект, надеясь испугать чехов, но промахнулись: ввод войск ничего не решил.

Брежнев и политбюро были в растерянности. Чехи не стреляли, но и не покорялись. Правительство, парламент, партийный съезд — все осудили интервенцию. Советская военная машина ничего не могла с ними поделать.

Ни один сколько-нибудь серьезный политик не хотел иметь дело с оккупационными властями. Пришлось советскому политбюро освобождать из-под ареста Дубчека и его соратников, которых уже собирались судить за предательство дела социализма, и уговаривать их пойти на компромисс.

А в Москве отдел культуры ЦК поручил секретарю Союза писателей по организационно-творческим вопросам Константину Васильевичу Воронкову составить письмо от имени видных советских писателей в связи с событиями в Чехословакии. Предполагалось, что свою подпись поставит и Твардовский.

Александр Трифонович вернул его с короткой запиской: «Письмо писателям Чехословакии подписать решительно не могу, так как его содержание представляется мне весьма невыгодным для чести и совести советского писателя. Очень сожалею».

Эта записка тоже сыграла свою роль в судьбе Твардовского, лишний раз утвердив идеологический аппарат в мысли, что популярного поэта надо во что бы то ни стало убрать из «Нового мира». В феврале 1970 года его вынудили подать заявление об отставке. На секретариате ЦК Михаил Андреевич Суслов одобрил действия руководства Союза писателей и попросил объяснить писателям, которые возмущались тем, что Твардовского заставили уйти:

— ЦК высоко ценит заслуги Твардовского в литературе. Именно поэтому ЦК тащит Твардовского из болота. Его уход из журнала спасает большого поэта...

Игорь Дедков, узнав о переменах в «Новом мире», обреченно записал в дневнике: «На душе скверно, как при встрече с неизбежным. Едет огромное колесо — верхнего края обода не видно — и давит. Для меня это вообще как катастрофа».

Видных писателей и деятелей искусств часто заставляли подписывать нужные власти письма. Занимался этим Шауро. Василь Быков рассказывал, как ему позвонили из белорусского ЦК и сказали, что поступило письмо выдающихся деятелей культуры, которые осуждают подрывную деятельность Сахарова и Солженицына. От Белоруссии письмо должен подписать Быков. Василь Владимирович ответил, что письма не читал, поэтому подписать его не может... А вечером в программе «Время» зачитали текст этого письма и перечислили тех, кто его подписал. Назвали и фамилию Быкова.

Возмущенный Василь Быков поехал в Москву. Писатель Сергей Залыгин тихим голосом ему объяснил: это сделал Шауро. Быков написал протестующее письмо и отвез на Старую площадь, в ЦК. Ответа не последовало...

А тогда, в сентябре 1968 года, Петр Нилович Демичев провел совещание руководителей творческих союзов, растолковывал ситуацию в Чехословакии.

«Умильно-многозначительная, — записал Твардовский в дневнике, — начальственная и в то же время ученическая (блокнотик) речь о том, как империалисты, потеряв надежду победить в открытом бою, сосредоточились на усилении идеологических средств воздействия на социализм; о том, что чехословацкие социологи стали ревизовать марксизм, а в литературе стали превозноситься Кафка и Солженицын...»

Немногие в нашей стране знали, что на самом деле происходит в Чехословакии. Это позволяло оставаться равнодушным к трагическим известиям.

Студент университета Ян Палах совершил публичное самосожжение в знак протеста против оккупации Чехословакии. 16 января 1969 года двадцатилетний Палах купил белое пластмассовое ведро с крышкой и налил в него бензина на заправочной станции, находившейся на той же улице, где он обедал в студенческой столовой. На главном почтамте оставил несколько писем.

Примерно в четыре часа дня он подошел с ведром, полным бензина, к национальному музею в центре Праги. Снял крышку с ведра, облил бензином голову и одежду и зажег спичку. Нестерпимая боль погнала его через мостовую к тротуару. Прохожие, замершие от ужаса, увидели, как движется пламенный шар. На углу Ян Палах упал. Первым опомнился регулировщик уличного движения. Он набросил на горящего юношу свою шинель и сбил пламя.

За годы, прошедшие после смерти Яна Палаха, чешские журналисты подробно описали его короткую жизнь. Он был одинок, молчалив, вежлив и очень внимателен к окружающим.

В своих последних письмах он пишет о группе единомышленников, но никаких следов этой группы ни тогда, ни потом найти не удалось. Придумал ли он эту группу, чтобы придать своим требованиям более солидный характер?

Требования его выглядят очень скромными. Главное из них — отменить цензуру и закрыть газету, которая приветствовала ввод в Чехословакию войск Варшавского договора.

Ян Палах не требует от оккупантов немедленно покинуть страну. Его протест направлен не против власти чужой державы, а против инертности внутри собственной страны, против медленного привыкания к самому ужасному. Он верит во внутреннее сопротивление. Он убежден, что если интеллигенция, студенты и рабочие объединятся, единая воля народа заставит оккупантов уйти.

У него обгорело восемьдесят пять процентов тела. Но он жил еще четыре дня. Когда приходили мать и брат, старался улыбаться, хотя говорить для него было мукой. После его смерти медсестра уверяла, что последними словами Яна Палаха было:

— Никто не должен последовать моему примеру.

Слишком складная фраза, но она устраивала власть. На похоронах ректор университета и министр культуры заклинали студентов:

— Вы нужны стране живыми.

Но после смерти Яна Палаха и в Чехословакии, и в других странах Европы разные люди повторили его попытку выразить протест против оккупации страны.

До последней минуты Ян Палах хотел знать, что изменил его поступок. Зашевелились ли люди, правительство?

— Этого слишком мало, — шептал он, когда медсестра читала ему газеты.

Он напрасно ждал каких-то известий. Руководители страны Александр Дубчек, первый секретарь ЦК компартии, и Олдржих Черник, глава правительства, выразили его матери соболезнования, но ничего не сделали. Они еще у власти, но внутренне уже капитулировали. Поступок Яна Палаха их только пугает. Они искренне верят, что единственное, что нужно стране, это порядок, спокойствие, нормализация. Вскоре они лишатся своих постов.

Цензура усиливается, коллаборационисты уже сидят в редакциях всех газет. Советские войска со всеми удобствами устраиваются в стране, где много дешевого хрусталя, бочкового пива и свежей ветчины. «Нормализация» будет продолжаться двадцать лет...

Я хорошо помню январские дни 1969 года, когда на больничной койке умирал Ян Палах и мир был в шоке. Мне двенадцать лет, я учусь в пятом классе, и после занятий мы ходим в музей Вооруженных сил. Вход бесплатный, и в музейном кинозале тоже бесплатно показывают документальный фильм о чехословацкой контрреволюции, которая с помощью американских империалистов и западногерманских реваншистов готовила вооруженный мятеж против социализма.

Советские газеты ничего не писали о Палахе. Одни ничего о нем не знали, другие знали, но отнеслись спокойно:

— Сумасшедший.

И лишь немногие ощутили боль и стыд.

Игорь Дедков 20 января 1969 года записал в дневнике:

«Чешский студент сжег себя. Вчера он умер. Наше радио и газеты молчат. Говорят о чем угодно, только не о Чехословакии. Стыдно жить и делать то, что мы делаем. Наша участь унизительна. Все, что мы пишем, бессмысленно: бездарное, трусливое актерство. И лакейство, и проституция».

Почти год понадобился Москве на то, чтобы привести к власти нужных людей, которые ликвидировали остатки социализма с человеческим лицом.

Руководителем страны сделали Густава Гусака, человека со сложной судьбой. В апреле 1954 года Гусак был приговорен к пожизненному заключению на судебном процессе по сфабрикованному делу «словацких буржуазных националистов». В мае 1960 года его амнистировали. В апреле 1963 года восстановили в партии. Он работал в Институте государства и права Словацкой Академии наук.

В 1968 году, когда понадобились новые люди, его ввели в президиум ЦК компартии Чехословакии, через три года избрали первым секретарем ЦК вместо Дубчека, в 1975-м дали еще и пост президента ЧССР. Собственный опыт не сделал Густава Гусака более терпимым. Скорее, наоборот. Он провел массовую чистку — прежде всего среди интеллигенции и студенчества. В определенном смысле страна стала стерильной, всякая живая мысль была уничтожена.

Из компартии исключили полмиллиона человек, с учетом членов их семей чистке подверглось десять процентов населения — полтора миллиона человек. Их всех на двадцать лет вычеркнули из жизни.

Исключенные из партии — все это были искренние сторонники социализма, те, кто действительно верил в него. Последняя попытка модернизировать социализм была раздавлена гусеницами танков. Больше уже никто не пытался реформировать социализм, чтобы сохранить его.

В Чехословакии — в отличие от Венгрии — никого не расстреляли. Сотни писателей, социологов, экономистов, юристов, философов стали истопниками, чернорабочими, мусорщиками.

Порядочных людей сажали. Среди них был будущий президент Чехии драматург Вацлав Гавел. В тюрьме он работал на варке, в прачечной. Начальник лагеря, где сидел Гавел, с нескрываемым огорчением говорил:

— Гитлер это решал иначе. Он бы такую сволочь сразу отправил в газовую камеру.

Вацлав Гавел однажды произнес трогательный монолог:

«Для многих я являюсь постоянным источником надежды, хотя я сам постоянно впадающий в состояние депрессии, неуверенный и сомневающийся в себе человек.

Я слыву человеком твердым, мужественным, почти жестоким, который, не задумываясь, выбрал тюрьму, хотя мне предлагались более заманчивые альтернативы.

А ведь я постоянно чего-то боюсь. И даже моя воображаемая отвага и выдержка порождены страхом — страхом перед собственной совестью, которая так любит мучить меня за измену действительную и мнимую.

Но при всем этом и вопреки всему этому я знаю, что, если бы было нужно, я бы снова пошел в тюрьму и вновь выдержал все испытания».

Вторжение в Чехословакию не только похоронило социализм, но и отвратило чехов и словаков от России. Когда советские солдаты в августе 1969 с оружием в руках вошли в здание ЦК компартии Чехословакии, один из соратников

Дубчека с ужасом подумал: да это же те самые солдаты, которых ты с восторгом встречал в мае сорок пятого! Это они сейчас нацелят на тебя свои автоматы.

Он сразу вспомнил, как во время немецкой оккупации Чехословакии патрули вермахта прочесывали Прагу. И с этой минуты для него исчезла разница между теми и этими солдатами — все они были оккупантами.

Через двадцать лет после ввода советских войск социалистический режим в Чехословакии рухнул. К власти пришли не те, кто каждый день прибегал в советское посольство, а те, кто приносил цветы на могилу Яна Палаха. И тогда выяснилось, что друзей у нас в Чехословакии немного.

Бесконечные споры о Сталине

Ввод войск в Чехословакию и закручивание гаек в идеологической сфере породили надежды у сторонников Сталина на реабилитацию вождя.

Отдел пропаганды и отдел науки ЦК вместе с Институтом марксизма-ленинизма обратились к руководству партии с предложением подготовить статью к девяностолетию со дня рождения Сталина в декабре 1969 года: «Отсутствие материалов в нашей печати в связи с круглой датой рождения Сталина, насколько можно судить по письмам и вопросам трудящихся, может быть неправильно понято и послужить поводом для различных кривотолков».

13 декабря политбюро поручило секретариату ЦК подготовить такую статью. А 17 декабря во время перерыва в работе сессии Верховного Совета члены политбюро ее обсудили.

Брежнев спросил товарищей:

— Как нам быть с этим вопросом? Надо бы договориться в принципе: во-первых, будем ли печатать статью, и, во-вторых, условиться о ее содержании.

Суслов высказался «за»:

— Я считаю, что такую статью ждут во всей стране, а в Грузии особенно. Нам, очевидно, не нужно широко отмечать девяностолетие и вообще никаких подобных мероприятий не проводить, но статью напечатать. Мне кажется, молчать сейчас нельзя. Скажут, что ЦК боится высказать открыто свое мнение. Я думаю, что нас правильно поймут все, в том числе и интеллигенция, о которой здесь некоторые товарищи упоминали. Неправильно могут понять Солженицын и ему подобные, здоровая часть интеллигенции (а ее большинство) поймет правильно.

Ему возразил Подгорный:

— Мы все или во всяком случае бóльшая часть — участники XX и XXII съездов партии. Многие из нас выступали на этих съездах, говорили, критиковали ошибки Сталина. Об этом говорил и товарищ Суслов.

Николаю Викторовичу было не по себе. Дело в том, что в октябре 1961 года на XXII съезде партии именно по предложению Подгорного, тогда еще первого секретаря ЦК компартии Украины, приняли решение вынести гроб с телом Сталина из мавзолея. Ночью 31 октября 1961 года его перезахоронили у Кремлевской стены.

Подгорный обосновывал тогда это решение сталинскими «злоупотреблениями властью, репрессиями против честных советских людей».

— Я не думаю, — продолжал Подгорный, — что надо как-то отмечать девяностолетие со дня рождения Сталина. Если выступать со статьей в газете, то надо писать, кто погиб и сколько погибло от его рук. Сейчас все успокоились. Никто не ждет, что мы выступим со статьей, никто нас об этом не просит. Значительная часть интеллигенции нас не поймет. Кроме вреда, ничего эта статья не принесет.

Шелест против обыкновения не согласился со своим покровителем:

— Я выскажу точку зрения, противоположную мнению Николая Викторовича, причем выскажу ее однозначно. Статья нужна. Для нас самое дорогое — правдивость в истории. Были ошибки у Сталина — сказать о них. Были положительные стороны — никто об этом не спорит.

Подгорный стоял на своем:

— Тогда надо писать, сколько им было уничтожено людей.

Шелест возразил:

— Дело не в том, чтобы называть цифры. Надо сказать, что у него были ошибки. А война? Строительство социализма под его руководством? Это же всему миру известно.

А у Кирилла Трофимовича Мазурова сомнений не было:

— Статью публиковать надо. Конечно, возможны какие-то издержки, но это главным образом будет, очевидно, относиться к зарубежным деятелям, а не к нашим людям. У нас поймут все правильно. Как же бороться за чистоту марксизма-ленинизма, если не писать о том, что было в истории? Мне кажется, надо подумать о том, чтобы поставить бюст на могиле Сталина.

Кириленко был против:

— У нас нет никаких оснований обелять Сталина или отменять ранее принятое решение, в частности то, что у нас было записано в 1956 году в постановлении ЦК. Эта статья будет использована нашими противниками, и она даст им пищу для клеветы на нас. Нет такой партии в Европе, которая будет аплодировать подобного рода статье.

Андрей Павлович имел в виду знаменитое постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий», где впервые было сказано о преступлениях Сталина.

Председатель Комитета партийного контроля Пельше тоже засомневался:

— Действительно, Сталин нанес вреда очень много, и боль эта чувствуется до сих пор. Это поколение ведь еще живо. Девяносто лет — это ничего особенного. Может быть, не надо широкой статьи. Достаточно напечатать заметку.

Виктор Гришин считал, что отметить девяностолетие Сталина надо:

— За последние годы очень много было написано мемуаров в отличие от решений, которые ранее принимал ЦК. Если была бы статья, она бы уравновесила их. Но статью надо написать в соответствии с решениями ЦК и съездов партии.

Шелепин тоже не сомневался:

— Публикация статьи покажет нашу честность, последовательность. Вы помните, как, например, было встречено упоминание Сталина товарищем Брежневым в докладе, посвященном двадцатилетию Победы. В народе это будет встречено хорошо.

Шелепин имел в виду выступление Брежнева 8 мая 1965 года. Леонид Ильич упомянул Сталина один раз: «Был образован Государственный Комитет Обороны во главе с генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным для руководства всеми действиями по организации отпора врагу». Зал отозвался аплодисментами.

Косыгин не скрывал своей симпатии к вождю:

— Надо найти правильное решение не только этого вопроса, но и вообще место Сталина в истории. Историю извращать нельзя. Тем более что действительно многое у нас понаписано в последние годы — и Жуковым, и другими о Сталине. Вот читают люди, а официальных материалов в печати у нас нет. И по-разному думают, по-разному разговаривают, по-разному делают выводы. А статья позволила бы все поставить на место. Надо показать, что партия осуждает его ошибки, но и отмечает его положительные стороны.

Устинов тем более был за любое доброе слово о Сталине:

— На мой взгляд, проект статьи, который разослан, очень хороший. Мы выиграем, безусловно, если напечатаем статью.

Против высказался секретарь ЦК и руководитель международного отдела Пономарев:

— Вы помните, как после XX съезда было много разговоров на сей счет, много волнений разного рода. Что лучше сейчас — поднимать снова эти волнения или пусть будет так, как сейчас, то есть спокойно? Ведь в год пятидесятилетия Октябрьской революции мы ничего не сказали о Сталине. А тогда мы этот вопрос тоже обсуждали!

Пономарев напомнил о том, что на политбюро дважды рассматривался текст брежневского доклада на торжественном заседании. Тогда те же самые люди — Суслов и Косыгин — высказались против упоминания имени Сталина. Но время изменилось...

Борис Николаевич Пономарев окончил Институт красной профессуры, начинал в Коминтерне, руководил Совинформбюро, был помощником Георгия Димитрова. Пономареву не хватало самостоятельности, поэтому он так и не стал членом политбюро, о чем мечтал. В политбюро его недолюбливали, но держали как главного знатока мирового коммунистического движения.

Он сохранил некоторые идеалы своей юности и ненавидел Сталина.

— В докладе, посвященном двадцатилетию разгрома гитлеровской Германии, была одна фраза, а сейчас предлагается статья, — сказал Пономарев. — А что же произошло? Что, например, скажут товарищи Гомулка, Кадар? Это очень сложная фигура — Сталин в истории. С этим нужно быть осторожным.

Андропов резко возразил Пономареву:

— Этот вопрос, товарищи, внутренний, наш, и мы должны решать, не оглядываясь на заграницу. А насчет заграницы я вам скажу. Кадар, например, в беседе со мной говорил: почему вы не переименуете Волгоград в Сталинград? Все-таки это историческое название. Вот вам и Кадар. Я считаю, что такую статью надо печатать.

Геннадий Воронов заметил, что «если не дадим статьи, ущерб будет большой». Соломенцев сказал, что статью нужно публиковать, поскольку «сейчас выросло новое поколение молодежи, и оно ничего не знает о Сталине, кроме культа».

Ему вторил Щербицкий:

— Вы возьмите учебники. Что преподают в школах по этому вопросу, что разъясняют нашей молодежи? Ничего определенного, кроме культа.

Кунаев и Рашидов высказались в том смысле, что «правильная, хорошая статья» будет полезной. За статью высказался и Кулаков.

Машеров был настроен решительно:

— Я совершенно однозначно и без колебаний считаю, что статью, безусловно, нужно напечатать в том духе, как здесь говорили товарищи. Народ примет хорошо.

Капитонов на всякий случай сослался на чужое мнение:

— Ко мне заходили многие секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, приехавшие на сессию и на пленум ЦК. Большинство из них, как мне показалось, склонны к тому, чтобы дать какой-то материал в связи с девяностолетием Сталина.

Словом, это был редкий случай, когда члены политбюро говорили совершено искренне и мнения разошлись. Когда все высказались, Брежнев очень умело подвел итоги обсуждения:

— Скажу вам откровенно, что я вначале занимал позицию — не публиковать статью. Стоит ли нам вновь этот вопрос поднимать? Но, побеседовав со многими секретарями обкомов партии, послушав ваши выступления, я думаю, что все-таки действительно больше пользы в том будет, если мы опубликуем статью. Ведь никто не оспаривает его революционных заслуг. И никто не сомневается в его серьезных ошибках. И, конечно, речь не идет о том, чтобы перечислять какие-то цифры погибших людей. А в спокойном тоне написать статью на уровне понимания этого вопроса ЦК КПСС и в духе принятых решений съезда и ЦК. Если мы напечатаем статью, то будет каждому ясно, что мы не боимся прямо сказать правду о Сталине, указать то место, какое он занимает в истории, чтобы не думали люди, что освещение этого вопроса в мемуарах отдельных маршалов, генералов меняет линию Центрального комитета. Вот эта линия и будет высказана в этой статье...

Статью доработали, сократили до пяти страниц и как редакционная она появилась в «Правде» 21 декабря 1969 года.

Игорь Дедков записал в дневнике:

«“Правда” стыдливо отметила 90-летие со дня рождения Сталина. Даже название статье не дали. Не решились. А все одно — пакость. Ответственность, которую несет этот умерший человек, безмерна и беспрецедентна. Увы, от суда он ушел...»

В 1970 году на могиле Сталина поставили бюст.

В конце того же 1970 года началась работа над отчетным докладом XXIV съезду партии. В декабре у Брежнева обсуждался раздел, посвященный идеологическим вопросам работы партии. Собрались секретари Демичев и Капитонов, заведующие отделом культуры Шауро, науки — Трапезников. Леонид Ильич сказал, что его смущает благостный характер раздела, говорится только об успехах, как будто нет трудностей, промахов, недостатков. Надо, чтобы ЦК первым сказал, что мы еще не успели или не смогли сделать. Отметил, как умело работает иностранное радио:

— А наши о том же самом расскажут через три дня – и ни одного живого слова.

Присутствовавший при обсуждении доклада Георгий Смирнов поразился: неужели Брежнев задумался о том, в какую мертвечину превратилась так называемая идеологическая работа? Увидел, что средства массовой информации не исполняют первейшую свою задачу — информировать?

— Давайте задумаемся, — продолжал Брежнев, — справедливо или нет говорят, что идеологический фронт — слабый участок. Ведь можно поддаться нашептываниям: каждый день тебе будут шептать, — в конце концов поверишь... Я хочу знать: так это, или болтают люди, не понимающие, что такое идеология, что такое ее успехи и что такое недостатки.

Получалось, что Леонид Ильич предлагал признать собственные промахи людей, как раз отвечавших за это направление. Разумеется, партийные идеологи наперебой бросились доказывать генеральному, что на самом деле сделано уже очень многое.

Как выяснилось, именно этого Брежнев и ожидал:

— Вот и я говорю о том, что надо защитить на съезде политбюро, да и свой личный престиж. Поймите меня правильно, я хочу дать отпор клеветникам, но не замазывать недоработки. Надо сказать, что за отчетный период ЦК прилагал немало усилий для объединения всей творческой интеллигенции, людей науки на основе марксизма-ленинизма. На этом пути достигнуты огромные успехи...

На XXIV съезде Брежнев отчитывался уже за четыре года, которые он стоял во главе партии, и любая критика означала бы, что он чего-то не сделал.

Брежнев сокрушался:

— XX съезд перевернул весь идеологический фронт. Мы до сих пор не можем поставить его на ноги. На съезде говорилось не столько о Сталине, сколько о том, что была опорочена партия, вся система... И вот уже пятнадцать лет мы никак не можем это поправить.

Брежнев рвал с хрущевской линией. Он в душе сохранил восхищение Сталиным и считал катастрофой не сталинские преступления, а их разоблачение.

Брежнев, по словам Смирнова, хотел «оставить в памяти народа достижения и победы, порядок и дисциплину, связанные с именем Сталина, и забыть массовые репрессии, концлагеря, нужду и попрание демократии.

Несмотря на свои пристрастия и симпатии, он понимал, что повернуть страну вспять нельзя, и старался уберечь ее от опасных поворотов влево и вправо... Но решительно сопротивлялся каким бы то ни было реформам, обновлению жизни».

Ягодкин перестарался

Идеологическими отделами девять лет ведал Петр Нилович Демичев.

В марте 1965 года Брежнев пригласил к себе секретаря ЦК по идеологии Леонида Федоровича Ильичева, принадлежавшего к ближайшему окружению Хрущева, и без обиняков сказал:

— Товарищи ставят вопрос о том, что вам нужно уйти. Вы слишком тесно были связаны с прежним руководством.

Ильичев, выпускник Института красной профессуры, при Сталине работал главным редактором и «Правды», и «Известий». После смерти вождя его назначили в Министерство иностранных дел руководить отделом печати. Любитель красивой жизни, он наслаждался своим заметным положением. Активный по природе, он стал проводить пресс-конференции (что было тогда большой редкостью) для советских и иностранных журналистов. Умением импровизировать и легко общаться он обратил на себя внимание высокого начальства.

В 1958 году Хрущев поручил Ильичеву заведовать отделом пропаганды и агитации ЦК, в 1961-м сделал секретарем ЦК, в 1962-м еще и председателем Идеологической комиссии. В том же году его избрали академиком.

Стремительный и моторный Ильичев нравился Хрущеву больше других медлительных «идеологов». В 1963 году именно Ильичеву Хрущев поручил сделать главный доклад на пленуме ЦК по идеологическим вопросам. Леонид Федорович Ильичев запомнился разносными выступлениями, в которых он, не выбирая выражений, громил писателей и деятелей культуры, отклонившихся от генеральной линии. Человек с такой дурной славой Брежневу не был нужен.

Ильичева назначили заместителем министра иностранных дел, а идеологию поручили спокойному по характеру и умеренному во взглядах Петру Ниловичу Демичеву, который курировал химизацию народного хозяйства, а до этого был первым секретарем Московского горкома. Недоброжелатели неизменно именовали его «химиком», тем более что он окончил Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева.

Демичев был помощником Хрущева, но это ему простили, поскольку осенью 1964 года он решительно выступил против Никиты Сергеевича. После смерти маршала Малиновского Шелепин предлагал назначить Демичева министром обороны: Петр Нилович имеет военный опыт, был на политработе в армии. Но с учетом отношения Брежнева к Шелепину такая рекомендация Демичеву могла только повредить.

Его перевели с химизации народного хозяйства на идеологическое направление, потому что в ЦК он считался образованным человеком. Демичев даже писал диссертацию о европейской философии XIX века в Высшей партийной школе, но работа осталась незавершенной, поскольку секретарю ЦК не пристало защищаться в подведомственном учреждении.

Благообразный, с пышной шевелюрой и в модных очках, Демичев, как шутили в те времена, зло делал только по необходимости. Он был ровен в общении с людьми, мог выступать без бумажки, производил впечатление почти интеллигентного человека.

Его помощником по идеологии в московском горкоме был Виталий Александрович Сырокомский, будущий первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», придерживавшийся более чем либеральных взглядов. В ЦК помощником стал Иван Тимофеевич Фролов, будущий академик и главный редактор журнала «Вопросы философии», воевавший с Трофимом Лысенко.

«Я застал еще сравнительно молодого, энергичного, очень доброжелательного и по тем временам прогрессивного человека, — рассказывал Иван Фролов, — стремившегося к обновлению духовной жизни».

Среди подчиненных Демичева в отделах культуры и пропаганды были и люди ограниченные и нетерпимые к любым новым веяниям в литературе и искусстве.

«В отделе культуры, — вспоминал сам Петр Нилович, — кое-кто из скрытых сталинистов поговаривал о неразборчивости в некоторых контактах с творческой интеллигенцией. Но после того как я в моем кабинете проговорил с Солженицыным более трех часов, разговоры прекратились. Обвинить меня в неразборчивости никто не захотел».

Через несколько месяцев после того, как на Демичева возложили обязанности секретаря по идеологии, в июле 1965 года, у него побывал Твардовский. Александр Трифонович, как обычно, пытался получить разрешение на публикацию произведений, которые не пропускала цензура.

Демичев Твардовскому очень понравился. Петр Нилович не возражал против публикации романа Михаила Афнасьевича Булгакова «Театральный роман»:

— Пусть решает редакция. Я не хочу читать рукописи, я люблю читать роман в готовом виде, как обычный человек...

Но опубликовать замечательный роман Булгакова «Новому миру» так и не удалось. Окружающие вскоре заметили, что далеко не все обещания Демичева выполняются. Твардовский ему прямо в лицо сказал:

— Я вам не верю. Вы говорите одно, а потом все получается по-другому.

Тем не менее Демичев был приличнее своих предшественников и наследников на этом посту.

В 1971 году Майя Плисецкая репетировала новый балет «Анна Каренина». Музыку написал ее муж композитор Родион Щедрин. Руководство Большого театра и Министерство культуры были недовольны постановкой. Посмотрев первый прогон, велели прекратить репетиции.

Плисецкая и Щедрин обратились за помощью к Демичеву.

«Демичев выслушал нас приветливо, — вспоминала Плисецкая. — Мы видим рядом его в первый раз. Вблизи он проще, мягче, чем изображен на своих портретах в руках участников первомайских демонстраций.

Демичев говорит тихо, неторопливо, убаюкивающе. Все на "пиано", все в одной интонации. Временами голос его так затихает, что разобрать речь нет никакой возможности. Мы напрягаемся, тянем шеи, угадывая временами смысл сказанного только по движению губ.

— Я разделяю ваше беспокойство. Даже если попытка воплощения балетной "Анны Карениной" будет не очень удачной, министерству следовало бы поддержать вас за смелость. Надо довести дело до конца. Я распоряжусь».

В данном случае Демичев исполнил обещанное, потому что это было в его силах.

Его главная проблема состояла в том, что для идеологического чиновника Петр Нилович был слишком мягок. Это раздражало его начальников. А деятели культуры не любили его за то, что он боялся принимать решения и держать слово. Юрий Любимов называл его то «Химиком», то нежно-презрительно «Ниловной».

Демичев в одном из разговоров укорил Любимова:

— Почему вы такой злой?

— Это только для того, чтобы оттенить вашу доброту, Петр Нилович!

Юрий Петрович Любимов в опубликованных письмах к сыну не скрывал своего презрения к Демичеву:

«Наш идеолог носит дымчатые очки, у него седой перманент с легкой волной и лицо поблескивает ночным кремом, говорит очень тихо, всем приходится вслушиваться; изредка, что-то бормоча, делает вид, что записывает.

Но когда надо, он даже орал и визжал на твоего папу, а однажды папа после тяжелого разговора, где, напрягаясь и вслушиваясь в сурово-тихие наставления, половину не разобрал, что же с ним будет, уходя после аудиенции, уже взявшись за ручку двери, услышал внятный громкий голос Химика:

— Так вот, никаких "Бесов", никаких Высоцких и никаких Булгаковых.

Видимо, Ниловна рассчитывал, что папа упадет в обморок по ту сторону кабинета. А уж там помощники разберутся, что делать с папой».

Высокопоставленные товарищи по партии считали, что Демичев распустил интеллигенцию и такую должность должен занять более жесткий человек.

В начале 1970-х обратил на себя внимание секретарь Московского горкома по идеологии Владимир Николаевич Ягодкин.

Преподаватель экономического факультета Московского университета, он делал карьеру по партийной линии и был утвержден секретарем парткома МГУ. Владимир Ягодкин стал известен своими жесткими, ретроградными выступлениями. Люди, которые его хорошо знали, говорят, что жесткость и нетерпимость были следствием его нездоровья. Постоянные болезни усугубляли негативное восприятие окружающего мира.

Работая в горкоме, Ягодкин стал кандидатом в члены ЦК, депутатом Верховного Совета РСФСР, почувствовал свою силу. Он покровительствовал сталинистам. Он возмущался любым произведением литературы, где мог заподозрить критику Сталина. Разносил замечательные романы Федора Абрамова о трудной жизни послевоенной деревни, говорил с обидой:

— Там говорится о том, что снято жизнью.

Ягодкин заставил президиум Академии наук отменить решение о назначении Ивана Фролова директором Института философии. Он, конечно, знал, что Фролов — бывший помощник Демичева. Он обвинял в недостатке партийности редколлегию журнала «Вопросы философии», где в начале 1970-х работали крупные ученые. Редколлегию в 1974 году разогнали. Ягодкин грозился вообще закрыть журнал.

Владимир Николаевич выискивал крамолу и бдительно сигнализировал в ЦК. В Москве поползли слухи, что Ягодкин вот-вот сменит на посту Демичева.

Первый заместитель главного редактора «Литературной газеты» Виталий Сырокомский позвонил Демичеву:

— Петр Нилович, примите по личному вопросу.

Демичев не отказал своему бывшему помощнику. Сырокомский рассказал о слухах, объяснил, какой ущерб Ягодкин наносит идеологической работе с интеллигенцией.

— Виталий Александрович, не беспокойтесь, — спокойно ответил Демичев. — Иногда чтобы понять человека, его нужно приподнять. Приподняли — и увидели, что этот человек представляет собой.

Ягодкин сам себя погубил. Он постоянно ставил в пример Центральному комитету идеологическую работу Московского горкома, чем нажил себе неприятелей. Получалось, что он один принципиальный работник, а в аппарате ЦК — ревизионисты.

Он так неустанно выискивал врагов, что вызвал недовольство высшего руководства, которому вовсе не хотелось, чтобы врагов было так много. Быть слишком большим ревнителем марксизма-ленинизма и обвинять других в ревизионизме тоже было опасно.

Иван Лаптев, работавший тогда в «Коммунисте», рассказывал историю о том, как в 1969 году заместитель главного редактора журнала Владимир Владимирович Платковский, выступая с лекцией об идеологической борьбе, сказал, что в нашей партии существует ревизионизм, и назвал имена четырех философов.

Шум был большой. Дошло до горкома партии. Первому секретарю МГК Виктору Васильевичу Гришину доложили, что Платковский опровергает Брежнева. Генеральный секретарь только что заявил, что все фракционные течения внутри партии окончательно изжиты...

Делом занималась комиссия партийного контроля при МГК КПСС. На бюро горкома пришел сам Гришин.

«Невысокого роста, узкоплечий, — вспоминал Лаптев. — Когда сел на председательское место, видно, что сутулый. Голова непропорционально крупная, волосы прилизанные, располагаются прядями, создавая впечатление неопрятности. Нахмурен, как черная туча, просто веет холодом».

Платковскому даже не дали оправдаться. Гришин его резко оборвал:

— Кто дал вам право сеять раздор в партии, подрывать авторитет Центрального комитета?

Платковский умоляюще говорил:

— Товарищ Гришин, товариш Гришин...

А тот продолжал металлическим голосом:

— Вы хотите сказать, что ленинский Центральный комитет, что Леонид Ильич недостаточно, не глубоко анализируют состояние партии? Что мы переоцениваем ее монолитность?

Он взял запись выступления Платковского и со всей силы припечатал ее к столу. Платковский получил выговор и был отправлен на пенсию...

Примерно так же первый секретарь ЦК компартии Украины Щербицкий избавился и от своего чересчур активного «идеолога» — Валентина Ефимовича Маланчука, досаждавшего еще Шелесту. Украинский секретарь проявил бóльшее рвение, чем от него ожидали. Он завел в республике собственные черные списки, вызывал работников идеологических отделов и говорил:

— Такого-то без моего разрешения не публиковать.

Запрет был наложен на творчество известного писателя Виктора Платоновича Некрасова, автора повести «В окопах Сталинграда», из которой, можно сказать, вышла вся военная литература... Киевлянин Некрасов, независимый по натуре человек, изучал историю Белого движения на Украине, требовал создания мемориала в Бабьем Яре, где немцы расстреляли киевских евреев, протестовал против ввода войск в Чехословакию. Сначала его обвиняли в украинском национализме, потом в сионизме. Его исключили из партии, у него проводили обыски... В конце концов Некрасова выдавили из страны, он эмигрировал.

В список Маланчука попали и другие известные украинские писатели. Но у них нашлись друзья и защитники, которые уведомили Щербицкого, что Маланчук компрометирует руководителя республики в глазах украинской интеллигенции. Владимир Васильевич был сложной фигурой.

Олесь Гончар записал в дневнике о Щербицком, которому поначалу симпатизировал:

«А потом, потом... Что-то иезуитское, двоедушное стал я замечать в нем. Сегодня в разговоре высмеивает уничтожителя Ватченко, а завтра делает его председателем Верховного Совета... Защищенный Брежневым, он мог бы оказать сопротивление даже Суслову, когда тот навязал в секретари

Маланчука, этого патологического ненавистника украинской культуры. Наоборот, именно В. В. дал волю разгуляться маланчуковщине бесконтрольно... Это он изгнал украинский язык из пленумов ЦК...

А в общем В. В. — тоже трагическая фигура. Каждый из украинских лидеров, оказавшись на вершине, должен был выбирать: будет работать он на Украину или на Москву. И, конечно, каждый (разве что за исключением Скрипника) выбирал последнюю. Кто проявил бы непослушание, не продержался бы у руля и трех дней. В. В. это понимает. К тому же у него, очевидно, не было со школы украинского воспитания...»

Владимиру Васильевичу Щербицкому не понравилось, что Маланчук пытается играть в свою игру. Валентин Ефимович завел друзей в аппарате ЦК КПСС и информировал столичных чиновников о тайнах украинской политики. Щербицкому донесли, что Маланчук, не поставив его в известность, отправил в Москву в Политиздат монографию по национальному вопросу. В ней речь шла и об Украине, причем Маланчук обнаружил в республике крамолу. Монографию Валентин Маланчук на всякий случай намеревался издать под псевдонимом. Щербицкий послал в столицу своего помощника — проверить слухи относительно монографии. Заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Владимир Николаевич Севрук подтвердил, что монография находится в Политиздате и что в ЦК смущены: партийные работники такого ранга под псевдонимом пишут только по особому решению. Щербицкий увидел в этом подкоп под себя, назвал Маланчука «двурушником» и, заручившись согласием Брежнева, в апреле 1979 года сместил чересчур рьяного идеолога...

В Грузии с поста республиканского секретаря ЦК по идеологии убрали упоминавшегося уже Стуруа за излишнее рвение. Его сделали директором Института истории партии при ЦК Грузии. Стуруа вскоре написал кандидатскую диссертацию о том, как партия «создавала и развивала» грузинскую советскую художественную литературу, и докторскую — о работе партийных контрольных органов в 1920—1930-е годы...

А в Москве борьба вокруг Ягодкина продолжалась.

В Завидове в декабре 1975 года во время работы над очередным партийным документом в присутствии Брежнева зашла речь о Ягодкине. Леонид Ильич, вспоминал Черняев, будучи в минорном настроении, сетовал на то, что его не понимают коллеги. Александров-Агентов заметил:

— А что вы хотите, если во главе московской идеологии стоит Ягодкин...

— Мне о нем говорили, — сказал Брежнев. — Но Гришин, который его не очень раньше жаловал, теперь стал его защищать. Это, говорит, когда Ягодкин секретарем парткома МГУ был, он говорил, что ему, видите ли, не нравится Брежнев. А в МГК он вроде хороший стал. Нужна мне его любовь!

Сидевшие за столом воспринимали Ягодкина однозначно — «черносотенец и сталинист, организатор разгрома в институтах экономики и философии». Тут все и заговорили:

— Как же так, Леонид Ильич? Ведь он наносит вред партии. Все от него стонут. А тут он еще двуспальную передовую в «Новом мире» опубликовал — если ее внимательно прочитать, ясно, что она против линии XXIV съезда в области культуры. И Ленина там нагло переврал. Немыслимо такого человека и после XXV съезда оставлять...

Брежнев слушал, слушал, поглядывая то на одного, то на другого, и сказал:

— Ладно, вернусь в Москву, поговорю с Гришиным.

В это время приехал первый заместитель заведующего международным отделом ЦК Вадим Валентинович Загладин. Он привез записку о разговоре с одним из руководителей Итальянской компартии. Тот будто бы сказал Загладину:

— Вы утверждаете, что у вас нет оппозиции. Да у вас внутри партии оппозиция! Вы посмотрите статью Ягодкина в «Новом мире». Разве она совпадает с линией XXIV съезда?

За завтраком Александров-Агентов шепнул Загладину:

— Вадим, сейчас самый момент. Положите перед Леонидом Ильичом записку.

Загладин подошел к Брежневу, объяснил, с чем приехал, и попросил прочитать.

Брежнев читал долго и внимательно. Положил записку в карман и обернулся к Загладину:

— Мы тут уже обсуждали этого человека. Приеду в Москву, обязательно поговорю с Гришиным.

Надо понимать, разговор состоялся.

28 декабря 1975 года Черняев присутствовал при беседе своего шефа Бориса Пономарева с Гришиным.

— Нет, нет, Виктор Васильевич дело не в недоверии — убеждал Гришина Пономарев. — Но, знаете, нехорошо, если у вас был такой разговор о Ягодкине, и после этого он открывает в Колонном зале важное политическое мероприятие... Вы, конечно, извините, что мы доставляем вам лишние беспокойство, но лучше, если вечер откроет Греков, второй секретарь.

Пельше и Пономарев должны были на следующий день выступать в Колонном зале Дома союзов на торжественном вечере, посвященном столетию Вильгельма Пика. Открыть вечер было вначале поручено Ягодкину. Но после разговора Брежнева с Гришиным от его услуг отказались.

Суслов немедленно избавился от Ягодкина. Его убрали из горкома, назначили заместителем министра высшего и среднего специального образования по кадрам. Политическая карьера рьяного идеолога закончилась. В 1977 году Ягодкина отправили на пенсию под предлогом слабого здоровья. «Не то чтобы Суслов был либеральнее Ягодкина, — говорил Наиль Биккенин, много лет проработавший в отделе пропаганды ЦК, — но он был умнее и опытнее».

А вот Демичева сочли слишком мягким и либеральным для идеологической работы. После смерти Фурцевой Брежнев осенью 1974 года переместил Петра Ниловича на пост министра культуры. Причем совершенно неожиданно — его ближайшие подчиненные узнали об этом из программы «Время».

Демичев пытался отказаться от назначения. Пришел к Брежневу. Леонид Ильич принял его в присутствии своего охранника и даже не предложил сесть. Твердо сказал:

— Доводы считаю неубедительными. Вопрос сейчас будет решаться на политбюро.

Петр Нилович ушел расстроенный.

Но лично против Демичева Леонид Ильич ничего не имел, поэтому сохранил за ним кандидатство в политбюро.

Новым идеологическим секретарем сделали главного редактора «Правды» Михаила Васильевича Зимянина.

Первоначально на этот пост намечали назначить другого человека — тогдашнего председателя Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Бориса Ивановича Стукалина. В марте 1976 года, во время работы XXV съезда партии, заведующий общим отделом ЦК Черненко передал Стукалину, что нужно зайти к Суслову.

Михаил Андреевич, как всегда с непроницаемым лицом, произнес:

— Мы будем предлагать избрать вас на съезде членом ЦК, а затем на пленуме — секретарем Центрального комитета по пропаганде. Что вы на это скажете?

Его лицо на мгновение осветилось улыбкой, что выражало крайнюю степень расположения к собеседнику. Стукалин пишет в своих воспоминаниях, что искренне отказался от высокого поста и предложил вместо себя Зимянина.

— Хорошо. Мы подумаем и еще раз вернемся к этому разговору, — ответил Суслов.

На следующий день во время перерыва на съезде Стукалина соединили с Михаилом Андреевичем.

— Мы тут посоветовались и решили согласиться с вами. О нашем разговоре — молчок! Понятно?

Михаила Васильевича Зимянина считали либералом и прогрессистом. Ни тем ни другим он не был. Просто живая газетная работа не располагала к идеологической свирепости. Редактор «Правды» был в ту пору больше известен своей страстью к шахматной игре.

Однажды только что назначенного в «Правду» заместителем главного редактора по вопросам теории Виктора Григорьевича Афанасьева остановил помощник Зимянина:

— Вы играете в шахматы?

— Играю, и довольно сносно, — ответил Афанасьев.

— Не говорите главному, что вы шахматист, иначе он вас шахматами замучает, — шепотом посоветовал помощник.

«Зимянин действительно оказался заядлым шахматистом, — писал Афанасьев, — он мог играть после рабочего дня хоть до самого утра. Играл слабовато, проигрыш переживал болезненно, быстро “заводился” и сражался до тех пор, пока не выигрывал. И только после победы спокойно уезжал домой».

Один из сотрудников аппарата ЦК вспоминал Зимянина: «В то время вполне милый, даже забавный человек, любитель двух французских фраз, которыми, видимо, и ограничивались его познания в этом языке: «Entre nous soit dit» (между нами говоря) и «En globe» (в целом).

Михаил Васильевич Зимянин, бывший партизан, сделал после войны карьеру в родной Белоруссии. В 1946 году стал вторым секретарем Гомельского обкома, затем министром просвещения. В 1947 году его утвердили секретарем, потом вторым секретарем ЦК компартии Белоруссии.

«У Зимянина была феноменальная память, цепкий взгляд, — вспоминал хорошо знавший его генерал госбезопасности Эдуард Болеславович Нордман. — Перед ним за многие годы прошли сотни людей. Но и через год, и через пять, и через десять он мог по памяти восстановить все анкетные данные человека, если эта анкета когда-то уже лежала у него на столе.

Ему достаточно было в течение пяти минут просмотреть газетную страницу, и он уже мог обсуждать все, о чем там говорилось».

Весной 1950 года первым секретарем Белоруссии стал

Николай Семенович Патоличев, который до этого работал в Ростове-на-Дону.

— Белорусские товарищи не назвали из своей среды кандидата на пост первого секретаря ЦК республики, — сказал ему Сталин. — Мы хотели бы рекомендовать вас на эту работу.

Отношения Патоличева с Зимяниным не сложились. В результате в 1953 году Михаила Васильевича перевели в Москву и сделали членом коллегии Министерства иностранных дел. И тут на него обратил внимание Лаврентий Павлович Берия.

После смерти Сталина Берия сделал ставку на национальные республики, союзные и автономные. Он считал, что им должно быть предоставлено больше прав — прежде всего в продвижении местных кадров. Республики были недовольны тем, что на роль всяких начальников им присылали людей с другого конца необъятной страны, которые не знали ни местных условий, ни языка — и не хотели знать! — но вели себя по-хозяйски.

8 июня 1953 года Берия отправил в президиум ЦК письмо о национальном составе аппарата МВД Белоруссии. Он писал, что в аппарате министерства и местных органах на руководящих постах белорусы практически отсутствуют: «Примерно такое же положение с использованием белорусских кадров имеет место в республиканских, областных и районных партийных и советских организациях».

Лаврентий Павлович обратил внимание на то, что в республике в институтах преподавание ведется только на русском языке, хотя в 1930-е годы учили и на белорусском. Попутно он отметил бедственное положение крестьян: в западных областях в колхозах люди очень мало получают за трудодни...

Берия предложил немедленно принять решения о выдвижении национальных кадров, о том, что ведущие республиканские работники должны знать национальный язык и на нем вести делопроизводство.

Своей властью он сменил в Минске министра внутренних дел и его заместителей. Поменять партийное начальство должен был президиум ЦК. Но кандидатуру на роль первого секретаря Лаврентий Павлович подыскал сам: русского Патоличева сменит белорус Зимянин, который понравился Берии.

12 июня президиум ЦК КПСС принял постановление «Вопросы Белорусской ССР». Первым секретарем ЦК компартии Белоруссии рекомендовали избрать Зимянина.

15 июня Берия принял Зимянина и напутствовал его перед возвращением в Минск.

Патоличеву позвонил Хрущев и сказал, что его освобождают от должности «за нарушение ленинской национальной политики». Но Патоличеву невероятно повезло.

Пленум ЦК компартии Белоруссии, на котором первого секретаря обвиняли в неправильном подборе и расстановке кадров, крупных ошибках в управлении народным хозяйством, собрался только 25 июня 1953 года, накануне ареста Берии, о чем ни Патоличев, ни другие участники пленума в Минске конечно же не подозревали.

Приехавший на родину Зимянин обрушился с жесткой критикой на первого секретаря, которого должен был сменить. В ответ Патоличев заявил:

— Я сюда приехал по указанию Центрального Комитета, по его указанию и уезжаю.

На следующий день пленум продолжился. Но пока в Минске критиковали первого секретаря, в Москве арестовали Берию. Патоличева вызвали к телефону. Звонили Маленков и Хрущев. Они сказали, что Берия арестован, попросили пока держать это в секрете, но сообщили главное:

— Если пленум ЦК компартии Белоруссии попросит ЦК КПСС, решение о вашем отзыве может быть отменено.

И те же люди, которые только что собирались снять своего первого секретаря, немедленно проголосовали за то, чтобы он остался на своем посту.

А Зимянину пришлось опять уехать из республики, да еще и объясняться относительно своих отношений с Берией. Его вновь определили в Министерство иностранных дел. В 1956 году его отправили послом во Вьетнам, через четыре года перевели в Чехословакию. В 1965 году Михаила Васильевича назначили заместителем министра иностранных дел. Но тут понадобился главный редактор «Правды».

Главную партийную газеты возглавлял академик Алексей Матвеевич Румянцев. До того — шеф-редактор межпартийного журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в Праге. По всеобщим отзывам, Румянцев был антисталинистом, поощрявшим дух свободы и творчества.

Его быстро перевели в Академию наук и вспомнили об опытном идеологическом работнике Зимянине. Михаил Васильевич сразу занял жесткую линию.

Ко дню космонавтики Твардовский написал стихотворение о Гагарине, отдал его в «Правду». Когда приехал вычитать гранку, редактора отдела на месте не оказалось. С Твардовским встретился сам Зимянин:

— Стихи очень искренние, трогающие, не говорю уже о мастерстве — я преклоняюсь. Но с политической стороны... Недостаточно чувства патриотизма, не сказано даже, что это партия послала его в космос. Стихи, извините меня, беспартийные...

Пораженный таким отзывом, Твардовский резко сказал:

— Хорошо, снимите их...

Зимянину такая прямота была неприятна:

— Что же вы сразу с позиции обиды? Я вам по-товарищески, а вы...

— Не с позиции обиды, — пояснил разгневанный Твардовский, — а с позиции достоинства серьезного автора, которому говорят детские вещи. Если вы не усматриваете в этом стихотворении патриотического чувства, то, повторяю, не затрудняйтесь, снимите.

— Вот вы как, — произнес Зимянин.

— Да, я старше вас возрастом, а в литературном деле — опытом.

— С позиции обиды... — Главный редактор «Правды» никак не мог найти нужных слов.

— Да никакой обиды. Вы меня вовсе не обидели, вы себя обидели.

— Что же вы меня шпыняете такими словами? — обиделся Зимянин.

— Каким «словами»? Снимите стихи. Тем более что я над ними еще работал и внес значительные поправки.

— Хорошо.

Зимянин снял из номера стихи Твардовского, хотя тогда любая советская газета считала за честь публиковать любимого народом поэта.

Заместитель Зимянина по «Правде» Борис Стукалин называет его человеком «кристальной чистоты». По его словам, однажды поздно вечером, ожидая из типографии сигнальный экземпляр газеты, чтобы подписать его в печать, Зимянин сказал:

— Вот что, Борис, давай условимся — пока нам доверено работать здесь, будем держаться до конца. Если «Правда» дрогнет, прогнется под давлением политиканов-временщиков, подхалимов и карьеристов или сама не устоит перед соблазном угодить высокому начальству, плотина будет прорвана и все вернется на круги своя, да еще в самом худшем варианте. Будем служить не лицам, а делу — пусть это станет нашим девизом, если хочешь, клятвой, хотя, как ты знаешь, не люблю громких слов.

Стукалин вспоминал, что в 1966 году правдист Сергей

Борзенко написал статью, в которой воспевал военные подвиги Брежнева. Но команды восхвалять генсека еще не было.

А еще Андрей Платонов когда-то говорил, что не всякое угодливое слово нравится властям. Надо, чтобы это лакейское слово было сказано вовремя. Не годится, если оно произнесено с опозданием, и оно часто вызывает гнев, если высказано до срока, — власти терпеть не могут забегальщиков....

Борис Стукалин отредактировал материал, сократив описание брежневских подвигов. Показал правку Зимянину. Тот одобрил. Но, по словам Стукалина, главному редактору «Правды» позвонил крайне раздраженный помощник Брежнева Виктор Голиков:

— Михаил Васильевич, нам непонятно ваше отношение к Леониду Ильичу. Газета ведет какую-то странную линию. Вам, может быть, не нравится генеральный секретарь?

Однако, верятно, Борис Стукалин преувеличивает храбрость Зимянина. Или тот быстро перестроился.

«Секретарь ЦК КПСС Зимянин, которого я сменил на посту главного редактора “Правды”, — писал Виктор Афанасьев, — как-то упрекнул меня, что в трех передовых статьях газеты не упомянута фамилия Брежнева. Я, конечно же, обещал исправиться».

Виктор Афанасьев, похоже, был более самостоятельным человеком, чем его предшественник. Один из правдистов вспоминал, как осенью 1979 года на утренней редколлегии главный редактор сказал:

— Да, вот еще что. Мы все, конечно, забыли, а Брежнев помнит. Позвонил сегодня: дескать, уже пятнадцать лет руководит партией и страной. Слушайте, может, действительно откликнемся какой-нибудь заметкой?

Речь шла о пятнадцатилетии пребывания Леонида Ильича Брежнева у власти...

«Правда» была очень влиятельной в ту пору. Отдел сельского хозяйства ЦК, вспоминал работавший тогда в газете Александр Иванович Волков, адресовал секретариату ЦК жалобу на выступления газеты по экономическим вопросам. Причем выражалось недовольство самой линией газеты в освещении сельскохозяйственной тематики. Жалобу поддержал член политбюро и секретарь ЦК Федор Кулаков. Редакция чувствовала себя уверенно и отправила в ЦК аргументированный ответ. На Старой площади не стали устраивать разбор. Фактически это была победа газеты.

Когда Зимянина избрали секретарем ЦК, Александр Бовин, поздравляя, выразил надежду, что неприятных сюрпризов по идеологической части не будет.

— Выше головы не прыгнешь! — обреченно ответил Зимянин.

«Да он, по-моему, и не прыгал, — писал Бовин. — Наоборот. Стал ходить пригнувшись...»

В нем проявились малосимпатичные качества, которые не были заметны на редакторском посту.

Однажды Георгий Смирнов, руководивший тогда отделом пропаганды, заговорил с Зимяниным о том, что диссиденты, самиздат почему-то оказались монополией Пятого управления КГБ. Диссидентов сажают, высылают за границу, отправляют в психушки. Но идеи можно одолеть только идеями, а партийные организации остались в стороне.

Зимянин возмутился самой постановкой вопроса:

— Ты что же, из партии хочешь дискуссионный клуб устроить?

С комсомольских времен Зимянин был в хороших отношениях с председателем КГБ Андроповым. Александр Яковлев как-то зашел к секретарю ЦК Зимянину. Во время разговора раздался звонок Андропова. Михаил Васильевич сделал знак гостю молчать. Все его ответы Андропову сводились к одному слову:

— Есть!

После разговора он облегченно вздохнул:

— Ты не говори, что присутствовал при разговоре.

Яковлев пытался о чем-то расспросить, но беседа не получилась. Гость встал, чтобы попрощаться, Зимянин пошел его проводить. Дошел до коридора и там буркнул:

— Ты извини, стены тоже имеют уши.

Боялся, видно, что Яковлев заговорит на какую-нибудь опасную тему.

В марте 1981 года Зимянина включили в состав делегации, отправившейся в Софию на съезд болгарской компартии. Возглавлял делегацию член политбюро и первый секретарь ЦК компартии Украины Владимир Щербицкий.

«Зимянин, человек холерического темперамента и ужасный матерщинник, — вспоминал помощник Щербицкого, — был вообще-то незлобливым человеком, открытым и простым. Но сама мысль о том, что он представляет руководство Советского Союза, сверхдержавы, превращала его в сноба и шовиниста.

По любому случаю, к месту и не к месту, он высказывал свои безапелляционные суждения. Наблюдая за ним, вспомнил ту истину, что малые ростом люди зачастую стремятся компенсировать это непомерными амбициями».

Если Демичев в минуту раздражения с шепота переходил на полный голос, то Зимянин легко переходил на начальственный рык.

Когда Юрия Любимова совсем уж допекли, он обратился к Константину Устиновичу Черненко, который по всем отзывам был человеком доброжелательным.

Любимов позвонил ему по «вертушке», стоявшей в кабинете академика Петра Леонидовича Капицы.

— Не может быть! — удивился Черненко рассказу Любимова о том, как его преследуют. — Ну и ну, вот, оказывается, до чего мы дожили.

— Неужели я вам буду неправду говорить? — говорил Любимов. — Извините, что я вас побеспокоил. Просто я больше не могу так работать.

— Перезвоните мне через несколько дней, — сказал Черненко, — а я разберусь.

Но в следующий раз Черненко, которого, видимо, накрутили, был уже не так любезен:

— Почему вы ко мне обращаетесь? У вас есть свой секретарь ЦК по пропаганде, товарищ Зимянин, он такой же секретарь ЦК, как и я. Обратитесь к товарищу Зимянину, он этим занимается.

— Вы знаете, с ним очень трудно: он не слушает, — пояснил Любимов. — Он громким голосом очень быстро читает большую нотацию, и на этом разговор заканчивается. Бесполезно...

— Я вам повторяю: позвоните товарищу Зимянину, — закончил разговор Черненко.

Дальнейшее Юрий Любимов описал в своей мемуарной книге:

«Я позвонил, и сорок минут на меня орал советский Геббельс, так его называют в наших кругах, я же называл “недоделанный Абрамов” — говорок у них был похож, народный такой, с наскоком на собеседника, но Федор-то по сравнению с этим — Сократ, не меньше...»

— Мы вам покажем! — возбужденно говорил Михаил Васильевич. — Вы что это беспокоите членов политбюро, до какой наглости вы дошли!

То есть Черненко действительно попросил Зимянина разобраться. Вот тот и разбирался:

— Все ваше окружение антисоветское!

— Ну, раз все антисоветчики, один вы советчик, то посоветуйте хоть что-нибудь.

— Ах, вы еще это, шутить, я вам дошучусь!

Про Высоцкого:

— А этот спившийся подонок (прямо как Жданов про Зощенко), — ну подумаешь, имел какой-то талантишко, да и тот пропил, несколько песенок сочинил и возомнил.

— Он умер, — напомнил Любимов, — нехорошо так о покойном, зачем так кричать, товарищ секретарь, а при ваших чинах это даже неприлично.

— Вы у меня договоритесь!

— Ну, зачем же так? — Любимов сохранял хладнокровие. — Некрасиво таким голосом кричать на товарища по партии, мы ведь с вами в одной партии.

— Вы домахаетесь своим партийным билетом, мы у вас его отберем!

Любимов положил трубку.

Михаил Васильевич Зимянин охотно позволял себе то, что запрещал остальным. Сотрудник Девятого управления КГБ поведал, как он сопровождал Зимянина в Бразилию.

Вечером Михаил Васильевич предложил:

— Давай в кино сходим.

— Поздновато.

— Ничего.

— Хорошо, я вызову охрану.

— Не надо.

Сотрудник девятки заранее выяснил интересы Михаила Васильевича и уже знал, какие кинотеатры есть в районе отеля.

— Фильм эротический, — предупредил он.

Секретарь ЦК по идеологии засмеялся:

— Это тоже надо знать.

В конце фильма охранник, заранее выяснив, во сколько заканчивается сеанс, предупредил:

— Через пять минут фильм закончится, пойдемте.

Это чтобы никто не увидел, что главный советский идеолог из всех видов искусств выбрал порнографию. Охранник сказал, что ему фильм не понравился. Зимянин ответил со знанием дела:

— Обычный фильм из этого рода продукции.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

РАСЦВЕТ И УПАДОК РАЗРЯДКИ

Леонид Ильич опирался на военных и давал им все, что они просили. Он считал себя военной косточкой, гордился военными званиями, орденами, любил военную форму.

Генерал армии Александр Михайлович Майоров вспоминал, как в 1968 году его вызвали к генеральному секретарю. Разговор предстоял о ситуации в Чехословакии. Генерал в полевой форме, в сапогах и при ремне, вошел, отрапортовал. В кабинете помимо Леонида Ильича сидел Суслов.

Брежнев довольно сказал:

— Вот какая красивая форма у наших вооруженных сил. А то наши маршалы уговорили Никиту ввести брюки навыпуск, а на ноги полуботинки. Это при нашей грязище!

Суслов слушал молча.

— На самом деле наши полководцы в кабинетах нажили штабные груди, — Брежнев показал на живот. — Вот им и стало трудно натягивать сапоги.

Леонид Ильич был весь во власти приятных воспоминаний.

— А мне нравилась старая гимнастерка. Эх, подтянешь это место, — он похлопал себя по животу, — чувствуешь себя моложе. И думаешь, неплохо бы и до дивчин сбегать...

Генералы и маршалы оценили Леонида Ильича — особенно по контрасту с Хрущевым, который с ними нисколько не считался, наградами и званиями не баловал.

В рабочих записях Брежнева за 1968 год встречаются пометки:

«О наградах. Дать Гречко орден Ленина, Ворошилову и Буденному — героев. Епишеву — Ленина, Тимошенко, Еременко, Баграмяну и Москаленко — ордена Октябрьской революции. Всем маршалам дать по служебной “чайке”».

Сотрудник Министерства иностранных дел Александр Богомолов видел Брежнева в 1960-е годы, когда тот приехал в Группу советских войск в ГДР, чтобы выступить перед офицерами. Леонид Ильич произнес короткий тост и залпом легко выпил стакан водки. Полно было закуски, но он даже не закусил, а начал совещание. Военные, по словам Богомолова, тогда его просто боготворили. Он поражал офицеров своей удалью.

Гречко сменяет Малиновского

Министром обороны оставался маршал Родион Яковлевич Малиновский, поскольку осенью 1964 года он поддержал Брежнева. По взглядам он был, скорее, консерватором, а по характеру — флегматиком. Не увлекался выпивкой и охотой, предпочитал шахматы и рыбалку. Был немногословен, дома — вообще молчал и разыгрывал шахматные этюды.

На Западе Малиновского считали главным стратегом применения ядерного оружия.

Однако создатели ракетно-ядерной техники жаловались, что на поддержку Малиновского рассчитывать нельзя. Говорили, что он выше уровня общевойскового командира дивизии или даже армии не поднялся. Терпит ракетчиков только потому, что начальству нужна ракета.

Соратник Королева академик Борис Черток вспоминает, что борьба за создание ракет и выход в космос министра Малиновского вообще мало интересовала. Ему бы только меньше перетрясок, перестановок, чтобы спокойнее дожить свой век. Так же консервативно Родион Яковлевич относился и к другой новой технике. Вертолеты, например, он не воспринимал всерьез. Не верил, что винтокрылые машины окажутся мощным оружием.

Более молодые и амбициозные военные группировались вокруг первого заместителя министра обороны Андрея Антоновича Гречко. Можно было предположить, что Малиновский недолго будет министром. Старые заслуги не в счет. Все, кто помог Брежневу прийти к власти, быстро лишились своих постов. Малиновский это понимал и сам говорил:

— Еще годик, и уйду на пенсию.

Но до пенсии не дожил.

7 ноября 1966 года он принимал последний в своей жизни парад, хотя очень сильно болела нога. На следующий день слег и больше уже не встал. Его отправили в больницу, откуда он не вышел. Похоронили его 3 апреля 1967 года.

Новым министром Брежнев сделал маршала Андрея Антоновича Гречко. В войну они вместе служили в 18-й армии.

Андрей Антонович Гречко пользовался уважением в войсках. Он был сторонником разработки новой военной техники. С его помощью были приняты на вооружение боевые вертолеты, новые модели танков. В молодости маршал служил в кавалерии. Высокий, подтянутый, он любил строевую подготовку и требовал, чтобы в войсках занимались спортом.

В конце мая 1967 года Брежнев приехал на Северный флот. Его сопровождали Косыгин, Устинов, Гречко, Епишев, заместитель председателя Совета министров по военной технике Леонид Васильевич Смирнов.

Брежнев побывал на только что спущенной на воду подводной лодке К-137 «Ленинец», оснащенной шестнадцатью ракетами. Спустился в отсеки, поговорил с экипажем. На крейсере «Мурманск» высокие гости вышли в море. Брежневу показали пуск ракеты с атомной подводной лодки, затем разыграли целый морской бой с участием надводных и подводных кораблей.

5 июля 1967 года, выступая в Кремле на приеме по случаю очередного выпуска слушателей военных академий, Леонид Ильич сослался на увиденное:

— Во время недавней поездки на Краснознаменный Северный флот мы с товарищем Косыгиным осмотрели новейшие корабли и ракетную технику. Состояние вооружения, боевая готовность флота, выучка личного состава произвели на нас хорошее впечатление...

Леонид Ильич с возрастом все чаще вспоминал войну. Для него это были, по существу, приятные воспоминания о молодости.

— В конце семидесятых он мне вдруг говорит: думаешь, я всегда таким был? — рассказывал академик Чазов. — Показал фотографию 1945 года. Стоит красавец мужчина, от которого без ума были женщины.

Он с удовольствием занимался военными делами, встречался с генералами. Все кандидаты на высшие военные должности утверждались в ЦК. Военными кадрами занимался отдел административных органов ЦК, в аппарат отдела в основном попадали политработники, контакт со строевыми командирами у них не получался. Строевики часто жаловались, что на Старой площади с ними разговаривают высокомерно и поучающе.

Заведовал отделом административных органов Николай Иванович Савинкин. Трудовую деятельность он начал в 1932 году заместителем начальника районного отдела связи, потом заведовал отделом в райкоме комсомола. С 1935 года служил в армии. Во время войны был старшим инструктором политотдела армии, начальником политотдела бригады, заместителем начальника отдела политуправления фронта... Савинкин окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина и с 1950 года работал в аппарате ЦК.

В 1968 году Брежнев утвердил его заведующим отделом административных органов. Савинкин долго просидел в кресле заведующего отделом, потому что умел ладить с людьми, избегал конфликтов.

Учетно-контрольная номенклатура отдела — заместитель командира дивизии по политической части. С кандидатом на эту должность в ЦК беседовал инструктор отдела административных органов.

Командир дивизии и выше — уже номенклатура секретариата ЦК, с ними беседовал и заместитель заведующего отделом, и завотделом. Но на заседание секретариата не приглашали, утверждали опросом.

Генерал-полковник Иван Петрович Вертелко рассказывал, как начальник Генерального штаба маршал Матвей Васильевич Захаров, будучи председателем высшей аттестационной комиссии, хотел вычеркнуть одну фамилию из списка офицеров, представленных к присвоению генеральского звания. Но маршала остановил порученец:

— Список уже завизирован в ЦК, товарищ маршал.

И красный карандаш маршала замер.

Командующий войсками военного округа — номенклатура политбюро, с ним встречались секретари ЦК, его принимал генеральный, вызывали на политбюро. Командующих округами утверждал секретарь ЦК Устинов. Поговорив с генералом, обращался к Василию Ивановичу Другову, первому заместителю заведующего отделом административных органов:

— Теперь неси бумагу Кириленко, от него к Суслову.

Когда подписи секретарей были собраны, кандидата на высокую должность вели к Брежневу. Тот обычно выходил в приемную, обнимал генерала, приглашал к себе. Обязательно задавал один и тот же вопрос:

— Что самое главное в боевой подготовке?

Генералы начинали долго и нудно отвечать.

Брежнев прерывал и объяснял:

— Самое главное — научить солдат, офицеров и генералов поражать цель с первого выстрела.

Адмиралу Николаю Амелько была предложена должность заместителя главнокомандующего Военно-морским флотом страны по противолодочным силам. Адмиралу, командовавшему Тихоокеанским флотом, не хотелось перебираться в Москву. Тогда заведующий административным отделом ЦК Николай Савинкин отвел его к Брежневу.

Леонид Ильич сразу сказал:

— У нас плохо обстоит дело с борьбой против иностранных подводных лодок. Мы решили поручить исправить это дело тебе.

— Спасибо, — ответил адмирал. — Постараюсь оправдать ваше доверие.

— Ну, старайся, — Брежнев пожал ему руку.

Когда адмирал уже был в дверях, генеральный секретарь его остановил:

— А мне доложили, что ты отказывался от этой должности.

— Товарищ верховный главнокомандующий, — ответил адмирал, — я знаю, где можно отказываться, а где не положено.

— Вот это правильно, — довольно сказал Брежнев.

19 декабря 1966 года Леониду Ильичу исполнялось шестьдесят лет. Собрали с членов политбюро, кандидатов и секретарей ЦК деньги, чтобы сделать подарок. Приняли решение присвоить ему вторично звание Героя Социалистического Труда. Но Брежнев сказал Подгорному, что хотел бы стать Героем Советского Союза. Тот заметил, что война закончилась двадцать лет назад, но Леонид Ильич стоял на своем.

Подгорный пересказывал эти разговоры Петру Ефимовичу Шелесту. Тот заметил, что фронтовикам это не понравится:

— Я завизировал документ на звание Героя Социалистического Труда. Менять свое решение не стану.

Подгорный буркнул:

— Я-то с тобой согласен, но Брежнев берет меня просто на измор. Больше я такого напора выдержать не могу, да и не хочу портить с ним отношения.

Леонид Ильич получил свою звезду.

— Вы не задумывались, почему он хотел быть Героем Советского Союза, а не Социалистического Труда? — спросил меня академик Чазов. — Когда у него начались трудности со здоровьем, он вспоминал только войну. Стал сентиментальным. Фильм «Офицеры» смотрел со слезами на глазах. Захотел, чтобы ему подарили саблю, а не что-то иное.

Брежнев настойчиво повторял военным:

— Раз я верховный главнокомандующий, то и звание должно быть соответствующим. Не годится, чтобы генерал-лейтенант командовал вооруженными силами.

Хрущев, кстати говоря, как вернулся с войны генерал-лейтенантом, так им и остался. Блюдолизы предлагали первому секретарю прибавить зведочек на погонах. Хрущев благоразумно отказался:

— Я с вами и так управлюсь.

После войны Никита Сергеевич всего один раз появился в форме — по случаю годовщины победы. А Леонид Ильич чем дальше, тем больше жаждал повышения и наград. В знак благодарности за свое назначение Гречко предложил присвоить Леониду Ильичу звание генерала армии, минуя звание генерал-полковник. Леонид Ильич был доволен. Однажды в Завидове вышел к ужину в генеральской форме с новенькими погонами. Победоносно смотрел на свое окружение: вот я какой!

Балагур и весельчак Гречко дружил с Брежневым. Андрей Антонович был единственным человеком, который на пленумах ЦК называл Брежнева на «ты».

Выступая, отметил, что у китайцев не так уж много ядерных ракет.

— А у нас, — и, помолчав, обратился к президиуму: — Как ты думаешь, Леонид, сказать, сколько у нас?

Брежнев остановил его:

— Не надо, не пугай!

Остров Даманский

Смена первых лиц в советском руководстве осенью 1964 года не привела к снижению напряженности в отношениях с Китаем, хотя Брежнев пытался использовать смещение Хрущева для сглаживания противоречий и нормализации отношений с Пекином (см. «Исторический архив», № 5/2006). Через несколько дней после ухода Хрущева советский посол в Пекине Степан Васильевич Червоненко (бывший секретарь ЦК компартии Украины) получил шифровку из Москвы:

«Посетите т. Чжоу Эньлая и сообщите ему от имени ЦК КПСС и Советского правительства, что в Москве будут рады принять партийно-правительственную делегацию КНР на празднование 47-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Скажите, что в Москве согласны с тем, что поездка китайской делегации может послужить установлению контактов, обмену мнениями. Мы разделяем мнение ЦК КПК о том, что следует “делать шаг за шагом для улучшения советско-китайских отношений”... Исполнение телеграфьте».

Член постоянного комитета политбюро ЦК КПК Чжоу Эньлай возглавлял правительство Китая и фактически был в стране вторым человеком после Мао Цзэдуна. Сразу после снятия Хрущева Китае провел испытание первой ядерной бомбы, в Пекине чувствовали себя увереннее, чем когда бы то ни было.

Китайская делегация приехала в Москву на праздники, но переговоры, продолжавшиеся четыре дня, оказались безуспешными. 14 ноября 1964 года Брежнев рассказал об этом на пленуме ЦК:

— Ссылаясь на то, что генеральная линия КПСС остается неизменной, китайские товарищи отказались принять предложение о прекращении открытой полемики. Более того, они сказали, что если КПСС будет осуществлять курс XX съезда, следовать своей программе, то они не видят возможности для прекращения борьбы.

Кандидат в члены политбюро и секретарь ЦК коммунистической партии Китая Кан Шэн упрекнул Косыгина в том, что глава советского правительства на приеме в Кремле 7 ноября подошел к американскому послу и беседовал с ним.

— Я покраснел, когда товарищ Косыгин подошел к американскому послу с дружественным жестом, — заявил Кан Шэн. — Перед лицом империалистов он показал, что Советское правительство имеет в этом вопросе две позиции.

Кан Шэн, заметим, в Пекине курировал спецслужбы и вошел в историю как «китайский Берия». После смерти его исключили из партии и объявили контрреволюционером...

Твердолобый догматизм, который демонстрировали китайские руководители, претил даже советским аппаратчикам. Брежнев говорил участникам пленума ЦК:

— Кан Шэну было резонно сказано, что это всего лишь обычная дипломатическая практика, которой придерживается любой глава правительства, в том числе и сам товарищ Чжоу Эньлай. Этот эпизод наглядно показывает, как много нам предстоит поработать, чтобы добиться взаимопонимания с китайскими товарищами.

Советская делегация предложила провести встречу на высшем уровне. Чжоу Эньлай ответил, что еще предстоит создать подходящую атмосферу для такой встречи:

— Если вы когда-либо сочтете, что условия для такой встречи уже созрели, вы могли бы предложить какие-либо конкретные варианты — что и как обсуждать.

Для Брежнева это были первые важные переговоры международного характера. Он беседовал с китайцами искренне, хотел договориться. Но после окончания переговоров был настроен пессимистически:

— Вполне возможно, что китайские товарищи смотрели на эти контакты как на своего рода разведку боем, с помощью которой они попытались прощупать нашу стойкость в защите принципиальной линии КПСС... Мы и впредь будем со всей решительностью отстаивать принципиальные позиции нашей партии. Мы не можем встать на путь обострения международной напряженности и вооруженных авантюр. Мы не откажемся от линии на повышение благосостояния трудящихся и развитие социалистической демократии. Как бы ни дороги были нам согласие и дружба с КПК, такую цену за них платить нельзя...

Тем не менее первое время Брежнев не терял надежды на какое-то сближение. Он отозвал из Пекина советского посла Червоненко, который занимал жесткую позицию в отношении китайского руководства (личных претензий к Червоненко не было, Степана Васильевича перевели в Париж). Но в Пекине довольно быстро возобновили критику советского руководства, обвиняя его в перерождении и отказе от социалистических идеалов. Чжоу Эньлай доложил Мао Цзэдуну, что Брежнев производит впечатление слабого руководителя. Министр иностранных дел Китая Чэнь И в мае 1966 года сказал иностранным журналистам, что царская Россия оккупировала немалую часть китайской территории, а советские руководители не желают вести переговоры на эту тему.

В Китае утверждали, что ждут нападения со стороны Советского Союза, по всей стране строились бомбоубежища. В Москве, видя, что Китай готовится к войне, думали, как одолеть врага. Китай стали воспринимать как врага номер один. Начались стычки на границе. И только бои на Даманском с применением реактивной артиллерии заставили обе стороны остановиться.

Китайская армия, состоявшая из неграмотных солдат, вооруженных винтовками, не представляла опасности для Советского Союза. Стычки на границе, которые устраивали китайцы, были средством внутриполитической борьбы. Переброска дополнительных войск на Дальний Восток и связанное с этим военное и транспортное строительство было безумной растратой денег.

Косыгин требовал от Брежнева как можно скорее помириться с Китаем, предлагал поехать в Пекин. Брежнев ответил недовольно:

— Если считаешь это до зарезу нужным, поезжай сам.

В феврале 1965 года Косыгин отправился в Северный Вьетнам, чтобы сообщить вьетнамцам, что они получат массированную военную помощь для боевых действий против Южного Вьетнама и противостояния американцам. На обратном пути из Ханоя Алексей Николаевич встретился с Мао Цзэдуном, безуспешно пытался уговорить китайского лидера снизить накал полемики между двумя странами и даже пригласил его в Москву. На что Мао ответил:

— Я стар, даже не всегда принимаю участие в заседаниях политбюро и, видимо, скоро умру...

Конфликт в районе острова Даманский начался 2 марта 1969 года расстрелом китайцами девяти советских пограничников и захватом острова, а закончился 15 марта освобождением Даманского от солдат Народно-освободительной армии Китая.

Для Москвы инцидент был неожиданным: он мог перерасти в военное столкновение. Андропов предлагал локализовать конфликт силами пограничников, не допуская участия в боевых действиях армии, вспоминал его бывший помощник Владимир Крючков.

Были сторонники другой точки зрения — использовать инцидент как повод для мощного удара по китайцам. Командующий воздушно-десантными войсками генерал армии Василий Филиппович Маргелов, вспоминал Карен Брутенц, в беседе с группой работников ЦК, приглашенных на показательные учения, сетовал, что ему не разрешают «заняться» Китаем. Он внушал цековцам, что хорошо было бы сбросить его «ребят-десантников» на Пекин, они там разберутся...

Но было ясно, что любой успех в боевых действиях с Китаем будет носить временный характер. А что делать потом? Вести войну до бесконечности со страной, где миллиардное население? Пустить в ход ядерное оружие?

Брежнев был против эскалации напряженности. Обошлись без войны с Китаем, и конфликт постепенно угас. Косыгину досталась почти невыполнимая миссия — договариваться в 1969 году с китайцами после боев на острове Даманском. В конце марта он позвонил в советское посольство в Пекине. Трубку снял дипломат Алексей Иванович Елизаветин. Несколько расстроенный Косыгин сказал:

— Я имею поручение политбюро переговорить лично с товарищами Мао Цзэдуном или Чжоу Эньлаем. Мы пытались связаться с ними по аппарату ВЧ-связи, но на телефонной станции в Пекине сидит какой-то хам, отвечает грубо и отказывается соединять меня с ними. Чем может помочь посольство?

Елизаветин объяснил, что теперь связаться с китайскими руководителями без предварительной договоренности с МИДом едва ли возможно. Посольство официально попросило министерство устроить разговор между главами правительств. Китайский чиновник высокомерно ответил:

— Никакого разговора по телефону быть не может. Если у советской стороны есть что сказать китайскому руководству, то это следует сделать по дипломатическим каналам.

Это был невежливый отказ, о чем Елизаветин доложил Косыгину по телефону в сдержанных выражениях, исходя из того, что переговоры по линии ВЧ-связи китайцы, естественно, прослушивают.

Первая удобная возможность поговорить с китайцами возникла во время похорон вьетнамского лидера Хо Ши Мина. В Ханой прилетели и Косыгин, и Чжоу Эньлай. Советские дипломаты предложили китайцам организовать встречу, вспоминает посол Валерий Цыбуков, бывший сотрудник секретарита Громыко.

Китайцы долго не реагировали. Косыгин, не дождавшись ответа, полетел в Союз. Когда он уже сделал промежуточную посадку в Ташкенте, Пекин сообщил, что Чжоу готов встретиться.

В политбюро считали, что Косыгину не к лицу поворачивать назад. Но хитроумный Громыко нашел выход. Косыгин из Ташкента все-таки полетит в Пекин, но в официальном сообщении будет сказано, что он сделал остановку в китайской столице по пути на родину. Беседа в пекинском аэропорту позволила снизить уровень напряженности между двумя странами.

Но многие советские генералы китайцам не верили и были настроены воинственно. В середине декабря 1970 года на политбюро обсуждали отношения с Китаем. Выступил министр Гречко:

— Антисоветская ненависть охватила Китай. Он собирается взять реванш и отобрать у нас полтора миллиона километров нашей территории. Китай проводит широкие военные мероприятия, строит подземные заводы, аэродромы, изготовляет и закупает новое оружие. Мы располагаем данными, что Китай к 1971 году изготовит сорок пять — пятьдесят ядерных бомб. Мы не можем ко всему этому относиться равнодушно. Надо, конечно, добиваться заключения договора с Китаем, но самим быть ко всему готовыми...

Враждебность между Москвой и Пекином привела к тому, что наладились американо-китайские отношения. Это, в свою очередь, заставило советских руководителей активизировать контакты с американцами.

Внешняя политика по-настоящему заинтересовала Брежнева.

Он первое время несколько опасался международных дел, чувствовал себя не очень уверенно. Брежнев в качестве генерального секретаря компартии вел переговоры с коммунистами всего мира. Но с главами западных государств, президентами или премьерами, по протоколу встречались либо глава правительства Косыгин, либо председатель президиума Верховного Совета Подгорный.

Посол в Соединенных Штатах Анатолий Федорович Добрынин вспоминал, как, приезжая в Москву, он обязательно рассказывал Брежневу о ситуации в Америке. Заканчивая беседу, как положено, просил «указаний на будущее». Леонид Ильич добродушно отвечал:

— Какие тебе еще указания? Ты лучше меня знаешь, как вести дела с американцами. Главное, чтобы был мир.

Косыгин поначалу претендовал на ведущую роль во внешней политике. Он охотно ездил за границу и принимал иностранных гостей. При этом отношения между Громыко и Косыгиным не сложились.

Громыко не любил Косыгина

В январе 1966 года в Ташкенте Косыгин почти две недели пытался сблизить позиции президента Пакистана Айюб Хана и премьер-министра Индии Лал Бахадур Шастри. Две страны бесконечно воевали между собой. Советский Союз хотел играть роль посредника.

Косыгина, разумеется, сопровождал Громыко. Надо было ехать на переговоры, рассказывал Виктор Суходрев, вдруг Громыко вспомнил, что оставил в комнате папку — наверное, в первый и последний раз в жизни. Министр просил Косыгина минуту подождать и побежал за папкой. Но Алексей Николаевич преспокойно сел в машину и уехал. Появился Громыко и обнаружил, что его никто не ждет. Он не знал, что делать... В результате ему пришлось ехать на «Волге» вместе с переводчиками. Косыгин посмотрел на появившегося Громыко с нескрываемым ехидством:

— Ну что? Папку забыл? Все секреты, небось, разгласил...

Громыко не смел отвечать тем же, пока не стал членом политбюро, но сделал все, чтобы отодвинуть главу правительства от внешней политики. Знал, что Брежневу не нравится внешнеполитическая активность Косыгина.

Карен Брутенц находился в Волынском-1 и присутствовал при телефонном разговоре Брежнева с Зимяниным. Леонид Ильич недовольно выговаривал главному редактору «Правды»:

— Зачем сообщение о ташкентской встрече дали на первой полосе?

А ведь Косыгин выполнял важнейшую миссию — мирил Индию с Пакистаном. И ему удалось добиться успеха, была подписана Ташкентская декларация, но, к несчастью, в эту же ночь индийский премьер-министр умер.

Косыгину же в июне 1967 года поручили встретиться с американским президентом Линдоном Джонсоном — после шестидневной войны на Ближнем Востоке, когда Израиль разгромил арабские армии.

В мире решили, что надо иметь дело именно с Косыгиным, он в Москве старший. К нему на прием просились послы, ему адресовали свои послания руководители других государств, его воспринимали как наследника Хрущева на посту главы правительства.

Когда умер президент Египта Гамаль Абд аль-Насер, на похороны в Каир прилетел Косыгин. Он сказал сопровождавшему его Борису Леонидовичу Колоколову, будущему заместителю министра иностранных дел России, руководившему тогда протокольным отделом МИДа:

— Надо сегодня же посетить вдову.

Египетские дипломаты обещали это устроить:

— Встреча состоится завтра утром ориентировочно в одиннадцать часов.

На следующее утро Косыгин попросил переводчика прочитать ему заголовки египетских газет. Выяснилось, что накануне руководители Алжира Хуари Бумедьен и Судана Джафар Мухаммед Нимейри уже побывали на вилле покойного Насера.

— А почему мы не посетили вчера семью Насера? — спросил Косыгин Колоколова.

Один из наших дипломатов подсказал: «В газете написано, что они посетили семью как братья».

Колоколов повторил.

— А мы кто? — возмутился Косыгин. — Мы разве не братья арабам? Вы понимаете важность всего происходящего?

Воцарилась тишина.

— Вы понимаете политическую несостоятельность вашей акции? — продолжал Косыгин.

После этих слов все присутствующие предпочли ретироваться. Остались только начальник Генерального штаба маршал Матвей Васильевич Захаров и помощник Косыгина Борис Терентьевич Бацанов.

— Я вам не могу доверять такое большое дело, — жестко заключил Косыгин. — Вам не следует заниматься больше протоколом.

Борис Колоколов помчался к египтянам. Оказалось, что Косыгин напрасно гневался. Президентов Алжира и Судана принял сын покойного Насера. Его вдова накануне ни с кем не могла разговаривать. Утром она пришла в себя и, как обещала, встретилась с Косыгиным. Алексей Николаевич не счел нужным выразить сожаление по поводу неоправданной вспышки гнева...

Министр иностранных дел Громыко, не раздумывая, сделал ставку на Брежнева и не прогадал. Но утвердить себя в новом руководстве было не просто. Когда Андрей Андреевич готовился к выступлению на первом при Брежневе XXIII съезде партии, то помощникам министра пришлось написать семнадцать вариантов речи. Он никак не мог сообразить, о чем правильнее и выгоднее всего говорить.

Андрей Громыко всегда был душой и телом предан тому, кто в данный момент стоял у власти. Министр внешней торговли Николай Семенович Патоличев, который в середине 1950-х работал в МИДе, однажды сказал главному мидовскому германисту Валентину Михайловичу Фалину:

— Знай, Валентин, в правительстве не любят и не уважают твоего Громыко... Салтыкова бы Щедрина на него...

Зато Брежнев оценил преданность Громыко. Они быстро перешли на «ты», и Леонид Ильич к министру иностранных дел очень прислушивался.

Косыгин отдавать иностранные дела не хотел, возмущался, если внешнеполитические вопросы обсуждали без него. Брежнев раздражался. Рассказывал своему окружению, как Косыгин поехал в Англию, позвонил оттуда:

— Ты знаешь, Леня, меня принимает сама королева, в старинном замке, который был заколочен много десятилетий, а теперь ради меня его открыли...

Брежнев покачал головой:

— Я ему говорю: «Алексей, приедешь — расскажешь». И положил трубку. Вот политик!

Громыко твердо встал на сторону Брежнева. Он доказывал, что все важные переговоры должен вести не глава правительства, а генеральный секретарь ЦК КПСС. Что касается протокола, то об этом можно договориться. После XXIV съезда партии в 1971 году советские послы стали объяснять в странах пребывания, что все послания в Москву следует адресовать не Косыгину, а Брежневу.

В октябре 1973 года, в тот день, когда началась война на Ближнем Востоке, Брежнев собрал у себя в кабинете Громыко, Александрова-Агентова и посла в Японии Олега Трояновского. Обсуждался грядущий визит в Москву премьер-министра Японии Какуэя Танаки. И в этот момент сообщили, что президент Египта Анвар Садат начал военные действия против Израиля.

Разговор переключился на ближневосточные проблемы. Примерно через час Брежневу позвонил Косыгин. Он выражал недовольство тем, что война на Ближнем Востоке обсуждается «неизвестно с кем, а не с членами политбюро».

Брежнев спокойно ответил, что как раз собирался собрать политбюро и предложил Косыгину приехать через полчаса. Потом посетовал:

— Надо иметь канаты, а не нервы, чтобы спокойно воспринимать все это. — И обернувшись к Трояновскому, который некоторое время был помощником Косыгина, сказал: — Ты ведь у него работал. Знаешь, что это такое.

Анатолий Черняев, оказавшись в кабинете Брежнева, слышал разговор генсека с Косыгиным. Леонид Ильич разговаривал по телефону громкой связи, не снимая трубку.

Косыгин звонил по поводу предстоящего визита американского президента Никсона в Москву:

— Посмотри, как Никсон обнаглел. Бомбит и бомбит Вьетнам. Сволочь. Слушай, Лень, а может быть, нам его визит отложить?

— Ну что ты?

— А что! Бомба будет что надо!

— Бомба-то бомба, да кого она больше заденет.

— Да, пожалуй. Но надо ему написать, что ли.

— Да, кажется, у меня лежит какое-то письмо от Никсона. Я еще на него не ответил. Вот и воспользуюсь.

Брежнев тут же связался с Громыко.

— Ты знаешь, Косыгин предложил визит Никсона отложить. Бомба, говорит, будет.

— Да он что? — Громыко остолбенел, даже не сразу нашелся, что ответить.

А потом произнес целый монолог по поводу того, что «у этого Косыгина двадцать мнений на каждый день».

— Ну, ладно, ладно, — сказал Брежнев. — Обговорим все на политбюро.

Позиция Громыко как специалиста по внешнеполитическим вопросам была для Брежнева важнее мнения главы правительства. Впрочем, пока Леонид Ильич был здоров, он действовал вполне самостоятельно. Иногда и вовсе обходился без министра иностранных дел.

Эгон Бар, один из ближайших сотрудников канцлера ФРГ Вилли Брандта, писал, что, когда в 1971 году Брежнев пригласил Брандта в Крым, «это было сделано сравнительно элегантно, чтобы исключить участие Громыко в переговорах... Министру это не могло быть приятно. Впрочем, ему наверняка приходилось переносить удары и посильнее».

Вилли Брандт писал, что Брежнев не был ни реформатором, ни революционером, скорее это был консервативно настроенный управляющий огромной державой.

«Несмотря на грузность своего тела, — вспоминал канцлер Брандт, — он производил впечатление изящного, живого, энергичного в движениях, жизнерадостного человека.

Его мимика и жесты выдавали южанина, в особенности, если он чувствовал себя раскованным во время беседы».

Брежнев казался даже непоседливым человеком. Он с удовольствием рассказывал анекдоты. Его интересовали руководители других стран. Спрашивал у Брандта:

— Вы ведь знакомы с Никсоном. Он действительно хочет мира?

По словам Брандта, в репертуаре Брежнева имелись «маленькие, дешевые трюки», заботливо подготовленные спецслужбами. Под конец первой беседы с канцлером ФРГ в Кремле он вдруг сказал:

— Надеюсь, вам известно, что в руководстве вашей партии у вас есть не только друзья?

Продемонстрировав с помощью разведки свою осведомленность во внутрипартийных делах западногерманских социал-демократов, Брежнев решил оказать канцлеру услугу, указав в его окружении надежного человека. Леонид Ильич с трудом прочитал написанную на бумажке фамилию одного из западногерманских политиков, на которого, по его мнению, Брандт мог положиться. Но старания Брежнева пропали втуне: канцлер не доверял спецслужбам, ни своим, ни чужим.

Громыко не любил, когда послы обращались к Брежневу, минуя министра, даже запрещал им это делать. Впрочем, могущественный Андрей Андреевич не всегда был властен над послами в крупных странах, позволявшими себе своевольничать. Некоторых послов назначали без участия Громыко.

Сергей Георгиевич Лапин, который со временем возглавит ТАСС, а затем Гостелерадио, рассказывал, как в 1965 году его вызвали на заседание президиума ЦК. Речь зашла о том, что нужно найти посла в Китай — это был момент, когда отношения с Пекином стремительно ухудшались. Брежнев долго перечислял качества, нужные послу, а потом вдруг сказал:

— Мы полагаем, что такими качествами обладает товарищ Лапин.

И тут же решение было принято.

С дипломатами, которых привечал генеральный секретарь, Громыко приходилось не просто.

Посол в ФРГ Валентин Фалин описал в воспоминаниях необычную сцену в кабинете Брежнева. Присутствовали Громыко и референт генерального секретаря Евгений Самотейкин.

Фалин обратился к Брежневу:

— Не знаю, дошла ли до вас, Леонид Ильич, моя телеграмма по итогам беседы с канцлером на прошедшей неделе. Брандт приглашал меня к себе, чтобы, по сути, заявить протест...

— Какая телеграмма? От какого числа? — Брежнев повернулся к Громыко. — Андрей, почему мне не доложили?

Громыко, метнув в сторону Фалина сердитый взгляд, произнес:

— Леонид, я тебе излагал ее содержание по телефону.

Не обращая внимания на министра, Фалин пересказал свой разговор с канцлером ФРГ Вилли Брандтом, который — не без оснований — упрекал советскую дипломатию в неискренности.

Громыко перебил своего посла:

— По-вашему, только западные немцы говорят правду...

Фалин обратился к генеральному секретарю:

— Леонид Ильич, разрешите мне закончить доклад, затем я буду готов ответить на вопросы, которые есть у Андрея Андреевича.

Это был прямой вызов, к такому Громыко не привык. Министр, по словам самого Фалина, потемнел лицом, сложил лежавшие перед ним бумаги, подошел к генеральному секретарю:

— Леонид, ты знаешь, у меня встреча. Я позже тебе позвоню.

После этого разговора референт генсека Самотейкин подружески сказал Фалину:

— На Леонида Ильича произвело впечатление, что ты не дрогнул перед Громыко. Вместе с тем он обеспокоен, во что этот инцидент тебе обойдется.

Но министр не стал мстить послу за унижение. Он умел переступать через свои чувства. Более того, когда однажды Брежнев был недоволен действиями Фалина и чуть было не отстранил его от работы, Громыко принял гнев на себя, хотя вполне мог бы и подлить масла в огонь.

12 августа 1970 года канцлер Федеративной Республики Германии Вилли Брандт подписал с Косыгиным Московский договор. ФРГ и Советский Союз признали нерушимость послевоенных границ и договорились решать спорные вопросы только мирным путем.

Послевоенная Европа жила в страхе перед советскими танками. Московский договор, подписанный Брандтом, успокоил западных европейцев.

На советских людей договор с немцами произвел поначалу пугающее впечатление. Брежнев позвонил Фалину и шутя сказал:

— Ты что натворил? Звонят секретари обкомов. На Смоленщине, в Белоруссии и Предуралье население расхватывает соль, мыло и спички: «С немцами договор подписали. Значит — скоро война».

Многие партийные чиновники были против сближения с западными немцами, хотя боялись высказывать это публично. Первый секретарь ЦК компартии Украины Петр Шелест записал в дневнике: «В “Литературной газете” появился снимок: Брежнев, Брандт и его супруга стоят под руку, улыбаются. Кому это нужно, неужели мы такие “друзья и приятели”, чтобы это так рекламировать в нашей печати?»

Откровенный разговор с американским президентом

В отличие от многих своих соратников Брежнев серьезно отнесся к возможности наладить отношения с ведущими державами и тем самым укрепить мир, хотя некоторые его приближенные утверждали впоследствии, что «все брежневские мирные инициативы — пауза для восстановления военного паритета».

Его первая настоящая поездка на Запад в роли руководителя страны состоялась в 1971 году. Это была Франция. Он серьезно готовился, отверг составленные в Министерстве иностранных дел трафаретные тексты речей, требовал от помощников, которых собрал на госдаче в Завидове, подобрать человеческие слова:

— Вот мы на фронте мечтали о том дне, когда смолкнет канонада, можно будет поехать в Париж, подняться на Эйфелеву башню, возвестить оттуда так, чтобы было слышно везде и повсюду, — все это кончилось, кончилось навсегда!.. Надо вот как-то ярко написать про это. И не просто написать и сказать, а сделать...

20 апреля 1972 года в Москву с секретным визитом прилетел советник американского президента по национальной безопасности Генри Киссинджер.

Он играл совершенно необычную роль в администрации президента Ричарда Никсона. Киссинджер и Никсон бесцеремонно, а иногда и просто оскорбительно отстраняли от принятия решений государственный департамент и госсекретаря Уильяма Роджерса.

Инструкции дипломатам за рубежом по основным политическим проблемам разрабатывал и отправлял аппарат советника президента. Если государственный секретарь Роджерс одобрял какую-то телеграмму до того, как о ней докладывали президенту, не исключалось, что его указание будет отменено.

Все щекотливые переговоры президент поручал своему советнику, считая, что этот человек, который все еще говорил с сильным немецким акцентом (Киссинджер родился в Германии, его привезли в Америку ребенком), не может составить ему конкуренции. Но вопреки ожиданиям Никсона Генри Киссинджер стал весьма популярной фигурой.

В аэропорту его встречали первый заместитель министра иностранных дел Василий Кузнецов и генерал Сергей Антонов, начальник Девятого управления КГБ. Американцев отвезли в комплекс резиденций для иностранных делегаций на Ленинских горах.

Киссинджер, который только что побывал в Пекине, отметил, что московская архитектура ему знакома: в китайской столице он жил в таком же особняке. Различие состояло в том, что в Китае гостевые дома находятся в большом парке со множеством озер и из одного дома виден другой, хотя проходы между ними охраняются часовыми. На Ленинских горах каждая резиденция окружена высокой стеной, ворота всегда закрыты.

В одной из комнат стоял огромный старый сейф, гостям посоветовали хранить в нем секретные бумаги. Но американцы не доверяли хозяевам. Сотрудники Киссинджера заподозрили, что внутри сейфа находится движущийся механизм, нечто вроде кухонного лифта, с помощью которого ночью документы можно спускать вниз, где хозяева могли бы с ними познакомиться... Все документы они держали в большом цинковом ящике, который днем охранял агент секретной службы. Ночью ящик ставили между кроватями в комнате, где спали двое агентов.

Американцы боялись, что их подслушивают, и пользовались так называемым беблером — запускали магнитофонную ленту, на которой записана неразборчивая речь, что-то вроде одновременной болтовни десятков людей. Когда Киссинджер хотел посоветоваться со своими сотрудниками, они включали беблер и раговаривали вполголоса. Вашингтонские контрразведчики уверили Киссинджера, что никакая техника подслушивания не позволяет распознать голоса на фоне какофонии, записанной на пленке.

Но американцы старались как можно реже прибегать к помощи беблера — от этого бормотания можно было сойти с ума. Так что в основном писали друг другу записки. Или выходили на улицу. Но и там беседовали вполголоса, потому что охранники западногерманского канцлера Вилли Брандта предупредили американцев, что подслушивающие устройства могут быть и на деревьях. Киссинджер в шутку сказал Громыко, что в парке есть одно странное дерево, ветки которого склоняются в его сторону, куда бы он ни шел...

В мае 1972 года в роли президента Соединенных Штатов Ричард Никсон впервые прилетел в Москву, и это было огромное событие для Брежнева. Впрочем, для американцев тоже. Прежде отношения между двумя странами развивались от кризиса к кризису.

В 1970 году руководитель аппарата Белого дома и будущий государственный секретарь Александр Хейг приехал к Добрынину в здание советского посольства на Шестнадцатой улице в Вашингтоне. Они уединились в кабинете посла, окна которого из соображений безопасности всегда были закрыты ставнями. Хейг угрожающим тоном изложил суть президентского поручения.

Американская разведка обнаружила, что Советский Союз строит в Сьенфуэгосе, на южном побережье Кубы, базу для атомных подводных лодок. Появление на острове советских подлодок с ядерным оружием было бы нарушением договоренностей, достигнутых Кеннеди и Хрущевым после Карибского кризиса.

Александр Хейг от имени президента Никсона предъявил ультиматум: строительство должно быть прекращено. Хейг, повысив голос, сказал:

— Либо вы сами ликвидируете базу в Сьенфуэгосе, либо мы это сделаем за вас.

Лицо Добрынина помрачнело от гнева. Ледяным тоном посол заявил, что считает этот демарш неприемлемым. Но в Москве не хотели устраивать новый ракетный кризис, поэтому все уладилось. Через некоторое время Добрынин сказал Хейгу, что Громыко поручил ему сообщить следующее:

— У нас нет базы подводных лодок на Кубе, и мы не создаем там военно-морских сооружений. Мы будем строго придерживаться договорености 1962 года.

Советские подводные лодки продолжали время от времени заходить на Кубу, но база как таковая не создавалась...

Многие члены политбюро либо совсем ничего не понимали в мировых делах, либо находились в плену каких-то фантастических мифов. Сложные чувства советские лидеры испытывали в отношении американцев — уважение и презрение, зависть и пренебрежение. В Москве всегда тяжело переживали президентские выборы в Соединенных Штатах, не зная, как наладятся отношения с новым человеком.

Протокольные вопросы обсуждали на заседании политбюро, вспоминал Черняев. Брежнев озабоченно говорил:

— Никсон в Китае ходил по Великой китайской стене с мадам. А у нас всюду мадам будет ходить одна. А вместе — только на «Лебединое озеро». Удобно ли? Не надо селить сопровождающих Никсона в гостинице. Там за ними Андропову не уследить. Надо их всех — в особняки на Ленинские горы. Заодно и контактов будет меньше. Встреча на аэродроме. Обычно у нас машут флажками и кричат «Дружба!». Сейчас это не подойдет. Но надо пятерых-шестерых ребят подготовить, чтобы что-нибудь по-английски сказали президенту, пожелали, скажем, успеха в переговорах...

Подгорный предложил показать Никсону оркестр народных инструментов Осипова и ансамбль песни и пляски Александрова.

Брежнев отмахнулся:

— Это не то, чем мы можем блеснуть.

Суслов посоветовал сводить Никсона в Алмазный фонд.

— Не то! Мы с Николаем (Подгорным) видели в Иране такой фонд, что наш на его фоне просто жалкий.

Подгорный сказал, что лучше представить Никсону дипломатический корпус не в аэропорту, а в Кремле.

И эта идея не понравилась Брежневу:

— Голо будет на аэродроме. И вообще не надо походить на китайцев. Вон Чжоу Эньлай: пришел в своих широких штанах, угрюмый, и повел Никсона внутрь аэровокзала. Это не годится. Мы — культурные люди...

22 мая 1972 года Никсона встречали Подгорный и Косыгин. Брежнев, соблюдая протокол, в аэропорт не приехал.

Гостя разместили в роскошных покоях в Кремле. Но секретная служба предупредила президента, что все комнаты наверняка оборудованы аппаратурой подслушивания. Пользоваться беблером Никсон отказался — этот шум выводил его из себя. Поэтому все секретные проблемы обсуждались внутри американского лимузина, который круглосуточно охранялся.

Переговоры проходили в Екатерининском зале Кремля. Брежнев много шутил. Сказал, что если отношения будут развиваться, то американской стороне придется выделить Советскому Союзу кредиты в три-четыре миллиарда долларов сроком на двадцать лет из расчета двух процентов годовых. Косыгин тут же заметил, что в таком случае Советский Союз сможет поставлять в Соединенные Штаты настоящую русскую водку, а не ту, которую делают эмигранты. Брежнев тут же предложил, чтобы Косыгин и Киссинджер основали фирму по экспорту русской водки...

Переговоры вела вся руководящая тройка. Брежнев произнес вступительное слово, но, как отметили американцы, старательно делал вид, что нуждается в согласии коллег. Подгорный выступал невнятно. Косыгин говорил на экономические темы, в отсутствие Брежнева занимал председательское кресло.

Иногда переговоры шли в кремлевском кабинете Брежнева. Американцы были поражены размерами его письменного стола и панелью телефонного селектора с таким количеством кнопок, что, казалось, с ними может управиться только опытный органист.

Переговоры с Никсоном были не простыми. Советские руководители затеяли разговор о войне во Вьетнаме. Причем разговор шел на повышенных тонах. Подгорный гневно вещал:

— Вы же убийцы, на ваших руках кровь стариков, женщин и детей. Когда вы, наконец, прекратите эту бессмысленную войну?

Но закончив эту тему, тут же сменили тон и как ни в чем не бывало отправились ужинать, и все вместе крепко выпили. Американский президент с трудом встал из-за стола.

В один из вечеров американскую делегацию повели в Большой театр смотреть «Лебединое озеро». В антракте устроили ужин. Брежнев не пришел. Перед началом третьего действия, вспоминал Киссинджер, когда свет в зале стал медленно гаснуть, жена одного из итальянских корреспондентов, повернувшись к Никсону, крикнула:

— Долой войну во Вьетнаме!

Хозяева были возмущены: кто посмел? Без санкции ЦК? Подгорный распорядился вновь включить свет в зале. Они с Никсоном встали в правительственной ложе, и залу пришлось им аплодировать.

В разговоре с глазу на глаз Леонид Ильич сказал Никсону, что хотел бы установить с ним личные, доверительные отношения. Этому, по словам Брежнева, его учил один из представителей старой гвардии большевиков. Никсону Леонид Ильич не пояснил, кого он имел в виду, а Суходреву сказал:

— Это был Молотов...

Американский президент предложил Брежневу совершить ответный визит в Соединенные Штаты.

Президента Никсона свозили в Ленинград. Киссинджеру пришлось остаться в Москве, чтобы продолжить переговоры с Громыко. Киссинджер еще несколько раз приезжал в Советский Союз. Всякий раз в плане стояла поездка в Ленинград и всякий раз от нее приходилось отказываться из-за сложных переговоров.

Киссинджер однажды сказал Громыко:

— На мой взгляд, разговоры о поездке — это просто приманка, с помощью которой меня заставляют сотрудничать с вами. Я вообще не верю в то, что Ленинград действительно существует.

— А где же совершилась наша революция? — парировал Громыко.

— В Санкт-Петербурге, — нашелся Киссинджер, не знакомый с деталями российской истории и не подозревавший, что в 1917 году Северная столица называлась Петроградом.

В мае 1973 года Генри Киссинджер прилетел в Москву, чтобы готовить встречу с президентом. На сей раз американцев отвезли в охотничий заповедник в Завидово. Пять дней Брежнев вел разговоры с советником американского президента.

Генри Киссинджер сумел установить деловые отношения с советским руководством. Громыко иногда называл Киссинджера «чертом», но очень серьезно относился к нему и доверял его обещаниям.

Иногда переговоры проходили в весьма экзотических условиях. Брежнев, вспоминает Виктор Суходрев, предложил поохотиться на кабанов. Киссинджер стрелять не стал, Брежнев одного кабана свалил, а другого ранил. Егерь отправился за ним в погоню. Остались втроем — Брежнев, Киссинджер и Суходрев, который достал из сумки заготовленные «девяткой» припасы: батон белого хлеба, полбуханки черного, колбасу, сыр, огурцы, помидоры и бутылку «Столичной».

Брежнев сказал Киссинджеру:

— Ну что, Генри, приступим? И не сиди без дела — бери нож и режь колбасу.

Суходрев перевел, и Киссинджер взялся за нож.

Они втроем выпили бутылку, а разговор шел на важнейшую тему — об отношениях с Китаем. Брежнев требовал ответа: не затевают ли американцы союз с Китаем против СССР?

Накануне поездки в Соединенные Штаты Брежнев, вспоминал Киссинджер, жаждал бесконечных заверений, что в Америке его примут учтиво, что не будет враждебных демонстраций и что он получит возможность встретиться с «рядовыми гражданами».

Леонид Ильич только что побывал в ФРГ. Посол Фалин вспоминал, как Брежнева везли в ведомство федерального канцлера. Множество людей, стоявших вдоль дороги, приветствовали советского гостя.

— Что меня держат и возят, словно заключенного, — ворчал Брежнев. — Некому руку пожать из простых людей, в глаза посмотреть. — Сказал Фалину: — Останови машину, или я открою дверь и выскочу на ходу.

Посол попытался его урезонить:

— Леонид Ильич, в здешнем монастыре не наш устав.

Брежнев помрачнел, стал проверять, можно ли открыть дверь. Фалин на всякий случай попросил немца — сотрудника охраны, сидевшего рядом с водителем, сделать так, чтобы дверь изнутри не открывалась.

Брежнев подозрительно спросил:

— О чем это ты лопотал по-немецки?

— Интересовался, можно ли открыть крышу машины.

Брежнев обрадовался:

— Молодец, ловко придумал. Скажи, чтобы открыли. Хоть так пообщаюсь с народом.

Брежнев встал во весь рост и заулыбался встречавшим его немцам. Потом довольный сказал Фалину:

— Ну, спасибо, будет хоть что-то незаорганизованное вспомнить. А то скачешь с одного мероприятия на другое, как заводной.

Когда приехали, начальник «девятки» генерал Антонов бросился к послу:

— Куда ты смотрел? Ведь любой мог снять Леонида Ильича с первого выстрела, когда он стоял в машине.

— Не открыли бы крышу, — ответил Фалин, — сиганул бы наш генсек в дверь...

Генри Киссинджеру Леонид Ильич сказал, что хотел бы посетить Америку вместе с семьей. Он говорил об Америке, по словам Киссинджера, «со смешанным чувством благоговейного трепета и неуверенности». Ради успешной поездки Брежнев был готов пожертвовать совсем уже нелепыми догмами и преодолеть сопротивление аппарата.

За год до поездки Леонида Ильича за океан, 3 августа 1972 года, был принят позорный указ президиума Верховного Совета, который сильно подорвал репутацию Советского Союза — «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное место жительства за границу, государственных затрат на обучение». В развитие закона в тот же день выпустили постановление Совета Министров и инструкцию, которой следовало руководствоваться чиновникам.

Через месяц, 7 сентября 1972 года, в Москве на Старой площади секретариат ЦК КПСС рассматривал короткую записку двух отделов ЦК (международного и пропаганды) и КГБ «О плане основных пропагандистских и контрпропагандистских мероприятий в связи с очередной антисоветской кампанией международного сионизма».

Записку подписали исполнявший обязанности руководителя отдела пропаганды ЦК Александр Николаевич Яковлев, первый заместитель заведующего международным отделом Елизар Ильич Кусков (он сменил Виталия Корионова) и заместитель председателя КГБ генерал-майор Ардальон Николаевич Малыгин, выходец из партийного аппарата.

Председательствовал на секретариате Суслов. Заседание было рядовое, так что присутствовали еще всего двое секретарей ЦК — Кулаков, занимавшийся сельским хозяйством, и Демичев, который курировал идеологические отделы.

Речь шла о только что принятом решении брать плату с уезжавших из страны на постоянное место жительства — за полученное ими в Советском Союзе высшее образование. Это было направлено против евреев, потому что советских людей выпускали практически только в Израиль. Выкуп за право эмигрировать был делом невиданным — такое придумали только в нацистской Германии (в те годы, когда евреям еще разрешали уезжать). Немецкие евреи должны были заплатить эмиграционный налог — двадцать пять процентов от стоимости всего имущества. Советское правительство предпочло установить твердые ставки. В инструкции, утвержденной Советом министров, говорилось, что выпускник Московского государственного университета, навсегда уезжающий за границу, должен заплатить двенадцать тысяч двести рублей. По тем временам это были огромные деньги — средняя зарплата в стране составляла примерно сто пятьдесят рублей.

Советское руководство предполагало, что в мире возникнет скандал, поэтому партаппарату и КГБ поручили подготовить пропагандистскую кампанию. Авторы записки предлагали опубликовать в газете «Известия» указ президиума Верховного Совета «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение». Суслов распорядился опубликовать указ не в «Известиях», а в служебном издании «Ведомости Верховного Совета СССР», чтобы не привлекать внимания широкой публики.

Авторы записки считали необходимым провести в Агентстве печати «Новости» пресс-конференцию министра высшего и среднего специального образования Вячеслава Петровича Елютина для советских и иностранных журналистов. Министр должен был объяснить, как дорого стоит образование в Советском Союзе. Причем министру и руководителям АПН предписывалось «в двухдневный срок представить в ЦК план проведения пресс-конференции».

Суслов велел пресс-конференцию отменить. Он вообще не хотел напоминать советским людям о том, что кто-то желает покинуть социалистическую родину.

А вот Министерству иностранных дел поручили «подготовить и направить соответствующие указания совпослам и советским представителям в международных организациях. Совпослам в случае необходимости информировать друзей».

«Друзьями» дипломаты и разведчики именовали руководителей иностранных компартий. Некоторые из них не разделяли антисемитизма советских товарищей, и с ними приходилось «вести разъяснительную работу».

И, наконец, Суслов, Кулаков и Демичев согласились с «планом основных пропагандистских и контрпропагандистских мероприятий в связи с очередной антисоветской кампанией международного сионизма, представленным Отделами ЦК КПСС и КГБ при Совете министров СССР».

Согласно плану, подписанному заведующим сектором идеологического сотрудничества отдела пропаганды Борисом Александровским, главная задача возлагалась на Агентство печати «Новости», которое работало на заграницу. АПН предписывалось «активизировать разоблачение человеконенавистнического характера сионизма и политики Израиля, акцентируя при этом внимание на обличении расизма и агрессивных устремлений сионизма». Другим советским средствам массовой информации следовало делать то же самое, но в меньших масштабах.

КГБ поручалась борьба с вражескими вылазками и «еврейскими националистами в стране». «Сионистами» ведал один из отделов Пятого управления. Андропов создал внутри управления восьмой отдел, которому передали задачу «выявления и пресечения акций идеологической диверсии подрывных сионистских центров». Этот отдел начальник Пятого управления КГБ курировал лично.

Вообще говоря, сионизм — это движение среди евреев за возвращение на землю предков, в Палестину, и создание там собственного государства. В советском же обиходе тех лет сионизм обозначал совсем другое — то, что нацисты называли «мировым еврейством».

Параллели эти не остались незамеченными в странах Запада. Реакция мировой общественности на указ была крайне отрицательной. Самым сильным ответом на введенный в Советском Союзе налог за выезд из страны лиц с высшим образованием стала знаменитая «поправка Джексона—Вэника».

В Соединенных Штатах уже был подготовлен проект закона, предоставлявший Советскому Союзу режим наибольшего благоприятствования в торговле. Президент Никсон был готов развивать отношения с Москвой. Но влиятельный сенатор Генри Джексон предложил поправку к закону, которая ставила предоставление этого режима в зависимость от отмены налога и предоставления советским гражданам права свободно покидать свою страну (в нижней палате такую же поправку внес конгрессмен Вэник).

20 марта 1973 года на заседании политбюро Брежнев не мог сдержать своего недовольства. Он не хотел, чтобы история с указом сорвала ему поездку в Соединенные Штаты:

— Разгорелась истерия вокруг так называемого образовательного налога на лиц, выезжающих за границу. Я много думал, как быть. На прошлом заседании политбюро мы условились, что товарищ Андропов примет соответствующие меры. Я сказал тогда — приостановить взимание налогов. Не отменяя закона, отпустить партию из пятисот евреев, которые никакого отношения ни к секретности работы, ни к партийным учреждениям не имеют. Но я стал проверять, душа моя беспокойная. Думаю, спрошу товарища Щелокова. А он ответил, что ему о решении заморозить взимание налога ничего не известно. Щелоков не виноват — он не был на политбюро. Звоню Юрию Владимировичу: как же так? Юрий Владимирович говорит: я разговаривал с замом Щелокова. Значит, заместитель ему не передал. Звоню товарищу Громыко, прошу проверить по консульствам. Оказывается, до сих пор взимают плату...

— Это было до вашего указания, — оправдывался Андропов.

— Мы говорим об этом с прошлого года, — отрезал Брежнев. — Указания не выполняются. Меня это беспокоит. Я не ставлю вопроса об отмене закона, а если хотите, и этот вопрос можно было поставить. Будем ли мы зарабатывать деньги на этом деле, или проводить намеченную политику в отношении Соединенных Штатов? Джексон уже внес свою поправку. Джексон нас опередил. Вот я и думаю, что тогда стоит наша работа, если так оборачивается дело? Ничего!

Андропов попросил слова:

— За последнее ваше указание, которое было дано на прошлом политбюро, я несу ответственность. По моей вине мы задержали на шесть дней исполнение вашего указания, это просто неповоротливость нашего аппарата. В субботу вы мне позвонили, в субботу мы связались с товарищем Щелоковым.

— Я в субботу и в воскресенье и так на воздух не выходил, — прервал его Брежнев, — а еще пришлось заниматься этим вопросом. Юрий Владимирович, извините! Киссинджер приходит к Добрынину и говорит, помогите как-нибудь, Никсон работает с сенаторами, но не может пробить закон о предоставлении нам режима наибольшего благоприятствования. Зачем нам это нужно?

Председатель КГБ не хотел сдаваться:

— Леонид Ильич, я хочу попросить вас рассмотреть и другой вопрос. Вот сидит товарищ Громыко, он знает — англичане в свое время внесли в ЮНЕСКО предложение о предотвращении утечки мозгов. Мы сейчас выпускаем и стариков, и детей, и взрослых. Едут врачи, инженеры и так далее. Начинают и от академиков поступать заявления. Я вам представил список.

— Никаких академиков, — ответил Брежнев, — отберите пятьсот человек и отправьте.

— Я не слышал, чтобы какие-то академики уезжали, — заметил Косыгин, который недолюбливал Андропова.

Брежнев продолжал рассуждать:

— Я себе задаю вопрос — разве у нас цыган больше, чем евреев? Или у нас есть закон, преследующий евреев? А почему не дать им маленький театрик на пятьсот мест, эстрадный еврейский, который работает под нашей цензурой, и репертуар под нашим надзором? А что если открыть школу? Наши дети даже в Англии учатся. Сын Мжаванадзе воспитывается в Англии. Я так рассуждаю: открыли в Москве одну школу, называется еврейская. Программа вся та же, как и в других школах. Но в ней национальный язык, еврейский, преподается. А что если разрешить еврейскую еженедельную газету? Я это говорю свободно, потому что я еще не поднял руки за то, что говорю. Я просто пока рассуждаю... в принципе. Товарищи понимают это?

Все согласно закивали.

— Давайте примем предложения, — сказал Косыгин.

— Не надо давать письменных указаний, — предупредил Брежнев. — Надо вызвать работников и сказать им. Причем это не каждый может понять. Еще могут разболтать, что это только тактические шаги...

Под давлением Брежнева советские руководители пошли на попятный: в апреле 1973 года сообщили американцам, что действие указа о налоге приостановлено, а затем его и вовсе отменили. Более того, по секретным каналам Вашингтону обещали, что будут ежегодно выпускать не меньше тридцати пяти тысяч евреев, желающих эмигрировать в Израиль. Видя, что дело плохо, увеличили цифру до сорока пяти тысяч.

Государственный секретарь Генри Киссинджер пытался спасти закон о предоставлении Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования в торговле, но его разговоры с сенаторами были безуспешны. Возмущение советской политикой была настолько велико, что летом 1974 года законопроект о торговле был утвержден с поправкой сенатора Джексона. 3 января 1975 года президент Джеральд Форд, сменивший в Белом доме Никсона, подписал закон, и он вошел в силу. Поправка Джексона—Вэника действует и по сей день...

Леонида Ильича Брежнева накануне поездки в Соединенные Штаты терзали те же мысли, что и Хрущева в свое время: отнесутся ли к нему как к равному в этой цитадели капитализма? И что скажут на родине, когда на экранах телевизоров увидят его в компании с империалистами?

В конце апреля 1973 года Брежнев выступал на пленуме ЦК с докладом «О международном положении и внешней политике КПСС». Это было перед поездкой на переговоры с Никсоном. Брежневу нужна была поддержка, и он получил ее. Министр обороны Гречко сказал:

— Леонид Ильич, в своей трудной и ответственной работе помни, что мы с тобой, что ты опираешься на плечи народа, нашей партии и Советской армии!

Эти слова исключали сомнения в верности курса Брежнева.

16 июня Брежнев прилетел в Вашингтон. В здании советского посольства дал большой обед. Продукты и спиртное были доставлены спецсамолетом из Москвы.

22 июня после обеда в советском посольстве Брежнева повезли в Сан-Клемент — загородную резиденцию Никсона. Поскольку Леонид Ильич захотел расположиться поближе к американскому президенту, то его поселили в коттедже, в котором обычно жила дочь Никсона.

На встрече с президентом в узком составе Брежнев обрушился на китайцев. Киссинджер записал его слова. Китайцы, по мнению Брежнева, вероломны и умело скрывают свои истинные цели. «Культурная революция» — пример морального вырождения. Какие же это руководители, возмущался Брежнев, если они подавляют свой народ и в то же время пропагандируют свои идеи по всему миру? Брежнев намекнул, что, по мнению советских врачей, Мао Цзэдун страдает психическим заболеванием.

Цель этого монолога состояла в том, чтобы предостеречь Соединные Штаты от сотрудничества с Китаем в военной сфере.

Во время ужина с Никсоном, на котором больше никого не было и во время которого была выпита заботливо припасенная американским президентом бутылка охлажденной «Столичной», Брежнев сетовал на то, как трудно ему убеждать коллег по руководству — особенно Подгорного и Косыгина, в необходимости разоружения и установления хороших отношений с Соединенными Штатами.

Эти слова могли быть как проявлением искренности, желанием объяснить ситуацию в Кремле, так и своего рода игрой: я-то обеими руками «за», но не я один решаю...

Вечером Никсон устроил прием на свежем воздухе для гостей из Голливуда. Среди гостей присутствовал будущий президент Рональд Рейган, а тогда губернатор штата Калифорния. Но Брежнев сосредоточил внимание на другом актере — Чаке О'Конноре, которого знал по ковбойским фильмам.

Во время застолья Никсон произнес сентиментальный тост об ответственности обоих руководителей за благополучие детей во всем мире — ответственности, которую они с Брежневым оба глубоко осознают, поскольку любят собственных детей. Растроганный Брежнев подошел к Никсону и обнял его.

После ужина Никсон и Брежнев задержались. Переводил посол Добрынин. Брежнев налегал на виски, отказываясь от содовой, чтобы «не портить водой» хороший напиток.

Генеральный, по словам Добрынина, быстро захмелел. Он вновь стал жаловаться, как ему трудно, потому что приходится выслушивать «всякие глупости» членов политбюро и учитывать их мнение. Он даже сказал, что Косыгин и Подгорный копают под него и ему приходится быть начеку.

Никсон чувствовал себя не в своей тарелке. Под конец Никсон и Добрынин отвели Брежнева в его комнату. На следующий день Леонид Ильич спросил посла:

— Анатолий, много я наговорил вчера лишнего?

Посол Добрынин дипломатично ответил, что переводил отнюдь не все.

— Это ты правильно сделал, — согласился Брежнев. — Черт меня попутал с этим виски, я к нему не привык и не рассчитал свою дозу.

В последний день визита Брежнев долго спал днем и вошел в стадию бодрствования, когда американцы отправились отдыхать. В десять вечера Киссинджеру позвонили сотрудники секретной службы: Брежнев настаивает на немедленной встрече с Никсоном. Но президент уже спал. Киссинджер просил передать советской стороне, что он должен увидеться с президентом и тогда станет ясно, состоится ли незапланированная встреча.

Киссинджер все-таки разбудил Никсона. Президент, который лег спать в состоянии легкого опьянения, сразу протрезвел и насторожился:

— Чего они хотят?

— Не знаю, — ответил Киссинджер, — но боюсь, нам не обойтись без заседания.

Никсон приказал слуге разжечь камин в комнате с окнами, выходящими на океан. Киссинджер связался с Громыко. Тот сообщил, что Леонид Ильич хотел бы обсудить ближневосточные дела. Киссинджер холодно ответил, что сообщит, когда президент будет готов.

Они встретились без пятнадцати одиннадцать вечера.

Брежнев предложил заключить между двумя странами тайное соглашение об урегулировании конфликта на Ближнем Востоке. Но Никсон и Киссинджер пришли к выводу, что соглашение выгодно только арабским странам, и вежливо отклонили предложение. Брежнев не обиделся. На следующий день, прощаясь, он сказал Никсону, что уезжает с хорошим чувством.

В марте 1974 года Киссинджер вновь прилетел в Москву. Он был назначен государственным секретарем — через тридцать пять лет после того, как он приехал в Соединенные Штаты, спасаясь от преследований в нацистской Германии. Юный Киссинджер работал на фабрике, изготовлявшей кисточки для бритья, служил рядовым в американской армии.

Переговоры проходили в кабинете Брежнева.

«Брежнев был бодр и весел, — вспоминал Киссинджер. — У него появилось несколько новых игрушек.

Перед ним стояла какая-то куполообразная медная штука. Когда с нее сняли верхушку, внутри оказалось шесть медных предметов, похожих на патроны. Я спросил, не модель ли это советской баллистической ракеты с разделяющимися головными частями и могу ли я сообщить, что у каждой такой советской ракеты имеется шесть боеголовок.

Брежнев, которого это чрезвычайно развеселило, снял крышку с одного из патронов, показав внутри шесть сигарет...

Двумя другими игрушками были французские наручные часы, в которых был виден внутренний механизм, и судовые часы, которые Брежнев заставлял отбивать время в наиболее ответственные, по его мнению, моменты».

Во время очередного приезда американцев Сонненфелд, советник Кисинджера, похвалился своими швейцарскими часами. Это было неосмотрительно. Брежнев, закрыв свои часы рукой, предложил Сонненфелду поменяться. Тот заколебался, но решил, что у генерального секретаря должны быть очень дорогие часы. И промахнулся. Брежнев вручил ему обычные часы советского производства в стальном корпусе.

Советские руководители поддерживали Никсона до конца, несмотря на «уотергейтское дело».

Летом 1972 года Ричард Никсон и его люди решили установить подслушивающие устройства в штаб-квартире демократической партии, чтобы узнать стратегию своих соперников на приближающихся президентских выборах. Им не повезло. Непосредственные участники этой операции были арестованы, и постепенно следствие добралось до Белого дома.

Никсона обвинили в том, что он пытался скрыть криминальные действия своих помощников, злоупотреблял президентской властью, проявлял неуважение к конгрессу и судьям.

Открытием стал тот факт, что президент Никсон тайно записывал на магнитофонную пленку все разговоры, которые он вел со своими помощниками и министрами у себя в Белом доме. На самом деле еще до Никсона разговоры записывали президенты Джон Кеннеди и Линдон Джонсон, но они сами управляли кнопкой магнитофона и записывали только то, что хотели. При Никсоне записывалось все. Магнитофон включался автоматически, едва кто-то начинал говорить.

Никсон сделал это для того, чтобы никто из его сотрудников не мог потом отречься от своих слов. Но эта предосторожность ему дорого обошлась, когда были обнародованы его собственные откровенные высказывания.

Громыко, побывав в апреле 1974 года в Вашингтоне, сказал Никсону:

— Советское руководство в высшей степени одобряет, что вы верны вашему внешнеполитическому курсу, несмотря на известные трудности, в которые я не хочу вдаваться. И как человеком мы восхищаемся вами.

В Москве Брежнев принял американского посла Уолтера Стессела и выразил удивление, как это в Соединенных Штатах дошли до того, что президенту предъявляются претензии по поводу неуплаты налогов. Леонид Ильич добавил:

— Я уважаю вашего президента за то, что он дает отпор противникам.

27 июня Брежнев приехал встретить Никсона в аэропорт Внуково, чего не сделал в прошлый приезд президента.

«Тройка — Брежнев, Косыгин и Подгорный, — отметили наблюдательные американцы, — все еще выступала вместе, хотя заметно, что Брежнев меньше прибегает к форме коллективного руководства, чем это было два года назад. Теперь он играл главную роль в дискуссиях, проявлял самостоятельность и проницательность, особенно когда речь заходила о военных делах».

Даже самые большие интеллектуалы на государственной службе внимательно следят за тем, чтобы их не обошли в вопросе статуса. Генри Киссинджер в роли государственного секретаря во время поездки в Москву в 1974 году настаивал на том, что именно он, а не руководитель президентского аппарата Александр Хейг, имеет право расположиться в ближайшей к президентской спальне.

Мечта сбывается: маршальские звезды

Как и Хрущев, Брежнев, побывав в Америке, весьма впечатлился. Он хотел создать условия, которые сделали бы немыслимой войну между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Брежнев теперь видел себя человеком, который сделал разрядку реальностью. Он, возможно, был единственным советским руководителем, который понимал свою ответственность за сохранение мира. Не на словах, а на деле пытался сделать все возможное, чтобы не разгорелась ядерная война. На западных политиков он производил впечатление своей доброжелательностью. И на переговорах был склонен к поиску компромисса.

Брежневу было приятно, когда в западной печати писали о нем как о миротворце, о крупном политическом деятеле. И он действительно кое-что поменял в политике, например, сократил военную помощь Вьетнаму и Египту.

Благотворное влияние оказывало его окружение — советники и помощники по международным делам. Идеологические представления Брежнева были не либеральнее взглядов Трапезникова, но в отличие от этого догматика Леонид Ильич понимал, что от него зависит существование государства. А другие члены политбюро воспринимали разрядку просто как хитрый шаг в борьбе с империализмом.

На апрельском пленуме 1973 года одновременно с председателем КГБ Андроповым стал членом политбюро и министр обороны Гречко. Министр почувствовал себя увереннее, ощутил свою силу. Он позволял себе пререкаться с генеральным секретарем.

На одном из заседаний Совета обороны, рассказывал помощник генерального секретаря Александров-Агентов, министр обороны закатил Брежневу настоящую истерику из-за того, что генсек (и председатель Совета обороны) позволил себе без его, Гречко, ведома пригласить одного из видных военных конструкторов и обсуждать с ним оборонные дела.

Присутствующие были возмущены поведением министра и ждали взрыва. Брежнев смолчал, остался спокоен. Даже в напряженных ситуациях он проявлял сдержанность, не позволил себя спровоцировать. Но в отношениях между генеральным секретарем и министром обороны возник холодок.

Когда на политбюро обсуждался договор с американцами об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1), Гречко сказал, что он как человек, который отвечает за безопасность страны, не может дать согласие на этот договор.

Брежневу это заявление не понравилось. Он сказал, что это он председатель Совета обороны и главнокомандующий — отвечает за безопасность страны. На следующий день Гречко приехал к Брежневу извиняться.

Леонид Ильич не раз заставлял военных соглашаться на ограничение ядерных вооружений. Однажды он собрал у себя на Старой площади руководителей вооруженных сил и оборонной промышленности. Обсуждался уже готовый проект договора ОСВ-1 с американцами. Военные отказывались идти на уступки американцам, хотя те делали шаги навстречу. Военные утверждали, что проект договора выгоден только американцам. Дискуссия длилась пять часов. Дипломаты — «за», военные «против». Наконец Брежнев не выдержал:

— Ну хорошо, мы не пойдем ни на какие уступки, и соглашения не будет. Гонка ядерных вооружений продолжится. Вы можете мне как главнокомандующему вооруженными силами страны дать гарантию, что мы непременно обгоним Соединенные Штаты и соотношение сил между нами станет более выгодным для нас, чем оно есть сейчас?

Такой гарантии никто из присутствовавших генералов дать не решился.

— Так в чем дело? — с напором сказал Брежнев. — Почему мы должны продолжать истощать нашу экономику, непрерывно наращивая военные расходы?

Брежнев был главным мотором Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое состоялось в

Хельсинки в 1975 году. Подготовка к нему продолжалась несколько лет.

Для Советского Союза самым важным было признание послевоенных границ. Для остального мира — защита прав и свобод человека. Прочитав проект Заключительного акта, члены политбюро заявляли, что подписывать такое нельзя, Запад начнет нам указывать, что и как делать.

Но Громыко знал, что Брежнев хочет поехать на эту конференцию, и сказал, что на договоренности по гуманитарным вопросам можно не обращать внимания:

— Мы в своем доме хозяева, будем делать только то, что сочтем нужным.

Брежнев получил возможность поехать в Хельсинки и подписать исторический документ. Громыко старался делать и говорить только то, что было приятно Леониду Ильичу.

Во время поездки в ФРГ Брежневу предстояло посетить Гамбург. У него на груди висело огромное количество золотых звезд, вызывавших изумление у западных немцев. Посол Фалин попытался убедить его хотя бы на время расстаться с наградами:

— Леонид Ильич, гамбуржцы народ своеобычный. Они орденов не жалуют. Не сочтете ли вы целесообразным принять во внимание эту традицию?

Брежнев спросил мнение Громыко. Министр буркнул:

— У них свои традиции, у нас свои. Чего тебе, Леонид, стесняться показывать свои честно заслуженные награды?

Леонид Ильич не забывал верного соратника. Громыко получил семь орденов Ленина. В 1969 году, к шестидесятилетию, Брежнев дал ему золотую звезду Героя Социалистического Труда. К семидесятилетию министр получил вторую звезду.

Но позитивный импульс зарубежных визитов генерального секретаря быстро затухал. Другие члены политбюро, менее открытые, чем Хрущев, или менее сентиментальные, чем Брежнев, да и вся критическая масса партийного аппарата все равно воспринимали Соединенные Штаты как врага.

Анатолий Черняев рассказывал, как перед XXV съездом в Завидове, где Брежневу готовили отчетный доклад, Леонид Ильич вдруг вспомнил Карибский кризис:

— Я не забуду, в какой панике Никита то пошлет телеграмму Кеннеди, то требует задержать ее, отозвать. А все почему? Никита хотел надуть американцев. Кричал на президиуме ЦК: «Мы попадем ракетой в муху в Вашингтоне!» И этот дурак Фрол Козлов ему вторил: «Мы держим пистолет у виска американцев!» А что получилось? Позор! И чуть в ядерной войне не оказались. Сколько пришлось потом трудов положить, чтобы поверили, что мы действительно хотим мира. Я искренне хочу мира и ни за что не отступлюсь. Однако не всем эта линия нравится. Не все согласны.

Помощник генерального секретаря Александров-Агентов возразил:

— Ну что вы, Леонид Ильич. Население страны двести пятьдесят миллионов, среди них могут быть и несогласные. Стоит ли волноваться по этому поводу?

Брежнев отмахнулся:

— Ты не крути, Андрюша. Ты ведь знаешь, о чем я говорю. Несогласные не там где-то среди двухсот пятидесяти миллионов, а в Кремле. Они не какие-нибудь пропагандисты из обкома, а такие же, как я. Только думают иначе!

Вместе с тем ему нравилось, что под его руководством советская армия становится силой, которой американцы боятся. Когда канцлер Вилли Брандт заговорил с Брежневым об опасности гонки морских вооружений, Леонид Ильич сказал:

— Американцы нас опередили. Но мы их уже догоняем. Мы теперь каждую неделю лепим по одной подводной лодке.

При этом он делал движения руками, как дети, играющие в куличики.

После шестидневной войны 1967 года, которая закончилась полной победой Израиля, в политбюро решили разорвать отношения с еврейским государством. Арабские страны приветствовали это решение. Тем более что они стали получать советское оружие в удвоенном количестве. Казалось, что Советский Союз приобрел себе на Арабском Востоке друзей на вечные времена.

Но вскоре выяснилось, что Советский Союз не в состоянии играть ключевую роль на Ближнем Востоке, потому что не имеет отношений с Израилем. Роль всем нужного посредника досталась Соединенным Штатам. Кончилось это тем, что Египет, крупнейшее арабское государство, выслал советских военных советников, повернулся лицом к Соединенным Штатам и с их помощью заключил мир с Израилем.

В Москве понимали, что сами поставили себя в неудобное положение. По словам Черняева, в 1973 году президент Сирии Хафез Асад за четыре дня до начала войны оповестил советское руководство: он ударит по Израилю, они с «братом Садатом» все обсудили и согласовали.

Брежнев ответил президенту Асаду, что тот идет на очень рискованный шаг и последствия могут быть иные, чем ожидают в Сирии. Тогда Асад распорядился отстранить советских военных специалистов, чтобы они не мешали. Для Сирии октябрьская война вновь закончилась неудачно. От полного разгрома ее спасло советское вмешательство.

После октябрьской войны Брежнев сказал Громыко:

— Будем участвовать в переговорах, и надо гарантировать границы Израиля. И в свое время установим дипломатические отношения с Израилем.

Министр заметил:

— Арабы обидятся. Шум будет.

Брежнев выругался:

— Пошли они к е... матери! Мы сколько лет им предлагали разумный путь. Нет, они хотели повоевать. Пожалуйста: мы дали им технику, новейшую — какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное — в артиллерии, а в противовоздушных и противотанковых средствах — абсолютное превосходство. И что? Их опять раздолбали. И опять они драпали. И опять вопили, чтобы мы их спасли. Садат меня дважды среди ночи к телефону поднимал. Требовал, чтобы я послал десант. Мы за них воевать не будем. И затевать мировую войну из-за них тем более не собираюсь...

Но политбюро не решилось столь радикально поменять ближневосточную политику, хотя арабские братья ни в грош не ставили советских политиков.

Вместе с тем не следует переоценивать способность самого Брежнева анализировать то, что происходило за границами Советского Союза. Анатолий Добрынин вспоминал беседу с ним один на один, очень откровенную, осенью 1976 года, когда в США была в разгаре предвыборная кампания.

Брежнев искренне удивлялся, почему Джеральд Форд не сделал знаменем своей кампании «борьбу за мир», что повело бы за ним «всех честных американцев». Добрынин пытался объяснить ему настроения американцев, но успеха не имел. Брежнев оставался в плену идеологических догм.

Леонид Ильич хотел улучшения отношений с Америкой, завидовал ее успехам, но пребывал в уверенности, что рано или поздно социализм победит в соревновании с капитализмом.

Внешнеполитические успехи не заменяли Брежневу тех удовольствий, которые он мог получить только дома. Генеральских погон Брежневу уже было мало. Он мечтал стать маршалом. Как бы между прочим говорил членам политбюро:

— Военные меня уговаривают дать согласие на присвоение звания маршала.

А Гречко не желал делать Брежнева маршалом. Ему, профессиональному военному, знающему цену каждой звездочке на погонах, было обидно, что гражданский человек ни с того, ни с сего станет маршалом Советского Союза.

Маршал Виктор Георгиевич Куликов, который был тогда начальником Генерального штаба, рассказывал мне, как его вызвал Гречко:

— Давай, придумаем для него что-то особенное — звезду, но поменьше, не как у маршала, и погоны специальные. Ты нарисуй и посоветуйся со Шкадовым (начальником главного управления кадров), но больше ни с кем.

Нарисовали погон, как у генерала армии, Гречко что-то зачеркнул, потом взял линейку, померил звезду на своем погоне и стал уменьшать звезду на рисунке...

— Брежнев мог узнать об этом? — спросил я Куликова.

— Конечно узнал.

Но споры с министром обороны решились сами с собой. 26 апреля 1976 года Гречко внезапно скончался.

Он был один на своей даче. Каждый понедельник, в день физической подготовки, охранники из Девятого управления КГБ приезжали к нему на дачу в половине седьмого. Маршал завтракал, в семь часов садился в машину и ехал в ЦСКА заниматься спортом.

В тот день охранники прождали его около часа. Он так и не вышел. Поднялись к нему на второй этаж, а он уже был мертв: обширный инфаркт. Он сидел в кресле, на полу валялись газеты, рука на столе. Не дотянулся до кнопки, чтобы подать сигнал тревоги...

Нового министра обороны подбирали в отделе административных органов ЦК, который ведал вооруженными силами.

По словам Василия Другова, рассматривались две кандидатуры — маршал Иван Игнатьевич Якубовский, главнокомандующий объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора, и генерал армии Виктор Георгиевич Куликов, начальник Генерального штаба. Предпочтение отдавалось Куликову — молодому, талантливому генералу.

Другова нашел Якубовский:

— Кто будет министром?

— Откуда я знаю?

— Зачем обманываешь? Все на месте, а Куликова нет. Мы доподлинно знаем, что Куликов сейчас встречается с генеральным секретарем. Он и будет министром.

Появился Куликов — и тоже к Другову:

— Кто будет министром?

— А мы считали, что вы. Вы же сейчас встречались с Брежневым.

— Встречались, но по другому вопросу. А о министре он мне ничего не сказал.

Заведующий отделом Николай Иванович Савинкин устроил совещание в узком составе:

— Давайте предлагать кандидатуру. Сейчас начнут звонить сверху, спрашивать.

Не успел договорить, позвонил Брежнев:

— Кого ставить министром?

— Если из действующих военачальников, то есть начальник Генштаба Куликов, перспективный и молодой еще, — отвечал Савинкин. — И Якубовский, командующий войсками Варшавского договора.

— Давайте ставить Устинова. Вы согласны? — спросил генеральный секретарь.

Савинкин был слишком опытным человеком, чтобы промедлить с правильным ответом...

Брежнев и Устинов сблизились еще в ту пору, когда Леонид Ильич как секретарь ЦК занимался военной техникой и космосом. Устинов был заводным и веселым человеком, отличался таким жизнелюбием, что его трудно было выбить из колеи. Он часто бывал у Брежнева дома и на даче.

Нового министра утвердили на следующий день после смерти Гречко, 27 апреля 1976 года.

— Товарищи, конечно, все мы глубоко переживаем кончину Андрея Антоновича Гречко, — начал заседание политбюро Брежнев, — но смерть неумолима. Из наших рядов ушел наш дорогой товарищ, член политбюро, видный военный деятель, маршал Советского Союза, министр обороны. Перед нами встает вопрос, как нам быть с министром обороны. Очевидно, нужно подумать о назначении нового министра.

— Вообще нужно этот вопрос решать, — задумчиво произнес Суслов, — только когда — сегодня или несколько позднее?

— Надо решать, — твердо сказал Подгорный, — потому что возглавить министерство человек должен немедленно.

Тогда опять заговорил Брежнев:

— Я бы, товарищи, предложил — не знаю, как вы посмотрите на это дело, — назначить министром обороны товарища Устинова Дмитрия Федоровича. Он хорошо знаком с оборонными отраслями промышленности, знает хорошо военное дело. Дмитрий Федорович является членом политбюро, знаком с работой Министерства обороны, с военными кадрами. Это все позволит ему быстрее войти в курс дела и хорошо выполнять возложенные на него обязанности.

Суслов, Андропов и Кулаков незамедлительно одобрили выбор генерального секретаря.

— Когда меня назначали председателем Совета обороны, пришлось осваивать многое, — на всякий случай заметил Брежнев. — Видимо, Дмитрию Федоровичу придется также ряд вопросов осваивать. Очень хорошо, что на Министерство обороны приходит человек с гражданки. С точки зрения разрядки напряженности, это тоже будет воспринято правильно.

— Этот факт, безусловно, заметят западные страны, — подтвердил Андропов. — К тому же Дмитрия Федоровича знают в нашей партии хорошо, его знают так же хорошо и все военные.

— Надо принять решение сегодня, — сказал Суслов.

— Товарищ Устинов знает хорошо военную технику, а что касается остальных деталей работы, он их освоит, — напутствовал будущего министра Гришин.

— Товарищ Устинов знает и конструкторские бюро, ведущих конструкторов, знает оборонные заводы, — подхватил Брежнев. — Какие, товарищи, будут предложения?

Других предложений не было. Устинова единогласно утвердили министром.

— Тогда, может быть, надо поступить так, — рассуждал Брежнев, — собрать коллегию Министерства обороны и сообщить на коллегии о нашем решении.

— Правильно, — сказали коллеги по политбюро, — и лучше всего сделать это, Леонид Ильич, вам.

— Хорошо, — согласился Леонид Ильич. — После похорон Андрея Антоновича мы вместе с товарищем Устиновым проведем коллегию, объявим о нашем решении.

Теперь настала очередь Дмитрия Федоровича произнести положенный в таких случаях монолог:

— Я благодарю от всей души политбюро, кандидатов в члены политбюро, секретарей ЦК за то большое доверие, которое мне сегодня оказано назначением на пост министра обороны. Я заверяю политбюро в том, что приложу все силы и знания, чтобы оправдать это высокое доверие. Я также благодарю всех товарищей за ту хорошую атмосферу, за сотрудничество, которое было у нас и есть в работе политбюро и секретариата ЦК.

Заключительное слово сказал Леонид Ильич:

— Я считаю, что мы правильно поступили, утвердив министром обороны товарища Устинова, человека опытного, прошедшего школу партийной работы, хорошо знающего вопросы обороны страны. Конечно сорокалетнего товарища ставить на такой участок было бы нецелесообразно.

Вероятно, Брежнев имел в виду молодого начальника Генштаба Куликова, которого в военных кругах считали готовым министром. Члены политбюро вновь согласились с Леонидом Ильичом.

Но на этом заседание не закончилось.

Дмитрий Федорович Устинов спешил с ответным подарком:

— Товарищи, разрешите мне обратиться к политбюро ЦК со следующим предложением. Все мы знаем, какую гигантскую работу по укреплению обороны страны выполняет Леонид Ильич Брежнев. Он является председателем Совета обороны. Роль председателя Совета обороны у нас очень велика, и Леонид Ильич замечательно выполняет эту высокую обязанность. По моему мнению, в связи с такой возросшей ролью Совета обороны и председателя Совета обороны, возглавляющего этот высший орган в нашей стране, председатель Совета обороны имеет все основания получить высшее воинское звание маршала Советского Союза. Поэтому я вношу предложение присвоить Леониду Ильичу Брежневу звание маршала Советского Союза.

Члены политбюро как будто ждали этих слов.

Подгорный, Андропов, Кулаков, Пономарев, Соломенцев по очереди подтвердили, что это совершенно правильное предложение и они его поддерживают: конечно же председатель Совета обороны должен быть маршалом.

Члены политбюро соревновались в поиске дополнительных аргументов в пользу производства генсека в маршалы.

— Леонид Ильич прошел большую школу войны, — сказал Гришин, — непосредственно участвовал в боевых действиях, в мирное время руководит строительством обороны страны, являясь председателем Совета обороны.

— Леонид Ильич и как генеральный секретарь проявляет исключительную заботу об укреплении обороны страны, — добавил Суслов. — Он много труда и энергии вкладывает в это дело.

Андропов, Суслов, Гришин наперебой просили Леонида Ильича дать согласие на присвоение воинского звания маршала Советского Союза, словно опасаясь, что Брежнев может отказаться. Но Леонид Ильич не обидел членов политбюро отказом.

Напротив, он был несказанно рад:

— Я благодарю от души товарищей за доверие, которое мне оказано присвоением воинского звания маршала Советского Союза. Я сделаю все, чтобы оправдать это высокое звание и то доверие, которое мне оказывает политбюро как генеральному секретарю и как председателю Совета обороны.

Но, как известный гоголевский персонаж, он, понимая некую сомнительность этого акта, опасливо поинтересовался:

— Я только хочу спросить у товарищей, как это будет расценено с международной точки зрения, не вызовет никаких кривотолков?

Все хором ответили, что беспокоиться не о чем: это совершенно нормальное дело:

— Вы являетесь председателем Совета обороны, имеете воинское звание генерала армии.

Тем не менее какие-то сомнения у Брежнева остались.

— Сообщать об этом в печати не будем, — заключил он, — так же как не публиковалось решение о присвоении мне звания генерала армии.

Но и это еще было не все. Получив маршальскую звезду, Леонид Ильич захотел облагодетельствовать и Дмитрия Федоровича. Он вновь взял слово:

— Очевидно, нам нужно решить вопрос о присвоении воинского звания товарищу Устинову в связи с утверждением его министром обороны.

Но в отношении нового министра члены политбюро не были столь же щедры.

Подгорный поинтересовался:

— Какое воинское звание сейчас имеет Дмитрий Федорович?

— Генерал-полковник.

Подгорный и Суслов предложили присвоить Устинову следующее звание — генерала армии. Брежнев предпочел бы произвести старого друга сразу в маршалы, но спорить на политбюро не было принято. Он только добавил:

— Через некоторое время нужно будет вернуться к вопросу о присвоении товарищу Устинову звания маршала.

Все согласились.

— Когда объявить о присвоении товарищу Устинову звания генерала армии? — Леонид Ильич для порядка поинтересовался мнением товарищей. — Очевидно, на заседании коллегии?

Других мнений не было.

Сбылась мечта Леонида Ильича. На торжественной церемонии в Кремле Устинов — в парадной форме — по традиции вручил ему маршальские погоны, хотя Брежнев не дождался подарка и уже пришел в маршальском мундире.

Присвоение звания стало для него главным событием.

19 мая 1976 года по просьбе Черненко Леонид Ильич выступил перед партийными канцеляристами на Всесоюзном совещании заведующих общими отделами. Причем — в своем кругу — без бумажки. Присутствовавший Черняев записал его слова:

— Вот Костя заставляет меня выступать перед вами. А чего говорить — не знаю. Вроде мы с вами встречались два года назад.

Черненко подтвердил:

— Два года и тридцать один день, Леонид Ильич!

— Вот память, видите, у меня какая, — продолжил Брежнев. — Мы вам тогда слово дали? Дали и сдержали. Тогда вы были завсекторами, а теперь завотделами. И зарплата другая, и положение другое. Правду говорю?

Все зааплодировали. Еще недавно общие отделы именовались особыми секторами.

— Ну, вы знаете, съезд мы провели недавно, — говорил генеральный секретарь. — Большое событие. Будем теперь выполнять. Говорят, итальянцы, французы болтают про нашу демократию. Не нравится она им. Ну и пусть. Мы пойдем иным путем... На днях, вы знаете, еще большое событие было. Поставили мне бюст. А политбюро вынесло постановление присвоить мне как генеральному секретарю и председателю Совета обороны звание маршала Советского Союза. Это важно.

Генсек шутил.

— Костя меня уговаривал прийти сюда в маршальском мундире...

Черненко встал из-за стола президиума:

— Да, да, Леонид Ильич, мы все хотели видеть вас в форме маршала. Раз нет, то я покажу всем присутствующим ваш портрет в парадной маршальской форме.

И под аплодисменты поднял огромный фотографический черно-белый портрет генсека в парадном мундире. Потом выглянул из-за него и закричал в зал:

— Леонид Митрофанович, давай!

Из второго ряда встал генеральный директор ТАСС Замятин и понес в президиум еще один портрет Брежнева — цветной. Константин Устинович знал, как уважить Леонида Ильича.

На встречу с однополчанами Брежнев пришел в маршальской форме и с гордостью сказал:

— Вот... дослужился.

Через два года Устинов нашел еще одну возможность порадовать Леонида Ильича.

20 января 1978 года Министерство обороны обратилось в ЦК КПСС с предложением наградить «генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, председателя президиума Верховного Совета СССР, председателя Совета обороны СССР, Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР маршала Советского Союза товарища Леонида Ильича орденом "Победа" за большой вклад в победу советского народа и его вооруженных сил в Великой Отечественной войне, успешное руководство войсками в ряде важнейших операций по разгрому немецко-фашистских захватчиков, выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны, за разработку и последовательное осуществление принятой XXIV съездом КПСС Программы мира, надежно обеспечивающей развитие страны в мирных условиях...».

Орден Победы — это высшая военная награда, которой были удостоены всего несколько человек.

Подпись под представлением поставили все члены коллегии министерства во главе с Устиновым.

16 февраля на заседании политбюро Брежнев обратился к товарищам:

— Я хотел бы посоветоваться по некоторым вопросам: о вручении ордена Победы. Все вы проголосовали за решение и награждение меня этим орденом. Я благодарю товарищей за эту высокую награду. Поскольку решение такое есть, товарищи предлагают вручить его мне 22 февраля.

Все согласились:

— Правильно, 22 февраля будет заседание.

Брежнев продолжал:

— Видимо, для вручения ордена Победы, может быть, целесообразно было бы надеть военную форму.

И снова все поддержали генсека:

— Правильно, это было бы целесообразно.

Члены политбюро понимали, что Леониду Ильичу не терпится лишний раз покрасоваться в маршальском мундире. Брежнев хотел закрепить возможность появляться с новым орденом почаще:

— Но вместе с тем, насколько мне известно, по статуту орден Победы носят также и на гражданской одежде.

Генсека успокоил Суслов:

— В статуте нигде не сказано, что он носится только на военной форме.

И верный Черненко подтвердил:

— Этот орден можно также носить и в гражданской одежде.

На следующий день, 17 февраля, награждение Брежнева оформили указом президиума Верховного Совета. Из текста указа изъяли предложенную Министерством обороны формулировку «за успешное руководство войсками в ряде важнейших операций по разгрому немецко-фашистских войск». Военные написали это, чтобы обосновать награждение Брежнева полководческим орденом, который давали только за проведение крупных операций. Но Суслов и другие в окружении Брежнева понимали, что начальник политотдела армии никак не мог «руководить войсками в ряде важнейших операций»...

А Леонид Ильич пребывал в уверенности, что звания и награды он получает справедливо:

— Я сказал товарищам, что орден Победы дается только за победы на фронте. А Дмитрий Федорович, да и другие, убедили меня, что победа в борьбе за мир равноценна победе на фронте.

В перестроечные времена, в 1989 году, указ отменили, и драгоценный орден Победы у семейства Брежнева отняли.

Леонид Ильич и для приближенных не жалел наград. Заведующий отделом административных органов Савинкин однажды сказал Брежневу:

— Надо нам прекращать присваивать звания и раздавать ордена. Совсем обесценились.

Брежнев удивился:

— Тебе что, Коля, железа жалко? Пусть получают. Получат, выпьют, настроение лучше станет, есть стимул работать лучше. Зачем их этого лишать?

В отличие от Гречко Дмитрий Устинов никогда публично не называл генерального секретаря на «ты» и не спорил с ним, напротив, постоянно на него ссылался.

— Устинову Брежнев особенно доверял, — рассказывал Василий Другов. — Если в армии что-то происходило, Брежнев говорил Савинкину или мне: «Пусть разбирается Устинов, это его хозяйство, он за него отвечает и за него деньги получает. Пусть сам решит, какие меры принять, у него есть Уставы, есть военный суд...» То есть все было доверено Устинову.

— Иначе говоря, с назначением Устинова контроль над армией в какой-то степени был утрачен?

— Контроль был, но... Устинов все вопросы доверительно решал с верховным главнокомандующим.

Однажды Виталий Воротников присутствовал при таком телефонном разговоре: в кабинет Брежнева вошел дежурный секретарь и сказал, что звонит Дмитрий Федорович Устинов.

Брежнев снял трубку:

— Слушаю тебя.

— Дорогой Леонид Ильич...

Брежнев его перебил:

— «Дорогой», а ехать на матч не хочешь.

Генеральный секретарь обожал хоккей, не проспускал ни одного матча, когда в Лужниках играл ЦСКА. Курить на стадионе запрещалось, но Леонид Ильич в правительственной ложе дымил вовсю.

Устинов стал объяснять:

— Не могу. Я принимаю министра обороны Австрии.

— Пошли ты его... Вот Костя (Черненко) едет, а ты... Ну, ладно, в другой раз.

Брежнев положил трубку и сказал Воротникову:

— Замечательный человек Дмитрий Федорович. Классный специалист промышленности и министр. Но прежде всего человек, друг замечательный.

Почти всегда заседания коллегии Министерства обороны Устинов начинал примерно так:

— Я только что разговаривал с нашим дорогим и любимым Леонидом Ильичом. Он передает вам всем привет и желает больших успехов...

В армии отношение к новому министру обороны было двойственным. С одной стороны, ценили его за стремление создать самые мощные в мире вооруженные силы. С другой — считали гражданским человеком — в армии Устинов не служил ни дня.

Дмитрий Федорович Устинов в 1941 году, когда ему было всего тридцать два года, стал наркомом вооружения. И с тех пор сорок лет, меняя должности и кабинеты, занимался созданием оружия. Устинов был деловым, знающим, энергичным человеком, хорошим организатором, всецело преданным своему делу.

Очень требовательный, он считал, что человек должен думать только о работе. В обычные дни он работал с семи утра до одиннадцати вечера, в субботу с десяти утра до пяти вечера. Поздно вечером мог позвонить кому-то из подчиненных, и никто не решался признаться, что уже лег спать. Самому ему для восстановления сил нужно было очень мало часов, он думал, что и другим столько же вполне достаточно.

Министр словно взялся доказать, что штатский человек способен сделать для Вооруженных сил больше, чем военный. Пока он был секретарем ЦК, он иногда спорил с армией. А заняв пост министра, вывел армию и военную промышленность из-под контроля политбюро. Все это теперь подчинялось ему одному.

Под его руководством было создано огромное количество новой военной техники. И знаменитые ракеты «Тополь» еще при нем разрабатывались. Он, по существу, всю страну заставил работать на армию. Люди этого типа — очень ценные, но в определенном смысле опасные для государства. Они способны разорить страну.

При всем дружеском отношении к Брежневу, Дмитрий Федорович буквально выкручивал ему руки, чтобы получить деньги для военно-промышленного комплекса, пожиравшего все большую долю национального дохода.

Анатолий Черняев находился в кабинете Брежнева, когда ему позвонил по ВЧ отдыхавший на юге Подгорный.

Брежнев жаловался Николаю Викторовичу:

— Я вот тут очень крупно поговорил с Устиновым. Он мне: я в этом убежден и буду настаивать. Ну, знаешь этот его пунктик. Я разошелся. Потом только опомнился, взял себя в руки. Весь день не мог в себя прийти. Ночью, часа в два позвонил ему. Помирились. Утром он мне на работу позвонил. А мы ведь с ним всегда по-товарищески.

По словам начальника Генерального штаба маршала Николая Васильевича Огаркова, Устинов и на посту министра обороны остался представителем военно-промышленного комплекса. Он заставлял промышленность создавать все новые виды вооружений, добился больших результатов в милитаризации экономики и загнал страну в бесконечную гонку вооружений.

Войска, чтобы использовать выделенные средства, заказывали в огромных количествах ненужную и устаревшую технику. Никто в министерстве не думал о том, что деньги нужно тратить на социальные нужды солдат и офицеров, улучшать их материальные и бытовые условия.

Споры министра и начальника Генерального штаба закончились тем, что Устинов убрал Огаркова с высокого поста. Известна и другая причина огромных военных расходов.

Ястреб и миротворец в одном лице

Не очень приятно об этом писать, но наши главные конструкторы ракетно-ядерного оружия вели друг с другом нескончаемые войны. Это соперничество сыграло пагубную роль и в истории отечественного ракетостроения, и в их личной судьбе.

Соперничество между ними старательно разжигали высшие чиновники, которые руководили этой сферой. Им нужны были послушные конструкторы. А в результате этих маленьких гражданских войн почти все создатели ракетного оружия умерли молодыми.

Например, Владимир Николаевич Челомей и Михаил Кузьмич Янгель почти одновременно предложили свои межконтинентальные баллистические ракеты. У каждого из конструкторов были сторонники. Брежнев не знал, кому отдать предпочтение. Ему ближе были днепропетровцы. Янгеля Леонид Ильич отличал особо. Но Министерство обороны было на стороне Челомея.

Брежнев решил принять на вооружение обе ракеты. Это решение было губительно для экономики, но избавило его от неприятной необходимости с кем-то спорить и ссориться. При Брежневе создатели оружия ни в чем не знали отказа.

А повелось это еще со времен Сталина. Он предоставил им широкие полномочия:

— Вы будете иметь право привлекать к выполнению работ любые организации любых министерств и ведомств, обеспечивая эти работы материальными фондами и финансированием по мере необходимости без всяких ограничений.

Конструкторам было предоставлено все — и домик в лесу, и спецстоловая, и спецбольница, и машины. Нужно отметить приятное событие на полигоне? Можно послать самолет в Среднюю Азию за арбузами, дынями и виноградом. И генеральный секретарь после удачного испытания говорил главному конструктору:

— Посылайте по всем столицам союзных республик за продуктами, вином, водкой, пивом, коньяком, чтобы было все на все вкусы. И закатите там от имени правительства такой банкет, какого еще свет не видывал.

Конструкторам постоянно напоминали:

— Вам все дали, что вы просили. Думаю, что вам отдали бы даже коней с Большого театра, если бы попросили. Теперь вы давайте.

Как только разработка приобретала статус особой важности, для нее открывалось ничем не ограниченное финансирование, на которое, как мухи на мед, слетались желающие откусить от казенного пирога. Поэтому ракеты и прочая техника получались буквально золотыми, разорительными для страны.

Но нравы в среде создателей оружия были жесткие.

Конструкторы не любили конкурентов, не любили делиться «сено-соломой» — так они между собой называли ордена и прочие знаки отличия.

Григорий Кисунько, главный конструктор противоракетных систем, вспоминал, как его зазвал к себе в машину сам Сергей Королев и зло спросил:

— До каких пор мы будем терпеть этого бандита?

«Бандитом» был столь же знаменитый конструктор, к которому в тот момент повернулась лицом фортуна, потому что он благоразумно взял на работу сына вождя партии и народа.

Дети многих членов политбюро предпочитали работать в военно-промышленнком комплексе.

Николай Дмитриевич Устинов строил боевые лазеры на гусеничном ходу, Револий Михайлович Суслов, генерал-майор, возглавлял закрытый Центральный научно-исследовательский институт радиоэлектронных систем. Сын Шелеста Виталий Петрович стал на Украине членом-корреспондентом Академии наук и директором Института теоретической физики, созданного специально для него. Но карьеры сыновей обычно заканчивались с уходом отцов на пенсию.

Григорий Кисунько вспоминал один проект противоракетной обороны, который обречен был на провал с самого начала. Но в ЦК его одобрили, запустили. Когда деньги уже были потрачены, выяснилось: пустышка. Проект под названием «Даль» рухнул. Но шустрые ребята решили использовать списанную партию опытных ракет «для дезинформации вероятного противника». Ракеты возили по Красной площади во время парадов в сопровождении дикторского текста: «Высокоскоростные перехватчики воздушно-космических целей».

«Думаю, — пишет Кисунько, — что эта туфта вряд ли могла ввести в заблуждение зарубежных специалистов. Но Пентагон, скорее всего, использовал эту демонстрацию для того, чтобы получить дополнительные деньги на свою систему противоракетной обороны. В этом смысле два ВПК, как могли, помогали друг другу...»

Договариваться об ограничении и сокращении ядерного оружия было невероятно сложным делом. Военные — и советские, и американские — противились любым ограничениям и обвиняли своих дипломатов в том, что они позволили другой стороне подписать документ на выгодных для нее условиях.

Заместитель министра иностранных дел Владимир Семенович Семенов рассказывал в узком кругу, как он приступал к переговорам с американцами на ядерные темы.

Министр обороны Гречко на политбюро сказал, что сама идея соглашения с американцами преступна. И, обратившись к дипломату, добавил:

— Если Семенов намерен о чем-то договориться, то пусть сам решит, где он намерен сидеть — на Лубянке или на гауптвахте Московского военного округа.

Маршалы Гречко и Устинов и не подозревали, что нечто подобное говорили и в Вашингтоне.

Американские военные с нескрываемой ненавистью отзывались о Генри Киссинджере: он «попросту идет у Советов на поводу»; достигнутые им соглашения «фарс, невыгодный для Америки»; «Киссинджер потерял разум».

Главным противником Генри Киссинджера стал министр обороны Дональд Рамсфелд, бывший футболист, борец и летчик. Он возражал против любых соглашений с Советским Союзом и довольно успешно мешал Киссинджеру. В январе 2001 года Рамсфелд вновь занял пост министра обороны Соединенных Штатов в правительстве Джорджа Буша-младшего. Он руководил военной операцией в Ираке...

Поскольку все двусторонние соглашения касались конкретных цифр и спор шел именно из-за цифр, американцы всякий раз предлагали положить на стол данные обо всем оружии, которым располагают обе стороны, и тогда уже договариваться.

Но советская делегация отвечала, что в ее обязанности не входит помогать американской разведке, и наотрез отказывалась предоставлять любые данные о своем оружии. А советские дипломаты говорили: мы же не просим американцев предоставить им данные об американских вооружениях. Но в этом и не было нужды — в Соединенных Штатах все это публиковалось в открытой печати.

Когда в 1970-е годы шла работа над вторым договором о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), американцы вновь поставили вопрос об обмене военными данными.

Глава советской делегации Владимир Семенов раздраженно сказал:

— Кому нужен обмен данными? У вас есть национальные технические средства, поэтому вам все известно.

Американцы действительно знали многое из того, что не было известно советским гражданам, не допущенным к высшим секретам государства. И советские военные представители очень нервничали, когда американцы называли данные о советском оружии, которые не полагалось знать советским дипломатам. Дипломатов наши военные не посвящали в свои секреты. У американцев, наоборот, дипломаты держали военных в черном теле.

Весной 1977 года государственный секретарь Сайрус Вэнс полетел в Москву с новыми предложениями о сокращении стратегических вооружений. Военные члены делегации попросили разрешения с ними ознакомиться. Вэнс разрешил своему помощнику показать военным документ, но не полностью. Для них оставалась секретом запасная позиция. Он знал, что Андрей Андреевич Громыко своим упрямством иногда заставляет отступать на запасные позиции. А надо было сделать вид, что запасной позиции нет вовсе.

Помощник Вэнса поехал в американское посольство и разместился там в так называемом сейфе — специальном помещении, защищенном от электронного прослушивания. Вооружившись ножницами и клеем, он стал вырезать из текста инструкций места, которые военным не следовало знать. Его застукали за этим занятием.

С советской стороны переговоры вели, разумеется, дипломаты, но все решалось в Генштабе. Повлиять на военных мог только Брежнев. Он и выдавил из них согласие подписать в 1979 году с американцами второй договор об ограничении стратегических вооружений ОСВ-2.

Причем американские «ястребы» были так же недовольны договором, как и советские. Накануне вылета американского президента Джимми Картера в Вену, где должно было состояться подписание договора, сенатор Генри Джексон, который всегда критиковал нарушение прав человека в СССР, заявил, что Картер идет по стопам британского премьера Невилла Чемберлена, подписавшего в 1938 году позорное Мюнхенское соглашение с Гитлером. Джексон напомнил о том, что правительство Англии в 1930-е годы тоже вело переговоры о разоружении с нацистской Германией и покрыло себя позором.

Кончилось это тем, что чувствительный к критике Картер приказал своим помощникам не раскрывать зонты, хотя в Вене шел проливной дождь.

— Я скорее промокну до нитки, чем возьму в руки зонт, — говорил Картер.

Дело в том, что Чемберлен, вернувшись из Мюнхена, рассказывал о соглашении с Гитлером, стоя под большим зонтом...

Картер и Брежнев уже летели в Вену, а документ, который им предстояло подписать, еще не был готов. Над текстом трудились советская и американская делегации в Женеве.

Последний раунд переговоров продолжался до трех утра, после чего руководители делегаций Виктор Карпов и Ральф Эрл на радостях выпили шампанского и разошлись спать.

Технический персонал остался перепечатывать текст в четырех экземплярах; по два — на каждом языке. Если в одном экземпляре первым упоминался СССР, то в другом на первое место ставились США. Даже в чисто бумажном деле соблюдалась симметрия.

Американской делегации было проще: она уже располагала компьютером, все ошибки можно было поправить на экране и вывести сразу выверенный текст.

Машинисткам советской делегации пришлось перепечатать примерно сто пятьдесят страниц на специальной договорной бумаге с красной рамкой. Если машинистка допускала хотя бы одну ошибку, страницу вновь перепечатывали. Руководители делегаций поставили свои инициалы на каждой странице всех четырех экземпляров. И текст повезли в Вену.

Встреча руководителей СССР и США по протоколу должна была состояться в Америке, потому что американские президенты уже дважды приезжали в Советский Союз, а в дипломатии действует железный принцип взаимности. Но советские дипломаты недвусмысленно объяснили американцам: политбюро считает нецелесообразным, чтобы Брежнев летел через океан. Американские политики с пониманием отнеслись к состоянию здоровья Брежнева — согласились на Вену.

Ждать такого же понимания от журналистов не приходилось. Как и следовало ожидать, на первой же пресс-конференции корреспондент английского телевидения поинтересовался самочувствием Брежнева.

На вопросы отвечали пресс-секретарь американского президента Джоди Пауэлл и Леонид Митрофанович Замятин, заведующий отделом внешнеполитической пропаганды ЦК КПСС (в открытой печати — отдел международной информации).

Замятин не скрывал своего недовольства:

— Поставленный вопрос не имеет никакого отношения к предмету нашей пресс-конференции. Тем не менее я отвечу. Наш президент выполняет огромный объем государственной и партийной работы в нашей стране. Здесь, в Вене, у вас появится возможность наблюдать за его работой, а эта работа, естественно, требует отменного здоровья. И на свое здоровье он не жалуется. Появляющиеся в вашей печати сообщения на этот счет — всего лишь домыслы.

Но американских корреспондентов интересовала только эта тема. Замятин был вне себя. Тогда поднялся специальный корреспондент «Известий» Мэлор Стуруа, находчивый и острый на язык, и попросил пресс-секретаря американского президента Джоди Пауэлла:

— Расскажите нам, каково политическое здоровье президента Картера?

Зал грохнул. Уже известно было, что Джимми Картер теряет поддержку избирателей (вскоре он проиграл выборы).

Джоди Пауэлл не растерялся:

— Политическое здоровье Картера такое же, как и здоровье Брежнева.

Мэлор Стуруа удостоился личной благодарности Брежнева за остроумный вопрос.

В первый день пребывания в Вене Картер и Брежнев нанесли визит вежливости президенту Австрии Рудольфу Кирхшлегеру. Разговор продолжался несколько минут. Брежнев вдруг прочувствованно сказал Картеру:

— Бог нам не простит, если мы потерпим неудачу.

Все были изумлены ссылкой генерального секретаря коммунистической партии на Бога. Замятин на пресс-конференции пояснил, что генерального секретаря не так поняли:

— Леонид Ильич хотел сказать, что будущие поколения нам не простят, если мы потерпим неудачу.

Брежнев — это заметили все — был физически дряхл. На спектакле в Венском оперном театре он несколько раз засыпал.

Процедура подписания советско-американского договора проходила в Редутном зале дворца Хофбург. Громыко вполголоса спросил Устинова:

— Как думаешь, расцелуются они или нет?

— Нет, незачем целоваться, — ответил Устинов.

— Не уверен, — заметил многоопытный Громыко.

Подписав все экземпляры договора, Брежнев и Картер поцеловались, чего от них не ожидали. Потом Брежнев спросил у Суходрева:

— Скажи, Витя, а ничего, что я с Картером расцеловался? Но ведь это он первый...

Суходрев уверил, что все было совершенно нормально.

Вечером Брежнев сказал своему окружению:

— Картер не такой уж плохой парень.

Несколько деликатных вопросов Брежнев и Картер обговорили наедине. В основном речь шла о контроле над соблюдением договора.

После падения шахского режима в Иране Соединенные Штаты лишились своих наблюдательных пунктов, которые были расположены на границе с Советским Союзом.

Эти станции с гигантскими антеннами находились близко к полигонам Тюратам (около Аральского моря) и к Сары-Шаган (около озера Балхаш), откуда запускались ракеты и противоракеты.

Разведывательные посты в Иране фиксировали момент старта и записывали телеметрические данные, поступавшие на наземный командный пункт. Это позволяло фиксировать длину и диаметр ракеты, а также вес забрасываемого груза, то есть определять тип ракеты.

Теперь в распоряжении Соединенных Штатов осталось только разведывательное оборудование, размещенное на территории Турции. Этого было недостаточно. Вашингтон попросил у турецкого правительства разрешения на полеты самолетов-разведчиков У-2 вдоль советской границы. Турки ответили, что согласятся только в том случае, если Москва не станет возражать.

Картер завел этот разговор с Брежневым. Тот отвечал уклончиво, но понимал, что Картеру необходимо доказать сенату, что Америка располагает возможностями для проверки СНВ-2, иначе сенаторы договор не ратифицируют.

Еще при подготовке договора об ограничении стратегических вооружений и договора о противоракетной обороне обе страны договорились не мешать работе спутников, радиолокационных станций раннего обнаружения и средствам электронного подслушивания. Каждая сторона знала, что другая ее не обманывает.

Когда появились ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, возникла новая проблема. Как уследить за тем, чтобы другая сторона не попыталась втайне заменить моноблочные боеголовки — на боеголовки с разделяющимися головными частями?

Сошлись на том, что надо отказаться от сооружения навеса над шахтой, где размещена ракета с моноблочной частью, чтобы туда нельзя было завести другие боеголовки и тайно от разведывательных спутников оснастить ракеты разделяющимися головными частями.

Но все было не так просто. Американцы встревожились, когда в районе украинских городов Деражня и Первомайск моноблочные ракеты и ракеты с разделяющимися головными частями стали размещать в почти одинаковых шахтах. Американцев не хотели запутать, просто для новых ракет использовали старые шахты. Но, после того как бетонные крышки шахт закрывались, спутник не мог определить, где какая ракета.

Отличались только командные пункты. Построенные для новых челомеевских ракет УР-100Н УТТХ (по натовской классификации СС-19) с шестью разделяющимися головными частями посты управления имели куполообразные антенны. Руководитель советской делегации на переговорах Владимир Семенов удивился, почему американцы беспокоятся, ведь по внешнему виду антенны сразу видно, что за ракета в шахте.

Но руководитель американской делегации ему возразил:

—Антенна ничего не доказывает. Мы знаем, что вы можете запустить такую ракету и без антенны. Мы засекли такой пуск.

Семенов сразу перестал спорить. Но сами американцы потом испугались: не выдали ли они тем самым русским способности своих спутников?

Нечто подобное происходило и в Соединенных Штатах. На базе Мальмстром в штате Монтана размещались рядом ракеты «Минитмен-2» с одной боеголовкой и «Минитмен-3» с разделяющимися головными частями. Американцы понимали, что отличить одну шахту от другой практически невозможно. Но советские военные выяснили, где какие ракеты, — они прочитали об этом в местной американской газете.

Ракеты в Европе

Когда здоровье Брежнева ухудшилось, внешнюю и военную политику страны стали определять министр обороны Дмитрий Устинов, председатель КГБ Юрий Андропов и министр иностранных дел Громыко. Их именовали «ореховой тройкой», потому что они собирались в ореховой комнате в Кремле, рядом с кабинетом генерального секретаря, и там все решали.

Как ни странно, власть триумвирата была хуже, чем единоличное правление Брежнева. Уверенный в себе лидер способен пойти на разумные уступки и компромиссы. А тут каждый из тройки стремился продемонстрировать свою непоколебимость, стойкость.

В начале 1980-х даже Громыко, сторонник разрядки, стал занимать все более жесткую позицию. Не потому что изменил взгляды, а потому что увидел: разрядка не в моде, Брежнев уходит, надо выдвигаться вперед, а на мирных предложениях уважения в партийном аппарате не заработаешь.

Советские войска ввели в Афганистан, когда Брежнев был уже сильно болен и оставался лишь номинальным главой государства. Если бы Леонид Ильич был в здравии, он, скорее всего, не позволил бы Андропову, Устинову и Громыко втянуть страну в афганскую авантюру. Как выразился Валентин Фалин, «все дела обделывались за спиной генерального». Точнее было бы сказать, что генеральный секретарь лишился способности трезво оценивать ситуацию. По словам Фалина, Леонид Ильич «переживал упадок разрядки, своего любимого внешнеполитического детища, но ничего поделать уже не мог. Если бы даже захотел».

Кровавая афганская кампания — на совести Андропова, Устинова и Громыко. За девять лет боевых действий советские войска потеряли около четырнадцати тысяч человек. Каждый год войны стоил нашей стране три миллиарда долларов.

Решение о вводе войск было принято в самом узком кругу 12 декабря 1979 года и оформлено решением политбюро № П 176/125.

Вот как выглядит этот документ, написанный от руки:

«К положению в А:

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю. В., Устиновым Д. Ф., Громыко А. А.

Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А.

2. Поручить тт. Андропову Ю. В., Устинову Д. Ф., Громыко А. А. информировать Политбюро ЦК о ходе исполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК

Л. И. Брежнев».

К решению приложена справка, написанная рукой Черненко после того, как Брежневу доложили о том, что власть в Афганистане перешла от Хафизуллы Амина к Бабраку Кармалю:

«26 декабря 1979 г. (на даче присутствовали тт. Брежнев Л. И., Устинов Д. Ф., Громыко А. А., Черненко К. У.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС № П 176/125 от 12 декабря 1979 года доложили тт. Устинов, Громыко, Андропов.

Тов. Брежнев Л. И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченных товарищами на ближайшее время. Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро, тщательно продумывая каждый шаг своих действий...»

Удивленный Добрынин спросил министра иностранных дел:

— Зачем ввели войска в Афганистан, ведь крупно поссоримся с американцами?

Громыко успокоительно ответил:

— Это только на месяц, все сделаем и быстро уйдем.

Международные последствия ввода войск были для Советского Союза очень тяжелыми. Это одно из крупнейших поражений советской политики времен министерства Громыко.

23 июня 1980 года в Москве прошел пленум ЦК. Доклад «О международном положении и внешней политике Советского Союза» сделал Громыко. Брежнев выступил коротко. В постановлении пленума «О международном положении и внешней политике Советского Союза» записали:

«Пленум ЦК полностью одобряет принятые меры по оказанию всесторонней помощи Афганистану в деле отражения вооруженных нападений и вмешательства извне, цель которых задушить афганскую революцию и создать проимпериалистический плацдарм военной агрессии на южных границах СССР».

Новый американский президент Рональд Рейган, вступивший в должность в январе 1981 года, занял очень жесткую позицию, от которой в Москве отвыкли. Он назначил государственным секретарем генерала Александра Хейга, ушедшего в отставку с поста командующего войсками НАТО в Европе.

Москва откликнулась на первые шаги Рейгана и Хейга жесткой риторикой. Ответить американский президент не успел.

30 марта 1981 года Рональда Рейгана едва не убил некий Джон Хинкли, который хотел обратить на себя внимание актрисы Джоди Фостер, сыгравшей в знаменитом тогда фильме «Водитель такси». Хинкли выстрелил в Рейгана, когда президент вышел из отеля «Хилтон», где он выступал перед руководителями профсоюзов. Президент был серьезно ранен, пуля проникла в левое легкое. Но Рейган самостоятельно перешагнул порог больницы. Он даже не понял, что ранен. Он подумал, что ему просто сломали ребро, когда после выстрелов охранники с большой силой втолкнули его в машину.

Обращаясь к хирургам, готовившимся к операции, президент со свойственным ему юмором сказал:

— Надеюсь, вы все республиканцы.

Врач оценил мужество пациента, способного шутить в такой ситуации, и ответил:

— Господин президент, сегодня мы все республиканцы.

После операции, увидев возле своей кровати двух главных помощников, Рейган вновь пошутил:

— А кто же остался присматривать за лавкой?

Жене он ласково сказал:

— Дорогая, я забыл пригнуться.

Только после покушения, уже в апреле, Рейган подписал письмо, адресованное Брежневу. Это был ответ на резкое послание из Москвы:

«Дорогой господин президент!

Я сожалею, но все же не могу понять резкий тон Вашего последнего письма. Возможно ли, чтобы мы позволили идеологии, политическим и экономическим взглядам помешать нам решать реальные проблемы людей, которых мы представляем?

Станет ли средняя русская семья благополучнее от того, что ее правительство установило в Афганистане режим, который ему нравится?

В своем письме Вы намекаете, что такие действия стали необходимыми из-за территориальных претензий США, что мы вынашиваем империалистические планы, которые угрожают безопасности Вашей страны.

Для этого обвинения нет никаких оснований. Соединенные Штаты не пытались занять доминирующие позиции в мире даже тогда, когда могли сделать это без какого-либо риска для себя. Когда закончилась Вторая мировая война, США были единственной индустриальной державой, чья экономика не пострадала. Военная мощь США была абсолютной, мы одни имели совершенное оружие — атомную бомбу, которую могли доставить в любую точку мира. Если бы мы хотели доминировать в мире, кто бы мог помешать нам?

Но Соединенные Штаты выбрали другое решение, уникальное в истории человечества. Мы использовали свою силу, чтобы восстановить разрушенную войной экономику других стран, в том числе тех, которые были нашими врагами.

Около десяти лет назад, господин президент, Вы и я встретились в Калифорнии. В то время я был губернатором штата, а Вы вели переговоры с президентом Никсоном.

Те переговоры поразили воображение всего мира.

Когда мы встретились, я спросил, понимаете ли Вы, что надежды миллионов и миллионов людей во всем мире связаны с решениями, которые принимаются на этих переговорах.

Вы пожали мне руку и ответили, что понимаете это и готовы отдать все силы для того, чтобы эти надежды и мечты воплотились в жизнь.

Люди всего мира до сих пор питают эти надежды. Люди во всем мире, несмотря на расовые и национальные различия, имеют очень много общего. Они хотят, чтобы их судьба зависела от них одних. Они хотят выбирать себе работу и получать справедливое вознаграждение. Они хотят добиться мира для своих семей, не нанося вреда другим. Правительство существует для них, но не наоборот.

Господин президент, разве мы не должны пытаться устранить препятствия, которые мешают нашим народам достичь этих простых целей?

Рональд Рейган».

Если бы весной 1981 года Леонид Ильич уже не был так плох, он, возможно, сумел бы поладить с Рональдом Рейганом. Но генерального секретаря уже почти ничего не интересовало.

Помимо Афганистана причиной серьезного кризиса в отношениях между Востоком и Западом стали новые советские ракеты средней дальности.

В 1981 году в Советском Союзе на вооружение был принят мобильный ракетный комплекс с двуступенчатой баллистической ракетой средней дальности РСД-10 «Пионер». Натовцы назвали новую ракету СС-20. Она имела разделяющиеся головные части индивидуального наведения с тремя ядерными боезарядами. Дальность полета превышала пять тысяч километров.

Установка «Пионеров» вдоль западных границ СССР шла стремительными темпами. Американцы фиксировали, что каждую неделю появляются две новых ракеты. Всего было поставлено на вооружение шестьсот пятьдесят ракет. Появление такого количества современного ядерного оружия меняло баланс сил в Европе.

Военные хотели еще разместить «Пионеры» и на Чукотке, чтобы под ударом оказалась территория США. Но там вечная мерзлота, необжитая территория, и на такие непосильные для страны расходы руководство не пошло.

Советские ракеты средней дальности, нацеленные на Западную Европу, породили возмущение и страх. В Москве, писал академик Георгий Арбатов, началось ликование: вот какие мы сильные и умные, ущемили, напугали американцев и НАТО.

Канцлер ФРГ Гельмут Шмидт пытался объяснить советскому руководству, что оно играет в опасную игру:

— Целью ваших новых ракет может быть только наша страна, и я обязан что-то предпринять. Эти ракеты нарушают баланс сил в Европе. Если вы будете продолжать установку ракет, я потребую от американцев принять меры.

Шмидт был проездом в Москве и в аэропорту говорил об этом с Косыгиным и Громыко. Косыгин почувствовал, что канцлер настроен серьезно, и хотел продолжить беседу, но Громыко, который терпеть не мог Шмидта, свернул разговор.

Дело в том, что еще в 1975 году на встрече с Брежневым канцлер Шмидт иронически заметил:

— Советско-германские отношения развивались бы плодотворнее, если бы Громыко был гибче.

Брежнев в тот день чувствовал себя особенно усталым. Ему было не до шуток. Он ответил сухо:

— Громыко пользуется полным доверием советского руководства и выражает нашу позицию.

Присутствовавший на беседе министр иностранных дел запомнил неприятные слова немца. «До ухода с поста главы правительства ФРГ Шмидт не был прощен, — писал Валентин Фалин. — Громыко вел его по списку своих оскорбителей и предвзято воспринимал все, что исходило от канцлера».

Привело это к печальным последствиям.

В декабре 1979 года НАТО приняло решение разместить в Западой Европе 464 новые крылатые ракеты наземного базирования «Томагавк» и заменить 108 устаревших ракет «Першинг» модернизированными ракетами «Першинг-2», которые еще только дорабатывались. Но пока ракеты не были установлены, страны НАТО предложили Москве вступить в переговоры, чтобы сократить численность ядерного оружия в Европе.

Советские дипломаты пытались натравить общественное мнение Западной Европы на Соединенные Штаты. Говорили, что в случае войны Советскому Союзу придется, к сожалению, нанести удар по густонаселенной Европе, которая разрешает американцам размещать у себя новые ракеты.

Но эти угрозы только породили всплеск антисоветизма.

Гельмут Шмидт до последнего надеялся уговорить Москву что-то предпринять. Посол в ФРГ Фалин, со своей стороны, пытался убедить Брежнева в необходимости действовать. Генеральный секретарь отвечал:

— Валентин, ну что ты на меня наседаешь. Убеди Громыко.

Фалин услышал за этим признание: разве ты не видишь, что «для них» я больше не авторитет?

Осенью 1981 года в Нью-Йорке с Громыко беседовал новый государственный секретарь Александр Хейг.

Хейг говорил потом, что Громыко обнаружил некое чувство юмора «с оттенком сарказма». На госсекретаря советский министр произвел впечатление «утомленного человека, которому на протяжении полувековой дипломатической деятельности приходилось сталкиваться со всеми проявлениями человеческого безрассудства и который знает, что так будет и впредь».

Посмотрев снизу вверх на присутствовавшего на переговорах американского посла в Москве Хартмана, отличавшего высоким ростом, Громыко весело заметил:

— Дома он кажется еще выше, чем в Москве. Хартман все растет и растет.

На что Хейг, указав на столь же высокого Добрынина, заметил, что по послам между двумя странами достигнут паритет.

В начале встречи, отметили американцы, Громыко выглядел бодрым и моложе своих лет, но к концу беседы казался постаревшим и утомленным. Все же ему было семьдесят два года. Он отер лоб рукой, явно чувствуя усталость и вместе с тем облегчение.

Президент Рейган предложил «нулевое решение»: Советский Союз убирает свои ракеты «Пионер», Соединенные Штаты отказываются от установки «Першингов» и «Томагавков».

Советские военные с негодованием отвергли это предложение. Начальник Генерального штаба маршал Сергей Федорович Ахромеев объяснил дипломату Юлию Александровичу Квицинскому, которому поручили заняться ракетной проблемой, что количество «Пионеров» будет увеличено. Кроме того, есть план развернуть еще несколько сотен оперативно-тактических ракет меньшей дальности.

Квицинский был поражен:

— Как же так? Только что в соответствии с директивами, одобренными политбюро, я заявлял, что количество ракет не увеличится, что их число надо заморозить.

— Тогда об этом нельзя было говорить, а сейчас нужно сказать, — равнодушно ответил маршал. — Сегодня скажите «да», а завтра — «нет». Мало ли чего вы там заявляете, вы же не Брежнев.

То есть Брежнев публично говорил, что установка новых ракет заморожена, вся пропагандистская машина приводилась в действие, чтобы доказать миролюбие Советского Союза, а военные лихорадочно наращивали ядерный потенциал в Европе.

Ахромеев показал Квицинскому карту объектов НАТО в

Европе, по которым должен быть нанесен ядерный удар; на ней значилось более девятисот целей. На каждую цель для верности было наведено несколько ядерных боезарядов.

Через несколько лет, став генеральным секретарем, Горбачев потребовал от Министерства обороны представить данные о том, сколько именно ракет средней дальности находится на боевых позициях и сколько лежит на складах. Оказалось, что точных данных ни у кого нет, рассказывал Леонид Замятин, руководивший тогда отделом внешнеполитической пропаганды ЦК.

Горбачеву объяснили, как шел процесс установки ракет. Приходил министр обороны Устинов к Брежневу:

— Леня, надо на этом вот направлении поставить еще десяток-другой ракет с ядерными боеголовками.

Брежнев, не заглядывая в поданные ему бумаги, переспрашивал:

— А что, действительно надо?

— Надо. Пусть чувствуют нашу мощь!

И Брежнев подписывал решение о развертывании дополнительного количества ракет...

Это, конечно, несколько утрированное изображение процесса принятия решений в советском политическом механизме. Но правда состояла в том, что при Брежневе военные действительно получали почти все, чего требовали.

Нежелание спорить с военными привело к тому, что в Западной Европе появились новые американские ракеты. Это поставило Советский Союз в весьма невыгодное положение, усилило ощущение уязвимости. Иначе говоря, установка огромного количества «Пионеров» не только не укрепила безопасность страны, а, напротив, подорвала ее.

Советская внешняя политика последних лет — когда Брежнев уже не мог ни в чем участвовать — производила впечатление непредсказуемой и непродуманной. Излишняя, ненужная жесткость свидетельствовала об отсутствии уверенности в себе. Внешняя политика государства оказалась почти полностью подчиненной ведомственным интересам Министерства обороны и военно-промышленного комплекса.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

БЛИЖНИЙ КРУГ

Бывший член политбюро Вадим Андреевич Медведев вспоминает, как, перебравшись из Ленинграда в столицу, он обнаружил, что в центральных органах власти, в правительстве и в аппарате ЦК очень мало москвичей. Тон задавали напористые провинциалы из разных кланов. Это было не случайностью, а результатом продуманной кадровой политики.

Брежнев недолюбливал столичных жителей, потому что среди них оказалось много сторонников Александра Шелепина.

К власти пришла брежневская южная когорта, которую знающие люди делили на разные группы — днепропетровскую, молдавскую и казахстанскую — в зависимости от того, где тому или иному чиновнику посчастливилось поработать с Леонидом Ильичом. В особом фаворе были те, кто познакомился с Брежневым еще в годы его молодости, когда он начинал свою карьеру в Днепропетровске.

В «днепропетровский клан» входили будущий глава правительства Николай Тихонов, заместитель главы правительства Игнатий Новиков, управляющий делами ЦК КПСС Георгий Павлов, министр внутренних дел Николай Щелоков, первый заместитель председателя КГБ Георгий Цинев. Все это были преданные Брежневу люди, его команда.

В Москве невесело шутили, что история России делится на три этапа — допетровский, петровский и днепропетровский.

Леонид Ильич не упустил ни одной возможности назначить на важный пост своего человека. Брежнев не забывал старых знакомых, помогал им. Он нуждался в поддержке, особенно в первые годы, пока его позиции еще не окрепли.

Первый заместитель главы правительства Кирилл Трофимович Мазуров вспоминал, что поначалу Брежнев просил членов президиума ЦК:

— Руководителю нужен авторитет, помогайте.

Подгорный рассказывал, что Брежнев напоминал, чтобы члены политбюро во время его выступлений почаще вставали и аплодировали, показывая пример залу:

— Может, это нехорошо. Но это нужно...

Леониду Ильичу понадобились годы, чтобы убрать из политбюро сильные и самостоятельные фигуры. А до того постоянно ждал подвоха от товарищей по партии. Он же помнил, как легко удалось снять Хрущева.

В 1965 году членом военного совета Московского военного округа стал друг Леонида Ильича с довоенных времен Константин Степанович Грушевой, получивший вскоре звание генерал-полковника.

Когда-то они с Грушевым вместе работали в Днепропетровске, вместе ушли на фронт. Причем Грушевой раньше стал генералом и занял более высокое положение члена военного совета армии, затем фронта. В эвакуации их семьи жили вместе в Алма-Ате.

После войны Грушевой тоже демобилизовался. Он был первым секретарем Измаильского обкома компартии Украины. В 1953 году его вернули на политическую работу в армию.

Генеральный секретарь при первой возможности сделал так, чтобы старый друг был рядом. Они умерли в один год — в 1982-м...

Председатель Совета министров РСФСР Геннадий Иванович Воронов хотел сменить одного из своих первых замов. Как положено, позвонил Брежневу. Тот сказал:

— Приходи.

Воронов назвал кандидатуру, но у Брежнева была своя: Николай Федорович Васильев, председатель Днепропетровского облисполкома. Мнение генерального секретаря возобладало: Васильев был в феврале 1971 года назначен первым заместителем главы российского правительства.

Тогдашний первый секретарь Днепропетровского обкома Алексей Федосеевич Ватченко находился под личным покровительством Брежнева, поэтому в городе появился оперный театр и аэропорт. На Ватченко жаловался первый секретарь горкома, писал на него докладные, обвиняя в хамстве и вопиющей бескультурности. Однако с хозяином любимого города Леонида Ильича ничего нельзя было сделать.

Шелест записал в дневнике, что «интеллигенция Ватченко просто ненавидит и прозвала его метко “унтер Пришибеев”». Сам Петр Ефимович не был большим интеллектуалом. Если уж он кого-то называл хамом, то это, вероятно, было что-то невиданное. Ватченко ополчился на роман Олеся Гончара «Собор», гневно говорил о его идейной порочности и требовал, чтобы все экземпляры журнала с романом были изъяты из библиотек и уничтожены. Ватченко нажаловался на Гончара и Брежневу.

Леонид Ильич недовольно сказал секретарю ЦК Украины по идеологии Овчаренко:

— Вы должны искать подход к интеллигенции, особенно писателям, которые создают нам трудности. Вот ваш Гончар опубликовал роман «Собор», в котором неверно изображается наша действительность...

Олесь Гончар получил Сталинскую и Ленинскую премии, стал одним из руководителей Союза писателей, и в романе не было ничего крамольного. На Украине все знали истинную причину недовольства романом со стороны первого секретаря Днепропетровского обкома.

«В “Соборе”, — писал Шелест, — выведен один руководящий деятель, который считает себя очень идейным коммунистом, но своего отца, старого кадрового рабочего металлургического завода, вышедшего на пенсию, чтобы избавиться от обузы, поместил в дом престарелых. Все факты совпали — действие происходит в Днепропетровской области. Родной отец Ватченко находится в доме престарелых. Ватченко груб, бескультурен, злоблив, кажется, что он ненавидит все человеческое».

Но мысли о Ватченко руководитель Украины держал при себе. Публично поддержал влиятельного первого секретаря обкома. Олесь Гончар тоже вел дневник, куда и записал:

«Был сегодня пленум ЦК Украины. Ватченко, днепропетровский ухоед № 1 (200 килограмм живого веса!) мешал с землей “Собор”. Обжора, сквернослов, отцопродавец. Он меня не удивляет. А Шелест! Позавчера сказал мне, что, поскольку книжки еще не прочитал, то говорить о ней на пленуме не будет (сам пообещал, я его о такой “милости” не просил!). И... нарушил слово. Выступил. Поддержал днепропетровского обжору».

Алексей Ватченко получил золотую звезду Героя Социалистического Труда и стал в 1976 году председателем президиума Верховного Совета Украины.

Советники, помощники, писари

Леонид Ильич подобрал себе большую группу помощников.

Дольше всех с ним работал Виктор Андреевич Голиков. Он начинал трудовую карьеру библиотекарем в средней школе. В 1935 году, окончив Ростовский педагогический институт, преподавал историю, затем стал директором средней школы в Новороссийске. В 1940 году его сделали секретарем Краснодарского крайкома комсомола. Потом перевели на партийную работу в Якутский обком, а в 1945-м направили в Молдавию.

Голиков был секретарем Сорокского укома компартии Молдавии по промышленности и агитации, потом заведовал сектором в отделе пропаганды ЦК компартии Молдавии (и по совместительству редактировал журнал «Литература ши арта»). Как он сам выразился, «в ЦК слыл главным писарем». В аппарате Виктора Андреевича и приметил Леонид Ильич, предложил перейти в помощники.

«Речи-то писать он был небольшой мастак, — рассказывал Голиков горбачевскому помощнику Валерию Болдину. — Ему писарь нужен был, ну и советчик. Мне, откровенно говоря, идти к нему не хотелось».

Но Голиков, разумеется, согласился, и это со временем привело его на вершину власти.

Когда Брежнева после смерти Сталина отправили в ГлавПУР, Голиков решил написать диссертацию. В декабре 1953 года его зачислили слушателем годичных курсов диссертантов при Академии общественных наук. Когда Брежнев поехал на целину, Голиков вновь стал его помощником. С тех пор они не расставались. По распределению обязанностей Виктор Голиков ведал сельским хозяйством и идеологией. Но главным образом он был личным помощником генсека, следил за тем, что и как пишут о Леониде Ильиче. В аппарате знали: Брежнев питает к нему особую симпатию.

— Леонид Ильич никогда голос не повышал, — вспоминал Голиков, — и вел себя со мной по-товарищески. Часто приглашал домой отобедать, ездили мы семьями на шашлыки. Особенно нас сблизил Казахстан. И по работе советовался, доброжелателен был. Только однажды ему нашептали что-то обо мне. И он перестал привлекать меня к работе. Полагаю, это рука Цуканова и Черненко. Они не могли пережить мое независимое положение...

Старшим (неформально, разумеется) помощником Брежнева был Георгий Эммануилович Цуканов. Он окончил Днепродзержинский металлургический институт и, с 1937 года работая на металлургическом заводе имени Дзержинского в Днепропетровске, вырос до главного инженера. В 1958 году Брежнев стал секретарем ЦК по оборонной промышленности и позвал Цуканова в помощники.

Георгий Эммануилович был практиком, здравомыслящим человеком и недолюбливал идеологических подручных Брежнева. В аппарате отзывались о нем с уважением (а о Голикове наоборот — пренебрежительно). Со временем Леонид Ильич охладел к Цуканову, на роль первого помощника выдвинулся Черненко.

Основным помощником Брежнева по международным делам был Андрей Михайлович Александров-Агентов. Он служил в посольстве в Швеции, потом возглавлял скандинавский отдел в МИДе. Под его началом когда-то стажировался молодой Юрий Владимирович Андропов — перед тем как отправиться на работу за границу.

Александров-Агентов стал помощником Брежнева, когда того перевели в Верховный Совет. Леонид Ильич сам позвонил ему:

— Это Андрей Михайлович? С вами говорит Брежнев. Мне бы очень хотелось поговорить по одному вопросу. Вы не могли бы ко мне подъехать?

— Да, конечно, — только и мог ответить Александров-Агентов, потрясенный необычной вежливостью высокой персоны.

— А когда вам было бы удобно подъехать? — уточнил Брежнев. — Одиннадцать часов утра завтра подойдет?

Леонид Ильич встал, чтобы встретить гостя, и сразу взял быка за рога:

— Понимаешь, какое дело: жизнь моя сложилась так, что с малых лет работал в деревне, с юношеских лет — на заводе, а потом — партийные комитеты и на всю войну — армия. Никогда я с этой чертовой внешней политикой дела не имел и совсем в ней не разбираюсь. А теперь вот выбрали президентом и приходится заграничными делами заниматься. Мне нужен человек, который помог бы войти в курс дела, сориентироваться в наиболее важных вопросах. Кое-кто порекомендовал обратиться к вам («вы» и «ты» постоянно перемешивались). Как бы вы посмотрели на то, чтобы перейти работать ко мне?

Брежнев как человек практический поинтересовался зарплатой и жилищными условиями Александрова-Агентова. Сказал с сожалением, что зарплата останется такой же:

— Но зато, имей в виду, у нас в Верховном Совете очень хороший дачный поселок, да и кремлевская столовая тоже...

За многие годы Леонид Ильич убедился в высоком профессионализме своего помощника, его надежности, феноменальной работоспособности. Привык даже прилюдно спрашивать его совета. Иногда во время переговоров Брежнев, высказав какое-то предположение, поворачивался к сидящему рядом помощнику и спрашивал:

— Я правильно сказал?

Леонид Ильич доверял ему и даже позволял спорить с собой. Александров-Агентов смело отстаивал свою точку зрения.

«Александров у нас проходил под кличками Тире (его полная фамилия Александров-Агентов) или Воробышек — из-за его небольшого роста и часто неровной, нервно-суетливой манеры вести себя, — вспоминал заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Карен Нерсесович Брутенц. — Это был преданный делу, трудолюбивый и порядочный человек, сторонившийся интриг и мелкого политиканства».

Он был неизменно вежлив, в том числе с теми, кто стоял ниже его на служебной лестнице. Однажды в Чили, услышав, как советский посол распекает своего дипломата, встал из-за стола и сказал:

— Не терплю, когда так разговаривают с подчиненными.

При этом он мог назвать заместителя министра иностранных дел Анатолия Гавриловича Ковалева «ревизионистом» — не в шутку, всерьез.

Ему не было равных в работе с документами, любую мысль схватывал на лету и облекал в точную формулу. Нервный, суетливый, вспыльчивый, обидчивый, он не был прост в личных отношениях.

Анатолий Черняев вспоминал, как в конце декабря 1975 года в Завидове, где шла работа над очередной речью генерального секретаря, приехал Громыко. Они с Брежневым три часа беседовали. Все думали, что министр иностранных дел приехал с поздравлениями — на следующий день, 19 декабря, Леониду Ильичу исполнялось шестьдесят девять лет.

Но утром Брежнев за завтраком сказал:

— Вот Громыко отпросился от поездки в Японию. Он по решению политбюро должен ехать в начале января. Я согласился: конечно, неохота ему Новый год портить подготовкой, поездка трудная. Да и смысла особого нет: они хотят островов, мы их не даем. Так что результатов все равно никаких не будет. Ничего не изменится — поедет он или не поедет.

Александров-Агентов буквально взорвался:

— Неправильно это, Леонид Ильич. Мы — серьезное государство? Мы должны держать слово? Или нам плевать? Мы четырежды обещали, японцы уже сообщили о визите в газетах. Мы с их престижем должны считаться? Или мы совсем хотим отдать их китайцам? Громыко, видите ли, Новый год не хочется портить. И решение политбюро для него ничто! Приехал отпрашиваться! Неправильно вы поступили, Леонид Ильич!

Брежнев не ожидал атаки, вяло оправдывался:

— Он попросил, я согласился...

Александров-Агентов гнул свое:

— Вот и неправильно, что согласились. Американский госсекретарь Киссинджер в этом году пять раз был в Японии. Тоже ведь ничего, кажется, не изменилось. А наш Громыко в Бельгию, Италию, во Францию, еще куда-то — пожалуйста. А как действительно сложную работу делать, ему «не хочется Новый год портить». Надо разговаривать с японцами. Пусть, как вы говорите, мы ничего не можем сейчас им дать. Но надо вести переговоры, показывать свою добрую волю. Это страна хочет иметь с нами дело. Этим стоит дорожить, считаться с этим. В этом смысл дипломатии. Неправильно вы поступили.

Другие помощники генерального поддержали Александрова. Брежнев попытался перевести разговор на другую тему. Но не получилось. Он помрачнел, бросил салфетку:

— Хорошенький подарочек вы подготовили мне ко дню рождения!

Леонид Ильич ушел. Через час вернулся, посмотрел на Александрова:

— Ты победил, Андрюша. Целый час разговаривал с Громыко. Сказал ему, чтобы ехал в Японию.

Но Андрей Андреевич так и не поехал в Токио...

В другой раз зашла речь о том, что представители НАТО на переговорах в Вене предлагают убрать из Европы тысячу ракет, если Советский Союз выведет тысячу танков.

— С точки зрения безопасности препятствий вроде нет, — сказал Брежнев. — Ни американцы, ни немцы на нас после такого соглашения не нападут. Бояться нечего. Вопрос в другом: друзья в социалистическом лагере будут против. Им наши танки нужны совсем по другим причинам. А так бы я и не на такое соглашение пошел.

За обедом Александров-Агентов напомнил о натовском предложении.

— Не будем принимать, — ответил Брежнев. — Надо подготовить отрицательный ответ.

Александров-Агентов счел, что разговор не окончен. Как-то Брежнев, находясь в хорошем настроении, шутливо пожаловался, что бумаг и без того множество, а Андрей подсовывает новые.

— А что вы обижаетесь, Леонид Ильич? — дал волю чувствам помощник генерального секретаря. — Можем и не докладывать. Как хотите.

— Ну что ты опять нервничаешь! — миролюбиво сказал Леонид Ильич.

— Да, нервничаю. И не могу иначе. Вот, что делать с предложением НАТО? Очень легко сказать «нет». Но мы хотим продолжать разрядку или только говорим, что хотим? Мы же заявляли, что «политическую разрядку нужно дополнить военной». Они предлагают совсем невинную вещь. У нас в соцстранах шестнадцать тысяч танков. Что изменится, если их там будет пятнадцать тысяч? Ничего не изменится. И у них ничего не изменится, если они выведут тысячу устаревших ракет. Но разрядка выиграет. Потому что все увидят, что мы готовы разговаривать и что-то делать с гонкой вооружений. Если же мы скажем «нет», понесем ущерб только мы...

Брежнев встал и ушел в комнату охраны, где находился узел связи. Минут через сорок вернулся со словами:

— Поручил Гречко готовить предложения по Вене. Пусть подумают, как отреагировать на натовский ход...

Можно сказать, что Александров-Агентов во многом сформировал представления Брежнева об окружающем мире.

«Однажды в припадке откровенности Александров так и сказал нам, что “создал этого человека”», — вспоминала Галина Ерофеева, которая знала брежневского помощника не одно десятилетие. Ее муж, Владимир Иванович Ерофеев, работал с Андреем Михайловичем в Швеции, когда послом была знаменитая Александра Михайловна Коллонтай.

«Человеку с солидным университетским образованием, — пишет Галина Ерофеева, — знающему пять языков, любящему поэзию — он увлеченно читал Сашу Черного на вечеринках — иметь повседневно дело с ограниченным, малокультурным боссом, “тыкающим” его, когда он с собственной женой говорил на “вы” (по укоренившейся привычке конспирировать их связь в студенческие годы перед родителями жены), было, конечно, не в радость».

Чем это компенсировалось? Благами и привилегиями:

«Машина с водителями, комфортабельная дача круглый год с превосходным питанием в дачной столовой за символическую плату, “кремлевская столовая” на улице Грановского, отдых в лучших цековских санаториях, в том числе и “у друзей” за рубежом. К тому же вскоре потекли ручейки всяческих подношений из различных краев и республик, которые хозяйка дома иногда демонстрировала нам.

И наши старые знакомые, жившие до этого весьма скромно, откровенно упивались открывшимися перед ними райскими возможностями, хотя и любили говорить, что "ничем не пользуются", имея, очевидно, в виду то, что они могли бы намного расширить сферу своих возможностей».

Леонид Ильич щедро вознаградил своего помощника за труды — сделал его членом ЦК, депутатом, дал Ленинскую и Государственную премии, присвоил звание чрезвычайного и полномочного посла; на приемы в Кремле Александров-Агентов приходил в посольском мундире.

«Александровы были оригинальной парой, — пишет Галина Ерофеева. — Он — из интеллигентной семьи, внук царского генерала. Ее родители — рабочие, сумевшие воспользоваться тем, что подарила революция смекалистому человеку из низов. Переселились в петербургскую квартиру, принадлежавшую некогда барам, неплохо устроились на работе. Дочку учили музыке, языкам...

Наблюдая за их жизнью, можно было легко представить, как прекрасно они вписались бы в круг среднего класса той же Швеции, которую они оба нежно любили. Впрочем, и в Москве их образ жизни со времени работы А. А. в высших сферах власти стал похож на буржуазный: огромная пятикомнатная квартира на улице Горького, обставленная стильной мебелью, с диванным гарнитуром, обитым шелковым штофом, многочисленные украшения в виде бронзовых или фарфоровых статуэток, хрусталя и картин завершали вид богатого, процветающего дома...

Приобретения были не только увлечением, но истинной страстью хозяйки. Трудности нашей жизни открывали неожиданные возможности. Оказывается, можно было поделиться талонами в "кремлевскую столовую" с вдовой престижного художника и задешево приобрести его картины, которым нашлось бы место в небольших музеях...»

В 1972 году, когда Брежнев ощутил вкус к внешней политике, стал много ездить и встречаться с мировыми лидерами, у него появились еще два помощника по международным делам: Константин Викторович Русаков и Анатолий Иванович Блатов. Да еще Евгений Матвеевич Самотейкин, тоже в прошлом сотрудник Министерства иностранных дел, получил должность референта генерального секретаря.

Константин Русаков в 1930 году окончил Ленинградский политический институт и девять лет занимался строительством мясокомбинатов в различных городах страны. В 1939 году его взяли в наркомат рыбной промышленности, где он по-прежнему занимался строительством. После войны Сталин разделил одно ведомство на два — на Министерство рыбной промышленности западных районов СССР и на Министерство рыбной промышленности восточных районов

СССР. Русаков получил повышение и стал заместителем министра. Вождь его заметил и при очередном перетряхивании кадров, в феврале 1950 года, назначил министром рыбной промышленности. Но на министерском посту Русаков долго не удержался, через два года его перевели в заместители министра.

В июне 1957 года в его карьере наступил неожиданный поворот. После разгрома группы Маленкова, Молотова и Кагановича Никита Сергеевич распорядился обновить аппарат правительства. Константина Викторовича командировали советником в посольство в Польшу, потом сделали послом в Монголии.

В 1964 году Андропов взял его заместителем в отдел ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Когда Андропов ушел в КГБ, Русаков вместо него возглавил отдел. С 1972 по 1977 год он был помощником Брежнева, а потом вновь возглавил отдел, но уже в ранге секретаря ЦК.

Русаков едва не стал жертвой крупного шпионского скандала. Его дочь развелась, и за ней ухаживал сотрудник управления по планированию внешнеполитических мероприятий Министерства иностранных дел Александр Дмитриевич Огородник. А его КГБ подозревал в работе на американскую разведку.

«Когда Огородник уехал отдыхать в Грузию, — пишет генерал Вячеслав Ервандович Керворков, — в ЦК компартии Грузии последовал звонок из аппарата секретаря ЦК КПСС Константина Викторовича Русакова: Огороднику нужно уделить особое внимание и обеспечить ему комфортное и беззаботное пребывание в столице южной республики. Семья мощного партийного функционера пеклась о благополучии своего потенциального зятя».

Не дожидаясь, пока Огородник станет зятем секретаря ЦК, его решили арестовать. Но при аресте он покончил с собой, приняв яд. Во всяком случае так эту историю — с санкции Андропова — писателю Юлиану Семенову рассказал генерал Виталий Константинович Бояров. Семенов написал роман «ТАСС уполномочен заявить», по которому был снят многосерийный фильм. Суда по этому делу не было, документы, насколько мне известно, не рассекречивались. Так что обо всем, что тогда произошло, мы знаем со слов бывших сотрудников Комитета госбезопасности.

Для Константина Русакова эта история не имела никаких последствий, хотя любому другому советскому гражданину близкое знакомство с выявленным агентом ЦРУ дорого бы обошлось.

Еще один брежневский помощник по международным делам Анатолий Блатов начинал мастером на Запорожском паровозоремонтном заводе. Окончил Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта, работал начальником электросилового хозяйства первого отделения Приморской железной дороги, затем контролером наркомата госконтроля СССР по Приморскому краю.

После войны Блатова взяли на дипломатическую работу. Он быстро сделал карьеру в Министерстве иностранных дел — советник посольства в ГДР, заместитель заведующего отделом, заведующий отделом, член коллегии МИДа.

В 1968 году Анатолия Блатова перевели в аппарат ЦК КПСС, где он обратил на себя внимание, и Брежнев распорядился взять его в своей аппарат. Блатов был человеком скромным и без тщеславия.

Брежнев свою команду ценил, мелкие ошибки прощал. Секретари и помощники вспоминали, что Брежнев не кричал и не распекал. Когда его поручение выполнялось плохо, обижался и переходил на «вы». Один из его ближайших сотрудников рассказывал, как совершил недопустимый промах и думал, что его работа в ЦК окончена.

Дело было так. Леонид Ильич поручил подготовить какую-то справку к совещанию. Когда Брежнев, выступая, сослался на приведенные в справке цифры, зал зашумел. Цифры были взяты не из того источника.

На следующее утро, собрав помощников, Брежнев, как обычно, раздавал поручения. Провинившегося словно не замечал. Потом всех отпустил, а его попросил задержаться. Когда они остались одни, не сдержавшись, сказал:

— Что ты дерьмо — знаю только я, а что я идиот — теперь знает вся страна! Уйди с глаз моих долой!

Тот вышел, поднялся в свой кабинет и стал прикидывать, где он теперь будет работать. Погруженный в свои мысли, не сразу понял, что жужжит аппарат прямой связи с генеральным секретарем. Обреченно снял трубку.

Брежнев спросил:

— Как жена?

Знал, что та болеет.

— Спасибо, Леонид Ильич, — с трудом выдавил из себя помощник. — Сегодня уже лучше.

— Передай привет, пусть выздоравливает, — и Брежнев отключился.

Накричал, но сразу дал понять, что жизнь продолжается. И работа тоже...

У каждого из помощников генерального секретаря были свои приближенные, те, кто работал над брежневскими речами. Цуканов опирался на академиков Николая Николаевича Иноземцева и Георгия Аркадьевича Арбатова, высоко ценил Александра Евгеньевича Бовина с его оригинальным и ярким умом. Любимым писателем Александрова-Агентова был разносторонне образованный Вадим Валентинович Загладин, который быстро делал карьеру в международном отделе ЦК. Блатову помогал Николай Владимирович Шишлин, который возглавил группу консультантов отдела ЦК по соцстранам.

Брежнев придавал особое значение своим речам. Он жаждал аплодисментов, не дай бог сухую речь произнести, поэтому требовал цветистых оборотов, эмоций. И дорожил теми, кто это умел делать.

Работа над выступлением или статьей генерального секретаря не вознаграждалась ни деньгами, ни вообще чем-либо материальным, но желающих участвовать в ней было хоть пруд пруди.

Александров-Агентов, после того как была написана очередная статья для Брежнева, отозвал в сторону одного из авторов — Вадима Алексеевича Печенева из отдела пропаганды ЦК, и с ненаигранным энтузиазмом сказал:

— Вадим Алексеевич, имейте в виду. То, что произошло, это больше, чем медаль или орден. Это признание в партии! Теперь для знающих людей вы не просто Печенев, а тот Печенев, который писал статью самому генеральному секретарю...

Со временем заметную роль в окружении Брежнева стал играть Леонид Митрофанович Замятин. Он руководил отделом печати МИДа, когда его однажды вызвали к Брежневу.

Генеральный секретарь встретил гостя очень любезно, посадил напротив себя и доверительно сказал:

— Ты знаешь, трудно мне стало разбираться с бумагами. Навалят стопку телеграмм, а мне нужны люди, которые в них разберутся и дадут то, что мне нужно знать. Мне тебя посоветовали. Я к тебе присматривался, не скрою. И предлагаю тебе пойти работать в ТАСС.

Тогда генеральным директором телеграфного агентства был Сергей Георгиевич Лапин, человек с богатой биографией, очень консервативными убеждениями и едким юмором. Он окончил два курса Ленинградского историко-лингвистического института и пошел работать в «Винницкую правду». В 1942 году его взяли в отдел печати ЦК, и дальше он пошел в гору. После смерти Сталина Лапина перевели в МИД. При Брежневе он поехал послом в Китай, а через два года возглавил ТАСС.

— А куда же Лапина? — поинтересовался Замятин.

— Он пойдет на телевидение, — ответил Брежнев.

У Брежнева Лапин пользовался неограниченным доверием. Сергей Георгиевич наиболее важные разговоры начинал такой фразой:

— Я вчера обедал с Леонидом Ильичом...

После такого вступления возражать Лапину решался только тот, кто завтракал или ужинал с генеральным секретарем.

— ТАСС, — продолжал Леонид Ильич, — это то, что дает нам информацию. Я хочу, что ты отбирал информацию, чтобы я первым узнавал, что происходит...

Иначе говоря, генеральный секретарь хотел, чтобы главный источник информации о положении в стране и мире перешел в руки лично ему преданного человека. Лапин и был таким, но ему предстояло сменить на телевидении Николая Месяцева, друга Шелепина.

Первым заместителем Лапина, отвечавшим за телевидение, стал Энвер Назимович Мамедов. Они работали рука об руку многие годы. Мамедов был человеком одаренным, прекрасно отличал людей талантливых от неталантливых, но главная его задача состояла в проведении линии партии.

«Высокий, смуглый, холеный брюнет с властным, жестоким лицом, с цепким, безжалостным взглядом и отрывистой категоричной речью, — таким увидел Мамедова ленинградский сценарист Лев Мархасёв, — в отличном английском костюме в клетку, благоухая неведомым мне парфюмом, он являл собой странную помесь шахиншаха с лордом».

Выбор Брежнев сделал верный. Гостелерадио Лапин возглавлял пятнадцать лет, только в декабре 1985 года Горбачев отправил его на пенсию. И Леонид Митрофанович Замятин ориентировался только на генерального секретаря.

— Давай сразу договоримся, — сказал Брежнев, — что ты завтра уже будешь в ТАССе.

— Почему завтра? — поинтересовался Замятин.

— Можно сегодня, — улыбнулся Брежнев и позвонил Суслову: — Замятин у меня. Он сейчас к тебе зайдет, ты с ним договорись. Нужно, чтобы завтра его представили в ТАССе.

В Молдавии у Леонида Ильича был еще один помощник — Сергей Павлович Трапезников. В два года он остался без родителей. В анкете писал, что до тринадцати лет воспитывался в детдоме, потом работал у кулаков по найму, трудился на лесопильном заводе учеником моториста...

В семнадцать лет его взяли в райком комсомола, оттуда послали учиться во втуз, затем в Химико-технологический институт в Самаре. Но Трапезников не доучился, а вернулся в комсомол — заведовал отделом в Керенском райкоме Пензенской области, был в Самаре заместителем главного редактора краевой молодежной газеты «Будь готов».

Из комсомола его перевели на партийную работу: заведующий парткабинетом и культпропотделом, второй секретарь, первый секретарь райкома, заведующий отделом Пензенского обкома партии... С 1944 по 1946 год он учился в Высшей партийной школе, потом стал аспирантом Академии общественных наук при ЦК. Параллельно окончил исторический факультет Московского педагогического института.

В Пензе он работал под началом Константина Устиновича Черненко. После войны тот уехал в Кишинев и предложил Трапезникову присоединиться к нему. Сергея Павловича назначили директором республиканской Высшей партийной школы и одновременно главным редактором журнала «Коммунист Молдавии». Он вошел в команду Леонида Ильича.

Потом на несколько лет, когда Брежнев уехал из Кишинева, они расстались. В 1956 году, став секретарем ЦК, Леонид Ильич вспомнил о Трапезникове и взял его к себе помощником. Сергей Павлович вскоре защитил докторскую диссертацию.

Проработав несколько лет в аппарате, Трапезников попросил отпустить его на научную работу. Леонид Ильич пошел навстречу. В январе 1960 года Трапезникова утвердили заместителем ректора Высшей партийной школы по научной работе. Он стал профессором. В мае 1965 года Брежнев восстановил самостоятельный отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС и поставил во главе Трапезникова.

Перед назначением поделился с Александровым-Агентовым:

— Знаешь, я думаю заведующим отделом науки сделать Трапезникова. Как ты думаешь?

Александров-Агентов признавался потом, что пришел в ужас: Трапезников — безграмотный, примитивный человек. Он сказал Леониду Ильичу:

— У меня в сейфе лежит написанная Трапезниковым от руки бумага, в которой на одной странице восемнадцать грубейших орфографических ошибок. И этот человек будет руководить развитием нашей науки, работой академиков?

Брежнев нахмурился и оборвал разговор. Грамотных людей полно, а по-настоящему преданных куда меньше...

Трапезников в начале 1930-х попал в страшную автокатастрофу, долго лечился. Холуи рассказывали, что его травма — следы войны, что Трапезников прошел рядом с Брежневым всю Великую Отечественную... Сергей Павлович не спешил опровергать эту легенду. Ходил он, как больной полиомиелитом, вспоминал заместитель заведующего международным отделом ЦК Анатолий Сергеевич Черняев. Одна рука безжизненно висела, шея, вдавленная в приподнятые плечи, не поворачивалась. Мертвенно бледное лицо, тусклые неподвижные глаза.

«Но он не вызывал жалости, — писал о нем бывший сотрудник аппарата ЦК Иван Дмитриевич Лаптев. — Более того, наверное, даже мысль о жалости или отвращении не могла прийти в голову тем, кто с ним сталкивался.

Я не раз наблюдал, как его подчиненные, люди достойные, достаточно молодые, в других условиях раскованные, буквально спадали с лица перед встречей с ним. Его сотрудники не смели отступить ни от одного слова в тексте, если этот текст посмотрел Трапезников...

На совещаниях руководителей научных учреждений, которые он проводил (я был на таких совещаниях два или три раза), царила цепенящая гнетущая атмосфера».

По мнению коллег, Трапезников был сталинистом и редкостным мракобесом. Он даже кандидата в члены политбюро Бориса Николаевича Пономарева, руководителя международного отдела ЦК, считал ревизионистом.

Он писал настоящие доносы на тех, кого считал недостаточно твердокаменным. Например, на секретариате ЦК обсуждалась записка Трапезникова, в которой он обрушился на бывшего главного редактора «Правды» Алексея Матвеевича Румянцева, ставшего вице-президентом Академии наук:

«Т. Румянцев взял под защиту явно ошибочные труды, требует открытых “свободных” дискуссий. Позволительно спросить его, о какой это “свободе” идет речь?»

На одном из совещаний в ЦК Трапезников, ужасаясь тому, что было сделано при Хрущеве, горестно восклицал:

— В эти десять лет забыли о главном — о классовой борьбе!

Один из руководителей отдела информации ЦК КПСС Василий Романович Ситников иронически заметил:

— Не понимаю, чего он хочет? Чтобы его «чайку» закидывали камнями, что ли?

Александр Яковлев вспоминал, как в начале 1970-х ехал в машине вместе с Трапезниковым. Заведующий отделом науки сокрушался по поводу ущерба, нанесенного идеологии Хрущевым:

— Что же будет с марксизмом, когда мы умрем?

Леонид Ильич его очень жаловал. Трапезников стал членом ЦК, депутатом Верховного Совета. Он мечтал быть академиком. Но тут возникли трудности.

Трапезников выставил свою кандидатуру в члены-корреспонденты Академии наук. Обществоведы его кандидатуру одобрили. 2 июля 1966 года на общем собрании академии против Трапезникова смело выступил академик Игорь Евгеньевич Тамм, один из выдающихся физиков, лауреат Нобелевской премии:

— Речь идет не о том, что он может быть очень хорошим начальником отдела науки. Не об этом идет речь, а речь идет о научных заслугах.

Таковых не оказалось. Трапезникова при тайном голосовании прокатили. Президент академии Мстислав Всеволодович Келдыш доложил о неудаче Суслову. Тот распорядился еще раз провести голосование. Трапезникова опять провалили. Через десять лет, в 1976 году, он своего добился — стал членом-корреспондентом Академии наук. Но не остановился на достигнутом — пожелал стать полноценным академиком.

В конце 1978 года академики Алексей Леонтьевич Нарочницкий и Исаак Израилевич Минц выдвинули Трапезникова в действительные члены Академии наук. «Выдающимся вкладом в разработку отечественной истории, — писали два академика, — являются его труды по аграрной истории нашей страны. Среди которых особенно большое значение имеет 2-томный капитальный труд “Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос”».

Но академиком Трапезников все-таки не стал.

Правитель канцелярии

Когда Леонид Ильич возглавил страну, он вспомнил всех своих друзей по Молдавии. Константин Устинович Черненко стал заведовать общим отделом ЦК КПСС (его предшественника Владимира Малина утвердили ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС), Сергей Павлович Трапезников — заведующим отделом науки и учебных заведений ЦК, Семен Кузьмич Цвигун — генералом армии и первым заместителем председателя КГБ.

Ключевую роль в окружении Леонида Ильича играл Черненко. Первые годы его многие даже не замечали. Ошибочно принимали просто за помощника Брежнева и не подозревали о той особой роли, которую он играл в системе власти.

Черненко и не стремился выставлять себя на первый план, избегал публичности. Выступать не любил и не умел.

Все считали, что он должен оставаться в тени. Он не возражал: в тени, значит в тени. Его сила состояла в другом.

Семнадцать лет Черненко возглавлял общий отдел ЦК. Раньше общий отдел назывался особым сектором, а руководил им бессменный помощник Сталина — знаменитый Поскребышев. Но и при нем это была всего лишь партийная канцелярия. Черненко превратил отдел в инструмент власти и орган управления партийным аппаратом.

Задача общего отдела — «обслуживание высших органов партии». Имелось в виду организационно-техническое обслуживание. Но получилось иначе. Ни один документ, в том числе самый секретный, самый важный, не мог миновать общего отдела. От Черненко зависело, какие бумаги лягут на стол генеральному секретарю, какие люди получат возможность изложить свое мнение, какую информацию получит генеральный.

Даже материалы КГБ шли через заведующего общим отделом. Только в исключительных случаях председатель Комитета госбезопасности докладывал лично генеральному. Но Андропов появлялся в кабинете Брежнева раз в неделю, а Черненко — каждый день и не один раз.

Помощники Брежнева вспоминали, что Черненко сам приносил Леониду Ильичу все важнейшие документы, поступавшие в Центральный комитет, сопровождая их своими комментариями и рекомендациями. Причем делал он это с большим искусством, умел доложить дело так, чтобы оно не вызывало раздражения, сглаживал острые углы, что особенно нравилось Леониду Ильичу.

Члены политбюро и секретари ЦК не имели возможности без доклада зайти к генеральному секретарю. Все должны были спросить разрешения у Черненко, объяснить, по какому вопросу желают видеть генерального.

Виталий Воротников, который в начале 1970-х был первым секретарем Воронежского обкома, вспоминал, как он обратился к секретарю ЦК Федору Кулакову, занимавшемуся аграрными делами, с идеей реорганизации системы снабжения сельскохозяйственной техникой.

Кулаков внимательно выслушал Воротникова, что-то ему понравилось, с чем-то не согласился. Потом сказал:

— Готовьте обстоятельную и доказательную записку в ЦК, тогда будем обсуждать вашу идею.

Воротников попрощался и двинулся к двери. Федор Давыдович остановил:

— К Леониду Ильичу не заходил?

— Нет, — ответил Воротников.

Кулаков укоризненно заметил:

— Надо чаще наведываться к генеральному.

Воротников позвонил в приемную Брежнева, попросил о встрече. Ему велели перезвонить через день, возможно, Леонид Ильич его примет. Он не стал звонить, а через день вошел во второй подъезд здания ЦК на Старой площади и поднялся на пятый этаж, где был кабинет генерального секретаря. Его попросили подождать — Брежнев принимал иностранцев. В приемной уже собралось несколько первых секретарей обкомов. Брежнев пригласил их всех вместе.

— Нам надо чаще общаться, — сказал он, — а многие секретари редко звонят. Конечно, я неплохо информирован о политической обстановке и хозяйственных делах на местах. Но одно дело информация аппарата ЦК, помощников, другое дело — прямые контакты с вами. Не стесняйтесь лишний раз «побеспокоить» генсека. Правда, нужно не размазывать беседу, доклады должны быть короткими, четкими и объективными.

Брежнев много курил, рассказывал о ситуации в стране, о поездке за границу, о планах. Он расспрашивал и секретарей, но им долго говорить не давал, сам что-то вспоминал.

Прощаясь, опять со значением сказал:

— Во всех делах надежда и опора на вас. Всегда рассчитывайте на мою поддержку. Не стесняйтесь, излагайте мне свои предложения. Нам нужны контакты, общение. Опора государства — это партия, ее ЦК, а на местах — обкомы.

Воротников написал подробную записку и вновь приехал в Москву. Кулаков прочитал все восемь страниц записки, ему понравилось.

Воротников сказал:

— Раз так, Федор Давыдович, тогда доложите Леониду Ильичу.

Кулаков задумался, покачал головой:

— Так у нас ничего не выйдет.

Он позвонил Черненко и стал ему рассказывать суть предложения:

— Надо бы познакомить с идеей Брежнева. А еще лучше, если бы Леонид Ильич принял Воротникова.

Выслушав ответ Черненко, Кулаков сказал Воротникову:

— Иди к Черненко, он все устроит.

Воротников сильно удивился, что член политбюро и секретарь ЦК не решается сам позвонить генеральному, а просит об этом заведующего общим отделом.

Воротников тогда еще не вник в аппаратные тонкости. Со временем он сам станет членом политбюро, и ему многое откроется. Черненко даже не стал читать записку, а сказал Воротникову:

— Оставь, а о приеме известим.

Черненко действительно все устроил. Брежнев на следующий же день принял Воротникова. Стал говорить о межхозяйственных животноводческих комплексах, о мелиорации, удобрениях. Медленно и вдумчиво читал записку, одобрительно комментировал по ходу чтения. Упомянул Кулакова:

— У нас дельный секретарь ЦК Федор Давыдович Кулаков. Его уважают на местах. Хороший мне помощник.

Брежнев доверял Черненко и часто, ничего не спрашивая, подписывал заготовленные им резолюции. Или же Константин Устинович просто получал от Брежнева устное согласие и писал на документе: «Леониду Ильичу доложено. Он просит внести предложение». Все, дело сделано...

Решая кадровые вопросы, Брежнев советовался прежде всего с Черненко, который все знал о партийных секретарях, о сотрудниках аппарата, о высшей номенклатуре, в том числе весьма деликатные подробности их жизни.

Это был единственный отдел, в котором секторы был номерные: первый сектор ведал подготовкой материалов для заседаний политбюро; второй — подготовкой материалов для заседаний секретариата ЦК; третий — занимался приемом и отправкой документов; четвертый — приемом и отправкой шифротелеграмм; пятому сектору был поручен контроль за исполнением решений ЦК; шестой — это архив политбюро; седьмой — архив секретариата; восьмой — архив «особой папки».

Контроль был формальным: следили только за тем, чтобы документы исполнялись точно в срок. Когда подходил срок внесения в ЦК предложений по тому или иному пункту постановления, из общего отдела звонили в отраслевой:

— Иван Иванович, срок подходит. Как у вас?..

— Все готово, бумага у руководства на подписи.

Потом в составе отдела выделили группу по работе с письмами трудящихся (впоследствии подотдел). Всего в общем отделе трудилось около пятисот человек. В основном это были технические работники.

Первый и шестой секторы, которые обслуживали политбюро, находились в Кремле — там заседало политбюро, остальные на Старой площади. Входившие в состав общего отдела архивы хранили высшие секреты государства — от военных до политических. Там находился личный архив Сталина и взрывоопасные материалы, которые таили от мира:

оригиналы секретных протоколов, подписанных с немцами в 1939 году о разделе Польши и Прибалтики, документы о расстреле польских офицеров в Катыни и многое другое.

Даже члены политбюро не имели доступа к этим документам. Только два человека имели неограниченный доступ ко всем документам — генеральный секретарь, который, естественно, никогда не бывал в архиве, и Черненко, хранитель секретов партии.

Когда Черненко возглавил общий отдел, появилась возможность быстро продвигать нужные Брежневу бумаги и тормозить ненужные. Одно решение принималось с курьерской скоростью, другое надолго застревало в партийной канцелярии.

Решения ЦК готовились всеми отделами, обсуждались на секретариате ЦК, а выпускал их в свет именно общий отдел. Известны случаи, когда бумаги, утвержденные на секретариате, хода не получали — общий отдел их не выпускал. Разумеется, этому предшествовала договоренность с генсеком, но тем не менее это свидетельствует о власти руководителя общего отдела.

Черненко создал электронную систему обработки информации, вычислительный центр ЦК. Компьютеры были отечественные, минские, но он распорядился заткнуть за пояс вычислительный центр Госплана. В общем отделе сформировалась колоссальная база данных по кадровым вопросам — на всю номенклатуру ЦК. Все документы, все постановления были занесены в компьютеры. Черненко этим гордился. Любой документ можно было найти за считаные минуты.

Между Кремлем, где сидел Брежнев и где проходили заседания политбюро, и зданиями ЦК на Старой площади провели подземную пневматическую почту, что позволяло мгновенно доставлять нужные бумаги генеральному секретарю. За это Черненко получил Государственную премию.

Константин Устинович избавил Брежнева от черновой работы. Он все помнил, все знал, всегда был под рукой, готовый исполнить любое указание. Между ними установились весьма близкие, доверительные отношения, и Леонид Ильич давал Черненко поручения самого деликатного характера, с которыми он не обратился бы ни к кому другому...

В последние годы, когда Брежнев чувствовал себя совсем больным, Черненко стал ему особенно нужен. Когда другие помощники приходили к Брежневу с какими-то неотложными вопросами, он раздраженно говорил:

— Вечно вы тут со своими проблемами. Вот Костя умеет доложить...

Леонид Ильич заботился о своем верном помощнике.

В 1976 году проходил XXV съезд партии, и Черненко взял подготовку документов съезда в свои руки. Отдел организационно-партийной работы занимался проведением местных выборов, отбором делегатов на съезд. А Черненко ведал документами съезда и был за это отмечен высшей государственной наградой.

Тогда существовала четкая градация. Высшему партийному руководству по случаю шестидесятилетия присваивалось звание Героя Социалистического Труда. К промежуточным датам давали орден Ленина или Октябрьской Революции. Черненко — хотя у него была не круглая дата — в марте 1976 года получил золотую звезду Героя Социалистического Труда. Формулировка указа многих поразила — за подготовку и проведение съезда партии. И на мартовском пленуме его избрали секретарем ЦК.

Общий отдел стал ведущим в центральном аппарате не потому, что так Брежнев распорядился, а потому что Черненко его таким сделал. Он ежегодно проводил совещания с работниками общих отделов местных партийных комитетов. Иногда на совещаниях присутствовал Брежнев. Он этим поднимал авторитет Черненко.

— Леонид Ильич не просто присутствовал как свадебный генерал, — рассказывал Вадим Печенев, который стал помощником Черненко. — Брежнев выступал. Причем без бумажки. Иногда позволял себе назвать Константина Устиновича Костей. Все всё понимали. «Вот Костя вчера звездочку получил. Вы что думаете, это так? Вот как съезд прошел!» И начинал рассказывать. Он заводной был, Брежнев, мог зажечь аудиторию.

— Брежнев всех именовал по имени-отчеству, всех членов политбюро, а его Костей называл, — вспоминал главный помощник Черененко Виктор Прибытков. — Я чувствовал, что ему это не нравилось, но генсек есть генсек. «Ты, Костя, погляди, ну во что ты меня втягиваешь, ты сам с ним поговори». Вот Костя все и делал, очень покладисто и терпеливо...

Осенью 1979 года послу в ГДР Петру Абрасимову позвонил из Москвы Брежнев, сказал, что возглавит делегацию, которая приедет на празднование тридцатилетия ГДР. Спросил, какая ожидается погода, и как бы мимоходом упомянул, что в составе делегации будет Черненко, и добавил:

— Ты там поговори с Хонеккером — не мешало бы немцам наградить его своим орденом.

Это поручение Абрасимов не смог выполнить. И на второй или третий день визита Брежнев упрекнул Хонеккера:

— Эрих, что тебе — жалко Черненко орден дать?

Хонеккер недоуменно посмотрел на посла, который его не предупредил о пожелании советского лидера. На следующий день вечером приехал первый секретарь ЦК социалистической единой партии Германии в сопровождении нескольких членов политбюро и вручил Черненко орден Карла Маркса — высшую награду ГДР.

Константин Устинович не был человеком корыстным, никогда не брал подношений.

— На меня несколько раз выходили крупные руководители, — рассказывал Виктор Прибытков. — «Слушай, тут сейчас праздник, домашнего кое-чего подошлем». Я знал Черненко, поэтому отвечал: «Я сам не могу решить, мне надо с Константином Устиновичем поговорить». — «Да зачем советоваться, что это, взятка?» Я говорил, что таков порядок.

Однажды такую посылку Прибыткову все-таки всучили. Он не знал, что с ней делать, и позвонил жене Черненко:

— Анна Дмитриевна, вот такую штуку я допустил. Она: «Ради бога, не говори Константину Устиновичу». А что с посылкой делать? — «Отдай Володе Маркину, начальнику охраны, что-нибудь придумаем». А что придумали? Отдали эти бутылки охране.

Прибытков все-таки пошел к Черненко и рассказал, что есть такие звонки. Как реагировать? Тот ответил:

— Знаешь что, у тебя много работы, не занимайся этим, не бери на себя эту обузу. Будут звонить, скажи, чтобы со мной связывались.

Конечно же самому Черненко с предложением подношений никто позвонить не смел.

В последние годы жизни Брежнева роль Черненко невероятно возрасла. Он тщательно фильтровал информацию, поступающую к Брежневу, определял график его работы. Секретари в приемной генсека были его подчиненными.

Андропов и его заместители

Одним из самых удачных лично для Брежнева назначений стал выбор Юрия Владимировича Андропова на пост председателя Комитета госбезопасности.

Позволю себе небольшое отступление. Когда я работал над этой книгой, летом 2007 года, у меня была возможность побывать в президентской резиденции в Ново-Огареве и спросить, что думает об Андропове один из его бывших подчиненных. Я имею в виду президента России Владимира Владимировича Путина. Вопросу об Андропове он нисколько не удивился.

— Андропов был человеком, с которым ассоциировались надежды на что-то доброе, на улучшение нашей жизни, — сказал мне президент. — Казалось, что он способен изменить нашу жизнь. Потом, правда, стало ясно, что он имел в виду скорее косметические перемены, наведение порядка. Помните, проводились облавы. Но мое отношение к нему не меняется с течением времени.

— Вы говорите о той поре, когда он ненадолго стал руководителем государства, все помнят именно этот момент. А что вы, Владимир Владимирович, думали об Андропове, когда он был председателем Комитета госбезопасности?

— Знаете, именно с приходом Андропова я связываю установление социалистической законности. Многое изменилось именно после его назначения председателем комитета. Кстати, эта законность была не хуже других...

Я уточнил:

— А что вы тогда между собой говорили о председателе?

— Вы имеете в виду те годы, когда я служил в КГБ? — переспросил президент.

— Да, мне интересны ваши личные впечатления того времени. Как вы тогда в своем кругу его оценивали? Что для вас было самым важным?

— Ну, мы в ту пору не очень распространялись на эту тему...

После свержения Хрущева Юрий Владимирович Андропов оказался в исключительно трудном положении. Тем более что в мае 1964 года умер член президиума ЦК Отто Вильгельмович Куусинен, который поддерживал его еще с тех пор, как они вместе работали в Карело-Финской ССР. Андропов, секретарь ЦК по соцстранам, остался в одиночестве и не знал, как сложится его судьба.

В мощную группу Шелепина он не входил. Суслов, который стал главным идеологом и обладал большим весом, ему не симпатизировал. С новым председателем правительства Косыгиным у него были и вовсе плохие отношения.

Юрий Владимирович нервничал и опасался, что с ним вообще расстанутся. Он вовсю старался понравиться Брежневу. Но Леонид Ильич до поры до времени не проявлял особого интереса к секретарю ЦК по соцстранам.

В тот майский день 1967 года, когда его назначили председателем КГБ, Андропов вышел из кабинета Леонида Ильича совершенно ошарашенный. Помощник Брежнева Александров-Агентов находился в тот момент в приемной генерального секретаря и спросил:

— Ну что, Юрий Владимирович, поздравить вас — или как?

— Не знаю, — ответил он. — Знаю только, что меня еще раз переехало колесо истории.

Юрий Владимирович, вероятно, искренне не хотел этого назначения. В те годы перейти из секретарей ЦК в председатели КГБ считалось понижением. Он и не догадывался, что эта должность сделает его одним из самых влиятельных в стране людей и со временем приведет в кресло генерального секретаря.

Когда на заседании политбюро Брежнев предложил назначить Андропова председателем КГБ, тот промямлил:

— Может быть, не надо этого делать? Я в этих вопросах не разбираюсь, и мне будет очень трудно освоить эту трудную работу.

Разумеется, его слова все пропустили мимо ушей. С членами политбюро Брежнев договорился заранее. И никто, собственно, и не возражал: Андропов не входил ни в одну из группировок.

Леонид Ильич очень хорошо разбирался в людях, точно определял, кто ему лично предан, а кто нет.

Через месяц Андропова на пленуме ЦК избрали кандидатом в члены политбюро. После Лаврентия Павловича Берии и Семена Денисовича Игнатьева он стал первым руководителем госбезопасности, удостоенным высокого партийного звания. Это был подарок Брежнева — и компенсация за назначение, которого Андропов не хотел, и одновременно аванс на будущее.

Юрий Владимирович все понял правильно: забота о генеральном секретаре была для него на первом месте. Он тревожился, когда Леонид Ильич куда-то уезжал. Чекисты должны были не только охранять генсека, но и оберегать его от назойливых сограждан, которые могли бы побеспокоить Брежнева просьбами.

Вот как очевидцы описывали приезд Брежнева в апреле 1970 года в Ульяновск на открытие Ленинского мемориала. Первый секретарь обкома Анатолий Андрианович Скочилов несколько раз звонил Леониду Ильичу, просил оказать Ульяновску честь. И дождался. В город прибыли московские чекисты. В близлежащих районах в каждом дворе, на каждой остановке стоял «топтун» — человек в плаще, делавший вид, что он кого-то ждет. В центре города появились кордоны. Горожан пропускали по паспортам. А в аэропорту хозяева города несколько часов ожидали появления спецсамолета. За время ожидания букеты успели завять, послали за новыми. Брежнев провел в Ульяновске несколько часов, посадил березку, прочитал сорокаминутный доклад, посетил новую школу и улетел. Поездка генерального была признана удачной. Анатолий Скочилов руководил Ульяновской областью шестнадцать лет, до самой смерти...

Андропов был верным соратником Брежнева, никогда не позволил себе усомниться в том, что именно Леонид Ильич должен руководить партией и государством. Во всех дискуссиях Андропов был всегда на стороне генерального секретаря и следил за тем, чтобы другие тоже были лояльны к Брежневу.

Виктор Васильевич Гришин, член политбюро и первый секретарь Московского горкома, вспоминал:

«Думаю, что в КГБ вели досье на каждого из нас, членов и кандидатов в члены политбюро ЦК, других руководящих работников в центре и на местах. Можно предположить, что с этим было связано одно высказывание Брежнева в кругу членов политбюро:

— На каждого из вас у меня есть материалы...

Прослушивались не только телефоны. С помощью техники КГБ знал все, что говорилось на квартирах и дачах членов руководства партии и правительства. Как-то в личном разговоре Андропов сказал:

— У меня на прослушивании телефонных и просто разговоров сидят молодые девчата. Им очень трудно иногда слушать то, о чем говорят и что делается в домах людей. Ведь прослушивание ведется круглосуточно...»

Сотрудники аппарата, как и все советские граждане, смертельно боялись сказать что-нибудь крамольное. Наиль Биккенин, начав свою службу в отделе пропаганды ЦК, разговаривал с коллегой по телефону и нелестно отозвался об одном из секретарей ЦК. Потом сообразил, что все служебные телефоны в зданиях ЦК прослушиваются, и приуныл. Пошел советоваться к Григорию Трофимовичу Шуйскому, бывшему первому помощнику Хрущева.

Тот задумался, а потом махнул рукой:

— Ничего, не беспокойся. Эта запись попадет к такому-то. А он этого секретаря ЦК не любит и скажет, что нам нужны люди, способные остро мыслить...

Нельзя было только позволять себе вольности в отношении Брежнева. Это каралось жестоко.

Леонид Ильич очень ценил Александра Евгеньевича Бовина, который сочинял ему речи. Сам Бовин, показывая на многотомное собрание сочинений Брежнева, любил говорить:

— Это не его, а мои лозунги повторяет советский народ!

Но однажды КГБ перехватил письмо Бовина, в котором он жаловался, что вынужден работать «под началом ничтожных людей, впустую».

Юрий Владимирович Андропов позвал Георгия Аркадьевича Арбатова, дружившего с Бовиным, показал ему письмо. Пояснил: придется показать письмо Леониду Ильичу, а он примет эти слова на свой счет. Арбатов пытался разубедить Андропова — зачем нести письмо генеральному? Отправьте его в архив, и все...

— А я не уверен, что копия этого письма уже не передана Брежневу, — ответил Андропов. — Ведь КГБ — сложное учреждение, и за председателем тоже присматривают. Найдутся люди, которые доложат Леониду Ильичу, что председатель КГБ утаил нечто, касающееся лично генерального секретаря.

Бовина убрали из аппарата ЦК, сослали в газету «Известия». Правда, через несколько лет Брежнев сменил гнев на милость. Бовина вновь привлекли к написанию речей для генерального секретаря. В порядке компенсации избрали депутатом Верховного Совета РСФСР.

Брежнев доверял Андропову, тем не менее ввел в руководство КГБ двух верных ему генералов — Цвигуна и Цинева, которые доносили ему о каждом шаге Юрия Владимировича... Об их реальной близости к генеральному секретарю можно судить по одной мелкой детали: когда Брежнев уезжал из Москвы или возвращался в столицу, в перечне встречающих-провожающих, помимо членов политбюро и других высших чиновников, обязательно значились «заместители председателя КГБ СССР С. К. Цвигун и Г. К. Цинев».

В правительственный аэропорт «Внуково» они ездили втроем — Андропов как член политбюро, Цвигун как первый заместитель и Цинев как особо приближенный к генеральному секретарю.

Зять Брежнева Юрий Михайлович Чурбанов вспоминает, что Цвигун и Цинев часто бывали на даче у Брежнева: «Они пользовались особым расположением Леонида Ильича».

«Цвигун — рослый, несколько полноватый, с приятными чертами лица, — пишет генерал Борис Гераскин. — В действиях медлительный, сдержанный, говорил с заметным украинским акцентом... В отношениях с подчиненными нередко лукавил: в глаза говорил одно, а делал другое.

Цинев, в противоположность Цвигуну, невысокого роста, обыденной внешности, всегда с наголо бритой головой. Человек живого ума, не лишенный проницательности, весьма энергичный и подвижный. В нем уживались простота, доступность и обманчивая открытость с капризностью, непредсказуемостью, восприимчивостью к сплетням, властолюбием и болезненным стремлением постоянно быть на виду... Цинев никогда ничего не забывал, глубоко таил в себе недоброжелательство и всегда находил возможность свести личные счеты».

При этом Цвигун и Цинев между собой не ладили, особенно после того, как Цвигун стал первым заместителем председателя КГБ. Это тоже устраивало Брежнева.

Первый заместитель председателя КГБ Семен Кузьмич Цвигун увлекся литературным творчеством. Жена Цвигуна писала прозу, и ему тоже захотелось стать писателем. Он нашел талантливых людей, готовых помочь, и вскоре появились написанные от его имени документальные книги о происках империалистических врагов, а потом и романы и киносценарии под прозрачным псевдонимом С. Днепров.

Его книги немедленно выходили в свет, а сценарии быстро воплощались в полнометражные художественные фильмы. Большей частью они были посвящены партизанскому движению, и самого Цвигуна стали считать героическим партизаном, хотя реальная его судьба сложилась иначе.

Семен Цвигун был на одиннадцать лет моложе Брежнева. Он окончил в 1937 году исторический факультет Одесского педагогического института, работал учителем, директором школы в городе Кодыма Одесской области.

В ноябре 1939 года его взяли в НКВД и послали работать в Молдавию. В начале войны он был сотрудником особого отдела на Южном фронте, в январе 1942 года его перевели в Смоленское областное управление НКВД, еще полгода он был заместителем начальника особого отдела 387-й стрелковой дивизии на Сталинградском фронте. А в марте 1943 года его перебросили подальше от фронта — в розыскной отдел управления контрразведки СМЕРШ Южно-Уральского военного округа.

В 1946 году вспомнили, что Семен Кузьмич служил в Молдавии, и отправили в Кишинев заместителем начальника Второго отдела Министерства госбезопасности Молдавии. Вскоре в республике появился Леонид Ильич...

В фильмах, поставленных по его сценариям, главного героя, которого Цвигун писал с себя, неизменно играл Вячеслав Тихонов. Семен Кузьмич совсем не был похож на популярного артиста, кумира тех лет, но, вероятно, в мечтах он видел себя именно таким...

Цвигун (под псевдонимом «генерал-полковник С. К. Мишин») был и главным военным консультантом знаменитого фильма «Семнадцать мгновений весны», поставленного Татьяной Лиозновой по роману Юлиана Семенова, и серьезно помог съемочной группе.

Генерал Владимир Медведев, личный охранник Брежнева, вспоминал, как Леонид Ильич часто просил его:

— Соедини меня, Володь, с этим, как его...

— С кем?

— Ну, с писателем...

— С Цвигуном?

— Да, да.

Цвигун в конце разговора, прощаясь, говорил:

— Леонид Ильич, граница на замке!

Такая вот у него была шутка.

Брежневская когорта свято блюла интересы своего покровителя, понимая, что без него они и дня не продержатся в своих креслах.

Георгий Карпович Цинев окончил в Днепропетровске металлургический институт. После института недолго работал на заводе имени Карла Либкнехта в Нижнеднепропетровске. Как и Брежнев, перешел на партийную работу. В 1939 году его поставили заведовать отделом металлургической промышленности Днепропетровского горкома и почти сразу избрали первым секретарем райкома, а затем сделали секретарем горкома по кадрам. А секретарем обкома был Леонид Ильич Брежнев...

В 1941 году они оба ушли на фронт. Цинева назначили комиссаром артиллерийского полка, потом он стал заместителем начальника политуправления Калининского фронта, был начальником политотдела различных армий. С 1945 года служил в Союзнической комиссии по Австрии, в 1950-м стал заместителем верховного комиссара от Советского Союза.

В 1951 году Цинев поступил в Военную академию Генерального штаба. Закончил он академию уже после смерти Сталина и ареста Берии. Когда Министерство внутренних дел очищали от бериевских кадров, Цинева как опытного политработника распределили в военную контрразведку. Он уехал в Берлин начальником особого отдела Группы советских войск и провел в Германии пять лет.

Два года он руководил Военным институтом КГБ, а с октября 1960 года служил в Третьем управлении (военная контрразведка) Комитета госбезопасности. Его карьера пошла вверх, когда Брежнев встал во главе партии.

Генерал Цинев был вхож в дом Леонида Ильича, стал другом семьи. Он контролировал Девятое управление КГБ (охрана политбюро) и, как говорят, следил за «политически неблагонадежными» — не за диссидентами, а за теми государственными и партийными чиновниками, которых считали недостаточно надежными и нелояльными к Брежневу.

Со временем Георгий Карпович Цинев стал первым заместителем председателя КГБ, генералом армии, Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета, членом ЦК КПСС.

Во всем КГБ один только Цинев, разговаривая по телефону, не называл себя, требуя, чтобы подчиненные узнавали его по голосу. Став первым замом, он покрикивал и на заместителей председателя КГБ, и на простых генералов. Цинева многие в комитете ненавидели. Он, не задумываясь, ломал людям судьбы.

Брежнев особое значение придавал кадрам госбезопасности, сам отбирал туда людей, находил время побеседовать не только с руководителями комитета, но и с членами коллегии КГБ, начальниками управлений.

Разумеется, Брежнев сам утверждал кандидатуру начальника Девятого управления КГБ, отвечавшего за охрану генерального секретаря и членов политбюро. Начальник «девятки» подчинялся непосредственно генеральному секретарю, получал от него приказания и по собственному разумению информировал об этом председателя КГБ.

Прежнего начальника «девятки» Владимира Яковлевича Чекалова как человека Семичастного сместили сразу после смены председателя КГБ, выдвинули его заместителя — генерал-майора Сергея Николаевича Антонова, пришедшего из разведки и не имевшего связей в политическом истеблишменте.

Летом 1967 года второго секретаря Днепропетровского обкома партии Виктора Михайловича Чебрикова неожиданно вызвали в Москву, ничего не объяснив. Он решил, что его направят в другой обком. До вечера бродил по коридорам на Старой площади, ожидая решения своей судьбы. Только в девять вечера его принял Иван Капитонов, секретарь ЦК по кадрам, проверил, всё ли в анкете указано правильно, и велел ждать в приемной. В одиннадцатом часу вечера Капитонов повел его к Брежневу. Чебриков, как он сам вспоминал, «обомлел» от неожиданности.

Леонид Ильич прочитал анкету Чебрикова, и та ему понравилась: фронтовик, выходец из Днепропетровска, на партийную работу пришел с производства. Брежнев задал несколько вопросов о делах в области и доверительно сказал:

— Юрия мы направили в КГБ. Нужно несколько человек, чтобы помочь ему и укрепить органы.

— Леонид Ильич, я же никогда в КГБ не работал, — возразил Чебриков.

Брежнев отмахнулся:

— Освоишь это дело. У тебя опыт есть, воевал.

Чебриков, еще один днепропетровец, был утвержден членом коллегии КГБ и начальником управления кадров.

Бывший начальник Управления КГБ по Москве и Московской области генерал Виктор Иванович Алидин вспоминал, как у него возникла серьезная проблема, решить которую мог только генеральный секретарь. Поскольку Алидин знал Брежнева еще с тех времен, когда оба работали на Украине, он позвонил Леониду Ильичу и попросил о приеме. Тот сразу сказал:

— Приходи завтра утром часам к десяти...

Леонид Ильич встретил его радушно, по-товарищески приветливо, вспоминает Алидин. Генеральный секретарь вышел из-за стола, тепло обнял гостя. Они расцеловались...

Брежнев был внимателен и откровенен. Не называя фамилий, рассказывал о сложных взаимоотношениях с некоторыми членами политбюро, которые не во всем его поддерживают. По его подсчетам, баланс сил где-то пятьдесят на пятьдесят.

— Обидно, — жаловался Брежнев, — ведь с некоторыми из них я долгое время работал вместе на Украине.

Алидин понял, о ком идет речь, и горячо поддержал идею увеличить состав политбюро, ввести туда свежие силы, то есть преданных Брежневу людей.

Возник разговор о «молодежной группе» Шелепина, которого к тому времени освободили от работы в аппарате ЦК, перевели в профсоюзы. Леонид Ильич сказал Алидину, что знает о «неблаговидных действиях» этой группы, которая даже вынашивала мысль «упрятать нынешнее руководство в подземелье». Но группа эта небольшая, ее участников мало кто знает в народе, поэтому политической опасности они не представляют.

— Мы уже решили этот вопрос организационным путем, — сказал Брежнев.

Провожая Алидина, Леонид Ильич заметил:

— Виктор Иванович, если что понадобится, звони, приходи ко мне. Всегда помогу, чем могу...

В день пятидесятилетнего юбилея органов госбезопасности утром Брежнев принимал у себя всю коллегию КГБ. Председатель комитета Юрий Андропов попросил подчиненных надеть военную форму. Брежнев с каждым поздоровался за руку, произнес теплые слова. Подойдя к Алидину,

Л. И. Брежнев в рабочем кабинете в Кремле. *1977 г.*

На полях опытного хозяйства по выращиванию зерновых культур. *1971 г.*

Туркменская ССР. Л. И. Брежнев в национальном халате. *1971 г.*

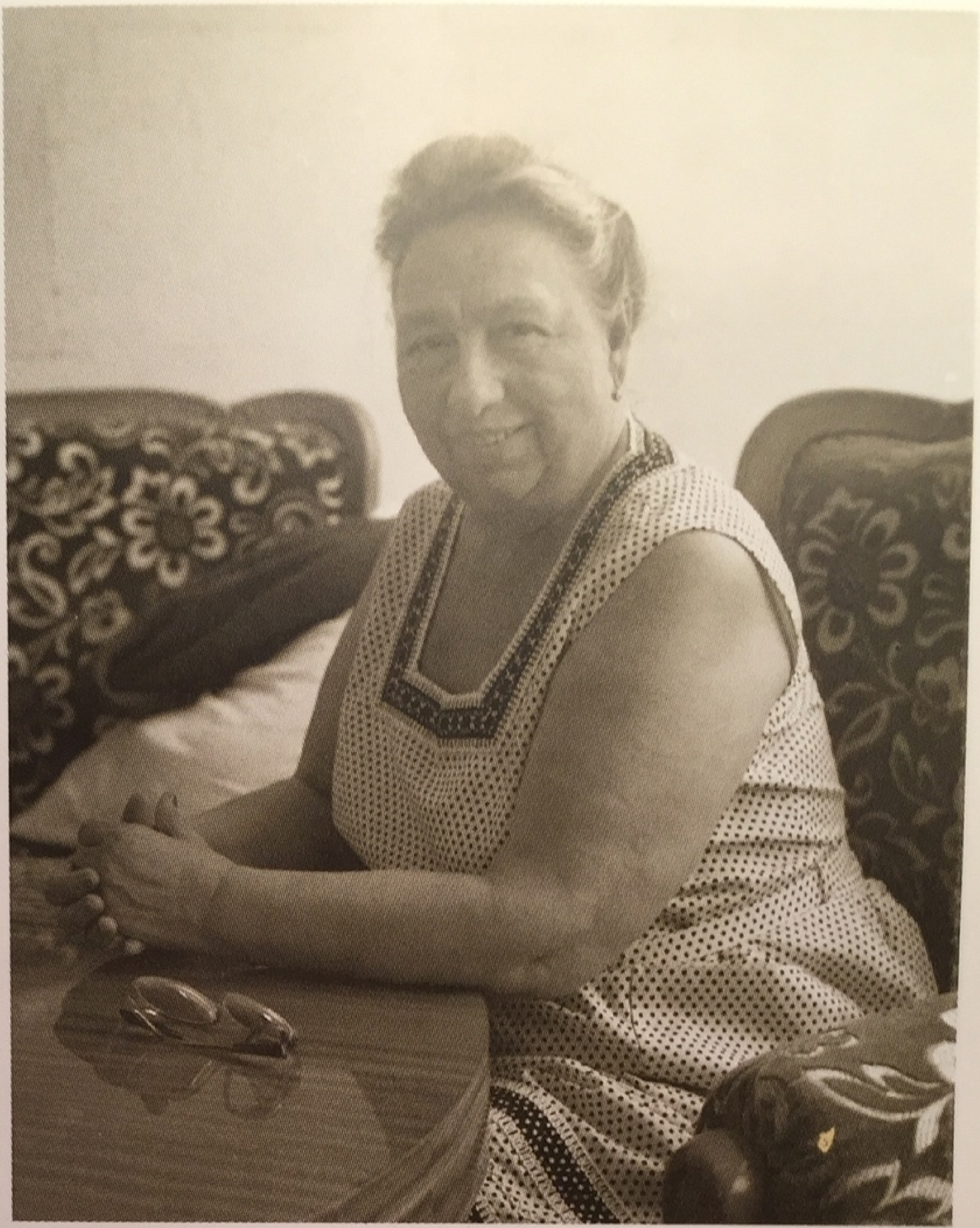
Л. И. Брежнев на Красноярской ГЭС. *1972 г.*

Официальный визит президента США Ричарда Никсона в Советский Союз. Встреча с участниками космического полета «Союз» — «Аполлон». *1975 г.*

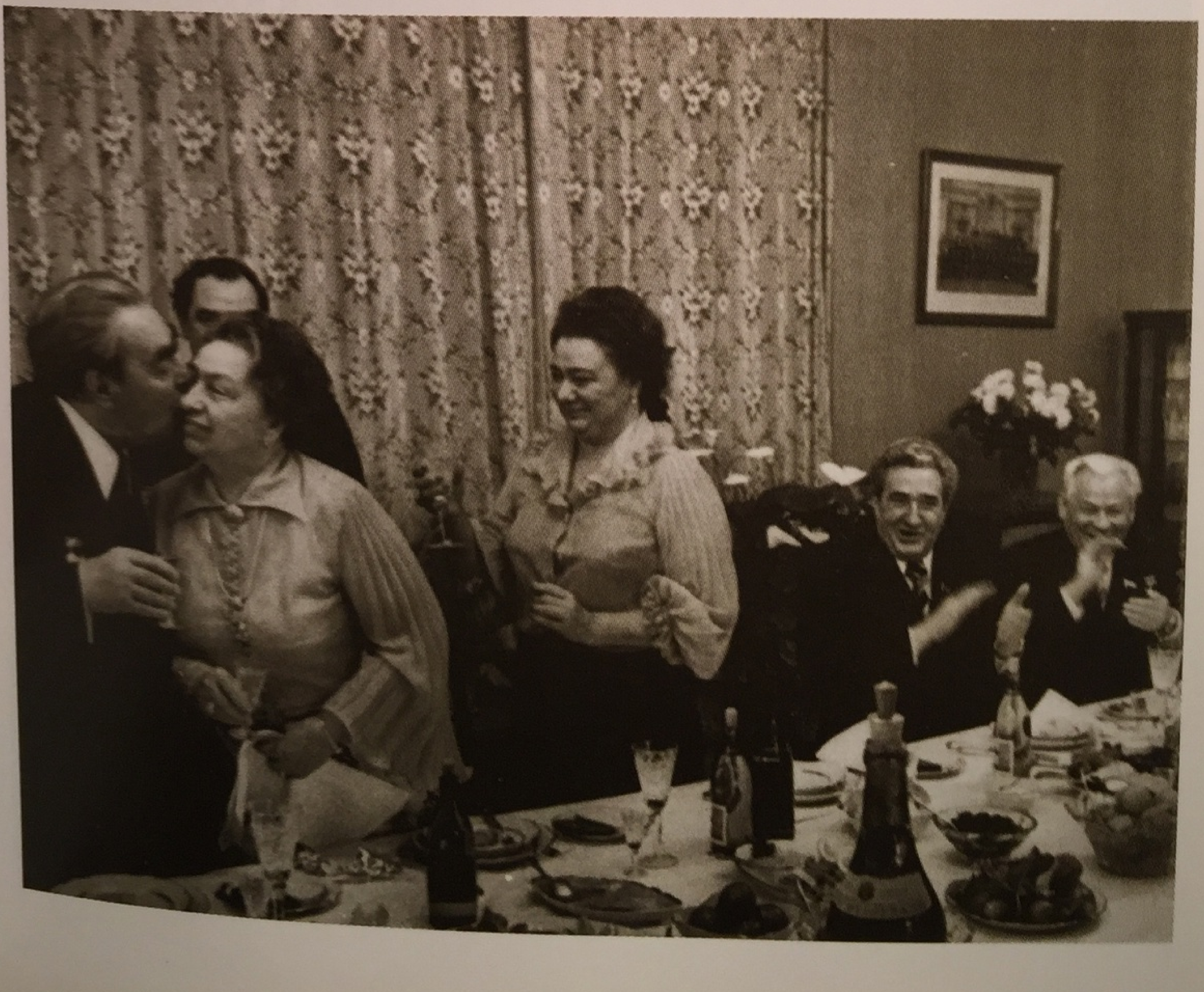
В резиденции федерального канцлера ФРГ Вилли Брандта. *Май 1973 г.*

и Брандта.

Виктория
Петровна
Брежнева.
Крым. 1973 г.



Золотой поцелуй.
Золотая свадьба.
11 декабря 1977 г.

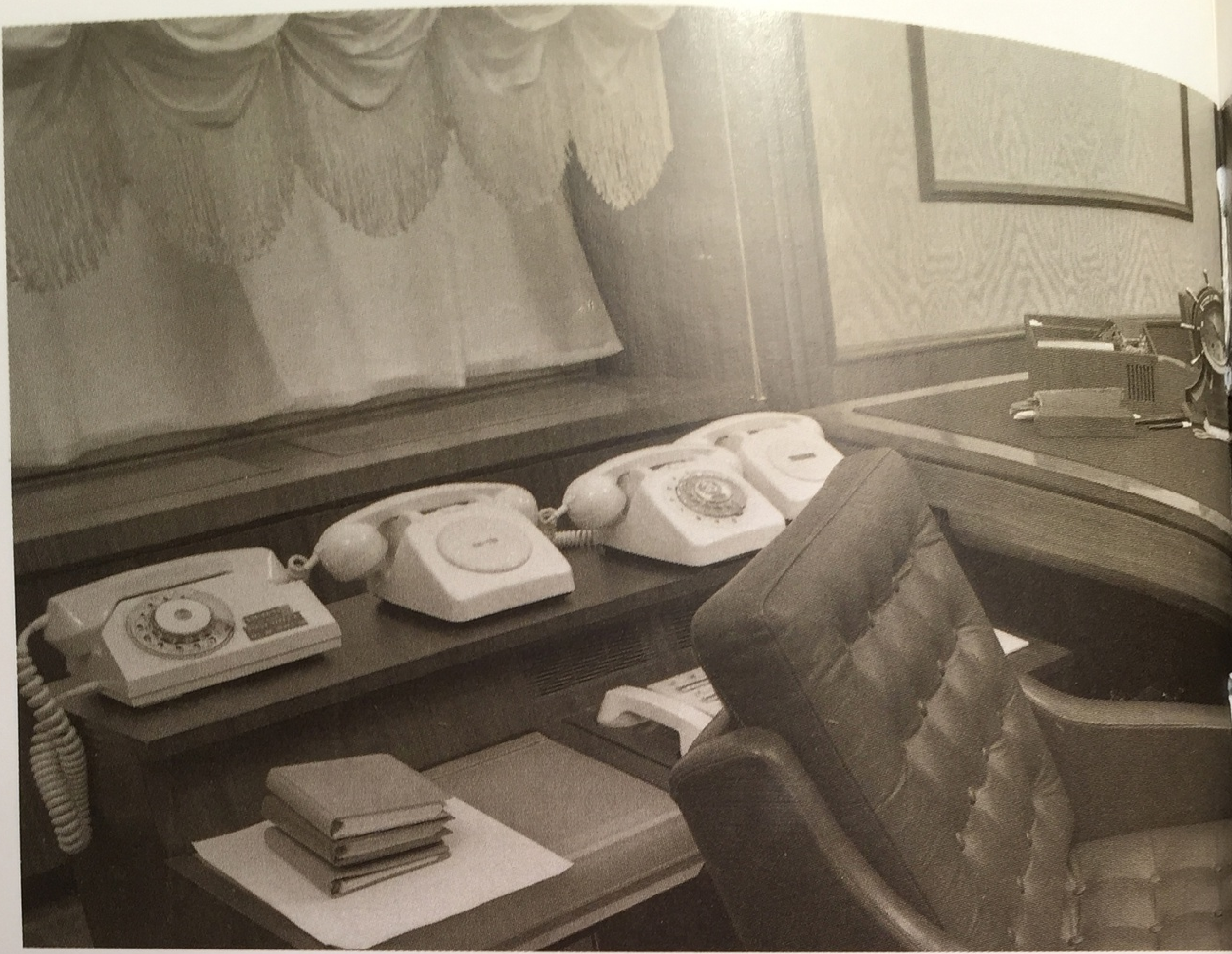


Юрий
Леонидович
Брежнев

Г. Л. Брежнева
и Ю. М. Чурбанов

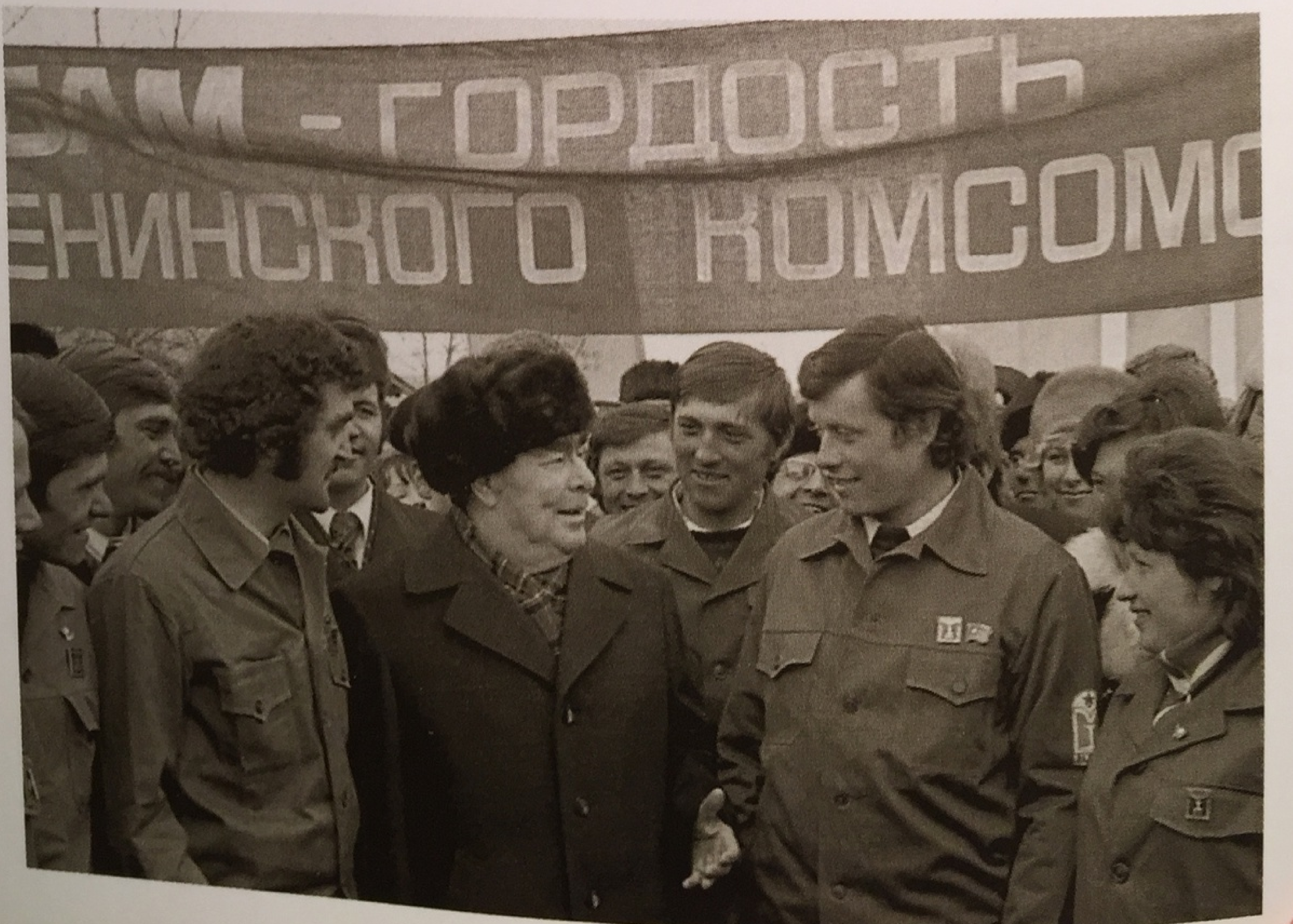
Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин на трибуне мавзолея. *1975 г.*

Л. И. Брежнев вручает главному режиссеру МХАТа О. Н. Ефремову орден Трудового Красного Знамени. *1977 г.*



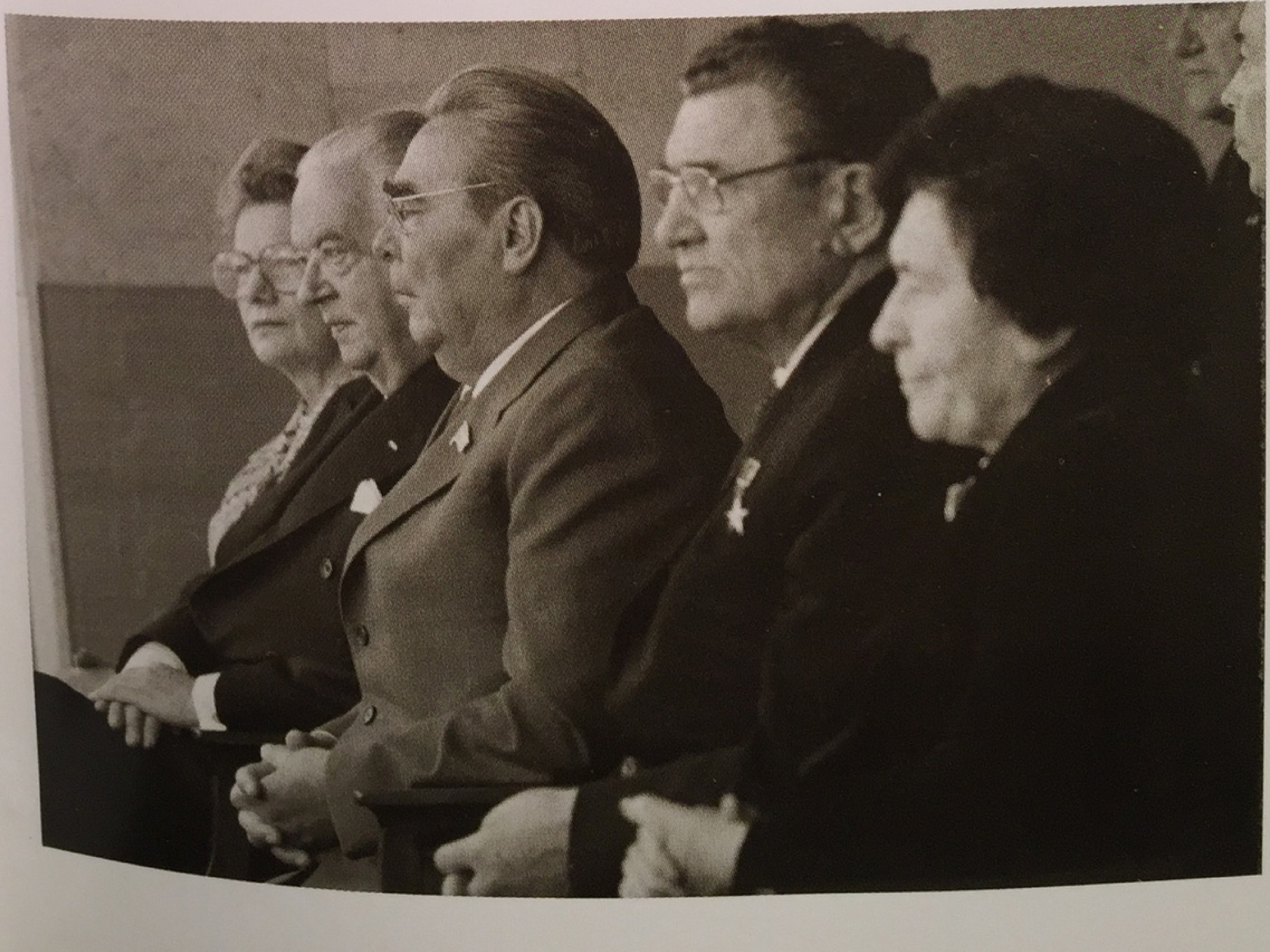
Рабочий кабинет Брежнева в Кремле

Байкало-Амурская магистраль. Встреча Л. И. Брежнева с молодыми строителями. *1978 г.*


АМ - ГОРДОСТЬ
ЕНИНСКОГО КОМСОМО

СТЬ
ОМСОМО
ОМСОМ

Брежнева



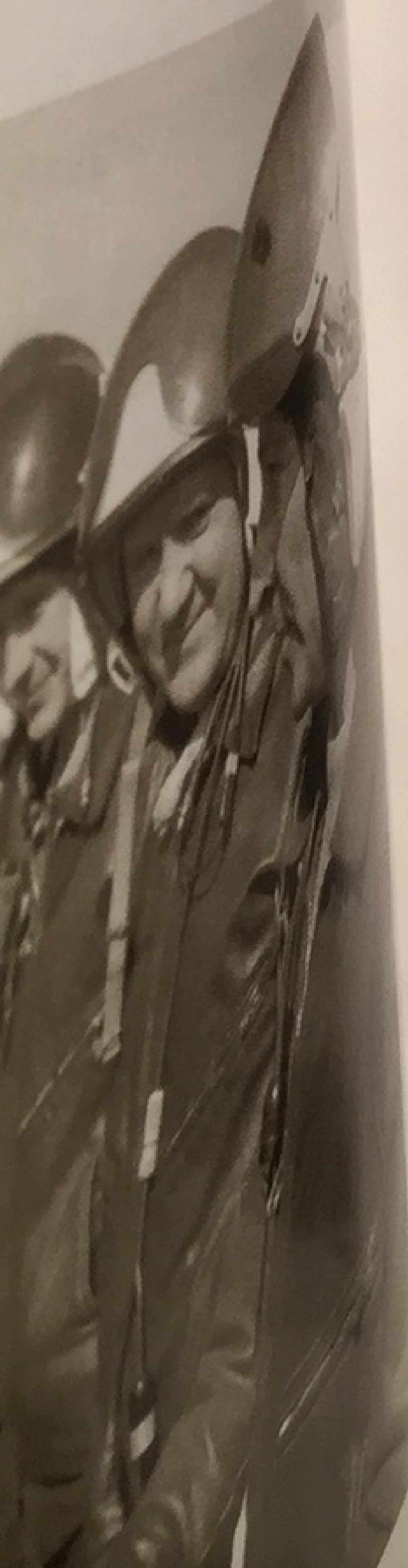
На открытии Олимпиады-80

На командном пункте запуска стратегических ракет

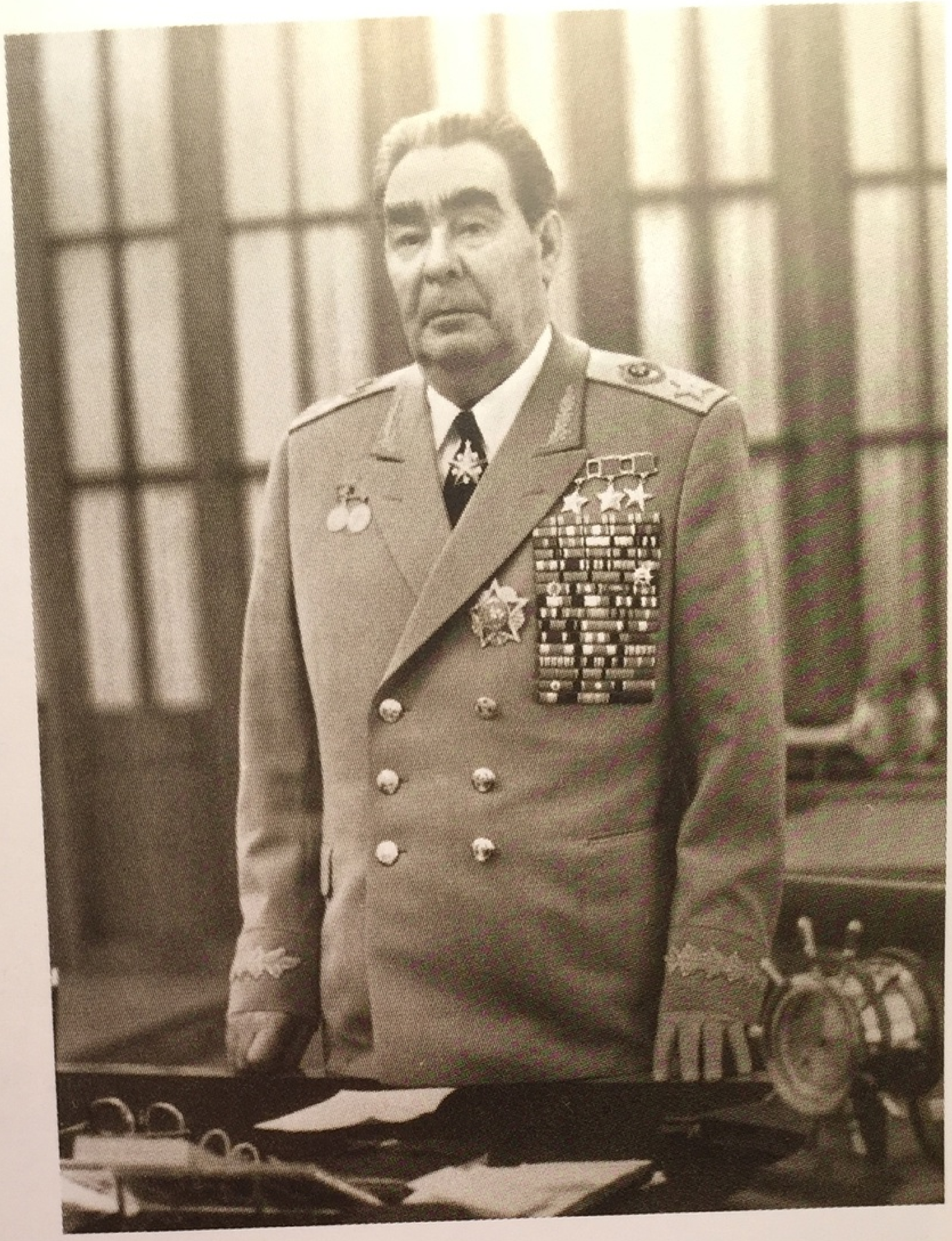
Награждение именными часами летчиков-испытателей военного авиационного завода

их ракет

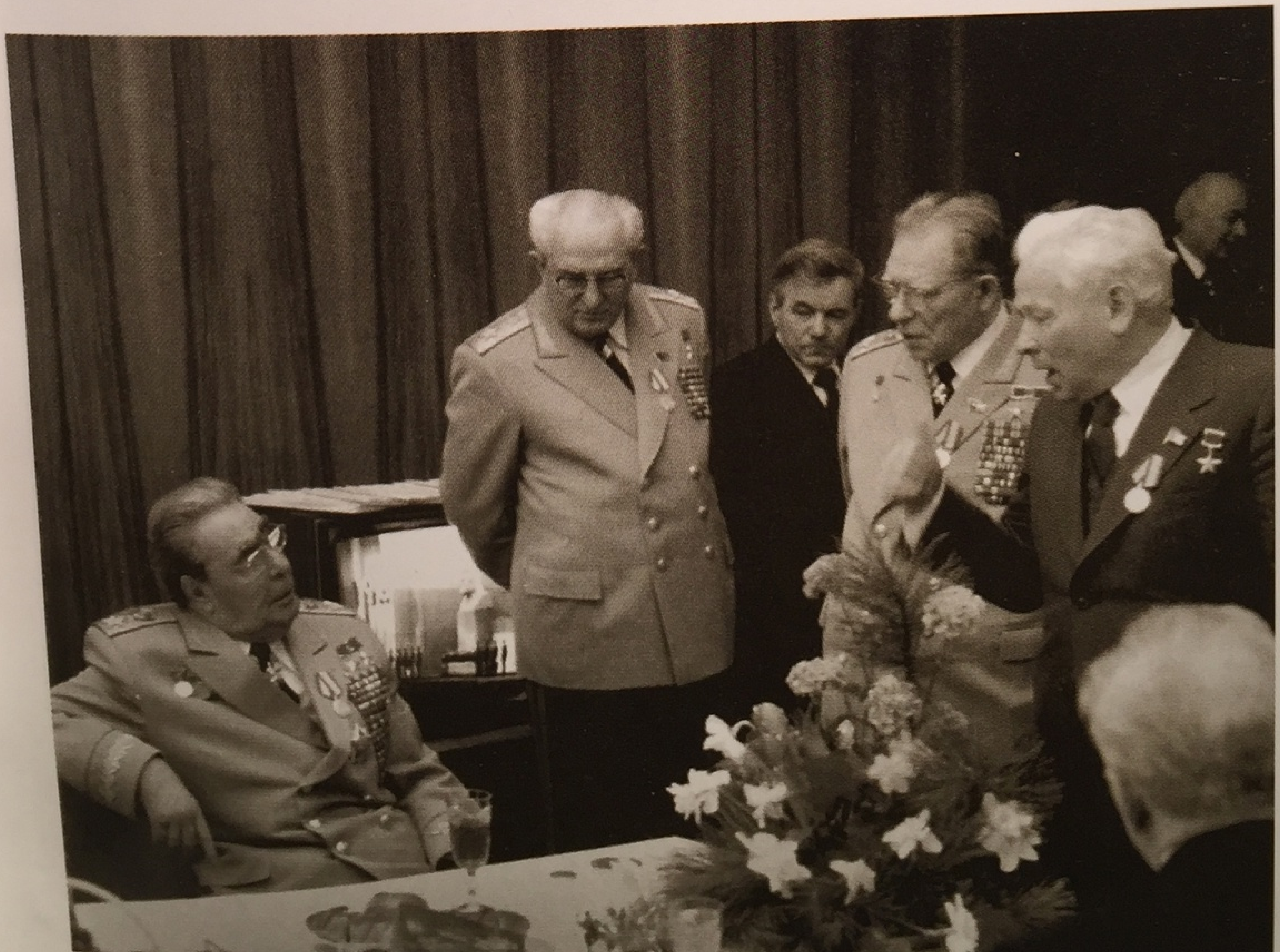
испытателей военного

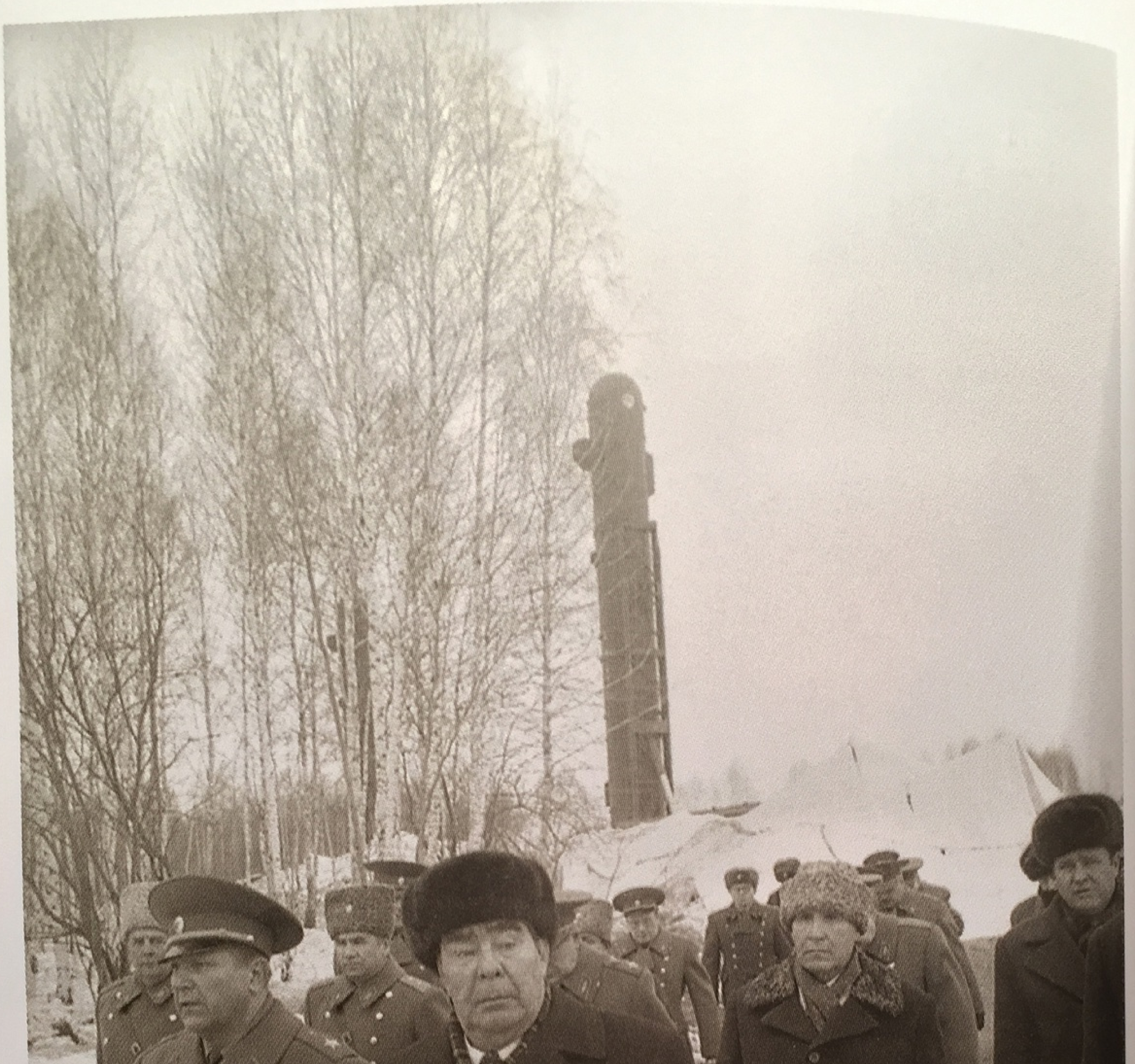


Л. И. Брежнев
в маршальской форме
после вручения ему
ордена Победы.
Февраль 1978 г.

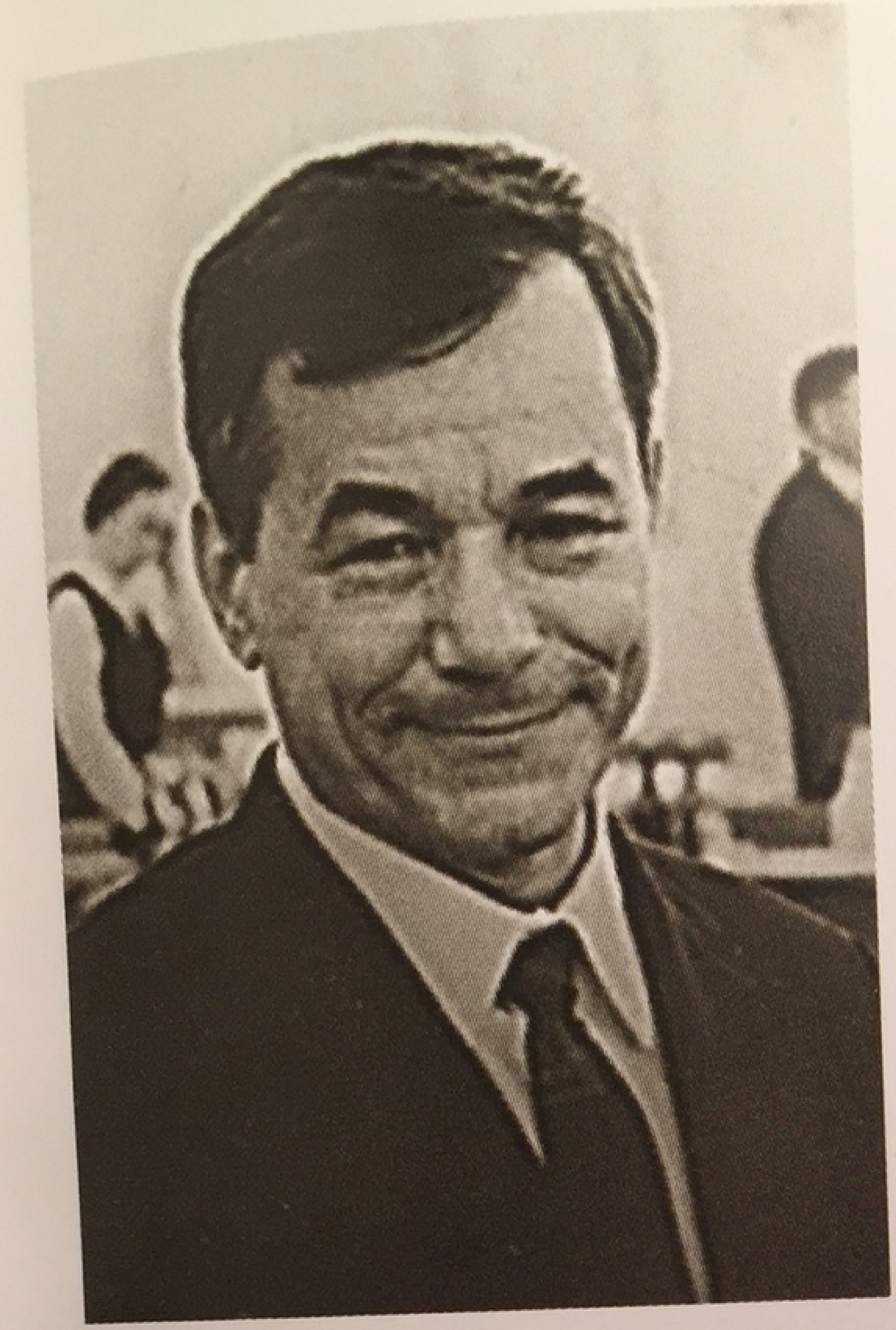


Л. И. Брежнев,
Ю. В. Андропов,
М. В. Зимянин,
Д. Ф. Устинов,
К. У. Черненко.
22 февраля 1978 г.

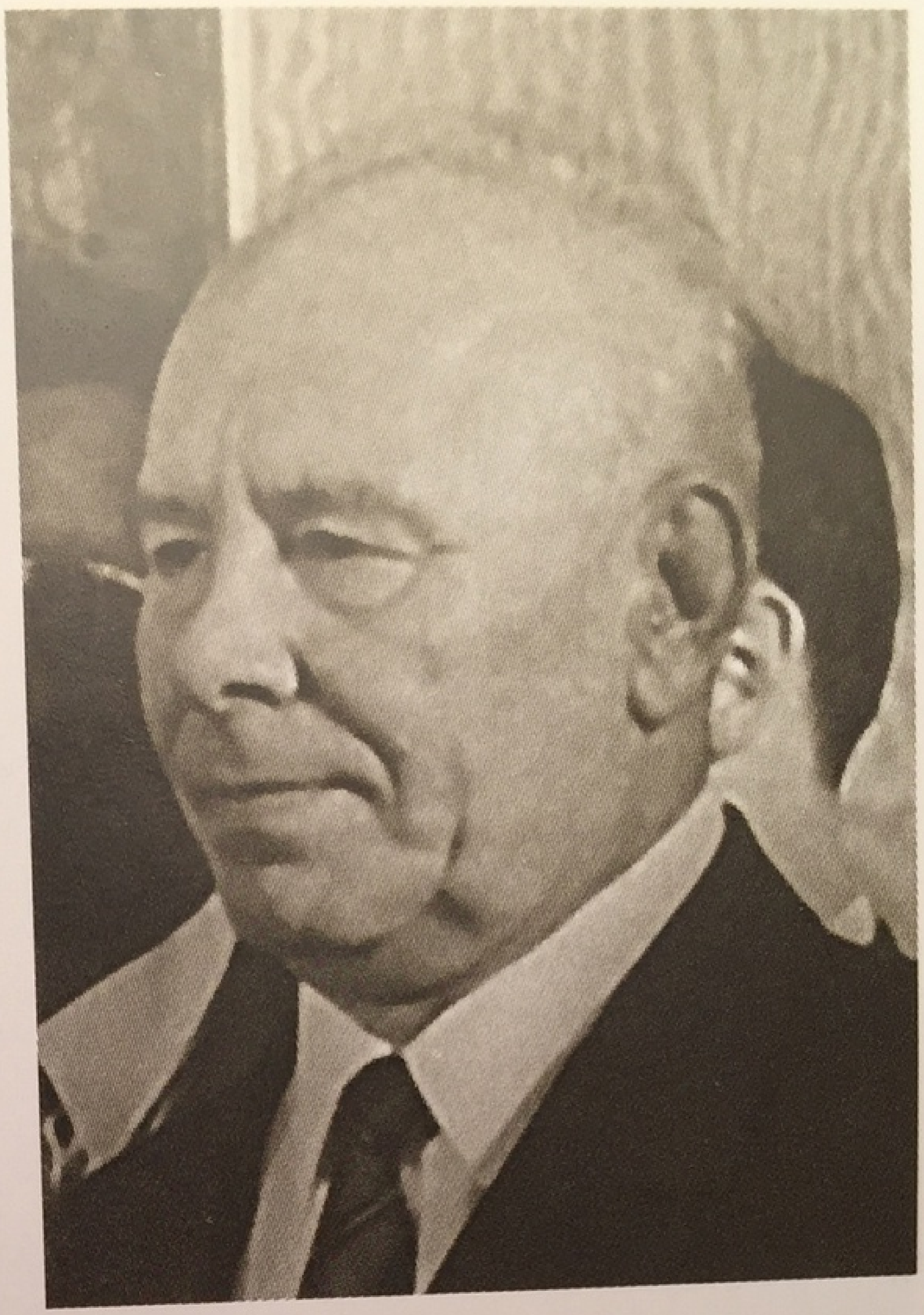




Новосибирская область. Во время посещения воинской части Ракетных войск стратегического назначения. *1978 г.*

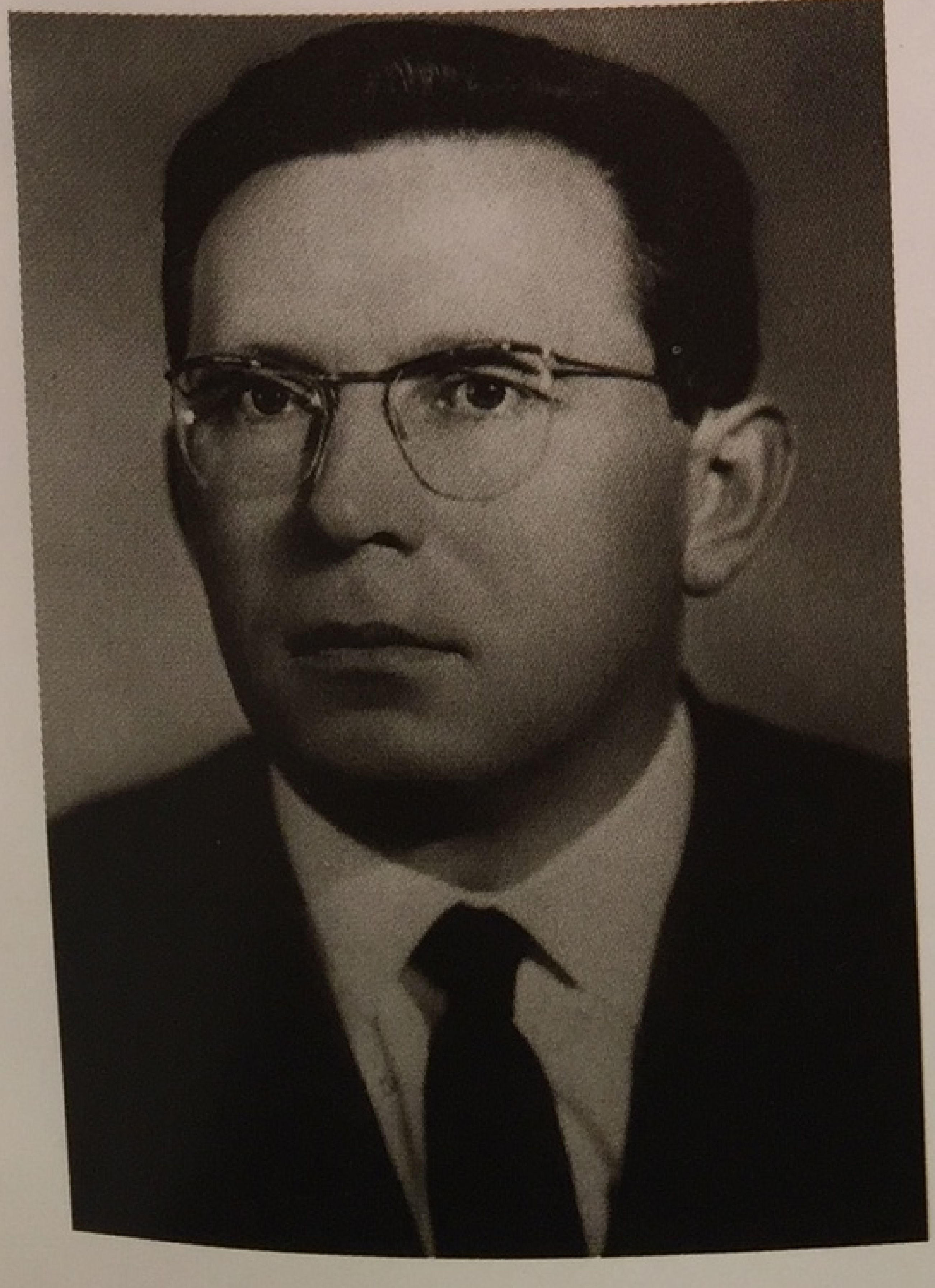


М. В. Зимянин

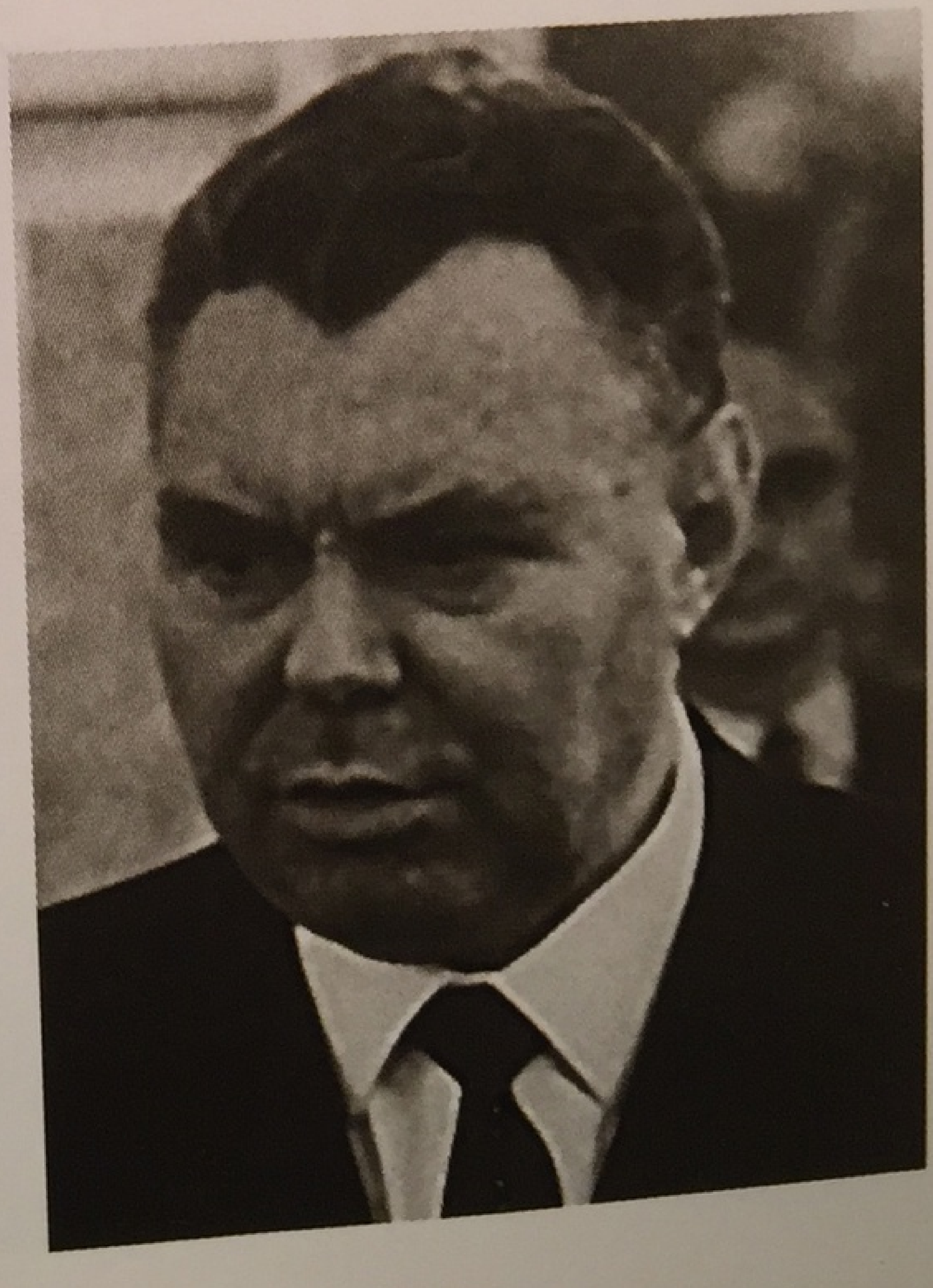


Н. В. Подгорный

Н. Г. Егорычев

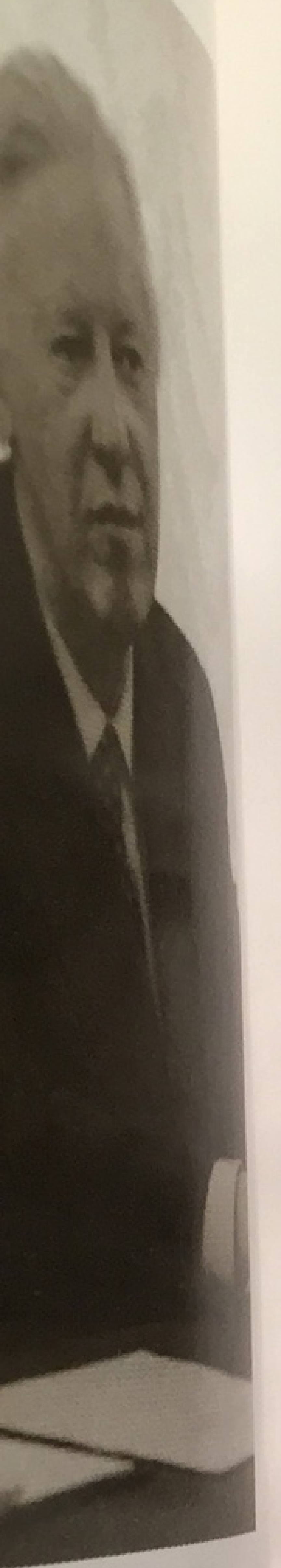


И. В. Капитонов

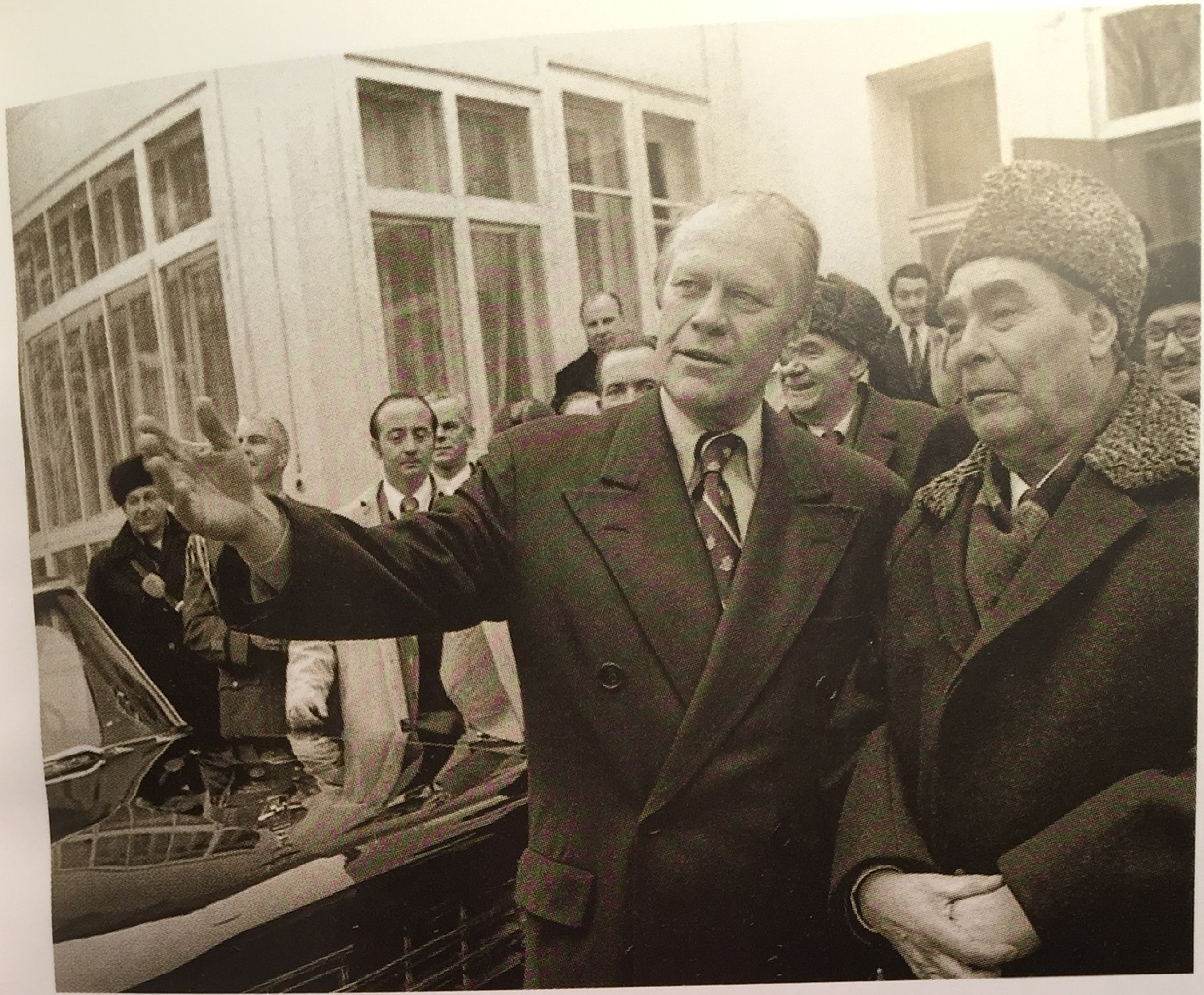


Ю. В. Андропов и Л. М. Замятин

Л. И. Брежнев и М. А. Суслов на трибуне мавзолея. *1 мая 1977 г.*

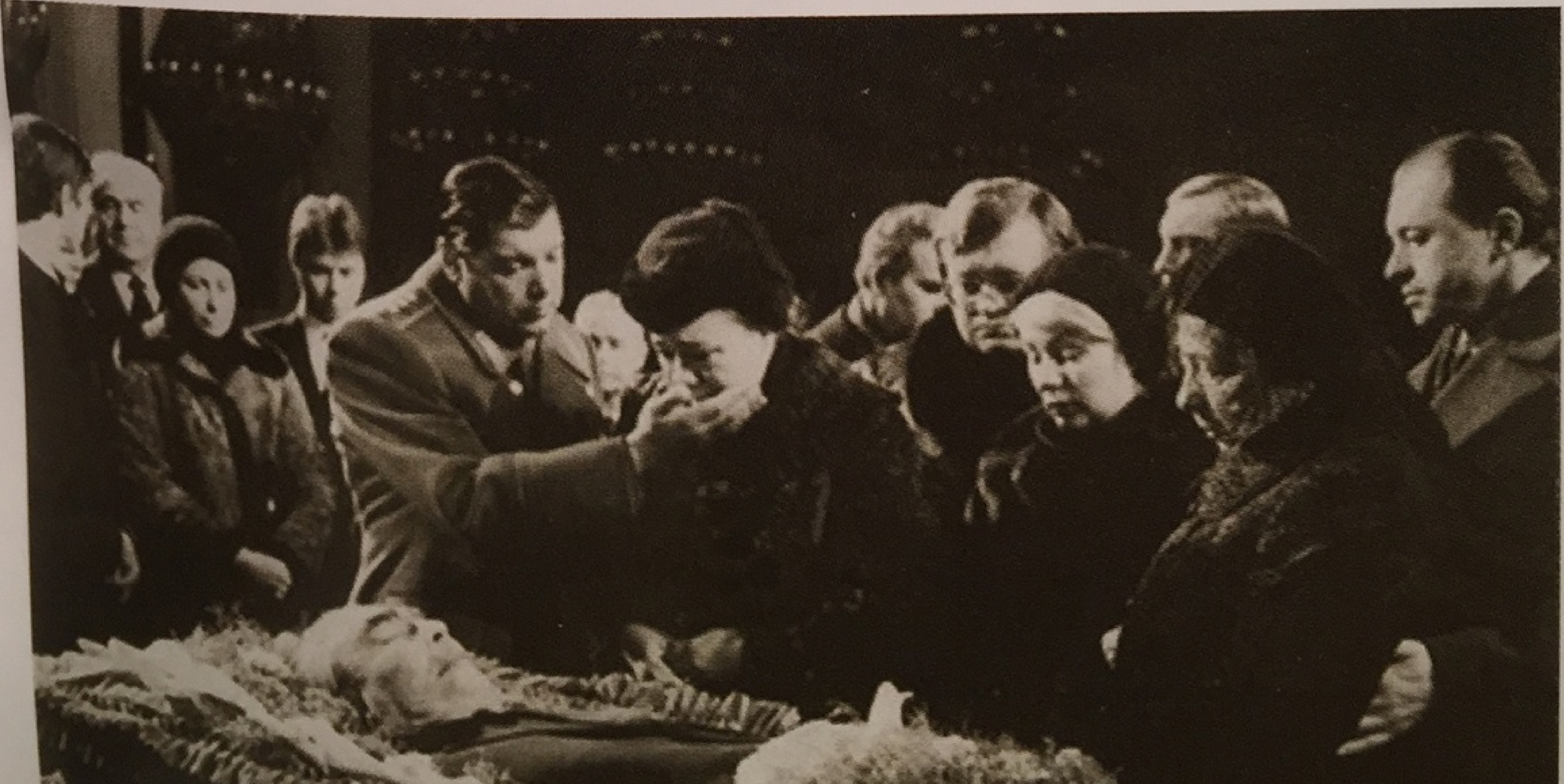


. 1 мая 1977 г.



Встреча Л. И. Брежнева с президентом США Джеральдом Фордом.
Владивосток. 1978 г.

Похороны Л. И. Брежнева



У могилы Л. И. Брежнева его адъютант В. Т. Медведев. *10 ноября 1995 г.*

генеральный секретарь демонстративно его обнял и сказал Андропову:

— Виктор Иванович — мой давний партийный друг.

Андропов понял, что имел в виду Брежнев. Алидин стал членом коллегии КГБ, получил погоны генерал-лейтенанта и орден Ленина.

Внеслужебные отношения на трех верхних этажах власти — члены политбюро, кандидаты в члены, секретари ЦК — исключались. Личного общения между руководителями партии практически не было. Они недолюбливали друг друга и безусловно никому не доверяли. Брежнев, как и Сталин когда-то, не любил, когда члены политбюро собирались за его спиной, и страх перед гневом генерального сохранился.

Даже на любимую охоту можно было ездить или в одиночку, или с генеральным секретарем. Члены политбюро не были уверены, что их не подслушивают. Скорее наоборот. Исходили из того, что телефонные разговоры контролируются. На деликатные темы говорили вполголоса, отойдя подальше от телефона. И друг к другу в гости не ходили.

Горбачев пишет, как, став членом политбюро, он обосновался на даче рядом с Андроповым. Однажды пригласил его с женой Татьяной Филипповной в воскресенье пообедать. Андропов отказался и объяснил:

— Если я к тебе пойду, завтра же начнутся пересуды: кто, где, зачем, что обсуждали? Мы с Татьяной Филипповной еще будем идти к тебе, а Леониду Ильичу уже побегут докладывать...

Первый заместитель председателя Совета министров Кирилл Трофимович Мазуров вспоминал, как он ездил в Кемеровскую область, занимался шахтерскими делами. Когда вернулся, его вызвал Брежнев:

— Как это ты был в Кемерове и мне ничего не сказал? Знаешь, так нельзя. Надо все-таки спрашивать...

И на политбюро Брежнев поставил вопрос:

— Товарищи, нам надо навести порядок. Надо, чтобы политбюро знало, кто куда едет, чтобы было решение политбюро о поездке и чтобы знали, что он там будет делать.

Кто-то из членов высшего руководства засомневался:

— Стоит ли так регламентировать?

Но Леонид Ильич настоял на своем.

Высшим руководителям партии и государства Брежнев не позволял заводить своих людей в ведомстве госбезопасности. Генерал-майор Эдуард Болеславович Нордман рассказывал мне, как не состоялось его назначение председателем КГБ Белоруссии. Нордман был родом из Гомеля, перед войной работал в Пинском райкоме комсомола, там и партизанил всю войну. После войны стал первым секретарем одного из райкомов, потом его взяли в КГБ. С 1965 года работал во Втором главном управлении в Москве. В 1968 году его назначили начальником управления КГБ по Ставропольскому краю.

Зимой 1970 года с ним беседовал Андропов. Вручая генеральские погоны, Юрий Владимирович предупредил:

— Готовься к возвращению в Белоруссию. Будем рекомендовать тебя председателем комитета.

Прошел месяц, другой, третий. И вдруг председателем КГБ Белоруссии назначили генерала Якова Прокофьевича Никулкина. Он был на девять лет старше Нордмана, в госбезопасности служил с 1940 года, и ему уже собирались оформить пенсию.

Нордман не мог понять, что произошло: почему Андропов отказался от своего слова?

И только позже Нордману объяснили:

— Знаешь, что произошло с твоим назначением?

— Нет, не знаю.

— Когда Юрий Владимирович доложил Брежневу о твоей кандидатуре, тот сказал: «Вы что, не понимаете, что Петро (так Брежнев называл Машерова) подтягивает к себе партизан? Мы же ничего не будем знать, что он там замышляет!»

Первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Петр Миронович Машеров в годы войны партизанил и стал Героем Советского Союза. Бдительный Брежнев не хотел, чтобы Машеров окружал себя людьми, с которыми связан давними отношениями, которые больше ориентировались бы на Петра Мироновича, чем на Москву.

Поэтому в Минск отправили генерала Никулкина, служившего в Монголии советником по линии госбезопасности. А Нордмана, которого Машеров просил Андропова вернуть на родину, напротив, отправили председателем республиканского комитета в Узбекистан.

Эта командировка закончилась для Нордмана печально. С коварным хозяином республики Рашидовым он не сработался...

Зато каждому из своих верных паладинов Леонид Ильич оказывал знаки внимания.

Начальник столичного управления госбезопасности Виктор Алидин помнит день и даже час — 11.50 16 июня 1980 года, когда у него состоялся разговор с Брежневым — генеральный секретарь после охоты в Завидове прислал ему знатный кусок кабанятины, и Алидин позвонил Брежневу, чтобы поблагодарить за гостинец. Леониду Ильичу было приятно:

— Я не досмотрел, какой-то период не посылал тебе «дары природы», виноват... Кабан требует стопку водки в выходной день вместе с семьей. Обязательно под кабана надо выпить.

Счастливый генерал Алидин бодро отрапортовал:

— Леонид Ильич, мы, старая гвардия, желаем вам хорошего здоровья. Рады, когда видим вас по телевизору жизнерадостным и бодрым. Докладываю вам, что оперативная обстановка в Москве и Московской области хорошая.

Брежнев с пониманием сказал:

— Вашему аппарату трудно. Я не раз говорил Юрию Владимировичу о необходимости помогать московскому управлению. Вы на переднем крае работаете.

— Мы ощущаем большую помощь Центрального комитета, вашу лично, Леонид Ильич! — отвечал генерал. — Нам много помогает Юрий Владимирович Андропов. Мы всегда в строю и с задачами справимся...

Повседневная жизнь члена политбюро

Бытом высшего руководства занимался управляющий делами ЦК. Шелепин предложил Брежневу на этот пост своего человека — Гранта Тиграновича Григоряна. Он был первым заместителем управляющего и уже держал в руках все дела. Приемная у него всегда была заполнена людьми. Но Брежнев Григоряна не утвердил. Зачем ему шелепинский человек на такой должности?

Он назначил другого, Георгия Сергеевича Павлова, который ему преданно служил. Павлов окончил Днепродзержинский металлургический институт, что определило его будущую жизнь, потому что гранит науки он грыз вместе с Леонидом Ильичом Брежневым.

В 1936 году Павлов стал заместителем директора учебного комбината при заводе. В 1940 году его взяли на партийную работу. После войны был первым секретарем Днепродзержинского, Магнитогорского горкомов партии, вторым секретарем Челябинского, Костромского обкомов. В 1957 году стал первым секретарем Марийского обкома.

На излете хрущевской эпохи Павлова перевели в Москву и поставили заведовать отделом в Комитете партийно-государственного контроля. Работа у Шелепина в комитете считалась престижной, на роль начальников отделов в комитет брали первых секретарей обкомов.

Но с Шелепиным Георгий Павлов проработал недолго. О старом знакомом вспомнил Леонид Ильич Брежнев. В 1965 году Павлова назначили управляющим делами ЦК КПСС.

— Он всегда внимательно относился к моим просьбам, — вспоминал бывший первый секретарь Московского горкома Николай Егорычев. — Правда, Павлов знал, что, если он мне откажет, я всегда могу напрямую договориться с Леонидом Ильичом. Наверное, периферийным секретарям обкомов было потруднее добиться своего.

— Павлов не грубил, внимательно выслушивал просьбы, — рассказывал бывший член политбюро Александр Яковлев. — Для злых дел держал заместителя. А ему самому не хотелось ни с кем ссориться, портить отношения.

Но эта доброта распространялась только на нужных людей. Добреньких в большой политике не бывает.

Управляющий делами ЦК руководил всей империей распределения благ в Советском Союзе. В его империи были спецбазы продовольственных и промышленных товаров, ателье, мебельные спеццехи и даже аффинажный заводик, где женам начальства делали золотые кольца и другие ювелирные изделия.

Для партийной номенклатуры выделяли квартиры, как тогда говорили, «улучшенной планировки» или даже целые особняки. Им делали мебель в экспериментальных цехах мебельных фабрик буквально за копейки. Одежду шили в ателье по баснословно низким ценам.

Управление делами заведовало и спортивно-оздоровительным комплексом в доме приемов на Ленинских горах. Он был предназначен для высшего партийного руководства, но престарелые члены политбюро ни плавать в бассейне, ни играть в теннис не были приучены. В спортивных комплексах занимались спортом дети и внуки членов политбюро.

Прежде всего управляющий делами ЦК обслуживал генерального секретаря, и оценку его работе давала семья Леонида Ильича — насколько он лоялен в самом широком смысле слова, сговорчив, уважителен, предупредителен.

Управляющий делами ЦК был фактически высокопоставленным слугой генерального секретаря, его бытом он занимался лично, не смея перепоручить его заботам аппарата. Он занимался выделением квартир, машин и путевок членам семьи Брежнева. Квартиры и дачи генсека обставлялись на партийные деньги.

— От управляющего делами многое зависело, например, какую дачу предложить, другие блага, — вспоминал бывший член политбюро Александр Яковлев. — Одному — это можно дать, другому — то. Чтобы получить квартиру для родственников, надо было к нему идти на поклон. А мог и сам предложить: вот у вас сын уже взрослый или дочь, надо помочь с жильем...

Жизнь высокого партийного чиновника и его семьи зависела от управляющего делами и его аппарата. Он лечил, он и хоронил: организовывал похороны и выделял места на престижных кладбищах. Но порядок был такой. Все просьбы и пожелания членов политбюро, кандидатов и секретарей ЦК управляющий делами выполнял только после того, как докладывал генеральному секретарю и тот давал разрешение.

Такой же порядок существовал и на местах.

Много лет управляющим делами ЦК компартии Украины был Илья Иванович Голобородько, который, по словам помощника Щербицкого, к каждому начальнику подбирал свой психологический ключик: «Он руководствовался житейским правилом: надо угождать сильным мира сего, а рабочая скотинка как-нибудь и сама выживет».

Помощник первого секретаря позвонил Голобородько:

— Илья Иванович, надо бы дать ксерокс Институту истории партии, стыдно перед другими.

— А они как сейчас обходятся? — поинтересовался Голобородько.

— Да вручную, как при царе Горохе, снимают архивные копии.

— Ну и пусть снимают, как раньше. Разве от того, что копии будут снимать на ксероксе, что-нибудь изменится?

Щербицкий решил от него избавиться, сделать управляющим делами своего помощника, с которым работал еще в Днепропетровске. И пять лет член политбюро Щербицкий не мог добиться, чтобы в Москве одобрили его решение!

Голобородько умел быть полезным высокому начальству. Когда Брежнев отдыхал в Крыму, управляющий делами «организовал» для генерального секретаря корзину прямо-таки невиданной клубники. Растроганный Леонид Ильич позвонил Голобородько. Тот сразу же соединился с Щербицким и пересказал первому секретарю, как тепло с ним разговаривал Брежнев. Ну как отправить на пенсию человека, которого ценит сам Леонид Ильич?..

Члену политбюро или секретарю ЦК полагалась охрана, ЗИЛ с радиотелефоном и большая дача с обслуживающим персоналом: два повара, четыре официантки, два садовника. На даче — кинозал, библиотека, теннисный корт, сауна, оранжерея, сад. Однажды приняли решение построить на дачах членов политбюро бомбоубежище на случай войны, чтобы сохранить жизни руководителей партии и государства, но потом отказались от этой дорогостоящей идеи.

Всем этим хозяйством (кроме охраны — это дело Девятого управления КГБ) ведало Управление делами ЦК.

Членам высшего партийного руководства их жизнь казалась обычной.

«Мы жили довольно скромно, — рассказывал в интервью Михаил Сергеевич Соломенцев, который был сначала секретарем ЦК, затем членом политбюро. — Я получал как предсовмина РСФСР и как секретарь ЦК КПСС восемьсот рублей в месяц, была служебная машина, госдача. Ну, еще лечение, санатории... Что еще? Ах да, так называемый кремлевский магазин. Но в нем был всего пару раз — купил одну импортную бритву. Жена, правда, покупала там рубашки, белье. Костюмы мне шили. Привозили образцы тканей, приезжали с примеркой. Костюм стоил сто тридцать — сто сорок рублей. У меня их было штук пятнадцать...»

Восемьсот рублей — такова была зарплата всех секретарей ЦК, включая генерального. В 1974 году Леониду Ильичу прибавили пятьсот рублей, в 1978-м — еще двести. Но деньги как таковые никого не интересовали, потому что покупать, собственно, было нечего, всё выдавали или бесплатно, или платить приходилось сущие пустяки.

Скажем, секретарь ЦК имел возможность заказывать продукты на спецбазе на сумму двести рублей (членам политбюро выдавали харчей на четыреста рублей, кандидатам в члены политбюро — на триста), но эти цифры ничего не говорят, потому что цены на спецбазе были мифически ничтожные. Получаемых на базе экологически чистых, проверенных врачами продуктов с лихвой хватало и на большую семью, и на то, чтобы достойно принимать гостей.

Перечень продуктов, которые можно было заказать, составлял сотни страниц. На рабочем месте секретарь ЦК завтракал, обедал и ужинал бесплатно, и с собой ему завертывали всё, что душа пожелает.

«Дачи располагались в районе к западу от столицы вдоль Москвы-реки, — писал бывший заведующий общим отделом ЦК Валерий Болдин. — Это были, как правило, современной постройки виллы, расположенные обычно на участках соснового леса размером до пятидесяти гектаров. На территориях имелись теплицы, вольеры для птицы, загоны для другой живности. К виллам в последнее время пристроили бассейны и сауны...

Дачи были в несколько этажей со множеством комнат, спален, ванн, туалетов. Имелись большие столовые, бильярдные-кинозалы, в которых легко могло разместиться до сорока-пятидесяти человек гостей. К дому, как правило, примыкал хозблок, комнаты с морозильниками, кухнями. На территории имелся теплый гараж, в котором круглосуточно могли находиться специальные машины...

Кроме подмосковных дач, в курортных местах существовали для членов руководства виллы и дворцы, оставшиеся еще с царских времен, для летнего отдыха. Практически для каждой семьи имелась своя курортная дача, и тем не менее строительство их продолжалось».

В отпуск или командировку секретарь ЦК летал не рейсовым, а спецсамолетом. Ни за дачу, ни за отдых в государственной резиденции платить ничего не надо было. В отпуск члена политбюро сопровождал личный врач. Если возникала нужда в каком-то специалисте, его доставляли из Москвы. Бывший мэр Сочи Вячеслав Воронков рассказывал, как к нему обратились сотрудники Девятого управления КГБ:

«Они просили укрепить высокопрофессиональными кадрами городскую службу урологии. Их подопечные на сочинских госдачах — мягко говоря, люди в годах и в этой службе нуждаются. Чекисты сами предложили кандидатуру грамотнейшего специалиста по почкам и по “мужским делам”. Сказали, что он может переехать в Сочи — только нужна квартира. Конечно, я сразу согласился».

В брежневские времена члены политбюро пересели в огромные ЗИЛы-114 ручной сборки, секретарям ЦК полагалась машина поменьше — ЗИЛ-117. Министрам, заведующим отделами ЦК предоставлялась «чайка», которую начали выпускать еще к XXI съезду партии. Членам семьи для хозяйственных нужд дополнительно выделялась «Волга».

Офицеры Девятого управления КГБ брали на себя заботу не только о безопасности охраняемого лица, но и о всех бытовых проблемах — его собственных и всей семьи.

В республиках, где первые секретари входили в состав политбюро, в Девятом управлении местного КГБ создавалось специальное отделение. Три чекиста, которые именовались «прикрепленными», по очереди круглосуточно сопровождали охраняемое лицо. Начальник отделения одновременно ведал и всеми хозяйственными делами, опекая семью члена политбюро. Искусством угождать владел не каждый.

У членов политбюро и секретарей ЦК были личные повара. На каждый день под наблюдением врачей-диетологов составлялось обширное меню. Оставалось только пометить, что высокое обслуживаемое лицо желает сегодня съесть. К столу каждое блюдо доставлялось в опломбированных судках.

Членам политбюро полагался семейный врач, который постоянно наблюдал пациента и в случае необходимости призывал на помощь любых специалистов.

Спецполиклиника находилась на улице Грановского в старом трехэтажном здании, которое принадлежало Четвертому главному управлению при Министерстве здравоохранения СССР.

«Существовали специальные магазины, закрытые мастерские, распределители, — описывал быт высшего руководства Валерий Болдин, — где члены политбюро и их семьи могли приобрести всё импортное, и практически в неограниченном количестве».

При Хрущеве в ГУМе открыли «200-ю секцию». Официально она предназначалась для важных иностранных гостей — коммунистов, которые, приезжая в столицу первого в мире социалистического государства, могли там купить то, что им хотелось, и убедиться в преимуществах нового социального строя.

В реальности эта секция превратилась в торговую точку для семей высшего руководства — там покупали дубленки и шубы, драгоценности, бытовую технику.

Кое-что приходилось самим приобретать за границей.

Личный переводчик руководства страны Виктор Суходрев рассказывал, что Лидия Дмитриевна Громыко, приезжая в Соединенные Штаты вместе с мужем-министром, ездила за покупками для всей семьи, искала товар подешевле. Громыко всегда привозил подарки первым лицам в политбюро — шляпы, рубашки и галстуки. Сам, конечно, не покупал, поручал переводчику. Лидия Дмитриевна неизменно отчитывала Суходрева за то, что он выбрал слишком дорогой товар.

Особая сложность состояла в покупке шляп. Те фасоны, которые носили в политбюро, давно вышли из моды, и в Нью-Йорке их просто не существовало. Но каждый год Громыко отправлял Суходрева на поиски шляп серого цвета.

Суходрев привозил образцы. Громыко придирчиво их изучал. Иногда приходилось по несколько раз ездить в магазин, потом все-таки нужные находились, и в магазине на каждой шляпе ставились инициалы будущих владельцев — Брежнева, Громыко, Андропова, Подгорного, Черненко...

Сотрудник управления КГБ по Закарпатской области Иосиф Леган вспоминал, как получил указание от начальника управления выехать на правительственную дачу в село

Камяница Ужгородского района и организовать питание для главы республики Петра Ефимовича Шелеста.

Местные начальники решили заодно и приодеть первого секретаря. На госдачу привезли большое количество мужских шляп. Шили их в Закарпатье на Хустской фетро-фильцевой фабрике. Примерка шляп длилась долго. Все они были подобраны по размеру, и собравшиеся местные секретари хором утверждали, что каждая из них необыкновенно идет Шелесту:

— Петро Юхимовичу! Який гарный капелюх! Визьмить будь ласка, вин вам до лыця!

Примерялась следующая, и секретари снова уверяли:

— Петро Юхимовичу! Капелюх по барви пидходыть до вашого костюму.

Гардероб члена политбюро сильно пополнился.

Если секретарь ЦК отправлялся за границу во главе делегации, на представительские расходы управление делами выделяло около тысячи долларов (по тем временам приличные деньги), которые на него же и тратились...

Привилегии того времени невозможно сравнивать с положением нынешнего руководства, живущего на широкую ногу. Но, во-первых, тогда доллар был весомее. Во-вторых, у остальных граждан социалистического государства не было ничего — и никакой возможности купить то, что им нужно.

Бывший член политбюро Вадим Медведев называет Павлова одной из ключевых фигур теневого кабинета Брежнева. Медведев вступил в конфликт с управляющим делами ЦК, получив в 1978 году назначение ректором только что созданной Академии общественных наук, центрального партийного учебного заведения и научного центра.

Медведев стал создавать условия своим профессорам для нормальной творческой деятельности и натолкнулся на сопротивление управляющего делами ЦК, который исходил из того, что профессора-бездельники даром получают зарплату.

На роскошные административные здания, престижные санатории и гостиницы для аппарата деньги тратились без ограничений, а ученым старались ничего не дать. Потом Вадим Медведев понял, что вопрос не в деньгах. Финансовые рычаги были удобны для того, чтобы держать людей и целые учреждения под контролем.

Медведев роптал. Но руководители аппарата ЦК знали способы укрощения строптивых. Управление делами устроило дополнительную ревизию финансово-хозяйственной деятельности Академии общественных наук. Она закончилась негативными выводами: профессора и преподаватели мало работают, зато получают слишком много продовольственных заказов. К тому же во время ремонта академии допущен перерасход обоев...

Медведеву устроили в ЦК показательную экзекуцию, в которой ключевую роль играл управляющий делами Павлов. Распекали Медведева полтора часа. И потом придирки такого рода продолжались, пока не сменилась власть и престарелый Павлов не ушел на пенсию...

На счета управления делами ЦК КПСС каждый год поступали почти три миллиарда тех еще, полновесных рублей: более полутора миллиардов давали членские взносы, миллиард приносила издательская деятельность. Из этих денег финансировался огромный партийный аппарат.

Управление делами ЦК распоряжалось финансами партии и владело всей партийной собственностью: зданиями, издательствами и типографиями, поликлиниками и больницами, гаражами, жилыми домами и санаториями.

Партия имела сто четырнадцать издательств, восемьдесят одну типографию, два с лишним десятка санаториев и домов отдыха. В партийное хозяйство входило около тысячи различных учреждений — это музеи, дома политпросвещения, Институт марксизма-ленинизма с филиалами во всех союзных республиках, Академия общественных наук, Институт общественных наук при ЦК (для иностранцев), шестнадцать высших партийных школ, сеть постоянно действующих курсов со своими зданиями.

В управлении делами были транспортная часть, финансово-бюджетный отдел, производственный отдел партийных издательств, сектор капитального строительства.

Все обкомы и ЦК национальных республик зависели от управляющего делами. Без него нельзя было построить новое здание обкома, поликлинику для начальства, детский сад для детей аппарата, получить новые машины для партийного гаража. Зарплату в партии получали почти триста тысяч чиновников.

Обком партии руководил огромным регионом, но не смел потратить лишнюю копейку сверх утвержденного бюджета и в финансовых вопросах полностью зависел от управления делами.

Скажем, первый секретарь Ленинградского обкома Григорий Васильевич Романов просил управление делами ЦК выделить семьдесят две тысячи рублей на реставрацию и установку перед зданием ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина исторического броневика, на котором Ленин выступал в апреле 1917 года, и на изготовление электрифицированной карты «Ленинские места в Ленинграде и области». Даже этого вопроса член политбюро и руководитель крупной парторганизации сам решить не мог!

Первый секретарь Татарского обкома просил Павлова выделить тридцать тысяч рублей на осуществление плана мероприятий «по восстановлению мемориальности, благоустройству улиц и территорий, прилегающих к домам-музеям В. И. Ленина в г. Казани и месте первой ссылки В. И. Ленина...».

Такое огромное хозяйство делало управляющего влиятельной фигурой. С ним считались и секретари ЦК. Они от него зависели, а не он от них. Он обязательно присутствовал на заседаниях секретариата ЦК, как и заведующий общим отделом.

Георгий Сергеевич стал доверенным человеком Брежнева. Ему многое прощалось. Рассказывают, что Павлов влюбился в одну молодую женщину. У них начался роман. И вроде бы Георгий Сергеевич уговорил своего сына жениться на этой женщине.

Сын работал за границей. А тайный роман продолжался, любовь не угасла. Когда у Павлова-старшего умерла жена, он решил узаконить отношения. Георгий Сергеевич пошел к Брежневу и всё ему рассказал:

— Так и так, мы любим друг друга.

Брежнев, сентиментальный по натуре, махнул рукой и благословил старого друга на новый брак.

Павлов развел сына и женился на своей бывшей невестке.

Брежнев позаботился и о том, чтобы должность начальника Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения не занял человек Шелепина.

Леонид Ильич тогда еще не жаловался на здоровье, но угадал важность этого поста. Состояние здоровья высших людей в государстве — бесценная информация в борьбе за власть.

Леонид Ильич попросил министра здравоохранения академика Бориса Петровского подыскать человека со стороны. Петровский предложил молодого и энергичного профессора-кардиолога Евгения Ивановича Чазова, который во время первой же беседы понравился Брежневу тем, что не стремился к высокой должности.

Заканчивая разговор, Леонид Ильич сказал:

— Вот если бы вы сразу согласились, я бы еще подумал, назначать вас начальником управления или нет. А если отказываетесь, значит, лучше вас никого не найдешь. — И, обратившись к начальнику своей охраны Александру Яковлевичу Рябенко, пошутил: — Саша, Евгений Иванович не хочет идти работать в Четвертое управление. Ты найди в охране здания милиционера не ниже полковника и отправь с ним в управление. Пусть начинает работать.

Чазов поставил кремлевскую медицину на очень высокий уровень, в ее учреждениях осваивали современные методики и использовали новейшие препараты. Он сыграл большую роль в том, что «пациент номер один» так долго смог оставаться на посту главы партии и государства.

Привилегии номенклатурной жизни

В этом мире выжить и продвинуться по карьерной лестнице было необыкновенно трудно. Требовались особая предрасположенность к аппаратной игре и годы тренировки.

Наиль Биккенин, который много лет проработал в ЦК партии, писал: «Я безошибочно мог определить в аппарате ЦК бывших комсомольских работников по тому, как они садились и выходили из машины. Такую непринужденность и автоматизм навыков можно было приобрести только в молодости».

Заместитель Твардовского в «Новом мире» Алексей Иванович Кондратович в своем дневнике запечатлел нравы того времени, в частности нравы комсомольских чиновников:

«Казалось бы, молодежь... Но в том-то и дело, что это никакая не молодежь, а специфическая категория — чиновничий подрост — смена аппаратного руководства. Это люди, заранее планирующие свою жизнь в руководителях. Молодые люди, еще ничего не сделавшие в жизни и не накопившие никакого опыта, кроме начально-руководящего, уже призваны руководить, учить, воспитывать. Есть в этом что-то ненормальное, противоестественное.

Не случайно именно комсомольские деятели — самые консервативные из всех возможных у нас деятелей. Они еще трусят, боятся ошибиться, но усвоив самую главную заповедь: держи и не пущай! — не пущают. Их легко натравить, напустить на кого угодно. Они по-молодому энергичны и услужливы.

Они — в начале карьеры, и это определяет всю их психологию. Но они и легко поддаются растлению, ибо, в сущности, уже растлены».

По словам Карена Брутенца, который полжизни провел в ЦК, сталинский период породил почти безусловный рефлекс подчинения, полного согласия с очередной директивой, подобострастие в отношении начальства и комформизм. Недаром бытовала шутка о работниках, которые на прием к начальству приходили с двумя вариантами решения — противоположного содержания и, уловив настроение хозяина кабинета, вытаскивали нужную бумагу.

Вершиной аппаратной карьеры была работа в центральном аппарате партии. В комплексе зданий на Старой площади царила особая атмосфера.

Отделы ЦК делились на общепартийные и отраслевые. Первые обеспечивали работу Центрального комитета — общий отдел, отдел организационно-партийной работы, отдел пропаганды... Вторые курировали соответствующие отрасли.

В отделах первой группы трудились чистые аппаратчики, прошедшие большую школу профессиональной партийной работы. В отраслевые отделы попадали и люди с практическим опытом, специалисты в области сельского хозяйства, промышленности.

Отделы оргпартработы и пропаганды формировались главным образом из провинциалов.

Международные отделы недолюбливали в аппарате: международники, во-первых, имели возможность часто ездить за границу; во-вторых, работа у них была более чистенькая, приятная; в-третьих, они были образованнее, не из партийного аппарата, а из науки, журналистики («не свои»!). Им инстинктивно не доверяли, подозревали в ревизионизме, хотя и не всякий работник аппарата мог объяснить, что это такое.

Карьерная лестница в отделах ЦК была простой — инструктор (в международных отделах — референт) — зарплата триста рублей, заведующий сектором — четыреста рублей, заместитель заведующего — пятьсот рублей, заведующий, который иногда был одновременно и секретарем ЦК... В некоторых отделах создавались группы консультантов. Консультант приравнивался к заведующему сектором, руководитель группы — к заместителю заведующего.

Заместитель заведующего отделом имел право подписывать бумаги от имени отдела.

Начиная с должности заведующего сектором, сотрудникам разрешалось пользоваться «столовой лечебного питания» и услугами Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения. Инструкторы получали в столовой ЦК продуктовые заказы, лечились в ведомственной поликлинике и отдыхали в санаториях управления делами ЦК.

Начиная с должности заместителя заведующего отделом, сотрудникам давали полдачи на круглый год в цековском поселке и право вызова машины, но только по делу. На службу надо было добираться самому.

Работникам ЦК запрещалось строить собственные дачи. Если кто-то вступал в дачно-строительный кооператив, делом занимался Комитет партийного контроля. Обычно предлагали сделать выбор: или работа в ЦК, или дачи. Но высшее руководство преспокойно обходило этот запрет и строило дачи на имя своих близких.

Основная номенклатура в Москве начиналась с первого секретаря райкома партии, члена коллегии министерства, заместителя главного редактора крупной газеты. Право пользования системой Четвертого управления и столовой лечебного питания определялось решением секретариата ЦК.

В протокол заседания секретариата ЦК КПСС о назначении такого-то на такую-то должность вписывалась ключевая фраза — «и распространить на него права пользования столовой лечебного питания и Первой поликлиникой Четвертого главного управления при Минздраве СССР».

При повышении работника в должности постановление секретариата предусматривало «сохранение права пользоваться столовой лечебного питания и распространение на него права пользования Объединенной спецбольницей и поликлиникой Четвертого главного управления при Минздраве СССР» (это более привилегированное медучреждение на Мичуринском проспекте).

Столовая лечебного питания на протяжении многих десятилетий снабжала советскую номенклатуру продуктами хорошего качества.

А высшему партийному руководству достаточно было продиктовать обслуживающему персоналу, что именно нужно, и всё доставляли на дом. Этим ведало Девятое управление КГБ...

Такова кремлевская традиция. Это на Западе охрана только бережет жизни. У нас всё по-другому. Одежда и еда, мебель и выбор дачи, здоровье и досуг, щекотливые поручения и тайные встречи — всем занимается личная охрана.

За исключением Сталина, близость и откровенность с которым исключались, все остальные хозяева Кремля превращали главного охранника в доверенное лицо всей семьи.

Основа влияния начальника охраны — близость к первому человеку в стране. Начальник охраны проводит со своим подопечным больше времени, чем его жена. Начальнику охраны рассказывают то, чем не делятся и с женой. Его посвящают во все семейные секреты. Он заботится о детях и внуках хозяина, спасает их от всех неприятностей и выручает из беды.

Без охранника кремлевские небожители не могли ступить и шага. В своих мемуарах Сергей Никитич Хрущев описал, как растерянность охватила семейство Хрущевых после того, как Никиту Сергеевича отправили на пенсию. Когда исчез привычный начальник охраны, Хрущевы просто не знали, как им жить.

Охранник был обязан позаботиться о том, чтобы дом и дача подопечного были не хуже, чем у других высших руководителей. Подобрать горничных и поваров. И создать такую обстановку, чтобы молодые и красивые охранники не смущали скучающую хозяйку, а молоденькие горничные не отвлекали еще не старого хозяина от государственных мыслей.

Вот парадокс: Брежнев заставлял своих охранников быть няньками и медсестрами, но личная охрана его любила. Горбачев не требовал от охраны ничего, что бы выходило за пределы их прямых служебных обязанностей, а охранники его возненавидели. И начальник охраны президента СССР генерал Медведев бросил Михаила Сергеевича одного в Форосе.

Наверное, все дело в том, что Брежнев сажал охранников за свой стол, разговаривал с ними на равных и вообще относился к ним по-отечески. А Горбачев держал их на расстоянии.

Леонид Ильич был очень внимателен к окружающим, рядовым работникам, которых другие номенклатурные начальники не замечали. Весь персонал знал по имени — охранников, поваров, официанток. Когда на Черном море катался со своей свитой на катере, секретарш сам угощал пивом. Гримеру Вале, которая приезжала со съемочной группой Центрального телевидения записывать выступления генерального секретаря, дарил духи. И как-то раз, по словам одного из руководителей программы «Время» Дмитрия Дмитриевича Бирюкова, спросил сопровождавшего его председателя Гостелерадио Лапина:

— Сергей, а ты уже посылал Валю в Америку?

Гримеров никогда не включали в состав съемочных групп, отправляемых в загранкомандировки. Лапин замялся. И его первый заместитель Энвер Мамедов, обладавший завидной реакцией, ответил первым:

— Сергей Георгиевич, мы просто не успели вам доложить, что Валюше предстоит сопровождать нашу съемочную группу в Соединенные Штаты...

Впрочем, у сменяющих друг друга хозяев Кремля есть нечто общее: нелюбовь к воронам. Первым возненавидел ворон Сталин. «Считал их слишком умными птицами и не мог понять секрета их долгожительства. Он сравнивал их с людьми, одетыми в черное. Их истошные крики, как правило, выводили его из нормального состояния», — вспоминал заместитель начальника Девятого управления КГБ генерал Михаил Докучаев.

С тех пор начальник охраны и комендант Кремля ведут войну против пернатого племени. Ворон стреляли снайперы, орнитологи давали советы, кремлевский полк организовал соколиную охоту на ворон. Но всё было бесполезно. Война с воронами в Кремле продолжается и по сей день...

Включенные в номенклатуру пользовались поликлиниками, больницами и санаториями Четвертого главного управления. Первая поликлиника, которая и по сей день находится на Сивцевом Вражке и принадлежит теперь управлению делами президента России, и Центральная клиническая больница считались лучшими медицинскими учреждениями в Союзе.

Корней Чуковский, который лечился в ЦКБ весной 1965 года, записал в дневнике:

«Больница позорная: работники ЦК и другие вельможи построили для самих себя рай, на народ — наплевать. Народ на больничных койках, на голодном пайке, в грязи, без нужных лекарств, во власти грубых нянь, затурканных сестер, а для чинуш и их жен сверх-питание, сверх-лечение, сверх-учтивость, величайший комфорт.

Рядом с моей палатой — палата жены министра строительства, — законченно пошлая женщина, — посвятившая все свои душевные силы борьбе со своим пятидесятилетием, совершенно здоровая».

При Брежневе построили еще и спецбольницу с поликлиникой на Мичуринском проспекте — для высшей номенклатуры.

Санаторий в подмосковной Барвихе был самым комфортабельным и престижным в системе Четвертого управления при Министерстве здравоохранения СССР. Хотя санаториев и домов отдыха для начальства было много — от Рижского взморья до Сочи, от Курской области до Валдая, в советские времена все предпочитали Барвиху.

Мягкий климат средней полосы, показанный практически при любом заболевании, близость Москвы, хорошее диетическое питание и прекрасное медицинское обслуживание — это привлекало отдыхающих даже не в сезон. Получить путевку в Барвиху было особой честью. Здесь отдыхали только самые высокопоставленные чиновники.

Во время войны на территории санатория был госпиталь. С тех трагических лет сохранилось военное кладбище.

В санатории мало отдыхающих, которые друг друга почти не видят, зато множество вежливых людей в белых халатах. Здесь ни в чем не отказывают отдыхающим. Каждого называют по имени-отчеству. Имена помнит не только лечащий врач, но и сестры, и подавальщицы в столовой, и нянечки, и те, кто разносит неходячим больным еду в номера.

Впечатления от отдыха в Барвихе изложил в дневнике Александр Твардовский:

«Живу среди читающих газеты и даже редактирующих их, среди членов коллегий министерств, и повыше — маршалов, министров, крупных пенсионеров, коим по самой их сути полагается быть “политиками”, и никаких “дикуссий”, мнений, рассуждений о проживаемом времени, — как будто ничего не произошло и не происходит: уженье рыбы, домино, кино — и все. Разговоры на редкость однообразные, плоскошуточные, пустоутробные.

Время точно онемело, — в нем умолк нескончаемый затейник-оратор, а на место его словно бы никто не пришел, — как бы все в ожидании отсутствующего “старшего”.

Газеты вяло, по инерции взывают к кому-то о необходимости “убрать вовремя и без потерь”, регистрируют фестивали, матчи, встречи, обеды, но все без чего-то, — трудно сказать, без чего именно...»

Впрочем, власть заботилась и о духовной пище для аппарата.

Существовали театральная касса, снабжавшая высших чиновников и их семьи билетами на любые спектакли, специальная книжная экспедиция, которая обеспечивала начальство книгами (а в ЦК была еще своя отдельная экспедиция) и даже специальная книжка с отрывными талонами, которая позволяла ее обладателю раз в пять дней приобрести два билета в любом кинотеатре, но не позднее чем за полчаса до начала сеанса...

Система номенклатурных благ распространялась вплоть до райкома партии (в меньших, разумеется, масштабах). В областных центрах существовали спецполиклиники с больницами, продовольственные базы и спецстоловые, куда пускали по пропускам с фотографией. Причем обком партии и облисполком располагались в одном здании, но в столовой работники двух учреждений часто расходились по разным залам — партийцы, как высшая власть, обедали отдельно даже от советской власти... И еще был зал для самого высокого начальства. Отобедав и загрузив сверток с продуктами для семьи в багажник черной «Волги», областные и районные начальники рассказывали согражданам, какое им выпало счастье — жить при развитом социализме.

Как делались карьеры

Когда Брежнев стал первым секретарем, в аппарате вздохнули с облегчением: конец нелепым идеям Хрущева, а с Леонидом Ильичом можно работать. «Ранний Брежнев» вел себя очень скромно по сравнению с «поздним Хрущевым». Он прислушивался к чужому мнению, не отвергал чужую точку зрения, позволял с собой спорить.

Его помощник по международным делам Александров-Агентов показал Брежневу понравившуюся ему цитату: «Нервный человек не тот, кто кричит на подчиненного, — это просто хам. Нервный человек тот, кто кричит на своего начальника».

Брежнев расхохотался:

— Теперь я понял, почему ты на меня кричишь.

Леонид Ильич умел произвести впечатление, умел нравиться. Александрову-Агентову сказал:

— Знаешь, Андрей, обаяние — это очень важный фактор в политике.

Брежнев любил фотографироваться, знал, что фотогеничен. Поэтому ТАСС предоставило в его распоряжение фотокорреспондента — Владимира Гургеновича Мусаэльяна. Он сопровождал Брежнева в поездках, снимал его в кругу семьи и на отдыхе.

Генерал Василий Иванович Другов, тогда первый заместитель заведующего отделом административных органов ЦК, рассказывал, как после больших военных учений в Белоруссии на подведение итогов пригласили Брежнева.

Василий Другов опоздал на полторы минуты, вошел — за столом только два свободных стула. Сел на один из них. Открылась дверь, вошли Брежнев и первый секретарь ЦК Белоруссии Петр Миронович Машеров. Машеров занял председательское кресло, Брежнев сел рядом с Друговым. Тот сразу встал.

— Ты куда, Другов?

— Да я не свое место занял, Леонид Ильич.

— Сиди. А то если мне еще стопку нальют, я час разговаривать буду. Ты меня останавливай.

В те годы Леонид Ильич, не лишенный юмора, мог и над собой подшутить.

«Мне Брежнев понравился, — вспоминал начальник кремлевской медицины академик Чазов, — статный, подтянутый мужчина с военной выправкой, приятная улыбка, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор, плавная речь (он тогда еще не шепелявил). Когда Брежнев хотел, он мог расположить к себе любого собеседника. Говорил он с достоинством, доброжелательством, знанием дела».

Общительный и жизнерадостный Леонид Ильич любил собирать у себя компании. Одиночество ненавидел.

Чазов был поражен, когда Брежнев ему позвонил:

— Ты что завтра вечером делаешь? Я хотел бы тебя пригласить на дачу. Соберутся друзья, отметим мое рождение.

Чазов даже растерялся, настолько неожиданным было приглашение генерального секретаря. На даче в Заречье собрались Андропов, Устинов, Цинев, Цуканов, министр гражданской авиации Бугаев, начальник Девятого управления КГБ Антонов... Брежнев много шутил, оказался хорошим рассказчиком.

«Был он общителен, контактен, любил шутку, острое, меткое слово, да и сам умел пошутить, особенно во время застолий, — писал второй секретарь ЦК Грузии Петр Александрович Родионов. — Мог вдруг разоткровенничаться. Насчет того, например, как тяжело ему носить “шапку Мономаха”, что в голове под этой шапкой и ночью прокручивается все, над чем приходится думать днем. А думать приходится ой как много и о многом!»

Он был сентиментален. Любил вспомнить молодость.

«Мог и удивить, — вспоминал академик Георгий Аркадьевич Арбатов. — Так, когда бывал в настроении, особенно во время застолья (от рюмки, пока был здоров, не отказывался, хотя меру, насколько я могу судить, знал, во всяком случае на склоне лет), вдруг начинал декламировать стихи.

Знал наизусть длинную поэму “Сакья Муни” Мережковского, немало стихотворений Есенина. В молодости Брежнев (об этом он как-то при мне рассказал сам) участвовал в самодеятельной “Синей блузе”, мечтал стать актером. Известная способность к игре, к актерству (боюсь назвать это артистичностью) в нем была. Я иногда замечал, как он “играл” (надо сказать, неплохо) во время встреч с иностранцами».

Под настроение Леонид Ильич иногда даже читал стихи собственного сочинения.

«Запомнилась “Баллада о комиссаре”, — писал Георгий Смирнов, — написанная в духе рапповского романтизма и рассказывающая о гибели комиссара на трибуне перед мятежным полком».

Он был готов сделать благодеяние. Например, вступился за главного режиссера театра на Таганке Юрия Любимова — правда, не по собственной инициативе, а с подачи своего референта Евгения Матвеевича Самотейкина. Брежнев позвонил первому секретарю Московского горкома Виктору

Гришину, велел отменить решение о снятии Любимова с должности. И был очень доволен, когда Юрий Петрович поставил трогательный спектакль «А зори здесь тихие» по повести Бориса Васильева. При упоминании об этом спектакле Брежнев мог прослезиться...

Леониду Ильичу показали замечательный фильм «Белорусский вокзал», который тоже не выпускали на экран. Брежнев растрогался, и ленту увидели зрители.

Выдающийся артист Аркадий Исаакович Райкин старался утверждать свои программы в Москве, где к нему лучше относились. Ленинградское идеологическое начальство, еще более темное, чем столичное, его просто преследовало.

Райкин познакомился с Брежневым еще до войны в Днепропетровске, и это единственное, что спасало замечательного артиста. Брежнев дал Райкину вторую квартиру в столице, а когда артист попросил перевести его театр в Москву, тут же решил этот вопрос. Ему выделили здание кинотеатра «Таджикистан» в Марьиной Роще. Но уже тяжелобольной Аркадий Райкин играл в новом здании всего несколько месяцев.

Леонид Ильич охотно помогал в житейских делах. Не обижался, когда его просили о квартире. Напротив, немедленно давал указание и требовал, чтобы ему доложили об исполнении.

— Но добрым Брежнева назвать нельзя, — говорил мне Леонид Замятин, хорошо его знавший, — он был хитрым и коварным. Хотя разговаривать с ним было легко, он производил впечатление отца родного, которому хочется открыть душу. Но меня предупредили, что делать этого не стоит.

Поначалу Леонид Ильич довольно трезво оценивал свои возможности руководителя государства.

Записи Брежнева, которые он делал с военных пор (дневником их не назовешь), свидетельствуют о бедности духовного мира. Он помечал, сколько плавал в бассейне, какой у него вес, какие процедуры ему прописали...

Брежнев встал во главе государства, совершенно не думая о том, что именно он собирается делать. Никакой программы у него не было. Но огромная власть, которая оказалась у него в руках, и колоссальная ответственность, которая легла на его плечи, изменили Леонида Ильича. Он не мог позволить себе рискованных шагов, не спешил, советовался со специалистами. Он признавал, что чего-то не знает, и хотел разобраться. Он был вполне здравомыслящим человеком, но, к сожалению, без образования и кругозора.

Идеи Брежнева, по словам Александра Бовина, были простые: нужно сделать так, чтобы люди лучше жили, и надо их избавить от страха войны. И ему кое-что удалось сделать. 1960-е годы были временем подъема уровня жизни.

Леонид Ильич поддавался влиянию.

В 1970 году диссидента-биохимика Жореса Медведева отправили в психиатрическую клинику. Бовин сказал Брежневу, что сделана глупость.

Брежнев тут же нажал на пульте селектора кнопку и соединился с председателем КГБ Андроповым:

— Это ты дал команду по Медведеву?

Андропов был готов к ответу:

— Нет, это управление перестаралось. Мне уже звонили из Академии наук. Я разберусь.

Жореса Медведева выпустили.

Леонид Ильич избегал дискуссий на сложные теоретические и идеологические темы. Просил не изображать его теоретиком:

— Все равно никто не поверит, что я читал Маркса.

Такая необычная откровенность нравилась. Мало кто думал, что эти слова свидетельствовали об ограниченности руководителя страны, его неспособности к стратегическому планированию, ви́дению будущего.

Однажды, уже в более поздние годы, Брежнев, прочитав написанную за него статью, с сомнением заметил:

— А не слишком ли статья теоретична, я ведь не ученый, а политик?

Черненко тут же успокоил генерального:

— Ничего, Леонид Ильич, увидите — по этой статье десятки наших ученых сразу начнут сочинять свои диссертации!

К работе над собственными выступлениями Брежнев относился очень серьезно. Придавал любой своей речи большое значение. За несколько лет сложилась группа партийных интеллектуалов, которая годами работала на Брежнева. Однажды кто-то из них ядовито заметил:

— Речи все лучше и лучше, а ситуация в стране все хуже и хуже.

При подготовке материалов к съездам, пленумам иногда разгорались споры. Но тон задавали не члены политбюро, не секретари ЦК. Они сидели и молчали, в серьезную драку не вступали. А спорили — в том числе с Брежневым — его помощник Александров, Вадим Загладин, Александр Бовин, Николай Иноземцев, Георгий Арбатов. Споры были настоящие. Чутье у Брежнева было отменное. Как-то написал Бовин раздел, связанный с демократией. Прочитал вслух. Брежнев твердо сказал:

— Чем-то буржуазным запахло. Ты, Саша, перепиши.

Бовин за ночь переписал, утром прочитал. Брежнев довольно заметил:

— Вот это другое дело.

Брежнев любил, чтобы в его присутствии спорили. Он иногда говорил помощникам:

— Представьте себе, что вы члены политбюро, спорьте, а я послушаю.

Брежнев слушал внимательно, но с невозмутимым лицом, и нельзя было понять, одобряет он то, что ему говорят, или нет. Это он обдумывал сказанное, прикидывая, чьи аргументы весомее. Иначе он себя вел, когда в обсуждении участвовали руководители партии.

«Это уже был другой человек, — вспоминал Загладин, — он не отстаивал каждую фразу, которая была написана им же вместе со своими сотрудниками, и очень внимательно прислушивался к голосам членов партийного руководства. И третий Брежнев — это на заседании политбюро, когда обсуждался окончательный текст. Здесь он старался добиться консенсуса».

Пока все члены политбюро не поставят своей визы, Брежнев документ одобрить не отваживался. А получить от них согласие было не просто. Члены политбюро озабоченно писали на проектах выступлений: «А как этот тезис согласуется с положениями марксизма? А как это согласуется с тезисом Ленина о том, что?.. Я бы советовал ближе к Ленину».

Брежнев не хотел ссориться с товарищами по политбюро, говорил своей группе:

— Все замечания — учесть.

Работу над речами Брежнев перенес в Завидово. Это военно-охотничье хозяйство Министерства обороны с огромной территорией. Леонид Ильич приезжал сюда в пятницу и оставался до понедельника.

Завидово расположено на сто первом километре Ленинградского шоссе, это уже Тверская (тогда Калининская) область. По мнению всех, кто там бывал, райский уголок с чудесной природой.

Там построили трехэтажный дом. На верхнем этаже разместились апартаменты Брежнева: кабинет, узел правительственной связи, спальня, комната отдыха, помещения для охраны, медсестер, массажисток.

На втором этаже размещали гостей. Помимо спален были и небольшие рабочие кабинеты — для тех, кто писал Брежневу речи. Рядом обитали машинистки и стенографистки. На первом этаже — канцелярия, машбюро и комната стенографисток, кинозал, бильярдная, столовая.

К зданию пристроили зимний сад, где в центре стоял большой стол, за ним и совещались.

Кроме того, построили отдельный банкетный зал, который именовался «шалашом», поскольку внешне он напоминал это сооружение. Сделали вертолетную площадку, вырыли пруд, куда запустили форель, разбили парк и розарий.

«Иногда Леонид Ильич появлялся на фиолетовом "роллс-ройсе", подаренном королевой Великобритании Елизаветой II, — вспоминал главный редактор «Правды» Виктор Григорьевич Афанасьев. — Ох, уж этот фиолетовый "роллс-ройс"! Генсек предпочитал водить его сам. Ездил он лихо и бесстрашно, на большой скорости — любил риск.

С этим "роллс-ройсом" связана одна забавная история, о которой Леонид Ильич часто рассказывал сам. Ехал он из Москвы в Завидово, охрана далеко впереди и сзади. Где-то на половине дороги увидел двух женщин с авоськами. Они проголосовали. Генеральный посадил их в машину и довез до места назначения, благо было по пути. Женщины, не признав Ильича, сунули в лапу шоферу трешку. Он, улыбнувшись, спокойно положил трояк в карман и поехал дальше...»

В субботу происходило обсуждение текста. Каждый читал свою часть. Брежнев слушал и говорил: это хорошо, а это надо доработать, а это переписать заново.

Когда он читал текст, то ставил на полях слева пометку синим карандашом — без замечаний и комментариев.

Виктор Афанасьев вспоминал:

«Сначала мы гадали: что бы это значило? А после обнаруживали, что в отмеченном абзаце есть неточность. Вот так мы убедились, что наш генсек не так уж туп, как некоторые его представляли. Да, писать он сам не мог, и редактор из него никудышный, но элементарное чутье безошибочно подсказывало ему, что хорошо и что плохо».

«Коробили известная вульгарность поведения, фамильярность в отношениях со стенографистками и машинистками, привычка регулярно заставлять всех подолгу, не один десяток минут, ждать его к завтраку, — рассказывал Карен Брутенц. — Не красило Леонида Ильича и вялое участие в работе над текстом. Он не подпитывал этот процесс, не служил источником идей, лишь давал понять, что для него неприемлемо.

Зато Леонид Ильич, как выяснилось, хорошо, значительно лучше многих, чувствовал устную речь, ее особенности и точно реагировал на то, что выпадало из стиля. Опытный пропагандист и политработник, Брежнев привык говорить с людьми, с массой и чувствовал, что именно он должен произнести. Возможно, поэтому он и предпочитал знакомиться с материалом необычным способом — через читку вслух.

Он прорабатывал про себя каждое слово, взвешивал его смысловую нагрузку и эмоциональное воздействие, демонстрируя острую политическую интуицию».

Леонид Ильич, вспоминал Брутенц, обращался ко всем на «ты» (за исключением Бориса Николаевича Пономарева, которого называл по отчеству и на «вы», что отнюдь не было проявлением особой благосклонности) и по имени — стремился показать, что все вроде равноправны. Однако к помощникам Леонида Ильича это не относилось. Они боялись генерального секретаря.

В ту пору Брежнев еще был в приличной форме.

«Тем не менее уже стали весьма заметными зацикленность на здоровье и явное нежелание заниматься делами, — писал Брутенц. — Часто по утрам, за завтраком, Брежнев со вкусом рассказывал, как поплавал, каким было кровяное давление до и после этой процедуры, и с недовольством, а иногда и с гневом реагировал на попытки своих помощников, — у которых, как я понял, других возможностей повидать босса было немного, — заговорить о делах.

Отличался этим главным образом Александров. Блатов являлся человеком гораздо более спокойным и, я бы даже сказал, вялым. Цуканов же, в то время по каким-то причинам впавший в немилость, неизменно хранил молчание».

По субботам вечером устраивалась охота на кабанов. Охотились с помоста. Охота была настоящей страстью, от которой Леонид Ильич не отказался даже на склоне лет.

Будущий председатель КГБ, а тогда заведующий венгерским сектором отдела ЦК по социалистическим странам Владимир Александрович Крючков в конце февраля 1965 года сопровождал Брежнева и Подгорного в Будапешт.

Они хотели наладить личные отношения с венгерским руководителем Яношем Кадаром, который очень симпатизировал Хрущеву и после его отставки продолжал оказывать ему знаки внимания: посылал то вино, то фрукты. В социалистическом лагере это не было принято: раз руководитель отправлен в отставку, значит, его больше не существует. Брежнев решил, что пора проявить инициативу и подружиться с Кадаром.

После переговоров Кадар, зная главную страсть советских руководителей, предложил поохотиться на фазанов. Сели в поезд и отправились на юг страны. В вагоне Кадар пытался продолжить беседу, но она не получалась. Не имея под рукой подготовленных материалов, Брежнев растерялся. Кадар, видимо, всё понял и отступился. Тогда Подгорный перешел на охотничьи истории и с величайшим удовольствием четыре часа травил байки...

«Егеря начали выгонять фазанов, — описывал Крючков охоту, — которые буквально сотнями стали вылетать из зарослей. Многие из них тут же падали камнем, сраженные меткими выстрелами.

Кадар и его товарищи стреляли редко, больше просто наблюдали, обмениваясь между собой впечатлениями. Брежнев же палил вовсю! С ним рядом находился порученец для того, чтобы перезаряжать ему ружье.

Леонид Ильич, отстрелявшись в очередной раз, не глядя протягивал пустое, еще дымящееся ружье порученцу и принимал от него новое, уже заряженное. А бедные фазаны, которых до этого прикармливали несколько дней, все продолжали волнами лететь в сторону охотников.

Эта бойня, которая и по сей день стоит у меня перед глазами, прекратилась лишь с наступлением темноты».

На обратном пути Янош Кадар опять завел разговор на серьезные темы.

«Брежнев не спорил, — отметил Крючков, — хотя конкретных ответов не давал, отделывался обещаниями вернуться к этим вопросам в будущем. Мысль его, по-моему, все еще вертелась вокруг недавней охоты, приятные впечатления от которой он не хотел портить никакими серьезными разговорами».

В Завидове кабанов неделю в одно и то же время прикармливали картошкой. Они привыкали и подходили к помосту на двадцать пять — тридцать метров. Так что промахнуться было невозможно. Но старший егерь на всякий случай стрелял одновременно с Брежневым. Так что без добычи не возвращались. Такой метод охоты вызывал насмешки, кто-то с издевкой говорил, что проще прогуляться на колхозную свиноферму и подстрелить пару свиней. Иногда на охоте случались опасные ситуации, когда раненый кабан бросался на охотников. Но рядом были егерь и личная охрана генерального. Добивать кабанов на всякий случай ходили с автоматами.

За охотничьим оружием Брежнева ухаживали личные охранники — четыре человека.

В минуту откровенности Леонид Ильич сказал Александрову-Агентову:

— Знаешь, Андрей, все-таки, оценивая пройденный путь, я прихожу к выводу, что лучший пост из тех, что мне пришлось занимать, — это пост секретаря обкома партии. И сделать можно больше, и в то же время сам видишь реальную обстановку и результаты своей работы. Можешь регулярно бывать на заводах, в полях, общаться со многими людьми, чувствовать их настроение. А здесь, в Кремле, сидишь и видишь мир сквозь бумаги, которые кладут на стол.

Он так и не стал крупным политиком. Он не был рожден для государственной деятельности и не обладал качествами, необходимыми для руководителя страны. И сам понимал свой уровень областного руководителя. Поэтому был крайне осторожен, нуждался в советах и постоянно колебался. Важнейшей задачей было завоевание и удержание власти. Вот этим искусством он владел.

В начале 1970-х Брежнев, почувствовав себя достаточно уверенно, начал менять партийное руководство на местах.

Настала очередь первого секретаря ЦК компартии Грузии Василия Павловича Мжаванадзе. Хрущев его ценил — даже в 1963 году хотел его перевести в Москву и сделать секретарем ЦК КПСС, курирующим Вооруженные силы, но Мжаванадзе попросил оставить его в Тбилиси.

Желание сменить первого секретаря в Грузии созревало у Брежнева постепенно.

Василий Павлович Мжаванадзе родился в Кутаиси, но в двадцать два года уехал из Грузии, потому что пошел служить в армию. Вернулся он на родину только через тридцать лет.

Мжаванадзе стал профессиональным армейским политработником, в 1937 году окончил Ленинградскую военно-политическую академию, был членом военных советов разных армий, войну закончил в звании генерал-лейтенанта.

После войны служил в Харьковском, Киевском, Прикарпатском военных округах. В Киеве он и познакомился с Хрущевым, который после войны работал на Украине. Никита Сергеевич вспомнил о нем, когда после смерти Сталина и ареста Берии стали подыскивать первого секретаря для Грузии.

Хрущев не знал грузинские кадры, боялся, что там еще остались люди Берии. Ему нужен был человек, которому он мог доверять. Мжаванадзе, правда, не знал, что происходит в республике, не имел опыта хозяйственной работы. Но Хрущева его кандидатура устроила — надежный человек, грузин, а то, что давно утратил связи с республикой и чужой для местной элиты, так это только хорошо — будет ориентироваться на Москву.

Василий Павлович с годами ощутил себя полным хозяином в Грузии, что стало благодатной почвой для массовой коррупции в республиканском аппарате.

Забыв о том, что карьерой он целиком и полностью обязан Хрущеву, Василий Павлович в 1964 году принял деятельное участие в подготовке свержения своего благодетеля. Не только сам горячо поддержал идею убрать Хрущева, но и агитировал против него других видных партийных секретарей.

Теперь уже Брежнев был в долгу у Мжаванадзе, и это продлило его годы у власти.

В конце ноября 1970 года в Ереван — отметить пятидесятилетие образования Советской Армении — приехали все первые секретари национальных республик. Приехал и Брежнев. Вечером собрались вместе поужинать. Новый первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Гейдар Алиев, произнося тост, сказал:

— Закавказские республики живут дружно, поддерживают друг друга. Наш аксакал Василий Павлович Мжаванадзе нас направляет, мы с ним советуемся по всем вопросам.

Слова об «аксакале» все восприняли как шутку — кроме Брежнева, который насторожился и завел разговор об опасности групповщины и национальной обособленности. Петр Шелест считал, что именно тогда Брежнев поставил в личном деле Мжаванадзе жирный минус.

Но дело, скорее, было в другом. Брежнев еще не болел, был бодр, хотел что-то сделать, а Мжаванадзе уже приблизился к семидесятилетнему юбилею. Республике нужен был новый человек. Говорят, что министр внутренних дел Щелоков обратил внимание генерального секретаря на подающего надежды республиканского министра Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе.

Сам Шеварднадзе считает, что его имя Брежневу назвал тот же Гейдар Алиев, первый секретарь ЦК компартии Азербайджана, а до того председатель республиканского КГБ. К Алиеву в те годы в Москве относились с особым уважением.

Когда Брежнев в июле 1969 года сделал его первым секретарем, Алиев провел массовую чистку кадров, снял с работы около двух тысяч чиновников. Часть из них была арестована, в доход государства поступило немало конфискованных ценностей. В частности, был арестован весь состав инспекции республиканского Министерства торговли — двадцать четыре человека. Следствие вел КГБ Азербайджана.

В Баку со всей страны ездили группы партийных работников изучать опыт. Они возвращались приятно удивленные, рассказывали, как Алиев умело борется с коррупцией. Поражались тому, что он сделал прозрачным процесс сдачи экзаменов в высшие учебные заведения, куда раньше поступали за взятки.

Правда, со временем станет ясно, что масштабы коррупции в республике не уменьшились. При Алиеве, по существу, произошла смена республиканских элит. Важнейшие должности достались другому клану. А новое руководство, приведенное им к власти, желало так же наслаждаться жизнью, как и прежнее.

Бывший заведующий идеологическим отделом ЦК компартии Азербайджана Расим Агаев и политолог Зардушт Али-заде пишут:

«Масштабы приписок в хлопководстве, виноделии и мелиорации были огромны, возможно, они не имели прецедента в истории советской экономики.

Согласно официальной статистике, Азербайджан возделывал хлопок в таких количествах, как если бы им была засеяна вся территория республики, включая леса, горы, водоемы. Совершенно непонятно в таком случае, откуда берутся миллионы тонн винограда, урожаи зерновых и бахчевых культур... Эта грандиозная афера так и не была до конца расследована, ибо механизм контролировался высшей партийной властью, в прямых интересах которой она осуществлялась...

Другой классический пример советского очковтирательства, с помощью которого из казны выкачивались огромные суммы, образующие теневой капитал, — мелиоративные работы в Азербайджане. Эксперты подсчитали, что объем реализованных мелиоративных работ позволял двенадцать раз обработать всю территорию республики».

Виктор Михайлович Мироненко, в те годы видный работник союзного комитета народного контроля, рассказывал мне, как, приехав в республику с проверкой, был поражен:

— В магазинах, в государственной торговле, все было, как на рынке, — продавцы самостоятельно устанавливали цены, покупатели с ними торговались. Продавец вел себя так, словно магазин ему принадлежал, а не государству...

Но в Москве считали, что Гейдар Алиев на редкость успешно руководит республикой. От Шеварднадзе ждали того же. Решение сделать министра внутренних дел первым секретарем ЦК компартии Грузии далось Брежневу нелегко. Но Эдуард Амвросиевич с первого взгляда внушал симпатию. Его энергия рождала уверенность, что он способен справиться с любым делом.

Смену руководства в республике провели по всем правилам. В 1972 году парторганизация Грузии была подвергнута серьезной критике. Шеварднадзе избрали первым секретарем Тбилисского горкома. Затем Василия Павловича Мжаванадзе отправили на пенсию, и в конце того же 1972 года Эдуарда Амвросиевича сделали первым секретарем ЦК компартии Грузии. Ему было всего сорок четыре года.

Шеварднадзе стал первым секретарем сразу после партийного съезда, поэтому положенного ему членства в ЦК КПСС пришлось ждать четыре года — только в 1976 году, на XXV съезде, его избрали членом ЦК.

Его авторитет вырос после того, как ему удалось предотвратить волнения у себя в республике. Все началось с того, что в 1977 году была принята новая конституция СССР.

Работа над ней началась еще в 1961 году. Руководителем рабочей группы стал тогдашний секретарь по идеологии Леонид Федорович Ильичев. Рабочая группа работала до осени 1964 года, в основном на бывшей даче Горького Горки-10.

25 апреля 1962 года Хрущев на сессии Верховного Совета сказал, что конституция 1936 года устарела. На сессии утвердили конституционную комиссию под руководством самого Хрущева. Никита Сергеевич предполагал предоставить большие права союзным республикам, закрепить важные демократические начала, в том числе ввести в практику референдумы (общесоюзные, республиканские и местные), ограничить срок пребывания чиновников на высших постах, чаще собирать сессии Верховного Совета, сделать его комиссии постоянно действующими, а членов комиссии — освободить от иной работы, то есть превратить в настоящих парламентариев.

Хрущев намеревался закрепить в конституции права предприятий на самостоятельность и ввести принцип выборности руководителей предприятий, научных и культурных учреждений.

Обсуждались возможности введения суда присяжных, отмены паспортной системы. Хотели принять положение о том, что арестовать можно только с санкции суда, и закрепить пункт о судебном обжаловании незаконных действий органов государственной власти и чиновников.

После отставки Хрущева Леонида Федоровича Ильичева вернули в Министерство иностранных дел. Итоги работы над проектом конституции представили Брежневу. Он, по словам Георгия Смирнова, остался недоволен обилием вариантов: это мы, что ли, должны выбирать?

В конце 1960-х политбюро пришло к выводу, что новая конституция должна повторить сталинскую, достаточно небольших поправок. Потом все-таки решили доработать более основательно. Рабочей группой руководил Борис Пономарев, человек консервативный и опасавшийся новых веяний.

В новой конституции говорилось о построении в Советском Союзе «развитого социализма». Впервые включили в конституцию статью о роли КПСС как «ядра политической системы».

Реальная проблема возникла только с государственным языком. Такое понятие в новой конституции отсутствовало. Но существовало в конституциях Азербайджана, Армении и Грузии.

Секретари ЦК Пономарев, Черненко, Капитонов и Зимянин 23 декабря 1977 года информировали коллег:

«Нельзя исключать, что изъятие из конституций Закавказских республик, особенно Грузинской и Армянской ССР, статей о государственном языке, которые были в них с первых дней установления Советской власти, может вызвать негативное реагирование со стороны определенной части населения, а также на международной арене.

Настороженность в этом вопросе высказывали в беседах в ЦК КПСС и руководители данных республик».

К предупреждению в политбюро не прислушались.

Всем союзным республикам велено было принять новые конституции в соответствии с новым основным законом СССР. В реальной жизни это ничего не меняло и для всех республик было чисто формальным делом — кроме Грузии, Армении и Азербайджана.

В Москве закавказским республикам приказали подравняться под общий строй. Но попытка убрать упоминание о государственном языке как атрибуте самостоятельности вызвала массовое возмущение у молодежи. Грузинские студенты устроили демонстрацию, хотя понимали, что это может закончиться трагически.

Шеварднадзе пытался объясниться с Брежневым. Тот неохотно ответил: «...это идеологический вопрос» и переадресовал первого секретаря к Михаилу Андреевичу Суслову как главному идеологу партии. Догматик Суслов ничего не хотел слушать и твердил, что эта республиканская языковая аномалия противоречит марксизму.

14 апреля 1978 года, в день, когда депутатам республиканского Верховного Совета предстояло голосовать за новую конституцию, возле Дома правительства в Тбилиси собрались тысячи молодых людей. Причем в руководстве республики были люди, готовые для разгона недовольных применить силу, использовать армию.

Шеварднадзе еще раз позвонил Суслову, напомнил о кровопролитии 1956 года и просил доложить Брежневу, что ситуация в республике крайне серьезная и он как первый секретарь обязан предпринять всё необходимое для сохранения спокойствия. В общем, благодаря своей настойчивости и умению убеждать Шеварднадзе добился своего — грузинский язык остался государственным.

Он вышел к студентам, собравшимся у Дома правительства, и торжествующе сказал:

— Братья, всё будет так, как вы хотите!

Огромная площадь взорвалась восторгом. Шеварднадзе стал в республике героем.

Он сумел и успокоить молодежь, и сделать так, что вся Грузия была ему благодарна. При этом он не поссорился с Москвой. Более того, Брежнев оценил политическое искусство Шеварднадзе. И через полгода, в ноябре 1978 года, сделал его кандидатом в члены политбюро. Этого высокого партийного звания удостаивались далеко не все руководители республик.

На том же ноябрьском пленуме 1970 года секретарем ЦК КПСС был избран Михаил Сергеевич Горбачев. С Шеварднадзе они были немного знакомы с комсомольских времен. Когда Горбачев стал секретарем ЦК по сельскому хозяйству, познакомились ближе. Горбачев приезжал в Грузию, Шеварднадзе показывал, чего своим трудом может добиться крестьянин, если ему не мешать...

Брежнев определенно выделял Шеварднадзе из когорты республиканских секретарей, в 1981 году наградил его золотой звездой Героя Социалистического Труда. Он позволял Эдуарду Амвросиевичу то, что не дозволялось другим местным секретарям. Грузинской интеллигенции жилось легче, в республике было больше свободомыслия. Хотя с диссидентами здесь поступали так же жестко, как и везде, что Шеварднадзе припомнят, когда Грузия обретет самостоятельность.

Шеварднадзе, конечно, был мастер ладить с начальством. Он не забывал курить фимиам Брежневу. С восточным красноречием его молодых и талантливых помощников, сочинявших Эдуарду Амвросиевичу речи и статьи, мало кто мог посоревноваться. На торжественном собрании в Тбилиси, посвященном тридцатилетию Победы, Шеварднадзе преподнес слушателям небольшой сюрприз:

— Не всем, вероятно, известно, что сам Леонид Ильич в 1942 году в течение месяца находился на лечении в Тбилиси, в военном госпитале. В личных беседах он не раз вспоминал, каким вниманием, какой трогательной заботой врачей, медицинского персонала он был окружен. Из госпиталя Леонид Ильич Брежнев вернулся на фронт, пройдя через всю войну до Парада Победы...

В 1981 году после XXVI съезда партии, вернувшись в Тбилиси, Шеварднадзе с воодушевлением делился своими впечатлениями с республиканским активом:

— В каждом положении и каждом выводе доклада Леонида Ильича Брежнева, в каждом его слове звучала ленинская деловитость, ленинская целеустремленность, ленинская объективность, самокритичность, подлинно ленинский, глубоко научный подход к анализу современности. На трибуне стоял Леонид Ильич Брежнев, такой близкий и родной каждому. И каждый видел, всем сердцем чувствовал, как он мыслил и творил на съезде...

Много раз в перестроечные годы Эдуарду Амвросиевичу припоминали эти пышные речи и едко спрашивали: когда же вы были искренни? Тогда, воспевая Брежнева, или сейчас, призывая к радикальным переменам?

Шеварднадзе отвечал, что это было лишь необходимым средством:

— Мы не выслуживались перед Москвой. Мы лишь хотели создать условия, чтобы лучше служить своему народу.

В недавние времена стали известны и другие его высказывания. На пленуме ЦК КПСС 23 июня 1980 года, где задним числом обсуждался вопрос о вводе войск в Афганистан, Шеварднадзе сказал, что «смелый, единственно верный, единственно мудрый шаг, предпринятый в отношении Афганистана, с удовлетворением был воспринят каждым советским человеком».

И на том пленуме Шеварднадзе не упустил случая вознести хвалу Леониду Ильичу:

— В сегодняшнем мире нет более авторитетного, более последовательного государственного деятеля, чем Леонид Ильич, которого глубоко уважают, которому верят. Будучи очевидцем титанической деятельности Леонида Ильича Брежнева, читая записи его бесед, фундаментальные труды, выступления по внешним и внутренним проблемам, испытываешь искреннюю радость и гордость от сознания того, что во главе партии и государства стоит человек, в котором органично сочетаются широчайшая эрудиция, ленинская принципиальность, пролетарская стойкость, революционная смелость, высокий гуманизм, редкая дипломатическая гибкость...

Сильная сторона Брежнева — умение проявить внимание к первым секретарям обкомов и крайкомов. Он не жалел времени на телефонные звонки. Один из секретарей, дежуривших в приемной генерального, Николай Алексеевич Дебилов рассказывал, как Брежнев частенько говорил:

— Что-то я давно с таким-то не разговаривал. Соедини.

Первые секретари были одной из главных опор режима, потому Леонид Ильич старался с ними ладить. Первые секретари встречались в Москве на сессиях Верховного Совета и пленумах ЦК, общались в номерах гостиницы «Москва», собирались по группам, обсуждали ситуацию, помогали друг другу.

Первый секретарь обкома мог рассчитывать на особое внимание руководства партии. Приезжая в Москву, он стучался в самые высокие кабинеты и не знал отказа. Брежнев понимал, как важно первому секретарю обкома, вернувшись домой, со значением произнести: «Я разговаривал с генеральным. Леонид Ильич сказал мне...»

«Брежнев принимал “нашего брата” охотно, нередко допоздна, до одиннадцати-двенадцати ночи, — вспоминал бывший первый секретарь Томского обкома Егор Кузьмич Лигачев. — Иногда принимал группами, тогда мы рассаживались в его кабинете, кто где мог, если не хватало мест — садились на подоконник. Я редко ходил на коллективный прием, там нельзя было поставить областные вопросы, а второй раз заходить как-то неудобно».

Томск давал военно-промышленному комплексу пятьдесят процентов оружейного плутония — начинки для ядерных ракет. Среди секретарей обкомов Егор Лигачев был фигурой заметной.

Генеральный секретарь всегда знакомился с новыми руководителями областей и краев. В 1966 году Леонид Ильич принял сразу двух кандидатов в первые секретари — Ивана Алексеевича Мозгового ЦК Украины прочил в первые секретари Ровненского обкома, а Якова Петровича Погребняка — в первые секретари Ивано-Франковского. Брежнев пребывал в прекрасном настроении, вспоминал о днях, проведенных в Закарпатье сразу после окончания войны. Поговорив с гостями, попросил Суслова зайти.

Когда тот появился, спросил:

— Ну, что делать, Михаил Андреевич?

— А в чем проблема? — уточнил Суслов.

— Да вот, пришли Мозговой и Погребняк и хотят должность не ниже первого секретаря обкома, — с деланым возмущением сказал Брежнев.

— А что вас беспокоит, Леонид Ильич? — поинтересовался Суслов.

— Им еще и сорока нет, будут самыми молодыми первыми секретарями в стране.

— Так это же неплохо, — поддержал Суслов игру.

Брежнев пожал обоим руки и пожелал успеха.

В 1967 году Брежневу на смотрины привели Виталия Ивановича Воротникова — утверждаться на пост председателя облисполкома в Куйбышеве. Воротников отметил, что генеральный погрузнел, говорит хрипло. В руке держал янтарный мундштук. Сигареты по одной приносил сотрудник охраны — Брежнев всякий раз звонил ему. Пояснил:

— Бросаю курить. Врачи требуют.

В честь пятидесятилетия Октября 4 ноября в Кремлевском дворце съездов устроили торжественное заседание, потом прием. Брежнев был в превосходном настроении, шутил.

Через четыре года, в феврале 1971 года, Воротникова утверждали первым секретарем Воронежского обкома. Пригласили на секретариат. Потом секретарь ЦК по кадрам Капитонов отвел его к Брежневу.

Тот доброжелательно спросил:

— Ну, как настроение?

Расспросил о положении в Куйбышевской области — о зимовке скота, о наличии кормов, о состоянии озимых. Беседу вел свободно и заинтересованно, стремился произвести впечатление. Но выглядел похудевшим, усталым, болезненным. Одну сигарету прикуривал от другой. Пил кофе с молоком. Кашлял и говорил хрипловатым голосом.

Брежнев спросил Воротникова, проявив знание его биографии:

— Давно в Воронеже не был? Остались в городе родственники?

— Давно, — ответил Воротников, — с 1963 года. Ну а родственников, особенно дальних, более чем достаточно.

— Смотри, не поддавайся, — засмеялся Брежнев, — а то сядут на шею.

Он рассказал, что, когда начал работать в ЦК, к нему пошли письма и ходоки от «родственников». Одна настойчивая женщина пробилась на прием. Вошла и бросилась обниматься: «Дядя Леня!»

— А я ее в первый раз вижу, племянницу.

Леонид Ильич готов был помочь, особенно если дело касалось личной просьбы.

Александр Бовин вспоминал, как в Ульяновске после торжественного мероприятия, когда сели за стол, Брежнев, расслабившись, сказал:

— Я сейчас вроде как царь. Только вот царь мог деревеньку пожаловать. Я деревеньку пожаловать не могу, зато могу дать орден.

«Брежнев любил обставить все таким образом, — вспоминал Николай Байбаков, — чтобы казалось — с тобой беседует не только генсек, но и добрый и внимательный человек. Сильной стороной Брежнева было умение расположить к себе».

Даже в отпуске два-три часа в день он проводил у аппарата ВЧ, разговаривая с секретарями обкомов, расспрашивая об их нуждах и проблемах.

9 мая 1974 года днем, когда первый секретарь Воронежского обкома Виталий Воротников сел обедать, в его квартире зазвонил аппарат ВЧ. Снял трубку, телефонистка предупредила:

— Даю Москву.

И он услышал голос Брежнева:

— Здравствуйте, Виталий Иванович! Сердечные поздравления по случаю Дня Победы, наилучшие пожелания вам и прошу передать также товарищам и семье.

Воротников стал благодарить.

Брежнев спросил:

— Наверное, оторвал вас от праздничного стола? Это правильно, такой день грех не отметить.

По голосу было похоже, что и он сам тоже отмечает:

— Радуюсь вашим успехам. Прошлый год был знаменателен и для страны в целом. Надо закрепить успехи. Мне очень нужна ваша поддержка. Дела нам предстоят большие и важные.

Брежнев расспросил о ситуации на селе, поинтересовался, прошли ли дожди, как идет весенний сев, сколько погибло озимых. Советовал посеять больше ячменя. Потом вспомнил военное прошлое:

— Ныне День Победы — это радость и слезы, что естественно и понятно. Еще раз, Виталий Иванович, поздравляю. Наилучшие пожелания вам и всем товарищам. До свидания!

В тот день он позвонил многим первым секретарям.

По словам его личного фотографа Мусаэльяна, он был талантливым психологом, видел собеседника насквозь. И со всеми находил нужный тон. Его звонки имели колоссальное значение для первых секретарей, особенно в отдаленных районах. Эти люди были верны генеральному и хотели, чтобы он оставался на своем посту, даже больной и немощный. В этом одна из причин его политического долголетия.

Первый секретарь Свердловского обкома Яков Петрович

Рябов вспоминал, что Брежнев часто звонил ему и всякий раз заботливо спрашивал:

— Как у тебя дела?

Яков Петрович бодро докладывал:

— Все нормально, с промышленностью хорошо, с оборонкой тоже.

Свердловская область — это целое государство или, точнее сказать, промышленная империя. Здесь находится самый крупный машиностроительный завод в мире — Уралмаш.

На Уралвагонзаводе работало пятьдесят тысяч человек — они выпускали железнодорожные вагоны и танки. Уралвагонзавод и Челябинский тракторный — два крупнейших в стране танкограда. Завод имени Калинина выпускал артиллерийские орудия, потом ракеты, теперь — зенитно-ракетные комплексы «С-300». В области сосредоточили и секретное ядерное производство: один объект назывался Свердловск-44, другой — Свердловск-45.

С Рябова прежде всего спрашивали за выполнение плана в промышленности и за оборонный заказ. Но следующий вопрос генерального секретаря был обязательно:

— А как на селе?

19 мая 1971 года Яков Петрович вдруг услышал голос Брежнева по аппарату ВЧ:

— Не ждал?

Генеральный секретарь звонил всего два дня назад, и у них был долгий разговор.

Рябов сразу нашелся:

— Леонид Ильич, мы всегда рады звонку генерального секретаря...

Смеясь, Брежнев сказал:

— Состоялось решение политбюро, и мне поручили возглавить делегацию КПСС на XIV съезд компартии Чехословакии. Тебя включили в состав делегации.

Генсек не упустил случая лично сообщить приятную новость свердловскому секретарю.

12 октября 1976 года Рябову столь же неожиданно позвонил Брежнев:

— Яков Петрович, снег выпал?

— Да, в отдельных местах даже до пятнадцати сантиметров.

— В Москве тоже выпал, черт бы его побрал. Надо убирать урожай, а он мешает.

— Но все равно, Леонид Ильич, область выполнит все свои обязательства по сельскому хозяйству.

— Это хорошо, — сказал Брежнев. — Но я хотел с тобой поговорить о другом. У вас самолеты на Москву летают каждый день?

Рябов подтвердил.

— Будь у себя, — велел Брежнев. — Я тебе позвоню после обеда, чтобы приехал завтра. Я с тобой хочу поговорить. Но никаких материалов с собой брать не надо. Ни по экономике, ни по промышленности, ни по селу.

Через некоторое время позвонил по ВЧ один из дежурных секретарей Брежнева:

— Ну что, поздравлять тебя?

— Пока не знаю, — осторожно ответил Яков Петрович.

— Тобой интересуется Леонид Ильич, — по секрету сообщил московский чиновник, который рад был сообщить приятную новость человеку, шедшему на повышение. — Объективка на тебя лежит у него на столе. Пока ты был в отпуске, о тебе здесь много говорили. Может, речь пойдет о председателе ВЦСПС.

Но в аппарате не знали, какое решение принял генеральный. Он не спешил делиться.

Яков Петрович Рябов вырос на Урале, отец — плотник, мать — штукатур. Яков — девятый ребенок в семье.

Рябов рассказывал мне:

— Сначала мы жили в землянке, потом в бараке. Когда построили барак с коридорной системой — это уже нам показалось сказочным житьем...

После техникума Яков Петрович работал на Уральском турбомоторном заводе, делал танковые двигатели. Энергичный, умеющий ладить с людьми молодой начальник цеха быстро выдвинулся на партийную работу, в тридцать с небольшим стал секретарем райкома и стремительно делал карьеру. Ему покровительствовал Андрей Павлович Кириленко.

Вечером Брежнев вновь позвонил в Свердловск, попросил первого секретаря на следующий день быть у него. Но предупредил: никого не информировать. Ранним утром 13 октября Рябов прилетел в Москву. Позвонил в приемную генерального, доложил о приезде. Дежурный секретарь перезвонил через десять минут:

— Леонид Ильич приглашает.

Брежнев расцеловал Рябова. Разговаривали почти полтора часа. Леонид Ильич решил перевести свердловского секретаря в Москву. Речь шла о кандидатуре секретаря ЦК, который бы сменил Устинова и руководил всем военно-промышленным комплексом.

После беседы Брежнев подарил Рябову свою фотографию в маршальской форме, попросил немедленно вернуться в Свердловск и пока ни с кем не говорить об этом. Он еще должен обсудить вопрос с членами политбюро.

Через день Брежнев перезвонил и сказал:

— Вопрос о тебе рассматривался на политбюро. Все твою кандидатуру на выдвижение секретарем ЦК поддержали.

В конце октября 1976 года на пленуме ЦК, когда повестка была исчерпана, Брежнев сказал:

— Вы знаете, что мы вынуждены были переместить Дмитрия Федоровича Устинова на новый участок работы. В связи с этим политбюро вносит предложение избрать секретарем ЦК КПСС Рябова Якова Петровича, первого секретаря Свердловского обкома партии.

Все зааплодировали, как положено.

Брежнев спросил:

— Надо ли характеризовать Рябова?

Зал откликнулся:

— Не надо, знаем.

Но Брежнев счел необходимым произнести несколько слов:

— Я кое-что о нем скажу. То, за что ему можно аплодировать, это за его молодость. Родился он в 1928 году, инженер, закончил Уральский политехнический институт. Область мощная, для страны имеет большое значение. Работает он положительно, с отдачей.

Проголосовали, и пленум закончился. Рябова провели в зал, где собрались члены политбюро. Тут его поздравили все высшие руководители.

В ЦК Рябов продержался всего три года. Моторный и упрямый, он не сработался с влиятельным членом политбюро и министром обороны Устиновым, к которому Брежнев очень прислушивался...

Но тогда еще Рябов был в фаворе, и Брежнев спросил его:

— Кого пошлем вместо тебя в Свердловск?

Рябов хотел оставить область в руках Геннадия Васильевича Колбина, который был у него вторым секретарем в обкоме. Но в 1975 году Колбина назначили вторым секретарем ЦК компартии Грузии.

Яков Петрович предложил:

— Давайте Колбина вернем из Тбилиси. Он потянет.

Но Брежневу эта идея не понравилась. Он считал, что Колбин в Грузии нужнее. Второй секретарь в национальной республике был наместником Москвы, но при этом должен был вести себя достаточно деликатно, чтобы не обижать национальные кадры. И срывать Колбина с места Брежневу не хотелось.

Тогда Рябов предложил своего воспитанника Бориса Николаевича Ельцина, который был секретарем обкома по строительству и промышленности.

— Ельцина в Москве не знали, поэтому провести его кандидатуру было трудно, — рассказывал Рябов. — Он даже не был депутатом Верховного Совета РСФСР. Когда я поднял вопрос о Ельцине, Брежнев удивленно говорит: а кто он такой? Мы его не знаем. Почему не хочешь выдвинуть второго секретаря?

Иван Капитонов уже принес Брежневу объективку на второго секретаря обкома Евгения Александровича Коровина. Он подходил по анкете.

В отделе организационно-партийной работы ЦК КПСС существовал кадровый резерв на каждую номенклатурную должность.

Номенклатура — это перечень должностей, назначение на которые и смещение с которых проходило под контролем партийного комитета. Номенклатура существовала, начиная с уровня райкома партии. Нельзя было переизбрать даже секретаря первичной парторганизации, не согласовав кандидатуру с райкомом.

Номенклатура ЦК КПСС делилась на несколько категорий. Низший уровень — учетно-контрольная, это когда вопрос о назначении согласовывался с отделом ЦК, где с кандидатом на должность беседовал инструктор, заведующий сектором или заместитель заведующего отделом.

Номенклатура секретариата ЦК — более высокий уровень. Одних кандидатов на высокие должности приглашали непосредственно на секретариат — в день утверждалось назначение нескольких десятков человек, другие назначались путем заочного голосования секретарями ЦК. Они получали краткие личные дела кандидатов, подготовленные отраслевым отделом, и должны были в случае согласия поставить свою подпись. Часто секретари ЦК этих людей не знали и просто расписывались, полагаясь на мнение отдела.

И еще была номенклатура политбюро: первые секретари обкомов, крайкомов, национальных республик, министры и заместители председателя Совета министров, высший командный состав армии, послы и некоторые главные редакторы газет и журналов. Но предварительно эти кандидатуры обсуждались и на секретариате ЦК.

Если речь шла о секретаре обкома в национальной республике, то формально его утверждало бюро ЦК республики, но в решении делалась запись: «Просить ЦК КПСС утвердить». Без одобрения Москвы назначение не происходило. На Украине по традиции существовало политбюро ЦК КПУ, но и Киев точно так же должен был получить санкцию Брежнева, если речь шла о руководителях республики.

В отделе организационно-партийной работы ЦК заводилось личное дело на каждого номенклатурного работника. В делах хранились так называемые справки-объективки — сухая официальная информация плюс ритуальные пустые слова: политически грамотен, идеологически выдержан, морально устойчив... Перед утверждением номенклатурного чиновника высокого ранга сотрудники отдела оргпартработы писали характеристики. Перед этим опрашивали несколько человек, которые знали кандидата, и их мнения подшивали в дело. В КГБ за справками не обращались, это были уже проверенные люди.

Дела номенклатуры хранились в секторе учета кадров. Сотрудник ЦК, допущенный к этим секретам, мог их посмотреть.

Когда возникал вопрос о замене первого секретаря обкома, отдел организационно-кадровой работы представлял генеральному секретарю несколько кандидатур. Если они ему не нравились, начинался поиск подходящего человека.

Но Рябов считал, что Коровин в первые секретари не годится, и проявил настойчивость. Рябов имел возможность оставить в Свердловске своего человека. Он сказал Брежневу:

— Ельцин — это человек, с которого можно спросить. Человек, который может заставить работать, который сам работает. И человек, который прошел у меня хорошую школу. Я его сам воспитывал.

Брежнев внимательно выслушал Рябова и согласился:

— Тебе виднее. Раз ты уверен, я поддерживаю.

В августе 1978 года Рябов, как секретарь ЦК КПСС, курировавший отдел административных органов, пригласил к себе министра внутренних дел Щелокова и провел с ним трехчасовой разговор о ситуации с преступностью в стране. К удивлению Рябова, Щелоков не возражал против критических замечаний и обещал исправить положение. Прощаясь, благодарил Якова Петровича за принципиальный разговор и ценные замечания:

— Двенадцать лет работаю министром, и вот в первый раз меня заслушали у секретаря ЦК.

Рябов был доволен. Но заведующий отделом административных органов Николай Савинкин рассказал ему потом, что Щелоков сразу после встречи с Рябовым получил аудиенцию у Леонида Ильича. Министр был вне себя от возмущения:

— Что это такое, Леонид Ильич?! Почему меня вызывает Рябов, воспитывает, учит, как мне надо работать!?

Едва ли генеральному секретарю понравилось, что Рябов требует к ответу министра, который отчитывался только перед ним самим. Но главное — Рябов не сумел поладить с Дмитрием Федоровичем Устиновым и в конце концов лишился должности секретаря ЦК...

А вот судьба Бориса Николаевича Ельцина складывалась удачнее. Когда Рябов назвал его имя в кабинете генерального секретаря, он сам находился в Москве — на месячных курсах в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Его неожиданно вызвали в ЦК. Сначала с ним разговаривал секретарь по кадрам Капитонов, потом секретарь по промышленности и выходец из Свердловска Кириленко, потом секретарь по идеологии Суслов. Никто из них ничего конкретно Ельцину не сказал. К нему присматривались.

Только Михаил Андреевич Суслов, фактически второй человек в партии, чуть прояснил ситуацию, когда стал спрашивать, чувствует ли в себе Ельцин силы для самостоятельной работы, хорошо ли знает областную парторганизацию.

Ельцин понял, что он возглавит Свердловск вместо Рябова. Но сказать об этом — привилегия генерального секретаря.

Михаил Сергеевич Горбачев, который стал первым секретарем чуть раньше Ельцина, рассказывал:

«Окончательное решение по кандидатурам первых секретарей принадлежало именно генсеку. Брежнев сам занимался формированием их корпуса и отбирал их тщательно. Перед этим Капитонов, Черненко скрупулезно изучали досье претендента.

Думаю, получали они информацию из разных источников. На этой основе формировалось предварительное мнение. Затем происходили встречи кандидата с секретарями ЦК и лишь после них — с “самим”...

Это был обязательный круг, через который проходили перед утверждением все первые секретари обкомов, крайкомов и республик.

Странный, если не сказать, нелепый, характер носили эти встречи. Сидим, улыбаемся друг другу, ведем неспешный разговор. При этом я отлично знаю, зачем меня вызвали, но об этом никто не говорит, ибо произнести решающие слова — “мы вас рекомендуем” — мог только Брежнев.

Совсем по-другому происходила заключительная беседа с генеральным секретарем ЦК КПСС. Брежнев, в этом я убедился и на той, и на последующих встречах, умел расположить к себе собеседника, создать обстановку непринужденности...

Мне ясен был его нехитрый замысел — побольше слушать и через это составить мнение о собеседнике, его способностях анализировать местные и общесоюзные проблемы...

Брежнев говорил подчеркнуто доверительно, будто именно со мной хотел поделиться своими сокровенными мыслями...»

Так же было и с Ельциным. Капитонов и Рябов отвезли его в Кремль к Брежневу. Высокий, немногословный, надежный Борис Николаевич произвел благоприятное впечатление. Вопрос был решен, карьера будущего президента России началась.

Сам Ельцин рассказывал потом о своем новом положении:

«Мнение первого секретаря — закон, и вряд ли кто посмеет не выполнить его просьбу или поручение... Да, власть первого практически безгранична. И ощущение власти опьяняет...

В те времена первый секретарь обкома — это бог, царь. Хозяин области. Мнение первого секретаря практически по любому вопросу было окончательным решением».

Руководители национальных республик, крайкомов и обкомов при Брежневе привыкли к почти полной самостоятельности. Ни генеральный, ни его помощники глубоко в областные дела не вникали. Если первый секретарь не допускал никаких скандалов и провалов, он мог годами оставаться полным хозяином в области. А население некоторых областей составляло миллионы человек...

На политбюро ЦК компартии Украины первый секретарь Винницкого обкома Павел Пантелеевич Козырь, не жалея красивых слов, благодарил руководство республики за постановление о работе с кадрами, которое очень ему помогло. Щербицкий, выслушав его, со скрытой иронией сказал:

— Раз наши постановления вам так помогают, так, может, нам еще одну бригаду отправить в область? Еще одно постановление принять?

— Нет, нет, не надо, мы сами разберемся! — как ужаленный подскочил на месте Павел Козырь.

Козырь просидел в кресле первого секретаря пятнадцать лет. А вот поведение второго секретаря ЦК компартии Украины Ивана Лутака Щербицкому не понравилось. Лутак проявлял излишнюю самостоятельность, не всё согласовывал с руководителем республики, вспоминал помощник Щербицкого Виталий Врублевский. Чашу терпения переполнило устроенное Лутаком совещание первых секретарей райкомов партии Киева. Давать инструкции руководителям партийных организаций республиканской столицы мог только руководитель республики.

Щербицкий нажал на нужные рычаги, и Иван Кондратьевич получил приглашение в Москву — на должность первого заместителя председателя Госплана по сельскому хозяйству. Лутак не захотел покидать Украину, предпочел остаться на родине. Тогда ему подобрали должность с понижением — сделали первым секретарем Черкасского обкома.

На местах первые секретари чувствовали себя как царские наместники. Известный литературный критик Игорь Александрович Дедков, который жил в Костроме, в октябре 1977 года записал в дневнике:

«Выпускающий “Северной правды” рассказывает, что ему дано редактором указание не допускать переносов фамилий Брежнева и Баландина (первого секретаря обкома). Вполне возможно, что инициатива в таком своеобразном поддержании авторитета власти принадлежит не редактору, а самому Баландину. В редакции хорошо знают, что этот человек чрезвычайно внимательно следит, каким шрифтом набрано его имя, на каком месте расположена его речь на полосе, насколько полно она дана».

Юрий Иванович Баландин, агроном по профессии, начинал партийную карьеру помощником первого секретаря Московского обкома, десять лет работал в аппарате ЦК КПСС и в 1971 году получил назначение в Кострому.

Через несколько дней Дедков описал торжественное собрание в Костроме:

«Когда в самом начале президиум вышел на сцену, то он долго стоял и аплодировал, и было такое ощущение, что президиум ждет, что зал в ответ тоже поднимется. Но зал оказался недостаточно воспитанным, обученным, и никто не поднялся.

Председательствовал на собрании второй секретарь, и все аплодисменты на протяжении собрания начинались с него. И аплодисментов было много, их вообще сейчас много, словно шум именно этого рода особенно поднимает самочувствие народных масс. Припоминаю рассказ кого-то из обкомовцев, как в начале своей здешней карьеры, явившись из недр цековского аппарата, Баландин выразил неудовольствие тем, что, когда ему предоставляют слово, в зале нет аплодисментов. И тогда было решено, что инициативу должны проявлять члены бюро (они всегда сидят в президиуме). С тех пор и пошло...»

Брежнев был симпатичным, общительным, доступным, обаятельным человеком. Избегал неприятных разговоров, поэтому убирал с должности без объяснения причин, но не добивал. Мог вспылить, послать матом, но быстро отходил.

Александр Бовин вспоминал, как в Завидове они вдвоем с Вадимом Загладиным выпили пять бутылок коньяку. Вместо того чтобы лечь спать, Бовин отправился в кинозал...

Утром Андропов укорял его:

— Советую извиниться перед Леонидом Ильичом.

Бовин пошел к Брежневу:

— Прошу меня извинить. Я был вчера в кино слишком возбужден.

— Брось ты это, — ответил Брежнев. — Ну, был веселый. Я сам это люблю.

Брежнев всегда радел своим людям. В апреле 1974 года в Казахстане должны были избирать президента республиканской Академии наук. Возникло предложение сделать главой академии Аскара Кунаева, брата первого секретаря ЦК республики. Динмухамед Ахметович, соблюдая правила аппаратной этики, говорил, что он против.

Тогда Леонид Ильич ему помог. Он собрал у себя в кабинете Суслова, Кириленко, Черненко и заведующего отделом науки Трапезникова. В их присутствии Брежнев сказал Кунаеву:

— Не будь тормозом. Он ведь не виноват, что он твой брат.

Политес был соблюден. Спорить с генеральным секретарем Кунаев не мог. Назначение состоялось.

Брат первого секретаря получил несколько республиканских Госпремий. В 1981 году его избрали действительным членом Академии наук СССР по отделению физикохимии и технологии неорганических материалов. Он потерял свою должность, как только Динмухамед Кунаев перестал быть хозяином республики.

И наказывать провинившихся Леонид Ильич не спешил.

Приехав в Алма-Ату, на пленуме ЦК компартии Казахстана Брежнев раскритиковал секретаря Коунрадского райкома Карагандинской области. На следующий день первый секретарь обкома пришел к Брежневу и сообщил, что снимет провинившегося и уже нашел ему замену.

Леонид Ильич даже удивился. Он объяснил первому секретарю обкома, что из критики надо делать выводы, но необходимо дать возможность исправить допущенные ошибки.

И только если руководитель не сумел исправиться, тогда нужно идти на крайние меры.

Стефан Могилат, который многие годы был помощником Арвида Яновича Пельше, члена политбюро и председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, вспоминал:

«При Брежневе вообще снизился уровень нравственных требований. Широкое распространение получило пьянство. Зимним холодом повеяло на обычную человеческую честность и порядочность. Зато прямо-таки летний сезон открылся для разного рода пронып и любителей поживиться за казенный счет.

А в постыдной роли их защитников выступали подчас сам Брежнев и его подручный Подгорный...

В узкой компании как-то заговорили о том, как при Брежневе подбирались кадры. Бывший заместитель управляющего делами ЦК КПСС Михаил Иванович Кувшинов, человек осведомленный, сказал с усмешкой:

— Подбирались проще простого. Когда Брежневу предлагали ту или иную кандидатуру, он спрашивал: “А что он нам привозит?” И это “что привозит” служило проходным или непроходным баллом для кандидата...»

Известно множество примеров лояльного отношения Брежнева к людям, которые заботились о личном обогащении, нарушая законы и моральные нормы. Коррупция в брежневские времена приняла широчайший размах, поскольку жизнь человека зависела от армии чиновников. Сегодня размер тогдашних взяток кажется смехотворным, но ведь и уровень жизни был иным.

Министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева, по словам певицы Галины Вишневской, охотно принимала подношения от артистов:

«Предпочитала брать валютой, что могу засвидетельствовать сама: в Париже, во время гастролей Большого театра в 1969 году, положила ей в руку четыреста долларов — весь мой гонорар за сорок дней гастролей, так как получала, как и все артисты театра, десять долларов в день.

Просто дала ей взятку, чтобы выпускали меня за границу по моим же контрактам (а то ведь бывало и так: контракт мой, а едет по нему другая певица). Я от волнения вся испариной покрылась, но она спокойно, привычно взяла и сказала:

— Спасибо...»

Наступил момент, когда вся советская элита практически перестала работать и занялась устройством своей жизни.

— За что все начальники любили Брежнева? При нем можно было наслаждаться жизнью и не работать, — рассказывал мне один из высокопоставленных сотрудников аппарата ЦК. — Неохота на работу ехать, позвонишь руководителю секретариата: меня сегодня не будет — и отдыхай. Брежнев никогда за это не наказывал.

Высокопоставленные чиновники стали ездить за границу, посылали туда своих детей работать, с удовольствием приобщались к материальным достижениям современной цивилизации. В Подмосковье строились роскошные по тем временам дачи, на улицах Москвы появились новенькие иномарки. Чиновная знать охотилась за модной живописью и антиквариатом.

Брежнев не любил скандалов и снисходительно относился к мелким грешкам своих подчиненных.

Тогдашний начальник московского управления КГБ Виктор Алидин вспоминает, что по одному из крупных дел о коррупции проходил министр рыбного хозяйства Александр Акимович Ишков, кандидат в члены ЦК, депутат Верховного Совета СССР.

Алидин доложил Андропову — по материалам следствия выходит, что министр набрал взяток на двадцать три тысячи рублей. Андропов, подумав, сказал:

— Хорошо, я доложу Леониду Ильичу, но знаю, что для него это будет плохим известием.

Через некоторое время Андропов позвонил Алидину и сказал, что материалы на Ишкова доложил генеральному секретарю:

— Но Брежнев считает, что, поскольку министр — кандидат в члены ЦК, то до съезда вопрос о нем решаться не будет. Неудобно получится. Словом, Леонид Ильич посоветовал мне его вызвать и поговорить.

Вскоре Андропов вновь соединился с Алидиным. Министр Ишков признал, что действительно брал деньги, но считал их подарками. Александр Акимович просил считать его действия ошибкой и заявил о готовности всю сумму внести в доход государства, что и сделал.

— Мало он внес, Юрий Владимирович, — сказал Алидин. — Следствием установлено, что за ним еще взяток на сумму двадцать девять тысяч рублей.

Ишкова вновь вызвали в КГБ. Не возражая, он внес и эту сумму.

Александр Акимович Ишков после недолгого периода комсомольской работы в Ставрополе в 1920-х годах всю жизнь трудился в рыбной промышленности. Наркомом его сделал Сталин еще в 1940 году. Название должностей менялось, потому что бесконечно менялась структура промышленности, но сфера его деятельности оставалась неизменной.

Брежнев в 1965 году создал для Ишкова Министерство рыбного хозяйства, и он проработал на этой должности четырнадцать лет. В феврале 1979 года его отправили на пенсию. Он оставался кандидатом в члены ЦК и депутатом и был с почетом похоронен на Новодевичьем кладбище...

Первый секретарь Краснодарского крайкома Сергей Федорович Медунов был хозяином края с 1973 года. Когда Брежнев стал вспоминать военные годы и свои подвиги, то больше всех от этого выиграл Медунов. Знаменитая «Малая Земля», где воевал полковник Брежнев, находилась на территории Медунова. Первый секретарь крайкома позаботился о том, чтобы подвиг Брежнева был достойно увековечен. Брежнев приехал в Новороссийск, растрогался, обнял Медунова.

Об успехах Кубани писали постоянно. Медунов обещал на партийном съезде собрать миллион тонн риса. Построили искусственное водохранилище, затопили села, люди перебрались в другие места. Весь край работал на этот миллион — в жару по колено в воде, чтобы Медунов мог доложить о своем успехе. Он получил золотую звезду Героя Социалистического Труда. Потом выяснилось, что обещанный миллион — это липа. Поля загубили.

Михаил Сергеевич Горбачев вспоминал о делах соседей:

«При Медунове стали реанимироваться и особые, я бы назвал их кубано-местнические, настроения... Культивирование мысли о том, что кубанцы — люди особого склада, имеющие не только особые заслуги, но и особые права и преимущества по сравнению с другими...»

В крае происходили немыслимые по тем временам вещи. Об этом напомнил несколько лет назад журнал «Люди», где составили полное описание «медуновщины».

Знаменитое в те годы «рыбное дело» началось с ареста директора сочинского магазина «Океан» Арсена Пруидзе. Дальше пошло как по маслу:

«Вячеслав Воронков, мэр города Сочи (тайники с перстнями и бриллиантами, квартира с фонтаном и камином, автомобиль “форд”, праздники с цыганами, брюнетками и шатенками в Рыцарском замке, “я допустил перерождение и невыдержанность”, тринадцать лет с конфискацией имущества);

секретарь Сочинского горкома партии Александр Мерзлый и начальник управления общественного питания Валентина Мерзлая по прозвищу “Шахиня” (“групповуха” с немками на берегу моря, кража оружия у пограничников, присвоение автомашин, бесплатное строительство дачи, приписки, собирание взяток с работников торговли, арест, симулирование психического заболевания, по пятнадцать лет лишения свободы с конфискацией имущества);

секретарь крайкома Тарада (добровольная сдача следствию ценностей на семьсот пятьдесят тысяч рублей, признание взяток от ста человек, три тайника — на кухне, в сарае, в курятнике, взялся помочь следствию, умер от инсульта в Лефортовской тюрьме);

управляющая трестом столовых и ресторанов Геленджика Бэлла Бородкина по прозвищу “Железная Бэлла” (взятки на один миллион рублей, расстрел);

первый секретарь горкома партии Геленджика Погодин (исчез);

председатель Хостинского райисполкома Логунцов (был допрошен как свидетель, вернувшись домой, написал письмо сыну, обмотал себя проводами и воткнул их в электрическую сеть)...»

Вот какая беседа с пенсионером Медуновым состоялась у корреспондента журнала «Люди»:

— Я сыну Жорику машину купил пополам с тестем, «жигули», в северном исполнении, утепленную, — он же болел у меня. Тарада написал, что вызывает его Медунов и говорит: «Сыну машину надо купить. Сын больной. А денег нет». Тарада якобы сходил за деньгами и положил мне в ящик стола конверт, а в нем — шесть тысяч. Это клевета! Это ложь! Тараду назначили в Москву заместителем министра, так он свой хрусталь и ковры грузовиками перевозил и в Москве на взятке попался, а деньги его из-под земли вырыли, четыреста пятьдесят тысяч, уже желтеть начали. И в тюрьме начал на сокамерников стучать — там его и убили.

— До сих пор неизвестна судьба Погодина, первого секретаря горкома партии Геленджика, — спрашивали Медунова. — Он исчез, как утверждают, после разговора с вами. Одни сочиняют, что Погодина вывезли на подводной лодке за границу. Другие пишут, что его «убрал» местный КГБ по вашему указанию...

— Это неправда. Погодин был беспринципный, и бабская сторона его губила. Он с армянкой, директором школы, сожительствовал, но не разводился с женой. Армяне грозились его убить. Но жена жалобы не подавала: Погодин приехал на пленум крайкома и после пленума уехал в Геленджик. Звонят оттуда: до сих пор не приехал, где? Начали искать. Кто-то видел ночью, как Погодин пешком шел по городу. Был слух, что ушел он в Австралию, как раз австралийское научно-исследовательское судно в ту ночь отчалило. Я думаю, вот что могло быть: либо кто-то вывез его в море и утопил, или в каньон бросили, а за ночь шакалы съели. Так и отец его погиб, и косточки не нашли. Наш КГБ Погодина очень активно искал.

— А что скажете про Бэллу Наумовну Бородкину, «Железную Бэллу» из Геленджика?

— Она с немцами сожительствовала, голой на столе плясала, а ее пригрел Погодин и Главкурортторг. Воровала, гадина, по всем статьям! К ней уже тогда бандиты подъехали, поставили к стене, все забрали. Ко мне пришел Погодин: у нас в Геленджике сдается дом, давайте дадим квартиру Бородкиной! Я отказал: ни в коем случае, у нее же свой дом есть, пусть его продаст, потом подумаем. Она и мне автомашину с продуктами подсылала, но я отправил назад. Но тронуть Бородкину было трудно: она опекала семью члена политбюро Кулакова, бесплатно кормила их...

Судьба первого секретаря Геленджикского горкома партии Николая Федоровича Погодина так и осталась загадкой. Он исчез бесследно. Бэллу Наумовну Бородкину за хищения социалистической собственности приговорили к высшей мере наказания. Только в Геленджике несколько десятков местных руководителей были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Аресты прошли и в Сочи. Руководители городской торговли и общественного питания назвали имя своего покровителя — Анатолия Георгиевича Тарады, секретаря крайкома партии. Он получал деньги за то, что прикрывал существовавшую в крае теневую экономику, в основном подпольные цеха, которые гнали «левую» продукцию. Благодарные «цеховики» передавали ему деньги, а он делился с остальными. Говорят, что на следствии Тарада обещал назвать имена, но в ту же ночь умер в камере.

Первый секретарь крайкома понял, что расследование нужно остановить. Медунов знал, что твердо мог рассчитывать на генерального секретаря и его окружение. Однажды Медунова уже распекали на секретариате ЦК. Едва он вернулся в Краснодар, позвонил Брежнев:

— Ты не переживай и не очень обращай внимания на случившееся. Работай спокойно.

Когда заведующий сектором отдела пропаганды ЦК Наиль Бариевич Биккенин приехал в Краснодар, Медунов подсказал ему огромные фотоальбомы, на которых он был запечатлен вместе с Леонидом Ильичом. Имелось в виду, что делать какие-то замечания человеку, столь близкому к генеральному, по меньшей мере глупо.

Медунов пожаловался в Москву, что прокуратура «действует методами тридцать седьмого года». Вопрос в 1981 году разбирался на секретариате ЦК.

О коррупции в Краснодарском крае доложил заместитель генерального прокурора и начальник следственного управления союзной прокуратуры Виктор Васильевич Найденов, высокопрофессиональный и принципиальный юрист.

Но на секретариате обсуждали не продажных краснодарских чиновников и их высоких покровителей, а прокуратуру. Найденову объяснили, что он занимается дискредитацией партийных кадров, и тут же освободили от должности. Вел секретариат Андрей Павлович Кириленко, он не пожалел грубых слов в адрес Найденова.

Виктора Васильевича перевели в следственное управление МВД на низкую должность заместителя начальника отдела по расследованию уголовных дел о преступных посягательствах на грузы...

Сергей Медунов прославился невиданным самодурством. Например, приказал бульдозерами снести все парники, в которых люди выращивали для себя овощи. Распорядился превратить Краснодарский край в зону для некурящих. Курение было запрещено во всех общественных местах. Ничего из этого не вышло, но краснодарский опыт изучали по всей стране.

О ситуации в крае написала газета «Советская Россия». На защиту Медунова бросились партийное руководство, секретарь ЦК по идеологии Зимянин.

«Сколько гнева, — вспоминал тогдашний руководитель газеты Михаил Федорович Ненашев, — обрушилось на голову главного редактора со стороны Михаила Васильевича Зимянина за это, по его мнению, необдуманное выступление, которое, как замечено было в беседе, противоречит позиции ЦК КПСС».

Когда Андропов стал вторым секретарем ЦК, он не выдержал и обратился к Брежневу по поводу Медунова. Разговор был телефонный. В кабинете генсека в тот момент находился его охранник Владимир Медведев.

Выслушав Андропова, Леонид Ильич спросил:

— Что же делать?

— Возбуждать уголовное дело, — предложил Андропов, — Медунова арестовать и судить.

— Юра, этого делать нельзя, — сказал Брежнев. — Он руководитель большой партийной организации, а теперь его — под суд? Мы опоганим хороший край.

Единственное, на что согласился Брежнев, — переместить Медунова на менее видную работу, был такой эвфемизм в партийной канцелярии.

Медунов рассказывает об этом так:

— Меня пригласил к себе Горбачев, сказал: «Сейчас пойдем к Андропову. Разговор будет неприятный». Андропов объявил: «Время пришло отозвать вас в распоряжение ЦК и дать другую работу. Министерств свободных нет, пойдете пока заместителем». Ни упреков, ни объяснений. Всё у меня внутри заклокотало. «Я пойду к Леониду Ильичу». — «А вот этого делать не надо. Леонида Ильича нам надо беречь». В Краснодаре собрали пленум, я простился... Всех предупредили, чтобы никаких вопросов.

Сергея Медунова назначили заместителем министра, он занимался заготовкой плодоовощной продукции. Все понимали, что это пересадочная станция. Но каким будет завершение пути? Многие были уверены, что Медунова ждет тюрьма. И ошиблись. Он, правда, лишился партбилета, но преспокойно ушел на пенсию и даже сохранил золотую звезду Героя Социалистического Труда.

Таким же фантастическим умельцем был Шараф Рашидович Рашидов, избранный первым секретарем ЦК Узбекистана еще в марте 1959 года. Никто тогда не мог предположить, что он поставит рекорд и просидит на этой должности двадцать четыре года.

Шараф Рашидович сделал ставку на выращивание хлопка и каждый год увеличивал его поставки. Хлопок был очень нужен стране, особенно военной промышленности, поэтому Рашидов получил две звезды Героя Социалистического Труда, десять орденов Ленина и даже Ленинскую премию — партийные руководители, собрав все ордена, какие было можно, уже не знали, чем себя еще порадовать.

Пока Рашидов давал стране хлопок, в Москве ему разрешали править республикой так, как он считает нужным.

Он создал прочную систему личной власти, пристроил на хорошие должности всех своих родственников. Только в аппарате республиканского ЦК работало четырнадцать родственников первого секретаря.

Рашидов, по существу, восстановил в республике клановую систему, которая контролировала целые области. На все важные должности назначались только свои люди.

Сила Рашидова состояла в умении поддерживать добрые отношения с максимально большим количеством высокопоставленных чиновников в Москве. Всех, кто приезжал в республику, старались хорошо принять и ублаготворить.

Александр Яковлев, который в начале 1970-х руководил отделом пропаганды ЦК, рассказывал:

— Я однажды ездил в командировку в Узбекистан. Меня поселили в партийной гостинице, обильно кормили. Уезжая, я потребовал, чтобы с меня взяли деньги. Они наотрез отказывались. Прибежал перепуганный директор гостиницы: «Да как же это? Мне даже нельзя об этом доложить. Нас же с работы поснимают». Я настоял и заплатил. По-моему, именно с тех пор у меня отношения с Рашидовым и не сложились.

— А Леонид Ильич любил его только за успехи в хлопководстве? Или что-то еще было?

— У Брежнева была слабость к наградам и подаркам. Не то, что он был жадным. Ему был приятен сам факт внимания. Рашидов умел этим пользоваться. Он ко всем ходил с подарками — и в сельскохозяйственный отдел ЦК, и в другие. Приезжая в Москву, в своей резиденции он устраивал роскошные обеды, звал нужных людей, которые были ему благодарны.

Карен Брутенц вспоминал, как Рашидов, который возглавлял делегацию в Ирак, привез оттуда Леониду Ильичу дорогую золотую статуэтку.

Подарки хозяину страны и его приближенным дарили во всех республиках. Но никто не умел делать подарки лучше Рашидова, который знал вкусы и пристрастия московских начальников. С пустыми руками ни один ответственный работник из Узбекистана не возвращался. Особо нужным подарки привозили круглый год.

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Филипп Бобков писал, что Рашидов сделал члену политбюро Андрею Кириленко царский подарок — преподнес ему для жены и дочери шубы из уникального каракуля специальной выделки.

Когда в Ташкент прилетел зять Брежнева заместитель министра внутренних дел СССР Юрий Михайлович Чурбанов, встречать его на аэродром приехал сам Рашидов. Он ждал гостя на летном поле. Сразу повез завтракать в гостиницу, потом пригласил к себе в ЦК, рассказывал о положении в республике, был любезен и внимателен.

Шараф Рашидович не был очень близок к Брежневу. Леонид Ильич не приглашал его к себе домой. Зато в окружении генерального секретаря Шарафа Рашидовича привечали. Рашидов не просил встречной услуги за только что оказанную любезность. Ему важно было повсюду иметь друзей, которые предупреждали бы любую неприятность.

В отдел пропаганды ЦК приходили письма, в которых обращалось внимание на неблагополучие в Узбекистане — непомерное восхваление республиканского руководства, проявления национализма, в частности в выступлениях президента Академии наук Муминова, родственника Рашидова.

По этому поводу отдел пропаганды даже составил записку. А если появляется такой документ, на него надо было реагировать. В 1972 году на секретариате ЦК рассматривался вопрос о марксистско-ленинской учебе и экономическом образовании руководящих кадров в Ташкентской городской партийной организации. Работу горкома оценили резко критически. За этим должны были последовать и оргвыводы.

Казалось, для Рашидова настали трудные дни. Но записке отдела хода не дали. Заместителя заведующего отделом пропаганды Вадима Медведева вызвал секретарь ЦК Демичев и попросил прекратить выступления против Узбекистана и лично Рашидова. Петр Нилович сказал, что Рашидов тяжело переживает критику в адрес Ташкентского горкома, звонил Демичеву и чуть ли не плакал.

Медведев уточнил у Демичева:

— Это совет или директива?

Демичев ответил:

— Воспринимайте это как указание.

Ясно было, что приказ прекратить критику Узбекистана исходил не от Демичева, а от самого Брежнева. Только генеральный секретарь мог выдать индульгенцию первому секретарю республики.

После этого в течение нескольких лет работники отдела пропаганды ЦК КПСС в Узбекистан вообще не ездили. Республика вовсе выпала из зоны критики и контроля. Самого Медведева время от времени приглашал в Ташкент секретарь республиканского ЦК по идеологии. Медведев говорил ему:

— Готов приехать, но есть ли добро от товарища Рашидова?

На этом разговор заканчивался.

Но когда Вадим Медведев приехал в Ташкент по решению ЦК, то Рашидов встретил его очень гостеприимно. Не жалея времени, рассказывал об огромных успехах Узбекистана, о том, что в республике собрали семь миллионов тонн хлопка, началась добыча золота — это, кстати, была в тот момент секретная информация.

Шараф Рашидович не забыл во время беседы напомнить о своей любви и близости к Леониду Ильичу. Подарил гостю свою книгу с надписью «Дорогому другу и брату...».

Рашидов был очень хитрым, ссориться с ним никому не рекомендовали.

Каждый из членов политбюро был очень влиятелен, даже если он жил не в Москве. И портить отношения с этой когортой было крайне неразумно.

Бывший председатель Гостелерадио СССР Николай Месяцев рассказывал мне:

— Вышел на Украине фильм, роль в котором играл внук первого секретаря республиканского ЦК Петра Шелеста. Фильм посредственный. Но звонят, говорят: нужно побольше демонстрировать украинских фильмов, вот есть новый, покажи. Я возразил: «Слабый фильм. Не может Центральное телевидение разбазаривать деньги на показ слабых, ненужных фильмов».

Этот разговор, разумеется, дошел до Шелеста. И, как назло, через некоторое время показывают выступление Шелеста по телевидению. И вдруг из-за технического брака поплыл звук. Месяцев стал звонить Петру Ефимовичу, чтобы извиниться. Это было воскресенье. Отыскал первого секретаря ЦК компартии Украины на даче.

Месяцев объяснил, что причина в технических неполадках, обещал, что всё будет исправлено, виновных накажут. Шелест не упустил возможности отчитать председателя Гостелерадио:

— Когда у тебя там полуголые девочки выступают, никакого брака нет. А как член политбюро — так сразу брак.

И потом на политбюро Шелест подробно рассказал, как плохо Гостелерадио организовало показ его выступления. Этот эпизод сыграет свою роль, когда будет решаться судьба Месяцева...

Никто не любит критику, а Рашидов мог просто возненавидеть за любое критическое упоминание Узбекистана. Критику в адрес республики он считал личным оскорблением. На Востоке критика воспринималась как предвестие освобождения от должности. Один из ветеранов советской журналистики вспоминал, что в Узбекистане, приезжая в район или колхоз, нельзя было местным начальникам говорить, зачем приехал. Особенно если редакция поручала написать критический материал — могли в плов или водку подсыпать анаши. После чего корреспондент просыпался в отделении милиции и понимал, что его карьера завершилась...

«Рашидов был коварным, — писал бывший главный редактор газеты «Правда» Виктор Григорьевич Афанасьев, — по-восточному изощренным, льстивым по отношению к верхам, за что пользовался огромным уважением и доверием Брежнева, который любил посещать Узбекистан. Рашидов был непримирим к своим оппонентам».

Собственный корреспондент «Правды» написал несколько критических статей о положении в Узбекистане, о том, что ситуация в здравоохранении и образовании являет собой печальную картину: школьников и студентов по два-три месяца в году заставляют работать на хлопковых полях. А это тяжелая и вредная работа.

Рашидов был возмущен, жаловался в ЦК, назвал корреспондента «врагом узбекского народа».

Будущий помощник Горбачева Валерий Болдин в те годы был редактором сельскохозяйственного отдела «Правды». Он вспоминает, какое представление ему устроили в Ташкенте.

Болдина в аэропорту встретил секретарь ЦК Узбекистана по сельскому хозяйству. Его отвезли в партийную гостиницу, а потом доставили прямо к Рашидову. После разговора первый секретарь предложил пообедать. Пошли в спецбуфет, где ровно в час обедала вся партийно-республиканская верхушка.

Рашидов усадил Болдина рядом с собой, представил его. И вдруг второй секретарь республиканского ЦК зловеще произнес:

— Это представитель той газеты, которая чернит дела узбекского народа, обливает его грязью?..

И тут все присутствующие хором накинулись на Болдина. Когда он, уже багровый от гнева, был готов встать и уйти, вмешался Рашидов и укоризненно сказал:

— Товарищи, у нас гость из ленинской «Правды»...

Настроение мгновенно изменилось, и все наперебой заговорили о том, какая замечательная газета «Правда». Болдин с изумлением посмотрел на Рашидова и увидел его поотечески заботливый взгляд.

Главному редактору «Правды» Виктору Афанасьеву пришлось самому поехать в Узбекистан, чтобы восстановить отношения с республикой. «Были обильные застолья, — вспоминал он, — подарили мне несколько халатов, тюбетеек, кушаков». Главный редактор от подарков не отказывался. Он написал хвалебную статью «Золотые руки Узбекистана», и примирение с Рашидовым состоялось. Дела в республике шли по-прежнему, но журналисты уже не смели замечать даже самые малые недостатки.

На заседании Совета национальностей Верховного Совета заместитель председателя Совета министров России Евдокия Федоровна Карпова, отвечавшая за легкую промышленность, покритиковала Узбекистан:

— Все понимают, как важно поднять качество швейных изделий. Оно во многом зависит от качества сырья. Основные поставки хлопка идут из Узбекистана. К сожалению, качество хлопка низкое и продолжает ухудшаться.

В обеденный перерыв к Карповой подошел Рашидов:

— Вы вылили много грязи на Узбекистан. Братский узбекский народ оскорблен, и этого он вам не простит!

Евдокия Федоровна пошла к своему начальству. Председателем Совмина РСФСР был Михаил Сергеевич Соломенцев. Он тоже был кандидатом в члены политбюро, поэтому на ближайшем совместном заседании обеих палат Верховного Совета они с Рашидовым оказались рядом в президиуме.

Рашидов сразу стал жаловаться ему на Карпову. Опытный Михаил Сергеевич достал предусмотрительно припасенный текст речи и попросил показать, какие именно слова показались ему оскорбительными. Рашидов текст не взял, но повторил, что узбекскому народу нанесли обиду.

На следующее заседание Соломенцев принес статистические материалы о качестве получаемого из Узбекистана хлопка, показал Рашидову:

— Шараф Рашидович, нас призывают правильно относиться к критике, устранять недостатки. А вы почему-то так болезненно отреагировали на выступление Евдокии Федоровны, незаслуженно обидели женщину.

Рашидов нехотя сказал:

— Буду разбираться...

За счет чего в Узбекистане устраивались пышные приемы и дарились дорогие подарки? Партийные секретари гуляли не на свою зарплату. На представительские расходы им тоже ничего не полагалось — не было такой статьи расходов. В бюджете республиканской компартии была расписана каждая копейка.

Партийное руководство обкладывало данью хозяйственных руководителей, брали и наличными, и борзыми щенками. Система поборов была вертикальной — от республиканского ЦК до сельских райкомов. Нижестоящие тащили деньги вышестоящим. Вышестоящие брали, чтобы передать еще выше. Но и себя не забывали. В такой атмосфере должности, звания, ордена и даже золотые звезды Героя Социалистического Труда тоже превратились в товар.

Самая крупная афера вскрылась в хлопковой промышленности. Главной причиной возникновения «узбекского дела» стали приписки хлопка-сырца. В документах значились огромные цифры будто бы собранного, но в реальности не существующего хлопка-сырца. А если хлопка в реальности меньше, чем каждый год докладывало руководство республики, значит, обманули не кого-нибудь, а само государство. Это не взятки милицейским начальникам, это уже государственное преступление.

Как потом выяснилось, государству ежегодно «продавали» около шестисот тысяч тонн несуществующего хлопка — таким образом, из казны крали сотни миллионов рублей. На эти деньги узбекская элита вела сладкую жизнь и охотно делилась краденым с московскими начальниками.

Осенью 1974 года председателем КГБ Узбекистана был назначен генерал-майор Эдуард Нордман. Напутствуя его, Андропов сказал:

— Твоя основная задача — делом убедить узбекских товарищей, что КГБ не работает против них.

Узбекские руководители считали, что Комитет госбезопасности их разрабатывает, но Андропов вовсе не хотел, чтобы Рашидов жаловался на него Брежневу.

Однажды Нордман выступил на пленуме ЦК республики, рассказал о случаях взяточничества. Рашидову это не понравилось. Андропов укорил Нордмана:

— И чего ты вылез на трибуну? Ты мне живой нужен в Узбекистане.

Нордман проработал в Ташкенте всего три года. Летом 1977 года его пригласил заместитель председателя КГБ Виктор Чебриков:

— Тебе надо уезжать из Узбекистана.

— А что произошло?

— Мог бы и не спрашивать. Рашидов поставил вопрос...

В Ташкенте Нордман пришел к первому секретарю ЦК республики прощаться, сказал:

— Известно, что вы расправлялись с некоторыми председателями КГБ, покидавшими республику.

— Кого вы имеете в виду?

Нордман назвал фамилии и предупредил:

— Что касается меня, то я не позволю никому перечеркнуть мою сорокалетнюю службу отечеству. Я буду бороться, буду защищать свое имя. А борьба есть борьба. В этой борьбе я не пожалею никого, в том числе и вас. Говорю вам прямо и честно, как это делал всегда.

Надо было видеть Рашидова, вспоминал генерал Нордман, — белел, краснел, потел... Не привык Шараф Рашидович к такому прямому разговору. Нордман пять лет проработал в аппарате представительства КГБ СССР в ГДР.

Возможно, всё дело в том, что товарищ Сталин не терпел одиночества. После самоубийства жены, Надежды Аллилуевой, в ноябре 1932 года ему постоянно требовалась компания. Он редко ужинал один. Летом 1947 года он отдыхал в Ливадийском дворце. А рядом с Ялтой, в местечке Мухолатка, проводил отпуск кандидат в члены политбюро и заместитель главы правительства Алексей Николаевич Косыгин с семьей.

Сталин, надо понимать, захотел посмотреть на нового человека. За Косыгиными приехал начальник сталинской охраны генерал Власик и доставил их к вождю. В послевоенные годы овдовевший Сталин приглашал к себе соратников без жен. С тем большим любопытством он разглядывал жену Косыгина, Клавдию Андреевну. Она за словом в карман не лезла, охотно и откровенно беседовала с вождем.

Сталин не спешил расставаться с гостями. Он даже взял их с собой на крейсер «Молотов», на котором вышел в море. Военные моряки не любят присутствия женщин на корабле, но Сталин попросил сделать для Клавдии Андреевны исключение. Во всех газетах появились фотографии Сталина среди моряков Черноморского флота, рядом с ним — Косыгин. И вроде бы Клавдия Андреевна обреченно заметила:

— «Они» тебе это не простят.

«Они» — это коллеги по политбюро, ревниво следившие за возвышением молодого Косыгина.

Наверное, она была права. А с другой стороны, те дни, проведенные вместе со Сталиным, возможно, его и спасли. Клавдия Андреевна явно произвела впечатление на стареющего вождя. Ему понравилось, как она ответила на вопрос о роли жены в семье:

— Жена — это судьба.

В жизни Алексея Николаевича Косыгина это было именно так. Они прожили вместе с Клавдией Андреевной сорок лет. Косыгин с ней и без нее — это разные люди. И еще неизвестно, стал бы он главой правительства, если бы рядом не было такой жены.

«Вот мой брат-дистрофик»

Алексей Николаевич Косыгин родился в Санкт-Петербурге 8 февраля 1904 года. После окончания Всероссийских продовольственных курсов, переименованных в кооперативный техникум, Алексея Косыгина в 1924 году командировали в Сибирь.

Должность его называлась так — «инструктор-организатор по первичным потребительским кооперативам». Еще два года он заведовал оргтделом кооперации в городе Киренске на Лене. С юности Алексей Николаевич отличался тем, что превосходно считал и помнил все нужные цифры.

Кооператоры скупали у крестьян сельскохозяйственную продукцию и поставляли промышленные товары, инвентарь, оборудование. Работа была хлебной, зарабатывал Косыгин очень много. Выгодный жених. В Новосибирске в 1927 году он вступил в партию и женился на Клавдии Андреевне Кривошеиной.

Она была женщиной властной. Алексей Николаевич, такой жесткий и неуступчивый на работе, полностью подпал под ее влияние. И не она думала о том, какой счастливый билет вытащила — вышла замуж за человека, который шестнадцать лет руководил советским правительством. А он никак не мог поверить своему счастью — что такая женщина пошла за него!

В конце 1940-х Косыгины приезжали в Ереван. Пришли в гости к первому секретарю ЦК компартии Армении Григорию Артемьевичу Арутинову. Жена Косыгина произвела впечатление на хозяев.

«Нас поразило, что женщина пьет коньяк, — вспоминала племянница Арутинова Нами Микоян. — Клавдия Андреевна была сильной, волевой женщиной. На ее красивом, скуластом лице отражались и ум, и властность.

Не помню сейчас подробно ее происхождение, но, если не ошибаюсь, отец был управляющим то ли винных, то ли пивных предприятий, и жили они, кажется, в Сибири. Она была достаточно образованным и даже тонким человеком.

В Ереване в тот приезд с мужем Клавдия Андреевна еще была молодой, привезла с собой сестру (тихую женщину) из послевоенного Ленинграда, захотела после обеда потанцевать.

У нас дома танцев не бывало, срочно привезли управляющего делами Совета министров Армении Шуру Ашхарумова, "красавца-мужчину", для партнерства в танце с Клавдией Андреевной, и откуда-то патефон с пластинками.

Косыгин слегка подвыпил, покраснел, сидел молча. После танцев гостья, узнав, что я играю на рояле, попросила аккомпанировать ей. Пели они с сестрой в два голоса:

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...

Я эту песню слышала впервые, аккомпанировала кое-как, но с удовольствием...»

Косыгин проработал в Сибири шесть лет, пока потребительская кооперация не стала умирать. Колхозы напрямую вели дела с государством, и роль кооперации свелась к поставке сельскому населению керосина, соли, спичек. Сама профессия кооператора стала неуважаемой, ассоциировалась с мошенничеством и нелегальным бизнесом.

Косыгины вернулись в Ленинград. Алексей Николаевич окончил подготовительные курсы и поступил в текстильный институт. В те годы мужчины выбирали более престижные профессии, но Косыгин, видимо, чувствовал себя не слишком уверенно. Диплом инженера-технолога Алексей Николаевич получил поздновато, в тридцать два года. В 1935 году пришел мастером на текстильную фабрику имени А. И. Желябова. Тоже не самое завидное место.

Но это были годы, когда из-за массовых репрессий высокие должности освобождались одна за другой. Да и мужчин-коммунистов на прядильно-ткацкой фабрике было немного. Уже через год Косыгин стал ее директором.

Молодой инженер понравился ленинградским руководителям Андрею Жданову и Алексею Кузнецову. С Кузнецовым они к тому же были родственниками. На следующий год Косыгина поставили заведовать промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома, а через два с половиной месяца сделали председателем Ленинградского исполкома. Но и на этой должности он пробыл недолго.

Когда образовали наркомат текстильной промышленности и понадобился нарком, Жданов рекомендовал Сталину Косыгина. 1 января 1939 года назначение состоялось. Алексей Николаевич, который всего три года назад окончил институт, оказался министром. В тридцать шесть лет он станет заместителем главы правительства и председателем Совета по товарам широкого потребления при Совнаркоме...

7 апреля 1939 года он впервые побывал в сталинском кабинете.

Когда началась война, Сталин назначил его заместителем председателя Совета по эвакуации. Он занимался эвакуацией крупнейших заводов из европейской части страны на Восток. Одновременно был уполномоченным Государственного комитета обороны в Ленинграде. Ему поручили организовать строительство трубопровода по дну Ладожского озера, по которому качали топливо для города и оборонявших его частей. Но занимался он не только этим.

29 августа 1941 года Молотов, Маленков, Жданов, Косыгин, находившиеся в Ленинграде, отправили Сталину шифротелеграмму:

«Сообщаем, что нами принято решение о немедленном выселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 тысяч человек.

Предлагаем выселение произвести в Казахстан — 15 000 человек, в Красноярский край — 24 000 человек, в Новосибирскую область — 24 000, Алтайский край — 12 000 и Омскую область — 21 000 человек. Организацию переселения возложить на НКВД. Просим утвердить это предложение».

В 1943 году Сталин поставил Косыгина во главе Совета министров РСФСР. В ведении республиканского правительства находилось немногое — легкая, пищевая и местная промышленность. И на каждом шагу полагалось спрашивать разрешения у союзных министров.

В 1946 году Сталин вновь сделал Косыгина своим заместителем в союзном правительстве. 18 марта на пленуме ЦК Алексей Николаевич стал кандидатом в члены политбюро.

Всего несколько месяцев, с февраля по декабрь 1948 года, он был министром финансов. Он принял хозяйство у знаменитого Арсения Григорьевича Зверева, который заведовал финансами с 1938 года и вернулся на прежнее место, когда Косыгин ушел, и оставался министром до 1960 года.

4 сентября 1948 года Сталин сделал Косыгина полноправным членом политбюро, решение оформили опросом членов ЦК. В том году все кадровые назначения проводились путем опроса.

В декабре 1948 года Алексей Николаевич принял Министерство легкой промышленности.

После войны в Молдавии был голод. Сталин послал в Молдавию Косыгина. Алексей Николаевич вернулся и доложил, что люди голодают и страдают дистрофией. Сталин и слышать не хотел о голоде в стране победившего социализма, а потом, встречаясь с ним, в шутку говорил:

— Вот мой брат-дистрофик.

Косыгин тогда был очень худым. В узком кругу, подражая Сталину, его так и называли: брат-дистрофик.

Летом 1957 года на пленуме ЦК Косыгин вспоминал это тяжелое время:

— Мне приходилось в тот период выезжать в целый ряд регионов: в Башкирию, Куйбышев, Молдавию — в связи с возникавшими эпидемиями и голодом... В ряде областей от голода умирало много людей.

Сидевший в президиуме Хрущев добавил:

— И на Украине были случаи людоедства.

— Это было и в других местах, — подтвердил Косыгин. — Жаворонков в Куйбышевской области был. В Молдавию Рудь ездил. Сколько там умирало от голода, от септической ангины...

Косыгин взлетел высоко, казалось, его положение никто не мог поколебать. Но в 1949 году чекисты по указанию Сталина состряпали так называемое «ленинградское дело». Для начала руководителей города и области обвинили в самовольстве: всё решают сами, ЦК им не указ, они даже обманывают ЦК, а их покрывают выходцы из Ленинграда, такие как секретарь ЦК Алексей Александрович Кузнецов... Потом уже появились обвинения в антисоветской деятельности, заговоре и даже шпионаже.

Обвиняемых по этому делу арестовали и расстреляли.

Дочь Алексея Кузнецова Алла как раз тогда выходила замуж за сына Микояна Серго, и Анастас Иванович не возражал, хотя такое родство в те годы могло оказаться губительным.

Зато в трудную минуту исчезли другие родственники Кузнецовых — Косыгин и его семейство. Испугались. Когда вдову Кузнецова Зинаиду Дмитриевну (уже в хрущевские времена) выпустили, Клавдия Андреевна прислала ей шубу и записку: «Зина, ты меня должна понять, я боялась за судьбу Алеши».

Из видных ленинградцев уцелел, наверное, один только Алексей Николаевич Косыгин. Хотя кресло и под ним шаталось.

Сталин рассылал членам политбюро показания арестованных ленинградцев, в которых мелькала фамилия Косыгина. На его даче была установлена аппаратура прослушивания.

Летом 1949 года Сталину доложили, что в бытность Косыгина министром финансов в Гохране были похищены золото и драгоценные камни. Сталин поручил министру государственного контроля Льву Захаровичу Мехлису провести проверку. Люди Мехлиса не нашли никаких нарушений, о чем Мехлис сообщил Сталину, выведя Косыгина из-под удара.

Маленков и Берия в октябре 1949 года представили Сталину проект закрытого письма членам и кандидатам в члены ЦК «Об антипартийной группе Кузнецова, Попкова, Родионова и др.». В этом документе упоминался и Косыгин, правда, пока в мягком контексте:

«Следует указать на неправильное поведение Косыгина А. Н., который оказался как член Политбюро не на высоте своих обязанностей... Он не разглядел антипартийного, вражеского характера группы Кузнецова, не проявил необходимой политической бдительности и не сообщил в ЦК ВКП(б) о непартийных разговорах Кузнецова и др.».

Уже был готов проект постановления о выводе его из политбюро.

— Меня никуда не приглашали, не давали читать никаких документов, даже пытались снимать с меня допрос, — рассказывал Косыгин впоследствии. — Сталин был введен в заблуждение, послушал наговорщиков, интриганов, вот я и попал в такое положение.

Алексей Николаевич выбросил в реку пистолет, оставшийся с войны, чтобы в случае ареста ему не предъявили еще и обвинение в подготовке теракта против Сталина. Рассказывал, что в решающий момент Анастас Микоян отправил его в длительную поездку по Сибири и Алтайскому краю по делам кооперации и это его спасло.

В реальности никакая поездка бы не помогла, по всей стране арестовывали выходцев из Ленинграда. Но вождь помиловал Косыгина. Может быть, вспомнил несколько дней, проведенных вместе в Крыму, понравившуюся ему Клавдию Андреевну?

Встретив его на каком-то совещании, Сталин сказал:

— Ну, как ты, Косыга? Ничего, ничего, еще поработаешь.

Это прозвучало как прощение всех грехов, как гарантия безопасности. Будущему главе правительства в голову не приходило обидеться на барский тон вождя, который называл его, как дворового человека, кличкой...

Правда, на XIX съезде Косыгина избрали уже не полноправным членом президиума ЦК, а только кандидатом (как и Брежнева). Но, как и другие сталинские наркомы — те, кто выжил, разумеется, Алексей Николаевич был благодарен вождю за то, что тот вознес его так высоко. Верил, что расстреливали и сажали другие, а Сталина вводили в заблуждение. Косыгин до конца жизни восхищался Сталиным, который его едва не уничтожил, и не любил Хрущева, при котором смог жить нормальной жизнью. Ну что тут скажешь?

Одно из объяснений состоит в том, что Сталин вознес его (как и Брежнева) на вершину власти. А наследники Сталина серьезно понизили его (как и Брежнева) в должности. Есть и другое объяснение — в политических вопросах Косыгин был крайне консервативен, если не сказать реакционен.

Например, когда на политбюро обсуждался вопрос о судьбе писателя Александра Солженицына, председатель КГБ Андропов предложил его выслать. Косыгин предложил устроить суд над Солженицыным, а отбывать наказание отправить в Верхоянск, куда иностранные корреспонденты не доберутся. Алексей Николаевич говорил, что не следует бояться применить к врагу «суровые меры советского правосудия». Вот в Чили уничтожают сотни людей — и ничего, никакого шума.

Но Брежнев все-таки не был столь кровожаден, и Солженицына выслали в ФРГ.

Рассказывают, что Косыгин с дочкой побывал на спектакле по пьесе Михаила Рощина «Валентин и Валентина». Премьер назвал трогательный, нежный спектакль «порнографическим». У главного режиссера театра Олега Ефремова были неприятности...

После смерти Сталина Косыгина вывели из президиума ЦК и 5 марта сделали всего-навсего министром легкой и пищевой промышленности (новое ведомство создали путем объединения четырех министерств — легкой промышленности, пищевой промышленности, мясной и молочной промышленности, рыбной промышленности).

Но уже 24 августа 1953 года единое министерство разделили на два — Министерство промышленности продовольственных товаров (6 апреля 1954 года из него в свою очередь выделили Министерство рыбной промышленности, 17 апреля — Министерство промышленности мясных и молочных продуктов, то есть всё вернулось на круги своя) и Министерство промышленности товаров широкого потребления. Его и возглавил Косыгин.

Но и это министерство просуществовало только до сентября 1955 года, когда его разделили на два — Министерство текстильной промышленности и Министерство легкой промышленности.

Таким образом, попытка Берии после смерти Сталина сократить аппарат управления не удалась. Лаврентий Павлович свел воедино четыре министерства. После его ареста и расстрела не прошло и двух лет, как все четыре восстановились... Точно так же сведут на нет и хрущевскую попытку уменьшить бюрократический аппарат. Когда Косыгин станет главой правительства, количество министерств составит астрономическую цифру.

В мае 1955 года упразднили Госплан. Создали вместо него две государственные комиссии — по перспективному планированию народного хозяйства и по текущему планированию народного хозяйства, в которой Косыгин получил пост одного из двух первых заместителей (в ранге министра).

Через полгода вернули прежний Госплан, и два месяца, в мае — июле 1957-го, Косыгин оставался первым заместителем председателя Госплана.

В его карьере важную роль сыграла попытка Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина и других свергнуть Хрущева. Косыгин встал на сторону Хрущева и оказался в лагере победителей, которым достались не только лавры, но и более высокие посты.

29 июня 1957 года на пленуме ЦК, который окончился победой Хрущева над старой гвардией, Никита Сергеевич вновь сделал Косыгина кандидатом в члены президиума ЦК. Это была благодарность за поддержку.

Косыгин выступал на вечернем заседании 26 июня и обрушился на своих недавних начальников в правительстве, начиная с председателя Совета министров Николая Булганина:

— Если бы Булганин не вступил в эту шайку (в стенограмме исправили на «не присоединился к этой группе»), то они наверняка побоялись бы выступить и заварить всю эту кашу. Маленков не имеет достаточно авторитета перед партией и народом, чтобы выступить с какой-нибудь платформой. Каганович и Молотов полностью оторвались от народа и партии и авторитета не имеют... Они поднимали всевозможные вопросы насчет того, что правильно — догнать или не догнать Америку по сельскому хозяйству. Это всё выдуманные вопросы. Вы, товарищ Молотов, попробуйте выйти с этим вопросом перед нашими крестьянами и расскажите им (аплодисменты в зале), что они не могут догнать Америку. Они расскажут вам, что такое сельское хозяйство, они расскажут вам, как надо руководить и как нужно работать в сельском хозяйстве...

Впоследствии Алексей Николаевич никогда не вспоминал, что с таким воодушевлением поддерживал хрущевский лозунг «догнать и перегнать Америку по молоку и мясу».

Досталось и другому его начальнику — члену президиума ЦК, первому заместителю председателя Совета министров Максиму Захаровичу Сабурову, с которым Косыгин ездил в Варшаву на сессию Совета экономической взаимопомощи:

— Я должен сказать, что его участие в СЭВе заключалось в том, что он сидел и молчал. Сообщение делали другие товарищи. Только когда председательствующий сообщил, что объявляется перерыв, и пригласил пойти выпить кофе в фойе, он руку поднял вот так (показывает) и сказал: у меня есть вопрос — горячий кофе или холодный? (В зале смех)... Я уже не говорю о том, что у него не было хребта политического и он действительно никакой не деятель...

На пленуме звучали разные предложения. Косыгин исключал возможность снисхождения:

— Я считаю, что Молотова, Маленкова, Кагановича, Шепилова нужно вывести из состава президиума и исключить из состава ЦК. Я думаю, что оставлять товарища Булганина вторым лицом в государстве после товарища Хрущева было бы ошибкой. Он человек мстительный и найдет пути свести личные счеты. Я считаю, его нужно из президиума ЦК вывести и освободить от должности председателя Совета министров. Я думаю, что такой же участи должны быть подвергнуты Сабуров и Первухин...

Должности в правительстве освободились, и в июле Хрущев сделал Косыгина заместителем главы правительства (одновременно в марте 1959-го — мае 1960 года он руководил Госпланом). 4 мая 1960 года Хрущев включил его в состав президиума ЦК (вместе с Подгорным и Полянским) и назначил первым заместителем председателя Совета министров.

В марте 1958 года Никита Сергеевич Хрущев сам себя сделал главой правительства. Хрущев потом уверял, что не хотел занимать этот пост, намеревался сделать председателем Совмина Косыгина. Даже представил его в 1957 году китайскому вождю Мао Цзэдуну в этом качестве.

Мао приехал в Москву на совещание коммунистических и рабочих партий. Хрущев решил — надо Мао информировать о ситуации в руководстве, чтобы китайский лидер потом не обижался: только уехал, а в Москве начались перестановки, о которых его не информировали. Хрущев по секрету сказал Мао, что Булганин вскоре лишится должности главы правительства.

— Кого же у вас думают выдвинуть взамен? — заинтересовался Мао Цзэдун.

— Мы еще ничего не решили. Но я буду предлагать товарища Косыгина.

— А кто такой Косыгин? — спросил Мао. — Вы меня познакомьте с ним.

Хрущев подозвал Косыгина, и Мао с ним беседовал.

Но Никита Сергеевич предпочел сам возглавить правительство, ссылаясь на то, что члены президиума ЦК настояли...

Алексею Николаевичу Косыгину пришлось подождать: он стал главой правительства только после ухода Хрущева, в октябре 1964 года.

При Сталине и Хрущеве Косыгин сменил больше должностей, чем любой другой высокопоставленный чиновник. Он легко осваивался на новой должности, быстро вникал в дела и мог ответить на любой вопрос начальства. Это была сталинская школа: вождь проверял компетентность своих подчиненных, задавая неожиданные вопросы.

И Косыгин требовал от министров знания деталей. Если министр приходил с заместителем, пренебрежительно говорил:

— Без костыля не может.

В 1958 году в Советский Союз впервые приехал египетский президент Гамаль Абд аль-Насер. Его повезли показывать страну. Сопровождали высокого гостя Косыгин и секретарь ЦК Нуриддин Акрамович Мухитдинов, выходец из Узбекистана, который ведал отношениями с развивающимися странами.

На Кавказе, вспоминал сотрудник разведки Вадим Кирпиченко, заметив чахлые деревца по обе стороны дороги, Косыгин спросил у представителя местной власти:

— Что это за деревья?

— Не знаю, Алексей Николаевич.

— А что вы вообще сажаете вдоль дороги и какую цель при этом преследуете?

Тот же ответ. Рассердившись, Косыгин дал точную рекомендацию, какие деревья следует сажать в этом районе.

— Будет сделано, — заверили его.

В другой раз Косыгин, увидев водохранилище, начал расспрашивать, сколько в нем воды и как она расходуется. Последовали сбивчивые и неуверенные ответы. Тогда Алексей Николаевич стал на глаз прикидывать площадь водной поверхности, множить полученное число на среднюю глубину подобных хранилищ и выдавал цифры, факты и рекомендации.

— Будет исполнено! — услышал в ответ...

Конечно, беда, коль в начальники выходят люди, которые не в состоянии ответить на элементарные вопросы. Но ведь Косыгин же и назначал таких людей. Или как минимум заботился о сохранении системы, при которой некомпетентные люди занимали руководящие должности. И кроме того, производит впечатление непоколебимая уверенность в том, что нужно даже по мелкому вопросу давать указания!

Вроде неплохо, если глава правительства способен объяснить районному руководителю, какие деревья ему сажать. Но лучше бы председатель Совета министров нашел пути к оздоровлению экономики всей страны...

Министр охраны общественного порядка РСФСР Вадим Тикунов пришел к Косыгину с просьбой разрешить заменить личному составу милиции синие рубашки на рубашки стального цвета и перейти на саржевую ткань.

— Почему вы хотите сменить рубашку на саржевую, а не на штапельную? — поинтересовался глава правительства.

Штапельными в те времена называли химические волокна. Косыгин был тогда большим энтузиастом синтетики. Тикунов ответил, что штапельные обойдутся вдвое дороже.

— А сколько будет стоить саржевая рубашка?

Тикунов не смог ответить на этот вопрос.

Алексей Николаевич разозлился: как же можно приходить к главе правительства, не приготовившись? Текстильщик Косыгин тут же прикинул стоимость рубашки и победоносно посмотрел на министра. Тот ушел пораженный. Надо для справедливости заметить, что предложение Тикунова было принято. Стоимость рубашки подсчитали экономисты, от министра этого не требовалось...

14 октября 1964 года на пленуме ЦК, после того как Брежнева избрали первым секретарем, он поблагодарил товарищей и перешел к следующему вопросу:

— Нам надо рассмотреть вопрос о председателе Совета министров СССР.

Зал сразу зааплодировал.

По договоренности выкрикнули фамилию Косыгина.

— Это совпадает и с мнением президиума ЦК, — сказал Брежнев. — Других предложений нет, товарищи? Я голосую. Кто за то, чтобы рекомендовать президиуму Верховного Совета СССР назначить председателем Совета министров СССР товарища Косыгина Алексея Николаевича, прошу членов ЦК поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет.

Зал охотно зааплодировал.

— Давайте проголосуем все вместе, — предложил Брежнев, — и кандидаты в члены ЦК, и члены ревизионной комиссии. Я голосую. Кто за то, чтобы товарища Косыгина рекомендовать председателем Совета министров СССР, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против, кто воздержался? Нет? Рекомендуется на пост председателя Совета министров СССР единогласно.

В стенограмме помечено: «Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают».

Косыгин вышел на трибуну:

— Товарищи! Хочу поблагодарить вас за то большое доверие, которое мне оказано сегодня. Со своей стороны приложу все силы, знания, умение, чтобы оправдать ваше высокое, большое доверие, буду стремиться к тому, чтобы выполнить его с честью.

Алексей Николаевич получил еще одну порцию «бурных аплодисментов», и на этом пленум закрылся.

Смерть жены

Сталинские годы наложили неизгладимый отпечаток на характер Косыгина и даже на выражение лица — «устало-досадливое», говоря словами Солженицына.

Впрочем, лицо главы правительства не всегда хранило выражение легкого разочарования. В хорошей компании и после дозы горячительных напитков обычно зажатый, напряженный, даже угрюмый Алексей Николаевич разительно менялся. Он предпочитал молдавский коньяк. Жена не позволяла ему часто расслабляться. Да и сам он побаивался давать себе волю.

В конце августа 1970 года Косыгин был в гостях у первого секретаря ЦК компартии Украины Петра Шелеста. Тот записал в дневнике:

«Пригласил Косыгина поехать посмотреть рисовые поля и некоторые колхозы и хозяйства Крымской области. Он, против обыкновения, дал согласие с большой охотой, это, очевидно, потому, что в Крыму в это время не было Брежнева. Рисовые поля посмотрели в Красноперекопском районе на Северо-Крымском канале. Рис отличный, огромные плантации. На Косыгина это произвело большое впечатление, он подробно всем интересовался.

Затем посетили комплексное хозяйство — колхоз “Дружба народов”. Здесь осмотрели виноградники, сады, животноводческий комплекс, винзавод и консервный завод, новый поселок городского типа. Косыгин заявил, что он нигде и никогда такого хозяйства не видел.

Вечером в Симферополе хорошо посидели. Косыгин изрядно выпил, поздно ночью я его едва довез на дачу. Он попросил меня никому о его состоянии не говорить. Как можно это сделать, если были вместе? Не стоит об этом просить, должна быть честность».

Судя по словам Шелеста, выпивая, Алексей Николаевич быстро терял контроль и становился другим человеком. Поэтому жена и не любила, когда он брался за рюмку.

«Смысл жизни Косыгина заключался в работе, — рассказывал руководитель Госплана Байбаков. — Даже на прогулках в Кисловодске в дни отпуска или в командировках по стране или же за рубежом разговоры мы вели, как правило, о делах.

За много лет ни я, ни другие его заместители, которые жили в одном доме по Воробьевскому шоссе, ни разу не бывали в его квартире. И только дважды, в два его последних юбилея, я побывал у него на даче.

За праздничным столом после одной-двух рюмочек коньяку он несколько "раскрывался". От внешней суровости не оставалось и следа. Он искренне улыбался, лицо светлело от душевной теплоты, и он становился в чем-то похожим на человека, пришедшего с приятного свидания».

Многие отмечали, что Алексей Николаевич держался отчужденно, никогда не откровенничал. По словам его зятя, привычка скрывать свои мысли и чувства осталась у Косыгина со сталинских времен. «Он был невероятно осторожен, никогда не допускал каких-то двусмысленных выражений, говорил сугубо о деле», — отмечал Юрий Петрович Баталин, заместитель главы правительства.

Олег Александрович Трояновский, работавший его помощником по международным делам, писал, что Алексей Николаевич вовсе не был таким спокойным, как это казалось. За его внешней сухостью или даже флегматизмом таилась весьма эмоциональная натура. Когда время от времени страсть вырывалась наружу, это напоминало небольшое извержение вулкана.

Однажды Косыгин отдыхал в Пицунде вместе с Микояном. Анастас Иванович пригласил Косыгина поужинать.

В Пицунде при Хрущеве бетонным забором отгородили огромный участок земли с реликтовым сосновым лесом. Построили три двухэтажных особняка для членов президиума ЦК и общий пятидесятиметровый бассейн со спортивным залом. Три стены бассейна, которые выходили на лес и море, были стеклянными, и в хорошую погоду их раскрывали.

Анастас Иванович через охрану деликатно выяснил, когда Косыгин любит ходить в бассейн, чтобы они поменьше встречались. И гуляли они по разным дорожкам, чтобы друг другу не надоедать. Но как-то приехал брат Анастаса Ивановича Артем Микоян, известный авиаконструктор. На ужин пригласили Косыгина.

«Предлогом было шутливое пари о погоде на бутылку коньяка между Анастасом Ивановичем и Косыгиным на берегу, — писала невестка Микояна Нами. — Ужин был с коньяком. Косыгин выпил немного, но быстро стал очень оживленным, уходить не хотел. Анастас Иванович распорядился принести вторую бутылку. Клавдия Андреевна на это рассердилась и ушла. Косыгин остался, выпил еще, я вышла его проводить до их дачи. Алексей Николаевич в дороге был очень разговорчив, контактен.

Но следующий день был, как и обычно, раздельным. Косыгин ходил один, молча...»

Косыгин круглый год жил на даче в Архангельском. Любил грести на байдарке по Москве-реке. Каждый вечер гулял, утром делал гимнастику, вообще следил за собой. Привычек не менял. По словам его внука, профессора-физика Алексея Гвишиани, Косыгин каждое утро ел одно и то же: овсяную кашу, творог и пил очень крепкий чай.

Когда у Клавдии Андреевны обнаружился запущенный рак, Косыгин очень сильно переживал. Он обвинял врачей — слишком поздно диагностировали смертельную болезнь. Ее оперировал один из лучших хирургов, но это не помогло.

Однажды жена Косыгина пригласила домой начальника Четвертого управления Евгения Ивановича Чазова. Он ожидал упреков, которые должен выслушивать врач, даже если медицина бессильна. Но Клавдия Андреевна сказала мужу:

— Алексей Николаевич, ты знаешь, как трудно приходится врачам. У них очень многого не хватает. Я тебя хочу попросить: ты всегда помогай медицине.

Она умерла 1 мая 1967 года, когда ее муж стоял на трибуне мавзолея, приветствуя колонны демонстрантов, которые несли его портреты.

После ее смерти Косыгин настоял на том, чтобы средства от субботников передали на строительство сначала онкологического центра, а затем и кардиологического центра в Москве. Такой вот памятник он поставил своей жене.

Алексей Николаевич был однолюбом. После смерти Клавдии Андреевны ни одна женщина не появилась в его жизни. Хотя ходили слухи, будто у него был роман с известной певицей Людмилой Георгиевной Зыкиной. Уже позже ее спросили, действительно ли между ними что-то было.

— Нет, — ответила певица. — Просто на каком-то официальном торжестве Алексей Николаевич произнес в мою честь тост, сказал очень теплые слова. Это взяли на заметку. А через некоторое время умерла жена Косыгина. Я пришла на похороны, принесла цветы. И кто-то решил, что у нас тайная связь. Ничего подобного никогда не было. Я с большим уважением относилась к Косыгину, но не более.

Оставшись вдовцом, Косыгин очень сблизился с дочерью. Людмила Алексеевна ездила с ним за границу, стала хозяйкой дома главы правительства. Она вышла замуж за

Джермена Михайловича Гвишиани, обаятельного и компанейского молодого человека, сына начальника личной охраны Берии Михаила Максимовича Гвишиани.

«Зять Джермен был в семье “массовиком”, — вспоминал секретарь ЦК Нуриддин Мухитдинов, — хорошо играл на многих музыкальных инструментах, организовывал для нас множество спортивных игр — домино, шашки, шахматы, бильярд».

Михаил Гвишиани родился в Тифлисской губернии, окончил двухклассное училище и больше нигде не учился, начинал трудовую деятельность помощником повара и сторожем в больнице. Летом 1928 года его взяли помощником оперуполномоченного в Ахалцихский райотдел ГПУ Грузии. Через семь лет он уже работал в аппарате наркомата внутренних дел Грузии и получил орден Трудового Красного Знамени Грузинской ССР.

Служебный взлет Гвишиани-старшего начался в 1938 году. В его личном деле хранится такой документ:

«В связи с установленными нашими органами неоднократными намерениями участников антисоветских формирований Грузии совершить террористический акт в отношении секретаря ЦК КП(б) Грузии тов. Берия Гвишиани был назначен руководителем личной охраны тов. Берия и членов Правительства ГрузССР. На этой работе проявил себя как исключительно инициативный и энергичный работник и четко выполнял все задания».

Никто на Берию не покушался, это он себе набивал цену. Но Лаврентий Павлович приметил Гвишиани и назначил его первым заместителем наркома внутренних дел Грузии, а в конце все того же 1938 года забрал с собой в Москву. Михаил Гвишиани получил внеочередное специальное звание — майор госбезопасности и постановлением политбюро — должность начальника Третьего спецотдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР (обыски, аресты, наружное наблюдение).

И почти сразу же Берия отправил Гвишиани на самостоятельную работу — начальником только что созданного управления НКВД по Приморскому краю. Сотрудники управления разместились во Владивостоке в здании Дальневосточного университета, закрытого решением правительства. Во Владивостоке Гвишиани проработал много лет, в феврале 1943 года он стал комиссаром госбезопасности 3-го ранга, в июле 1945-го — генерал-лейтенантом.

Его сын Джермен без стеснения рассказывал, что в доме была прислуга — из числа заключенных. Гвишиани-младший появился на свет в 1928 году, когда его отец поступил на службу в органы госбезопасности. Он сам придумал сыну имя — Джермен, сложив первые буквы фамилий Дзержинского и Менжинского.

После расстрела Берии Михаила Гвишиани уволили в запас, в 1954 году он лишился звания генерал-лейтенанта «как дискредитировавший себя за время работы в органах и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».

Звания тогда лишали немногих — в основном тех, кто основательно запачкался кровью. Как пишут историки, Гвишиани был вызван с Дальнего Востока, чтобы участвовать в депортации чеченцев и ингушей в феврале 1944 года. Он приказал сжечь в конюшне семьсот жителей селения Хайбах Шатойского района, которых не удалось вовремя эвакуировать. 8 марта 1944 года Гвишиани получил полководческий орден Суворова 2-й степени.

Говорили, что от суда и расстрела его спас заместитель главы правительства Алексей Николаевич Косыгин. Помочь несчастному семейству Алексея Кузнецова испугался, а бериевского подручного поддержал. Бывший генерал Гвишиани вернулся в Тбилиси, где работал в Государственном научно-техническом комитете при Совете министров Грузинской ССР. Можно сказать, под началом своего сына.

Карьера Джермена Михайловича Гвишиани, зятя Косыгина, сложилась на редкость удачно. Он стал заместителем председателя Госкомитета по науке и технике, курировал управление внешних сношений — замечательная выездная работа.

Председателем Госкомитета по науке и технике был академик Владимир Алексеевич Кириллин, возможно, единственный друг Косыгина.

Для зятя Косыгина создали Институт системного анализа. В марте 1979 года Гвишиани избрали действительным членом Академии наук как философа.

Бывший заместитель министра внешней торговли Владимир Сушков утверждал, что косыгинского зятя западные фирмачи принимали с особой щедростью, не жалели денег на развлечения. Сам Сушков был арестован в декабре 1985 года. Его приговорили к тринадцати годам лишения свободы за получение взяток от иностранных компаний. Его жена, которую тоже посадили, работала в управлении внешних сношений ГКНТ под руководством Гвишиани.

«Однажды мы познакомили Гвишиани с президентом посреднической фирмы “Новасидер” Пьеро Саворетти, — рассказывал Сушков. — Гвишиани и Саворетти почти не расставались.

Куда бы Гвишиани ни выезжал, там его уже поджидал Саворетти, составлявший программу пребывания, развлечений, которую затем сам и оплачивал, хотя у зампреда ГКНТ и без него всегда было достаточно валюты для любых целей.

Одевался Гвишиани, как правило, в Лондоне. Всегда был выдержан, вел себя как тонкий дипломат. В молодости он играл на рояле в джазе и теперь, будучи большим человеком, приятно удивлял иностранцев.

Итальянец, умело рекламируя свои связи с родственником премьер-министра, процветал. Он представлял на нашем рынке на комиссионных началах множество итальянских фирм, в основном работающих в текстильной промышленности. И вот шаг за шагом дело шло к тому, чтобы дать им побольше заказов...

Постепенно под давлением ГКНТ нам приходилось переориентировать импорт текстильного оборудования с Англии на Италию».

Все судачили о брежневском семействе, о том, что сын Брежнева стал первым заместителем министра внешней торговли, а зять, Юрий Чурбанов, первым замом министра внутренних дел. Зятя Косыгина устроили не хуже, и дочь Косыгина Людмилу определили в историко-дипломатическое управление Министерства иностранных дел.

Алексей Николаевич Косыгин тоже любил свою семью. Внучке по случаю окончания института подарил «Волгу». Правда, в отличие от Галины Брежневой, дочь Косыгина вела себя осторожно. Она была по натуре замкнутым человеком.

«Дочь Косыгина, — вспоминала Галина Ерофеева, — Людмила Гвишиани, с которой я работала бок о бок в Историко-дипломатическом управлении, невольно поджимала в гримаске губы, когда кто-либо спрашивал ее о возможных контактах с брежневской семьей. Их не было вовсе».

Гвишиани работала над обзором советско-американских отношений.

«Когда она закончила работу над своим обзором и захотела защитить его как диссертацию, — пишет Галина Ерофеева, — кто-то побеспокоился о том, чтобы ее работу привели в порядок профессионалы. В нашей комнате появился профессор МГИМО, который немало попотел над ее, увы, весьма слабым трудом. В конечном счете диссертация была ею успешно защищена и, более того, выпущена в виде книги в издательстве “Международные отношения”.

После этого дочь премьер-министра уже не сочла возможным работать далее в нашем управлении, и вскоре для нее подобрали весьма солидный пост, она стала директором Библиотеки иностранной литературы.

К сожалению, она была совсем не сведуща в литературных делах, и ее пребывание в библиотеке не доставило радости ни работникам, ни читателям библиотеки из-за проведенных ею драконовских мер: многие старые опытные библиографы были уволены, а поредевшие ряды пополнили отставные военные. Говорили, что основным критерием увольнения, как и нового подбора работников, являлся “пятый пункт”».

Много лет директором Библиотеки иностранной литературы была Маргарита Ивановна Рудомино, которую и по сей день вспоминают с благодарностью. В апреле 1973 года она поняла, что есть кто-то, желающий занять ее место, потому что совершенно неожиданно библиотека получила право называться научным учреждением.

Рудомино годами безуспешно добивалась этого решения, которое позволило бы поднять статус библиотеки (и заодно зарплату) и привлечь видных ученых. Но ее просьбы отвергались Государственным комитетом по науке и технике, где работал Джермен Гвишиани. И вдруг ГКНТ по собственной инициативе принял это решение.

«Я, конечно, поняла, что это сделано под кого-то, кто претендует на мое место. Так оно и было — понадобилось место для дочери Косыгина — Л. А. Гвишиани-Косыгиной, и зарплату подняли для нее. В мае Гвишиани-Косыгина была назначена директором...

Меня пригласил заместитель министра культуры и предложил мне уйти на пенсию. Я отказалась сама подать заявление. Тогда начальница управления кадров министерства (подруга министра Е. А. Фурцевой) стала мне угрожать:

— Снимем за ошибки!»

Рудомино, сдавая дела новому директору, с волнением рассказывала о библиотеке, которой отдала всю жизнь. Достала ключ и хотела открыть свой сейф. Гвишиани-Косыгина попросила дать ей ключ.

«Я отдала, еще не понимая, что за этим последует. А последовало моментальное изменение выражения лица — из довольно приятного в высокомерное и жестокое. А затем слова:

— Я забираю ключи от сейфа. Сейф и его содержимое не ваша собственность, а государственное имущество, и вам там делать нечего.

Я была так потрясена случившимся, что вышла из кабинета, не попрощавшись. Я была раздавлена. В сейфе остались и некоторые мои личные вещи, но больше я в бывшем моем кабинете не была, ни при ней, ни после нее».

За год из библиотеки, которую возглавила Людмила Алексеевна, ушли двести ведущих сотрудников. Закрылись многие читальные залы, в том числе кабинет антифашистской литературы. И что самое обидное — исчез дух интеллигентности и доброжелательности.

Наш Дэн Сяопин?

После смерти жены Косыгин изменился. Ему было шестьдесят три года. Это уже не возраст новых свершений. Возможно, в этом одна из причин провала экономической реформы, которая началась за два года до этого.

Бывшие помощники сравнивают Косыгина с китайским лидером Дэн Сяопином, преобразившим страну. Говорят об Алексее Николаевиче с восхищением: если бы ему не помешали, он бы сделал экономику нашей страны процветающей.

В отличие от Брежнева Косыгин в общественном сознании и при его жизни, и после смерти воспринимался в основном положительно. Возможно, из всех политиков второй половины XX столетия он пользуется в нашей стране наибольшим уважением.

«Никто другой из советских руководителей не производил на меня такого сильного и глубокого впечатления, как Алексей Николаевич, — писал один известный советский разведчик. — Прежде всего он не старался напустить вокруг себя византийского тумана, держался естественно и просто, не подчеркивал ни своей значимости, ни своей осведомленности, ни своей причастности к высшему руководству».

Став главой правительства после свержения Хрущева сорок лет назад, Косыгин предпринял самую серьезную в доперестроечные времена попытку экономической реформы.

Хрущев тоже попытался упростить жесткую систему управления народным хозяйством, предоставив производственникам большие права. Он распустил многие министерства и передал управление предприятиями на места. Исчезли лишние бюрократические звенья, и во второй половине 1950-х это принесло весомый экономический эффект. Экономика страны сделала шаг вперед. Конечно, были и негативные стороны децентрализации.

Рынок все равно не появился. Развитие экономики определялось не реальными потребностями общества, а приказами сверху. Если раньше сырье и продукцию распределяли министерства, то теперь между собой сговаривались совнархозы.

Главную оппозицию хрущевским начинаниям составила министерская бюрократия, которая утратила власть и влияние. Недоволен был и партийный аппарат. Совнархозы обрели самостоятельность и фактически вышли из подчинения обкомам. Иначе говоря, партработники потеряли контроль над производством.

В 1962 году Хрущев укрупнил совнархозы. Теперь на территории одного совнархоза оказались несколько обкомов и уже партработники фактически оказывались в подчинении производственников. Если бы хрущевские реформы продолжились, партаппарат вообще остался бы без дела...

После отставки Хрущева местный партаппарат добивался немедленного уничтожения совнархозов. Эту идею поддержал и Косыгин, считавший идеалом сталинскую систему управления всего и всем из Центра.

Национальные республики не очень поддерживали ликвидацию совнархозов и восстановление министерств, не хотели возвращаться к централизации, когда каждую мелочь им приходилось согласовывать с Москвой. Но Брежнев согласился с Косыгиным, и стало ясно, что вопрос предрешен. Теперь республики бились за право иметь союзно-республиканские министерства, чтобы сохранить какие-то рычаги влияния на промышленность и хозяйство.

В августе 1965 года Николая Байбакова вызвали в ЦК к Брежневу. В кабинете Леонида Ильича находился Косыгин.

— Возвращайся в Госплан! — сказал Брежнев.

Байбаков стал отказываться — дескать, он уже был на этой должности, и его освободили как несправившегося.

— Иди и работай! — повторил Брежнев и дружески добавил: — А о твоих способностях не тебе судить.

Принесли чаю, Брежнев стал говорить о том, как важно укрепить централизованное планирование, когда идет ликвидация совнархозов и восстановление отраслевых министерств и роль Госплана возрастает.

— Не только я, но и другие товарищи, — сказал Брежнев, кивнув на Косыгина, — думали о вашем перемещении. А то, что вас тогда сместили, это не оттого, что не справились с работой. Просто ваши взгляды разошлись с хрущевскими.

Еще в сентябре 1962 года в «Правде» появилась статья харьковского профессора Евсея Либермана «План, прибыль, премия». Он первым высказал мысль, к которой давно пришли думающие экономисты. Ни промышленность в целом, ни отдельные предприятия, ни работающие на них люди совершенно не заинтересованы в том, чтобы выпускать товары, необходимые потребителю. Между тем промышленность из года в год перевыполняет план, выпуская продукцию низкого качества, которая никому не нужна. Либерман предложил наделить директоров правом самим заключать договора с партнерами, предлагать потребителю более выгодные условия, а часть прибыли отчислять на премии инженерам и рабочим.

Это было первое предложение изменить ситуацию в экономике. Идеи харьковского профессора обсуждала вся страна. «Правдинская» статья произвела впечатление на Хрущева. Она соответствовала его представлениям о том, что нужно передать права и полномочия от ведомств директорам предприятий. Никита Сергеевич разрешил провести эксперимент. Пока готовили документы, его отправили на пенсию.

Косыгин, став главой правительства, дал указание переработать принципы эксперимента, убрав всё, что «попахивало» западным опытом и противоречило принципам социалистического хозяйствования. Но и в таком виде эксперимент пугал чиновников. На президиуме ЦК отнюдь не все поддержали Косыгина.

На одном из заседаний Подгорный сказал:

— На кой черт нам эта реформа? Мы плохо развиваемся, что ли?

Косыгин ответил ему:

— Реформа необходима. Темпы развития экономики стали снижаться. Все валовые методы испробованы, поэтому надо поощрять инициативу, поднять в коллективах интерес к результатам труда.

Но Подгорный остался при своем:

— Если проводить реформу, то к ней нужно тщательно подготовиться.

Брежнев горячо поддержал идею экономических реформ. Однажды он приехал в Завидово расстроенный. На вопрос главного редактора «Правды» Виктора Афанасьева, что случилось, объяснил, что на политбюро серьезно наказали двух министров. Но наказали напрасно: план они сорвали потому, что им не поставили сырье, узлы, комплектующие, топливо другие министры. А этим, в свою очередь, кто-то что-то другое также вовремя не поставил.

— Виновата сама система жесткого централизованного планирования, — сказал Брежнев. — Невозможно всё предусмотреть из Центра.

27 сентября 1965 года на пленуме ЦК Косыгин выступил с докладом «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленных предприятий».

Он назвал неправильным исторически сложившееся соотношение между промышленностью средств производства (группа «А») и промышленностью товаров потребления (группа «Б») в пользу первой.

Помимо идеи об упразднении совнархозов в его докладе было много смелых предложений, подготовленных еще при Хрущеве. Глава правительства предложил увеличить хозяйственную независимость предприятий. Уменьшить число плановых показателей, спускаемых сверху. Дать предприятиям возможность самим распоряжаться частью заработанных денег, составлять штатное расписание. Косыгин хотел материально заинтересовать и предприятие в целом, и отдельного работника, чтобы они работали лучше.

29 сентября Брежнев тоже выступил на пленуме:

— Чтобы в полной мере использовать все возможности социалистического способа производства, предлагается усилить экономический метод управления хозяйством. С помощью системы экономических стимулов нужно создать заинтересованность каждого рабочего, мастера, техника, инженера и служащего предприятия во внедрении новой техники, в совершенствовании технологии, повышении производительности труда и качества продукции. Этим же целям будет служить расширение прав каждого отдельного предприятия...

Леонид Ильич был в те годы не противником, а сторонником реформы. Верил, что сумеет улучшить жизнь людей. Он добился перехода на пятидневную рабочую неделю, когда вместо одного выходного появилось два и в субботу можно было отдыхать, это стало подарком для страны.

2 ноября 1965 года ЦК КПСС и Совет министров приняли постановление «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Так началась косыгинская реформа, которая стала поводом для довольно жестких дискуссий. Сторонники перемен поддержали ее. В аппарате реформу тихо бойкотировали, боясь, что расширение прав предприятий уменьшит власть чиновника.

Косыгин был единственный в руководстве, кто думал о легкой и пищевой промышленности. Остальные привыкли заниматься только военной и тяжелой промышленностью. Он по старой памяти заботился о текстильной промышленности, покупал оборудование за границей.

Люди стали больше зарабатывать, но купить ничего не могли. Задача состояла в том, чтобы вернуть в экономику большое количество денег, накопленных населением. Косыгин заключил с итальянцами контракт на строительство в Тольятти завода по производству легковых автомобилей. Так на российских дорогах появились «жигули».

Благодаря Алексею Николаевичу советские люди попробовали пепси-колу.

Еще в 1959 году тогдашний вице-президент Соединенных Штатов Ричард Никсон на американской выставке в Москве угостил Никиту Хрущева пепси-колой. Эта фотография обошла газеты всего мира. Пепси стала знаменитой и, главное, обогнала своего главного конкурента — кока-колу.

На самом деле это был один из раундов жестокой войны между кока-колой и пепси-колой. Эта война ведется не только в сфере производства и в рекламе. Эта борьба давно поднялась до большой политики.

Американские президенты всегда делились не только на республиканцев и демократов, но и на поклонников кока-колы и пепси-колы. Дуайт Эйзенхауэр, Джон Кеннеди, Линдон Джонсон были кока-коловыми президентами. Ричард Никсон стал первым пепси-коловым президентом. Когда его избрали в 1968 году, автоматы с кока-колой были изгнаны из Белого дома, а их место заняли конкуренты. Люди президента стали пить только пепси.

Гастрономические пристрастия президентов вознаграждались по заслугам. Компания «Пепсико» финансировала избирательную кампанию Ричарда Никсона. В знак благодарности в 1970 году председатель совета директоров и главный исполнительный директор компании «Пепсико» Дональд Кендалл был включен в состав внушительной американской торговой делегации, которую Никсон отправил в Москву.

Американцев принял Косыгин. Кендалл пришел в Кремль с портфелем (с терроризмом тогда еще не боролись). Когда его представили Алексею Николаевичу, он достал жестяную баночку пепси и протянул Косыгину. Глава советского правительства удивленно посмотрел на американца. Но Кендалл шелкнул рычажком, и выяснилось, что внутри банки радиоприемник, заблаговременно настроенный на волну московского радио.

На Косыгина эта техническая новинка произвела сильное впечатление. Он договорился с Кендаллом о том, что компания «Пепсико» получит эксклюзивные права на продажу водки в Соединенных Штатах и построит в Советском Союзе свои заводы.

Исключительный по тем временам договор открыл перед пепси гигантский советский рынок. Первый завод по разливу пепси был открыт в Новороссийске в 1974 году.

Новые идеи дали толчок развитию экономики, выросли и объем производства, и производительность труда. Восьмая пятилетка считается удачной. Но импульс обновления быстро угас, реформа стала затухать. Попытка серьезно изменить положение дел в экономике не увенчалась успехом.

Почему? Обычно говорят, что косыгинской реформе помешала политика: Брежнев ревновал. Немногословный и сдержанный Косыгин нравился людям. Брежнев завидовал его популярности.

Личные отношения у генерального секретаря и председателя Совета министров не сложились, потому что уж слишком разные они были люди и по интеллектуальному развитию, и по характеру. Помощник Брежнева Александров-Агентов рассказывал забавную историю. Во время одной из командировок вечер оказался свободным. За ужином Леонид Ильич растерянно спросил:

— Так что будем делать?

Косыгин ответил:

— Ну что же, пойдем книжку почитаем.

Когда он ушел, Брежнев насмешливо повторил:

— Ишь ты, книжку почитаем!

Такое времяпрепровождение показалось ему никчёмным. Если бы вместо Косыгина был рядом Подгорный или Кириленко, они бы забили козла. По словам личного фотографа генсека Владимира Мусаэльяна, Брежнев любил домино, говорил:

— Эта игра чрезвычайно полезна, так как требует точности счета, умения хитрить, чувствовать партнера. Даже в безнадежной ситуации «сделать рыбу» — сохранить хорошую мину при плохой игре.

Глава правительства в домино не играл.

Леонид Ильич любил жизнь во всех ее проявлениях и просто не понимал суховатого и аскетичного Косыгина.

Крупных противоречий между Брежневым и Косыгиным не существовало. Но разногласия по непринципиальным вопросам перерастали в неприязненный спор. Глава правительства вынужден был подчиняться, но всякий раз замыкался в себе.

Тем не менее Брежнев и Косыгин проработали вместе шестнадцать лет. Леонид Ильич понимал, что в оппозицию к нему Алексей Николаевич не станет. А вот освобождение Косыгина от должности ничего бы Брежневу не принесло. Не было в политбюро другого человека, который так знал механизм советской экономики, как председатель Совета министров.

Известный дипломат Анатолий Леонидович Адамишин в начале 1960-х работал в советском посольстве в Италии. Приехал Косыгин. Среди прочего Адамишин, рассказывая о Ватикане, привел местный анекдот. Папу римского Иоанна XXIII спросили, сколько человек работает в Ватикане.

— Примерно половина, — ответил папа.

Косыгин реагировал с пониманием:

— Им еще повезло, это очень хороший процент.

Брежнев следил за тем, чтобы Косыгин не обрастал сторонниками. Хотя главой правительства был Косыгин, министров без согласия Брежнева не назначали.

В конце августа 1965 года, когда известный хирург Борис Васильевич Петровский вернулся из отпуска, прямо перед началом операции его соединили с Брежневым. Тот просил приехать. Петровский объяснил, что больной на столе и он может приехать только после операции.

В три часа Петровский был в ЦК. Брежнев стал расспрашивать о положении в Институте клинической и экспериментальной хирургии. Петровский говорил о низком уровне материальной базы и нехватке аппаратуры и о том, что часто нечем лечить и предупреждать инфекцию.

В этот момент Брежнев и сказал:

— Вот мы и хотим, чтобы вы взяли на себя руководство медициной, применили свой большой опыт. Как вы отнесетесь к тому, чтобы возглавить союзное Министерство здравоохранения?

Петровский стал говорить, что у него нет опыта работы на должностях подобного масштаба, он хирург и не хотел бы менять профессию.

Брежнев не принял его возражений:

— Обсуждая вашу кандидатуру на пост министра, Центральный комитет учел весь ваш путь — военный опыт организатора и хирурга, работу в Венгрии, затем в Москве, деятельность как депутата Верховного Совета. Конечно, вам придется основательно познакомиться с другими отраслями медицины, с медицинской промышленностью. Серьезно подумайте.

Через три дня разговор продолжился. Петровский опять стал говорить, что, может быть, не надо назначать его министром. Тут уже Брежнев ответил сухо:

— По-видимому, вы не поняли суть вопроса. Мы уже обсудили это на президиуме ЦК, но, если у вас есть желание, можете через час выступить на нашем заседании.

Петровский, смутившись, побледнел и сказал, что всегда был коммунистом и против воли партии не пойдет.

8 сентября 1965 года в газетах появился указ о назначении Петровского министром здравоохранения. Борис Васильевич позаботился о том, чтобы оставить за собой руководство институтом и сказал, что будет проводить там два дня в неделю...

После отставки Хрущева желающих выдвинуться на первые роли было более чем достаточно. Косыгина потому и поставили во главе правительства, что он не претендовал на политическую роль и не представлял для остальных опасности. Но это же определило и слабость его позиций — у него не было поддержки в политбюро. Большинство заместителей Косыгина были назначены не им, а Брежневым.

Когда Брежневу показалось, что Чазов уделяет слишком много внимания главе правительства, новому начальнику Девятого управления КГБ генералу Сергею Антонову поручили еще раз изучить окружение руководителя кремлевской медицины и посмотреть, нет ли у него личных связей с косыгинским семейством.

Первому секретарю Московского горкома Виктору Васильевичу Гришину, который поддерживал дружеские отношения с семьей Косыгина, Брежнев наставительно сказал:

— Ты, Виктор, придерживайся моей линии, а не линии Косыгина.

Стиль общения и манеры Косыгина не располагали к дружеским отношениям.

«Косыгин, — по словам тогдашнего председателя Совмина РСФСР Михаила Соломенцева, — был человек замкнутый, не любил болтовни, анекдотов, иногда мог грубо ответить».

Косыгин в свою очередь недолюбливал Соломенцева. Сказал о нем однажды первому заместителю председателя Совмина РСФСР Виталию Воротникову:

— Хороший металлург, но неисправимый нытик, человек мнительный и озабоченный своим престижем.

Алексей Николаевич не был соперником для Брежнева. Но немногословный и сдержанный, он нравился людям — особенно на фоне коллег по политбюро. И его популярность раздражала Брежнева. Он немного завидовал Косыгину. И не возражал, когда главу правительства подвергали критике.

В частных разговорах Леонид Ильич говорил, что Косыгин ничего не понимает в сельском хозяйстве. Жаловался членам политбюро, что ощущает сопротивление Госплана в сельских делах:

— Это влияние Косыгина. Он не понимает сельского хозяйства, не разбирается в нем.

Косыгин был против вложения в сельское хозяйство огромных средств, которые не дают отдачи. А Брежнев часто повторял, что он лично отвечает за положение дел на селе. Видимо, за этим стояло тщеславное желание показать, что ни Сталину, ни Хрущеву не удалось поднять сельское хозяйство, а он сумеет.

Первые годы Брежнев активно занимался сельским хозяйством. В конце февраля 1972 года в ЦК состоялось совещание первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов о развитии животноводства и увеличении производства сахарной свеклы. С докладом выступил Брежнев. Он же руководил работой совещания, поднимал с места одного за другим первых секретарей, требовал отчета. Сам же подвел итоги совещания и поручил секретарю ЦК Федору Кулакову подготовить проект совместного постановления ЦК и Совета министров СССР.

Кунаев вспоминал, как в августе 1972 года Брежнев решил побывать в Кустанае. Он попросил собрать руководителей зерновых областей:

— Хочу послушать секретарей обкомов о готовности к уборке урожая.

Леонид Ильич прилетел 24 августа. Шел сильный дождь. Поля вокруг аэропорта зеленые. Брежнев вылез из самолета, спросил первого секретаря ЦК Казахстана:

— Куда ты меня завез? Хлеба не вижу, вижу только зеленую массу.

— Не беспокойтесь, — сказал Кунаев. — Все будет в порядке. Хлеба дадим, и дадим немало.

На совещании Брежнев сказал, что главные хлебные зоны страны охвачены засухой. Поэтому он просит сделать все возможное, чтобы без потерь собрать выращенный урожай и продать государству как можно больше хлеба.

Кунаев ответил:

— План продажи хлеба республика выполнит. Но сколько хлеба будет продано сверх плана, надо подсчитать с руководителями республики. Прошу объявить перерыв на часполтора.

Через два часа руководители областей один за другим стали докладывать генеральному секретарю, что выполнят и перевыполнят план сдачи хлеба.

Брежнев спросил Кунаева:

— Все заверяют, что планы продажи хлеба будут перевыполнены. Назовите цифру. О каком объеме идет речь?

— Мы будем бороться в этом году за продажу не менее миллиарда пятидесяти миллионов пудов хлеба. При этом будем иметь фураж, обеспечим себя семенами и не обидим механизаторов, — ответил Кунаев.

Брежнев был доволен. Сразу после совещания он позвонил в Москву Косыгину:

— Казахи взяли обязательство продать государству миллиард пудов хлеба... Вот и я говорю: молодцы!

«За прощальным обедом, — вспоминал Кунаев, — Брежнев был весел, много шутил. К слову сказать, Брежнев порой был неистощим на розыгрыши, острую шутку, а то и на анекдот о себе или своих соратниках».

Из Кокчетава он улетел на Алтай, чтобы «поднажать» на алтайцев...

Брежнев звонил первым секретарям, интересовался: как настроение у людей, как ситуация со снабжением, сколько картофеля и овощей заложили на зиму? Если были трудности, обещал помочь, говорил всегда спокойно, участливо, нотаций не читал.

Благодаря Брежневу во второй половине 1960-х сельское хозяйство получило на треть больше денег, чем в предыдущую пятилетку (см. «Исторический архив», № 3/2007), но к началу 1970-х ситуация ухудшилась, в стране уменьшилось потребление продуктов питания. Неблагоприятные климатические условия на территории Российской Федерации привели к резкому сокращению поголовья крупного рогатого скота. Из-за суровых зим гибли озимые. Сельское хозяйство не развивалось. Но Брежнев был убежден, что все дело в деньгах. Колхозам списывали задолженности, предоставлялись ссуды и долгосрочные кредиты. Однако количество убыточных хозяйств постоянно увеличивалось.

Брежнев стал физически сдавать, да и понял, что улучшить ситуацию в сельском хозяйстве никак не получается. Ему советовали: Леонид Ильич, не надо повторять, что именно вы курируете сельское хозяйство. Конечно, генеральный секретарь за все отвечает. Но стоит ли брать на себя всю ответственность за такую сложную отрасль?

И Брежнев перестал об этом говорить. Это изменило положение секретаря по сельскому хозяйству Федора Давыдовича Кулакова. Прежде он находился в выгодном положении: за всё отвечает генеральный, а он ему помогает. Теперь сам стал отвечать за сельское хозяйство. Брежнев с него спрашивал, критиковал, иногда жестко. Кулакову приходилось трудно. Он, что называется, головой отвечал за поставки хлеба.

Первый секретарь Херсонского обкома Иван Мозговой рассказывал, как получил срочную телеграмму с требованием немедленно приехать в Москву к Кулакову. Секретарь ЦК КПСС показал Мозговому письмо, в котором говорилось, что на Херсонщине хлеб собран, но государству почему-то не сдан. Мозговой объяснил, что в области не хватает транспорта, поэтому решено: сначала собрать весь хлеб, а потом его сдать.

Кулаков выслушал его внимательно и аргументы принял, но в конце разговора сказал:

— Я беседовал с Щербицким, он просил, чтобы завтра вы были у него.

Утром Мозгового заслушали на политбюро ЦК Украины. Щербицкий распорядился:

— Хлеб сдавать быстрее.

Повернувшись к секретарю ЦК по сельскому хозяйству Николаю Михайловичу Борисенко, Щербицкий весело спросил:

— А что было бы с Мозговым в такой ситуации в тридцать седьмом?

И Борисенко так же весело, без слов изобразил пальцами решетку...

Беда Федора Кулакова, говорят люди, которые хорошо его знали, состояла в том, что он сильно пил. Часто отсутствовал на работе. По существу, он был болен. Его пытались лечить, но тщетно. И тогда его постепенно стали оттеснять от власти.

В июле 1978 года собрался пленум по сельскому хозяйству. Но председателем комиссии по подготовке пленума назначили не Кулакова, что было бы вполне логично — он секретарь ЦК по селу, а главу правительства Алексея Николаевича Косыгина, которого обычно отстраняли от сельскохозяйственных дел.

Пленум закончился 4 июля, никаких важных решений не принял. На следующий день, 5 июля, вспоминал Горбачев, супруги Кулаковы отмечали сорокалетие свадьбы. Горбачевы тоже были приглашены. Каждый из присутствовавших должен был произнести тост, пили обязательно до дна.

Федор Давыдович был крупным мужчиной, чувствовал себя здоровым человеком и считал, что может крепко выпить. Но у него всегда было розовое лицо хронического гипертоника. А еще в 1968 году Кулакову сделали хирургическую операцию по поводу рака — удалили часть желудка. Ему, конечно, следовало ограничивать себя. Но, когда садился за стол, остановиться не мог.

Он ушел из жизни самым прискорбным образом.

В роковую ночь они с женой сильно поссорились. Он лег спать один, говорят, что на ночь глядя еще добавил, и сердце у него остановилось. Утром охранники нашли его мертвым. Это произошло 17 июля 1978 года.

Ему было всего шестьдесят лет. Руководители партии и государства находились в отпуске. Возвращаться на похороны им не захотелось. Брежнев ограничился тем, что велел прислать венок от его имени, хотя потом сказал Горбачеву:

— Жаль Кулакова, хороший был человек...

Михаил Сергеевич Горбачев как представитель Ставрополья был включен в похоронную комиссию и впервые поднялся на мавзолей, чтобы произнести прощальное слово. Он говорил о том, что «светлый образ Федора Давыдовича Кулакова, славного сына Коммунистической партии, навсегда останется в наших сердцах как пример беззаветной верности и героического служения партии, нашей Советской Родине».

Похоронили Кулакова 19 июля у Кремлевской стены. Руководил церемонией член политбюро Андрей Павлович Кириленко. В отсутствие Брежнева и Суслова он остался в Москве на хозяйстве.

Горбачев против предсовмина

Петр Родионов, второй секретарь ЦК компартии Грузии, вспоминал, что на пленуме ЦК в декабре 1969 года фактически критиковали правительство, хотя формально говорили о Госплане. Первый секретарь Алтайского крайкома Александр Васильевич Георгиев кричал, как будто он на митинге.

Георгиев в юности окончил сельскохозяйственный техникум, в марте 1961 года его назначили первым секретарем крайкома, и он занимал этот пост семнадцать лет — до самой смерти в апреле 1976 года.

Слыша такие речи, Косыгин нервничал, но не выступил в защиту правительства. Поручил ответить Байбакову. Тот был человек закаленный. В 1944 году, когда Байбакова назначили наркомом нефтяной промышленности, его вызвал Сталин. Когда разговор был закончен, Сталин вдруг его спросил:

— Вот вы — такой молодой нарком, скажите, какими свойствами должен обладать советский нарком?

— Знание своей отрасли, трудолюбие, добросовестность, честность, умение опираться на коллектив, — начал перечислять Байбаков.

— Все это верно, товарищ Байбаков, все это очень нужные качества. Но о важнейшем качестве вы не сказали.

Сталин подошел к нему. Байбаков пытался встать, тот остановил его, коснувшись чубуком трубки его плеча:

— Советскому наркому нужны прежде всего бычьи нервы плюс оптимизм.

Этого у Байбакова было в избытке. Косыгин тоже прошел сталинскую школу, но от природы был более уязвимым для атак. В брежневском окружении этим пользовались.

На политбюро Косыгина обычно критиковал Кириленко, занимавшийся в ЦК промышленностью и по праву старого друга Брежнева претендовавший на особое положение. Андрею Павловичу Косыгин отвечал резко, иногда зло.

Главу правительства сильно не любил еще один друг Брежнева, Дмитрий Федорович Устинов. Приезжая к Леониду Ильичу, не стесняясь в выражениях, говорил, что он думает о Косыгине. Тут сказывались личные отношения, соперничество.

В марте 1963 года указом президиума Верховного Совета был образован Высший совет народного хозяйства СССР как главный государственный орган по руководству промышленностью и строительством, подотчетный правительству. ВСНХ подчинили все промышленные и строительные госкомитеты, в том числе госкомитеты по оборонной технике, по авиационной технике, Госплан, Госстрой...

Главой ВСНХ стал Устинов. Он немедленно начал делить с Косыгиным полномочия в свою пользу. Да еще Хрущев, уезжая из Москвы, поручал Устинову председательствовать на заседаниях правительства. Это раздражало и обижало Косыгина.

Когда Устинов (при Брежневе) стал секретарем ЦК по военным делам, он полностью замкнул на себя оборонную промышленность. На оборону работали и гражданские министерства, тут интересы Косыгина и Устинова постоянно сталкивались, и глава правительства вынужден был уступать.

Академик Гурий Иванович Марчук поинтересовался у Косыгина, почему не создается специальное министерство вычислительной техники. Алексей Николаевич ответил, что вопрос не раз ставился на политбюро, но Дмитрий Федорович — против. Устинов говорил, что невозможно выделить производство вычислительной техники из всего оборонного комплекса, да и не нужно этого делать.

И Михаил Сергеевич Горбачев, только-только избранный секретарем ЦК по сельскому хозяйству, сразу же вступил в конфликт с Косыгиным, зная, что Брежневу это понравится. Правда, и Косыгин не симпатизировал Горбачеву.

Перед началом торжественной церемонии вручения наград космонавтам в сентябре 1979 года члены высшего партийного руководства собрались у входа в Екатерининский зал. Косыгин недовольно сказал:

— Вот нам, членам политбюро, разослали записку сельхозотдела, Горбачев ее подписал. Он и его отдел пошли на поводу у местнических настроений, а у нас нет больше валюты закупать зерно. Надо не либеральничать, а предъявить более жесткий спрос и выполнить план заготовок.

В ответ на это Горбачев, который всего год был секретарем ЦК, позволил себе прилюдно атаковать члена политбюро. Жестко ответил, что, если председатель Совета министров считает, что отдел ЦК проявил слабость, пусть поручит вытрясти зерно своему аппарату и доведет продразверстку до конца.

Воцарилась мертвая тишина, вспоминал Горбачев. Такой выговор старшему по чину был невиданным делом. Но Михаил Сергеевич прекрасно знал расклад в политбюро. Брежнев сам постоянно давал понять, что он не доволен правительством, правительство не справляется, Центральному комитету приходится подменять Совет министров. Это было скрытой формой критики Косыгина.

И после церемонии Брежнев позвонил Горбачеву.

— Переживаешь? — спросил сочувственно.

— Да, — ответил Горбачев. — Но дело не в этом. Не могу согласиться с тем, что занял негосударственную позицию.

— Ты правильно поступил, не переживай, — сказал Брежнев. — Надо действительно добиваться, чтобы правительство больше занималось сельским хозяйством.

Через два месяца Горбачева повысили в партийном звании. Ему позвонил Суслов:

— Тут у нас разговор был. Предстоит пленум. Есть намерение укрепить ваши позиции. Будем рекомендовать вас кандидатом в члены политбюро.

27 ноября 1979 года, на пленуме, Горбачев поднялся еще на одну ступеньку в партийной иерархии.

Упразднение совнархозов, восстановление министерств и традиционной партийной структуры имели один важный негативный результат: партийные комитеты в полной мере восстановили контроль над промышленностью и сельским хозяйством, отчасти утерянный при Хрущеве.

При Брежневе аппарат ЦК практически дублировал структуру правительства. Каждой отраслью занимался отдельный сектор. Руководитель отдела ЦК был хозяином в своей отрасли. Он вызывал к себе на Старую площадь не только министров, но и заместителей председателя Совета министров.

«Реформу начали откровенно и резко скручивать в конце шестидесятых, — вспоминал Николай Иванович Рыжков, будущий глава советского правительства, работавший тогда на Уралмаше. — Внизу, на производстве, это чувствовалось особенно отчетливо и больно: только вздохнули, как кислород опять перекрывают... Те, кто сразу усмотрел в экономических преобразованиях угрозу политической стабильности, только повода дожидались, чтобы эту реформу придушить. И повод нашелся. Весна 68-го, Пражская весна не на шутку перепугала столпов и охранителей догматической идеологии».

Догматики критиковали косыгинские реформы, считая, что ориентироваться на прибыль, на товарно-денежные отношения вредно и опасно. Это бьет по плановому характеру экономики и ведет к падению дисциплины, росту цен и инфляции.

К таким догматикам принадлежал и председатель КГБ Андропов. Его верный соратник и наследник Владимир Александрович Крючков писал:

«Косыгин, отстаивая свои идеи, проявлял редкостное упорство, не выносил возражений, болезненно реагировал на любые замечания по существу предлагаемых им схем и решений.

Экономику он вообще считал своей вотчиной и старался не подпускать к ней никого другого. Этим Косыгин настроил против себя многих членов высшего руководства».

— Андропов не любил Косыгина, а Косыгин не любил Андропова, — свидетельствует Чазов, вблизи наблюдавший их обоих. — Может быть, Алексей Николаевич не любил систему госбезопасности. Как-то у него проскользнуло: «Вот, даже меня прослушивают». Поэтому, наверное, и не любил Андропова.

У них обнаружилась какая-то личная несовместимость. Они схватывались на заседаниях политбюро, причем нападал Андропов. Но конфликт между ними имел и явную политическую подоплеку: Андропов говорил помощникам, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования экономики могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размыву социально-политического строя... Иначе говоря, Юрий Владимирович боялся косыгинских реформ — более чем умеренных и скромных.

Не только в КГБ или в партийном аппарате, но и в самом правительстве сторонников реформ было немного. Говорят, Брежневу не понравилось то, что реформу назвали «косыгинской», поэтому генсек ее провалил. Сам Косыгин тоже намекал на политические причины сворачивания реформ.

Писатель Анатолий Наумович Рыбаков отдыхал в Карловых Варах одновременно с Косыгиным. Они познакомились. На писателя глава правительства произвел гнетущее впечатление, показался человеком, потерявшим надежду...

— Толкуем о реформах, а где они? — произнес Рыбаков.

Косыгин долго молчал, нахмурившись, потом сказал:

— Какие реформы? «Работать надо лучше, вот и все реформы!»

Он явно цитировал чьи-то слова.

— Леонид Ильич так считает? — уточнил Рыбаков.

— Многие так считают, — уклонился от ответа Косыгин.

Возможно, Алексей Николаевич цитировал секретаря ЦК по экономике Андрея Павловича Кириленко. Летом 1978 года Кириленко принимал делегацию итальянской компартии.

— Никакой экономической реформы не нужно, — говорил он гостям. — Всё это болтовня. Надо работать. Я секретарь ЦК и сейчас заменяю Леонида Ильича, который в отпуске. Знаете, чем я сегодня целый день занимался? Транспортными перевозками, искал вагоны. Потому что не работают железные дороги. Надо людей заставить работать. Какие тут экономические реформы?

Итальянцы, пишет Карен Брутенц, были потрясены. Один из них, выйдя из кабинета Кириленко, сказал:

— Второй секретарь правящей партии второй сверхдержавы занимается транспортом, который не работает...

Конечно, примитивность и малограмотность большинства членов политбюро сыграли роковую роль. В спорах о грядущем коммунизме руководители государства упустили, что мир вступил в новую эру научно-технического развития. В какой-то момент, вспоминал Виктор Афанасьев, Брежнев заинтересовался идеями научно-технического прогресса. Он распорядился готовить пленум ЦК. Бригада отправилась в Кунцево, на бывшую сталинскую дачу.

Раза два приезжал и сам Брежнев. Прочитал проект доклада, одобрил. К подготовке пленума ЦК по научно-техническому прогрессу подключили Институт мировой экономики и международных отношений. Директор института Николай Иноземцев тоже верил в научно-технический прогресс, в то, что он даст мощный импульс развитию страны. Подняли огромное количество материалов о том, как стремительно развивается производство на Западе. Показали, что мы не движемся вперед, что у нас очень отстала гражданская промышленность. Все эти справки и доклады направили в ЦК.

«В работу по подготовке пленума, — вспоминал секретарь ЦК Петр Демичев, — были вовлечены все наши крупные ученые, научные центры, вузы, министерства. Был подготовлен целый ряд хорошо проработанных решений. Брежнев каждый раз, когда к нему обращались с вопросом о пленуме, отвечал:

— Я еще не готов».

Пленум так и не состоялся... Да и что изменил бы еще один пленум?

Реформа, начатая в 1965 году, провалилась, потому что носила частичный характер и не могла изменить ситуацию в экономике. Никто не желал отказываться от принудительного планирования, от нелепой системы ценообразования.

В декабре 1971 года Косыгин посетил Норвегию. Вечером он изъявил желание прогуляться по Осло.

«Косыгин внимательно присматривался к происходящему вокруг, останавливался у витрин магазинов, обращая внимание на ассортимент товаров и цены, — писал резидент советской разведки в Норвегии Виктор Федорович Грушко. — В патриотическом запале наш торгпред заметил, что цены в Норвегии очень высоки и постоянно растут.

Косыгин резко повернулся к торгпреду и сухо сказал, что сбалансированность спроса и предложения как раз является признаком здоровой экономики и здесь нам есть чему поучиться.

— Если бы вы только знали, чего мне стоит добиваться того, чтобы цены на некоторые товары поднять до уровня рентабельности, — говорил Косыгин. — Ценообразование должно использоваться в качестве инструмента стимулирования производительности труда, окупать издержки и двигать экономику вперед. У нас цены не менялись и даже снижались в последние тридцать лет. По таким ценам невозможно производить товары высокого качества. Вот их-то у нас и не хватает. Посмотрите на качество норвежских товаров...»

Само по себе повышение цен в нерыночной экономике ничего не меняло. Прибыль можно получить путем увеличения количества и качества продукции, а можно просто повысить цены. Директора предприятий пошли, естественно, по второму пути. Главным показателем был объем реализованной продукции в рублях. Если удавалось просто объявить свой товар более дорогим, прибыль росла. В ситуации, когда отсутствовала конкуренция, это было проще всего. У покупателя выбора-то не было. Количество и качество товаров оставалось прежним, только цена росла.

Предприятия, которые получили самостоятельность, не стали работать эффективнее. Они пересматривали ассортимент в пользу более дорогих товаров, а по цифрам получался рост производства. В девятой пятилетке половину средств от товарооборота получали за счет ухудшения качества и скрытого повышения цен.

Алексей Николаевич был более чем скромен в своих реформаторских настроениях. Директор московской кондитерской фабрики «Красный Октябрь» просила Косыгина:

— Государство дает нам четыре миллиона рублей на зарплату. Я у вас больше ни копейки не прошу. Но дайте нам, коллективу, право распоряжаться этими деньгами.

— Тебе я бы еще мог доверить, — ответил Косыгин. — Но ты представляешь, если дать это право какой-нибудь дальней республике? Мы же там потом никаких концов не найдем.

Он все равно оставался приверженцем системы, при которой решительно всем управляют из Центра. Представить себе экономическую систему, в которой сам производитель разумно определяет затраты и издержки, он не мог. Вся его энергия уходила на детали, на мелочи, что, конечно, производило неизгладимое впечатление на подчиненных, но ему не хватало ни экономических знаний, ни стратегического мышления для руководства экономикой страны.

По словам работавшего с ним министра здравоохранения Бориса Петровского, «Косыгин был властолюбивым, умным и жестким человеком, руководителем, я бы сказал, прежнего типа».

Его воспитала система, в которой экономические задачи решались отнюдь не экономическими средствами. Если принималось решение, оно исполнялось любыми усилиями. Выгодно или невыгодно — этот вопрос вообще не обсуждался. Он так и остался рачительным, трудолюбивым, безотказным сталинским наркомом, готовым выполнить любой приказ.

«Как бы основательно Косыгин ни понимал экономические проблемы, — писал на склоне лет Громыко, который защитил диссертацию и стал доктором экономических наук, — он все же на практике шел по тому же пути застоя. Каких-либо глубоких положительных мыслей, направленных на преодоление пагубных явлений в экономике страны, он не высказывал».

Иногда на заседания правительства приглашали директора Института мировой экономики и международных отношений академика Николая Николаевича Иноземцева — министрам полагалось прислушиваться к представителям науки.

Когда академик предупредил об опасности инфляции, Косыгин разозлился:

— О какой инфляции вы говорите? Инфляция — это когда цены растут, а у нас цены стабильные. Нет у нас инфляции!

Иноземцев попытался объяснить главе правительства элементарную истину:

— Когда у населения есть деньги, а в магазинах нет товаров, потому что их раскупают моментально, это и есть признак инфляции. Денег больше, чем товаров.

Косыгин недовольно прервал академика:

— Хватит с нас ваших буржуазных штучек!

Потребность в реформировании экономики исчезла, когда начался экспорт нефти и газа и в страну потоком потекли нефтедоллары. Добыча нефти в Западной Сибири за десять лет, с 1970 по 1980 год, увеличилась в десять раз, добыча газа — в пятнадцать. Развитием нефтегазового промысла в Сибири страна обязана Косыгину. Под его руководством страна сконцентрировала силы на добыче и транспортировке энергоресурсов.

Появление нефтедолларов совпало с потерей Брежневым интереса к решению серьезных экономических проблем. Председатель Госплана Байбаков доложил Брежневу, что надо обсудить основные параметры народно-хозяйственного плана. Брежнев предложил провести обсуждение в Завидове, позвал помимо Байбакова Косыгина и Подгорного.

Байбаков рассказывал два дня. Обилие цифр утомляло генерального секретаря.

«Он сидел со скучающим лицом, — вспоминал Байбаков, — тяжело опустив руки на колени, всем видом показывая, что зря у него отнимают время на какие-то частности.

Он остановил меня и сказал:

— Николай, ну тебя к черту! Ты забил нам голову своими цифрами. Я уже ничего не соображаю. Давай сделаем перерыв, поедем охотиться...

После обеда мы продолжили работу уже в другом режиме. Повеселевший Леонид Ильич слушал мои выкладки в цифрах и даже порой согласно кивал головой.

Через несколько дней на заседании политбюро Брежнев заявил:

— Я два дня слушал Байбакова, а теперь спать не могу».

На политбюро Байбаков предупредил, что девятая пятилетка, судя по всему, будет провалена.

«Леонид Ильич выглядел расстроенным, — вспоминал Байбаков, — он не любил слушать любые неприятные вещи, и сейчас, хмуро опустив густые брови на глаза, он недовольно поглядывал в мою сторону: почему я излишне драматизирую положение, почему говорю одни неприятности?»

К концу пятилетки ситуация в экономике осложнилась, особенно из-за трех засушливых лет — 1972, 1974, 1975 годов. Госплан отправил в политбюро доклад: страна живет не по средствам, растет зависимость от импорта, в том числе от импорта стратегических материалов.

На заседании политбюро 2 апреля 1975 года Брежнев недовольно сказал:

— Товарищи, Госплан представил нам материал. В нем содержится очень мрачный взгляд на положение дел. А мы столько с вами работали. Ведь это наша лучшая пятилетка.

И все радостно подхватили:

— Действительно, перегнули! Да чего там! Пятилетка вон как идет!

Предложения Госплана по улучшению экономической ситуации подписал первый заместитель председателя Госплана Виктор Дмитриевич Лебедев. Байбаков был в отпуске. Когда на закрытом заседании президиума Совета министров Лебедев давал оценку экономической ситуации в стране, Косыгин, по словам Байбакова, стал нервничать.

— Почему мы должны слушать Лебедева? — резко сказал Косыгин. — Байбаков не видел этого документа.

Байбаков сказал, что не только видел его, но и многократно обсуждал.

— Но ты же не подписал его? — с некоторой надеждой в голосе произнес Косыгин.

— Я был в отпуске, но с содержанием доклада согласен.

— Мы вообще не знаем, кто его составил, — сказал Косыгин.

— Доклад составлял начальник сводного отдела Госплана Воробьев. Он здесь присутствует, — ответил Лебедев.

Один из заместителей Косыгина возмутился:

— Воробьев — всего лишь начальник отдела и не может всего знать.

Другие зампреды стали говорить, что они лучше знают и понимают ситуацию, чем работники Госплана:

— Еще впереди половина пятилетки, и мы успеем всё поправить... Госплан смотрит односторонне и мрачно... Не надо коней на переправе менять.

Название популярного тогда фильма, казалось, больше всего соответствовало настроениям руководителей правительства: не надо ничего менять! Они просто не хотели слышать о проблемах социалистической экономики. Косыгин пролистал текст доклада и запретил Лебедеву продолжать. Тот побледнел и сошел с трибуны. Все экземпляры доклада были изъяты и уничтожены.

«В последнее время наша экономика напоминала “тришкин кафтан”, — оценивал ситуацию Байбаков, — чтобы залатать дыру в одном месте, надо было отрывать кусочек в другом. Неприкасаемыми остались только огромные расходы на оборону».

К концу жизни Косыгин стал раздражительным и нетерпимым. Помощник генерального секретаря Александров-Агентов вспоминал, как на заседании политбюро Косыгин, недовольный докладом Байбакова, истерически кричал на председателя Госплана:

— Что вы тут развизжались, как старая баба!

Деятельность Косыгина на посту главы правительства заканчивалась неудачно. Экономика находилась в состоянии стагнации. Страна закупала большое количество оборудования за рубежом. Его даже не устанавливали, оно хранилось на складах, пока не устаревало.

Громыко вспоминал, как в его присутствии Брежнев спросил Косыгина:

— Как много закупленного за границей промышленного оборудования у нас до сих пор не установлено на предприятиях и все еще складировано?

Косыгин, как всегда, знал ответ:

— На шестнадцать-семнадцать миллиардов инвалютных рублей.

В долларах эта цифра была еще больше.

Алексей Николаевич считал копейки. А сотни миллионов пропадали — уходили на строительство промышленных гигантов, которые строились очень долго или не давали отдачи. Экономику разоряла гонка вооружений. Что толку было от его бережливости?

Во второй половине 1970-х ухудшилось положение с продовольствием. В стране нарастало глухое раздражение, в первую очередь из-за отсутствия продуктов и элементарных товаров. Снижалось качество жизни. Во многих областях прошли настоящие забастовки, о которых говорилось только в закрытых партийных документах.

Купить почти ничего было невозможно. Всё стало дефицитом, и всё приходилось доставать через знакомых или переплачивая сверх меры. Дефицит уходил на черный рынок. Деньги сами по себе теряли смысл. Экономика возвращалась к средневековому прямому обмену товарами и услугами. Теневая экономика процветала. В крупных учреждениях кое-что распределяли через систему так называемых заказов. Некоторые продукты исчезли вовсе. В городах вводили талоны на мясо и масло. Народ устремился в Москву за продуктами. Многие помнят так называемые «колбасные» поезда.

— Рыба стоила тридцать — сорок копеек за килограмм и была доступна каждому. Производство куриных яиц зашкаливало за необходимую норму, ЦК был озабочен проблемой их консервации, — ностальгически вспоминал брежневские времена Петр Андреевич Паскарь, тогдашний председатель Совета министров Молдавии.

Петр Андреевич, верно, подзабыл, как выглядели при Брежневе прилавки продуктовых магазинов, или даже вообще их не видел, поскольку высшей номенклатуре даже в закрытый распределитель ходить не приходилось: всё привозили со спецбазы домой или на дачу. А вот как существовали обычные люди.

Вновь процитирую дневник литературного критика Игоря Дедкова, который жил в Костроме и работал в областной газете «Северная правда»:

25 октября 1977 года:

«В магазинах нет туалетного мыла. Нет конфет. Само собой разумеется, нет мяса (на рынке в очередь — по четыре рубля за килограмм), колбасы, сала и прочего».

13 ноября:

«В городе нет электрических лампочек. Когда я ходил искать стосвечовые, еще были в продаже лампочки по сорок ватт. Сейчас и они исчезли. У нас в люстре из трех лампочек перегорели две. Так и сидим при включенной настольной лампе... Но мы привыкли к таким нехваткам».

А вот предновогодняя запись:

«Пенсионерам дают талоны на мясо в домоуправлениях (один килограмм на пенсионера). Впрочем, не талоны, а “приглашения”. Получаешь “приглашение” и идешь в магазин. Сегодня “Северная правда” отправила своих представителей в магазин, чтобы получить мясо (по килограмму на работника). Именно так “дают” мясо трудовым коллективам.

В магазине же сказали, берите тушу и рубите сами. Редакционные женщины возмутились и ушли. После телефонных переговоров с начальством мясо обещано завтра: и разрубленное, и высшего сорта. Сегодня жена Камазакова, член областного суда, целый день рубила мясо. Этому “коллективу” мясо выдали тушей...»

И вот запись Игоря Дедкова, которая буквально берет за душу:

«Вечером ходил в магазин за хлебом и чаем. Впереди меня выкладывал из сумки свои покупки мужчина лет пятидесяти трех-четырех: пачку вермишели, буханку черного хлеба, два куска сыра, две банки рыбных консервов (ставрида) и четыре плавленых сырка — “разные”, сказал он кассирше, то есть разных сортов.

И я как-то неожиданно для себя всмотрелся в это богатство рабочего пожилого человека, пришедшего в магазин после работы, и слезы прихлынули к глазам от простой и ясной мысли: это же он после получки пришел и купил, что мог, получше, и потому сырков этих плавленых разных набрал и консервов, и сыра — другого ничего не было. Ах, не о сытости я болею, не о пище, о другом — о справедливости и равных человеческих возможностях...»

Вложение средств в сельское хозяйство не приносило результата. Огромные стройки растягивались надолго и стоили значительно дороже, чем предусматривалось. Военные расходы стали непосильными. Экономика поддерживалась экспортом нефти и нефтепродуктов, что стало возможным в результате наращивания нефтедобычи в Западной Сибири. Брежневу повезло. В середине 1970-х годов начался стремительный рост цен на нефть. При Хрущеве цена за баррель составляла пятнадцать долларов, к концу брежневской эпохи поднялась до восьмидесяти. А после смерти Леонида Ильича цены на нефть упали и импортируемое из-за границы благополучие испарилось.

Григорий Ханин, доктор экономических наук из Новосибирска, в серии статей «Советское экономическое чудо. Миф или реальность?», опубликованной в журнале «Свободная мысль-XXI», пишет о феноменальных успехах советской экономики во второй половине 1950-х. А дальше началось затухание экономического роста, связанное и с невысоким уровнем хозяйственного руководства.

Экономическая статистика сильно пострадала в советские годы. Цифры сознательно искажались. Григорий Ханин посвятил жизнь восстановлению реальной картины советской экономики, поэтому его данные и оценки заслуживают доверия.

«В годы застоя и перестройки, — пишет Ханин, — с именем Косыгина ассоциировался образ исключительно компетентного, даже выдающегося хозяйственника. Так действительно могло казаться на фоне других членов государственного руководства времен Хрущева и Брежнева. Однако на самом деле на высшем в советской экономике посту Косыгин ничем особенным себя не проявил.

Все “успехи” экономической реформы 1965 года являются либо статистической иллюзией (мои подсчеты говорят о падении темпов основных экономических показателей в этот период), либо следствием благоприятного стечения обстоятельств, включая влияние погоды на сельское хозяйство».

В начале XX века продолжительность жизни в России была на пятнадцать лет меньше, чем в Соединенных Штатах. В конце 1950-х, при Хрущеве, продолжительность жизни увеличилась настолько, что разрыв с Соединенными Штатами почти полностью исчез. Однако в 1960-е годы началось снижение продолжительности жизни у мужчин и разрыв вновь стал расти.

Никакой модернизации экономики не происходило. Страна неуклонно отставала от Запада и погружалась в экономическую депрессию...

Очевидно было и разочарование советским опытом в братских социалистических странах, которые обеспечивали своим гражданам более высокий уровень жизни. Советский опыт перестал быть привлекательным и для коммунистических партий. Генеральный секретарь ЦК компартии Италии Энрико Берлингуэр выразился так:

— Импульс Октябрьской революции иссяк.

С коммунистическими идеями дело обстояло как с религией. В христианской стране младенца крестят, не спрашивая его согласия. Так и в Советском Союзе всякий ребенок автоматически становился коммунистом. Догмы приходилось заучивать как Отче наш. Идеология служила прикрытием для политики внутренней и внешней. Когда сейчас кто-то говорит с ностальгией: но тогда была вера! — это свидетельствует о том, как коварна человеческая память. Уже не верили.

Ресурс развитого социализма был исчерпан. Разочарование охватило общество. Неравенство стало заметным, особенно когда начались перебои с поставками продуктов. Не жаловались только крупные чиновники, сотрудники партийного аппарата, потому что закрытые распределители функционировали исправно. Поездки за границу приобретали прежде всего экономический смысл — можно было купить то, чего на территории Советского Союза не существовало.

«К началу восьмидесятых годов или, пожалуй, даже несколько раньше, — пишет Карен Брутенц, — для думающей части политической верхушки настоятельная — более того, безотлагательная — необходимость серьезных реформ стала очевидной. Многие шаги Брежнева и "брежневцев", которые, казалось, делались ими в своих интересах, ради укрепления или защиты своих позиций, в конечном счете обретали эффект бумеранга. Так было с вторжениями в Чехословакию и Афганистан, со сверхвооружением страны, с контролем над идейной и духовной жизнью, с настороженной самоизоляцией от интеллигенции, с враждебным отношением к мелкому собственнику в деревне и городе...»

Более всего перемен желали «капитаны индустрии» — руководители хозяйственного аппарата, директора крупных предприятий. А их не происходило, и, как следствие, стала развиваться теневая экономика, особенно в южных республиках.

Бывший заведующий идеологическим отделом ЦК компартии Азербайджана Расим Агаев и политолог Зардушт Али-заде пишут:

«Именно в те годы образовался основной капитал значительной части “новых азербайджанцев” — в период развития казнокрадства и коррупции. Но в самом сращивании теневого капитала таилось и зрело противоречие глубинного свойства — промышленно-хозяйственная бюрократия тяготилась патронажем партийной бюрократии, необходимостью делиться с ней прибылями... Перестройка была воспринята как шанс на избавление от опеки партийной бюрократии».

Характерно, что даже самые умные и образованные представители советской элиты не могли предложить реального выхода из стагнации. Все идеи вертелись вокруг частичных улучшений. Система казалась совершенно непоколебимой, несокрушимой. Но она была таковой только до того момента, пока оставалась цельной. Стоило изъять из нее один элемент, как всё стало рушиться... Но мы слишком забежали вперед.

Появляется сменщик

Алексей Николаевич уже был не боец. После обеда час дремал у себя в комнате отдыха. Сказывались и возраст, и нездоровье, и неутихающая боль от потери жены.

16 октября 1973 года, сразу после войны на Ближнем Востоке, Косыгин прилетел в Каир.

«Это был уже другой человек, — вспоминал разведчик Вадим Кирпиченко. — За три года он очень изменился. Сдал. Постарел. Стал плохо слышать. Его доклады Брежневу по несовершенному секретному телефону было мучительно наблюдать. Из-за плохой слышимости, технических неполадок разговор напоминал диалог глухонемых...

Поздно вечером Косыгин имел обыкновение минут двадцать гулять по дворцовому парку. Здесь он уже отвлекался от политики, от арабского мира и переключался на более интимные темы. Говорил он и о своем возрасте, о состоянии здоровья, о необходимости не поддаваться наступающим недугам и немощи.

При этом он расправлял плечи, словно показывая, как надо это делать. На второй этаж дворца он тоже пытался подниматься быстрой, молодцеватой походкой по лестнице, минуя лифт:

— В следующем году мне будет семьдесят лет — это уже много...

Однажды совершенно неожиданно Алексей Николаевич заговорил о том, что несколько лет назад потерял жену, что она была очень образованной и доброй женщиной, настоящим другом. И от этих откровений, сделанных, по существу, незнакомому человеку, мне стало как-то тоскливо. Я вдруг почувствовал, что он очень одинок, что ему надо выговориться, что невмоготу хранить в себе свои тяжелые мысли.

Очевидно, предположение о его моральном одиночестве было верным: к тому времени прошло уже семь лет после смерти жены, а говорил он об этом так, будто эта невосполнимая утрата была совсем недавно, чуть ли не на днях».

Министр юстиции Владимир Иванович Теребилов в середине 1970-х отдыхал с Косыгиным в Юрмале. Глава правительства выглядел усталым. Теперь уже попытки поговорить о повседневных делах отклонял. Но с удовольствием вспоминал город своей юности Ленинград. Когда он гулял, впереди метрах в сорока-пятидесяти шли двое охранников, сзади — один, а несколько отстав, следовали еще трое, среди них врач.

«Наблюдая подобные сцены, — вспоминал Теребилов, — невольно задумаешься — только ли это “телохранители” или еще и своеобразный контроль со стороны еще более высокого лица?

Вольно или невольно такая обстановка если и не лишает человека свободы, то, безусловно, ее ограничивает. Причем ограничивает не только физически, но и связывает его в принятии каких-либо решений. Сопоставляя рассуждения Косыгина и некоторые его решения, нетрудно было убедиться, что он далеко не всегда был волен воплощать в жизнь то, что ему казалось правильным и необходимым...

Он был умен, корректен, обладал удивительной памятью и исключительной работоспособностью... Это в активе. В пассиве же — сух, педантичен, иногда излишне жесткий».

Даже министру не просто было получить аудиенцию у Косыгина. Теребилов попросил Алексея Николаевича о встрече, увидев главу правительства на приеме в шведском посольстве по случаю приезда премьер-министра Улофа Пальме. Это было в апреле 1976 года. Косыгин сухо ответил:

— Хорошо, я подумаю.

Через два дня сам позвонил:

— Заходите сегодня в шестнадцать ноль-ноль.

Теребилов просил деньги на создание правового информационного центра.

Косыгин встретил его стоя посредине кабинета:

— Я видел вашу записку и значительную часть ваших просьб должен отклонить. Все просят, просят, а не хотят подумать, где Косыгин возьмет для этого деньги.

«Эту его манеру (тактику) ведения финансовых "переговоров" я знал, — писал Теребилов. — Знал, что не надо бросаться "в бой". Знал, что выгодно всем своим видом показать полное понимание его аргументов, и тогда он смягчится и, возможно, кое-какие просьбы удовлетворит. Так оно и вышло. Он обещал выделить средства на информационный центр».

Алексей Николаевич был от рождения крепким человеком, держал себя в форме. Роковую роль в его судьбе сыграла прогулка на байдарке-одиночке, когда он едва не погиб.

1 августа 1976 года Косыгин сел в байдарку, но во время гребли потерял сознание, перевернулся вместе с лодкой и оказался под водой. Его спасло то, что ноги в байдарке крепятся и он не ушел на дно. Офицер охраны, очень сильный человек, поднял Косыгина из воды вместе с байдаркой.

Его в бессознательном состоянии доставили в военный госпиталь в Красногорске.

— У него произошло кровоизлияние, — рассказывал академик Чазов, — но не в мозг, а в пространство между мозгом и черепной коробкой. Поэтому мы его вытащили.

2 сентября первым заместителем председателя Совета министров утвердили Николая Александровича Тихонова. Ему поручили заменять Косыгина.

«Едва придя в себя, Косыгин позвонил мне, — рассказывал в интервью журналу «Коммерсантъ-власть» управляющий делами Совмина Михаил Смиртюков. — Подготовьте, говорит, записку для политбюро, что исполнять мои обязанности на время болезни будет Тихонов, и пришлите мне на подпись. Потом перезвонил еще раз и сказал, что напишет ее от руки, сам.

Врачи сказали Алексею Николаевичу, что он пробудет в больнице долго. Он понимал, что за его пост начнется борьба, и хотел, чтобы его заменил надежный человек. И ведь он оказался прав. Через пару часов после того, как мы отправили его записку генсеку, мне позвонил еще один земляк Брежнева, член политбюро Кириленко.

— Ну, кто там у вас есть в президиуме Совмина? — спрашивает.

По тону было понятно, что у него на уме: никого толкового нет, и возглавить правительство может только сам Кириленко...»

Кириленко требовал, чтобы все вопросы строительства и промышленности согласовывали с ним.

Но у Косыгина был другой первый заместитель — Кирилл Трофимович Мазуров, к тому же член политбюро. Он и проводил заседания правительства во время отпуска Косыгина. Неожиданно пошли разговоры, что Мазуров болен и его вроде как берегут. В ноябре 1978 года его «по состоянию здоровья и в связи с его просьбой» вывели из состава политбюро и отправили на пенсию, хотя Кирилл Трофимович был почти на десять лет моложе Тихонова.

Почему Брежнев расстался с Мазуровым?

— Мы все получали для служебного пользования закрытую информацию, — рассказывал в перестроечные годы Мазуров в интервью «Советской России», — и в одном из сообщений я как-то прочитал, что дочь Брежнева плохо вела себя во Франции, занималась какими-то спекуляциями. А уже и без того ходило немало разговоров на эту тему. Пришел к Брежневу, пытался по-товарищески убедить, что пора навести ему порядок в семье. Он резко отчитал меня: не лезь не в свое дело... И по другим поводам стычек было немало. Наконец однажды мы сказали друг другу, что не хотим вместе работать. Я написал заявление.

Брежнев иначе трактовал причины своего недовольства Мазуровым, которого называл беспомощным и безруким руководителем. Анатолий Черняев записал его слова:

«Письмо получил от тюменских нефтяников. Жалуются, что нет меховых шапок и варежек, не могут работать на двадцатиградусном морозе. Вспомнил, что, когда еще был секретарем в Молдавии, создал там меховую фабрику. Позвонил в Кишинев: говорят — склады забиты мехами, не знаем, куда девать. Звоню Мазурову, спрашиваю, знает ли он о том, что делается в Тюмени и в Молдавии на эту тему. “Разберусь”, — говорит. Вот вам и весь общесоюзный деятель!»

Технология избавления от ненужных членов политбюро была отработана. Перед очередным пленумом ЦК Брежнев уединился с Мазуровым и попросил его подать заявление об уходе на пенсию. Возможно, всё дело в том, что Кирилл Мазуров не был брежневским человеком в отличие от Тихонова.

Николай Александрович родился в Харькове, учился и работал в Днепропетровске. Окончил техникум путей сообщения, стал помощником машиниста, поступил в Днепропетровский металлургический институт. Десять предвоенных лет работал на Днепропетровском металлургическом и трубопрокатном заводе имени В. И. Ленина, дослужился до должности главного инженера. Потом еще десять лет руководил другими заводами, в 1950 году его забрали в Министерство черной металлургии.

Когда Брежнев пришел к власти, Николай Тихонов был заместителем председателя Госплана. В 1965 году Леонид Ильич сделал его заместителем Косыгина. Тихонов был недоволен своим положением в правительстве и жаловался другому заму Косыгина Владимиру Николаевичу Новикову:

— Мы с тобой в Совмине — простые пешки, не имеем права подписать даже незначительные постановления. Вся власть у председателя и у Дымшица, который распоряжается материальными ресурсами.

Вениамин Эммануилович Дымшиц был заместителем главы правительства, Брежнев его высоко ценил, потому что они вместе после войны восстанавливали «Запорожсталь». Но Николай Александрович напрасно жаловался. Леонид Ильич и его ценил, приглашал на дачу.

«Тихонов, — вспоминал посол и партработник Петр Абрасимов, — милый, интеллигентный человек, который, как мне иногда казалось, чувствовал себя в высших сферах власти нелегко, как говорится, “не в своей тарелке”».

Есть и другие мнения.

Тогдашний главный санитарный врач СССР Петр Николаевич Бургасов вспоминал, как Тихонов собрал у себя руководителей Академии медицинских наук — рассмотреть бюджет. Тихонов помалкивал, неясно было, прибавит ли он что-нибудь к скудному бюджету медиков. Президент академии Владимир Дмитриевич Тимаков, который сильно нервничал, встал, чтобы привести последние аргументы, сказал буквально два слова и рухнул на спинку стула.

Его на руках вынесли в приемную. Врачи установили: мертв. Зашли в кабинет Тихонова, растерянные, с предложением прекратить совещание. Нужно позвонить семье, отправить тело, заняться похоронами...

Тихонов недовольно ответил:

— У меня нет времени откладывать совещание, садитесь, и мы продолжим разговор.

В ноябре 1978 года на пленуме ЦК Тихонова сделали кандидатом в члены политбюро. Стало ясно, что его готовят

Косыгину в сменщики. Как только на пленуме объявили перерыв, Тихонов подошел к телохранителям Брежнева Рябенко и Медведеву, начал подробно расспрашивать, какие льготы ему положены, какой будет охрана, сколько поваров, какие машины...

Ровно через год Тихонова произвели в члены политбюро.

«А ты был на том свете?»

Врачи вытащили Косыгина из беды. Но Алексей Николаевич сильно изменился. Он стал иногда говорить на отвлеченные темы, вероятно, чтобы снять напряжение. Однажды спросил Байбакова:

— Скажи, а ты был на том свете?

Николаю Константиновичу стало жутковато. Он ответил, что не был, да и не хотелось бы там оказаться.

— А я там был, — с грустноватой ноткой отозвался Алексей Николаевич и, глядя перед собой отрешенно, добавил: — Там очень неуютно...

«Утром прилетает Косыгин, — записал в дневнике обитавший в Костроме Игорь Дедков в июне 1978 года. — Улицу Калиновскую какие-то безумцы перекрасили в бледно-желтый цвет, или, прошу прощения, в цвет детского поноса. Выкрасили подряд все заборы и многие дома. Выглядело это ужасно — какая-то замазанная, забрызганная желтым улица, словно это какая-то единая казарма или концлагерь. Тем более что улица эта одноэтажная, деревянная, полудеревенская, скучная, пропыленная. Вчера-позавчера улицу перекрашивали.

Организована же вся раскраска-перекраска города так: распределили улицы, по которым пролегает маршрут Высокого лица, между предприятиями и сказали: красьте. Естественно, всё было сделано, не без глупостей, но сделано. Работали на улицах и солдаты.

Уже сегодня можно было видеть, как проносился по улицам черный “ЗИМ” с занавесками, опережаемый двумя желтыми машинами ГАИ, откуда несся крик:

— На обочину!

Возможно, это помощник премьера обследовал объекты. Всё это похоже на спектакль, и театра вокруг так много, что пора вроде бы и привыкнуть, но и в этом театре хочется видеть более талантливых исполнителей...

Вот ведь герои власти... Все время приходит, не дает покоя годами мысль: почему они так боятся — в своей стране, на своей земле, своего народа? Отчего так быстро носятся по улицам? Зачем огораживают трибуну в дни праздников шеренгой офицеров госбезопасности? Отчего так болезненно нетерпимо воспринимают мысль других? Отчего так оберегают от малейшей критики партийный аппарат, а также руководителей в любых сферах? Чего же они так боятся...

Косыгин был в Костроме 5—6 июня...

Сегодня на исполкоме горсовета отчитывался костромской хлебозавод. Его там за что-то ругали и заодно припомнили, что завод не смог выполнить "спецзаказ" — испечь каравай для Косыгина (как же, хлеб-соль): пятнадцать раз перепекали, но не смогли. Наконец испекли в каком-то ресторане.

Еще любопытная подробность: в Заволжье вдоль московской дороги тянутся газоны. Перед приездом Косыгина на газонах обрывали одуванчики — ходили два мужика с ведрами и обрывали. Говорят, что когда в позапрошлом году приезжал Соломенцев, то сделал замечание насчет сорняков (видимо, на газонах); так что теперь постарались. А одуванчики сейчас желтые, яркие, весна поздняя, всё только-только раззеленелось, расцвело.

В день приезда, когда состоялось торжественное заседание, Косыгин был нагримирован — телевидение показывало заседание на Костромскую область, — видимо, для телевидения и был наложен грим. Но еще до заседания Косыгин ездил в опытно-показательное хозяйство и прошелся по улице.

Грим был заметен, и Косыгин выглядел (цвет лица) лучше всего окружения. Но было в гладкости и розовости что-то физически неприятное. Что-то от благообразия человека, убранного в последний путь».

Позиции главы правительства в руководстве ослабли.

В том же 1978 году с Косыгиным приключилась немыслимая прежде история. Он ездил по Тюменской области и Краснодарскому краю. На обратном пути решил заехать в Свердловск. Сопровождавший его заместитель начальника Девятого управления КГБ генерал Михаил Степанович Докучаев, как положено, согласовал маршрут с Москвой и свердловскими руководителями.

Накануне вылета из Норильска Докучаев еще раз позвонил в свердловское управление КГБ. Первый заместитель начальника управления изумленно переспросил:

— Как? Вы завтра летите в Свердловск? Вы что, ничего не знаете?

— Нет.

— Слушай, — сказал свердловчанин, — я тебе сообщаю, но на наш разговор нигде не ссылайся. Считай, что я тебе этого не говорил. Завтра, в четырнадцать часов в Свердловск прибывает из Москвы Брежнев. Отсюда он полетит дальше, а потом поедет поездом во Владивосток. Что означает их стыковка в Свердловске, ты сам понимаешь. Принимайте решение на свое усмотрение...

Генерал Докучаев был поражен, что Косыгина, члена политбюро и главу государства, даже не поставили в известность о поездке Брежнева. Ясно было, что случайная встреча Леонида Ильича и Алексея Николаевича в Свердловске породит массу ненужных слухов и разговоров. Прежде всего будет недоволен сам Брежнев — появление рядом с ним главы правительства отвлечет внимание от генерального секретаря.

Генерал Докучаев доложил Косыгину. Алексей Николаевич побледнел:

— Почему я ничего об этом не знаю?

Докучаев ответил, что информация точная — получена из Девятого управления КГБ.

— Что вы думаете по этому поводу? — спросил глава правительства.

— Мне кажется, нам необходимо срочно вылетать в Москву и успеть туда до отлета Брежнева. У нас мало времени, но мы успеем.

Косыгин распорядился лететь. Докучаеву позвонил начальник свердловского управления госбезопасности, деликатно поинтересовался планами. Генерал ответил, что Косыгин летит, но не в Свердловск, а в Москву. Свердловский чекист вздохнул с облегчением:

— Мы-то решили, что Косыгин приезжает в Свердловск раньше, чтобы встретить Брежнева и затем вместе следовать дальше во Владивосток. Но странно, что ЦК не дает в обком информации. Теперь у нас свалилась гора с плеч. Сейчас доложу первому секретарю...

Утром Косыгин был в Москве и, как положено, в назначенное время в правительственном аэропорту «Внуково-2» провожал Брежнева.

Напряжение на работе закончилось для Алексея Николаевича обширным инфарктом. В октябре 1979 года Косыгина положили в спецбольницу на Мичуринском проспекте. Десять дней он не приходил в сознание.

Фактически он уже не мог работать. Но не хотел этого признавать и не хотел уходить на пенсию. Ему было обидно. Брежнев был в столь же плохой форме. У Кириленко были тяжелые мозговые нарушения. Почему же он один должен уходить?

Пока он лежал в больнице, убрали из правительства единственного друга Косыгина — Владимира Кириллина. Вместо него заместителем председателя Совета министров и председателем Госкомитета по науке и технике назначили переведенного из Сибири академика Гурия Ивановича Марчука. Когда Косыгин вышел из больницы, он был весьма раздосадован. Своего нового заместителя встретил не слишком благожелательно. Но поделать ничего не мог. Все вопросы решали уже без него.

Брежнев попросил врачей уговорить Косыгина уйти на пенсию. Семья Алексея Николаевича обиделась за это на медиков.

— Но если бы он умер в кабинете, — сказал мне академик Чазов, — я бы себе этого никогда не простил.

Тем временем Брежнев предложил руководителю Украины Владимиру Щербицкому возглавить правительство. Брежнев и Щербицкий вместе ездили в Кишинев. Леонид Ильич был в угнетенном состоянии, думал о том, кто станет председателем Совета министров. И однажды сказал Щербицкому:

— Володя, ты должен заменить Косыгина, больше некому.

Щербицкий отказался. Во всяком случае, так он потом рассказывал.

— Эту разболтанную телегу было уже не вывезти, — объяснил Щербицкий своему помощнику. — Да и в московские игры я не играю.

Вероятно, Щербицкий считал кресло председателя Совмина опасным, со всех сторон открытым для критики: вину за бедственное состояние экономики партийный аппарат ловко переваливал на правительство.

В октябре 1980 года Косыгину пришлось уйти в отставку. Он отправил в политбюро пространное письмо, в котором говорил о необходимости обновления кадров и выдвижения молодежи. Эта была парфянская стрела. Алексей Николаевич напоминал своим соратникам-ровесникам, что и им пора на пенсию. Брежнев, прочитав письмо, приказал Черненко переписать его.

21 октября 1980 года на пленуме ЦК Косыгина вывели из политбюро с традиционной формулировкой — «по состоянию здоровья и в связи с его просьбой».

23 октября на сессии Верховного Совета Леонид Ильич зачитал просьбу Косыгина об отставке, состоявшую теперь только из благодарственных слов Брежневу за оказанное ему высокое доверие.

— Политбюро, — читал Брежнев по бумажке, — рассмотрело вопрос, поставленный товарищем Косыгиным. Учитывая состояние его здоровья, Центральный комитет КПСС выносит на обсуждение Верховного Совета СССР предложение удовлетворить просьбу товарища Косыгина об освобождении от обязанностей председателя Совета министров СССР. Одновременно Центральный комитет КПСС представляет на рассмотрение Верховного Совета СССР предложение о назначении председателем Совета министров СССР члена политбюро ЦК КПСС Николая Александровича Тихонова.

Леонид Ильич даже не счел необходимым поблагодарить за работу соратника, который почти шестнадцать лет руководил правительством.

Тихонов был всего на год моложе Косыгина, ему исполнилось семьдесят пять лет, и он, конечно, не мог работать полноценно. Тем не менее Николай Александрович, страдавший атеросклерозом мозговых сосудов, дожил до девяноста трех лет. Тихонов, отправленный на пенсию Горбачевым, скончался 1 июня 1997 года.

5 ноября с совминовской дачи в Архангельском вывезли личные вещи Косыгина, что он воспринял крайне болезненно — это напомнило недавнему главе правительства, что в советской иерархии он отныне никто, никому не нужный пенсионер. Его лишили ЗИЛа, правительственной связи, Косыгина это обидело, хотя, будучи председателем Совета министров, он сам лишал недавних товарищей по политбюро, отправленных на пенсию, атрибутов высокого положения.

Косыгин был очень болен и прожил еще всего два месяца. Его вновь положили в больницу на Мичуринском проспекте, откуда ему не суждено было выйти. Там он встретил другого бывшего члена политбюро Шелеста, пожаловался:

— Вот видишь, Петр Ефимович, я тоже остался ни с чем. Ну ничего, буду чем-нибудь заниматься. Есть что вспомнить. Буду перебирать архивы.

Но Шелест 18 декабря выписался из больницы и прожил еще много лет, а у Косыгина в тот же день, 18 декабря 1980 года, внезапно остановилось сердце. Усилия бригады реаниматоров не увенчались успехом.

На следующий день Леонид Ильич Брежнев отмечал свой день рождения. Чтобы не портить ему праздник, сообщение о смерти Косыгина отложили.

23 декабря его похоронили на Красной площади.

В последние годы Алексей Николаевич стал вспоминать свое кооперативное прошлое. Из больницы дал указание председателю правления Центросоюза подготовить предложения о развитии потребительской кооперации. При этом председатель Совета министров ссылался на работы Ленина о кооперации. Неужели всерьез полагал, что ленинские статьи полувековой давности могут быть подспорьем в современной экономике?

Знакомым Косыгин с воодушевлением рассказывал об успехах потребительской кооперации в годы нэпа:

— Вы представляете, как были обустроены сибирские тракты? На постоялых дворах чисто и уютно. В придорожных трактирах хорошо, сытно кормили. Человек должен иметь возможность каждый день попить пивка, чайку в недорогом кафе... Мы после нэпа лишились мастеров — портных, сапожников. Где сегодня хороший костюм сшить? Мне-то сошьют в кремлевской мастерской. А другим? Раньше в Москве на каждом шагу сидел сапожник в будке. Мелкий ремонт, почистить обувь за копейки — пожалуйста. Пирожки горячие на каждом углу предлагали...

Похоже, в конце жизни глава советского правительства пришел к неутешительному выводу, что всё им сделанное пошло прахом — раньше было лучше.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ПЕЧАЛЬНЫЙ ФИНАЛ

Первый заместитель МВД СССР генерал-лейтенант внутренней службы Виктор Семенович Папутин покончил с собой 28 декабря 1979 года.

Несколько дней в ЦК, где все уже настроились на отдых, думали, как быть: сообщать или не сообщать о реальных обстоятельствах смерти? И по какому разряду хоронить самоубийцу? А тут еще новогодние праздники... Решили не портить настроение советскому народу. Да и газеты в праздничные дни не выходят. Поэтому некролог опубликовали только через неделю, уже в новом году.

В нем говорилось, что «на всех постах партийной и государственной работы В. С. Папутин проявлял партийную принципиальность и требовательность, которая сочеталась с чутким и внимательным отношением к людям».

Сообщение о внезапной смерти первого заместителя министра внутренних дел, нестарого еще человека — ему было всего пятьдесят три года, — сразу обратило на себя внимание.

О причине смерти ничего не сообщалось. Однако слухи о том, что Папутин совершил самоубийство, мгновенно распространились по Москве. Но что послужило причиной? Он даже не оставил предсмертной записки. Таинственная смерть первого заместителя министра внутренних дел послужила поводом для самых фантастических предположений.

Писатели-детективщики Фридрих Незнанский и Эдуард Тополь, эмигрировавшие в Америку, в начале 1980-х даже написали на эту тему политический боевик «Красная площадь». Книга вышла на английском языке, ее привозили в Москву, здесь она читалась почти как документальное исследование...

Авторы закрутили целую интригу вокруг Папутина. В романе первый заместитель министра внутренних дел, выполняя личное поручение второго секретаря ЦК КПСС и члена политбюро Михаила Андреевича Суслова, создал таинственный отдел внутренней разведки МВД и вел борьбу с Комитетом государственной безопасности. А застрелился Папутин из-за того, что провалилась операция в Афганистане.

В романе события развиваются следующим образом.

Руководство КГБ отказалось оккупировать Афганистан, тогда Суслов поручил это Министерству внутренних дел. А Папутин и рад стараться. Он предложил высадить десант в президентском дворце в Кабуле, взять афганского лидера Хафизуллу Амина живым и заставить его подписать просьбу о вводе в страну советских войск.

Папутин сам возглавил десант. Но упрямый Амин живым не сдался и кто-то из советских десантников прошил афганского лидера автоматной очередью. Задание государственной важности было провалено. За это Суслов, пишут авторы романа, сослал бы Папутина на урановые рудники. Первый замминистра внутренних дел понял, что его ждет, и прямо в самолете, на обратном пути из Афганистана домой, пустил себе пулю в лоб...

Эта романная история, очень далекая от жизни, сильно повлияла на мнение читающей публики, которая и по сей день уверена, что один из руководителей МВД ушел из жизни, запутавшись в хитроумных политических интригах полукриминального характера. Многие люди, не склонные к сочинению детективных романов, связывают его самоубийство с реальными событиями в Кабуле, где в последние дни 1979 года советские спецслужбы убили афганского лидера Хафизуллу Амина и поставили на его место Бабрака Кармаля.

Смена власти стала удобным поводом для введения советских войск в Афганистан, хотя в реальности с официальной просьбой к Москве ввести войска несколько раз обращался покойный президент Амин.

Но одно предположение безусловно соответствует истине.

Первый заместитель министра внутренних дел Виктор Папутин перед смертью действительно летал в Афганистан. И эта поездка в определенном смысле сыграла свою роль в его уходе из жизни.

Тост, произнесенный на коленях

Несколько человек, которые были знакомы с Папутиным по Афганистану, уверенно говорили мне, что причиной его смерти послужили драматические события в этой стране. Но не потому, что Виктор Семенович участвовал в свержении Амина.

Два человека рассказывали мне о Папутине: Валерий Иннокентьевич Харазов, кандидат в члены ЦК, руководитель первой группы партийных советников, приехавших в Афганистан, и генерал Василий Петрович Заплатин, который был советником начальника главного политического управления афганской армии.

Генерал Василий Заплатин приехал в Афганистан в конце мая 1978 года. Валерий Харазов — в первых числах июня, то есть они оба появились там почти сразу после апрельской революции 1978 года, когда к власти пришла Народно-демократическая партия.

В Советском Союзе с некоторым удивлением читали первые заметки о новой власти в соседнем Афганистане. Революция произошла там настолько неожиданно, что в Москве не успели понять, что там случилось.

Сразу после революции Хафизулла Амин, правая рука афганского лидера Тараки, попросил советских товарищей поскорее прислать опытного политработника, который создал бы главное политуправление в армии.

— Нам нужно, — убеждал их Амин, — чтобы наши политорганы работали, как в Советской армии.

Генерал Заплатин находился в этот момент в командировке в Группе советских войск в Германии. Ему вдруг приказали срочно — без объяснения причин — вернуться в Москву. Он прилетел и, не заезжая домой, пришел к начальнику Главного политуправления Алексею Алексеевичу Епишеву.

Беседа была короткой. Епишев сказал:

— Знаешь, что в Афганистане была революция? Как ты смотришь, если тебя направят советником к афганцам в главное политуправление, которого еще нет?

На следующий день Заплатин уже был в Кабуле. Его сразу же представили президенту Тараки и, разумеется, Хафизулле Амину, который по партийной линии курировал Министерство обороны.

Тараки объяснял советскому генералу-политработнику:

— Мы почему такую ставку делаем на армию? Потому что у вас революцию совершил рабочий класс в союзе с крестьянством. А у нас — армия. Мы через армию будем перековывать весь народ. Армия станет кузницей кадров для страны.

Амин, который показался Заплатину человеком дела, заявил:

— Нам нужны политорганы, как у вас. Менять ничего не надо. Всё, как у вас.

Хафизулла Амин не был склонен к витиеватости, столь распространенной на Востоке. Взаимодействовать с ним, по словам Заплатина, было легко.

В том же 1978 году и Виктор Папутин в первый раз приехал в Афганистан устанавливать с новым правительством контакты по линии Министерства внутренних дел. В Кабуле появилось представительство МВД СССР, у его руководителя была собственная система шифровальной связи и право отправлять шифротелеграммы в Москву, минуя советского посла. Такое же право имели военные и представительство КГБ. Остальные должны были идти к послу, чтобы он подписал шифровку.

С помощью Папутина и советского представительства в Афганистане создавались внутренние войска — царандой, который сыграет важную роль в будущей войне. Афганских бойцов обучали советские инструкторы из МВД. Царандой снабжался советским оружием и снаряжением.

Новые афганские лидеры собирались строить в стране социализм по советскому образцу. Но наши советники, первыми прибывшие в Кабул, увидели такую сложную и запутанную картину афганской жизни, о которой советские руководители в Москве имели весьма приблизительное представление.

Правящая партия была расколота на две фракции — «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Лидеры обеих фракций ненавидели друг друга и не могли поделить власть. Эта вражда в значительной степени была порождена личным соперничеством между двумя вождями — Нур Мухаммедом Тараки («Хальк») и Бабраком Кармалем («Парчам»). Тараки желал быть единоличным хозяином страны, а Кармаль не соглашался на роль второго человека. Тем более что вторым фактически становился Хафизулла Амин, которого продвигал Тараки.

Амбициозность Тараки и Бабрака Кармаля не позволяла им наладить элементарное сотрудничество. Кончилось это тем, что Кармаль уехал послом в Чехословакию.

Между советскими представителями в Афганистане не было единства. Партийные и военные советники считали, что надо работать с фракцией «Хальк», которая фактически стоит у власти. Представители КГБ сделали ставку на фракцию «Парчам», которая охотно шла на контакт.

Когда Бабрак Кармаль уехал, начал зреть новый конфликт — между Тараки и Амином.

Тараки не любил и не хотел работать. Тараки славили как живое божество, и ему это нравилось. Он называл Амина «любимым и выдающимся товарищем» и с удовольствием передавал ему все дела. Тараки царствовал. Амин правил и постепенно отстранял Тараки от руководства государством, армией и партией. Многим советским представителям в Кабуле казалось естественным, что власть в стране переходит к Амину, ведь Тараки явно неспособен руководить государством.

Недовольство новым режимом проявилось довольно быстро. Страна сопротивлялась социалистическим преобразованиям. Афганцы не спешили становиться марксистами.

В ответ начались массовые аресты противников новой власти и потенциальных противников. Хватали многих — часто без каких-либо оснований. Арестовывали обычно вечером, допрашивали ночью, а утром расстреливали. Руководил кампанией репрессий Хафизулла Амин. Вскоре сопротивление стало вооруженным. В марте 1979 года вспыхнул антиправительственный мятеж в крупном городе Герате. К мятежникам присоединились части гератского гарнизона, был убит один из наших военных советников.

Тараки растерялся. Более решительный Амин предложил поднять боевые самолеты в воздух и уничтожить город. Главком Военно-воздушных сил позвонил советским офицерам: что делать? Наши советники пришли к Амину и уговорили его отменить приказ.

Именно после восстания в Герате испуганный Тараки упросил Москву принять его. Он долго уговаривал советское руководство ввести войска. Тогда ему отказали.

Видя, что происходит, Амин стал действовать активнее. Он считал, что Тараки не в состоянии удержать власть.

Осенью 1979 года Тараки летал на Кубу. На обратном пути остановился в Москве. С ним беседовал Леонид Ильич Брежнев, плохо отозвался об Амине, говорил, что от этого человека надо избавиться. Тараки согласился. Но как это сделать?

Председатель КГБ Юрий Андропов успокоил Тараки:

— Когда вы прилетите в Кабул, Амина уже не будет...

Но не получилось.

Амина в общей сложности пытались убить пять раз. Успешной оказалась только последняя попытка. Два раза его хотели застрелить и два раза отравить.

14 сентября советский посол Александр Михайлович Пузанов приехал к Тараки и пригласил туда Амина. Тот ехать не хотел. И был прав в своих подозрениях. Но советскому послу отказать все же не мог — поехал. Во дворце Тараки в Амина стреляли, но он остался жив и бежал.

Весь тот вечер и ночь в Кабуле между Тараки и Амином шла маленькая война. Тараки приказал армии уничтожить Амина. Но войска кабульского гарнизона в целом остались на стороне Амина. Наши советники тоже позаботились о том, чтобы войска не покинули казарм. Два вертолета Ми-24 поднялись в воздух, чтобы обстрелять ракетами здание Министерства обороны, где находился Амин, но наши советники сумели их посадить, потому что в здании было полно советских офицеров.

На следующий день Тараки был изолирован. 16 сентября в здании Министерства обороны прошло заседание Революционного совета, а затем пленум ЦК НДПА. Тараки потерял должности председателя Революционного совета и генерального секретаря партии. Оба поста достались Амину. Первым делом он уничтожил своих противников — расстрелял несколько тысяч человек.

Когда Тараки задушили, судьба Амина была решена. Брежнев счел это личным оскорблением: он гарантировал безопасность Тараки, а его убили.

— Что скажут в других странах? — переживал Брежнев. — Разве можно верить Брежневу, если его заверения в поддержке и защите остаются пустыми словами?

Леонид Ильич санкционировал спецоперацию в Кабуле.

В КГБ сразу же придумали версию, что будто Амин — агент ЦРУ. Андропов приказал доставить Бабрака Кармаля, как злейшего врага Амина, в Москву. И началась переброска наших спецподразделений в Афганистан.

В последний раз первый заместитель министра внутренних дел СССР Виктор Папутин прилетел в Кабул 22 ноября 1979 года. Он и не подозревал, что КГБ готовит убийство Амина. О спецоперации не поставили в известность ни военных советников, ни даже посла.

Генерал Вадим Алексеевич Кирпиченко, который в роли заместителя начальника Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ руководил — вместе со старшим представителем комитета генералом Борисом Семеновичем Ивановым — подготовкой операции в Кабуле, вспоминал:

«Ближе к дню “X” Виктор Семенович Папутин что-то почувствовал и, обращаясь к нам с Борисом Семеновичем Ивановым, сказал однажды:

— Ребята, я вижу, вы здесь что-то затеваете... Оставьте меня в Кабуле, я вам пригожусь с нашим отрядом “Кобальт”. Мне в Москву не хочется возвращаться. Там в МВД, на самом верху, творятся плохие дела.

Знал он уже, конечно, что на замену ему министр внутренних дел Щелоков приготовил зятя Брежнева — Чурбанова, и хотел поэтому оттянуть свое унизительное отстранение. Оно вскоре действительно состоялось. Папутин не вынес этой несправедливости и пустил себе пулю в лоб как раз на следующий день после переворота в Кабуле».

Чекисты решили опереться на авторитет первого заместителя министра внутренних дел. Представитель КГБ в Афганистане показал Папутину проект шифротелеграммы в Москву. В ней положение в стране называлось катастрофическим, говорилось, что афганская армия деморализована и не в состоянии противостоять вооруженной оппозиции, а Амин больше ничем не управляет. Эта телеграмма подтверждала необходимость немедленно убрать Амина и ввести советские войска.

Папутина попросили подписать телеграмму, и он, доверяя чекистам, легко поставил свою подпись. Тогда телеграмму уже с двумя подписями принесли новому советскому послу.

Если бы телеграмма ушла в Москву с несколькими подписями, доверие к ней было бы значительно большим, чем к мнению одного ведомства.

Новым послом был Фикрят Ахмеджанович Табеев, бывший первый секретарь Татарского обкома. Он еще не вник в ситуацию в стране, но был достаточно опытен и знал, как опасно подписывать бумаги, в надежности которых не уверен. Главный военный советник генерал-полковник Салтан Кеккезович Магометов тоже был новичком в Афганистане. Он только что сменил генерал-лейтенанта Льва Николаевича Горелова, который прослужил в Кабуле несколько лет и считал полезным сотрудничество с Амином...

Посол Табеев пригласил к себе Заплатина и попросил его высказать свое мнение. Заплатин решительно не согласился с содержанием телеграммы и показал ее главному партийному советнику Веселову. Тот тоже был против. Вдвоем они прямо спросили Папутина: зачем подписал шифровку, ведь сам только что приехал в Афганистан, еще не побывал ни в одном гарнизоне и не можешь знать реального состояния афганской армии? Папутин честно признался, что подписать его попросили чекисты. Но если есть сомнения, он свою подпись снимает.

Эта телеграмма все-таки была отправлена в Москву и сыграла большую роль. Но подпись под ней стояла только одна — представителя КГБ.

Так, может быть, потом, после убийства Амина и ввода советских войск, Папутину припомнили, что он отказался поставить подпись под той телеграммой? Нет, эта история на судьбе Папутина не отразилась...

Авторы книги «Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны» Давид Гай и Владимир Снегирев пишут со слов советского посла Табеева:

«Папутин сильно пил. В Афганистане напивался постоянно. К тому же страдал манией преследования: ему казалось, что во всех помещениях установлена подслушивающая аппаратура, что за ним постоянно следят... Видно, о его запоях кто-то сообщил в Москву. Звонит мне из ЦК Пономарев: “У нас сигнал на Папутина”. — “Проверю”, — осторожно отвечаю я Борису Николаевичу. “Не надо ничего делать. У него командировка заканчивается — пусть выезжает”»...

Папутин о сгустившихся над ним тучах как бы не подозревал. Самое поразительное, что в тот, последний раз Папутин вернулся из Афганистана в хорошем настроении.

Люди, отвечавшие за сотрудничество с Афганистаном, были заинтересованы в том, чтобы это сотрудничество постоянно расширялось. Афганцы умели быть благодарными — дарили подарки, вручали ордена, принимали по-царски. В Кабул ездили с удовольствием — пожить на вилле, отдохнуть; и уезжали не с пустыми руками. Папутину президент Амин подарил пистолет. Этот подарок сыграет роковую роль.

Валерий Харазов рассказывал мне, как Папутин, прилетев в Москву, позвонил ему, поделился впечатлениями, передал привет от общих знакомых:

— Всё, что надо было сделать, сделали. Порядок.

Словом, был вполне доволен поездкой. А когда под Новый год Харазов получил по почте от Папутина поздравление, сам Виктор Семенович был уже мертв. Что же случилось в эти дни, после его возвращения из Афганистана?

Валерий Харазов рассказывал:

— Ходили слухи, что он покончил с собой, потому что знал: его снимут, чтобы освободить место Чурбанову. Но я не верю, что он из-за этого покончил с собой. Я думаю, он покончил с собой из-за Афганистана. Он же принадлежал к тем, кто считал, что надо сотрудничать с Амином. Когда наши убили Амина, это стало для него ударом...

Есть и другие версии.

Те, кто его знал, отмечали, что в Папутине не было высокомерия, он держался вполне по-дружески, не так, как некоторые чиновники его уровня, которые, кажется, Бога за бороду держат. Виктор Семенович любил компании, вокруг него вились разные люди, в том числе не очень достойные.

Писатель Эдуард Хруцкий рассказывал мне, что в день возвращения Папутина из Афганистана он оказался в аэропорту и разговаривал с начальником транспортной милиции. Тот приехал встречать первого заместителя министра.

Только появился Папутин, ему позвонили прямо в машину. Он положил трубку и удивленно произнес:

— Какой-то полковник из КГБ меня желает видеть. Что же, интересно, случилось?

Утверждают, что у КГБ были к Папутину какие-то претензии. Один милицейский генерал, который в те годы был начальником управления в МВД, утверждал, что в служебном сейфе Папутина хранились драгоценности. Когда первый заместитель министра вернулся из Афганистана, то обнаружил, что в его отсутствие сейф вскрывали и драгоценности забрали.

Есть люди, которые считают, что Папутина вовлекли в какие-то сомнительные истории. Соблазнов у высокопоставленного партийного чиновника было хоть отбавляй.

«Я получал как первый секретарь горкома пятьсот рублей, — вспоминал Николай Егорычев. — Оклад давали к отпуску. Потом Брежнев давал еще оклад к Новому году. Денег никогда в доме не было, так что машину купить я не мог. Но меня это не огорчало, и мысли о том, как бы где-то что-нибудь получить, у меня не было. А ведь стоило только пальцем пошевелить. Помню, поехал на радиозавод, где освоили выпуск маленьких транзисторных приемников. Осмотрел производство, мне понравилось, как они работают. Я похвалил директора. Попрощались, иду к машине, вижу, вокруг нее какие-то люди возятся. Спросил шофера:

— Что такое?

— Сувениры для вас в багажник положили.

Я повернулся к директору. Он, улыбаясь, говорит:

— Это образцы нашей продукции, Николай Григорьевич.

Я ему жестко сказал:

— Немедленно всё забирайте назад. И имейте в виду: мое мнение о вас сейчас резко ухудшилось. Если узнаю, что вы кому-то что-то даете, мы вас снимем с работы».

Московские горком и обком располагались в одном здании на Старой площади. Но в областном комитете нравы были другие. Известно было, что в аппарате Московского обкома некоторые высокопоставленные чиновники не отказывались от подношений. Из лучших хозяйств области высшим руководителям регулярно привозили свежие продукты особого качества.

После смерти жены первый секретарь обкома Василий Иванович Конотоп женился на своей секретарше. Говорили, что она спешит взять от жизни всё. Шептались, что и второй секретарь Московского обкома Папутин тоже пользовался своими большими возможностями.

А уж когда он перешел в Министерство внутренних дел, там при министре Щелокове и вовсе творилось нечто невообразимое. Недаром самого Щелокова едва не посадили за коррупцию.

Один крупный в прошлом партийный работник говорил мне откровенно:

— Они в МВД очень избаловались, распределяли между собой барахло, конфискованное у осужденных. Может быть, Папутина на чем-то подловили? Милицейские генералы в те годы скупали за копейки конфискованное имущество осужденных преступников. Я видел у некоторых генералов дома такие собрания картин, которым место в музее. Думаю, были какие-то личные причины, какая-то личная трагедия, которая привела Папутина к самоубийству. Может быть, против него имелись какие-то компрометирующие документы?

Но в ЦК такого рода сигналы не поступали. Это говорил мне один из бывших руководителей отдела административных органов ЦК КПСС.

А в те годы в ЦК точно знали, кто чем занимается — чиновники охотно писали друг на друга доносы. Когда речь шла о священных коровах, таким бумагам хода не давали. Но их и не уничтожали. Хранились все письма, пришедшие в ЦК. Бывало, приходила «телега» на кого-то из номенклатурных работников. Если давалась санкция, сигнал проверялся, если нет — ее отправляли в архив. Любую бумагу можно было быстро найти.

Папутин не был профессиональным милиционером. В Министерство внутренних дел он попал случайно и не был рад этому назначению.

Виктор Семенович Папутин родился в 1926 году в деревне Зиновкино Московской области, работал учеником слесаря, помощником мастера, мастером производственного обучения в ремесленном училище. На фронт не попал. В 1944-м его взяли на комсомольскую работу. На следующий год он вступил в партию. Со временем стал начальником цеха, секретарем парткома завода.

С этой должности его в 1959 году сразу назначили первым секретарем Подольского горкома партии. В годы хрущевских реформ, когда распустили сельские райкомы, Папутина утвердили секретарем парткома Ленинского производственного совхозно-колхозного управления. После того как Хрущева отправили в отставку, Папутин вернулся на прежний пост первого секретаря Подольского горкома.

В 1967 году его повысили: перевели в Московский обком КПСС и сразу сделали вторым секретарем. Избрали депутатом Верховного Совета СССР, хотя по табели о рангах ему полагался депутатский значок республиканского парламента. На XXIV съезде КПСС избрали кандидатом в члены ЦК — это было тоже признаком особого доверия и предвещало большую карьеру. Вероятно, именно это и насторожило его непосредственного начальника — первого секретаря обкома Василия Ивановича Конотопа. Он был старше Папутина на десять лет, опытнее, хитрее, знал, как опасно держать под боком молодого и растущего партийного работника.

Конотоп окончил Харьковский механико-машиностроительный институт, после войны жил и работал в Подмосковье. Там стал секретарем парткома и парторгом ЦК на паровозостроительном заводе. Отсюда его взяли на профессиональную партийную работу — первым секретарем Коломенского райкома. При Хрущеве он руководил Московским облисполкомом. В 1963 году стал первым секретарем Московского обкома КПСС. Назначил его Хрущев, но Конотоп вовремя переориентировался на Брежнева, сумел потрафить новому хозяину, оттого и сохранил за собой должность.

Василий Конотоп был жесткий, властный, авторитарный человек, не терпел возражений и споров. Он ревниво относился к толковым работникам и постепенно выживал из аппарата людей, которые могли составить ему конкуренцию.

Конотоп расстался с секретарем обкома по сельскому хозяйству Евгением Ивановичем Сизенко, которого собирались послать советником в какое-то третьеразрядное посольство, а потом все-таки сделали первым секретарем в Брянске.

Конотоп избавился и от другого секретаря по сельскому хозяйству — Валентина Карповича Месяца. Его назначили первым заместителем министра сельского хозяйства РСФСР, что было явным понижением. И Сизенко, и Месяц все-таки сделали карьеру. Сизенко стал союзным министром мясо-молочной промышленности, Месяц возглавил союзное Министерство сельского хозяйства, а в 1985 году, когда к власти пришел Горбачев, сменил Конотопа на посту первого секретаря Московского обкома.

Конотоп довел нескольких человек до сердечных приступов, ставших причиной их смерти.

При этом Василий Иванович требовал к себе почтения и уважения. Один из руководителей московского управления КГБ рассказывал мне, как после приема в Кремле несколько областных начальников поехали к их коллеге домой — добавлять: мало показалось. Крепко выпили, и все один за другим стали произносить здравицы в честь Конотопа, который с удовольствием это слушал. Один из секретарей обкома произносил свой тост, стоя на коленях перед Конотопом.

В другой раз областное начальство съехалось поздравить первого секретаря с юбилеем. Славили, пили, закусывали. Ближе к ночи все смотрят — уже поздно, надо расходиться. Стали подниматься, тут Конотоп как закричит:

— Куда пошли?! А ну, назад! Сидеть и пить! Я скажу, когда можно будет расходиться.

И никто не решился уйти.

Любовь к бриллиантам и красивым мужчинам

На чем Конотоп держался? На умении услужить начальству, быть полезным. Всё, что предлагал сначала Хрущев, потом Брежнев, он исполнял беспрекословно. Никита Сергеевич вынужден был даже сдерживать излишнее рвение Конотопа.

Тех, кто имел свое мнение и высказывал его на бюро, Конотоп постепенно выживал. Действовал аккуратно, методично, так, что не придерешься. Так он выжил и Виктора Папутина. Дождался удобного повода расстаться и воспользовался им.

Органы внутренних дел время от времени укрепляли партийными кадрами, и в какой-то момент Конотоп посоветовал цековским кадровикам усилить руководство МВД перспективным секретарем обкома.

В 1974 году Папутина из обкома перевели в Министерство внутренних дел СССР первым заместителем министра. Это не было понижением, а в зарплате он даже выиграл. В обкоме Виктор Семенович получал четыреста пятьдесят рублей, оклад давали к отпуску, сто рублей платили как депутату Верховного Совета. А в министерстве, когда ему присвоили генеральское звание и стали платить и за звание, и за выслугу лет, получилось вдвое больше.

— Денег платили столько, — говорил мне полушутя другой заместитель министра внутренних дел СССР, — что их тратить было не на что.

Но фактически перевод в МВД ставил крест на карьере Папутина. Он был кандидатом в члены ЦК, депутатом Верховного Совета. Первому замминистра этого ничего не полагалось. С поста второго секретаря Московского обкома Папутина могли послать в другую область уже первым секретарем. С должности первого заместителя министра внутренних дел особенно повышать было некуда.

А в самом МВД перескочить с поста первого зама в кресло министра было практически невозможно. Во-первых, министром был Николай Анисимович Щелоков, личный друг генерального секретаря, и уходить на пенсию он не собирался; во-вторых, стремительную карьеру в министерстве делал зять Брежнева Юрий Михайлович Чурбанов. Все понимали, что ему, наверное, и быть следующим министром.

Когда Юрий Михайлович Чурбанов 17 апреля 1971 года женился на Галине Леонидовне Брежневой, он был всего лишь подполковником и заместителем начальника политотдела мест заключения МВД СССР.

Чурбанов родился в 1936 году, сын номенклатурного работника средней руки. Юрий Чурбанов быстро попал в Ленинский райком комсомола, оттуда перешел в горком. В 1961 году активного комсомольца мобилизовали в органы правопорядка. Он служил инструктором по комсомолу в политотделе Главного управления мест заключения МВД РСФСР (союзное Министерство внутренних дел Хрущев упразднил, восстановил его Брежнев), потом помощником по комсомолу начальника политотдела управления мест заключения по Московской области.

Оттуда Чурбанова взяли инструктором в отдел пропаганды и агитации ЦК комсомола. После повышения стал заведовать сектором по работе с подростками. Но дальше в ЦК он не продвинулся и вновь оказался на незавидном месте — в политотделе мест заключения теперь уже союзного МВД. Курировал в том числе и ту зону, где впоследствии сам отбывал наказание...

После свадьбы Чурбанова сразу произвели в полковники и нашли ему место поприличнее — назначили заместителем начальника политуправления внутренних войск МВД. Вскоре начальник управления понял, что придется освободить кресло для восходящей звезды.

Через три года после свадьбы Чурбанов стал начальником политуправления, получил генеральские погоны и орден Красной Звезды. Еще через год он стал заместителем министра внутренних дел и генерал-лейтенантом. Довольный Брежнев позвонил зятю в машину:

— Я только что подписал решение политбюро о твоем назначении...

Вслед за высокой должностью последовало и еще более высокое партийное звание.

Карен Брутенц, работая в Завидове над очередной речью генерального секретаря, случайно оказался свидетелем разговора Брежнева с секретарем ЦК по кадрам Иваном Капитоновым. Льстивый, но осторожный Иван Васильевич спрашивал, можно ли выдвигать в состав Центрального комитета членов семьи генерального.

Леонид Ильич, несколько обиженный, ответил вопросом на вопрос:

— А что, разве члены моей семьи — лишенцы?

На ближайшем съезде Чурбанова избрали членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, а на XXVI съезде — кандидатом в члены ЦК. Затем в состав высшего партийного руководства избрали и сына Брежнева — Юрия Леонидовича, первого заместителя министра внешней торговли.

Щелоков охотно играл по этим правилам. Он помог Юрию Чурбанову, брежневскому зятю, сделать карьеру и рассчитывал на ответное благоприятствование со стороны Леонида Ильича.

Так же поступил министр внешней торговли Николай Семенович Патоличев, который сделал Юрия Леонидовича Брежнева своим первым замом и получил две звезды Героя Социалистического Труда.

Патоличев был опытнейшим человеком, познавшим всю механику работы аппарата.

Объединение «Международная книга», входившее в Министерство внешней торговли, занималось продажей советской литературы за рубежом. Борис Иванович Стукалин, председатель Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, резонно ставил вопрос о передаче «Межкниги» в его ведомство.

Он долго беседовал с Патоличевым, приводя всё новые и новые аргументы в поддержку своей позиции. Когда Патоличеву возразить уже было нечего, он признался:

— Ты, наверное, прав. Но вот что я тебе скажу — министерство, у которого что-то отбирают, идет не в гору, а под гору. Поэтому я тебе «Межкнигу» не отдам!

Так что Николай Семенович Патоличев, презрев все условности, активно способствовал карьере младшего Брежнева.

Юрий Леонидович, окончив Академию внешней торговли, обходил министерство, подыскивая себе место по вкусу. Владимир Сушков, председатель всесоюзного объединения «Технопромимпорт», вспоминал:

«Ко мне в кабинет зашел молодой человек, очень похожий на Леонида Ильича Брежнева. Сходство было поразительным, только посетитель был пониже ростом и с более мелкими чертами лица. Этого человека звали Юрий Леонидович Брежнев.

Я рассказал ему, чем мы занимаемся, и постарался отговорить от работы в нашей организации. Его отец в то время был председателем президиума Верховного Совета СССР, а сынки таких людей обычно капризны, избалованы и небезопасны.

Через две недели он появился снова и сказал, что ему нравится именно мое объединение. Я назначил его старшим инженером в контору электронного оборудования. Это была рядовая должность. Но, к счастью, мои страхи оказались напрасными. Юра прекрасно трудился, вел себя скромно, сработался с коллективом...

Время шло, и я все больше и больше проникался к Брежневу-младшему доверием. Никакого зазнайства. Он всегда оставался отзывчивым и добрым человеком, чем походил на своего отца».

Когда старший Брежнев стал первым секретарем ЦК КПСС, Юрий Леонидович отправился в Швецию заместителем торгпреда, потом торгпредом. После возвращения быстро продвинулся по служебной лестнице и занял должность первого заместителя министра.

«Юрий Леонидович сильно изменился, — рассказывал Сушков. — Он был отзывчивым, и этим многие пользовались. Его все приглашали в гости, все были “друзьями”. Всегда старались, чтобы он побольше выпил. Юра после выпивки обычно становился совсем добрым, и тогда возникали просьбы.

Я считаю, что именно эти “друзья” способствовали тому, что Юра стал много выпивать. Он взял помощником красивую женщину, ездил вместе с ней за границу. Стал посещать ночные заведения, часто бывал пьян. Мы как-то встретились в торгпредстве в Токио. Уже днем Юра был навеселе. Я искренне жалел, что обстоятельства портили хорошего, честного, доброго человека».

Говорят, что Юрий Леонидович рассчитывал на повышение и присмотрел себе пост министра морского флота. Это было смежное с Внешторгом ведомство, которое ведало всеми морскими перевозками. Но стать членом правительства он не успел.

О сыне Леонида Ильича страна узнала, когда по телевидению показали, как Брежнев-старший вручает Брежневу-младшему орден. Генеральный секретарь растрогался, ему было приятно, что сын у него такой молодец, а страна дивилась беззастенчивости брежневского семейства.

Развращающая атмосфера брежневского двора быстро распространялась в обществе.

У Брежневых было двое детей — Галина и Юрий, потом появились внуки — у Галины дочь Виктория, у Юрия сыновья Леонид и Андрей. Кроме того, были еще многочисленные родственники и у Леонида Ильича, и у Виктории Петровны, о которых чета Брежневых заботилась.

Скажем, чтобы порадовать брежневского свояка Константина Никитовича Беляка и сделать его министром, осенью 1973 года образовали новое Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства.

Сестра Брежнева, Вера Ильинична, милая и красивая женщина, так и осталась работать в Днепродзержинске лаборантом на кафедре химии в местном институте. Брат Леонида Ильича, Яков Брежнев, продолжая семейную традицию, работал начальником прокатного цеха на металлургическом заводе в Днепродзержинске. Потом старший брат перевел его в Москву.

Тогдашний второй секретарь ЦК компартии Грузии Петр Родионов вспоминал, как ему по ВЧ позвонил брат генерального и представился по всей форме:

— С вами говорит Яков Ильич Брежнев.

Он просил за арестованного — в Грузии шла кампания по борьбе с коррупцией.

Петр Родионов ответил так, как полагалось в подобных случаях:

— Извините, но я не имею никакого права вмешиваться и давить на следственные органы.

Брат Брежнева настаивал:

— Вы всё можете, в ваших руках большая власть.

Яков Ильич мало походил на красивого статного брата, он был маленького роста, рыжеватый, выпивал и питал особое пристрастие к слабому полу. Злоупотребление горячительными напитками закончилось тем, что его положили в больницу для психических больных. Его дочь, Любовь Яковлевна Брежнева, написавшая книгу «Племянница генсека», живет в Америке.

Самой заметной в силу характера и темперамента оказалась Галина Леонидовна Брежнева. В юности и молодости была очень красивой и яркой женщиной, в отца. Ей хотелось красивой жизни, полной приключений.

Помощник генерального секретаря Виктор Голиков рассказывал Валерию Болдину:

«У Леонида Ильича дочь в двадцать один год (он только приехал в Молдавию) ушла из дома, вышла замуж за престарелого циркача, бросила второй курс Кишиневского университета. Она жила самостоятельно, всю жизнь себе сломала.

двое детей — Галина и Юри
ндрей. У Галины дочь Виктория, у Юрия
ники. Кроме того, были еще многочис
торых и у Леонида Ильича, и у Виктории
чтобы чета Брежневых заботилась.
чтобы порадовать брежневского свояка
икитовича Беляка и сделать его министром
ла образовали новое Министерство машино
тноводства и кормопроизводства.
режнева, Вера Ильинична, милая и кра
х и осталась работать в Днепродзержинске
федре химии в местном институте. Брат Лео
ков Брежнев, продолжая семейную тради
ником прокатного цеха на металлургическ
одзержинске. Потом старший брат перевел

торой секретарь ЦК компартии Грузии Пе
минал, как ему по ВЧ позвонил брат ген
ставился по всей форме:
орит Яков Ильич Брежнев.
арестованного — в Грузии шла кампания п
ией.
в ответил так, как полагалось в подобн

о я не имею никакого права вмешиватьс
енные органы.
астаивал:
, в ваших руках большая власть.
о походил на красивого статного брата,
оста, рыжеватый, выпивал и питал осо-
лабому полу. Злоупотребление горячи-
закончилось тем, что его положили в
ских больных. Его дочь, Любовь Яков-
савшая книгу «Племянница генсека»,

илу характера и темперамента оказа-
а Брежнева. В юности и молодости
яркой женщиной, в отца. Ей хоте-
олной приключений.
ого секретаря Виктор Голиков рас-
ну:
очь в двадцать один год (он только
а из дома, вышла замуж за преста-
торой курс Кишиневского универ-
о, всю жизнь себе сломала.

Леониду Ильичу травму нанесла на все оставшиеся годы. Галина всегда вела себя — не приведи господи. А сын? Вроде и мужик не злобный, но с рюмкой сдружился. Ну, какой он замминистра?»

Первым мужем Галины Брежневой стал гимнаст, акробат и клоун Евгений Милаев, который произвел на юную студентку неизгладимое впечатление своей силой и ловкостью. Они прожили вместе восемь лет, у них родилась дочь Виктория (названная в честь бабушки). Расстались они без скандала. Со временем Милаев стал народным артистом СССР и директором Московского цирка на проспекте Вернадского.

Евгений Милаев был спокойным и разумным человеком. А Галине Леонидовне хотелось постоянного праздника. Юный иллюзионист Игорь Эмильевич Кио поразил ее воображение своим фантастическим искусством. Ему было всего восемнадцать лет, ей тридцать два, и Брежневым этот роман не понравился. Игоря Кио пытались забрать в армию, но врачи военного госпиталя в Подольске подтвердили, что к военной службе потомственный иллюзионист не пригоден.

Галина и Игорь уехали на юг, где зарегистрировали свои отношения, но их брак продолжался всего девять дней. Брежнев обратился за помощью к председателю КГБ Семичастному, и Игорю Кио объяснили, что ему следует исчезнуть из жизни дочери Леонида Ильича. Паспорт у Кио забрали и вернули без штампа о браке с Галиной Леонидовной.

— Я была молодой и влюбчивой, — с грустью говорила Галина Брежнева. — Кио струсил. Достаточно было одного окрика, и он испугался. А я ведь его больше всех любила.

Вырвавшись из-под твердой руки Евгения Милаева, она стала злоупотреблять спиртным. Галину Леонидовну устроили на работу в Министерство иностранных дел.

«Для Галины Брежневой, — вспоминала Галина Ерофеева, — был создан дотоле не существовавший пост заместителя заведующего небольшого издательского отдела Историко-дипломатического управления. Отдел выпускал сборники дипломатических документов (ноты, сообщения о переговорах, встречах и тому подобное) в основном по материалам советской печати: работа с ножницами и клеем.

Но “руководить” сей “ответственной” работой вскоре наскучило любительнице веселых приключений. Она всё чаще и чаще приносила бюллетени о своем нездоровье. Начальник управления решил облегчить ее положение, сказав, что ей не стоит утруждать себя оформлением бюллетеней. Достаточно позвонить в свой отдел и предупредить о том, что ей нездоровится...

Ее “ответственная работа” была вскоре достойно оценена и отмечена: прослужив немногим более года, она к своему пятидесятилетию получила орден Трудового Красного Знамени.

Она организовала в управлении коктейль, на который явилась обильно увешанная бриллиантами. Выпив пару-другую рюмок и захмелев, объяснила присутствующим, что собирается жить на эти бриллианты после смерти отца».

Ее любовь к драгоценностям и экстравагантное поведение порождали самые невероятные слухи. Любовные похождения Галины Леонидовны и близкие отношения с некоторыми сомнительными личностями активно обсуждались в ту пору в московском обществе. Она действительно была знакома с некоторыми людьми, попавшими в поле зрения правоохранительных органов. Например, дружила с дочерью Анатолия Андреевича Колеватова, члена коллегии Министерства культуры и генерального директора Всесоюзного объединения «Союзгосцирк». Колеватов в феврале 1982 года был арестован.

1 марта 1982 года первый секретарь Московского горкома Виктор Гришин отправил в ЦК записку:

«Расследованием установлено, что Колеватов в течение длительного времени злоупотреблял служебным положением, систематически получал от артистов и служащих Союзгосцирка взятки в виде драгоценностей, носильных вещей, радио- и телевизионной аппаратуры, в том числе иностранного производства, а также иных предметов за оказание содействия в выезде за границу, утверждение номеров для выступлений, представление к присвоению почетных званий...

При обыске на квартире Колеватова изъяты ценности, по предварительным данным, на сумму около двух миллионов рублей».

Галина Леонидовна любила не только бриллианты, но и красивых мужчин. Они менялись в ее жизни, пока не появился Юрий Чурбанов, связавший с ней свою судьбу.

Говорили, что министр внутренних дел Щелоков тяготился присутствием Чурбанова, потому что тот не был профессионалом и бездельничал. Люди знающие утверждают, что Чурбанов реально работал, особенно когда был заместителем министра по кадрам. С помощью Чурбанова министерству удалось провести через ЦК важные решения, например, о повышении окладов. В милиции за звание платили в два раза меньше, чем в армии, и в четыре раза меньше, чем в КГБ. Щелоков сумел уравнять милицейских офицеров с армейскими.

Офицеры внутренних войск тоже вспоминают Юрия Михайловича добром — он добился не только увеличения денежного содержания, но и решения правительства о введении новой формы: внутренние войска избавились от синих форменных фуражек, которые вызывали раздражение.

Сам Юрий Михайлович очень заботился о своем внешнем виде: постоянно наведывался в парикмахерскую, держал в кабинете лишнюю пару хорошо выглаженных форменных брюк. Это уже потом стали говорить, что Чурбанов сильно изменился, что у него появились гонор и высокомерие.

Валерий Харазов, которого я уже цитировал, был в те годы вторым секретарем ЦК в Литве. Он рассказывал, как в Вильнюс приезжал Чурбанов, заместитель союзного министра внутренних дел по кадрам.

Республиканский министр доложил Харазову:

— Возим Юрия Михайловича с сопровождением, одна машина ГАИ впереди, одна сзади.

На следующий день Чурбанову должны были показать колонию. Харазов повез туда московского гостя на своей машине и, разумеется, без милицейского сопровождения. На дороге возникла небольшая пробка, машина остановилась. Избалованный Чурбанов раздраженно произнес:

— Ну что у вас за министр? Не мог дать машину ГАИ в сопровождение.

Харазов повернулся к нему и спокойно сказал:

— Юрий Михайлович, вы же со мной едете. А я никогда не езжу с сопровождением.

Чурбанов замолчал: с партийным руководителем республики он пререкаться не мог. Зато едва добрались до места назначения, он, не успев ничего увидеть, сорвал злость на начальнике колонии:

— Да что у вас тут происходит? Бардак! Распустились! Я вас одним росчерком пера сниму с должности!..

И в ЦК, и в МВД знали, что Чурбанов увлекался выпивкой, охотой, женщинами. В 1982 году Чурбанова послали во главе делегации в Йемен, он беспробудно пил всё путешествие. В результате его даже не принял президент страны...

Чурбанов принимал подарки, впрочем, часто не вникая в то, что ему дают. Человек, летавший с ним в командировку в Азербайджан, рассказывал мне, что Гейдар Алиев, который был тогда первым секретарем ЦК, превратил поездку в сплошной праздник. Всё время пили. А когда полетели назад, то самолет был забит сувенирами и подарками. Чурбанов и сам не знал, что ему преподнесли. Но, правда, от подарков не отказывался, хотя в реальности, по словам знавших его людей, первого замминистра интересовали три вещи — хорошее ружье для охоты, бутылки и женщины.

Брежнев так заботился о карьере зятя, что и в ЦК, и в министерстве всем было ясно, что должность заместителя министра для Юрия Михайловича — это всего лишь ступенька. Для начала ему надо занять кресло первого зама. Мешал Виктор Папутин. Когда он застрелился, кресло освободилось.

Сам Чурбанов о своем предшественнике пишет в книге «Я расскажу все, как было» на редкость неуважительно:

«Папутин был случайным человеком в органах внутренних дел. Он долгие годы работал первым секретарем Подольского горкома КПСС (это довольно большая партийная организация), потом был вторым секретарем Московского обкома партии, являлся депутатом Верховного Совета СССР.

Щелоков как-то рассказывал мне, что назначение Папутина на должность первого заместителя было для него, то есть для Щелокова, полнейшей неожиданностью. И я узнал об этом назначении тоже совершенно случайно.

Вместе с Леонидом Ильичом мы с Галей находились на отдыхе в Крыму, как вдруг на даче в рабочем кабинете Леонида Ильича зазвонил телефон ВЧ. Звонил Иван Васильевич Капитонов, секретарь ЦК КПСС, занимавшийся вопросами организационно-партийной и кадровой работы. Из обрывков разговора я понял, что речь идет о каком-то новом лице. Помню, Леонид Ильич спросил:

— А этот вопрос уже со всеми согласован?

Судя по всему, Капитонов ответил:

— Да.

— Ну что ж, — сказал Леонид Ильич, — раз согласован, то назначайте.

Вот так, без Леонида Ильича, когда он находился далеко от Москвы, был назначен Папутин. Кому это оказалось выгодно, какие “пружины” сработали — я не знаю. Наверняка Щелокову сказали, что этот вопрос согласован с Леонидом Ильичом, Леониду Ильичу — что со Щелоковым; кто же на самом деле стоял за этой аппаратной “игрой”, сказать не берусь. Но не Андропов. Мне это ясно.

Очень скоро выяснилось, что в данном случае совершена большая кадровая ошибка, что Папутин попал в МВД буквально “как кур в ощип”, и хотя были поручены ему второстепенные службы (он ведал вопросами материально-технического снабжения), работа Папутина все равно оставляла желать лучшего.

Зимой 1979 года произошли трагические события. Виктор Семенович Папутин неожиданно покончил с собой. Помню, я был дома, когда раздался звонок от дежурного по министерству, сообщившего, что Папутин застрелился у себя на квартире. Туда выехал министр, сотрудники Прокуратуры СССР, которые сразу же провели предварительное расследование.

Смерть была зафиксирована в его рабочем кабинете, он почему-то находился в верхней зимней одежде, но без головного убора, пуля прошла навылет, но самое главное — Папутин был в состоянии сильного алкогольного опьянения. Думаю, что причиной этого самоубийства стали Афганистан, его частые выпивки, прогрессирующая болезнь печени; возможно, были и какие-то житейские неудачи...

Похоронили Папутина на Новодевичьем кладбище, ему были отданы все воинские почести, но на митинге выступал, по-моему, только Щелоков, даже из обкома партии никто не приехал.

Думаю, все "ориентировались" именно на некролог. Он был как сигнал. Те, кто хоронил Папутина, прекрасно знали, что он крепко пил, что из Афганистана его привезли в плохом состоянии, что потом он довольно долго находился в больнице с подозрением чуть ли не на болезнь Боткина, причем тогда ходили всякие разговоры, что в алкоголь ему добавляли какой-то яд или очень сильный наркотик, ибо руководство Афганистана уже тогда за спиной Советского Союза всё больше сближалось с американцами...»

Вечером Брежнев позвал к себе в рабочий кабинет зятя. Сидел за столом без пиджака, в одной рубашке. Спросил:

— Что все-таки произошло с Папутиным?

Чурбанов рассказал.

Брежнев спросил:

— Папутин сильно пил?

— Работники аппарата об этом хорошо знали.

— Что, и в Кабуле он тоже пил?

Брежнев связался с заведующим отделом административных органов Савинкиным.

— Николай Иванович, от чего скончался Папутин?

— Инфаркт, Леонид Ильич.

Услышав этот ответ, Леонид Ильич, по словам Чурбанова, выдал Савинкину на полную катушку. Савинкин, считает Чурбанов, просто не решился сказать правду: кто бы ни рекомендовал Папутина в МВД, отвечал за назначение руководитель отдела, который курировал силовые ведомства.

Брежнев спросил:

— Кого отдел адморганов рекомендует на эту должность?

Савинкин доложил:

— Мы подбираем туда одного из секретарей обкомов.

Леонид Ильич улыбнулся:

— Николай Иванович, а не много ли у вас в МВД секретарей обкомов?

— Леонид Ильич, вот увидите, мы подберем хорошего.

— Ну-ну, смотрите. — И вдруг Брежнев спросил: — Вот у нас есть начальник политуправления Чурбанов, как он работает?

— Леонид Ильич, он уже не начальник управления, он сейчас заместитель министра по кадрам.

— А, черт, — говорит Брежнев, — из головы вылетело. Ну и как он работает?

— Вы знаете, Леонид Ильич, хорошо, люди к нему идут.

И вдруг Брежнев говорит:

— А ты знаешь, Николай Иванович, я бы не возражал, если бы отдел адморганов выступил с предложением о назначении Чурбанова первым заместителем.

Судя по паузе, вспоминает Чурбанов, Николай Савинкин просто опешил. Заведущий отделом не подозревал, что Чурбанов сидит в кабинете Брежнева и слышит весь разговор.

Савинкин вроде бы пытался возражать:

— Леонид Ильич, он еще так молод... Ему рано... Еще нет навыков... опыта.

— В общем, вы посмотрите, — завершил разговор Леонид Ильич, — я возражать не буду.

Через несколько дней министр Щелоков поздравил Чурбанова с назначением. Юрий Михайлович занял кресло Папутина через месяц после его самоубийства.

Так что же случилось с Виктором Семеновичем в предновогодние дни 1979 года? О том, что произошло в Афганистане, он уже знал, но эта страна едва ли занимала в его жизни такое место, чтобы стреляться из-за переворота в Кабуле.

Близкие друзья Папутина решительно отметают версию о его причастности к коррупции. Один из тогдашних руководителей отдела административных органов ЦК КПСС, которому по должности полагалось знать всё, что происходило в подведомственных министерствах, уверенно говорил мне, что драгоценностей в сейфе Папутина не было и дела против него не заводили.

Друзья Виктора Семеновича рассказывают, что в последние недели он очень сильно пил, часто приходил к приятелям навеселе, просил еще налить. Пил всё, что оказывалось под рукой. Почему-то был совсем без денег.

У него трудно складывались отношения с женой. Она его ругала за пьянки — в общем, справедливо, но, видимо, не очень понимала, что с ним происходит. У Виктора Семеновича было нечто вроде депрессии. Он чувствовал, что может лишиться должности, и тяжело переживал. Искал утешения в горячительных напитках, но это сильнодействующее лекарство, как известно, в таких случаях не только не помогает, но, напротив, ухудшает состояние. Виктор Семенович, судя по всему, нуждался в серьезной медицинской помощи, но это тогда никому не приходило в голову.

Папутин несколько дней работал с иностранной делегацией — высокопоставленными гостями министерства. Такие поездки превращались в сплошную пьянку. По рассказам близких ему людей, трагедия произошла таким образом.

В субботу, когда он вернулся домой, у них с женой произошел скандал. Он потребовал от жены:

— Налей сто пятьдесят коньяку.

Он была на кухне и стала его ругать:

— Алкоголик! Ничего тебе не налью! Надо на дачу ехать.

Он повторил:

— Налей сто пятьдесят, тогда завтра едем на дачу.

Она не налила.

Он прошел в комнату, выпил стакан и выстрелил себе в голову из пистолета, подаренного ему президентом Афганистана Хафизуллой Амином.

К этому времени сам Амин был уже мертв. Сотрудники советской спецгруппы отрезали Амину голову, завернули ее в пластиковый пакет и доставили в Москву — как самое надежное доказательство успешно выполненной операции...

Из подаренного Амином пистолета застрелился и друг Чурбанова — Альберт Иванов, который заведовал сектором милиции в отделе административных органов ЦК. С заведующим отделом Савинкиным Чурбанов не ладил и все дела решал со своим приятелем Ивановым.

Тот, как рассказывали мне его коллеги, застрелился тоже после скандала с женой. Они поссорились, и Иванов уехал на дачу. Жена осталась в городской квартире. Отношения выясняли по телефону. Он требовал: приезжай ко мне. Она отказывалась. Это было в субботу. В воскресенье она стала звонить мужу на дачу. Он не отвечал. Встревоженная, она попросила машину в гараже МВД, приехала — он лежит мертвый. Он разнес себе голову из пистолета, подаренного ему все тем же Амином.

Альберт Иванов тоже выпивал, да еще подозревал, что у него рак. А при вскрытии выяснилось, что рака у него нет. Мог бы жить и жить... В служебном сейфе Альберта Иванова после его самоубийства нашли проект решения ЦК КПСС о назначении его друга Чурбанова министром внутренних дел СССР вместо Щелокова. В МВД давно ходили слухи, что зять вот-вот возглавит ведомство. В министерстве возникло своего рода двоевластие, наиболее ушлые генералы переориентировались уже на Чурбанова. Но этого не произошло. После смерти тестя звезда Юрия Михайловича быстро закатилась.

Таблетки больше не помогают

Брежнев с первых лет работы генеральным секретарем демонстрировал огромную занятость и жаловался на переутомление, укоризненно говорил соратникам и помощникам:

— Приходится буквально все вопросы решать самому.

В реальности он не был привычен к большому объему работы и большим нагрузкам, да и не любил трудиться — в отличие, скажем, от Косыгина и Устинова, для которых работа составляла главное содержание жизни. А когда он устранил всех соперников, утвердился, ему и вовсе расхотелось трудиться. Зачем? Исчезла цель. Ему хотелось только получать удовольствие от жизни.

Менее чем через два года после прихода Брежнева к власти, 28 июля 1966 года, политбюро приняло закрытое решение о порядке работы членов высшего партийного руководства. Леонид Ильич был еще в превосходной форме, но режим установил щадящий. Рабочий день с девяти утра до пяти вечера с обязательным перерывом на обед. Отпуск — два с половиной месяца.

Летом 1967 года Брежнев на политбюро напомнил:

— Пользуясь случаем, хочу сказать, что некоторые товарищи допускают нарушение нами же принятого решения. Существует постановление, запрещающее аппарату ЦК задерживаться на работе после шести вечера. Однако некоторые товарищи, в том числе и секретари ЦК, игнорируют постановление, работают до девяти вечера. Это непорядок. Прошу всех выполнять принятое постановление.

Хрущев сам много работал и других заставлял. Брежнев создал себе льготный режим. Но считал, что трудится слишком много.

В июле 1970 года известного юриста Владимира Теребилова, которого прочили в министры юстиции, вызвали в ЦК и отвели к Брежневу. Генеральный был любезен, хотел понравиться. Теребилов, как положено, отказывался от назначения, говорил, что есть более подготовленные люди на пост министра, а он может и не справиться.

— А ты думаешь, генсеку легко жить и легко работать? — укоризненно произнес Леонид Ильич. — Вы, наверное, между собой рассуждаете так: вот живет Брежнев, вся власть у него, ест и пьет — чего хочет, ездит — куда угодно... Нет, это совсем не так. Сидишь за столом, размышляешь по многу часов и думаешь: вот сорвался план добычи угля, вот хлеб не созрел, вот и того нет, и другого... И столько еще проблем, что голова идет кругом. Думаешь, думаешь, и вдруг озарение — нашел все же пути решения всех этих вопросов, и не только нашел, но и решил их наилучшим образом... И вот в этот-то момент... просыпаешься — оказывается, устал, задремал, сидя за столом, а в жизни все, как было, так и осталось. А ты говоришь, тебе будет трудно! Ну да ладно. Скажу тебе следующее. Мы тут посоветовались и решили назначить тебя министром юстиции. На днях пригласим на политбюро, а пока содержание разговора держи при себе.

Леонид Ильич пребывал в уверенности, что он один тащит на себе огромный воз, а соратники бездельничают. Не любил, когда члены политбюро уходили в отпуск. Вроде как ему приходилось за них работать.

25 ноября 1968 года руководитель Украины Петр Шелест позвонил Брежневу, доложил о делах и попросил разрешения уйти в отпуск — поехать в Кисловодск. Заодно поинтересовался у Леонида Ильича, когда тот собирается отдыхать.

— Пойду отдыхать при коммунизме, — ответил Брежнев, показывая, что на нем одном всё держится.

Или, может, надеется дожить до коммунизма, с нескрываемой иронией записал в дневнике Петр Ефимович.

А Виктор Суходрев запечатлел такой эпизод.

Через несколько месяцев после удачной поездки в Соединенные Штаты его неожиданно вызвал Брежнев. Глава партии и государства сидел в кремлевском кабинете и озабоченно листал каталог запасных частей к подаренной ему американцами машине.

Брежнев дружески сказал своему переводчику:

— Витя, помнишь, нам машину американцы подарили? Так вот, я хочу в запчастях разобраться. Мне тут каталог принесли. Надо заказать...

Суходрев смутился: откуда же знать, какая деталь может понадобиться через несколько лет? Машина отличного качества, ремент ей не скоро понадобится. Но Леонид Ильич, возможно, рассуждал иначе: сейчас он может заказать любые запчасти, а кто знает, что будет через несколько лет?

Пришлось Суходреву засесть за каталог. В этот момент

Брежневу позвонил Кириленко. Генеральный секретарь, чтобы не снимать трубку, говорил по громкой связи.

Кириленко попросил разрешения уйти в отпуск.

— А зачем? — поинтересовался скучающий Леонид Ильич.

Похоже, ему просто хотелось поболтать. Андрей Павлович стал сбивчиво объяснять, что ему нужно поправить здоровье.

— Ну, ладно, поезжай, — великодушно разрешил Брежнев. — Да, кстати, тут Косыгин предлагает провести пленум по проблеме пьянства. Не знаю, но думаю, что это сейчас несвоевременно.

Кириленко немедленно согласился:

— У нас пили, пьют и будут пить.

Поговорив с Кириленко, Брежнев покачал головой и как-то отрешенно произнес:

— Да-а, ну и соратники у меня: кто в отпуск, кто еще куда-а... А ты сиди тут один, дядя Леня, и мудохайся...

Андрей Павлович Кириленко первым потерял здоровье. У него произошло нарушение мозговой деятельности. На XXVI съезде, в марте 1981 года, ему поручили зачитать список кандидатов в члены ЦК КПСС. Он не смог правильно произнести ни одной фамилии. В зале повисло тягостное молчание: даже партийные секретари не знали, что Кириленко настолько плох.

Но Леонид Ильич не трогал Кириленко. Может быть, ему даже нравилось видеть рядом человека в значительно худшем состоянии, чем он сам.

Летом того же 1981 года глава западногерманских социал-демократов, бывший канцлер Вилли Брандт, после шестилетнего перерыва вновь приехал в Москву. По старой памяти ему устроили встречу с Леонидом Ильичом. Брандт не подал виду, что потрясен плохим состоянием генсека, но в воспоминаниях написал:

«Я застал Брежнева в плачевном состоянии. Ему стоило большого труда просто зачитать текст как во время переговоров, так и за столом. За обедом он только ковырял вилкой в какой-то закуске».

Глядя на больного Леонида Ильича, вся страна задавалась вопросом: почему же он так рано потерял здоровье? И от чего, собственно, он страдает?

Когда он встал во главе государства, то казался самым здоровым в политбюро. У него, правда, был инфаркт в 1952 году и серьезный сердечный приступ в 1957-м, но кардиологи его успешно лечили и с тех пор на сердце он не жаловался.

Первый звонок прозвенел в августе 1968 года, когда в

Москве проходила напряженная встреча с руководителями Чехословакии.

Брежнев держал речь, и вдруг с ним что-то произошло.

— Он утратил нить беседы, язык начал у него заплетаться, — объяснял потом Косыгин примчавшемуся академику Чазову, — рука, которой он подпирал голову, стала падать.

Леонида Ильича увели и уложили в комнате отдыха. Он был заторможен и, как выражаются врачи, неадекватен, говорил, как будто во сне, и порывался встать.

Приехавший с Чазовым опытный невропатолог Роман Александрович Ткачев поставил диагноз, оказавшийся точным:

— Если бы не обстановка напряженных переговоров, то я бы сказал, что это извращенная реакция усталого человека со слабой нервной системой на прием снотворных средств.

ха! традиц. [illegible]

Лечащий врач Николай Родионов подтвердил:

— Это у него бывает, когда возникают проблемы. Он не может заснуть, начинает злиться, принимает снотворное, успокаивается и засыпает. Наверное, сегодня ночью он принял бóльшую дозу снотворного, чем обычно.

Косыгин озабоченно сказал врачам:

— Надо бы его в больницу. Не случилось бы чего-нибудь страшного.

Но, поставив диагноз, медики успокоили главу правительства: речь идет всего лишь о переутомлении. И действительно: Леонид Ильич проспал три часа и как ни в чем не бывало вернулся на переговоры. Эта история, казалось, была забыта. Леонид Ильич чувствовал себя вполне здоровым для своих лет и не переносил намеков на свой возраст.

18 декабря 1971 года Брежнев у себя на даче отмечал шестидесятипятилетие. Члены политбюро приехали с женами. Руководители Украины преподнесли юбиляру картину «Золотая осень», хрустальный рог и набор спиртных напитков.

Первый секретарь ЦК компартии Украины отправил Леониду Ильичу поздравительную телеграмму, в которой говорилось:

«Ваши годы — это ранняя золотая осень, которая приносит огромные плоды для нашего народа!»

Брежнев остался недоволен:

— О какой осени идет речь?

Он продолжал считать себя молодым.

В начале 1970-х Брежнев выглядел неплохо, правда, несколько располнел. Начал борьбу с весом. Чревоугодником он никогда не был, ел быстро и мало, а теперь и вовсе сел на диету и постоянно взвешивался. Иногда он удовлетворялся только творогом и овощами. И у него появились первые проблемы с зубами, вернее с зубными протезами. Речь становилась невнятной. Это его очень мучило, поскольку он считал себя хорошим оратором и верил в свою способность произвести впечатление на публику.

Особые отношения Фалина с Брежневым основывались еще и на том, что посол в ФРГ участвовал в медицинских проблемах генсека, прежде всего стоматологических. Он нашел в Федеративной Республике врачей, которые пытались помочь Брежневу, используя новые технологии и материалы.

Пациент был трудный: у него быстро происходило изменение твердых и мягких тканей челюсти и зубные протезы плохо сидели. Когда Брежнев выступал, он должен был языком поддерживать протез. Поэтому он плохо говорил, возникали цокающие звуки, смешившие аудиторию. Задача состояла в том, чтобы изготовить такой протез, который бы очень плотно присасывался, тогда Леонид Ильич мог бы спокойно говорить.

Сохранилась личная записка Брежнева, датированная 22 октября 1974 года и адресованная Фалину в Бонн:

«Валентин Михайлович — прошу передать врачам, что я жду их с надеждой на успех дела — мне очень трудно передать ощущение во всех деталях от того, что я испытываю от ношения оставленной модели, хотя я все время пользуюсь ею.

В целом хотелось бы, чтобы она была легче — особое неудобство я испытываю в местах соединения модели с моим мостом — выпирание моих крайних зубов создает неприятное ощущение для языка. Обо всем этом мы говорили в Москве, и поэтому я не хотел бы вносить новых замечаний.

С уважением

Л. Брежнев».

Вместе с запиской Брежнев через Министерство иностранных дел переслал Фалину посылку с подарками немецким стоматологам, а самому послу — кусок кабаньего мяса, фирменный охотничий трофей генерального секретаря.

С весны 1973 года, по наблюдениям академика Чазова, «начали появляться периоды слабости функций центральной нервной системы, сопровождавшиеся бессонницей».

Тогда Леонид Ильич стал принимать успокаивающие и снотворные препараты — седуксен, эуноктин, ативан... Он глотал эти таблетки и днем, втайне от врача. Но сильнодействующие препараты вызывали депрессию и вялость. Поначалу врачам легко удавалось вывести его из этого состояния и вернуть ему работоспособность. С годами же активно стал развиваться атеросклероз сосудов головного мозга. Внешне это проявлялось в потере способности к самокритике, сентиментальности.

Он постоянно возвращался к воспоминаниям о военных годах. Любил смотреть старые фильмы с актрисой Марикой Рёкк. Эти цветные музыкальные ленты в послевоенной стране произвели огромное впечатление. Леонид Ильич смотрел их и вновь переживал те же чувства.

Ослабела память, он с трудом сосредоточивался, забывал, что только что сказал. И у него возникало стойкое нежелание заниматься делами. Леонид Ильич раздражался, когда от него требовали решений.

«Один из его секретарей, проработавший с Леонидом Ильичом восемнадцать лет, — писал Карен Брутенц, — рассказывал, что он, недовольный, бывало, швырял пачки привезенных ему на ознакомление шифровок, и они разлетались веером по комнате».

Когда Брежнев приехал в Бонн в мае 1973 года, вспоминал канцлер ФРГ Вилли Брандт, он был «в плохой форме, производил впечатление утомленного и рассеянного человека. Создавалось впечатление, что он плохо себя чувствовал».

Академик Чазов набрался духу и откровенно поговорил с Брежневым один на один. Он пытался напугать своего главного пациента, говорил, что о его недугах — астении, склерозе мозговых сосудов — могут узнать и широкие массы, и его недоброжелатели.

Брежнев выслушал его внимательно, но не поверил:

— Ты всё преувеличиваешь. Товарищи ко мне относятся хорошо. Я уверен, что никто из них и в мыслях не держит выступить против меня. Я им нужен. Косыгин, хотя и себе на уме, но большой поддержкой в политбюро не пользуется. Подгорный — мой друг, мы с ним откровенны, и я уверен в его добром отношении ко мне. Что касается режима, то я постараюсь его выполнять. Если надо, каждый день буду плавать в бассейне. В отношении успокаивающих средств, ты подумай с профессорами, что надо сделать, чтобы у меня не появлялась бессонница...

Но без привычных препаратов он существовать не мог. Генеральный секретарь не только хотел спать, ему нужно было снимать напряжение, которого он не выдерживал.

Лекарственные средства воздействовали на биохимические процессы в его организме, определяя его настроение и степень работоспобности. Иногда он с трудом поддерживал отношения с внешним миром.

Весной 1974 года Вадима Кирпиченко назначили заместителем начальника разведки и начальником управления «С» (нелегальная разведка). Андропов привел его к Брежневу. По существовавшему порядку в ЦК утверждались только высшие руководители комитета, начиная с члена коллегии. Но Андропов заботился о престиже своих кадров.

«Генсек был ласковый, томный, неторопливый, незамысловато шутил, — вспоминал Кирпиченко. — Говорил он — явно с подсказки Андропова и его же словами — о том, что работа в нелегальной разведке штучная, что туда должны идти самые стойкие, смелые, сильные, без всяких слабостей и изъянов люди. Партия ценит этот коллектив, и мне-де оказано большое доверие».

В июле 1974 года первый секретарь Воронежского обкома Виталий Воротников приехал на пленум ЦК и на сессию Верховного Совета. Зашел к Кулакову по сельским делам. В конце беседы Федор Давыдович, как обычно, заметил:

— Вам следовало бы информировать о делах и генерального секретаря.

Вечером Воротников пришел на Старую площадь, поднялся на пятый этаж. В приемной уже было около тридцати первых секретарей. В семь вечера всех пригласили в кабинет генерального секретаря.

Брежнев заговорил о сельском хозяйстве, о ходе уборки зерновых, о транспорте, потом о сахарной свекле, о мелиорации, о том, что надо использовать северные реки, потому что в Средней Азии колоссальная нехватка воды и под угрозой сбор хлопка. Потом словно потерял интерес к беседе.

«Видно было, что генсек устал, как-то сразу сник, — вспоминал Воротников. — От начального активно-напористого поведения не осталось и следа. Я тогда объяснил такое состояние чрезмерной перегрузкой в работе. Он и сам подчеркивал это. Однако последующие встречи с Леонидом Ильичом, его внешний облик, поведение, разговор явно говорили о нарастании болезненного состояния».

В декабре Воротников опять побывал у Кулакова, понял, что его предложения о совершенствовании управления сельским хозяйством завязли в аппарате. От Кулакова поднялся на пятый этаж к Брежневу. В приемной сидела знаменитая в те годы Ядгар Садыковна Насриддинова, которая несколько лет была председателем Совета национальностей Верховного Совета СССР. О ней ходили нехорошие слухи, говорили о больших взятках. Ее сняли с должности, и теперь она пришла просить Брежнева о новом назначении.

Дежурный секретарь объяснил Воротникову:

— Леонид Ильич не планировал никого принимать. Но сейчас у него Анатолий Федорович Добрынин, наш посол в Соединенных Штатах. Подождите, я спрошу, примет ли он вас.

Когда Добрынин вышел, в кабинет генерального заглянул секретарь. Выйдя, он попросил Ядгар Садыковну зайти и сказал Воротникову, что его Брежнев тоже примет.

Через сорок минут настала очередь Воротникова. Брежнев ворчливо сказал:

— Заходи, Воротников. Всё говорите, что надо беречь Брежнева, а сами нагружаете. Вот Насриддинова вымотала мне душу.

Ядгар Насриддинова все-таки упросила дать ей должность. Вскоре она была назначена заместителем министра промышленности строительных материалов, поскольку в молодости она была строителем...

Генсек был расстроен и заторможен. Говорил медленно, ему, похоже, мешали зубные протезы. Брежнев, не спрашивая, зачем пришел Воротников, стал говорить о разных вещах. Воротников только два слова сказал, что в области всё хорошо, и стал прощаться. Брежнев положил ему руку на плечо и проводил до двери.

Впечатление встреча оставила нерадостное, вспоминал Воротников. Какая-то неадекватность поведения, Брежнев перескакивал с темы на тему, терял нить разговора. То оживится, то потухнет и замолчит.

В июле 1974 года Брежнев приехал в Варшаву на празднование тридцатилетия Польской Народной Республики.

Накануне у Брежнева на даче случился срыв. Личный врач констатировал астеническое состояние. Его с трудом привели в норму и доставили в Варшаву. Ему предстояло выступать на торжественном заседании. Врачи просили Леонида Ильича соблюдать режим. Брежнев разозлился и запретил пускать их в резиденцию. Врачи действительно не смогли к нему попасть.

На ночь он принял большую дозу успокаивающих препаратов, и утром его с трудом подняли на ноги. На торжественном заседании в Варшаве он был совершенно невменяемым, пытался дирижировать, когда зал пел «Интернационал».

Старческий эгоизм

Критически важным эпизодом в истории болезни Леонида Ильича оказались переговоры в ноябре 1974 года с американским президентом Джеральдом Фордом.

Переговоры были на очень сложную тему — обсуждалось новое соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений. К тому же Брежнев с Фордом встречались в первый раз. Неясно было, получится ли контакт.

Все документы, связанные с ограничением стратегических вооружений, были заранее согласованы. Но Форд внезапно попросил кое-что поменять. По мнению советских экспертов, это изменение, выгодное американцам, вполне можно было принять — в расчете на ответные уступки. Во всяком случае не следовало отказываться от подписания столь важных документов.

Но Брежнев не хотел брать на себя единоличное решение и в соответствии с партийными традициями запросил мнение политбюро. Тем более что встрече с Фордом и без того предшествовала бурная дискуссия в Москве.

Военные доказывали, что нельзя подписывать договор, если в нем не учтены американские средства передового базирования — ракеты и самолеты на базах вокруг СССР. Это оружие первого удара, учитывая их близость к советской территории.

Министр обороны Гречко грозно сказал, что если подобный договор будет заключен, то военные снимают с себя ответственность за безопасность страны.

Брежнев возмутился: как это Гречко смеет обвинять генерального секретаря в забвении интересов родины? Андрей Антонович потом позвонил, извинился. Брежнев ему зло ответил:

— Так не пойдет. Назвал предателем при всех, а берешь слова назад втихую.

Предварительную схватку Брежнев выиграл. Но теперь, когда он уже был во Владивостоке, возникло новое затруднение. Старшим в Москве оставался Подгорный. Он через два часа перезвонил Брежневу и сказал, что, по мнению военных, предложение американцев совершенно неприемлемо. Подгорный предложил отложить встречу до следующего года, а за это время поднажать на Вашингтон.

Генеральный секретарь пребывал в нерешительности. Он не хотел срывать встречу с Джеральдом Фордом, но и не считал возможным идти против мнения членов политбюро, оставшихся в Москве. Брежнев пошел советоваться с Громыко. Министр иностранных дел твердо высказался против переноса встречи, считая, что это нанесет ущерб советско-американским отношениям да и заморозит переговоры по стратегическим вооружениям.

Тогда Брежнев опять сел за телефон, поговорил с Косыгиным, Устиновым и Андроповым, а потом еще раз позвонил Подгорному. Но тот стоял на своем, да еще и позвал к аппарату министра обороны Гречко, который вообще не хотел договариваться с американцами.

Вот тогда Брежнев взорвался. Он сказал Подгорному:

— Хорошо, раз вы настаиваете, я сейчас же объявлю Форду, что встреча прекращается, а сам возвращаюсь в Москву. Соберем политбюро, я там вместе с Громыко выступлю, расскажу, что из-за вас сорвались важнейшие переговоры, и пусть нас рассудят.

Маршал Гречко пошел на попятный. Подгорный испугался и сказал, что ему, Брежневу, там на месте виднее, как вести дело с американцами, а политбюро в любом случае поддержит его решение. Брежнев вновь настоял на своем, но все эти споры ему дорого обошлись. Он очень нервничал, и во время переговоров у него случился спазм сосудов головного мозга.

Леонид Ильич во Владивостоке держался из последних сил. Начальник охраны Рябенко предупредил Чазова:

— Евгений Иванович, он на пределе, ждите очередного срыва.

После переговоров Форду устроили прогулку по городу. Уже в машине Брежнев пожаловался на усталость. Последний разговор с американским президентом должен был состояться в личном поезде Брежнева. Суходрев, проходя мимо купе Леонида Ильича, увидел такую картину. Брежнев лежал с закрытыми глазами. Рядом сидел Чазов. Беседу пришлось отменить. Но в аэропорту Брежнев все-таки появился, чтобы проводить Форда. Перед тем как молодецки взбежать по трапу, американский президент скинул с себя роскошную куртку, сшитую из меха волка, ласки и бобра, и отдал ее Брежневу.

Из Владивостока Леонид Ильич, как было намечено, вылетел в Монголию. Говорили, что по дороге у него произошло серьезное нарушение мозгового кровообращения. По словам Чазова, Брежнев впал «в невменяемое астеническое состояние по причине чрезмерного приема сильнодействующих успокаивающих средств, к чему он пристрастился».

В Улан-Баторе Брежнев свою программу выполнил полностью — провел переговоры, присутствовал на приеме и на длительном концерте.

На ближайшем пленуме ЦК Брежнев председательствовал, но не выступал. Он был заторможенным, вспоминают участники пленума, путал фамилии ораторов, так и не смог выговорить фамилию первого секретаря ЦК Литвы Пятраса

Пятровича Гришкявичюса. Пытался несколько раз, но сбивался. Махнув рукой, огорченно сказал:

— Ну, вы же все его знаете — Петр Петрович.

В декабре 1974 года Брежнев прилетел с официальным визитом во Францию. В самолете он плохо себя чувствовал, хотел полежать. Его помощники попросили французов отложить начало переговоров. Президент Валери Жискар д'Эстен, не понимая, в чем дело, ответил, что у них и так мало времени, надо работать. Французский президент отличался отменным здоровьем, у него даже не было личного врача... Брежнев приехал в Елисейский дворец.

«Брежнев движется мне навстречу, — описал эту сцену Жискар д'Эстен, выйдя в отставку. — Он ступает нерешительно и нетвердо, словно на каждом шагу уточняя направление движения...

Глубоко посаженные живые глаза образуют косые щелки на его полном, расширяющемся книзу лице, скрывающем шею. По движению челюсти заметно, что у него нарушена артикуляция...

Я вижу, с каким усилием он произносит слова. Когда его губы двигаются, мне кажется, я слышу постукивание размякших костей, словно его челюсти плавают в жидкости...

Внезапно Леонид Брежнев встает — в дальнейшем я еще не раз столкнусь с этой его манерой — и тотчас же направляется к выходу. Он что-то говорит переводчику, вероятно, просит открыть дверь... Как только Брежнев делает первый шаг, он перестает замечать присутствие других людей. Главное — контролировать направление движения.

— Мне нужно отдохнуть, — говорит он, расставаясь со мной».

30 декабря 1974 года Брежнев принял Андропова вместе с Крючковым. Это были смотрины. Андропов внес в ЦК предложение назначить Владимира Александровича Крючкова начальником Первого главного управления (внешняя разведка) и одновременно заместителем председателя КГБ.

«Перед беседой Юрий Владимирович предупредил меня, чтобы я не очень удивлялся, если генсек покажется мне не в форме, — вспоминал Крючков, — главное, мол, говорить погромче и не переспрашивать, если что трудно будет разобрать в его словах. Так что в Кремль я прибыл уже подготовленным, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания.

За столом сидел совершенно больной человек, который с большим трудом поднялся, чтобы поздороваться со мной, и долго не мог отдышаться, когда после этого буквально рухнул опять в кресло».

Андропов громким голосом представил Крючкова. Леонид Ильич еле выдавил из себя:

— Что ж, будем решать.

Крючков произнес положенные в таких случаях слова. Прощаясь, Леонид Ильич обнял нового начальника политической разведки и почему-то прослезился...

Личный врач генерального секретаря Николай Родионов умер от рака легких. Его сменил Михаил Титович Косарев, который с 1971 года работал в спецбольнице на улице Грановского. Он нашел пациента в плохом состоянии. Хотя, по мнению Косарева, Леонид Ильич не был самым больным в политбюро. Брежнева сгубили седативные препараты. А если бы он вовремя ушел на пенсию и перестал себя насиловать, то еще пожил бы.

— Он все время хотел спать, — рассказывал Косарев. — Во время поездки за границу мы следили, чтобы он не злоупотреблял таблетками. А он дежурному охраннику написал в журнале: «Если Чазов с Косаревым придут меня будить, применить табельное оружие».

Брежнев из-за снотворных просыпался поздно и утром долго приходил в себя. Разговаривать с ним в таком состоянии было бессмысленно.

В августе 1975 года Брежневу предстояло ехать в Хельсинки подписывать вместе с руководителями всех стран континента Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Его с трудом удалось вывести из состояния мышечной астении и депрессии. Врачи боялись, что срыв произойдет в Хельсинки на глазах всего мира.

В окружении Леонида Ильича нервничали.

Начальнику Третьего (скандинавского) отдела Первого главного управления КГБ Виктору Грушко, имевшему канал прямой закрытой связи с резидентурой Хельсинки, позвонил генерал Георгий Цинев.

Он спросил:

— Где сейчас находится Леонид Ильич?

— Он сейчас как раз подъезжает на автомашине к дому «Финляндия», в котором будет происходить встреча, — доложил Грушко.

— Далеко ему идти пешком? — забеспокоился Цинев.

— Нет. Машины остальных глав государств останавливаются чуть поодаль, а нашего генерального секретаря подвозят сейчас прямо к главному входу.

— Отлично, — сказал Цинев, довольный осведомленностью своего подчиненного.

Первый заместитель председателя КГБ и не подозревал, что Виктор Грушко просто включил телевизор и комментировал то, что показывало телевидение.

В Хельсинки всё прошло как по маслу.

Правда, в последний момент Леонид Ильич отказался ехать на торжественный обед, который президент Финляндии Кекконен давал в честь глав делегаций. Но его все-таки уговорили поехать — иначе случился бы скандал.

Иногда он вполне отдавал себе отчет в собственном физическом состоянии и задумывался над тем, как это скрыть.

В конце 1975 года Брежнев был занят подготовкой очередного партийного съезда.

«Он обсуждал с нами, не стоит ли поручить Суслову открыть съезд, — вспоминал Черняев. — Он, Брежнев, сам очень бы хотел это сделать — ведь генеральный секретарь:

— Но тогда придется в течение получаса произносить приветствия иностранным гостям, называть труднопроизносимые фамилии. И — устанешь еще до начала доклада.

Брежнев очень тревожился по поводу того, что болезнь челюсти не позволит ему внятно говорить несколько часов подряд. Он действительно утомляется после двадцати пяти — тридцати минут говорения, и начинается косноязычие.

Шишлин предложил: пусть Леонид Ильич войдет в зал один, откроет съезд, проведет выборы президиума и даст слово Суслову для перечисления братских партий. На том Брежнев и порешил, успокоившись и заметив:

— Так-то лучше».

В принципе, он очень заботился о себе.

Он курил сигареты «Новость». Ему делали сигареты с длинным фильтром. В 1975 году Брежнев бросил курить. Стоматологи внушили ему, что протезирование не удается
чушь! из-за того, что курение раздражает слизистую оболочку рта. И он нашел в себе силы отказаться от табака.

Чазов убедил его плавать каждый день. На даче Леонид Ильич начинал утро с бассейна. В отпуске подолгу плавал в Черном море. Собственно, ничего иного в отпуске он не делал. Гулять и читать не любил. Поплавав, садился на пирсе под тентом и играл в домино. Постоянные партнеры — помощник, сопровождавший его в отпуске, врач, охранник.

В море рядом с ним всегда плыли два охранника, неподалеку шли шлюпка еще с двумя охранниками и катер с аквалангистами и врачом-реаниматором. Однажды у него что-то произошло с головой и он стал тонуть.

«По мере того как Брежнев дряхлел и у него усугублялся склероз, — писал Чазов, — все более четко обозначались две его навязчивые идеи — несмотря ни на что, он должен плавать в море и охотиться. Видимо, этим он хотел доказать окружающим, а возможно, прежде всего самому себе, что он еще сохранил свою активность и форму, которой всегда гордился».

Академик Петровский, описывая историю болезни Брежнева, прибегает к термину «дезагравация». Это ситуация, когда больной преувеличивает свое физическое благополучие и не жалуется на болезни. Леонид Ильич вовсе не считал себя больным. И убедить его уменьшить количество снотворных и седативных препаратов не удалось. Он попал в зависимость от них, это была своего рода токсикомания, разрушавшая личность.

Кажется странным, что Брежнев, который прошел войну и выиграл столько политических сражений, был человеком со слабой психической структурой. Он, как гимназистка, мог упасть в обморок. Психика главы государства не выдерживала постоянных стрессов. Когда возникала неприятная ситуация, он хотел уйти в сон.

Леонид Ильич инстинктивно искал способ снять напряжение, хотя бы на несколько часов избавить себя от груза непосильных проблем. Что мужчина обычно делает в такой ситуации? Прибегает к помощи алкоголя.

Пока Леонид Ильич был относительно здоров, мог под хорошую закуску прилично выпить — и без плачевных последствий. В 1973 году Брежнев приехал в Соединенные Штаты. Ужинал у Никсона на даче.

— Появился официант, — вспоминал Виктор Суходрев. — И довольный Никсон сказал: специально для вас я припас бутылку «Столичной». Официант разлил водку по рюмкам и унес бутылку.

Дальше имелось в виду, что хозяин и гости станут пить вино — по классическому образцу: к рыбе — белое, к мясу — красное. Слуга стал разливать белое вино. Тут Брежнев недовольно сказал:

— Ну, зачем же так, пусть нальет еще по рюмке водки.

Суходрев перевел. А слуга уже ушел. Никсон попросил:

— Нажмите кнопку.

Появился слуга, выслушал распоряжение Никсона, налил всем по рюмке и опять хотел уйти. Но тут Брежнев успел вмешаться:

— Чего он уносит, пусть оставит на столе, мы сами разберемся.

Вместо вина за ужином выпили втроем бутылку водки.

— Брежнев — не пьяница, он вообще непьющий человек, — рассказывал в газетном интервью его помощник Виктор Голиков. — В лучшем случае, если какое-то событие, праздник, он рюмочку выпьет — и всё. Я одному дураку сказал: «Ты знаешь, я выпил за свою жизнь столько, что Брежневу вместе с тобой и такими, как ты, столько не выпить». Я не пьяница, но я жил недалеко от Абрау-Дюрсо, Анапы. Попал в Молдавию — тоже винодельческая страна. А Леонид Ильич вина-то по-настоящему не пил...

Но с годами Брежнев стал серьезно ограничивать себя в спиртном. По словам Чазова, в периоды неприятностей в семье Леонид Ильич прикладывался к коньяку, но это продолжалось недолго. На приемах и торжественных обедах из бутылки с наклейкой «Столичная» ему наливали простой воды.

В последние годы Брежнев уже нуждался в более сильных средствах, чем алкоголь, дававший лишь кратковременную передышку. Он открыл для себя снотворные препараты, которые позволяли ему надолго забыться. Брежнев принимал снотворное, считая, что без таблеток он не в состоянии заснуть. Конечно, пожилые люди не спят так же крепко, как молодые, но бессонницы, как считают врачи, у него не было. Леонид Ильич спал достаточно, но внушил себе, что ему нужно спать больше.

Это сейчас появились легкие препараты без серьезных побочных последствий, а тогдашние снотворные действовали на нервную систему и постепенно вызывали дряхление.

Окружающие не понимали, что происходит с генеральным секретарем, отчего он пребывает в таком странном состоянии.

— Чем дальше, тем чаще он был в странном состоянии, словно спросонья, — вспоминал Виктор Суходрев. — Потом уже узнал, что он пристрастился к снотворным. Из-за этого произошла атрофия мышечного аппарата, он стал плохо говорить.

В 1974 году Леонид Ильич прилетел в Казахстан на торжества, посвященные двадцатилетию освоения целины. Вечером он пригласил к себе Виктора Голикова. Тот застал у генерального секретаря личного врача — Николая Родионова, который выдал Брежневу четыре или пять таблеток снотворного. А Брежнев молящим голосом попросил:

— Коля, дай еще одну.

— Нет, Леонид Ильич, хватит.

Голиков и Родионов вышли вместе. Голиков с раздражением сказал:

— Коля, ну что тебе жалко лишней таблетки, что ли?

— Виктор, ты не знаешь всего — это ведь наркотик.

Дело не только в том, что Брежневу хотелось спать. Ему надо было хотя бы на время отключиться, уйти от проблем. У него иногда прорывалось раздражение:

— Да что же это такое, ничего невозможно решить!

Брежнев изрядно подорвал свое здоровье неумеренным приемом снотворных. Если бы он не глотал таблетки в таком количестве, он бы так быстро не сдал.

— Это токсикомания. — Академик Чазов не сомневался в диагнозе. — Человек привыкает к препарату и не может без него. Это и привело к дряхлению. Если бы не это, он бы еще держался.

И в семье с горечью замечали, что Леонид Ильич всё чаще уходит в себя, погружается в невеселые раздумья, что он отрешен от дел и безразличен к окружающему миру. Старел на глазах.

«Он на ночь пил по четыре-пять снотворных таблеток, — вспоминал Голиков. — Он стал уже наркоманом... Я заметил, что Леонид Ильич на ногах твердо не стоит, стал глохнуть, речь нечленораздельная. Поразмыслив, решил поговорить с Брежневым один на один и даже направился к нему в кабинет. Но у него была Галя Дорошина.

В последнее время Брежнев только ее терпел, принимал с документами. Всё шло через нее. Я ее всегда считал умной, порядочной женщиной. Позвал ее:

— Галя, мне надо с Леонидом Ильичом поговорить. Он же умный человек. Как он не понимает, что губит себя, употребляя свое снотворное. Быстро устает и после обеда обязательно спит.

А Галя Дорошина мне говорит:

— Виктор Андреевич, не делайте этого. Если вы только заговорите с ним на эту тему, он вас возненавидит и от вас избавится».

Чуть ли не единственным связующим звеном между Брежневым и остальным миром оставалась его референт-стенографистка Галина Анатольевна Дорошина. Она приносила Брежневу наиболее важные документы, которые необходимо было довести до его сведения.

Когда состояние Брежнева ухудшилось и нужно было как-то повлиять на генерального секретаря, чтобы он соблюдал режим и заботился о своем здоровье, Чазов обратился к Андропову. Андропов не рискнул сам заговорить об этом с Леонидом Ильичом. Пошел к Суслову. Тот был очень недоволен, что к нему обращаются с таким вопросом, вяло сказал, что при случае поговорит с Брежневым, но ему явно не хотелось этого делать.

А мог ли кто-нибудь еще в высшем эшелоне власти рискнуть и вмешаться в личные дела генерального секретаря?

Начальник столичного управления госбезопасности Виктор Алидин вспоминал, как однажды член политбюро и первый секретарь Московского горкома Виктор Гришин попросил его зайти, чтобы посоветоваться по щекотливому вопросу.

У Гришина только что побывал болгарский посол и рассказал о том, как в Болгарию приезжал сын Леонида Ильича — первый заместитель министра внешней торговли Юрий Брежнев со своей секретаршей. По словам посла, сын генерального вел себя недостойно. В результате по Болгарии пошли нехорошие разговоры о Леониде Ильиче и его семье.

Гришин сказал Алидину, что считает необходимым поставить в известность о поведении Брежнева-младшего самого Леонида Ильича, но на всякий случай решил посоветоваться.

Опытный генерал госбезопасности категорически не советовал Гришину этого делать:

— Леонид Ильич подобный разговор может расценить как вмешательство в его личную жизнь. Ведь посол Болгарии мог и сам встретиться с Леонидом Ильичом и рассказать ему о сыне, а он сделал хитрый ход, подбросив эту проблему вам...

Брежнев нуждался, по существу, в психиатрической помощи. Но кто бы решился предложить генеральному секретарю побеседовать с психотерапевтом?

— Мы всё перепробовали, — рассказывал Чазов. — Одного кудесника привезли из Монголии. Он занимался иглоукалыванием, применял разные тибетские методы, всякие обкуривания. Ничего не помогало.

Весной 1981 года председатель Госплана Николай Байбаков, озабоченный здоровьем своей жены, узнал, что в Тбилиси некая Джуна Давиташвили лечит больных бесконтактным массажем. Байбаков пригласил ее в Москву.

Потом Брежневу через одного из помощников, который тоже у нее лечился, передали письмо относительно Джуны. Леонид Ильич позвонил Байбакову:

— Николай, что это за бабка, Джуна? Ты что, лечился у нее? Что она хочет?

Байбаков поведал о ее успехах.

— Что требуется для ее нормальной работы? — спросил Брежнев.

Байбаков пояснил:

— Во-первых, прописать в Москве. Председатель исполкома Моссовета Промыслов отказывается это сделать, потому что возражает министр здравоохранения Петровский. Во-вторых, обязать Академию медицинских наук исследовать метод бесконтактного массажа и дать заключение.

Через день Джуна получила разрешение на прописку. А еще через два дня к Байбакову приехали новый министр здравоохранения Сергей Петрович Буренков и президент Академии медицинских наук Николай Николаевич Блохин.

Но помочь Брежневу Джуна не могла.

В первых числах января 1977 года бригаду, сочинявшую речи генеральному секретарю, собрали в кремлевском кабинете Брежнева. Черняев записал его слова:

— Проснулся сегодня, зарядку сделал... Думаю, чтой-то такое мне вчера в голову пришло?.. Не сразу вспомнил. А вот что! Неплохая в самом деле идея. Двадцатого Картер вступает в должность. Почему бы не сказать что-нибудь ему такое перед этим, вроде как добрую волю проявить. И предлог хороший — Тулу-то ведь недавно наградили, дали городу Героя. Я в Туле ни разу не был, хотя десятки раз проезжал через нее, туляки мне даже ружье чинили. Вот и поеду, поздравлю их, вспомню, как стояли насмерть во время войны, можно сказать — спасли Москву. И заодно скажу Картеру что нужно.

Он стал ходить по кабинету, диктовать схему выступления. Вернулся к тулякам:

— Надо упомянуть тех, кто воевал и остался жив. Я вот ведь воевал, а живой.

Он прослезился. Прошел к письменному столу, достал платок из ящика:

— У меня настроение произнести это с волей. Я подготовлюсь... Вообще я считаю, что мне надо время от времени выступать перед народом... Это поднимает людей, вызывает энтузиазм.

17 января 1977 года, за три дня до инаугурации нового американского президента Джимми Картера, Брежнев на поезде приехал в Тулу. Леонида Ильича свозили в Ясную Поляну, на Тульский машиностроительный завод имени Ванникова, потом доставили на встречу с городским активом. Он выполнил намеченное. Прикрепил к знамени Тулы золотую звезду, порадовал амбициозного первого секретаря обкома Ивана Харитоновича Юнака, своего человека (после войны Юнак работал председателем Днепропетровского облисполкома).

Но Леонид Ильич явно переоценивал свои силы. По привычке брался читать обширные доклады, которые не мог осилить. Путал слова, говорил так, что ничего нельзя было понять. Иногда останавливался, сам себя спрашивал:

— Правильно я прочитал-то?

И зал, слыша это бормотание, замирал в изумлении. В телевизионных отчетах, разумеется, всё это вырезалось. Оставляли только приличные куски. Но и над ними народ хохотал.

Причиной плохой дикции была мышечная слабость — еще одно последствие приема снотворных препаратов.

Чем дальше, тем меньше Брежнев был способен вести серьезные переговоры, вспоминал Виктор Суходрев. Он зачитывал подготовленный текст, не очень интересуясь ответами иностранных партнеров. А сами переговоры передоверял Громыко, говорил с видимым облегчением:

— Ну, Андрей, включайся.

И тот уже вел диалог.

Брежнев переживал из-за того, что у него возникли проблемы с речью. После переговоров с тревогой говорил Громыко:

— Андрей, по-моему, я сегодня плохо говорил...

Громыко был начеку:

— Нет, нет, Леонид. Все нормально. Все нормально... Тут ни убавить, ни прибавить...

Посол Владимир Ступишин вспоминал, как на переговорах Брежнев зачитывал всё по бумаге и периодически осведомлялся у Косыгина и Громыко:

— Ну что, Алексей, хорошо я читаю?

— Хорошо, хорошо, Леонид Ильич.

— Ну что, Андрей, хорошо я читаю?

— Хорошо, очень хорошо, Леонид Ильич.

Только однажды Брежнев вдруг поднял голову и неожиданно сказал французскому президенту:

— Что мы с вами тут толчем воду в ступе? Говорим о разоружении, так это одни слова, потому что не хотите вы никакого разоружения.

Валери Жискар д'Эстэн оторопел, но быстро нашелся, и переговоры вернулись в прежнее, размеренное русло.

Леонид Ильич действовал скорее по инерции. Помнил, что у него какие-то обязанности. В 1978 году он позвонил в машину Соломенцеву, председателю Совмина РСФСР. Голос слабый, хриплый:

— Михаил Сергеевич, я тут хвораю, на постельном режиме, все мысли об урожае. Сколько нынче соберем?

В международных делах Брежнев всё больше полагался на своего министра. Когда посол в ФРГ Валентин Фалин, разговаривая с Брежневым, что-то предлагал, тот всегда интересовался:

— А что думает Громыко?

Фалин говорил:

— Министр, разумеется, в курсе. Но министр не принимает к рассмотрению точек зрения, не совпадающих с его собственной.

На это Брежнев обыкновенно отвечал:

— Я с тобой согласен. Убеди Громыко и действуй.

Брежнев заметно сдал. Глаза у него стали злые и подозрительные, писал Валентин Фалин, пропал юмор. Он перестал интересоваться внешним миром, отношением к нему людей. До 1977 года Брежнев запрещал останавливать из-за него уличное движение. А когда стал болеть, увидев скопление машин, недовольно сказал своему охраннику Владимиру Медведеву:

— Ну, подождут немного, ничего не случится. Что же, генсек должен ждать?

Приехав в аэропорт «Внуково-2», чтобы встретить важного иностранного гостя, вспоминал Карен Брутенц, Леонид Ильич обходил чиновников, выстроившихся в ряд. Увидев председателя Гостелерадио Сергея Георгиевича Лапина, немного оживлялся и спрашивал:

— Почему мало показываешь хоккей?

Если это происходило летом, то задавал аналогичный вопрос относительно футбола. Потом он в ожидании прилета самолета садился в кресло и, повернув одутловатое, неподвижное лицо в сторону, устремлял взгляд в одну точку. Казалось, он просто не сознает, где находится...

Когда Брежнев приехал в Киев открывать памятник и музей Великой Отечественной, руководители Украины поразились тому, как изменился Брежнев. На митинге он с трудом и очень медленно прочитал написанный ему текст, ни на секунду не оторвавшись от бумаги. На обеде, устроенном политбюро ЦК компартии Украины, точно так же прочитал две странички. И всё. Больше ни на что он не был способен.

Брежнев, как ни странно это звучит, по-прежнему вел дневник. Отрывки были опубликованы в перестроечные годы. Вот записи 1977 года (с сохранением орфографии):

«Смотрел “программу времени”. Ужин — сон... Зарядка. Затем говорил с Черненко... Помыл голову Толя. Вес 86-700... Портные — костюм серенький отдал — и тужурку кож. прогулочную взял... Никуда не ездил — никому не звонил мне тоже самое — утром стригся брился и мыл голову... Говорил с Подгорным о футболе и хокее и немного о конституции... Говорил с Медуновым на селе — хорошо...»

Столь же содержательными были и разговоры главы государства с самыми близкими людьми. Его внук Андрей рассказывал:

«Когда приходили гости и начинались чай и разговоры, мы старались скорее уйти, потому что выслушивать это было невыносимо: как лучше печь печенье, закатывать консервные банки или как Леонид Ильич был на охоте. Мы его охотничьи байки и так знали наизусть».

Это была уже очень странная жизнь.

Он спал десять—двенадцать часов, плавал в бассейне, ходил на хоккей, ездил в Завидово. На несколько часов приезжал в Кремль, да и то не каждый день. Принимал иностранные делегации, проводил заседание политбюро и сбегал.

Он перебрался со Старой площади в Кремль, чтобы быть подальше от аппарата ЦК, от секретарей ЦК и заведующих отделами, которые пытались к нему попасть. Теперь он был достижим только для Черненко. Андропов, Громыко и Устинов могли получить доступ к нему только в случае крайней необходимости. Всё, что должен был сказать, Брежнев зачитывал по бумажке. Если говорил от себя, то иногда терял нить разговора.

Основные решения принимались в узком кругу. Обычные механизмы власти перестали функционировать.

Суслов однажды провел заседание секретариата ЦК за одиннадцать минут. Обсуждать было нечего и незачем. Кириленко заседал дольше, потому что любил поговорить о необходимости укрепить дисциплину.

Расслабились и остальные руководители партии.

Охранник генерального записал типичный разговор между Брежневым и Черненко.

Леонид Ильич жалуется на то, что плохо спит. Черненко механически бормочет:

— Всё хорошо, всё хорошо...

Брежнев повторяет:

— Уснуть ночью никак не могу!

Черненко по-прежнему кивает (он сам принимал большие дозы снотворного):

— Всё хорошо, всё хорошо.

Тут Брежнев не выдерживает:

— Что ж тут хорошего? Я спать не могу, а ты — «всё хорошо»!

Тут только Черненко словно просыпается:

— А, это нехорошо.

Но они оба вовсе не считали, что им пора уйти на покой.

«Даже совсем старые руководители, очень больные, не уходили на пенсию, — писал министр здравоохранения академик Петровский. — Им было не до перемен. Дожить бы до естественного конца при власти и собственном благополучии. Знаете, у врачей есть даже термин “старческий эгоизм”. Так вот, в годы застоя в руководстве страны прямо-таки процветал “старческий эгоизм”».

Иван Мозговой, избранный в 1980 году секретарем ЦК на Украине, наивно-прямолинейно спросил одного из коллег по аппарату:

— Чего вы так держитесь за свое кресло? Вам уже под семьдесят. Месяцем раньше уйдете, месяцем позже — какая разница?

Наступила пауза. Потом, сжав ручки кресла, тот сказал:

— Да я буду сражаться не только за год или месяц в этом кресле, а за день или даже час!

Через несколько лет Мозговой понял, почему никто из аппаратчиков по собственной воле не уходит на пенсию. Как только самого Мозгового лишили должности, то сразу же отключили все телефоны — дома и на даче. Он связался с заместителем председателя республиканского комитета госбезопасности, с которым по пятницам ходил в сауну, возмутился:

— Да как же так? Это же форменное хулиганство!

Тот философски ответил:

— Ты же знаешь, таков порядок, это не мной придумано.

Служебную дачу после ухода с должности просили освободить в трехдневный срок. Галина Николаевна Смирнова, жена Леонида Смирнова, который долгие годы был заместителем председателя Совета министров по военно-промышленному комплексу, не выдержала этого унижения и в этот трехдневный срок умерла от инфаркта. Заместителям председателя правительства полагались двухэтажные хорошо обставленные дачи со всеми удобствами и с обслуживающим персоналом...

Рабочий день генерального секретаря сократился до минимума.

Заседания политбюро Брежнев вел по шпаргалке, сбивался, путая вопросы. Картина была грустная.

«Последние два-три года до кончины он фактически пребывал в нерабочем состоянии, — писал Громыко в своих мемуарах. — Появлялся на несколько часов в кремлевском кабинете, но рассматривать назревшие вопросы не мог. Лишь по телефону обзванивал некоторых товарищей...

Состояние его было таким, что даже формальное заседание политбюро с серьезным рассмотрением поставленных в повестке дня проблем было для него уже затруднительным, а то и вовсе не под силу».

На заседаниях политбюро справа от генерального сидели: Суслов, Кириленко, Пельше, Соломенцев, Пономарев, Демичев, а слева — Косыгин, Гришин, Громыко, Андропов, Устинов, Черненко, Горбачев.

Если Леонид Ильич начинал советоваться с Сусловым, то на другом конце стола не слышали ни слова.

Черненко подходил к Брежневу, подкладывал ему бумаги, подсказывал:

— Это надо зачитать... Это уже решили.

Заседания становились всё более короткими. Обсуждение исключалось. Черненко заранее договаривался, чтобы не обременять генерального секретаря. Брежнев зачитывал предложение, присутствующие говорили:

— Всё ясно. Согласимся с мнением Леонида Ильича...

И решение принималось.

Брежнев не зря держал возле себя Черненко, которому мог абсолютно доверять. Леонид Ильич не в состоянии был разобраться в том, что подписывал. Именно Черненко следил за тем, чтобы обезопасить шефа от ошибок и глупостей. Брежнев подписывал только то, что приносил Черненко.

Чем хуже чувствовал себя Леонид Ильич, чем меньше ему хотелось заниматься делами, тем важнее становилась роль Черненко. Для Брежнева он стал чуть ли не единственным каналом связи с внешним миром.

Константин Устинович информировал Леонида Ильича о происходящем в мире. Он готовил и приносил Брежневу проекты всех решений, которые предстояло принять политбюро, в том числе по кадрам. Поначалу Константин Устинович осмеливался только давать советы, а в последние годы фактически часто принимал решения за Брежнева. К тому времени Черненко сам стал полноправным членом политбюро. Только Константин Устинович имел возможность по нескольку раз в день встречаться с генеральным секретарем.

Галина Дорошина привозила от Черненко документы и показывала Брежневу, где ему следует подписаться.

«Как-то в Завидове Брежнев сказал о себе: “Я — царь”, — вспоминал Афанасьев. — Но царем уже тогда его ни в народе, ни в партии даже с улыбкой не называли. Ближайшее окружение пыталось создать культ, безудержно изощряясь в лести. В верноподданничестве всех превзошли южане — Грузия, Азербайджан, среднеазиатские партийные лидеры...

И все-таки мне кажется, что культа Брежнева не было. Это было только подобие культа. И в стране, и в партии относились к нему с незлой усмешкой, снисходительно, с сочувствием и жалостью. Все прекрасно знали, что он тяжело болен, никем и ничем не управляет. В Москве парадом командовало всесильное трио — Суслов, Громыко, Устинов».

Такого же мнения придерживался Валентин Фалин, который увидел его в 1978 году после большого перерыва:

«Перемены к худшему бросались в глаза. Чаще всего он пребывал во взвинченном состоянии, и сопровождающие лица, включая Громыко, старались не попадаться ему на глаза. Не по летам старый человек, числившийся лидером великой державы, отдавался в общество телохранителей и обслуги.

Перечить ему по медицинским соображениям не полагалось. Все дела обделывались за спиной генерального. Оставалось поймать момент, чтобы заручиться его формальным “добро”. Подступало время какого-то мероприятия, остатками воли Брежнев взнуздывал себя, читал заготовленные Александровым и Блатовым бумажки...»

Фалин устал от работы послом. Брежнев пошел ему навстречу, вернул в Москву и определил в аппарат ЦК, в отдел внешнеполитической пропаганды:

«Наш отдел выходил на Брежнева. Но генеральный, визируя бумаги, ничего уже не решал. Чем больше бумаг ему подсовывалось, тем меньше он сознавал, что за этими бумагами...

Повторю во избежание недоразумений: в идиотию Брежнев до конца дней своих не впадал, памяти не утратил, иногда даже припекал подхалимов. Посещая в 1978 году музей 18-й армии в Баку — она держала оборону на Малой Земле под Новороссийском, — раздраженно буркнул мне:

— Если судить по экспозиции, 18-я решала судьбу войны».

Вадим Печенев из отдела пропаганды был свидетелем того, как в январе 1981 года во время ужина все, кто работал над очередным текстом для генерального, вместе с ним смотрели программу «Время». Леонид Ильич, слушая новости, вдруг проворчал:

— Опять всё Брежнев, Брежнев, Брежнев... Неужели не надоело?..

Леонид Ильич действительно устранился от всех текущих дел, не хотел и не мог ими заниматься. Но он оставался хозяином, и по-прежнему никто не смел ему перечить. Главные рычаги управления, кадровые, оставались в его руках. В этой сфере без него и за его спиной ничего не делалось.

Когда в ноябре 1978 года Михаила Сергеевича Горбачева сделали секретарем ЦК по сельскому хозяйству — вместо умершего Федора Кулакова — Черненко доверительно сказал ему:

— Леонид Ильич исходит из того, что ты на его стороне, лоялен по отношению к нему. Он это ценит.

На следующий день после избрания Горбачев пришел к Брежневу. Тот практически не реагировал на беседу. Произнес только одну фразу:

— Жаль Кулакова, хороший был человек...

«Дальновидный Брежнев, — писал академик Чазов, — еще будучи в хорошем состоянии, так расставил кадры на всех уровнях, что мог быть спокоен за свое будущее при любых условиях, даже утратив способность к личному руководству партией и государством».

Никита Сергеевич Хрущев в семьдесят лет был куда крепче и здоровее Леонида Ильича. Тем не менее соратники, почувствовав слабость вождя, свергли его. Решительно никто не восстал против Брежнева.

«Хочу на отдых»

С 1972 года Андропов знал о бедственном состоянии здоровья Брежнева. С 1975 года — Суслов. С 1978 года заключения Четвертого главного управления о состоянии генсека передавались членам политбюро. Скрывать болезнь Брежнева стало невозможно. Он бы наверняка, заболев, лишился власти, если бы не успел к моменту болезни очистить политический небосклон от вероятных соперников и недоброжелателей.

Но Брежнев надежно обезопасил себя. Убрал всех, кто мог составить ему конкуренцию. В политбюро теперь работали либо очень престарелые люди, либо те, кто понимали, что ни на что не могут претендовать. В руководстве партией не осталось никого, кто был бы заинтересован в его уходе. Напротив, члены политбюро действительно хотели, чтобы Леонид Ильич занимал свой пост как можно дольше.

Окружение делало всё, чтобы продлить его дни у власти. Больше всех старались Андропов и госбезопасность и Черненко со своим партаппаратом.

Михаил Сергеевич Соломенцев вспоминал, что, когда ему в 1978 году исполнилось шестьдесят пять лет, он пошел к Кириленко: не должен ли он подать заявление о выходе на пенсию? Тот и разговаривать не стал. Пошел к Суслову. Это был ловко рассчитанный ход — посмотреть, какой будет реакция.

Суслов выслушал и корректно сказал:

— Вы всё освоили в экономике России. Вам сейчас работать и работать. Не рекомендую ставить этот вопрос.

Но передал разговор Брежневу.

И тот при случае спросил Соломенцева:

— Ты что, на пенсию собрался?

Соломенцев осторожно ответил, что не знает как быть — возраст вроде бы...

Брежнев, который был на семь лет старше, спросил:

— А мне, как думаешь, на покой еще не пора?

Соломенцев ответил со всей убедительностью, на какую был способен:

— Нет, Леонид Ильич, вам еще работать и работать на благо родины. Я бы возражал против вашего ухода.

Впрочем, иногда Брежнев заговаривал об уходе на покой. В апреле 1979 года Леонид Ильич вдруг сказал начальнику своей охраны Александру Яковлевичу Рябенко:

— Хочу на отдых.

Рябенко думал, что генеральный секретарь собрался в отпуск. А выяснилось, что Брежнев завел речь об отставке. Черненко собрал политбюро. Леонид Ильич сказал, что ему, наверное, пора на пенсию. Все выступили против.

— Что ты, Леня! Ты нам нужен как знамя. За тобой идет народ. Ты должен остаться, — твердили члены политбюро, повторяя, что надо генеральному секретарю создать условия для работы, чтобы он больше отдыхал.

Брежнев великодушно согласился остаться на своем посту. Это был, скорее, пробный шар. Он хотел посмотреть, кто поддержит идею насчет пенсии. Но в политбюро люди были опытные, тертые, никто промашки не допустил.

Однажды на заседании политбюро тяжелобольной Брежнев отключился, потерял нить обсуждения. После политбюро Андропов сказал Горбачеву, который уже был переведен в Москву:

— Знаешь, Михаил, надо делать всё, чтобы и в этом положении поддержать Леонида Ильича. Это вопрос стабильности в партии, государстве, да и вопрос международной стабильности.

Громыко рассказывал сыну, как они с Андроповым навестили генсека, когда тот плохо себя чувствовал. И вдруг Брежнев им сказал:

— А не уйти ли мне на пенсию? Чувствую себя плохо всё чаще. Надо что-то предпринять.

Андропов отреагировал быстрее медлительного Громыко:

— Леонид Ильич, вы только живите и ни о чем не беспокойтесь. Только живите. Соратники у вас крепкие, мы не подведем.

Брежнев растрогался и со слезами на глазах сказал:

— Если вы все так считаете, то я еще поработаю.

В реальности Леонид Ильич уходить не собирался. И о скорой смерти, как и любой нормальный человек, он не думал, поэтому его разговоры относительно преемника — это было не всерьез.

В 1976 году Брежнева вновь наградили золотой звездой героя. Вручал ее Кириленко.

— Дорогой Леонид Ильич, — зачитывал Кириленко по бумажке, — я прежде всего хочу сказать, что я беспредельно счастлив, что в этот радостный и незабываемый для меня день ты, Леонид Ильич, — вместе с нами — твоими друзьями, которые вот уже второе десятилетие плодотворно работают под твоим мудрым руководством... Весь твой жизненный путь, твоя мудрость и талант дали тебе возможность собрать и впитать в себя такие драгоценные качества партийного и государственного деятеля, которые присущи только великому человеку нашего времени, вождю нашей партии и всех народов нашей Отчизны...

Семидесятилетие Брежнева отмечалось широко. Людмила Зыкина сказала красивый тост, выпила рюмку водки и разбила ее об пол. В Екатерининский зал Кремля пригласили и ветеранов 18-й армии.

Семидесятипятилетие Брежнева в 1981 году отмечалось еще более пышно. Он получил четвертую медаль Героя Советского Союза. Обед устроили в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Председательствовал на обеде или, точнее, был тамадой Суслов. Он даже позволял себе шутить:

— Ну, опять надо нового оратора объявлять, так и поесть не успеешь...

Поздравляли Леонида Ильича представители всех республик, военачальники, деятели науки и культуры. Бесконечно звучали эпитеты «великий» и «мудрый». Речи перемежались концертными номерами.

Министр среднего машиностроения (атомная промышленность) Ефим Павлович Славский прошел в президиум и, подняв бокал с коньяком, провозгласил тост за то, что благодаря Брежневу Советский Союз укрепил свое положение сверхдержавы.

Тост Брежневу понравился, как и сам Славский, который был на восемь лет старше Леонида Ильича, а работал как молодой. Глядя на никогда не болевшего Ефима Павловича, Брежнев и сам приободрился.

Пообедав, Леонид Ильич принимал снотворное и часов в пять ложился вздремнуть в комнате отдыха. Проснувшись, спрашивал у дежурных секретарей:

— Что нового?

Как только начинал волноваться, сам принимал успокаивающие препараты. Если в тот день был хоккейный или футбольный матч, звонил Лапину:

— Сережа, а хоккей-то я не посмотрел.

— Леонид Ильич, так мы транслировали матч.

— А ты еще раз покажи, — говорил Брежнев. — Сегодня не можешь, повтори завтра.

И повторяли — «по просьбе телезрителей».

Еще Леонид Ильич любил музыкальные передачи легкого жанра, праздничные «Огоньки», особенно выделял оперетту и цыган, поэтому в концерте обязательно участвовал Николай Сличенко.

Иностранные дипломаты видели, что Брежнев неработоспособен. Инструктировали своих лидеров, что он сможет отдать переговорам максимум два часа, бóльшую часть времени займет чтение заготовленного текста, так что возможность что-то обсудить весьма ограничена.

В августе 1977 года в Москву прилетел президент Анголы Агостинью Нето. Он вдруг задал прямой вопрос относительно недавнего военного мятежа в Луанде:

— Я прилетел, чтобы от вас лично узнать, принимала ли Москва участие в заговоре против меня или нет? Меня информировали, что многие ваши люди были замешаны.

Все посмотрели на Брежнева, ожидая, что он ответит. Леонид Ильич, словно не слыша вопроса, приступил к чтению заготовленной для него справки:

— Обстановка у нас хорошая, виды на урожай отличные...

Откровенное нежелание Леонида Ильича говорить на эту тему подтверждало худшие предположения ангольцев: значит, советские спецслужбы и военные действительно пытались свергнуть Нето. А Брежнев действительно не услышал вопроса и, как автомат, следовал утвержденному ритуалу. Закончив читать текст, сам себя одобрил:

— Хорошо прочитал.

Только потом советским дипломатам удалось поговорить с ангольцами и развеять их сомнения.

В декабре 1979 года Виталий Воротников, назначенный послом на Кубу, прилетев в отпуск, решил доложиться Брежневу. Ему назначили встречу на 17 декабря на шесть вечера. Воротников приехал в Кремль. В приемной никого не было.

В течение получаса к Брежневу входили сотрудники охраны, врач с чемоданчиком, парикмахер. После дневного сна его приводили в порядок. Дежурный секретарь в приемной попросил Воротникова говорить погромче и предупредил, что у Леонида Ильича есть десять-пятнадцать минут.

Болезненный, старческий вид Брежнева поразил посла. Леонид Ильич был настроен доброжелательно, сказал:

— Начал ты неплохо. Отзывы хорошие.

Велел передать Фиделю Кастро привет и пригласить его в Советский Союз.

— Большой привет также Раулю. Я Раулю посылаю всегда к Новому году овсяные хлопья, гречку, красную рыбу, набор вин.

Брежнев постоянно отхлебывал кофе с молоком, у него, видимо, сохло во рту. Говорил медленно, как будто у него во рту каша.

В 1978 году в Большом театре отмечалось стопятидесятилетие со дня рождения Льва Толстого. На вечере выступил и аргентинский писатель-коммунист Альфредо Варела. Его переводила Людмила Синянская, работавшая в иностранной комиссии Союза писателей. Когда заседание закончилось, вспоминала она, «все партийные вожди по дороге к кулисам, проходя мимо нас, сидевших последними в ряду, пожимали руку Альфредо Вареле со словами: “Спасибо вам”, а потом — мне: “И вам — тоже”.

Брежнев слов не выговорил, что-то пророкотал, но руку, вялую, как будто без костей, протянул. Он вообще был похож на огромную надувную игрушку».

В апреле 1979 года в Москву приехал президент Франции Валери Жискар д’Эстэн. Зная брежневские пристрастия, привез ему в подарок два автомобиля типа «джип».

Когда поехали в город, Леонид Ильич сказал президенту:

— Я встретил вас в аэропорту вопреки мнению врача. Он запретил мне это.

На лбу у Брежнева выступили капельки пота. Он вытер его платком.

— Должен признаться, я очень серьезно болен, — произнес Леонид Ильич отрешенным и спокойным тоном.

«Я затаил дыхание, — писал впоследствии Жискар д’Эстен. — Сразу же представляю, какой эффект могло бы произвести это признание, если бы радиостанции разнесли его по всему миру. Знает ли он, что западная печать каждый день обсуждает вопрос о его здоровье, прикидывая, сколько месяцев ему осталось жить?»

— Вы, наверное, помните, что я мучился из-за своей челюсти, — продолжал Брежнев. — Это раздражало, но всё теперь позади.

«В самом деле, кажется, дикция стала нормальной и щеки уже не такие раздутые, — думал президент Франции. — Но с какой стати он сообщает это всё мне? Понимает ли он, чем рискует? Отдает ли себе отчет в том, что рассказ об этом или просто утечка информации губительны для него?»

— Теперь всё намного серьезнее, — делился с французским гостем генеральный секретарь, — но врачи утверждают, что есть надежда. Они рассчитывают меня вылечить или, по крайней мере, стабилизировать болезнь. Я вам говорю это, чтобы вы лучше поняли ситуацию. Но я непременно поправлюсь, вот увидите. Я крепкий парень!

Наверное, Леонид Ильич твердо верил в это. Но последние поездки за границу и встречи с иностранными делегациями были постыдны. Единственный, кто этого не понимал, был сам Леонид Ильич. Он уже ни слова не мог сказать без бумажки. Но и по бумаге читал плохо, с невероятными ошибками. С трудом ходил, ему помогали. Но окружение настаивало:

— Вам нужно показаться народу.

И Брежнев появлялся на экранах.

— Он стремился как можно быстрее закончить переговоры, — вспоминал Виктор Суходрев, — и уходил в комнату отдыха, и уже даже помощникам нельзя было к нему пробиться с важными бумагами.

Во время официальных обедов томился — ничего не ел. Своему переводчику Суходреву доверительно сказал:

— Приеду сейчас домой, там и покушаю: съем вареное яичко, две сосиски — вот и весь мой ужин...

Иногда он посредине обеда порывался встать и уйти, что неминуемо вызвало бы скандал. Обаятельный Суходрев отвлекал его разговорами.

Поскольку Брежнев уставал и тяготился официальными мероприятиями, обеды в Грановитой палате проходили в ускоренном темпе. Официанты меняли блюда, не давая возможности иностранным гостям поесть.

Летом 1982 года во время обеда в честь президента Чехословакии Густава Гусака в Грановитой палате, вспоминал охранник Владимир Медведев, Леонид Ильич, не отдавая себе отчета в том, что говорит очень громко, прямо во время речи высокого гостя обратился к главе правительства Тихонову:

— Николай, ты почему не закусываешь?

Густав Гусак замолчал. А Брежнев продолжал говорить, и голос разносился по залу:

— Это мне есть нельзя. А ты давай, Николай... Вот хоть семгу возьми.

Однажды во время прогулки Александров-Агентов сказал Брутенцу:

— С Леонидом Ильичом стало трудно. Он всю жизнь был удачлив, ему неизменно везло, и это наложило свой отпечаток. Всегда был бонвиваном, а сейчас положение, возраст, болезни, склероз... Стал очень капризен и часто ведет себя как барин. К работе относится с неприязнью, всячески отлынивает.

Квартира Брежневых находилась на Кутузовском проспекте. Обслуживающий персонал — повар, официантка, уборщица. Охрана располагалась на первом этаже. В этом же подъезде имели квартиры Андропов и Щелоков, еще несколько семей крупных начальников.

Георгий Павлов, управляющий делами ЦК, построил жилой дом для высших руководителей на Звенигородской улице. Чудесное место, рядом Москва-река. На каждом этаже — только две квартиры. Внизу помещения для охраны. Планировались, что там займут квартиры Брежнев, Подгорный, Полянский, Громыко. Но Николая Подгорного освободили от должности председателя президиума Верховного Совета СССР, Дмитрия Полянского перевели в министры, затем в послы. И Брежнев отказался от новой квартиры.

Что же делать с домом? Косыгин предложил отдать дом академикам.

Уже к концу брежневского правления Георгий Павлов построил на улице Щусева еще один новый дом: камины, просторные залы, по две кухни в каждой квартире.

Четвертый этаж был спроектирован по особому заказу — более высокие потолки и окна. Этаж предназначался Брежневу. Но в последний момент он отказался переезжать. Виктория Петровна даже не сумела его уговорить заехать посмотреть квартиру. Пожилой человек, он не хотел перебираться на новое место. Любые перемены его раздражали. Леонид Ильич никогда не ночевал в городе. Любил жить на даче. Сначала в старом деревянном доме.

Чазов вспоминает, что однажды, вернувшись из отпуска, приехал к генеральному секретарю и «увидел на месте скромного деревянного дома большую мраморную дачу с зимним и летним бассейном, большой столовой, красивым интерьером».

На третьем этаже находились библиотека и кабинет с диваном. К письменному столу примыкала тумба с телефонным пультом прямой связи с высшими чиновниками страны. В библиотеке — старые книги, фотоальбомы, издания, посвященные боевому пути 18-й армии и Малой Земле. Словом, книги не для чтения, а чтобы на полки поставить. Леонид Ильич ничего не читал, но в выходные дни после обеда отдыхал именно в библиотеке, куда никто не имел права зайти.

На втором этаже находились спальни Леонида Ильича и Виктории Петровны, а также комнаты для детей с отдельными туалетами и ванными.

На первом этаже — столовая с кухней, холл и кинозал с бильярдом. Бильярд он не очень любил. А фильмы смотрел с удовольствием, особенно видовые о природе и животных.

Около одиннадцати вечера Брежнев ложился спать, вставал в девять.

В доме был бассейн, где Леонид Ильич плавал каждое утро и под наблюдением врачей делал гимнастику.

Рядом с домом стоял теннисный корт, но в теннис никто не играл. Брежнев завел голубятню, за которой следил прапорщик из охраны. Вечером, вернувшись из города, Леонид Ильич любил пройтись по огромной территории дачи.

Виктория Петровна болела диабетом, ездила лечиться в Карловы Вары. Постепенно у нее развилась сердечная недостаточность. Врачи боялись за ее жизнь. Но она пережила мужа и умерла в 1995 году. Проводить ее в последний путь собрались немногие...

По отзывам людей, ее знавших, Виктория Петровна была тактичная и мудрая женщина, доброжелательная и хлебосольная. Пожалуй, слишком мягкая. Возможно, поэтому дети, Галина Леонидовна и Юрий Леонидович, не выдержали испытания звездным положением отца и пристрастились к алкоголю.

Для Галины уход отца из жизни стал катастрофой.

— Мои друзья, — жаловалась она, — разбежались, как тараканы, боялись мне позвонить. Когда я кому-нибудь из них звонила, они отвечали чужими голосами: дескать, старые жильцы съехали и телефона их не знаем. А у меня память на голоса отменная...

Галина Леонидовна Брежнева не справилась с новой жизнью — без отца и мужа. Работать она не могла, а наследство быстро спустила. Это очень печальная история. Последние годы она провела в психиатрической больнице № 2 Домодедовского района Московской области. Обозреватель ежемесячника «Совершенно секретно» Лариса Кислинская пишет, что в больницу ее отправила дочь от брака с Евгением Тимофеевичем Милаевым Виктория, внучка Леонида Ильича. Виктория оформила опекунство над матерью и продала ее квартиру на улице Щусева (ей эти деньги тоже не принесли счастья).

Из больницы, откуда ее не выпускали, Галина Леонидовна послала двум подругам, Миле Москалевой, бывшей артистке цирка, и Наташе Милаевой, дочери ее первого мужа Евгения Милаева, мольбу о помощи:

«Здравствуйте, Наташенька и Милочка!

Я вам писала, но не уверена, что вы получаете мои письма, так как я не знаю адресов, кроме как цирк. Может, это дойдет.

9 августа 1994 года я почувствовала себя плохо (после вечерних посиделок). Позвонила Витусе. Она приехала со своим знакомым из Министерства здравоохранения. Он знает все больницы, и они привезли меня, оформили документы и уехали.

Потом я узнала, что больница эта психиатрическая. Срок лечения три месяца. Я немного подлечилась и написала главному врачу, чтобы меня выписали. Она сказала, что дочь взяла опекунство, и теперь меня не выписывают. И так прошло два с лишним года. Она не приезжает, и никаких вестей от нее нет.

Что делать? Жаловаться. Но отсюда это невозможно. Постарайтесь, что сможете сделать, сделать для меня. Пожаловаться можно в Министерство здравоохранения — ведь больницы подчиняются ему. Также в суд по месту жительства. Краснопресненский суд — вы его знаете... Девочки! Устала я очень за два года в дурдоме. Помогите...»

30 июня 1998 года Галина Брежнева умерла в больнице.

Леонид Ильич очень расстраивался и из-за семейных дел своей внучки Виктории, которую любил, кажется, больше всех.

Андрей Брежнев, сын Юрия Леонидовича, писал о своей двоюродной сестре Виктории: «Еще в школе она разошлась с матерью, не принимая ее образ жизни, ушла от нее, отказывалась встречаться, жила у бабушки, которая, собственно, ее и воспитала».

Виктория вышла замуж за Михаила Филиппова, но брак развалился. В 1977 году у Виктории Брежневой, которая училась в ГИТИСе на театроведческом факультете, завязался роман со студентом Геннадием Варакутой.

Леониду Ильичу не понравился кандидат в женихи. Руководитель московского управления КГБ генерал Виктор Алидин выделил сотрудника пятой службы, который занялся Варакутой. За молодым человеком ходили оперативники службы наружного наблюдения, его телефон прослушивался. Все материалы изучал старый друг Брежневых первый заместитель председателя КГБ генерал Цинев.

Геннадия Варакуту перевели в Ленинград в надежде, что расстояние разлучит его с внучкой генерального секретаря. Но роман продолжался. Московские чекисты приезжали посмотреть, как ведет себя жених.

Геннадий и Виктория все-таки поженились, у них родилась дочь Галина, названная в честь бабушки. Виктория уехала к мужу в Ленинград. Расставаясь с внучкой, Леонид Ильич всплакнул. Потом и этот брак распался...

Виктория Петровна почти никуда не ездила с мужем. Сама не хотела, предпочитала заниматься семьей. Леонида Ильича это устраивало.

Стефан Могилат, который многие годы был помощником Арвида Яновича Пельше, члена политбюро и председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, вспоминал о «неразборчивой любвеобильности Брежнева».

Заместитель председателя Комитета партийного контроля Сергей Осипович Постовалов вернулся с одного из первых заседаний секретариата ЦК, проходившего уже под председательством Брежнева, и рассказал:

— Удивил новый первый. Сказал сегодня: «Ну и работенку вы мне подкинули — некогда и к девкам сбегать!»

По словам Могилата, «скоро бегать первому секретарю и не пришлось. На очередных любовниц генсека в самом аппарате ЦК пальцем показывали».

О веселой жизни Леонида Ильича рассказов было много. Назывались даже имена — то актрисы, то певицы. Потом ситуация упростилась — в ход пошли те, кто под рукой, кто находился в подчиненном положении, с кем не надо было тратить время на ухаживания — стюардессы, медсестры.

В сентябре 1971 года Шелесту позвонил в Крым Брежнев, пригласил в Завидово на утиную охоту.

«На охоте были Брежнев, Подгорный, Гречко, Машеров, наезжали Полянский и Демичев, — записал Шелест в дневнике. — Много говорили обо всем, меньше всего о делах. Много пили.

Охоту эту организовал для начальства Гречко, ведь Завидово — это хозяйство Гречко. После первого дня охоты, вечером, когда за столом изрядно выпили, Брежнев пригласил к столу какую-то девку — все время лизался с ней и буквально распустил слюни, а затем исчез с ней на всю ночь. На второй день охоты Брежнев взял к себе в лодку свою ночную спутницу.

Подобные “эксперименты” он повторял каждый раз, на любой охоте. Каждый раз было противно смотреть на этот ничем не прикрытый разврат. А что скажешь? И кто может об этом сказать? Между собой ведем разговоры.

Гречко с благословения Брежнева нам с Машеровым подарил хорошие охотничьи финские костюмы».

Брежневу понравилось в Америке, вел он себя уверенно и свободно. Поскольку он полетел без жены, то два дня с ним провела стюардесса его личного самолета. Брежнев даже представил ее президенту Ричарду Никсону, тот и бровью не повел, только вежливо улыбнулся. Уходя, сказал ей:

— Берегите генерального секретаря.

Леонид Замятин рассказывал:

— К женщинам, которые вокруг него работали, он интереса не проявлял. Зато всякий раз, когда он куда-то летал, в экипаж включалась специальная стюардесса.

— Значит, кто-то в окружении Леонида Ильича занимался его интимными делами?

— Глава «Аэрофлота», — ответил Замятин.

Племянница генсека, Любовь Яковлевна Брежнева, дочь брата, вспоминала, что Леонид Ильич увлекся медсестрой, которая была рядом с ним в последние годы:

— Дядя никогда не был счастлив в семье, никогда не любил свою жену. Они были вообще очень разными. Виктория Петровна — замкнутый, необаятельный, некоммуникабельный человек. И он — полная противоположность. С развитым чувством дружбы, открытый, нравился женщинам. Поэтому все эти флирты и увлечения были как бы некоторым оправданием.

По неписаным правилам партийной этики, все проблемы, связанные с семьей генерального секретаря, председатель КГБ обсуждал с ним один на один — и то, если ему хватало решимости. Однажды Андропов робко заговорил с Брежневым о том, что муж медсестры, которая ухаживает за генеральным секретарем, слишком много болтает, поэтому, может быть, есть смысл сменить медсестру? Имелось в виду, что между Брежневым и медсестрой возникли отношения, выходящие за рамки служебных.

Брежнев жестко ответил Андропову:

— Знаешь, Юрий, это моя проблема, и прошу больше ее никогда не затрагивать.

Об этой беседе стало известно лишь потому, что Андропов пересказал ее академику Чазову, объясняя, почему он больше никогда не посмеет вести с генеральным секретарем разговоры подобного рода. Юрий Владимирович Андропов боялся лишиться своего места.

Личная медсестра генерального секретаря Нина Александровна Коровякова была, судя по фотографиям, видной, привлекательной женщиной. Ходили слухи, что она была последней любовью генерального секретаря.

Сама Нина Коровякова много лет спустя в газетном интервью наотрез отказалась говорить о своих особых отношениях с генеральным секретарем:

— В конце жизни он был пожилой, больной человек. С каждым такое может случиться, зачем всё это описывать. У него был инсульт. Ну вы представляете себе человека после инсульта?

Рядом с кабинетом Брежнева в Кремле устроили медицинский кабинет. В нем по очереди дежурили три сестры. Леонид Ильич обратил внимание на Коровякову.

По словам Чазова, Нина Коровякова получила трехкомнатную квартиру в доме управления делами ЦК КПСС, ее муж быстро сделал карьеру — из майора превратился в генерала. В 1982 году он погиб в автокатастрофе.

Дмитрий Полянский возмущенно выговаривал академику Чазову за то, что его медсестра садится за стол с членами политбюро, которые обсуждают государственные проблемы. Полянский требовал от Чазова, чтобы он принял меры и привел медсестру в чувство.

Ее с трудом убрали из окружения генерального секретаря. Занимался этим сам Чазов, который считал, что медсестра сама выдавала Леониду Ильичу успокаивающие препараты.

— Я, честно говоря, был удивлен, — вспоминал лечащий врач Косарев, сменивший Родионова. — При той строгости, какая была в Четвертом главном управлении, какая-то медсестра имела свободный доступ к наркотическим препаратам и в любой момент давала лекарства на свое усмотрение.

Возможно, дело еще и в том, что она приобрела слишком большое влияние на генерального секретаря, а это не устраивало брежневское окружение, Чазова в первую очередь.

Хирург Прасковья Николаевна Мошенцева писала в книге «Тайны кремлевской медицины», что однажды в больнице на улице Грановского стала свидетельницей разговора Брежнева с Чазовым.

— Женя, — сказал Брежнев, — не выписывай меня, пожалуйста. Не хочу домой. Опять с женой начнется...

Чазов обещал не выписывать, хотя свежий воздух на даче был бы ему полезен.

Насколько известно, Леонид Ильич и Виктория Петровна никогда не ссорились. Он был хорошим семьянином, очень переживал из-за дочери и сына. Но дома у него не было собеседников, не с кем было поговорить. Он стремился в Завидово, чтобы вырваться из дома и не слышать ни о каких проблемах. Здесь собирались люди, среди которых он чувствовал себя комфортно. Охотничий заповедник стал его вторым домом. Он уезжал туда днем в пятницу, а на дачу возвращался в воскресенье вечером.

В Завидове, пишет Карен Брутенц, зашел разговор об Олимпийских играх в Москве: «Кто-то стал напористо доказывать, что это “не ко времени”, в стране столько проблем, а придется выбросить четыре миллиарда рублей и тому подобное».

Рассуждения произвели впечатление на Леонида Ильича. Он пошел кому-то звонить. Но, вернувшись, сказал:

— Поздно. Мы уже дали обязательство. Игнатий сорок с лишним стран объехал.

Игнатий Трофимович Новиков учился с Брежневым в Днепродзержинском металлургическом институте. Он был замом Косыгина и председателем Госкомитета по строительству. С 1975 года был председателем организационного комитета Олимпийских игр в Москве...

Но в основном в Завидове Брежнев отдыхал. Вечером, вспоминал Вадим Печенев, Леонид Ильич смотрел кино. Сначала демонстрировали «Альманах кинопутешествий», который так нравился Брежневу. Затем показывали какой-нибудь фильм. Рядом садилась уравновешенно-благожелательная Галина Дорошина. Она давала пояснения, если Брежнев чего-то не улавливал. С другой стороны устраивался руководитель группы консультантов отдела ЦК по связям с социалистическими странами Николай Владимирович Шишлин.

— Николай! — звал его Брежнев. — Садись тут рядом, кури!

Шишлин дымил весь сеанс, Брежнев с удовольствием вдыхал табачный дым.

В последние годы Шишлин и Блатов регулярно ездили вместе с Брежневым в Крым, где тот отдыхал летом, составляли вполне разумные записки, поступавшие в политбюро от имени генерального секретаря.

В первых числах января 1981 года в Завидове Печенев участвовал в работе над отчетным докладом ЦК КПСС XXVI съезду партии.

За длинным столом сидела обычная бригада. Сам Брежнев в шерстяном полуспортивном костюме устроился с края. Проект доклада читали вслух. Перед ним лежала копия текста, отпечатанная на специальной мелованной бумаге крупным шрифтом.

В проекте доклада говорилось о коррупции в здравоохранении. Брежнев спросил:

— Неужели это правда? Неужели до этого докатились?

Помощники подтвердили, что дело обстоит именно так, а Александров-Агентов добавил:

— Знаете, Леонид Ильич, даже в ЦКБ есть твердо установленная такса — сколько за какую операцию давать «на лапу».

Брежнев удивленно покачал головой, и чтение продолжилось. В окончательном варианте текста этот пассаж отсутствовал — его вычеркнули Суслов и Андропов.

Брежнев плохо представлял себе ситуацию в государстве, хотя, казалось, был самым информированным человеком. Но он искренне полагал, что советский народ идет к коммунизму. Читал «Правду» и верил, что как написано, так оно и есть.

Леонид Ильич плохо слышал. Галина Дорошина, стенографистка, которую назначили консультантом общего отдела ЦК, терпеливо повторяла, если Леонид Ильич чего-то не расслышал.

Прямо перед Леонидом Ильичом стоял белый аппарат спецкоммутатора. Время от времени он поднимал трубку и просил соединить с кем-либо из членов политбюро, а то звонил жене:

— Алло! Позовите, пожалуйста, Викторию Петровну.

Телефонистки спецкоммутатора немедленно находили ему нужного человека.

«В Москву нас до окончания работы не пускали ни в субботу, ни в воскресенье, — рассказывал Виктор Афанасьев. — Территория хозяйства бдительно охранялась. Кто-то, балдея от столь веселой жизни, сочинил "завидовский гимн", припев которого повторял слова популярной в то время песни:

Я пошел бы, я пошел за поворот.
Я пошел бы, я пошел за поворот,
Но девятка, но девятка не дает.

"Девятка" — это 9-е управление КГБ, обеспечивающее безопасность важных государственных объектов, а также особ высокого ранга...

Как-то мне до чертиков надоело "балдеть в Завидове", я расхрабрился и пошел к генеральному. Будучи майором запаса, обратился к нему так:

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите отбыть на сутки в увольнение?

Брежнев отечески улыбнулся:

— Небось, выпить захотелось? Ну, иди».

Брежнев уже утратил вкус ко многим радостям жизни. Сам он не пил, поэтому и другим не наливали. И все же как-то раз Николай Шишлин, к которому Леонид Ильич прислушивался, уговорил его поставить на стол спиртное. Официанты принесли «Московскую», Леониду Ильичу налили чешского пива.

По такому случаю Анатолий Иванович Лукьянов, в ту пору начальник секретариата президиума Верховного Совета СССР, сочинил стишок:

> Как-то вечером Шишлин
> Подбивал под водку клин,
> И при нонешном размахе
> Всем досталось по рюмахе,
> В том же духе продолжай,
> Чудотворец Николай!

Даже день рождения Леонид Ильич иногда проводил не на даче с семьей, а в Завидове в привычном кругу.

Так, 19 декабря 1975 года, вспоминал Брутенц, Брежнев предпочел остаться в Завидове, заметив, что «Дима (то есть Устинов) болен, а Андрей (Громыко) в отъезде». Домой он лишь заскочил (на вертолете) накоротке днем. С семи до двенадцати вечера за столом с Брежневым сидели шесть международников из ЦК, егерь, двое охранников. Все произносили тосты за здоровье именинника.

Черненко прислал список поздравивших Леонида Ильича и письма трудящихся, вспоминал присутствовавший там Черняев. Леонид Ильич с удовольствием их зачитывал: один предлагал сделать Брежнева пожизненным генсеком, другой требовал присвоить ему звание генералиссимуса...

Болезнь и неограниченная власть привели к деградации Брежнева как политика и как человека, писал много лет наблюдавший его вблизи Александр Бовин. Он перестал контролировать себя, утратил способность самокритики, всерьез воспринимал славословия. Когда заболел, проявились неприятные черты характера — подозрительность, готовность верить сплетням, желание покрасоваться, фантастическое тщеславие.

Удовольствие он стал получать от того, что прежде не было для него таким уж важным — от подарков. Он обожал машины. Ему дарили автомобили, и он радовал близких машинами. Зятю, Юрию Чурбанову, презентовал «Рено-16».

К семидесятилетию Брежнева в декабре 1976 года выпустили новую «чайку» (ГАЗ-14). Первый автомобиль для Брежнева выкрасили в темно-вишневый цвет.

Он любил ездить на бешеной скорости. Острые ощущения, возможно, помогали ему приободриться, выйти из полусонного состояния, в которое его вводили успокоительные препараты. Работавший в программе «Время», главной информационной программе той эпохи, Дмитрий Дмитриевич Бирюков вспоминал, как в конце 1970 года в студию на Шаболовке приехал Леонид Ильич, чтобы посмотреть запись первого новогоднего поздравления советскому народу. Брежнев сам сел за руль и примчался на Шаболовку на сером спортивном «мерседесе». За ним следовала охрана на «чайке».

В студии Брежневу показали запись — изображение вывели сразу на два монитора, чтобы всем было видно. Одинаковых мониторов не бывает, одна и та же картинка на разных экранах всегда немного отличается по цветовой гамме, качеству изображения. Брежнев об этом не подозревал. Сравнив себя на двух экранах, сказал Лапину:

— Сергей, мне больше нравится изображение на правом экране.

Лапин не стал ничего объяснять высокому гостю:

— Леонид Ильич, отлично, мы покажем пленку, которая вам больше понравилась. Будьте спокойны.

И довольный Брежнев уехал.

Накануне поездки в Америку Леонид Ильич попросил американцев, чтобы ему подарили машину. Ему преподнесли дорогой лимузин «континенталь» с мощным мотором. Американское правительство не располагало средствами для покупки такой дорогой машины, в Белом доме попросили нескольких крупных бизнесменов скинуться, дабы укрепить отношения с Россией.

Брежнев был очень доволен и захотел немедленно опробовать подарок. Он усадил в машину Никсона и Добрынина, который им переводил, и с места рванул машину, а через сто метров резко затормозил на крутом повороте. Не ожидавший этого Никсон едва не выбил лобовое стекло головой.

Но президент не показал, что испугался. Когда поездка закончилась, любезно сказал:

— Господин генеральный секретарь, вы хорошо водите машину.

Брежнев принял это за чистую монету.

«Бросалось в глаза то, что он как-то по-детски наслаждается вещами, — писал Карен Брутенц, — питал явную слабость к красивой одежде, любовался, например, своей бобровой шубой, с гордостью демонстрировал специально для него изготовленные электронные часы, которые только-только входили тогда в моду...»

Лидеры крупных стран дарили ему машины или очень дорогие охотничьи ружья, собралась приличная коллекция в несколько десятков стволов. Соратники и подчиненные приносили золотые часы, вазы, драгоценности. Всё это потом у семьи отобрали.

Брежневу вручали бесконечные ордена социалистические страны, зная, что ему это нравится. Он стал трижды Героем Чехословацкой Советской Социалистической Республики, трижды Героем Народной Республики Болгарии, трижды Героем Германской Демократической Республики, Героем Монгольской Народной Республики и Героем Труда Монгольской Народной Республики, Героем Кубы, Героем Народно-Демократической Республики Лаос, Героем Труда Социалистической Республики Вьетнам.

Для наград ему сделали большую шкатулку. Он часто доставал ордена, как ребенок, перебирал их. Он с удовольствием принимал премии, почетные звания, даже значки.

Подчиненные рады стараться. В 1973 году ему дали Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». В 1975-м — Золотую медаль Мира имени Фредерика Жолио-Кюри. В 1977-м — Золотую медаль имени Карла Маркса, высшую награду Академии наук СССР в области общественных наук.

В очередной день рождения, когда появился стандартный указ о награждении, Замятин сказал:

— Леонид Ильич, они бы лучше вам какой-нибудь хороший подарок сделали.

— Подарок подарком, — ответил Брежнев, — а орден пусть дадут.

При обмене партийных билетов ему выписали билет № 2 (первый он сам подписал Владимиру Ильичу Ленину). Придумали значок «50 лет пребывания в КПСС» и наградили им Брежнева.

«Однажды Леонид Ильич, — писал заместитель министра внешней торговли Сушков, — принимал американскую фирму, был остроумен, оживлен, беседа удалась. Уходя, американцы оставили ему подарки. Он осмотрел их и, когда они ушли, сказал Патоличеву:

— Николай, вот американцы люди богатые, а дарят всегда говно!

Рассмеялся, вызвал своего помощника и распорядился передать подарки дочери и сыну».

Тогдашний управляющий делами правительства Михаил Сергеевич Смиртюков рассказывал в журнальном интервью, как к семидесятипятилетию Брежневу преподнесли инкрустированную шкатулку. Смиртюков зашел к главе правительства Николаю Тихонову, чтобы доложить — подарок вручил. И тут позвонил Брежнев:

— Слушай, вот тут Смиртюков коробку какую-то принес. Это от кого — от Совмина или от тебя?

Тихонов понял, что с подарком не угодили, и тут же нашелся:

— Это от управления делами Совмина, Леонид Ильич.

Брежнев прямо поинтересовался:

— А от тебя что?

— А я купил золотые карманные часы, но как вручить вам, не знаю, стесняюсь.

— А чего стесняться? — удивился Брежнев. — Давай присылай быстрее, а то я сейчас уеду.

У него появились тщеславие, желание покрасоваться.

Однажды Чазов увидел у него на руке массивное золотое кольцо с печаткой. Леонид Ильич спросил:

— Правда, красивое кольцо и мне идет?

Любовь к драгоценностям — это было что-то новое. Академик выразил легкое сомнение: не удивятся ли окружающие интересу генерального секретаря ЦК КПСС к золотым кольцам? Председатель Гостелерадио Сергей Лапин запрещал телеведущим появляться в кадре даже с обручальным кольцом.

«Посмотрев на меня почти с сожалением, что я такой недалекий, — писал Чазов, — Леонид Ильич ответил, что ничего я не понимаю и все его товарищи, все окружающие сказали, что кольцо очень здорово смотрится и что надо его носить».

Югославский лидер Иосип Броз Тито, сибарит и гедонист, подарил Брежневу перстень, и Леонид Ильич некоторое время его с удовольствием носил. Рассказывали, что и руководитель Азербайджана Гейдар Алиевич Алиев подарил генсеку перстень. Впрочем, Юрий Чурбанов говорил, что перстень преподнес отцу на семидесятилетие Юрий Брежнев. Леонид Ильич радовался не только красивой игрушке, но и тому, что это подарок сына.

«Малая Земля» в литературе и на сцене

В Завидове Леонид Ильич не раз говорил, что мечтает написать книгу «Анкета и жизнь» — о том, что стоит за строчками его биографии. И вновь с удовольствием читал стихи — Есенина, Апухтина.

Эта идея вскоре реализовалась.

Заместителя директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Петра Александровича Родионова вызвали к Зимянину.

Михаил Васильевич распорядился:

— Есть поручение оперативно подготовить и издать краткий биографический очерк о Леониде Ильиче Брежневе. Срок исполнения — шесть месяцев.

Издание официальной биографии генсека стало лишь началом. Леонид Ильич хотел, чтобы была описана история его героической жизни.

По словам Георгия Арбатова, «у Брежнева была хорошая память, и он любил рассказывать, подчас довольно остроумно, точно схватывая детали, разные забавные истории. Вспоминал молодость, фронтовые годы, секретарство в Запорожье, работу в Казахстане и Молдавии. При этом часто повторялся, но никто не подавал виду, что это уже известно, — смеялись, выражали одобрение».

Сам Брежнев стал жаловаться:

— Ну, когда книга будет? Говорю-говорю, и никто не помогает. Я же не писатель.

Окончательное решение было принято в поезде, на котором Брежнев ехал в Тулу вручать награду городу.

В салон-вагон пригласили Леонида Митрофановича Замятина, который стал играть видную роль в окружении Брежнева. Черненко сказал ему:

— Леонид, мы тут говорили о книге Леонида Ильича. Надо ее сделать.

Замятин кивнул.

— Надо найти писателей и им поручить, — предложил Черненко.

— Зачем? — возразил Леонид Ильич. — Давайте Замятину поручим.

Леонид Ильич перевел Замятина из ТАСС на Старую площадь, когда в аппарате ЦК создали отдел внешнеполитической пропаганды (в открытых документах он назывался отделом международной информации). Замятину разрешили в нарушение правил набрать тех, кого он считал нужным. Он обошелся без партийных чиновников и взял в отдел опытных журналистов-международников. Первым замом Замятина стал Валентин Михайлович Фалин.

Имелось в виду, что новый отдел даст отпор империалистической пропаганде или, как выразились бы сейчас, займется созданием благоприятного имиджа страны за рубежом.

Более всего Замятин должен был заботиться об образе Леонида Ильича. Замятин сам стал автором большого публицистического фильма «Повесть о коммунисте», удостоенного Ленинской премии. И он же организовал написание брежневских мемуаров. Они начались с «Малой Земли», описания военных подвигов Леонида Ильича.

Сам Брежнев не только не участвовал в работе над собственными мемуарами, но даже ничего не рассказывал тем людям, которые их писали. Для них отыскали в архиве кое-какие документы и нашли сослуживцев Брежнева.

Замятин спросил Леонида Ильича, не согласится ли он что-то для начала продиктовать. Генеральный отказался.

— У меня в политотделе 18-й армии был такой Пахомов, он действительно дневник вел, собирал документы, — рассказал Брежнев. — У него ноги больные, он не ходит, но дневник даст и рассказать может.

Отставной полковник Сергей Степанович Пахомов, который служил в политотделе 18-й армии заместителем Брежнева, работал после войны в академическом Институте мировой экономики и международных отношений. Дневники он не отдал, но многое рассказал.

Встал вопрос, кто будет писать. Александр Бовин отказался. Не по принципиальным соображениям, объяснил, что пишет статьи, речи, но очерки — это не его жанр.

Замятин с разрешения Брежнева посвятил в замысел своего молодого заместителя Виталия Никитича Игнатенко, талантливого журналиста, выходца из «Комсомольской правды». Игнатенко сразу назвал имя Анатолия Аграновского, это было лучшее перо «Известий».

Когда текст «Малой Земли» был готов, его прочитали Замятин и Черненко. В машбюро ЦК машинистки, допущенные к секретным материалам, перепечатали рукопись в четырех экземплярах и отправили Брежневу, который лежал в больнице. Галина Дорошина прочитала ему текст. Он кое-что поправил и одобрил. А с некоторыми другими главами своих «воспоминаний» Леонид Ильич и вовсе не познакомился.

Даже председатель КГБ Андропов не знал о подготовке книги и попросил у Замятина экземпляр. Прочитал за ночь и позвонил «автору» в больницу, чтобы выразить свой восторг...

За Леонида Ильича писали очень способные люди. К Анатолию Аграновскому присоединились другие — писатель Аркадий Сахнин, правдисты Александр Мурзин («Целина») и Владимир Губарев (он писал о космосе).

Работали они анонимно. Имена их знали только посвященные. Гонорар настоящим авторам не заплатили. На деньги они и не рассчитывали. Одному нужна была квартира, другой просил прикрепить его к поликлинике Четвертого главного управления при Минздраве. Вместо квартиры дали орден, к поликлинике не прикрепили — не положено.

Борис Иванович Стукалин, возглавлявший тогда Госкомиздат, вспоминал, как после выхода «Малой Земли» к нему пришел Анатолий Аграновский:

— По большому секрету скажу вам, что последние полгода я работал над мемуарами Брежнева. Почти не писал в газету.

Он просил компенсацию за свои труды. Стукалин обещал издать сборник очерков Аграновского. Такой же сборник был обещан Аркадию Сахнину. Впоследствии авторы брежневских воспоминаний уже не так гордились своей работой, хотя получилось у них совсем неплохо.

Впрочем, далеко не всякий журналист хотел этим заниматься. Главный редактор «Известий» Лев Николаевич Толкунов пригласил к себе одного из лучших очеркистов Эдвина Луниковича Поляновского:

— Новороссийску присвоено звание города-героя. Золотую звезду поедет вручать Леонид Ильич Брежнев. Лично. Вам поручается написать его приветственную речь. Исходные материалы возьмите у помощника.

«Мне показалось, — вспоминал Поляновский, — что я лечу в пропасть, из которой уже никогда не выберусь. Брежнев был тогда еще сравнительно молод, крепок, никаких признаков болезней, и до лакейской "Малой Земли" было еще далеко. Но — не мое».

— Извините, Лев Николаевич, — ответил Поляновский, — я еду в срочную командировку, билет в кармане.

Лицо Толкунова потемнело.

Управляющий делами «Известий» сказал потом Поляновскому:

— Ты с ума сошел! Это же высшая точка в биографии. Люди под это дело получают квартиры и дачи...

Эдвин Поляновский ждал квартиры двадцать лет, получил ее, когда Брежнев ушел в мир иной, но ни о чем не жалел.

Брежневские мемуары издавали огромными тиражами. Их в обязательном порядке изучали в учебных заведениях и в вооруженных силах. Со сцены «Малую Землю» читал любимый актер Брежнева Вячеслав Тихонов.

Александра Пахмутова написала на стихи Николая Добронравова песню «Малая Земля»:

Малая Земля. Кровавая заря.
Яростный десант.
Сердец литая твердь.
Малая Земля — геройская земля,
Братство презиравших смерть...

В Институте мировой литературы Академии наук была устроена научная конференция, и некоторые маститые литературоведы, нисколько не стесняясь, прослеживали прямую связь отечественной словесности от Пушкина к Брежневу.

Гонорары, выплаченные Брежневу, составили сотни тысяч рублей, фантастические по тем временам деньги. В 1981 году он заплатил партийные взносы со ста двадцати тысяч рублей. Взносы платились со всех доходов, исключая специально оговоренные в инструкции ЦК. Например, Леониду Ильичу не пришлось платить взносы с Ленинской премии в области литературы, присужденной ему 20 апреля 1980 года.

Председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры, первый секретарь Союза писателей СССР Георгий Мокеевич Марков с восхищением говорил о трилогии «Малая Земля», «Возрождение» и «Целина»:

— Эти подлинно народные книги обогатили духовную жизнь советского общества, показали высокий образец партийного мышления, побудили художников всех поколений на более объемные и глубокие исследования современности, на более весомые художественные обобщения...

Брежнев, получив награду, зачитал заранее написанное ответное слово:

— Если выкрою время, если сумею, то записки продолжу. Считайте, что награду, полученную мной сегодня, я рассматриваю и как напутствие на будущее.

Замятину было дано указание написать и о семье Леонида Ильича. Черненко подобрал какие-то материалы. Написали. Но Брежнев так плохо себя чувствовал, что охладел ко всему. Однако сочинение его мемуаров продолжалось. Читал их один Черненко и говорил:

— Пусть лежат.

Когда Брежнева не стало, в январском номере «Нового мира» за 1983 год появились последние три главы из написанной от его имени книги «Воспоминания» — «Молдавская весна», «Космический октябрь» и «Слово о коммунистах». Но они уже никого не интересовали.

Леонид Замятин рассказывал мне, что после смерти Брежнева он доложил Андропову:

— Написаны еще несколько глав воспоминаний, но Леониду Ильичу их даже не успели прочитать.

Всего было написано восемь очерков: «Жизнь по заводскому гудку», «Чувство Родины», «Малая Земля», «Возрождение», «Молдавская весна», «Целина», «Космический октябрь», «Слово о коммунистах». В полном виде воспоминания были отпечатаны в типографии «Красный пролетарий» в двадцати экземплярах. Со множеством фотографий и эпиграфом: «Служение интересам советского народа, делу партии Ленина, делу коммунизма было и остается смыслом всей моей жизни».

Авторы написали даже обращение от имени Брежнева «К читателям этой книги», которое начиналось так:

«Дорогие друзья!

Работая над этой книгой, я как бы снова пережил давние и близкие события, все, что определило жизненный путь миллионов моих современников-коммунистов...»

В последние годы Брежнев, утратив способность работать, вынужден был полагаться на самых близких соратников — в первую очередь на Суслова. Леонид Ильич, прочитав какой-то материал, говорил: «Надо спросить Мишу». Материал несли Михаилу Андреевичу. И его слово было последним.

— Как раз в этот период я участвовал в работе над докладом и три недели наблюдал Брежнева, уже больного, — вспоминал профессор Печенев. — Он страдал от прогрессирующего склероза сосудов, поэтому у него было какое-то перемежающееся состояние. Один день он был способен слушать, что мы ему писали, и даже косвенно участвовать в обсуждении, а на другой — отключался. Он ориентировался на мнение Суслова и спрашивал: а что по этому поводу думает Михаил Андреевич?

Брежнев был за Сусловым как за каменной стеной и говорил в своем кругу:

— Если мне приходится уезжать, я чувствую себя спокойно, когда в Москве Михаил Андреевич.

Но Суслов сам был больным человеком. Он страдал диабетом и многими другими заболеваниями. На приемах и банкетах ему в бокал наливали минеральную воду, приносили вареную рыбу или белое мясо птицы. Дома предпочитал каши и творог.

Михаил Андреевич не любил врачей и не доверял их рекомендациям, как и его жена, страдавшая диабетом в тяжелой форме. Они оба часто отказывались от помощи медиков и не желали принимать прописанные им лекарства. Лечащему врачу он жаловался на боли в левой руке и за грудиной после даже непродолжительной прогулки. Опытный врач сразу определил, что это боли сердечного характера — у Михаила Андреевича развилась сильнейшая стенокардия. Сняли электрокардиограмму, провели другие исследования и установили атеросклероз сосудов сердца и коронарную недостаточность. Но Суслов категорически отверг диагноз:

— Вы всё выдумываете. Я не больной. Это вы меня хотите сделать больным. Я здоровый, а это у меня сустав ноет.

Может быть, он не хотел считать себя больным, чтобы не отправили на пенсию, может, искренне не верил, что способен болеть, как и все другие люди.

По просьбе Чазова в Соединенных Штатах заказали мазь, содержащую сердечные препараты. Михаилу Андреевичу сказали, что она снимет боли в суставах. Суслов старательно втирал мазь в больную руку. Лекарство, как и следовало ожидать, помогло. Сердечные боли уменьшились. И Суслов был доволен, назидательно сказал врачам:

— Я же говорил, что болит рука. Стали применять мазь, и всё прошло. А вы мне твердили: сердце, сердце...

В январе 1982 года Михаил Андреевич лег на обследование. Первоначально врачи не нашли у него ничего пугающего. А потом прямо в больнице случился инсульт, он потерял сознание и уже не пришел в себя. Кровоизлияние в мозг было настолько обширным, что не оставляло никакой надежды.

Суслов немного не дожил до восьмидесяти лет. Он долго сохранял работоспособность благодаря размеренному образу жизни и полнейшей невозмутимости. Академик Чазов говорил, что если бы рядом бомба взорвалась, Суслов бы и бровью не повел. И жизнь Михаила Андреевича была легче, чем у Брежнева. Суслов не воевал, не поднимал целину, его не выбрасывали после смерти Сталина из ЦК...

В медицинском заключении говорилось, что Суслов скончался от «общего атеросклероза с преимущественным поражением сосудов сердца и головного мозга, развившимся на фоне сахарного диабета» и «острого нарушения кровообращения в сосудах ствола мозга».

После смерти видных партийных деятелей приезжали сотрудники КГБ и забирали весь их архив. Он поступал в общий отдел ЦК, в распоряжение Черненко. Эта судьба постигла архивы решительно всех — и Хрущева, и Микояна, и многих других. Не удалось забрать только архив Михаила Андреевича Суслова, просто потому, что у него вообще не оказалось никакого архива.

Хоронили его 30 января 1982 года. Прощание проходило в Колонном зале Дома союзов, но особый режим ввели в центре города. Оживленную Пушкинскую площадь, где я тогда работал в журнале «Новое время», перекрыли плотные кордоны милиции и госбезопасности; чтобы пройти в редакцию, располагавшуюся за кинотеатром «Россия», надо было предъявить служебное удостоверение. Горожан, которым нужно было пройти через площадь, не пускали, что только подогревало раздражение и презрение к власти.

Возле кордонов выстраивались очереди. Народ тихо негодовал. Пожилой мужчина, стоявший рядом со мной, довольно злобно произнес:

— Генеральную репетицию устроили!

Он был прав. Со смерти Суслова началось то, что потом стали называть «пятилеткой пышных похорон».

Председателем похоронной комиссии назначили члена политбюро, председателя Комитета партийного контроля Арвида Яновича Пельше. Редактор моего отдела в «Новом времени» покойный Михаил Борисович Черноусов, человек язвительного ума, усмехаясь в усики, одобрил выбор Центрального комитета:

— Ну что же, Арвид Янович — зрелый коммунист.

Очень худой, с неподвижным пергаментным лицом, Пельше был старше Суслова.

В марте 1982 года Брежнева вместе с членами политбюро привели во МХАТ смотреть громкий спектакль по пьесе популярного тогда драматурга Михаила Филипповича Шатрова «Так победим!». По воспоминаниям завлита театра Анатолия Мироновича Смелянского, в правительственную ложу на всякий случай принесли телевизор, поскольку в тот день играло тбилисское «Динамо» — вдруг Леонид Ильич пожелает узнать, каков счет.

Техники из КГБ установили мощные микрофоны и чувствительные наушники — Брежнев плохо слышал. Кандидатов в члены политбюро разместили в директорской ложе на другой стороне зрительного зала.

В наступившей тишине всему залу было слышно, что Леонид Ильич, уже плохо ориентировавшийся в происходящем вокруг него, вслух комментировал спектакль. Как всякий глуховатый человек, он не подозревал, что говорит очень громко. Когда появился Александр Калягин, игравший Ленина, Леонид Ильич спросил:

— Это Ленин? Надо его поприветствовать?

Сидевший рядом невозмутимый Черненко успокоил генсека:

— Не надо.

Когда Калягин беседовал с рабочим (его играл Георгий

Бурков), возникла серьезная проблема. Бурков стоял спиной к залу, и Брежнев не слышал актера. Он обратился к Громыко:

— Ты что-нибудь слышишь? Я ничего не слышу.

Брежнев покинул зал и вернулся минут через двадцать. Кто-то из товарищей информировал его о пропущенной им сцене, где Ленин беседовал с американским промышленником Армандом Хаммером:

— Сейчас был Хаммер.

— Сам Хаммер? — поразился Брежнев.

И тут уже зал не выдержал и расхохотался. О трагикомическом посещении Брежневым МХАТа судачила вся Москва.

Брежнев был ко всему равнодушен. Его ближайшие помощники нервничали. Доступ к нему стал ограниченным, влиять стало труднее, а дела в стране шли всё хуже...

Либеральному окружению генерального пришлось несладко.

Николай Николаевич Иноземцев был сильно разочарован. Попытки хоть что-то изменить не удавались. Сначала он верил, что частичные реформы помогут. Говорил, что необходима смена руководства. Надеялся, что более молодые и энергичные люди дело повернут в нужную сторону. А к концу жизни он понял: безнадежно, частные реформы страну не спасут. Перемены нужны кардинальные.

Иноземцев говорил жене:

— Понимаешь, у партии нет будущего. Она создавалась в условиях строгой конспирации, что было логично для условий царизма. Но когда она стала правящей, она сохранила всю ту структуру полностью. Такая партия не может добиться успеха никогда!

Его вдова профессор Маргарита Максимова вспоминала:

— Нужно понять то поколение. Они прошли войну, с огромным энтузиазмом взялись строить послевоенную жизнь. Они возлагали большие надежды на жизнь. Мне слово «патриот» не очень нравится, какое-то оно неуютное, но Иноземцев такой человек. Было, конечно, и желание сделать карьеру, продвинуться. Но всё отступало на второй план, главное — судьба России. Боль ужасная, переживания — вам не передать, что он испытывал, когда видел происходящее. Он так не вовремя родился. Это была трагедия человека, который себя отдал стране, искал какие-то пути выхода из тупика и увидел, что ничего не получается. Иноземцев страдал от этого...

Николай Николаевич был осторожен, хорошо зная пакостные нравы товарищей по партии. Но и это его не спасло.

Академик Иноземцев был персоной, приближенной к Брежневу. Его избрали кандидатом в члены ЦК, а потом и членом ЦК КПСС, сделали депутатом Верховного Совета. Всё это были знаки брежневского благоволения, закреплявшие его высокое положение. Брежнев его чуть ли не единственного в своем окружении называл по имени-отчеству. Но эта приближенность к генеральному секретарю ни от чего не гарантировала.

Иноземцев ставил перед собой наивную задачу — открыть начальству глаза на то, что происходит. Главная работа состояла в том, чтобы давать советы власть имущим. Но к концу семидесятых власть постарела и окостенела. Она перестала слушать своих советчиков.

Иноземцев выступал на пленуме ЦК — говорил о необходимости научно-технического прогресса, пытался объяснить, как обстоят дела в экономике в сравнении с Западом, причем говорил без бумажки. После его выступления помощник генерального едкий Александров сказал ему:

— Николай Николаевич, после вашего выступления стало ясно, что мы стоим перед дилеммой: либо выводить из состава ЦК интеллигенцию, либо делать ЦК интеллигентным.

На Иноземцева писали доносы Брежневу. Доносчики доказывали, что Иноземцев и компания — ревизионисты, не верят в будущую революцию и уверены, что капитализм и дальше будет развиваться. Одно из таких писем Петр Нилович Демичев разослал секретарям ЦК, его изучали в отделе науки у Трапезникова, надеясь найти повод для атаки на Иноземцева. Но помощник генерального Георгий Цуканов списал донос в архив с пометкой «автор не объективен».

К шестидесятилетию Иноземцева Академия наук написала представление в ЦК с просьбой присвоить ему звание Героя Социалистического Труда. Но Трапезников и Зимянин воспротивились. Для знатоков аппаратной интриги это был сигнал: Иноземцев уже не в фаворе.

Брежнев был совсем плох, и с Иноземцевым спешили свести счеты. Начались самые настоящие гонения на институт. Проверки, комиссии, выговоры. Устраивал всё это отдел науки ЦК КПСС, который тихо ненавидел институт и ждал своего часа. Под обвинения подводилась политическая основа. Академиков Иноземцева, Арбатова, Примакова причислили к когорте так называемых ревизионистов. Николай Николаевич фигурировал на Старой площади под кличкой «Кока-кола» с намеком на его проамериканские симпатии.

Однажды явился заведующий сектором из отдела науки

ЦК, потребовал собрать дирекцию — то есть руководителей отделов, ведущих сотрудников института. Иноземцев сказал:

— К нам приехал представитель отдела науки. Послушаем.

Ответственный товарищ заранее предупредил:

— Вопросов вы мне не задавайте. Мнение ваше меня сейчас не интересует. А вот вы выслушайте, что отдел науки ЦК партии думает по поводу вашей работы.

И развернул веер претензий идеологического характера, опасных для института. Отдел науки ЦК не мог понять, почему слабо изучается американский империализм? Почему институт защищает разрядку, которая провалилась?

Иноземцева обвиняли в том, что институт неглубоко занимается разоблачением империализма. Не разрабатывает теоретическую базу для борьбы с империализмом. А дает абсолютно антипатриотические, антисоветские рекомендации относительно нашей политики вооружений:

— Ваши записки об ослаблении международной напряженности подрывают нашу обороноспособность. Америка вооружается, а мы хотим себя обезоружить...

Почему аппаратчик вел себя так уверенно, беседуя с членом ЦК? Дело в том, что заведующий экономическим сектором отдела науки Михаил Иванович Волков приходился свояком Константину Устиновичу Черненко (они были женаты на сестрах).

Иноземцева невзлюбил Михаил Васильевич Зимянин, секретарь ЦК по идеологии. Сначала у них были неплохие отношения, оба раньше работали в «Правде», были на «ты». Иноземцев поссорился с Зимяниным, когда тот потребовал провести нужных людей в Академию наук:

— Сейчас выборы. Так ты обеспечь, чтобы такой-то прошел в академики.

Но называл такие одиозные имена, что просить за них Иноземцев никак не мог. Он честно ответил Зимянину:

— Я ради тебя проголосую за этого человека. Но за него я не могу просить других.

Зимянин разозлился и стал кричать на него:

— ЦК заставит тебя слушаться и исполнять то, что я тебе говорю!

— ЦК — это не один Зимянин! — отвечал Иноземцев. — Я не позволял на себя на фронте кричать и не позволю сейчас. Не зарывайся!

Встал и ушел.

Так разговаривать с секретарями ЦК никто не решался.

Атаку на Институт мировой экономики и международных отношений организовали по всем правилам, подключили

ОБХСС, прокуратуру. Бдительно проверяли хозяйственные дела, выясняли, не злоупотреблял ли директор служебным положением.

А тут КГБ задержал молодых сотрудников института Андрея Фадина и Павла Кудюкина, у которых нашли самиздатовские рукописи. Это был тяжелый удар для Иноземцева.

Умельцы из КГБ стали шить большое дело, обвиняя не только самих арестованных, но и институт в целом. Поймать несколько молодых людей с сомнительными рукописями не велика заслуга, а выявить их связи с заметными учеными, разоблачить подрывное антисоветское гнездо — это значит показать высокий уровень работы.

В мае 1982 года новым председателем КГБ был назначен переведенный с Украины Виталий Васильевич Федорчук, мрачный и недалекий человек, который почти всю жизнь проработал в военной контрразведке. Он сразу проявил себя в борьбе с идеологическими диверсиями. Федорчук доложил в ЦК об «обстановке беспринципности среди сотрудников института».

А ведь КГБ внимательно приглядывал за институтом. Офицеры госбезопасности сидели в ИМЭМО и следили за учеными. По словам академика Александра Яковлева, который после Иноземцева возглавил институт, в штате было примерно пятнадцать действующих сотрудников госбезопасности.

— Соответственно, количество невыездных в институте росло, — вспоминал Яковлев. — Из них было человек тридцать профессоров, наиболее талантливых, знающих...

26 июня 1982 года председатель КГБ Виталий Федорчук докладывал секретарю ЦК Юрию Андропову:

«В ходе следствия по уголовному делу на обвиняемых по статье 70 УК РСФСР Фадина А. В., Кудюкина П. М. и других лиц установлено, что они предпринимали практические шаги по созданию в СССР организованного антисоветского подполья и занимались враждебной деятельностью среди научных работников ИМЭМО АН СССР».

Федорчук докладывал о найденных при обысках сотнях экземпляров различных изданий антисоветского, клеветнического и идеологически вредного содержания:

«Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал другим сотрудникам института... различную антисоветскую литературу для ознакомления.

Указанные лица, зная об антисоветских настроениях Фадина и Кудюкина, не только не давали отпор их "воззрениям" и преступным действиям, но зачастую соглашались с изложенными в антисоветской литературе концепциями и по существу оказывали им поддержку. В этом плане показательным является заявление Кудюкина на допросе 16 июня с. г., что “такую литературу можно было бы безбоязненно предложить 90 процентам сотрудников ИМЭМО”.

Это свидетельствует о том, что становлению на преступный путь Фадина, Кудюкина и других в определенной мере способствовала также обстановка беспринципности и отсутствия должной политической бдительности среди сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

По имеющимся оперативным данным, о которых КГБ СССР информировал МГК КПСС, в институте имеют место существенные просчеты в работе кадров, а также в воспитательной работе. Низка трудовая дисциплина и требовательность к сотрудникам со стороны руководства и особенно заведующих отделов и секторов. Имели место нарушения в соблюдении сотрудниками правил работы с иностранцами, чем, как установлено, пользовались Фадин и Кудюкин».

Такое обвинение могло стоить директору института головы. Тем более что в атаку на Иноземцева включился еще и горком. Создали комиссию по проверке деятельности института, ее возглавил первый секретарь МГК КПСС Виктор Васильевич Гришин. Городские партийные чиновники были хуже цековских — провинциальнее, малограмотнее, ортодоксальнее. Они обвинили персонально Иноземцева в том, что в институте не было настоящего идеологического воспитания, поэтому молодежь распространяла самиздат.

В конце июня 1982 года директора Иноземцева и секретаря парткома Шенаева вызвали на Старую площадь, чтобы познакомить их с результатами работы комиссии. Окончательно обсуждался документ в кабинете Гришина, куда пришли Зимянин и другие члены комиссии.

Иноземцев был самолюбивым человеком. Он отдал свою делу жизнь, здоровье положил на алтарь отечества. И после этого обвинить его в том, что он проповедует антигосударственную позицию! Он был уязвлен в самое сердце. Хотел пойти к Брежневу. Но Брежнев болел. Попасть к нему было трудно. Жена его утешала:

— Не мучай себя, обойдется.

Иноземцев пошел к Андропову. Тот выслушал и сказал:

— Николай, подожди. Скоро, я думаю, что-то изменится.

Юрий Владимирович был в ту пору вторым человеком в партии. Но палец о палец не ударил, чтобы защитить Иноземцева. Он готовился стать генеральным секретарем, зачем ему было рисковать? Настраивать против себя партийных догматиков...

Иноземцев был человеком с характером, волей и мужеством. Будущий академик вел дневник на войне, утаив его от политработников и особистов (вести дневники на фронте запрещалось). Вот что сержант Иноземцев записал в дневнике, который издали через много лет после его ухода из жизни:

«Человек, сознательно идущий на верную смерть, должен быть или безразличным теленком с загнанными внутрь инстинктами, или иметь крепкий характер и железную силу воли. Последнее приобретается со временем и дорогой ценой. Но раз приобретенное — остается надолго, если не на всю жизнь».

Он не сломался, не стал каяться и просить прощения. Но травля оказалась для него роковой. 12 августа 1982 года он умер от обширного инфаркта. Ему был всего шестьдесят один год. Но Московский горком партии не остановился, надеясь сокрушить, наконец, ревизионистское гнездо. Академик Иноземцев был целью номер один. Следующими на очереди стояли директор Института США и Канады Георгий Арбатов и директор Института востоковедения Евгений Примаков. Это была попытка извести научных либералов, которые из-за близости к Брежневу столько лет оставались практически неуязвимыми. Видя, что Леонид Ильич уходит, аппарат почувствовал свою силу.

Тогда Александр Бовин и Георгий Арбатов при содействии помощника генерального секретаря Георгия Цуканова проникли к Брежневу. Генеральный секретарь был уже совсем плох, но память об Иноземцеве сохранил добрую.

Арбатов описал эту сцену в своих воспоминаниях. Они с Бовиным рассказали, что Московский горком образовал комиссию, что готовится полный разгром института и пытаются опорочить память Иноземцева.

Брежнев, не задавая лишних вопросов, спросил:

— Кому звонить?

— Гришину.

На приставном столике у генерального секретаря стоял «домофон» — аппарат связи с высшими руководителями партии и государства. Нажав кнопку, он мгновенно соединялся с членами политбюро и секретарями ЦК. Вызываемый снимал трубку светло-желтого без наборного диска аппарата и откликался:

— Слушаю вас, Леонид Ильич.

Причем Брежнев мог разговаривать, не снимая трубки.

Он нажал кнопку с надписью «Гришин». Виктор Васильевич немедленно откликнулся:

— Здравствуйте, Леонид Ильич, слушаю вас.

Брежнев сказал, что до него дошли разговоры, будто вокруг иноземцевского института создано какое-то дело и образована комиссия, которая будет наводить порядок.

— Так в чем там дело? — поинтересовался генеральный секретарь.

Ответ Гришина никто не ожидал:

— Я не знаю, о чем вы говорите, Леонид Ильич. Я вообще впервые слышу о комиссии, которая якобы что-то расследовала в институте Иноземцева.

Брежнев приложил палец к губам, опасаясь, что несдержанные Арбатов и Бовин что-то скажут, и пробормотал:

— Ты, Виктор Васильевич, всё проверь. Если кто-то дал указание прорабатывать покойного, отмени и потом мне доложи.

Арбатов возмущенно сказал:

— Никогда не думал, что члены политбюро могут откровенно врать генеральному секретарю.

Брежнев только ухмыльнулся. У него, надо понимать, был иной опыт.

Поездка на завод с трагическими последствиями

Последняя поездка в Ташкент оказалась для Леонида Ильича роковой. Об этом подробно рассказал генерал Владимир Медведев, охранник Брежнева.

23 марта 1982 года Леонид Ильич находился в Узбекистане. В этот день была запланирована поездка на завод, строивший космические корабли «Буран». Но утром решили, что Брежнев туда не поедет. Охрану на заводе сняли.

Вдруг Брежнев сказал руководителю республики Рашидову:

— Время до обеда есть. Мы обещали посетить завод. Люди готовились к встрече, собрались, ждут нас. Нехорошо... Возникнут вопросы... Пойдут разговоры... Давай съездим.

Рашидов только рад:

— Конечно, Леонид Ильич.

Вмешался начальник охраны Брежнева генерал Рябенко:

— Леонид Ильич, ехать на завод нельзя. Охрана снята. Чтобы вернуть ее, нужно время.

Брежнев жестко ответил:

— Даю тебе пятнадцать минут — возвращай охрану.

Но уже через десять минут сорвался с места:

— Всё, выезжаем. Времени на подготовку у вас было достаточно.

Московская группа из Девятого управления КГБ успела приехать на завод, узбекские чекисты задержались. На заводе объявили по внутренней радиотрансляции, что сейчас приедет генеральный секретарь. Все бросили работу, пошли встречать Брежнева.

В сборочном цехе рабочие, чтобы увидеть Брежнева, карабкались на леса вокруг строящихся самолетов. Охрана с трудом сдерживала толпу. И вдруг большая деревянная площадка не выдержала и под тяжестью людей рухнула. Она накрыла Брежнева и Рашидова.

Четыре офицера личной охраны из Девятого управления невероятным усилием подняли помост и держали его, пока не подскочила на помощь местная охрана. Если бы офицеры не смогли это сделать, генерального секретаря ЦК КПСС и первого секретаря ЦК компартии Узбекистана просто бы раздавило.

Никто не погиб, но пострадали и Брежнев, и Рашидов, и охранники. Брежневу углом металлического конуса ободрало ухо. Его подняли, врач встревоженно спросил:

— Леонид Ильич, как вы себя чувствуете? Вы можете идти?

Брежнев уверенно держался на ногах, но жаловался на боль в ключице. Встречу с рабочими отменили. Брежнева повели к выходу через толпу. Начальник охраны Рябенко пробивался вперед с пистолетом в руке.

В больницу Брежнев не захотел. Его отвезли в резиденцию, уложили, провели рентгеновское исследование и обнаружили, что правая ключица сломана.

Лежавшего в постели Брежнева соединили с Андроповым. Он сказал:

— Юра, тут со мной на заводе несчастье случилось. Только я тебя прошу, ты там никому головы не руби. Не наказывай, виноват я сам. Поехал без предупреждения, хотя меня отговаривали.

Врачи убеждали Леонида Ильича немедленно вернуться в Москву. Но на следующий день ему предстояло выступление на торжественном заседании в Ташкенте. Он остался, произнес речь. Это был мужественный поступок для пожилого и очень больного человека.

Сидевшим в зале ташкентцам и многочисленным телезрителям, которые смотрели трансляцию из столицы Узбекистана, наверное, казалось, что Брежнев накануне выпил, потому что он был несколько заторможенным. Только сопровождавшие его знали, что даже легкое движение правой руки было для него крайне болезненным, поэтому ему пришлось глотать болеутоляющие препараты.

Леонид Ильич задержался в Ташкенте еще на день, чтобы встретиться с руководителями республики, вручил орден Октябрьской Революции Рашидову и только потом уехал.

В Москве его положили в больницу на улице Грановского. Ключица у него так и не срослась, и вообще после Ташкента Брежнев стал просто угасать. Он не мог самостоятельно сойти с трибуны, не в состоянии был определить высоту ступеньки, просил помочь. В зале для пленумов ЦК в Кремле установили специальные перила, чтобы Брежнев да и другие престарелые члены политбюро могли подняться на трибуну. Конструкторы получили указание изготовить движущиеся трапы, которые поднимали бы Леонида Ильича на мавзолей и в самолет, если он все-таки куда-то полетит.

Брежнев приезжал в Кремль на несколько часов и спешил покинуть рабочий кабинет. Секретари его ни с кем не соединяли, отвечали, что генеральный проводит совещание. Когда кто-то просился на прием, недовольно бурчал:

— Почему ко мне? Я что, один в ЦК работаю?

Брежнев превратился в постоянно недовольного окружающим человека, который мало с кем хотел общаться.

«С возрастом, — вспоминал его внук Андрей, — он становился все более раздражительным, особенно когда появились правнуки. Жаловался на крики и шум. Мы, дети, по вечерам сидели тихо и не галдели. На моей памяти он ни с кем из детей в нашей семье особенно не занимался, разве что, может быть, сначала проводил какое-то время с моей двоюродной сестрой Викой. Я был вторым ребенком в семье Юрия Леонидовича Брежнева, и к моему появлению любовь Леонида Ильича к внукам уже поистощилась».

Летчик-космонавт генерал-майор Алексей Архипович Леонов после очередного полета представлял генеральному секретарю космонавта Валерия Федоровича Быковского. Брежнев вдруг спросил его:

— А ты кто?

— Генерал Алексей Леонов.

— А ты что делал в космосе?

— Я выходил в открытый космос, потом возглавлял экспедицию.

— А, помню, как ты там кувыркался.

29 сентября 1982 года Брежнев приехал в Баку вручать республике орден Ленина. Руководитель республики Гейдар

Алиев готовился к приезду генерального долго и серьезно. Он загодя позвонил певцу Муслиму Магомаеву:

— Я думал, чем ты будешь встречать Леонида Ильича. Ты не хочешь Леониду Ильичу песню посвятить? Мы должны встретить Леонида Ильича по-настоящему. Он тебя любит. Пусть Роберт Рождественский приедет, будет нашим гостем.

Поэт Роберт Рождественский прилетел в Азербайджан уже с готовым текстом новой песни. Гейдар Алиевич устроил феерическое представление, вывел на улицы Баку тысячи людей в национальных костюмах. Леонида Ильича поселили в только что отстроенном доме приемов.

— Алиев провел Брежнева в мраморный зал, — рассказывал Леонид Замятин, — отодвинул занавес и показал огромную картину, изображавшую всё брежневское семейство.

Телевидение в прямом эфире транслировало выступление Леонида Ильича на торжественном заседании. Брежнев говорил невнятно, но зрители уловили, что вместо «Азербайджан» он произносит «Афганистан». Наконец он сам сообразил, что происходит нечто неладное. Замолчал. Потом громко и огорченно сказал:

— Это не моя вина... Придется читать сначала.

Оказывается, ему дали текст, приготовленный совсем для другой встречи. Его помощник Александров-Агентов вынужден был остановить Брежнева и положить перед ним другую речь. Телевизионные камеры в этот момент показывали зал, который бешено аплодировал...

В конце октября 1982 года, вспоминал заместитель начальника ГлавПУРа генерал-полковник Дмитрий Антонович Волкогонов, министр обороны Устинов привел Брежнева на ежегодное совещание высшего командного состава Советской армии и Военно-морского флота. Брежнева под одну руку вел Устинов, под другую — официант, который нес стакан с чаем. Брежнев говорил минут пятнадцать-двадцать. Он водил пальцем по бумаге, произносил слова нечленораздельно, понять его было невозможно.

1 ноября 1982 года Виталий Воротников, первый секретарь Краснодарского крайкома, доложил секретарям ЦК Андропову и Черненко о выполнении плана продажи государству зерна. Черненко поинтересовался:

— Доложил о хлебе Леониду Ильичу?

— Нет.

— Ну, тогда он тебе сам позвонит. Жди.

Вскоре его по ВЧ вызвала Москва. Дежурный секретарь предупредил, что сейчас будет говорить Леонид Ильич. Просил информировать сжато, говорить громче и не более трех минут.

Брежнев спросил:

— Как идут дела?

Воротников доложил о хлебе. Брежнев спросил, как урожай риса. Речь у него была смазанная, неразборчивая.

6 ноября 1982 года Брежнев вручал золотую звезду Героя Социалистического Труда одному из своих любимцев — председателю Гостелерадио Сергею Георгиевичу Лапину. Очевидцы рассказывали, что награда выскользнула из слабеющих рук Леонида Ильича.

Дурная примета...

7 ноября Брежнев выстоял на трибуне мавзолея и военный парад, и демонстрацию. Вечером приехал на прием, произнес положенную речь. Член политбюро Михаил Сергеевич Соломенцев тем вечером в последний раз видел Брежнева. Они направлялись на праздничный прием в Кремль. Лифт маленький, Соломенцев решил пропустить Брежнева. Но тот предложил:

— Ну что, Миша, поедем наверх?

— Поезжайте вы, Леонид Ильич, я попозже.

— Нет, поехали вместе.

Третьим в лифт вошел охранник. По словам Соломенцева, Леонид Ильич выглядел бодрым и веселым.

Он даже отпустил на праздники лечащего врача, велел ему хорошенько отдохнуть. Вечером уехал в Завидово. Сам не стрелял, но с удовольствием наблюдал, как охотились другие.

Дежурный секретарь Брежнева Олег Алексеевич Захаров 9 ноября в восемь часов занял свой пост в приемной генерального секретаря. Ему позвонил полковник Владимир Медведев, предупредил, что Леонид Ильич приедет в Кремль примерно в полдень и просит, чтобы к его приезду в приемной находился Андропов. Разговор с Медведевым дежурный секретарь немедленно передал Юрию Владимировичу: тот находился в здании ЦК на Старой площади.

Брежнев приехал в Кремль в назначенное время в хорошем настроении и пригласил Андропова в кабинет. После беседы Леонид Ильич обедал, отдыхал. После семи вечера собрался уезжать на дачу.

— В приемной он задержался и попросил меня закурить его любимую сигарету «Новость», — рассказывал Олег Захаров. — Курить ему запретили, и единственное, что он себе позволял после этого, — побыть иногда рядом с теми, кто курит. В этой роли я и оказался в тот день на несколько минут.

Ничто не предвещало внезапной кончины.

Академику Евгению Чазову 10 ноября 1982 года в восемь утра позвонил охранник Брежнева Владимир Собаченков:

— Евгений Иванович, Леониду Ильичу нужна реанимация!

Довольно странно, что в доме тяжелобольного пациента не было постоянного медицинского поста и врача пришлось ждать довольно долго. Леонид Ильич умер во сне. Но если бы у него произошел сердечный приступ или инсульт, то присутствие врачей (или, вернее, их отсутствие) имело бы критически важное значение.

Когда Чазов примчался (раньше, чем карета «скорой помощи»), то увидел, что Брежнев скончался уже несколько часов назад.

Виктория Петровна вставала в восемь утра — в это время ей вводили инсулин. Леонид Ильич лежал на боку, и она решила, что он спит. Когда Собаченков пришел его будить, он обнаружил, что Брежнев умер, и стал, как учили, делать ему массаж сердца. Но уже всё было бесполезно. Леонид Ильич ушел в мир иной во сне, спокойно и без страданий. Такая кончина всегда считалась счастливой.

Академик Чазов задумался не о медицинских проблемах. Перед ним стояла сложная задача: во-первых, как сказать о смерти Леонида Ильича вдове, Виктории Петровне, а во-вторых, кому первому из сильных мира сего доложить о том, что генерального секретаря больше нет?

«Я не исключал, — вспоминает Чазов, — что телефоны прослушиваются и всё, что я скажу, станет через несколько минут достоянием либо председателя КГБ Федорчука, либо министра внутренних дел Щелокова. Я прекрасно понимал, что прежде всего о случившемся нужно информировать Андропова. Он должен, как второй человек в партии и государстве, взять в свои руки дальнейший ход событий».

Решение Чазова было политическим. Кто первый приедет — тот и наследник.

Андропов в этот ранний час еще не добрался до ЦК. Чазов попросил дежурного в его приемной сразу же соединить Юрия Владимировича с дачей Брежнева. Когда Андропов перезвонил, Чазов, ничего не объясняя, попросил его сразу приехать. Юрий Владимирович не задал ни одного вопроса, но сразу понял, что произошло.

Приехав, он повел себя крайне неуверенно.

«Почему-то суетился, — вспоминает Чазов, — и вдруг стал просить, чтобы мы пригласили Черненко. Жена Брежнева резонно заметила, что Черненко ей мужа не вернет и ему нечего делать на даче. Я знал, что она считает Черненкоко одним из тех друзей, которые снабжали Брежнева успокаивающими средствами, прием которых был ему запрещен врачами...»

Юрий Андропов в сопровождении Чазова зашел в спальню, чтобы попрощаться с ушедшим из жизни генсеком.

«Андропов вздрогнул и побледнел, когда увидел мертвого Брежнева, — пишет академик Чазов. — Мне трудно было догадаться, о чем он в этот момент думал — о том, что все мы смертны, какое бы положение ни занимали (а тем более он, тяжелобольной), или о том, что близок момент, о котором он всегда мечтал — встать во главе партии и государства. Он вдруг заспешил, пообещал Виктории Петровне поддержку и заботу, быстро попрощался и уехал».

Один из журналистов, ссылаясь на людей, близких к семье Брежневых, писал, что сама Виктория Петровна рассказывала, будто Андропов забрал чемоданчик, который Брежнев держал в спальне. Что же в нем было?

Спрашивали Викторию Петровну. Она не знала. Вспомнила только, как однажды Леонид Ильич со смехом сказал, что в нем «компромат на всех членов политбюро». То же подтвердил и зять Брежнева Юрий Чурбанов. По его словам, Андропов забрал портфель Брежнева, снабженный цифровым замком, который носил охранник генерального секретаря...

Леонид Ильич действительно мог располагать некими материалами, компрометирующими его окружение. По свидетельству Виктора Гришина, генеральный секретарь даже намекал членам политбюро, что знает о них всё. Но, скорее всего, в этом портфеле он привозил на дачу срочные бумаги, чтобы вечером их полистать. Такие же материалы получали и другие члены политбюро, но не решались выносить их за пределы цековского кабинета.

Андропов же забрал эти бумаги не потому, что надеялся прибрать к рукам архив генерального, а повинуясь инстинкту, воспитанному пятнадцатилетней работой в КГБ: секретные документы должны лежать в сейфе...

В морг тело покойного генсека сопровождал один только полковник Владимир Медведев. Ведь Леонид Ильич умер в его дежурство. Больше никого бывший руководитель страны уже не интересовал.

Медицинское заключение подтвердило, что Леонид Ильич скончался от острой сердечной недостаточности:

«Брежнев Л. И., 1906 года рождения, страдал атеросклерозом аорты с развитием аневризмы от брюшного отдела, стенозирующим атеросклерозом коронарных артерий, ишемической болезнью сердца с нарушением ритма, рубцовыми изменениями миокарда после перенесенных инфарктов. Между 8 и 9 часами 10 ноября 1982 года произошла внезапная остановка сердца...»

О смерти Брежнева сначала оповестили начальников управлений КГБ, они доложили своим партийным начальникам.

Например, начальник столичной госбезопасности генерал Алидин узнал, что генсек умер, раньше Гришина, хотя Виктор Васильевич был членом политбюро. В горкоме шло совещание. Алидину принесли записку: «Вас просил позвонить товарищ Федорчук В. В., как только закончится совещание в горкоме партии». Алидин ждать не стал, вышел и позвонил председателю КГБ. Виталий Васильевич сказал ему:

— Брежнев умер.

Алидин сообщил Гришину.

Рано утром к секретарю ЦК Зимянину вызвали заведующего отделом пропаганды Тяжельникова, заведующего отделом внешнеполитической пропаганды Замятина, главного редактора «Правды» Афанасьева, главного редактора «Коммуниста» Косолапова, председателя правления агентства печати «Новости» Толкунова, председателя Госкомиздата Стукалина, заместителя заведующего международным отделом ЦК Черняева.

Зимянин объяснил им, что нужно подготовить два документа — некролог и обращение к партии и народу. Присутствующих разделили на две группы.

— Сейчас мы разведем вас по кабинетам, — сказал Зимянин, — и не выпустим до тех пор, пока не представите документы на утверждение политбюро. Чаем и бутербродами обеспечим.

Зимянин позвонил министру внутренних дел Щелокову:

— Отмени концерт по случаю дня милиции.

Соединился с председателем Гостелерадио Сергеем Георгиевичем Лапиным:

— Отмени все легкие передачи.

Анатолия Черняева Михаил Васильевич напутствовал так:

— Посмотри, что писали, когда Суслов умер... О роли партии, о политбюро чтоб было...

О смерти Леонида Ильича стране еще не сообщили, но опытные люди догадались. По всем каналам радио передавали печальную классическую музыку, телевидение отменило трансляцию праздничного концерта, посвященного Дню милиции.

12 ноября в Свердловском зале Кремля собрался пленум ЦК. Его открыл Юрий Владимирович Андропов:

— Партия и страна понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни крупнейший политический деятель, наш товарищ и друг, человек большой души, преданный делу...

Затем слово было предоставлено Черненко. От имени политбюро он предложил избрать генеральным секретарем Юрия Владимировича Андропова. Несмотря на траур, члены ЦК встали и аплодисментами приветствовали нового хозяина страны. В 12.30 все участники пленума пришли в Колонный зал Дома союзов, чтобы пройти мимо гроба Леонида Ильича.

На несколько минут появились члены политбюро по главе с Андроповым. Сказали несколько слов родным и исчезли. Виктория Петровна и Юрий Леонидович Брежневы плакали.

15 ноября 1982 года состоялись похороны. Траурный митинг открыл Андропов. Леонида Ильича захоронили у Кремлевской стены под грохот орудийных залпов.

Джордж Буш-старший, который был тогда вице-президентом Соединенных Штатов, прилетел на похороны Брежнева. Он рассказывал потом:

«Я находился на гостевой трибуне и, имея исключительно хороший обзор, видел, как охваченная горем вдова покойного подошла к гробу Брежнева с последним прощанием. Она посмотрела на него, наклонилась над гробом, а затем, вне всяких сомнений, перекрестила тело своего мужа. Я был поражен».

ЦК КПСС, Совет министров СССР и президиум Верховного Совета СССР приняли решение «Об увековечении памяти Леонида Ильича Брежнева».

Город Набережные Челны переименовали в город Брежнев. В Москве Черемушкинский район стал Брежневским. В столице и четырех других городах появились площади имени Леонида Ильича Брежнева. Впервые, кажется, в названии площади упоминалась не только фамилия, но имя и отчество партийного деятеля. Было решено установить мемориальную доску на доме 26 по Кутузовскому проспекту, где жил Брежнев.

Доска вскоре появилась. По этому случаю Московский горком организовал большой митинг, выступил столичный хозяин Гришин. Но уже наступили другие времена, газеты посвятили этому событию лишь коротенькие заметки. Речь Гришина не опубликовали.

13 ноября 1982 года ЦК и Совмин приняли закрытое постановление «О материальном обеспечении семьи Л. И. Брежнева»:

«1. Установить Брежневой Виктории Петровне персональную пенсию союзного значения в размере 700 руб. и плюс 100 руб. дотации в месяц.

2. Сохранить за Брежневой В. П. бесплатно занимаемую в настоящее время госдачу с обслуживающим персоналом в количестве до 5 человек и коменданта госдачи, а также порядок ее охраны.

Указанную госдачу оставить на балансе, а обслуживающий персонал — в штатах 9-го управления КГБ СССР.

3. Предоставить по линии 9-го управления КГБ СССР Брежневой В. П. автомашину "чайка" с двумя шоферами.

4. Закрепить за Брежневой В. П. квартиру 90 в доме № 26 по Кутузовскому проспекту в г. Москве, установив, что оплата излишков жилой площади производится в одинарном размере.

5. Сохранить за Брежневой В. П. и членами семьи Брежнева Л. И. обслуживание в спецполиклинике и спецбольнице и санаторно-курортное обеспечение по линии 4-го главного управления при Минздраве СССР.

6. Сохранить за Брежневой В. П. право пользования (за деньги) столом заказов и бытовыми учреждениями (пошивочной и другими мастерскими) 9-го управления КГБ СССР, а также столовой лечебного питания на действующих условиях.

Секретарь Центрального Комитета КПСС

Ю. Андропов

Председатель Совета Министров СССР

Н. Тихонов».

В перестроечные годы все эти постановления были отменены. Подарки отобрали — к вдове Леонида Ильича приезжали сотрудники общего отдела ЦК со списками, искали дорогие вещи: «А где вот эта сабля и сервиз?» Потом Викторию Петровну выселили с дачи. Юрия Чурбанова, зятя покойного генсека, посадили. Города и улицы перестали носить имя Брежнева. Мемориальная доска с дома на Кутузовском проспекте исчезла. Выяснилось, что первый заместитель председателя Моссовета Сергей Станкевич подарил ее берлинскому музею истории тоталитаризма.

Благодаря президенту Путину на старом здании КГБ на Лубянской площади вновь появилась мемориальная доска, напоминающая о том, что в Комитете госбезопасности работал Юрий Владимирович Андропов. Стена дома 26 на Кутузовском, где некогда получил квартиру Леонид Ильич Брежнев, пока пустует.

Он стал первым лицом в государстве под одобрительные аплодисменты, а ушел, провожаемый откровенными насмешками. Казалось, Брежнев перешел в анекдоты. В любой компании в те годы находился человек, который под общий смех довольно похоже подражал его манере говорить. Но прошли годы. То, как тогда жили, думали и чувствовали, быстро забылось. Отношение к Леониду Ильичу Брежневу стало меняться. Говорят, что «застой» был не так уж плох и Брежнев сыграл положительную роль в истории страны.

Люди воспринимают Брежнева как символ спокойствия, надежности и стабильности, чего так сильно не хватало нашему народу на протяжении последних лет. Не только функционеры компартии и пенсионеры с ностальгией вспоминают Леонида Ильича и называют его эпоху золотым веком: в брежневские времена (сравнительно со сталинскими и хрущевскими) люди стали жить получше — получали квартиры, покупали мебель и одежду, ездили отдыхать к морю. Говорят о низком уровне преступности, об уверенности в завтрашнем дне, о том, что Брежнев и Косыгин выжали, что могли из плановой системы, и создали запас прочности, которого хватило на два десятилетия. Да, колбасы было немного, зато была создана экономика, за счет которой страна живет по сей день. Напоминают, что страна и по сей день живет нефтью и газом, экспорт которых начался при Брежневе; он провел в Европу трубу, которая приносит огромные деньги.

В декабре 2006 года в нашей стране отметили столетие со дня рождения Брежнева. Президиум ЦК компартии России принял постановление «О 100-летии со дня рождения Леонида Ильича Брежнева». В Доме культуры Московского электролампового завода руководство российской компартии провело торжественный вечер. Всё было как в старые времена. Показали документальный фильм того времени «Повесть о коммунисте», удостоенный когда-то Ленинской премии.

Вечер открыл первый секретарь столичного горкома партии:

— Дорогие товарищи, друзья! Мы собрались на торжественный вечер, посвященный столетию со дня рождения Леонида Ильича Брежнева, чтобы воздать дань памяти и уважения человеку, который стоял во главе коммунистической партии и страны, все свои силы отдал нашей социалистической Родине. В его судьбе, как в капле воды, отразились все важнейшие этапы истории Советского государства. Леонид Ильич, будучи босоногим мальчишкой в дни Великого Октября, смог получить благодаря советской власти образование и, пройдя через суровое горнило Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления экономики, смог реализоваться как талантливейший хозяйственный и партийный руководитель...

В редакции газеты «Правда» состоялся «круглый стол», посвященный брежневскому юбилею. Выступил секретарь ЦК компартии России:

— Восемнадцать лет Леонид Ильич Брежнев руководил страной. Это были годы социалистического созидания. За восемнадцать брежневских лет промышленность выросла больше чем в три раза, сельское хозяйство на треть. Население страны увеличилось на двенадцать миллионов. О каком «застое» можно при этом говорить?

Председатель комиссии ЦК компартии по военно-патриотической работе напомнил о ситуации в мировой политике:

— Мы держали НАТО в железном наморднике. Тогда агрессоры не могли так свободно разворачиваться, как теперь в Ираке, Ливане. Ни один крупный вопрос международной политики не решался без учета мнения СССР, мнения Брежнева.

Самое удивительное то, что через много лет после смерти Брежнева мы всё еще слишком мало знаем о нем, плохо понимаем, что двигало им, чего он хотел, к чему стремился. Одни полагают, что Леонид Ильич был никудышным руководителем и довел страну до беды; другие уверены, что любой иной на его месте принес бы стране куда большие несчастья, а он был человеком не злобным, не мстительным и руководствовался принципом: живи и давай жить другим. А третьи уверены, что он был много лучше своих наследников, погубивших великую страну.

Дело, конечно, не только и не столько в его характере и темпераменте, хотя в условиях жесткого режима общество сильно зависит от личности первого человека в государстве.

Через несколько лет после смерти Леонида Ильича Брежнева Советский Союз начал разваливаться. И нет единого мнения: брежневское наследство стало тому причиной или же, напротив, наследники дурно распорядились тем, что попало им в руки?

История нашей страны развивается по спирали. Захватив власть, правящая элита держится за нее обеими руками, не допуская даже самых необходимых перемен. В какой-то момент перемены все-таки начинаются и тут же превращаются в неконтролируемую стихию, которая всё сносит. Вертикаль власти, которая кажется такой надежной, по определению имеет столь малую опору, что при сильных волнениях просто не может удержаться.

Приходит новая власть и опять всё пытается заморозить. Так было при царе — и кончилось кровавой Гражданской войной, так было при советской власти — и кончилось распадом государства и кровавыми конфликтами.

После ухода Брежнева решительно все ждали перемен, потому и приветствовали горбачевские реформы. Перестройка стала праздником избавления от надоевшей и опротивевшей всем власти. Начальники, которых никто не выбирал, которые сами себя назначали на высокие должности, обнаружили, что их ненавидят и презирают. Но хаос, развал и распад Советского Союза оказались полной неожиданностью абсолютно для всех. Никто не мог предположить, что страна так быстро развалится.

Лозунги перестройки воспринимались как давно назревшие и совершенно необходимые. Однако то, что последовало потом... И уже многие вспоминают брежневские годы как время счастливое и прекрасное. Но разве виноват тот властитель, который дает свободу и пытается исправить ошибки прошлого, а не тот, кто, не сознавая своего долга, держит страну в железном корсете и мешает ей развиваться? Недовольство копится, и первая же попытка смягчить режим, сбить обручи приводит к тому, что заряженная порохом бочка взрывается.

Распада страны можно было бы избежать, если бы власть не была глуха к общественным потребностям. Если бы пыталась не заморозить общество, а позволила ему нормально развиваться. Однако же Леонид Ильич и закосневшая система не способны были к переменам, необходимым для страны...

А начиналось всё так славно. Никогда не забуду того октябрьского дня 1964 года, когда вертел в руках свежий номер газеты и вглядывался в большую фотографию Леонида Ильича Брежнева, еще достаточно молодого, симпатичного, доброжелательного, с живыми глазами и полного сил.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. И. БРЕЖНЕВА

1906, 6 (по новому стилю — 19) *декабря* — родился в поселке Каменское Екатеринославской губернии.

1923—1927 — учащийся Курского землеустроительно-мелиоративного техникума.

1927—1930 — землеустроитель в Грайворонском уезде Курской губернии, затем на Урале: заведующий районным земельным отделом, заместитель председателя райисполкома в Бисертском районе, заместитель заведующего Уральским областным земельным управлением.

1928 — женился на Виктории Петровне Денисовой.

1929 — в семье Брежневых родилась дочь Галина.

1930—1935 — студент Днепродзержинского металлургического института.

1931 — вступил в партию.

1933 — в семье Брежневых родился сын Юрий.

1935—1936 — служба в армии.

1936 — директор металлургического техникума.

1937, май — назначен заместителем председателя Днепропетровского горисполкома.

1938, май — назначен заведующим отделом Днепропетровского обкома партии.

1939, февраль — избран секретарем Днепропетровского обкома.

1941, июнь — назначен заместителем начальника политуправления Южного фронта.

1942, октябрь — назначен заместителем начальника политуправления Черноморской группы войск.

1943, апрель — назначен начальником политотдела 18-й армии.

1945, май — назначен начальником политуправления 4-го Украинского фронта.

1945, июль — назначен начальником политуправления Прикарпатского военного округа.

1946, август — избран первым секретарем Запорожского обкома и горкома партии.

1947, ноябрь — избран первым секретарем Днепропетровского обкома и горкома партии.

1950, июль — избран первым секретарем ЦК компартии Молдавии.

1952, октябрь — избран секретарем ЦК КПСС.

1953, март — назначен заместителем начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота.

1954, февраль — избран вторым секретарем ЦК компартии Казахстана.

1955, август — избран первым секретарем ЦК компартии Казахстана.

1956, февраль — кандидат в члены президиума и секретарь ЦК КПСС.

1957, июнь — избран членом президиума (затем политбюро) ЦК КПСС.

1960, май — избран председателем президиума Верховного Совета СССР.

1963, июнь — избран секретарем ЦК КПСС.

1964, октябрь — избран первым секретарем ЦК КПСС.

1966, апрель — избран генеральным секретарем ЦК КПСС.

1977, июнь — совмещает этот пост с должностью председателя президиума Верховного Совета СССР.

1982, 10 ноября — скончался в Москве. Похоронен на Красной площади.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

Часть первая. ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С ХРУЩЕВЫМ 7
  Кто играл главную скрипку? 15
  Тайные пружины заговора 18
  Приказ начальнику личной охраны 30
  Окончательный выбор 44

Часть вторая. ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЕРШИНУ 50
  Дела семейные 50
  Герои Малой Земли 61
  В генеральских погонах на родное пепелище 75
  Хозяин республики 84
  Из ЦК в ГлавПУР 93
  Личное поручение Никиты Сергеевича 101
  Второй человек в государстве 121

Часть третья. НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ МЕСТО ТОЛЬКО ДЛЯ ОДНОГО 133
  Отставки и назначения 135
  Бои местного значения в президиуме ЦК 142
  Возвращение Щербицкого 147
  Так был ли комсомольский заговор? 154
  Назначение Щелокова, или Проба сил 165
  Смена председателя КГБ 170
  Руководитель Москвы бросает вызов генсеку 175
  Избавление от главного соперника 188
  «Никто на меня так не кричал» 192
  Большая рокировка в Киеве 199
  К вождю опасно обращаться на «ты» 213
  Подгорного просят покинуть президиум 218

Часть четвертая. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФРОНТ — ГЛАВНЫЙ . 226
  Старший околоточный, или Хранитель партийного огня . 226
  Кто ведет секретариат, тот и решает 249
  Счеты с Иваном Денисовичем 256
  Исправление истории 262
  А что думает ГлавПУР? 266
  Завы и замзавы. Аппаратчики и автоматчики . . . 272
  Судьба поэта 284
  Трагедия Пражской весны 291
  Бесконечные споры о Сталине 303
  Ягодкин перестарался 309

Часть пятая. РАСЦВЕТ И УПАДОК РАЗРЯДКИ 326
  Гречко сменяет Малиновского 327
  Остров Даманский 331
  Громыко не любил Косыгина 336
  Откровенный разговор с американским президентом . . 342
  Мечта сбывается: маршальские звезды 357

Ястреб и миротворец в одном лице 371
Ракеты в Европе 379

Часть шестая. БЛИЖНИЙ КРУГ 387
Советники, помощники, писари 389
Правитель канцелярии 402
Андропов и его заместители 408
Повседневная жизнь члена политбюро 419
Привилегии номенклатурной жизни 428
Как делались карьеры 434
Казнокрадство, незаконное обогащение, коррупция . . . 460

Часть седьмая. ПОЧЕМУ НЕ УДАЛАСЬ КОСЫГИНСКАЯ РЕФОРМА 474
«Вот мой брат-дистрофик» 475
Смерть жены 485
Наш Дэн Сяопин? 492
Горбачев против предсовмина 503
Появляется сменщик 516
«А ты был на том свете?» 521

Часть восьмая. ПЕЧАЛЬНЫЙ ФИНАЛ 527
Тост, произнесенный на коленях 528
Любовь к бриллиантам и красивым мужчинам . . . 538
Таблетки больше не помогают 550
Старческий эгоизм 557
«Хочу на отдых» 574
«Малая Земля» в литературе и на сцене 592
Поездка на завод с трагическими последствиями . . . 605

Основные даты жизни и деятельности Л. И. Брежнева 618

Млечин Л. М.

М 72 Брежнев / Леонид Млечин. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 620[4]с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1125).

ISBN 978-5-235-03114-2

С именем Леонида Ильича Брежнева связана целая эпоха в истории Советского государства. Общество, уставшее от волюнтаризма Н. С. Хрущева, встретило его приход к власти с надеждой. Новый лидер имел большой опыт, участвовал в Великой Отечественной войне, входил при Сталине в состав руководства страны. И действительно, при Брежневе оборонное могущество и авторитет СССР обеспечили стабильность и равновесие сил в мире, стали препятствием на пути США к геополитическому господству. Советские граждане почувствовали уверенность в завтрашнем дне. Но вместе с тем в последние годы жизни Брежнева утвердился такой стиль управления страной, при котором стали возможны фатальные ошибки и просчеты. В чем вина, в чем беда этого человека, оставившего после себя груз проблем, решение которых его наследникам оказалось не под силу? На эти вопросы пытается ответить известный писатель и историк Леонид Млечин.

УДК 323(092)(47+57)
ББК 66.3(2Рос)8

Млечин Леонид Михайлович

БРЕЖНЕВ

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **И. И. Никифорова**
Художественный редактор **А. Ю. Никулин**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Л. М. Марченко,**
Г. В. Платова, Т. В. Рахманина

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 02.10.2007. Подписано в печать 14.02.2008. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 32,76+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 74902.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://mg.gvardiya.ru. E-mail:dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03114-2

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

М. Филин
«АРИНА РОДИОНОВНА»

А. Митрофанов
«ГИЛЯРОВСКИЙ»

К. Давид
«КАФКА»

Г. Пржиборовская
«ЛАРИСА РЕЙСНЕР»

Ю. Зобнин
«МЕРЕЖКОВСКИЙ»

А. Кобринский
«ДАНИИЛ ХАРМС»

Н. Старосельская
«НАТАЛЬЯ ГУНДАРЕВА»

А. Кудря
«ВАЛЕНТИН СЕРОВ»

Н. Будур
«КНУТ ГАМСУН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
http://mg.gvardiya.ru. dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Бондаренко
«МИЛОРАДОВИЧ»

Э. Матонина, Э. Говорушко
«К. Р.»

Н. Павленко
«ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ»

Е. Анисимов
«ИВАН VI АНТОНОВИЧ»

А. Пензенский
«НОСТРАДАМУС»

Б. Соколов
«ТУХАЧЕВСКИЙ»

В. Голованов
«НЕСТОР МАХНО»

Р. Скрынников
«ЕРМАК»

Ж. Аттали
«КАРЛ МАРКС»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
http://mg.gvardiya.ru. dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

ЖЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

КНИЖНАЯ СЛОБОДА
ЖЗЛ
ЕТР I
ТОЕВСКИЙ
УКОВ
КНИЖНАЯ

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».
Телефоны: 8(499) 972-05-41, 8(495) 787-64-77.
http://mg.gvardiya.ru E-mail:mol_gvard@mail.ru

ISBN 978-5-235-03114-2

9 785235 031142 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЖЗЛ

БРЕЖНЕВ

Леонид Млечин